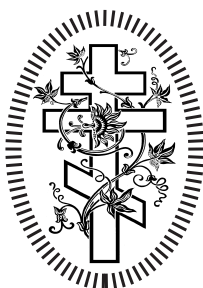

РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Серия главных книг самых выдающихся русских этнографов и знатоков народного быта, языка и фольклора, заложивших основы отечественного народоведения. Книги отражают главные вехи в развитии русского образа жизни – понятий, обычаев, труда, быта, жилища, одежды – воплощенного в материальных памятниках, искусстве, праве, языке и фольклоре:

Ярослав Мудрый	Гильфердинг А. Ф.	Миллер О. Ф.
Нестор Летописец	Глинка Г.	Надеждин Н. И.
Владимир Мономах	Громыко М. М.	Пассек В. В.
Русская Правда	Даль В. И.	Потебня А. А.
Нил Сорский	Державин Н. С.	Пропп В. Я.
Иосиф Волоцкий	Драгоманов М. П.	Прыжов И. Г.
Иван Грозный	Ермолов А. С.	Риттих А. Ф.
Стоглав	Ефименко А. Я.	Ровинский Д. А.
Домострой	Ефименко П. С.	Рыбников П. Н.
Соборное Уложение	Забелин И. Е.	Садовников Д. Н.
Азадовский М. К.	Забылин М.	Сахаров И. П.
Аничков Е. В.	Зеленин Д. К.	Снегирев И. М.
Антоновский М. И.	Кайсаров А. С.	Срезневский И. И.
Анучин Д. Н.	Калачов Н. В.	Сумцов Н. Ф.
Афанасьев А. Н.	Калинский И. П.	Терещенко А. В.
Барсов Е. В.	Киреевский П. В.	Толстой Н. И.
Батюшков П. Н.	Коринфский А. А.	Фаминцын А. С.
Безсонов П. А.	Костомаров Н. И.	Флоринский Т. Д.
Бодянский О. М.	Кулиш П. А.	Худяков И. А.
Болотов А. Т.	Ламанский В. И.	Чулков М. Д.
Будилович А. С.	Максимов С. В.	Шангина И. И.
Бурцев А. Е.	Максимович М. А.	Шейн П. В.
Буслаев Ф. И.	Мельников П. И.	Шергин Б. В.
Веселовский А. Н.	Метлинский А. Л.	Якушкин Е. И.
Гальковский Н. М.	Миллер В. Ф.	Якушкин П. И.

АЛЕКСАНДР ТЕРЕЩЕНКО

**БЫТ РУССКОГО
НАРОДА**

ТОМ II

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2014

УДК 930

ББК 63.5

Т 35

Терещенко А. В.

Т 35 Быт русского народа: В 2 т. Т. 2. Ч. IV–VII // Сост. и отв. ред.
О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. —
Т. II. — 864 с.

В издании полностью публикуется главный труд выдающегося русского этнографа и археолога Александра Власьевича Терещенко (1806–1865) «Быт русского народа». Это произведение является настоящей энциклопедией русской жизни ушедших эпох.

Русскую этнографию Терещенко рассматривал как постоянно развивающуюся науку, а свой труд о быте русского народа – как начало исследования, в котором примут участие многие ученые. «Изложить быт народа, – писал он, – сколько можно с должной верностью нет возможности одному человеку: это труд многих. Я старался представить его, сколько мог по моим силам, и отнюдь не думаю, чтобы мой труд не был изменен даже в самое короткое время и надобно желать, чтобы любители отечественного дополнили его новыми, еще <более> богатыми источниками».

Во второй том вошли часть четвертая этого труда, посвященная играм (забавам, хороводам), часть пятая, рассказывающая о простонародных обрядах, таких, как встреча Весны-красны, празднование Красной горки, Ивана Купалы, о том, как справляли обжинки, братчины, Радуницу, как отмечали бабье лето. Часть шестая этой книги, посвященная обрядным праздникам: неделе Ваий (Вербной неделе), Пасхе, Русальной неделе, Семику, Троице, Первому апреля, Первому мая, и заключительная, седьмая часть, в которой дано подробное описание Святка и широкой Масленицы.

Печатается по оригиналу 1847–1848 годов.

ISBN 978-5-4261-0092-3

© Институт русской цивилизации, 2014

Часть четвертая

ЗАБАВЫ. ИГРЫ. ХОРОВОДЫ

**Игры детские — Игры девические — Игры
мужеские — Игры обоего пола — Весенние
хороводы — Летние хороводы**

ВСТУПЛЕНИЕ

Невозможно представить все разнообразие наших забав: они так многочисленны и переменчивы, что трудно собрать их в одно, подвести под один уровень увеселений, чтобы вывести о них общее заключение. Простой народ, сохраняя поверья и обычаи предков, слил их с привычками своими. Иностранцы весьма превратно изображали наши игры; не зная нашего языка и мало заботясь о верности изложения, они включали в свои дневники все без разбора. Довольно взглянуть на несколько современных известий иностранцев, чтобы убедиться в их невежественном описании. Окружив себя книгами иностранными, не заслуживающими доверия, они выписывают из них, что им вздумается, и говорят, <будто> сами все видели. Забавы нашего народа, отражение истинного и неподдельного их веселья, могут быть описаны не иначе как с действительной картины их жизни.

В теплое время собираются перед домом мужчины и женщины, молодые и девушки. Сначала мужчины приветствуют друг друга снятием шапки с головы, а женский пол встречает их улыбкою или вопросом о здоровье; потом садятся рядом на лавке у дома. Если бы не достало места для женщин, то сами старики встают и просят их садиться. Женщины

уважаются повсюду, во всех состояниях. Молодые перешептываются между собою, старики усмеваются и говорят им с простосердечным хохотом, что их подслушали. Тогда начинается разговор живее, беседа откровеннее, и перестают чуждаться, подступают ближе друг к другу и делают общий круг. Является балалайка, и все раздвигаются. Девушки ожидают с нетерпением приглашения. Везде девушки начинают первые, и везде они <имеют> свои права.

Молодец, который всех посмелее, выступает вперед и, сняв шапку, просит красавицу повеселиться с ним. Все общество в праздничных нарядах: мужчины в кафтанах, красных рубашках с отворотами и шапках набекрень. Девушки в сарафанах, белых рубашках с длинными рукавами и белым платком в руке. Еще не начинается пляска, а только заохочиваются к ней. Тут мальчики мешают всем: они отвлекают общее внимание своею беготнею и играми, в коих нередко принимают участие и взрослые. Девушки расходятся, образуют свой круг и замышляют свои забавы; женатые отделяются от них, идут в сторону; одни старые остаются перед домом и ведут разговоры о своих занятиях: все расходятся, и, казалось бы, веселью конец. Тут-то оно <и> начинается: резвые и беззаботные шалуны затевают своих лошадок и запуски, парни сбивают городки, девушки скачут на досках. Когда поразвеселятся, тогда затеваются общие игры, в которые не принимают только детей; последние не жалеют об этом, потому что они имеют свои собственные, им одним принадлежащие. Но девушки и мужчины кроме общих забав имеют также свои отдельные: тогда парни не вмешиваются в девические, а девушки в мужеские игры. Пол и возраст отделяются друг от друга, а потому проистекает само по себе естественное разделение игр.

І. ИГРЫ ДЕТСКИЕ

Детский возраст любит беззатейные, нехитрые игры, но в них скрывается или поучение, или выражение их возраста.

СОРОКА

Сорока – повсеместная забава. Ею веселят малышей и маленьких детей. Матери или няньки, посадив ребенка на свои колени или поставив его подле себя, перебирают по пальцам дитяти и ласкают, чтобы оно не плакало, приговаривая: «Сорока, ворона, детям кашку варила: одному дала, другому дала... – И, защекотав под мышкой, произносят скоро: – А третьему не дала. Сорока улетела!» В Малороссии говорят: «Сорока, ворона, на припичку сидела, дитям кашу варыла; одному дала, другому дала, сёму дала, сёму дала, а сёму не дала – гай! гай! Сорока улитила». Защекотав ребенка, пробуждают в нем смех и после заставляют его повторять то же самое. При успешном повторении дитяти целуют его всякий раз. Эту забаву продолжают, пока дитя развеселится.

В некоторых местах говорят: «Сорока, ворона, детям кашу варила, на пороге студила. Тому дала, тому дала, тому шейку урвала и полетела! Суха, суха!...» Забавляют еще так: «Сорока, сорока, кашку варила, на порог скакала, гостей смекала. Гости на двор – кашку на стол; гости со двора – кашка со стола. Этому дала, этому не дала; этому досталось, этому не досталось: который мал, который дрова не таскал, который печку не топил, который щи не варил, который за водой не ходил. Шу, полетела! И хвостиком завертела».

«Ладушки, ладушки! Где были?» – «У бабушки! Кушали оладушки». – «Что ели?» – «Кашку». – «Что пили?» – «Бражку». – «Кашка слатенька (сладенька), бражка пьяненька». При укачивании детей поют протяжным голосом:

Воркуй, воркуй, голубчик,
Воркуй, сизенькой.
Двором летишь, воркуешь;
Шатром летишь, слушаешь.
А кто в шатре говорит?
Говорит в шатре брат со сестрой,
Родимой со родимой.
– Сестрица моя родимая!
Пойдем гулять

Во зеленой сад.
Сорвем в саду по цветку,
Совьем себе по венку.
Понесем венки к бабушке,
К родимой матушке.
— Сударь ты мой, бабушка,
Сударыня ты моя, матушка,
Который венок алее?
Который из нас милее?
— Дитя мое милое!
Все венки алые,
Все дети милые.

Иногда забавляют детей причитаниями:

У котика, у кота,
Была мачеха;
Она била кота,
Приговаривала;
На все стороны
Кота оборачивала.
Дайте коту папы
На задние лапы.
— Ешь, котик, не кроши;
Больше папы не проси¹.

¹ У венгерских словаков наша сорока известна под именем детской каши. Мамка или нянька, взяв ручку дитяти, бьет указательным пальцем по его ладони или крутит пальцем по ладони, представляя этим, что она мешает кашу, и приговаривает каждый раз:

Наварила мамичка кашички,
Подьте сем, подьте сем, мои деточки!
Тому-то дала на миштичку,
Тому-то на панвичку,
Тому-то на танерик,
Тому-то на лыжечку,
Тому-то на видличку.
А тому-то наименьшему нич не дала,
Але му прасятко заклjala:
Кик! кик! кик!

ЛОШАДКА

В праздничные дни, особенно летом, всегда и повсюду встретите мальчишек с веревочками в зубах, бегущих по два или по три, схватясь за руки, представляя из себя лошадок. Ими правит бой – кучер, который неумолчно хлопает плетью и кричит на них. Эта игра есть одна из любимых для крестьянских детей. В деревне едва станет ходить мальчик, уже он возит истоптанный лапоть или ездит верхом на палочке; поит своего коня, ставит его в конюшню, дает ему овса и чистит его. Когда может уже бегать по улице, тогда он с восторгом снаряжает тройку, которая иногда впрягается в тележку, и на ней помещается кучер. Тройка бежит сначала тихую рысью, потом несется, бьет и опрокидывает повозку. Ушибленный кучер забывает о своей боли: он бежит за лошадьми, останавливает их, гладит каждую по головке и внимательно рассматривает: не засеклась ли которая? Мочит им ноги водою, а о себе не думает. Эта игра выражает страсть ямщиков к своему занятию.

Играют в лошадки еще проще: садятся мальчики и девочки верхом на палочке и, воображая себе, что они едут на лошадке, зануздывают ее шнурочком или веревочкою, хлещут плетью, а за неимением ее – тонким прутиком, сворачивают свою головку на сторону, скачут галопом или во всю прыть и кричат: «Пошел! Пади!» Девочки не так охотно разъезжают на лошадке, как мальчики, обнаруживая собою с детства, что это не свойственно их полу, – потому они предоставляют ездить мужчинам.

ПЕРЕГОНКА

У детей более взрослых составляет любимую еще забаву бегание вперегонку. Играющие перегоняют друг друга, и кто кого перегонит, тот хвалится с самодовольствием. В этой

игре принимают участие девушки. Перегонка служит к телесному укреплению и развитию проворства. Эта игра называется в Малороссии «*выпередки*».

КЛЁЦКИ

Дети, которым запрещено отлучаться от дома, собираются подле ворот и играют в клёцки. Образовав из большого и указательного пальцев круг, пропускают сквозь него свою слюну. Кто, пропуская слюну, уронит ее на какой-либо палец, тот получает название *клёцки*. Тогда все начинают дразнить его: «Клёцка, клёцка; прокислая клёцка, клёцка!» Он бежит за ними и ловит; кого поймает, тот делается клёцкою, который потом ловит их точно так же, как и первый. Игра продолжается, пока не набегаются вдоволь. Она составляет одну шалость детей.

ПЕНЬ

Дети обоего пола взбираются на новые избы, имеющие один только потолок, или на другое какое-либо здание с одним потолком. Вскрабавшись по лестнице, становятся четверо по углам, а пятый, став посредине, прыгает на обеих ногах и поет:

Пень, пень, дай конопель.
Трошку, горошку –
Масла с ложку.

При последнем слове все меняются местами, *пень* же старается захватить чье бы то ни было место, потерявший же его играет пня. Игра продолжается, пока она не наскучит; но кто остался в последний раз пнем, тот долго носит это название. Игра в пень хотя есть детская резвость, однако ею выражается дурачок.

ТЕРЕБИТЬ НОС

Дети-шалуны, наскучив какой-либо игрою, бросаются друг на друга, толкают, кричат, бегают, падают, ушибаются – этого мало, этого им недовольно: они ищут других ощущений. Кто порезвее, тот вызывает к новой забаве – теребить нос. Становятся друг против друга и кричат: «Начинай!» – «Нет, ты начинай». Тут один начинает спрашивать, а другой отвечает ему: «Чей нос?» – «Савин». – «Где был?» – «Славил». – «Что выславил?» – «Копейку». – «Куда дел?» – «Пряник купил». – «С кем съел?» – «Один». При этом слове спрашивавший хватается за его нос, подергивает во все стороны, приговаривая: «Не ешь один, не ешь один». Если подергиваемый скажет тогда: «Съел с тобой», – то нос его оставляют в покое. Случается, что неотвязчивые шалуны до того наклеивают носы, что долго-долго помнят их. И кто забывает носы? Многие водят за носы, а многие натягивают их так длинно – что ваш немецкий!

Эта игра, по-видимому, ничего не объясняет собою, но, вникнув в нее, видим носы, которые слышатся непрерывно: то за нежные вздохи и любовные делишки, то за дурачество и житейские промахи – одним словом, повсюду носы, кто не получал их? Обращаюсь к вам, не сердитесь за нос. Без носа нельзя быть. Без носа только дурные люди – фи! Нос! Нос! Дайте нос: без носа никто не может жить.

ЯРКА

Летом мальчики, собравшись вместе, выходят на поляну. Там копают в один ряд несколько ямочек расстоянием одна от другой на два вершка, а в конце ямочек делают одну большую. Один из играющих катит через ямочки в большую яму мяч, который, в чьей остановится, тот подвергается посмеянию: ставят его на колена, ерошат ему голову и поют ярку:

Ярка, не ярка,
Баран, не баранка:

Старая овечка, да не ярочка.
Вотитель, вотитель! Выше города плетень,
А на том плетне кузнецы куют;
Кузнецы куют, по головке бьют.

С последним словом, ударив мячиком по голове, разбегаются в сторону. Тот схватывает мяч и бросает в бегущих; кого *засечет*, тот должен катать мячик. Если сделает промах, то должен катать снова. Нападение врагов на бессильного и беззащитность последнего – не везде ли между людьми?

ХЛОПАНИЕ И ХЛОПУШКА

Каждый мальчик и каждое дитя, как только распустиятся у деревьев и цветов листья, срывает их для своей забавы: лист прикладывает к своим губам и, втянув в себя, разрывает пополам, производя этим громкое потрясение в воздухе, наподобие отдаленного выстрела. Этот треск так нравится детям, что они ходят по несколько вместе и щелкают поминутно, стараясь друг пред другом выказать свое искусство.

Поэт Анакреон воспел эту забаву, которая была любимой у греков.

Свертывают еще лист бумаги треугольником и хлопают им по воздуху, ходя и бегая. Дети любят пугать хлопушкой мух, особенно им нравится хлопать неожиданно по идущим. Гул от свернутой бумаги раздается довольно сильный.

В обеих этих забавах выражается склонность детей к военным занятиям.

КУКЛЫ

Делают изображения деревянные, представляющие девушек, мальчиков, малышей; всех их наряжают в платья и дарят девочкам, которые нянчат свои куклы, ходят с ними в гости или сами угощают их.

Эта игра составляет приятное препровождение времени для детей, но вместе с тем приучает девочек с малолетства видеть в себе самих будущих матерей. Под куклами они воображают своих малюток, а себя мамками, няньками и матерями. Сколько для них слез, если увидят, что кто-нибудь ударит их куклу! Они рыдают по ним, как нежные матери по детям.

ГОЛУБЬ

Один из проворных детей выбирается ястребом на всю игру или до ухода первого голубя. В первом случае он называется *вечный*, а во втором – с *хвостиком*. Играющие избирают из своей среды голубя и голубку, а все прочие составляют одних птенцов. Голубь летит собирать корм, голубка ожидает его с детьми. Птенцы просят хлеба, но его нет; они голодают, бродят и пищат. Прилетает самец и делит между ними пищу. Детки уже подросли; им не хочется сидеть дома; они пускаются летать по свету. Но повсюду есть враги, особенно для счастливого семейства. Летит ястреб и устремляется на них. Он похищает детей поодиночке: голубь и голубка тоскуют. Ястреб, не довольствуясь расхищением малюток, поражает сначала самца, потом самку и тем довершает истребление целого семейства. Бывает, что голубь убивает ястреба, но если он не одолеет его, тогда ястреб развертывает всю свою лютость – выражение мстительного врага, – поражает его в голову, рвет перья и распускает по ветру.

Расшалившиеся в этой игре дети хватаются крепко за платя и рвут друг на друге, не замечая этого.

Голубь и голубка со своими птенцами выказывают собою несчастное семейство, страдающее от лиходеев; семейство беззащитное, которое разоряют всякими неправдами.

ГОРОБЕЦ

Игра эта малороссийская; в нее играют преимущественно мальчишки. Составив круг из трех или более пар, берутся за руки и двигаются в одну сторону, припевая:

Горобеичко шпачку, шпачку!
Чы бував ты в садку, в садку?
Чы бачыв ты, як мак сиют?
Як мак сиют, як мак сиют!

Пропев это, движущиеся останавливаются: мальчики обращаются друг к другу и, сжав кулаки, размахиваются, как бы сеют мак, и бьют в такт по бокам друг друга по три раза с припевом:

Оце так мак сиют. (3 р.)

Потом составляют прежний круг и двигаются по-прежнему, припевая:

Горобеичко шпачку, шпачку!
Чы бував ты в садку, в садку?
Чы бачыв ты, як мак цвете?
Як мак цвете, як мак цвете!

Круг разрывается, мальчики обращаются друг к другу и, ударяя по щекам три раза то правой, то левой рукою, припевают:

Оце так мак цвете. (3)

Опять становятся в прежний круг и движутся по-прежнему, припевая:

Горобеичко шпачку, шпачку!
Чы бував ты в садку, в садку?
Чы бачыв ты, як мак трусят?
Як мак трусят, як мак трусят!

После этого быстро разрывают круг, бросаются друг на друга, схватываются за чубы, сталкиваются головами и припевают:

Оце так мак трусят. (3 р.)

В это время трусят друг друга не на шутку, только что не летят волоса. Смысл этой игры: потеха до ощутительных увеселений. Молодость не любит тихих удовольствий: ей давай, чтоб лоб трещал, волоса летели.

Еще поют иначе:

Шпачку, шпачку, воробеичку!
Чы бував же ты в мачку, в мачку?
Чы видав же ты, як мак сиют?
От так, так сиют мак.
Морковочку, постарнак.
Шпачку, шпачку, воробеичку!
Чы бував же ты в мачку, в мачку,
Чы видав же ты, як мак полют?
От так, так полют мак,
Морковочку, постарнак.
Шпачку, шпачку, воробеичку!
Чы бував же ты в мачку, в мачку!
Чы видав же ты, як мак товчуть.
От так, так товчуть мак,
Морковочку, постарнак.

ВОЛК И ГУСИ

Несколько детей становятся в один ряд, называясь гусями, и держатся за полы платья друг у друга; впереди них стоит бойкий мальчик, называющийся гусаком: он защищает прочих гусей от нападения волка, который старается унести гуся или гусенка. Волк не может хватать ни из середины, ни из первых, но должен уносить из конца. Он бежит дотол, пока не расстроит ряд и не схватит с конца, и таким образом продолжает ловить. Потом нападает на самого гусака и терзает его. Эта игра выражает значение голубя. Она преимущественно в употреблении в Литве и некоторых местах Белоруссии и Малороссии.

СЕРЫЙ ВОЛК

Избранный волк садится на бугорок и думает, как бы унести овечку из стада, которое, рассыпавшись по полю, щиплет себе спокойно травку. Когда волк бросается на овец, тогда они разбегаются во все стороны; пойманная им овечка играет уже серого волка. Иные играют еще так: когда овечки щиплют травку, тогда приговаривают: «Щиплю травку серому волку, серому волку на лопатку» – и бросают ему в глаза. Рассерженный волк бросается на стадо и терзает пойманную овечку.

Много на свете людей, подобных волкам.

В некоторых местах, именно в Смоленской губернии, играют в серого волка еще иначе. Дети выбирают среди себя волка и хозяйку: оба они должны быть проворные и сметливые. Остальные дети представляют собою гусей. Хозяйка гонит их в поле и потом возвращается домой. Волк садится на дороге, хозяйка, спустя несколько времени, сзывает гусей: «Гуси, лебеди, домой!» Гуси, выстроившись в ряд, кричат: «Боимся!» – «Чего?» – «Волк под горой». – «Что он там делает?» – «Сереньких, беленьких щиплет». Хозяйка не верит гусям и кричит, рассердившись: «Домой!» Они бросаются лететь, но волк перехватывает кого может, а прочие гуси прилетают домой. Хозяйка снова отправляет их в поле и потом снова приказывает возвратиться домой. Волк опять перехватывает гусей, и это продолжается до тех пор, пока он не переловит всех их и тем оканчивается игра. В Малороссии эта игра известна под названием «гуси». Из играющих избираются волк и хозяйка, остальные играют гусей. Волк сидит где-нибудь в стороне, а хозяйка, избрав место для своей хаты, гонит в поле гусей со двора. Когда отойдут гуси на довольноное расстояние, тогда зовет хозяйка:

Хоз<яйка>. Гуси, до дому!

Гус<и>. Вивк за горою.

Хоз<яйка>. Що робить?

Гус<и>. Гуску скубе.

Хоз<яйка>. Якую?
Вол<к>. Сиру, да билу, да волохнату.
Хоз<яйка>. Скорий же, мои гуси, до хаты.

Гуси летят домой, волк бросается ловить, и если поймаёт какую-либо, то ведёт её в свою нору.

Хозяйка опять гонит в поле гусей и опять зовет их по-прежнему. Это продолжается до тех пор, пока волк не переловит всех. Тогда хозяйка идет искать гусей своих и заходит к волку.

Хоз<яйка>. Здоров, куме.
Вол<к>. Здравствуй, кумо.
Хоз<яйка>. Чи не бачыв моих гусей?
Вол<к>. А яки твои гуси?
Хоз<яйка>. Була сира, булы й били, да з двора десь залетали; ось вже третий день шукаю.
Вол<к>. И не бачыв, и не знаю.

Хозяйка хочет идти, но волк останавливает её: «Вернысь, кумо, побалакаем». Хозяйка останавливается, слышит писк и сычение гусей:

Хоз<яйка>. Що се сычить, куме?
Вол<к>. Да се, кумо, лён товчуть.

Хозяйка идет домой, волк опять останавливает: «Кумо, побалакуемо». Хозяйка остается и слышит, гуси хлопают крыльями.

Хоз<яйка>. Що се таке, куме?
Вол<к>. Се плаття перуть.

Хозяйка идет, волк снова: «Да постий, кумо, побалакуемо». Хозяйка остается и слышит крик гусей. Она оборачивается в ту сторону, где слышит крик, и спрашивает:

Хоз<яйка>. А се що кричит, куме?

Вол<к>. Се гуси прилетали.

Иди подывись; може, тут и твои е!

Хозяйка отправляется смотреть и видит своих гусей. Все они сидят, сцепившись руками. «Познавай, кумо, де твои гуси». Хозяйка разнимает руки и говорит: «Оце мий, оце мий, а, крый Боже! Оце тутенька вси мои. Сирый вивк, шоб ты сгинув!» Она гонит своих гусей домой, и тем прекращается игра, но ее начинают снова, если захотят.

МЫШКА

Дети избирают из своей среды водыря, а прочие, называясь мышками, становятся по углам около дома или другого здания. В иных местах России мышка избирается из того, кто скажет нечет, и этот нечет занимает угол. Нечетов не должно быть много. Водырь, а в других местах он называется кот, ищет себе также угол, потом подходит к каждому и говорит: «Мышка! Продай угол». Ему отвечают: «Не продам». Когда ему скажут: «Обернись задом», – тогда он высматривает себе место и старается захватить чей-нибудь угол. В то время мышки перебегают из угла в угол и спешат не допустить к нему водыря. Лишившаяся угла мышка, делается водырем, или котом.

Кто хитрее, тот живет в чужом углу, как в своем.

КРЫНОЧКА

Предмет ее: крыночка с молоком, кот, котова бабушка и дети – все это доставляет удовольствие детским проказам. Детям хочется полакомиться молоком, но старая женщина, котова бабушка, сторожит молоко. Дети ласкаются около котовой бабушки, посматривают на молоко – старушка ворчит; кот искоса поглядывает и грозит запустит в них свои когти. Они выманивают его из избы. Дети хитрят: одни из них скрываются на полати, а другие начинают со старуш-

кою разговор. «Бабушка, где твой котик?» – «Пошел глотать кости на попов двор». – «Бабушка, а это чья нога?» – «Вора-плута, Натальина жениха». – «Бабушка, хочешь ли в нашу баньку?» – «Какая у вас банька, идите себе прочь». – «Не сердись, бабушка: у нас банька каленая; топили молодцы семь дней, а пару в ней для семи деревень». – «А какой веничек?» – «Веничек-то из шелку шамаханского». Бабушка идет в баню; дети принимаются за молоко и разбивают крыночку. Бежит кот и мяучит. Почуяла беду бабушка, и она бежит. Дети уходят; бабушка гонится за ними с серым котом. Первый словленный делается котовою бабушкою, а второй – котом. Потом опять начинается игра в прежнем порядке.

Все в жизни ищут удовольствий и наслаждений и потому для приобретения их нередко употребляют обманы и хитрости.

СУЧКА

Выкапывают не более в пол-аршина яму, называемую «сучка», которая представляет собою город. По краям ямы делаются для каждого игрока небольшие ямки, называемые «лунки», представляющие дома жителей. Одна половина игроков как защитников своего города вооружается вместо оружия палками. Другая половина, избрав среди себя вожатого, идет с ним на город. Избрание вожатого совершается с воинскою хитростью. Ставят палку на ногу и бросают ее вверх. Чья палка упадет от сучки дальше – тот игрок; чья ближе – тот вожатый. Игроки становятся у своих лунок с опущенными палками. Вожатый бросает палку в сучку, произнося: «Всы». Защитники города спешат отбить ее. Вожатый, попавший в сучку, сменяется другим, и преимущественно тем, который, стараясь отбить сучку, оставил свою лунку. Игра эта склоняет детей к военному упражнению. Мне случилось видеть, что в нее играли довольно взрослые парни.

В Смоленской губернии употребляется сучка более осенью. Делают из лык или дерева шар. Выбрав ровное ме-

сто, чертят на нем круг, а в середине и по окружности круга вырывают ямочки произвольной глубины. Однако наблюдают, чтобы вырытая в середине ямка была бы всех более. Каждый, участвующий в игре, занимает только свою ямку; но тот, кто по собственной воле или по жребию остался вне круга, тот катит шар, стараясь попасть в какую-нибудь ямку; стоящие подле них отбивают сучку. Во время отбоя катающий шар должен занять чье бы то ни было место; потерявший его выходит за круг и исполняет работу первого. Когда шар попадет в ямку посреди круга, тогда все должны поменяться местами, и кто потеряет его, тот отправляется катать шар. При этой игре требуются ловкость и проворство, как и при первой.

КЛИОК

Отрубок дерева в четыре вершка или несколько поболее называется кликом. Его ставят в кружке, называемом полем. Играющие конаются на палке: чья рука будет выше, тому первым бить клик; а чья ниже, тому пасти его в поле. От поля отмеряется условленное расстояние, которое отмечается чертою; из-за нее начинают бить, а пасущий ставит всякий раз сбитый клик. Кто попадет в него палкою, тот берет ее с собою; а кто не попадет, тот оставляет ее лежать, где она упала. По окончании сбивания пасущий бросает кликом в одну какую-нибудь из лежащих за полем палок, и в чью попадет, тому пасть. Кто же возьмет лежащую в поле палку до побития ее кликом, тот должен пасть, и это называется *кликовать*, то есть поставить за клик самого себя, и в него так же метят, как в клик. Бросающий в клик может выкупить себя от обязанности пасти, потому позволяется ему целить, и когда он целит, тогда кричат: «Выкупи себя, искупи себя!» Если играющие часто попадают, тогда беда пасущему: он бежит за сбитым кликом, ставит его; он падает, а над ним смеются: «Горячего! Горячего!» Это значит: поскорей, горячий клик. Часто утомляют его до того,

что он бросает ставить. Тогда гонят его со смехом и дразнят: «Клиок, клиок, горячий клиок!» В клиок играют собственно мальчики, которые допускают и одновозрастных с ними девушек. Эта игра, обнаруживающая меткость и проворство, принадлежит к телесным упражнениям.

ШНУР

Дети обоего возраста приучаются с малолетства прыгать ловко через шнур на всем бегу. Обыкновенно держат его позади спины и опускают каждый раз так, чтобы во время скачки перескакнуть, не задев его. Шнур составляет гимнастическое упражнение.

ВЕРЕВОЧКА

Это почти то же самое, что шнур. Двое, взявшись за концы веревочки, крутят ее проворно. В это время искусные попрыгуньи перепрыгивают через веревочку и продолжают прыгать, пока не заденут ногою.

Прыгание через веревочку есть любимое занятие детей в Париже. Однако оно и в Петербурге господствует между детьми, забавляющимися на дачах и в летнем саду.

БУМАЖНЫЙ ЗМЕЙ

Склеивают бумагу величиною в лист или полулист и перекрещивают его двумя деревянными пластинками, по большей части сосновыми. Вверху полулиста делают из трех ниток правильного размера рот; к нему прикрепляют шнур из сученых ниток, а внизу полулиста привязывают хвост из мочал или бечевки. Под ртом привязывают трещотки, склеенные из бумаги. Все это образует змея, которого пускают на шнуре, во время ветра. Он поднимается довольно высоко, сколько дозволит длина шнура. По этому шнуру посылают к змею вырезанные круглые бумажки, называемые *посланки*.

При сильном ветре змей извивается, вертится и кружится; от привязанного к нему языка и отправляемых *посланок* он трещит, гудит и кувырывается с ревом. Пускатель змея восхищается треском и его изворотами. Пускание змей подало Франклина мысль к исследованию воздушного электричества.

Скрытные друзья опаснее змей.

РЫБКА

Общая для мальчиков и девушек игра – это «Рыбка». Она совершается большею частью осенью, потому что во время летних работ все бывает занято. Играющие в рыбку вбивают колышек и к нему привязывают веревочку; около колышка набрасывают в кучку *ошметки*, то есть худые лапти, башмаки и сапоги, и сколько можно побольше. Все это представляет рыбу, которую должно воровать. Держащийся за веревку называется коноводец: он бережет рыбку, но ее вытаскивают из-под ног его; шумят, кричат и дразнят коноводца, который бьет ворующих ошметком. Всякий избегает обязанности коноводца, потому что, когда разнесут всю рыбку, тогда он убегает от побоев воров, чтобы спрятаться в каком-нибудь месте. Во время его побега бросают в него ошметками. Тем оканчивается игра, но при ней наблюдают следующие правила; кого ударит коноводец ошметком, тот должен водить; кто водит, тот обязан складывать около колышка унесенные ошметки и сторожить их.

«Рыбка» – не те ли самые лиходеи, которые обкрадывают своих соседей?

ТЮЗИК

Тюзик есть небольшая палочка длиною не более пяти вершков; с обоих концов она кругло подстругенная, чтобы при ударе по концу могла подскакивать вверх. Палка для тюзика готовится более аршина. Начинаящий игру кладет тюзик на черту, бьет по концу его, и если он подпрыгнет

вверх, то подбивает его на лету. Следующий за ним игрок идет к тому месту, где упал тюзик, бросает оттуда в черту, приговаривая: «Чур не отбить, не выкрут, не подкавырушки, как лежит, так и бить, не козлом воротить». Это приговаривает всякий, кто бросает тюзик. Если кто вбросит тюзик в черту, то он сам бьет его; если не вбросит, то бьет с того места, на которое он упал. Делают двенадцать ударов, кто ударит в тринадцатый, то говорят: «*Палка на баню*». Кто после всех сделает двенадцать ударов, тому *гонят куры*. Взяв в левую руку тюзик и положив на его спину, бьет каждый по три раза. Кому гнали куры, тот за всякие три раза отбивает назад тюзик только два раза, а третий раз он прыгает на одной ноге, к черте. Если он перегонит тюзик за черту, то прыгают на одной ноге все, *гнавшие куры* от тюзика к черте. Все они называются московскими курами. Есть еще петербургские куры, которые разыгрываются так: подбросив вверх тюзик одной рукою, бьют его той же рукою, только вкось.

Игра эта выражает насмешку на ветреность столичных куриц, которые прыгают всю свою жизнь, а под старость убираются в деревню на одной ножке.

ОРЕШЕК

Дети выбирают возвышенное какое-нибудь место: бугор, высокий край канавки, даже камень или лужу. Одна половина из играющих становится на избранном месте, замещающем крепость, а другая нападает на нее и старается выгнать из укрепления. Если осаждающие успеют занять крепость, то становятся на месте осаждаемых и кричат: «*Наш город Орешек!*» Вытесненные из Орешка начинают потом сами осаждать его, и дотоле продолжают осаду, пока не овладеют крепостью и не закричат в свою очередь: «*Наш город Орешек!*» Таким образом, переходит место беспрестанно, от одних к другим.

Игра «Орешек», по-видимому, одна детская шалость, но, вникая в нее, вы открываете, что это напоминание о взятии

крепости Шлиссельбург, который в древности принадлежал нам и назывался Орешком; потом шведы отняли его у нас и переименовали его в Нотербург (шведское слово, которое значит «орешек»); но по взятии его Петром В<еликим> он назвал его Шлиссельбургом (ключом города). Орешек, переходивший несколько столетий из рук в руки, памятен борьбою наших предков со шведами, пока Петр I не решил спор. Эта распря народов за обладание северно-западной страной сильно врезалась в память жителей этого края и преобразовалась в игру «Орешек», которая употребляется только в Шлиссельбурге (Петербургской губ.).

ТЕРЯТЬ

Весною, за несколько времени до захождения солнца, собираются дети обоего пола на зеленую траву или перед домом и, взявшись за руки, составляют круг, но таким образом, что лица играющих обращены к окружающим их предметам или, лучше сказать, оборачиваются спиной друг к другу и начинают кружиться в одну какую-либо сторону, с пением или без пения. Чтобы не оторваться от круга и потом не упасть, надобно уметь хорошо держаться за руку и иметь твердость в ногах; но как часто случается, что при кружении спотыкаются и после падают, то над падающим смеются, как везде. Упавший уже есть потерянный; его даже не принимают в игру; его теряют, почему называется терять. Выражение этой игры – просто детская забава.

ЛАСЫ

По выпадении первого снега дети катают из него шары, обливают водою и замерзшие эти шары, называемые ласами, продают *дурням*. Отсюда произошла поговорка «*точить ласы*» – то есть нести вздор. Ласы покупаются на бабки; играющие в ласы назначают особое место для рынка; сюда сходятся покупать коров. «Продай корову», – говорит один.

«Изволь», – отвечает другой и бросает ему ногой свою ласу. Непроданная ласа приобретается ловким попадом в нее бабкою; если не попадет в ласу, то сам платит бабками по сделанному наперед условию. Игра продолжается, пока кто не проиграет своих бабок.

Все купцы, которые обманами и нечестной торговлею хотят разбогатеть скоро, разоряются.

СНЕЖНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ

Если выпадет довольно снега, то дети тотчас спешат делать статуи и пещеры. Статуи бывают с головой, глазами, а вместо рук продергивают палки. Несколько изображений ставят в один ряд, ходят около них и любуются: чья выше и лучше. Потом начинается нападение на статую со стороны неприятелей: владельцы защищают, неприятель берет приступом и разрушает их.

Пещеры делаются также из снега: они бывают небольшие, круглые, с окошечками с двух сторон: на них также нападают, как на статуи.

Снежные изображения пробуждают в детях склонность к художественным занятиям, коих развитие зависит впоследствии от образования.

ВОЛЧОК

Продолговатая деревянная шишка с деревянным шпилем, или костяная с таковым же шпилем, называется волчком. Наматыв шнурочек на шпиль, вкладывают его в просверленную на деревянной лопатке дыру; потом дергают за конец шнурочка, выпущенного из-под шпиля, и пускают волчок по ровному месту, но более всего по деревянному полу. Выпущенный волчок делает прыжки, свистит и гудит.

Эта игра старинная и в большом употреблении; ею забавляются преимущественно в покоях осенью и зимою. Охотники пускают волчок по льду, но таковые охотники уже больше

нежели дети. Волчок служит к одному препровождению времени. В других местах волчок называется кубарем, которым так же играют, как волчком. Поговорка *«Он ходит кубарем»* произошла от кружения кубаря, описывающего круг, или, лучше сказать, он ходит кругами, делает круги и мыслит, изворачиваясь то в одну, то в другую сторону.

II. ИГРЫ ДЕВИЧЕСКИЕ

МАК

Несколько девушек, собравшись на лугу, в поле или около домов, назначают одного какого-либо мальчика земледельцем, сажают его посредине своего круга и, взявшись за руки, поют:

Маки, маковычки,
Золотые головочки!
В подзагорьи зеленый мак.
Маки, маковычки,
Золотые головочки!

После они спрашивают земледельца: поспел ли мак? Тот отвечает, что он еще пашет землю для посева мака; после отвечает, что сеет, и продолжает высказывать, пока он созреет. При каждом ответе девушки поют прежнее, пока он не скажет, что поспел мак. При этом слове они устремляются на земледельца и щиплют ему голову вместо мака. Эта игра преобразована из хороводной забавы *«Мак»*, и она означает расцветающую весну, в которую столько удовольствий для забав девушек и столько тягостей для земледельцев.

ГОРЕЛКИ

Употребляются во всей России. Вечернею порою собираются девушки на просторное место, на луг или в сад. Взяв-

шись за руки, становятся попарно в кружок; одна, избранная из них, должна гореть: она помещается в середине и стоит как бы без всякого внимания. В это время прочие разбегаются в разные стороны попарно, и кого она успеет разлучить, та занимает ее место.

Дети играют иначе: впереди стоит тот, кто должен гореть, а позади него две пары. Горю бежит впереди, за ним, на несколько от него шагов, те обе пары, которые держатся руки. Он оборачивается, хочет схватить кого-нибудь; пара разрознивается, бежит в сторону; он не допускает им соединиться, бегают за ними, но они схватились за руки, и, конечно, над ним смеются, хохочут и опять заставляют его гореть. Если же он поймает одного от разлучившейся пары, то разлучившийся играет горю, а сам он становится на его место, и таким образом продолжается игра, которая, доставляя случай резвиться детям, укрепляет тело, и потому детские горелки есть не что иное, как беззаботное и веселое беганье.

Еще играют в горелки иначе: одна из девушек становится среди комнаты и говорит жалобным голосом: «Горю, горю на камешке; кто любит, тот сменит меня». Если нет отзыва, то она сгорает от любви. Но на ее призыв подходит мужчина, берет за руки и целует ее. Сам он становится на ее место и говорит то же. Любящая его немедленно сменяет. Эта игра, собственно, для девиц, но она допускает в свой круг молодых людей, которые пользуются случаем к изъяснению своих чувств. Каждая забава девиц имеет свои увертки, оправдания и обман; но тут самые строгие и опытные матери, ловко проводимые своими дочерьми, хвалятся, что их дочери резвятся только.

Любовь давно тревожит сердце девушки, а девушка давно ищет мысленно им любимого и горит к нему. Для девицы не существует «нет». В ее воображении создается заранее предмет. Девица в шестнадцать лет – не тронь меня: она тогда еще нерешительная, боязливая, а в восемнадцать лет – задумчивая, мечтательная и вспыхивает как порох.

ЛЫЧКИ

Эта игра изобретена деревенскими девушками для безопасного их целования с парнями. Одна из девок берет по числу парней лыка, перегибает их поперек через указательный палец и спутывает концы; потом подзывает к себе парней и девушек и предлагает им выбирать любой конец. По разобрании всех концов она пропускает их сквозь пальцы, и те, которые держатся за концы, должны целоваться.

СИЖУ-ПОСИЖУ

Любовь везде с проделками и в этом разе составляет любимую игру девушек «*Сижу-посижу*», потому что в ней представляется случай полюбезничать и поговорить вдоволь с тем, кого любишь. О, это много для влюбленных. Девушки и мужчины садятся на лавках в кружок или на ковре, постланном на полу. Одна девушка, с завязанными глазами, как слепой амур, ходит в кругу и говорит:

Братцы, сестрицы,
Примите меня!

Сидящие молчат; она продолжает просить:

Душенька сестрица,
Миленький братец,
Примите меня!

Ей отвечают: садись с нами, миленькая сестрица. В других местах говорят: иди, садись с нами. Она идет, садится кому-либо на колени и говорит: «*Сижу-посижу*». У кого она сидит, тот должен молчать, а сторонние спрашивают: у кого она сидит? Если отгадает, то тому играть *сижу-посижу*. Случается, что девушка сидит да посиживает на коленях милого ее сердцу, притворяясь незнанием – лукавство женское!

Мужчины хохочут и бьют в ладоши, а девушки досадуют и с завистью смотрят на подругу.

БЕЗ СОЛИ СОЛЬ

Эта игра резвая и редко проходит без ссоры. Девушки бросают между собою жребий: кому из них сидеть с завязанными или зажмуренными глазами, а кому ловить и перескакивать через ноги с закрытыми глазами. Доставшимся участь сидеть садятся друг противу друга с протянутыми ногами, зажмурив глаза и заложив за спину руки. Прочие девушки, приговаривая: «Без соли соль», перескакивают им через ноги; сидящие должны ловить. Словленная часто огорчается, говоря, что ее поймали с открытыми глазами. Начинаются упреки, за упреками укоризны. Но старушки, наблюдающие за играми, мирят их. Пойманная садится на месте словившей, и игра продолжается снова. Обе эти игры: «*Сижу-посижу*», «*Без соли соль*» означают скрытную любовь девушки.

ЖМУРКИ

Игра в жмурки не есть принадлежность одних девушек, но детей и взрослых молодых людей. Играют в летнее время и зимние вечера. В Великороссии она превращена в действующее лицо *слепого козла*, а в Малороссии – в Панаса. Одной из девушек завязывают глаза, ведут ее к дверям и ставят вместо слепого козла. Тут козел стучит ногами, бодает рогами в дверь; на его стук сбегаются, бьют по его спине ладонью и, переменяя голос, говорят: «Афанас, не бей нас; Афанас, ходи по нас». Часто не все девушки спрашивают, а только бьют, бегая около него и, когда он поворотится, разбегаются во все стороны. Козел должен ловить их, потому в это дело избирают прыткую и изворотливую. Несметливая девушка гоняется до поту и не может словить. Тогда из одного сожаления к ней сменяют другою. Во время действия рассерженный козел бежит по комнате, скачет через стулья, столы, скамейки, все опрокидывает или сам падает. Около него прочие

кружатся и постоянно раздражают новыми побоями, насмешками и криком. Резвое и безотчетное беганье доставляет неизъяснимое удовольствие молодости. Весьма часто случается, что в жмурки допускают молодых мужчин, и тогда преимущественно избирают из них козла. Пойманный в игре сменяет козла.

В Малороссии Панас – то же самое, что Афанасий – отводится к дверям с завязанными глазами. Панас получает удары с приговором: «Панас, Панас, не ходи по нас. Панас, узнай нас, Панас, лови нас». Он бросается ловить и ловит ту, которую любит, и как бы нечаянно жмет руку или держит, ухватив ее. Замечено, что влюбленные более всех играют. Над ними смеются, но любовь ничего не видит. Жмурки есть олицетворение скрытной, но пламенной страсти. Любовь и в игре находит свое место, и то не игра, где нет ее.

По некоторым селениям жмурки называются «Кулюкушки» и «Кулючки», и это преимущественно в Пензенской губернии. Там после конания (жеребья), кому играть, завязывают глаза, или вместо конания один из игроков марают сажею свой палец и, зажавши его с прочими, подходит ко всем и предлагает выбрать любой палец, и тот, кто возьмется за осаженный, тому завязывают глаза платком или нахлобучивают на глаза шапку, подводят к дверям, а иногда толкают со смехом, говоря: «Ступай в кут, там блины пекут, тебе блин дадут». Подошедши к дверям, он стучит, а его спрашивают: «Кто там?» – «Дядя Тарас». – «Ходи по нас, не открывай глаз». После этого сами ходят тихо около дяди Тараса, прижимаются, прячутся. Он бросается во все стороны: по стуку, беготне и смеху. Поймавши кого-либо, он должен отгадать имя его; если не отгадает, то снова дядя Тарас. Поймавши двух или более, ему говорят: «Пень да колода», – и он отпускает их. Когда поймает одного и назовет его по имени, тогда занимает его место пойманный.

КОТИКИ

Они имеют большое сходство с жмурками. Одному завязывают глаза и ставят его посредине комнаты, все прочие

делают около него круг. Составляющие круг принимают название цветов и растений: розы, терновника, чертополоха и проч. С завязанными глазами, при произнесении слова *счет*, показывает рукою на себя или на играющих поочередно, но при последнем слове «*счет!*», на кого он покажет, тот выходит из счета играющих. Тогда остальные приговаривают: «Шли кони по выгори, по выгори. А чем они попутаны, попутаны? Золотым путем под копытом – брыз!»

Все разбегаются, а с завязанными глазами ловит их. Если он поймает и отгадает пойманного им, то последний заступает его место.

ПЕРВЕНЧИКИ

Несколько девушек, сев в кружок, кладут на колени своей подруги по два пальца. Проворная из них произносит бегло: «Первенчики, друженчики, тринцы, волынцы, поповы ладынцы, цыкень, выкинь». Если *выкинь* падет кому-нибудь на один из пальцев, той начинать игру. Предусмотрительные выдергивают свои пальцы прежде, нежели произнесется «выкинь». Хитрые девушки иногда мучают свою подругу весьма долго.

Беззаботная жизнь девушек, которые наслаждаются ею кратковременно.

КОРАБЛЬ С МЕЛЬНИЦЕЙ

Девушки избирают среди себя двух ловких и голосистых. Одна из них становится посреди избы, другая ходит по ней, а прочие рассаживаются по местам. Ходящая по избе подходит к одной из сидящих, берет ее за руку, водит по комнате и поет, сначала одна:

Как по нашей речке,
Быстрой и глубокой,
Плывут, летят кораблики

Из моря далека.
Все прочие кораблики
В городах остались:
Они грузны сверху до дна
Бархатом и шелком.
Теперь его раскупают
Купцы да бояре,
Своим дочкам в приданое,
Женам на наряды.
И к нам плывет
Корабль быстрый,
И нам несет
Платков да нарядов.

Обращаясь к той, которую водит за руку:

Плыви, плыви, кораблик наш,
Поспешай скорее;
Привези нам посвежее
Заморских товаров.

Она останавливается перед той, которая стоит посре-
д комнаты, и стучит ногой три раза. Та спрашивает:
«Кто там?» – «Корабль». – «Что привез?» – «Мельницу». –
«О сколько поставов?» – «Об одном». В это время стоящая
берет за руку ту, которую привела ходящая; ставит ее вме-
сто корабля по правую свою руку и начинает петь, топая
правую ногой об пол; за ней поют все сидящие топая, также
правую ногой:

Мели, мели, мельница,
Мели, не ленися;
Намели ты солоду
Девушкам на бражку.

По окончании этого назначенная ходит по комнате, идет
опять к сидящим своим подругам, берет за руку одну и них и
ходит с нею по комнате, снова запевая прежнюю песню:

Как по нашей речке,
Быстрой и глубокой
и пр.

Сидящие и стоящие, топая правую ногой, поют всю эту песнь вместе с нею. Когда же пропоют конец песни:

Плыви, плыви, кораблик наш,
Поспешай скорее;
Привези нам посвежее
Заморских товаров, –

тогда, приведшая подругу за руку, опять останавливается перед стоящей посреди избы и топает три раза ногою. Вопросы и ответы одни и те же, как и прежде, исключая того, что на вопрос стоящей: «О сколько поставов?» – ходящая отвечает: «О двух». Тогда первая принимает к себе приведенную, составляющую также корабль, и сколько бы ни было приведенных, то все они именуются кораблями, топает об пол обеими ногами и поет, за нею все остальные:

Мели, мели, мельница,
Мели, не ленися;
Надери ты крупки
Да гречишной мучки
Девушкам на кашку,
На блины, оладьи,
На мягкие, на сладкие
Сдобны черепенники¹.

Пропевши это, все продолжают топать ногами, а ходящая подходит снова к сидящим, берет ту, которая ей понравилась, и запекает ту же песню:

Как по нашей речке...
и пр.

¹ Черепенники пекутся в черепнях из крутого гречневого теста.

С нею поют все прочие, продолжая топанье. По окончании песни ходящая опять останавливается перед стоящей, топает три раза ногой; разговор ведется прежний, только на вопрос: «О сколько поставов?» – та отвечает: «О трех». Тогда стоящая, принимая по-прежнему приведенную правой рукой, ставит ее в ряд с другими приведенными, ударяет левой рукой об бедро, начинает петь, за ней все прочие:

Мели, мели, мельница,
Мели, не ленися;
Намели ты мучки оржаной, овсяной,
Да еще гороховой;
Чтобы девки – внучки –
Бабушке сварили:
Из овсяной киселька,
Из оржаной испекли
Кислинького хлеба;
Из гороховой лепешку,
Сладку заваритку¹.

По окончании песни ходящая опять подходит к сидящим. Между тем продолжается стуканье ногами и левой рукой. Она берет по-прежнему одну из девушек и ходит по комнате, начинает петь ту же песнь, ей повторяют со стуканьем все другие:

Как по нашей речке...
и проч.

Под конец песни подходит к стоящей посреди избы и вступает с нею в прежний разговор, с тою разницею, что на вопрос стоящей: «О сколько поставов?» – та отвечает: «О четырех». Тогда стоящая, поставив приведенную в ряд с прежними, ударяет правой рукой о другое бедро и поет вместе с другими, которые топают ногами об пол и бьют руками об свои бедра.

¹ Саламата. Ее делают не только из муки гречневой, но и из гороховой, хотя редко.

Мели, мели, мельница,
Мели, не ленися:
Намели ты мучки:
Полбинной, ячменной,
Пшеничной крупчатой.
Из полбинной напечем
Пирогов да сытных;
Из ячменной сделаем
Сдобный, сладкий курник¹;
Из пшеничной мы напечем
Пирогов с начинкой;
Кокурок, лепешек
В масле наваляем;
Из крупчатой накрошим
Меленькой лапшицы,
Да малинков² накатаем
Сдобных, рассыпучих;
Преженцев наваляем
Словно сахар сладких.
Мы ждем к себе в гости:
Дедушку да бабушку,
Батюшку и матушку,
Братьев и невестушек,
Сестриц со мужьями.
Когда наши гости
Будут всем довольны,
Не будут гневаться,
А будут любить,
Полюбя, дарити:
Платками, фатами,
Серьгами, котами,
Парчовыми рукавами,
Голубой китайкой,
Нанковыми шубами
Да кумачом красным.

¹ Круглый высокий пирог, начиненный куриными потрохами и яйцами.

² Малинками называют небольшие шарики из сдобного теста, приплюснутые сверху.

Теперь последняя из приведенных поет одна:

А где наши гости
Возьмут нам подарков?
Когда купцы – гости
Не везут товаров.

Вместо ответа назначенная ходить по комнате начинает
опять петь:

Как по нашей речке...
и пр.

С нею поют другие, продолжая топание и хлопанье;
она идет к сидящим своим подругам, берет за левую руку
одну из тех, которая держит в правой руке *мыкольник*, зара-
нее приготовленный и наполненный тряпьем разного рода;
дает знак головою сидящим, чтобы они встали и шли за ней.
Конец песни поют одни корабли, и когда все пропоют, тогда
пришедшая с подругами начинает петь вместе с ними весе-
лым голосом:

Не тужите, подруженьки,
Много не горюйте;
Скажу я вам весточку,
Весточку всем на радость:
Приплыл, приплыл кораблик наш
С моря-океана;
Привез с собой из-за моря
Красного товару.

Потом, толкая приведенную с *мыкольником* в средину
стоящих подруг, припевают:

Вот! Возьмите ваш корабль
С моря-океана,
Ну, извольте торговать,
Кому чего надо!

В это время все бросаются на корабль, вырывают у него мыкольник; хватают оттуда тряпье, покрытое сажей, и начинают им бросать: сначала в корабль, а после друг в друга, отчего все перепачкаются, по выражению играющих, как черти, и прекращают кидание, когда на тряпье не останется саж.

Выражение этой игры – расхищение иноземных товаров, продававшихся обманом. «Товар продается лицом» – была искони поговорка у новгородских купцов. Приезжавшие в Новгород гости с дурными товарами часто подвергались народному нареканию. Были случаи, что взволнованный народ грабил немецкий двор.

КОЛЕЧКО

Простая, но веселая забава. Снимают с руки кольцо, надевают его на ленточку и потом, связав концы ленточки, становятся в кружок и передвигают кольцо по ленточке. Одна из девушек, которая кружится, то есть ходит в кругу и отыскивает колечко, спрашивает: «У кого кольцо?» Каждая обманывает ее, говоря: «У меня», – и в это время на ее глазах старается передать другой. Кружащаяся хватает за руку, и открывается, что у нее нет. Между тем колечко показывают в другом месте; она спешит за ним; там передают другой. Эта игра требует особой ловкости и проворства. Случается, что ищущую доводят до того, что она закруживается от поисков.

Еще играют другим образом. Девицы, молодые дамы и мужчины становятся в кружок и передвигают кольцо по шнуру. Кому досталось искать его, тот ходит в кругу и старается заметить, где оно передвигается; но ловкость передачи заставляет ищущего бегать; смех и крик сопровождают неловкого. Пойманный им занимает его место и дает фант; игра продолжается дотол, пока наберется довольное количество фантов. Тогда садятся в кружок, и чей фант вынется, тот играет, например: купец, а если девица, то купеческая дочь. Купец идет в особую комнату, за ним запирают дверь;

он стучится. Один из сидящих подле дверей спрашивает: «Кто там?» – «Купец». – «Откуда?» – «Из города». – «Зачем? Или: чего надобно?» – «Купческую дочь». – «Какую?» Он именует девицу или даму. Если же она ему не знакома, то описывает ее уборы: она является. Он целует ее в руку, она его в щеку, и потом она разыгрывает его роль. Она тоже стучит; ее также спрашивают, как купца, и так продолжается, пока не разыграют все фанты. Колечко и кольцо – одно и то же, доставляет приятное, веселое шутивное рассеяние.

Простой народ в Жмуди играет в колечко гораздо проще. Садятся на скамейке около стены, и один кто-нибудь подносит играющим кольцо и говорит: «Возьми колечко, да не показывай». Когда он всех обойдет, тогда обращается к ищущему колечко и произносит: «Серги, верги, где блесит колечко?» Отгадавший, в чьей оно руке, садится на его место, а этот идет отгадывать или искать его.

КАМЕШКИ

Округленные глиняные камешки раскладывают девушки по полу и делают уговор: не мешать и не кричать. При этом произносят условные поговорки: «Уговорец всем делам родной братец; без уговора не садись, а на слово не вяжись; ни еду, ни лечу; а заеду – подхвачу» – и тому подобное, и потом заключают условие: играть, не воровать. В иных местах говорят: «Чур, играть, не воровать, без вороху, без промаху». Игра в камешки многосложная и оканчивается по большей части ссорой. Одна из девушек бросает камешки вверх и во время их полета старается захватить правую рукою несколько других, разбросанных по земле. Здесь великое искусство в том, чтобы камешек не упал на землю, игрок успел бы захватить другие и чтобы на лету схватить еще падающий. Девушки, завидуя ловкости своей подруги, мешают ей своими рассказами или нарочно кричат. Игральщица сердится, рука ее дрожит, и она делает промах.

Лучшие камешки доставляют из Киева и Ростова. Мужскому полу вменяется в стыд забавляться этой игрою, однако мальчики не смотрят на это.

В Малороссии игра в креймешки – та же самая, что в камешки. Садятся девушки на земле кружком и, положив перед собою несколько креймешек, по большей части каждая кладет перед собою по четыре, кидает один вверх, и пока он летит вниз, она должна захватить лежащий на земле и схватить падающий; потом она бросает тот креймешек, который сняла с земли, и хватает на лету другой, и таким образом продолжает, пока всех не переберет. Есть такие охотницы, что играют по целым дням.

Креймешки делаются из разбитой глиняной посуды и кафлей; округляют их величиною с грош, но не более пятака медного.

Играют еще в креймешки иначе. Делают круглые, величиною с голубиное яйцо, камешки; для этой игры употребляют только шесть. Играющие, садясь на пол, покрытый ковром, кладут на ковер кучкою пять креймешков, шестой бросают вверх, немного повыше головы, и должно успеть взять камешек с ковра и поймать падающий сверху. Играющая бросает сначала камешек поодиночке, потом все бросает вдруг и ловит; потом те же камешки перекладывает с одного места на другое, захватывает между пальцами, потом прокатывает под пальцами и продолжает бросать дотоле, пока не уронит креймешок. Тогда она лишается игры и передает другой, которая играет точно так же.

Зависть к счастью другого повсюду сопутствует. Будь счастлив хоть на былинку, и тогда позавидуют в свете.

Греки употребляли камешки в древности; от них эта игра распространилась по всей Европе, а к нам перешла от татар.

КОЛЫШКИ

Играют и девушки, и мальчики, но преимущественнее девушки. Девушки набирают себе маленьких подруг и сажая-

ют их в кружок вместо колышков, которые обращены лицом к кругу. За колышками стоит своя хозяйка. Начинается продажа колышков; покупатель обращается к хозяйке и говорит: «Кума! Кума! Продай колышки». – «Купи», – отвечает кума. «А что стоит?» – «Кочан капусты, да веник, да рубль денег». – «Вот тебе кочан капусты, да веник, да рубль денег». – «Ну, по рукам – да в баню». Ударяют по рукам и бегут вокруг колышков: хозяйка в правую сторону, а покупатель в левую. Обежавши вокруг, возвращаются с противоположных сторон к спорному колышку. Кто первый прибежит к колышку, тот остается владельцем его, или если бы кто первый дотронулся колышка рукою. Если покупатель прибежит последним, то он идет покупать у другой; равно, если бы прибежала последней сама хозяйка. Игра продолжается, пока не перекупятся все колышки. При беготне случаются забавные падения, при коих поднимаются все колышки и производят всеобщий смех и нарекание: «Покупатель – пьяница!» или: «У кумушки ли головушка, бедная кумушка!»

Игра эта выражает корыстолюбие торговцев: хозяин и покупатель сошлись в цене, ударили уже по рукам, но вдруг нашло на обоих раздумье: «Ах! Дешево продал, еще бы поторговаться; ах, купил дорого – поспешил!» Оба бегут, суетятся и наконец снова покупают; купец – везде корыстолюбец-купец. Как он ни купит дешево, а все еще ему дорого.

КУМКИ

Одна девица делается покупщицею, а прочие девушки, называемые *кумками*, усаживают в кружок мальчиков и девочек, которые называются их детьми. Кумки становятся позади своих детей и кладут руки на их голову. Покупщица подходит к кумке и говорит: «Кумка-кумятка, продай дитятка». Первая не продает, вторая не продает, а третья должна продать. Она бьет по рукам покупщицы, приговаривая: «Продам тебе дитятко за шильце, за мыльце, за горячий блин». С последним словом кумка и покупщиц бегут в противоположные стороны;

которая успеет положить прежде руку на голову дитяти, за тою остается оно. Покупка начинается снова и продолжается до тех пор, пока дойдет до кумки, которая продала. Тогда все кумки ставят своих детей на ноги и кричат: «Мое дитяtko не шелудивое! Мое дитяtko не шелудивое!» Которая кумка не успеет поднять на ноги дитя, того называют шелудивым, и это название остается часто на долгое время.

Кумки выражают небрежение матерей к воспитанию своих детей, коих не умели поднять на ноги и потому подвергли их всеобщему посмеянию. Весьма часто случается, что от чрезмерной нежности маменек к своим ненаглядным дитяткам дети никакого не получают образования, хотя имели к тому все средства. Больно расстаться с детьми! Они выросли перед глазами маменек, растут столбами, а маменьки по нежности своей все не хотят разлучиться с ними, пока не разлучит их, маменек, жестокая смерть. О, эта смерть! Но что бы вы сделали с нею, нежные маменьки?

КОЗА

В начале игры избирается обыкновенно ловкая девушка; называемая *козой*. Ее подводят к стене, все прочие усаживаются и смеются над нею. Иные передразнивают ее козьим голосом, а другие кричат: «Коза, коза, бя!» Она сердится, топает ногами и грозит переколоть всех. После разных насмешек встают и начинают с нею разговор: «Моя козушка, ты не ела сегодня». Гладят ее по спине и спрашивают: «Козушка, где была?» – «В поле». – «Что там делала?» – Травку ела». – «Зачем сюда пришла?» – «Отдохнуть». С этим словом девушки должны бежать; она гоняется за ними, и кого поймает, та занимает ее место. Многие делают произвольные поговорки, которые зависят от расположения духа и изворотливости девушки. Иные до того наскучивают козе своими поговорками, что она оставляет игру и плачет, ибо резвая девушка, начав с козою разговор, касается иногда сердечных шалостей. «Козушка, где ты была?» – «В поле». – «Кого искала?» Козушка молчит.

«Козушка, я знаю, кого ты искала». – «Моя милая, – отвечает коза, – оставь шутки». Но шутки не унимаются и доводят до неприятностей, которые прекращаются поцелуем.

В Малороссии также играют в козу, и поговорки почти одинаковые, но бывают насмешливые, например:

Я коза-дереза,
Пивбока луплена,
За копу куплена.

Тупу, тупу ногами,
Сколю тебе рогами,
Лапками загребу,
Хвостиком замету –
Брру...

Некоторые из наших писателей приводят для этой забавы как бы общепринятое для игры присловье, а именно – девушка передразнивает козу: «Коза, коза, бя – где ты была?» – «Коней стерегла». – «И где кони?» – «В лес ушли». – «Где тот лес?» – «Черви выточили». – «И где черви?» – «Они в гору ушли». – «И где гора?» – «Быки выкопали». – «И где быки?» – «В воду ушли». – «И где вода?» – «Гуси выпили». – «И где гуси?» – «В тростник ушли». – «И где тростник?» – «Девки выломали». – «И где девки?» – «Замуж вышли». – «И где мужья?» – «Они померли». – «И где гробы?» – «Они сгнили». Этот многословный расспрос весьма занимательный и забавный. Мне не случалось его слышать, но он естествен и приличен веселой игре. Я сколько мог видеть эту забаву, она сопровождалась более произвольными вопросами, и часто девушка, не докончив расспроса, бьет козу по спине, и все разбегаются по углам комнаты. Коза гонится за ними и все опрокидывает на своем бегу. Ловкая коза перепрыгивает через стулья и скамейки, не повреждая себе ног. Пойманная девушка застывает на месте.

Игра в козу выражает девическое, беззаботное веселье, если в ней принимают участие молодые люди, то она заменяет

свое значение: проявляются в ней сердечные дела и высказывают душевную тревогу. Украдкой жмут руки и переговариваются. Таковые проделки не уходят от зорких глаз девиц-соперниц. Все играющие спешат насладиться взаимным излиянием нежностей. Тогда игра нечувствительно переходит в сладостное самозабвение: всяк желает быть козою. О, сколько восторгов, если девушка встретится с любимым предметом!

ОГАРУШЕК

Сев в кружок, девушки избирают среди себя рассказчицу, которая, ходя вокруг, говорит каждой по одному слову: *че-ремя, беремя, нивесть чего, за старого, богатого трунь, пень, князь*. На кого падет слово *князь*, та оставляет кружок, и рассказчица продолжает свою поговорку, пока останется одна, с которой она ведет очередной разговор, – и кто успеет сказать прежде *князь*, та выбегает из кружка. Оставшуюся осмеивают поговоркою: «Огарушек, черный камешек; огарушек, объедушек». Огарушек бегают ними и ловит. Пойманная помогает огарушку ловить остальных.

Огарушек изображает засидевшихся девиц, которые, посмеиваясь над тихими и счастливыми в любви, клеветают <на> них из злости. Женское злословие проистекает наиболее из уст старых дев.

СКАЧКА НА ДОСКЕ

Это самая простая и обыкновенная забава поселянок и городских девушек; она похожа более на шалость, нежели на игру. Кладут доску через колоду; две девушки становятся по концам и расшатывают, иногда так крепко, что делают высокие скачки, и кто выше подскакивает, тому честь и хвала. В этой скачке есть особое искусство, чтобы во время прыжков попасть опять на доску; малейшее же отклонение от размера производит падение, часто с большим ушибом.

Дети и девочки особенно любят забавляться этой скачкою.

ЗАПУСКИ

Собираются несколько девушек в кружок и спорят между собою: «Маша, ты не догонишь меня». – «Нет, догоню». – «Нет, не догонишь». Оленька подхватывает: «Я догоню тебя, Катенька». – «Меня? Не догонишь!» – «Меня не догонишь!» – кричат вдруг все девушки и бросаются бежать в разные стороны со всеми возможными изворотами и увертками, свойственными женской природе. Оленька гонится за ними. Если кто выбивается из сил, та должна скорее прибежать к какому-нибудь месту и, ухватясь за него, например за дерево, стену, дверь и проч., сказать: «Чур меня». Тогда Оленька должна бежать за другими и не допустить до чура. Ловящая часто бежит до упаду, но пойманная до чура, заступает ее место. От сильного беганья незаметно рвут на себе платье или падают больно. Боль мгновенно проходит. Тут большое наслаждение девушки, если она успеет словить свою подругу на самом бегу.

В Малороссии запуски называются *выпередки*, то есть выпереживать друг друга; в выпередки так же играют, как в запуски, и часто девушки и мальчики забавляются вместе.

Скачка на доске и запуски в большом употреблении и весьма полезны для телесного укрепления. Эти игры развивают гибкость членов и доставляют твердость и силу. Запуски были любимой игрой у греков на олимпийских увеселениях и у римлян.

ЧЕТ И НЕЧЕТ

Кто отгадает чет, тот все получает. Чет составляет парное число чего-нибудь, а нечет – когда недостает к паре одного, например: 6, 8, 10 и проч. суть четные, а 5, 9, 11 – нечетные. Берут горсть орехов и спрашивают: «*Чет или нечет?*» Иногда играют не на одни орехи, но и на мелкие деньги. В иных местах эта игра называется *чет и лишка*. Употребляется повсюду.

ОБРУЧ

Дети катают обруч по земле и на всем его бегу подбивают длинной палочкою. Игра в обруч, называемая еще сюрсо, перенята от иностранцев и вошла в употребление не ранее конца XVIII века. Она не есть забава детей, но взрослых барышень и дам. Становятся на известное расстояние друг против друга и бросают вверх круг, стараясь на лету схватить его на свой кий. Тут надобно иметь особую ловкость, но очень многие из дам так искусны, что редко дают промах. В этой забаве принимают участие мужчины.

Обруч и сюрсо, одно и то же, есть гимнастическое занятие.

БИРЮЛЬКИ

Употребление этой игры повсеместное. В некоторых местах она называется четками, а в других – *бирюльками*, от слова брать. На этот предмет иные употребляют гладкие прутики или тоненькие палочки, а другие употребляют особо приготовляемые соломинки. Одна из девушек раздает каждой играющей по одной палочке, тоненькой и ровной. Оставив при себе самую длинную, которая называется *шут*ом, она отбирает у них розданные прежде, складывает вместе со своим шутом и, сжав в пучок, рассыпает по столу. Каждая из девиц пробует выдернуть или поднять одну какую-либо палочку <с> помощью шута, но так, чтобы ни одну не дотронуть и чтобы ни одна не колыхнулась. В противном случае она лишается права на игру. Тут надобно великое искусство, которое называется удачею. Не многим удастся снять все палочки.

Искусные игроки употребляют еще ровно обрезанные коротенькие соломинки, называемые бирюльками, они так же выдерживаются, как четки. Но тут предстоит гораздо более ловкости, чтобы ничто не колыхнулось, потому что соломинки движутся от одного дуновения, и рука дрожит сильнее. Завистливые к удаче обнаруживают большое неудовольствие:

они преждевременно стараются помешать в снятии бирюлек, потому заговаривают, пугают, кричат и т. д.

Бирюльки не есть игра одних девушек; ею любят заниматься в осенние и зимние вечера молодые, взрослые и старики. Она была в большом употреблении в учебных заведениях.

III. ИГРЫ МУЖЕСКИЕ

МЯЧ

В Северной России игра в мяч называется еще лаптою. Название лапты произошло от деревянной, наподобие лопаты, сделанной <из> палки, вместо коей часто употребляют просто одну длинную палку. Для этой игры избирают двух маток. Палку или лапту бросают вверх и плюют на одну сторону, говоря: «Мокрого или сухого тебе надобно?» Если палка упала на мокрую сторону, тому быть маткою в городе; а на сухую сторону – в поле. Прочие подходят попарно к маткам, спрашивая их: «Мокрого или сухого?» На ответ: «Мокрого» – тот идет на его сторону; на ответ: «Сухого» – на сторону сухого. Игроки разделяются на две половины: одна идет к своей матке и играет с нею, а другая идет в поле, чтобы ловить на лету падающий мяч. В других местах игру начинают конанием: двое из прославленных игроков, взяв палку, меряются между собою: кому из них быть маткою и кому начинать игру. Чья рука остановится на верхушке палки, тому быть маткою и начинать игру. Одна половина из остальных игроков идет в поле и разделяет между собою места, где кому стоять и что делать: одни становятся посредине, другие по бокам, и все обязаны ловить мяч. Один из полевых подает бить мяч. Кто не попадет палкою третий раз, тот лишается права бить мяч; кто бьет каждый раз, тот продолжает бить до трех промахов. Здесь большое искусство состоит в том, чтобы бить мяч высоко, ударив, бежать к проведенной в поле черте, плюнуть там

и воротиться назад непобитым к своему месту; но если мяч попадется в руки кому-либо из ловящих и застанет бегущего на черте в поле, тут употребляются всевозможные обманы, как бы побить мячом, а со стороны убегающего – как избежать удара. С побитием кого-либо прекращается игра и передается другой половине. Она прекращается и тогда еще, когда кто схватит на лету мяч, который, чтобы поймать, надобно приобрести особую сноровку и иметь крепость в руке, потому что от сильного падения и косвенного удара производит большое сотрясение в руках ловящего и наносит иногда такой удар, что сворачивает пальцы.

Мячи употребляют кожаные, набитые шерстью. Охотники приобретают не весьма дешево.

В Малороссии играют в городки мячом. Чертят палкою квадрат, называемый городок, который бывает в окружности несколько десятков сажений. Величина городка зависит от условия. Играющих бывает только пять человек: они меряются на палках, и чья рука выше, тому бить в городке, а прочие четыре становятся на черте квадрата, отдельно по четырем сторонам. Стоящий на черте должен побить мячом стоящего в городке, который увивается от его удара всеми способами, но как стоящий в городке бывает часто обманываем стоящим на черте, который показывает лукавый вид, будто бы он хочет перебросить мяч кому-либо из своих товарищей, находящихся на черте квадрата, в то время стоящий в городке должен наблюдать все его движения, иначе малейшая неосмотрительность может сделать то, что вместо бросания мяча к одному из товарищей он быстро меняет свое направление, бросает в стоящего в городке и может побить его; когда побьет, тогда все четверо разбегаются в разные стороны, а побитый хватает мяч и старается им побить бегущих, но не выбегая из городка. Побитый занимает место стоящего в городке, а этот занимает его место. Если побитый в городке ни в кого не попадет из разбежавшихся, то он занимает прежнее свое место. Игра продолжается до общей усталости, следовательно, она есть не что иное, как телесное упражнение.

МЯЧ ОБ ЗЕМЛЮ И ОБ СТЕНУ

Двое из играющих меряются палкою, как в предыдущей игре, и точно так же начинают игру. Один из них бьет об землю мяч так, чтобы от всякого удара он делал бы высокие скачки, и во время скачков ловит его через ногу и руку и продолжает дотоле, пока даст промах.

Игра об стену состоит в том, чтобы бить мячом об стену и отскакивающий мяч подхватывать через ногу или руку и не дать упасть ему на землю.

Эти мячи набивают конскими волосами, обтягивают кожей, иногда разноцветной, и продают охотникам за несколько пар бабок, за хороший биток или за свайку.

ЛЕТУЧИЙ МЯЧ ИЛИ ВОЛАН

Летучий мяч, или, иначе, волан, бывает величиною с детскую голову и делается обыкновенно из шерсти. Им забавляются не только летом, но и зимою. Богатые – в своих покоях, а простые – на дворе. Это любимая игра наших торговцев, которые перебрасываются перед лавками в зимнее время. Один бьет вверх носком ноги, а другой подхватывает его на лету: отбивает своей ногою или бьет об землю, отчего волан делает высокие прыжки, и во время его прыгания ударяют по нему рукою, не давая катиться по земле. Когда делают отбой ногою, тогда становятся несколько охотников в разных направлениях и постоянно производят искусные отбои. Волан употребляется в домах девушками и мальчиками, которые занимаются им с охотою, потому что он служит вместо гимнастики.

ВОРОБЬИ

Эта игра производится посредством мяча. Выкапывают небольшую в земле ямочку, кладут мяч на деревянной дощечке и бьют по нему палкою. Кому прежде бить, бросают

жребий, то есть меряются на палке, и чья рука остановится на верхушке, тому начинать, прочие идут в поле. Словивший мяч сменяет играющего.

ПЫТКА

Разнообразие игры в мяч изменяется наконец в пытку. Выкапывают в один ряд несколько ямочек, называемых лунками; потом конаются: кому стоять у лунок и отбивать мяч и кому катать его. Обыкновенно катает тот, чья рука при конании всех ниже. Игроки становятся при ямочках с палками и отбивают мяч, и если катающий попадет в лунку, то он занимает его место, и начинают пытать не отбившего. Один из игроков, засунув его голову между своими ногами, бьет по его голове мячом; другой из игроков катает мяч, а остальные спрашивают: в чью лунку попал мяч? Если он отгадает, то этим прекращается пытка. В противном случае продолжают пытать, пока он не отгадает. Случается, что замучивают пыткой. Отгадавший, в чьей лунке мяч, освобождается от пытки, и он начинает уже пытать того, у кого отгадал.

Пытка напоминает нам наказание этого имени. Не уподобление ли этой игры бывшему мучению над обличаемыми в преступлении? Многие игры обязаны своим происхождением действительному событию, поэтому допустить можно, что игра в пытку могла произойти от существовавшего наказания. Во всяком случае, эта игра есть мучительная гимнастика.

СВАЙКА

Она делается из железа в виде гвоздя с большой головкою и заостренным концом. Весит иногда до 4 и 5 фунтов – тяжелее этого мне не случалось видеть, хотя некоторые утверждают, что бывают до полпуда; что она одолжена своим происхождением тульской оружейной слободе и что редко можно слышать в других губерниях об этой игре, тогда как она в большом употреблении в Малороссии, в Литовском крае и во многих южных ме-

стах России. Для свайки готовят особое железное кольцо и играют несколько вместе. Берут за острие свайки и бросают в середину кольца так, чтобы оно воткнулось в его середину, но еще лучше, если, попав в середину кольца, отобьет его! Тогда меряют расстояние от свайки до кольца пядью, и таковая мера называется пирогами. Глубоко же вонзившаяся свайка в землю называется *редькою*. Если свайка не воткнется, тот лишается игры. Кто за десятым разом не воткнет, тот обязан подавать свайку каждому игроку, и говорят ему в насмешку: «Хомут надел на отца». Выигравший садится верхом на проигравшемся, что называется *ездить верхом и седлать* и, сидя на нем, бьет в землю свайкою до первого промаха. Сидящий верхом издевается над подающим ему свайку. Когда подающий потеет, ему говорят: «Масло потекло». Когда не может вынуть свайки из земли, тогда говорят: «Мильцо к бильцу подползло». Когда изнемогает в силах и сердится: «Потей, Фадей, до звезды говей». Когда выкапывает свайку из земли: «Вынимай скорей из норы своей»; когда оканчивает игру: «Унес горе в свое море». В иных местах говорят: «Сбил беду, как свою жену».

Играют в свайку еще другим образом. Игрок берет свайку за острый конец и бросает ее так, чтобы она, перевернувшись в воздухе, попала в кольцо. Если попадет, то считается за три. Это значит, что ему дозволяется бить за удачный попад еще по три раза; но кто за первыми тремя разами промахнется, тот лишается бить в кольцо. Еще принимают в счет *пирог*-и, то есть если свайка не попадет вовнутрь кольца, а отобьет его, то пространство от свайки до кольца называют *пирогам*-и: их вымеряют свайкою; сколько раз уляжется свайка на этом пространстве, столько *пирогов*. Кто промахнется после двенадцати раз, того морят: он должен каждому из играющих подавать свайку; получающий ее бросает в землю три раза вне кольца, а в четвертый раз – в кольцо. Если он попадет в кольцо или сделает несколько *пирогов*, то моренье повторяется и продолжается до тех пор, пока все за ним не сделают промахов. При морении принимаются еще в счет *ляпа* и *репка*. Когда свайка не воткнется в землю – это называется ляпою, и

если кто сделает три ляпы, тот лишается права морить. *Рена* же, когда морящий попадет в одно место свайкою, которая входит в землю своею головкою, – тогда это называется *засадить ренку*, и вытаскивать ее довольно тяжело. Моренье оканчивается, когда все наделают промахов.

НОЖИК

Взявший ножик по жребию бросает его в землю двумя пальцами, потом тремя и т. д., чтобы он воткнулся. После кладет его на кулак поперек, затем на ладонь и на кисть и с них бросает; потом, взяв за кончик и приложив к губам, бросает его в землю; после кладет ко лбу и оканчивает головою, с коей он сбрасывает, но всякий раз, чтобы воткнулся нож. Не выполнивший всех этих действий должен вытаскивать зубами тоненький колышек, забитый в землю и чуть видный.

МУШКА

Вбивают в землю палку длиною в аршин и более;верху палки привешивают деревянный крючок, называемый мушкою, которую *водит* (караулит) один из играющих и вешает ее всякой раз, когда собьют, а прочие, отойдя на несколько шагов, держат в мазлах (ямках) свои палки. Между тем один кто-либо, не отходя от мазла, старается попасть своей палкою в мушку или по крайней мере во вбитую палку; отлетевшую же его палку он оставляет лежать на том месте, где она упала, пока все не кончат бить. Но если бьющий надеется, что он сбегает скорее за палкою, чем успеет водящий повесить мушку, то он бежит за нею. Если не надеется, то дожидается выкупа. Когда бьет последний – это значит *выкупает*, тогда все бегут за своими палками. Водящий же мушку должен, повесив ее как можно скоро, захватить чье бы то ни было мазло во время их побега. Кто не успеет защитить свое мазло, тот водит мушку, а прочие играют по-прежнему.

Изворотливость побеждает умение.

ЧУШКИ

Чертят сначала на земле два круга расстоянием друг от друга на 20 шагов и более; потом проводят по середине каждого круга по одной черте, называемой *коном*, и одну черту между кругами, которая называется *полуконом*. На конах каждого круга ставят по пяти чушек (обрубки длиною и толщиною в $\frac{1}{4}$ арш.) в таком порядке: одну чушку кладут вдоль кона, две поперек продольной чушки, четвертую вдоль двух поперечных, а пятую ставят стоймя, между четвертой и двумя продольными. Играющие разделяются на две стороны, каждый игрок имеет по две палки, и начинают сбивать по конании. Игроки первой стороны бьют из своего первого круга в круг второй стороны сначала одной палкой, а потом другой. Если случится, что кто собьет с первого раза все чушки, то вторая сторона начинает сбивать чушки первого круга палками первой стороны. Должно заметить, что при сбивании чушек употребляют игроки одни и те же палки. Если случится, что игроки первой стороны не все собьют или вовсе не собьют чушки второго круга, то начинает сбивать вторая сторона чушки первого круга, и таким образом продолжают играть обе стороны, пока не собьют чушки со своих конов. Когда кто собьет с кона хоть одну чушку, тогда прочие должны сбивать остальные уже с полукона. Если которая сторона не собьет свои чушки, то сбившая ездит на ней от круга к кругу. Если обе стороны собьют свои чушки, то начинают снова играть, пока кто не собьет.

Игра эта, по-видимому, намекает на то, что кто в свете проворен — тот и успеваает.

ЧИЖ ИЛИ ЧИЖИК

В начерченном на земле круге кладут *чижика*, или *чижа*, — заостренную с обоих концов палочку длиною в $\frac{1}{4}$ арш. Начинающие играть конаются сначала и потом бьют

по порядку конания: от первого до последнего. Перед игрою уговариваются: если кто не сделает десять ударов палкою по *чижику*, то сколько должен бегать на *кули* и *скачку*? *Кули* – значит бегать от круга до упавшего чижики и кричать, не переставая: «На кули, кули». *Скачка* – такое же беганье, только на одной ноге, сгорбившись и не переменяя ноги.

Первый игрок по конании начинает бить *чижики* с одного какого-либо заостренного конца и старается сделать еще несколько ударов на воздухе, и потом отбивает *чижики*; за ним бьет второй и таким образом бьют все по порядку. За отбитым *чижиком* бежит второй игрок, который кладет его в круг и начинает бить, как первый, и за отбитым бежит уже третий, и так все чередуются до конца игры. Кто всех скорее сделает десять ударов, тот оканчивает бить *чижики*, и потом первый начинает бить уже на *кули* и *скачку*, но не прежде, пока все не сделают по десяти ударов, наблюдая прежний порядок бить по очереди. Не сделавший десяти ударов бегаёт за *чижиком*, подает каждому бить и, обращаясь к кругу, кричит, не прерывая голоса: «На кули, кули!» – и в это время скачет. Он кричит и скачет столько раз от *чижики* к кругу, сколько было условлено. После снова начинают играть, если вздумают.

Неудача скачет, неудача пляшет – а крайность до чего не доводит.

КАНДАЛЫ

Становятся мальчики к стене или забору. Один из играющих, став против них, говорит: «*Кандалы*». Ему отвечают: «Скованы». Один из играющих говорит: «Раскуй». Спрашивают: «Кого?»

Один из играющих отвечает: «Насыкай кулак (приготовь)». Спрашивают: «На чьи боки?»

Один из играющих: «На такого-то». Тогда все бросаются на поименованного им и бьют. Говоривший занимает потом

место поименованного, а этот начинает спрашивать прежним порядком и продолжает забавляться, пока не прискучить им.

На кого повалится несчастье, на того и люди.

ШАР ИЛИ КАСЛО

Выбирают палки, которые бы имели на конце головку, как в кие, чтобы удобнее было гонять шар; потом выкапывают довольно большую яму, называемую *касло*¹. Кругом его выкапывают небольшие ямки по числу игроков, называемые лунками. Доставшемуся по жребию водить игру должно загнать шар в лунку, и когда другие будут отбивать, тогда стараться захватить чье бы то ни было место. Защищающие должны находиться при своих лунках, и когда водящий вгонит шар в касло, тогда они должны переменяться своими ямками, но чтобы не прозевать их. Прозвавший же водит шар. Если водящий долго не вгонит в касло шар, то может бросить его вверх, но так, чтобы попасть в касло; прочие обязаны отбивать шар на лету. Отходящий от своей лунки должен зачурить ее, сказав: «Чур! Мое масло до вечера не погасло». Другие говорят: «Чур, сала – масла, запечатано касло».

Забава эта довольно утомительная: в ней требуются проворство и искусство, особенно водящему шар. Игра в шар выражает набег врага на мирные жилища.

ВЕТЧИНКА

Вбивают в землю колышек и привязывают к нему большую веревку. Около колышка кладут старые сапоги, башмаки или лапти. Один из игроков берет в левую руку веревочку, а в правую прут. Прочие подходят к нему и спрашивают: «Поспела ли ветчинка?» – «Нет». Потом, погодя несколько времени: «Поспела ли ветчинка?» – «Нет». Третий раз: «Поспела ли ветчинка?» Тот отвечает: «Кипит, шевелит, продавать велит». При последнем слове похищают ветчинку,

¹ В других местах большая ямка называется *котлом*.

а тот должен отгонять их прутом, и ударенный им заступает его место. Если ветчинка расхищена без удара, то он сам подвергается наказанию: берут по пруту и бьют его.

Не выражает ли эта игра беспечного о своей собственности хозяина?

БАБКИ

Они готовятся из подкопытной кости и составляют некоторым образом промысел мальчиков. Сначала обваривают в горячей воде и потом выбирают самую большую и тяжелую кость для битки, которую охотники наливают свинцом. Каждый игрок ставит несколько пар своих бабок на ровном месте в один ряд; стоящие попарно бабки называются гнездом, а все гнездо коном. Кому начинать бить, бросают из-за кона *битки*; чей упадет дальше, тому начинать. Сбивший несколько гнезд получает все себе; непопавший теряет свой выигрыш.

Игра в бабки имеет свои особые названия: *кон за кон*, *плойка*, *кудачек у кону*, *станка* и *городок*. Кто в игре «кон за кон» сшибет крайние бабки, тот их выигрывает. В *плойке* должно целить в одну из сторон: в правую или в левую. В *кудачке* надобно иметь особую ловкость, чтобы не зашибить своим битком чужого. В *стенке* бросают об стенку бабками, и чья ляжет ближе к другой, тот выигрывает. В конце ставят по шести бабок, и кто собьет все, тому достается вся шестерня. На все эти игры находятся многообразные правила и условия, так что, если бы кто захотел утверждать, что они имеют общие и положительные, тому представились бы одни возражения, потому что не везде играют одинаково и нет положительных правил: более зависит от местности и нововведений самих игроков.

Игра в бабки собственно есть греческая и называлась *астрагалос*. От греков она распространилась по Европе, а русские так ее усвоили, что она поныне составляет первое удовольствие мальчиков, и нет уголка во всей России, где бы не играли в нее. Должно заметить, что в бабки любили играть

татары Золотой Орды. При разрытии местности Сарая находили во множестве *коньки* и *альчики* (бабки из-под колен овец), которые были очень хорошо обделаны. Иногда случалось видеть по несколько десятков, сложенных вместе.

Разнообразие игры в бабки, называемой в Калужской губернии *ладышками*, можно видеть из трех ее изменений: *плойка*, *жог* и *кон за кон*.

Выбирают ровное место, проводят на нем черту для кона и черту, из-за которой должно бить и гонять битой. Эти биты бывают *простые бабки*, *свинчатки* (налитые свинцом), *чугунки* и *медянки* (чугунные и медные бабки). Каждый за свою битку должен ставить на кон пару бабок, называемых *гнездом*. Уставивши кон, собирают все биты и бросают их на землю. Которого бита ляжет далее всех, и при том *плойкою* (на левый бок), тот имеет право прежде всех гонять и бить, за ним по порядку прочие; после них *жоги* и *нички*. *Жоги* — коих биты легли прямо на нижнюю сторону, а *нички* — на верхний бок или правую сторону, но *нички* уже бьют с левой руки. Сшибаемые бабки кладут в свою *козну*, то есть в карман, шапку, мешочек и за пазуху. Если с кона не все сшиблены бабки, то продолжают сбивать их по согласию или еще прибавляют к гнезду бабки.

В *жог* так же играют, как в *плойку*. Разница та, что здесь гоняет и бьет прежде тот, у кого бита легла жогом, за ним *плойка*, а последний уже *ничка*.

Уставивши кон, отходят на довольно большое пространство; отсюда начинают *забивать битами*, это значит, чтобы бита непременно *перелетела* (перелетела) через кон. В противном случае берут пару *ладышек*, поставленных за битку. Этот промах поправляется постановлением другой пары биток, что называется уже *посолить* или *наварить*. После *забоя* бьют за коном. Сбитые бабки берут себе, которые продают потом или меняют на какие-нибудь вещи.

Играют еще бабками в пристенок. Ударяют бабкою о стену, ворота или камень, а вслед за ними чокаются бабками. Это значит, чтобы бабка дотронулась до чьей-нибудь или на-

ходила на расстоянии от нее на пядь. Тогда это называется *спядил игрок, который получает чокнувшиеся, или спядившиеся, бабки*.

ЧЕКАНЧИКИ ИЛИ ЖОЖКИ

В этой игре участвуют двое. Один берет битку у товарища и бросает ее вместе со своею на землю: чья битка легла жогом, тот бьет ее своею, но так, чтобы она, чокнув об нее, отскочила более нежели на пядь, в противном случае он берет его бабку, и тогда начинается игра сызнова. Если кто все три раза будет чокать бабку другого, то он выигрывает его бабку; но когда третий раз спядит одну битку, то он лишается игры, и такой удар называется *на поджожку*. В чеканчики играют те, которые проиграли все свои бабки в надежде возратить свою потерю. Проигравшийся рассуждает: уж выигрывать так выигрывать; проигрывать так проигрывать. Водя глазами по выигранным его товарищами бабкам, он чокается своею биткою и вызывает охотника: «Кто в чеканчики? Кто в чеканчики?» При этом положении он бывает подобен проигравшемуся в карты, загибающему угол и вызывающему метать в банк.

Проигрывающие бабки прибегают часто к непозволенному обману: они вдруг падают на кон с криком: «Шарап!» – и грабят.

Бывают при выигрыше вознаграждения: кто ссудит свою битку напрокат, тот получает за нее несколько бабок.

АЛЬЧИК

Эта игра татарская и есть та же самая, что бабки. Ставят в кружок попарно бабки, которые приготавливают из-под колен овец. Сначала конаются (меряются на палке): чья рука наверху, тому бить прежде всех, а прочим по своему порядку. Играющие имеют нарочно сделанные из свинца битки, называемые *альчиками*, которые бывают поболее обыкновен-

ной бабки. Бьют на одномерное расстояние. Альчик держат в правой руке, между двумя пальцами: мизинцем и большим. Альчиком не бросают, но щелкают в коньки: кто собьет, тот получает их. За первым игроком следуют другие по порядку, с той уже разницею, чей альчик упал далее, тому бить прежде. Играют в альчики еще иначе. Каждый из играющих ставит пару коньков подле проведенной черты, и этот ряд коньков называется *козною*. Потом бросают битую из-за козны: чья бита ляжет, тот лишается права бить; но если биты станут *олвцаром* (неровным боком) или *тангешом* (ровным боком), то бить прежде тому, у кого *олвцар*. Бьют же козну на ступень от нее, щелкая тремя первыми пальцами. Сбивший ряд козны получает ее.

ПЫЖ

Избирают на лугу или на улице пространное место и очерчивают кон – круглое или четырехугольное место. В середине его ставят пыж: толстый деревянный отрубок в четыре вершка, а иногда более. Игроки выбирают палки длиною в аршин и становятся сбивать пыж на условленном расстоянии. Начинает тот, кому прежде достанется бить по жребию. Для этого каждый, взяв в правую руку палку, а в левую пыж, бьет по нему, и кто отобьет дальше, тот делается игроком, а кто ближе, тот – вожатым. Этот способ выбора называется *пачкованием*. Игрок бьет палкою об пыж; он должен сбить его из круга, потом бежать за своею палкою, чтобы, не допустив вожатого, схватить ее и, наконец, возвратиться на свое место. Прочие не должны брать в руки палку, иначе они лишаются игры, и один из них, более виновный, делается вожатым. Если бы кто захотел спорить в игре, то с него выжимают масло: двое из игроков стискивают его палками, пока он не начнет умолять и плакать. При чачковании говорят: «Чачковчики, маковы головочки, ма-лечина, калечина! Сколько часов до вечера до зимнего? Раз, два, три». Этот счет делается, когда пыж бьют палками, чтобы знать, кто более чачковался.

Во многих местах играют в пыж без особых притязаний: ставят его в круг на известном расстоянии и бьют поочередно по нему; кто сбивает удачно, тот продолжает играть до первого промаха; промахнувшийся же обязан ставить пыж.

СКРАГЛИ

Скрагли – малороссийская игра. Она имеет некоторое сходство с пыжом. Очерчивают круг, называемый *городом*, и кладут в нем отрубки толстых, но коротких палок; потом бросают жребий, кому бить прежде. Кто выбьет из города за черту, тот ездит на своем противнике и едет в завоеванный им город с торжеством.

В других местах играют еще иначе. Ставят на очерченном круге деревянные скрагли; играющие отмеривают от круга шагами условленное расстояние, а другие бросают от круга палки, и чья упадет дальше, тому начинать бить. Сбивший скрагли с черты славится своей ловкостью, и потом он ставит для играющего с ним скрагли на том месте, где они упали, а отнюдь не на самой черте. Товарищ его должен сбивать; сделавши промах, он лишается права сбивать в другой раз, предоставляя искусству своего соперника. Они продолжают сбивать попеременно, пока не собьют всех, и тем оканчивается забава, которая, кроме ловкости и телесного упражнения, не имеет другого назначения. Мальчики и взрослые весьма любят заниматься скраглями; играют по большей части вдвоем.

СКЛЯП

Малороссийская игра, употребляемая, однако, во многих местах России. Скляп есть деревянный отрубок, с одного конца заостренный, а с другого – плоский. Заостренным вбивают слегка в землю; потом игроки бросают свои палки от скляпа, и где улягутся, оттуда начинают бить. Обыкновенно бьет первым тот, чья палка ляжет далее. Сбивший скляп ста-

вит его на том месте, где он упадет. Случается, что товарищу достается бить с такого дальнего места, что он едва может добросить до него свою палку. Все искусство здесь состоит в том, чтобы сбить издали.

КЕГЛИ

Ставят на одной черте в один ряд несколько кеглей, только на ровном месте и даже на лугу; средний, самый вышний, носит название короля, прочие – *хланов* (слуг). С двух противоположных сторон становятся игроки на условленном расстоянии, называемом *чертою игроков*. Начинаящий сбивать берет в руку шар, метит им в кегли и старается бросить так, чтобы не катанием по земле, но ударом попасть и сбить. Если король выбьется за черту, противоположную игроку, то считают сто, а прочие – по десяти очков.

СКОПЕРДИН

Малороссийская игра. Два игрока садятся на землю и держат в руках по гибкой палке. Один из них сгибает палку и пускает ее по земле: она делает колесообразные прыжки, и чем далее, тем похвальнее для игрока: в этом обнаруживается особая ловкость и сноровка. Другой игрок также пускает свою палку, и оба продолжают испытывать ловкость друг друга.

ЦУРКА

Малороссийская игра. *Цуркою* называется небольшая заостренная с обеих сторон палочка. Один из игроков, положив ее на землю, бьет с какого-нибудь края особой палкою. От искусного удара цурка летит вверх: тогда игроки не допускают ее падения на землю – подхватывают на лету палкой и бьют вверх. Если случится, что она от удара залетит далеко и противоположный игрок не успеет подхватить <ее> своим ударом, то с того места, откуда первый ударил, и до того ме-

ста, где она упала, отсчитывается шагами местное расстояние, например: 200, 300 шагов и т. д., и потом начинает бить снова первый игрок, продолжая до первого промаха. Если он в продолжение своей игры выиграл, например, 100 шагов, то его товарищ должен отыграть их. Во всякой игре весьма неприятно проигрывающему: его берет досада, и он старается всеми силами отыграться. И тут-то он проигрывает.

В цурку еще играют иначе. Очерчивают круг, который называется *городком*; посередине его вбивают колышек, называемый *столбиком*. Потом конаются двое; каждый из них имеет свою половину игроков: одна половина становится подле городка, а другая отправляется в поле. Игроку подает цурку, или, как говорят, *гилит*, один из числа полевых: если первый промахнулся, то заступает его место другой, из той же половины; если все промахнутся, то лишаются игры, и все идут в поле, а бывшие в поле начинают бить цурку.

Бьющий цурку старается ударить высоко и далеко: стоящие в поле должны отбивать ее на лету в городок. Стоящий в городке должен отбить ее в свою очередь; и так продолжают отбивать ее друг к другу. Если находящиеся в поле не отобьют цурку на лету, то по крайней мере надобно попасть ею в столб. Стоящий в городке должен отбивать своей палкой, то есть не допустить, чтобы цурка попала в столб. Попавший кто-либо из полевых идет со своей половиною в городок, а те, которые были в городке, идут в поле. Но когда стоящий в городке отобьет цурку, тогда меряют шагами от столба до упавшей цурки, и такое пространство шагов называется *коном*. Сколько оказалось конов, столько раз ездят городские на полевых от столба до цурки. Водитель горожан садится верхом на водителя полевых; за ним едут рядом горожане на других полевых.

Эта игра употребляется и между русскими.

РАЙ

Малороссийская игра. На земле чертят крест, который называется раем; вокруг рая или против рая выкапывают

несколько десятков ямочек; между раем и ямочками делают большую яму, которая называется *пеклом* (адам). Играющий берет в руки нож и, взявшись за его острие, бросает в землю, чтобы он воткнулся, и всякий раз, как воткнется, он ставит в ямочку прутик или палочку и продолжает, пока не даст промаха. Если он попал 20 или 30 раз, то другой игрок должен отыграть это число и потом дойти до рая. Редко случается, чтобы игроки доходили до рая. Первому игроку случается, но второму предстоит много трудностей, потому что ему надо отыграть первые ямочки. Когда второй игрок промахнется, тогда продолжает играть первый, засчитывая первые ямочки, и только он доходит до рая.

ТЫЧКА

Игра в рай напоминает нам игру ножом в тычку, от которой выдумана смерть царевича Дмитрия, но который умер, без сомнения, от рук злодеев: Осипа Волохова, Даниила Битяговского и Никиты Качалова. Взявшись за конец острия ножа, игрок бросает его на землю, чтобы он воткнулся в нее. Кто больше втычет острием, тот считает на другом игроке свои выигрыши; другой же игрок должен отыгрываться. Игра передается всякий раз после промахов; продолжают играть до усталости или откладывают отыгрыш до следующего раза.

Перечисленные здесь игры, как то: скрагли, скляп, скопердин, цурка, кегли, рай и тычка, будучи весьма полезными занятиями для тела, заменяют гимнастические упражнения.

ЧЕКАРДА

Само название «чекарда» есть татарское, и игра эта перешла к нам от татар во время порабощения нашего. Игроки разделяются на две половины; избранные от двух половин конаются между собою. Половина, которой *досталось по капанию повереного* (так выражаются), становится к стене, и один из игроков упирается об стену своей головою; позади него

становится другой, в таком же положении, как первый, исключая того, что он держит голову под мышкою первого, для предохранения ее от ушибов во время игры; за ним становится третий точно так же, а потом и все остальные. Составляющие другую половину прыгают один за другим на нагнувшихся и садятся верхом, ни за что и ни за кого не держась. Впрыгнувший последним ударяет три раза в ладони и кричит: «Чекарда, ярда!» Если из прыгнувших никто не упадет и потом из соскочивших тоже никто не упадет, то продолжают впрыгивать и соскакивать до тех пор, пока кто не промахнется. Тут много зависит от ловкости вскакивать и соскакивать, а потому первая половина замучивается второю. Кто промахнется из них, тогда теряется игра, и первая половина начинает так же ездить на них, как вторая. Эта игра доводит иногда до крайности: от вскакиваний и соскакиваний надсаживают спину и бока, отчего долго не могут разогнуть их.

ГОРОДКИ

Ставят попарно бабки или пыжи в виде шестиугольника – это значит городить; в середине его три гнезда, которые называются сердцевиною или средовиною. Бабочный городок бьют свинцовым или чугунным битком. Если кто собьет городок, тот похваляется перед всеми, а если дотронется до средовины, то платить шестерней (по шесть бабок). Если по разбитии городка остается невредимою сердцевина, то остается в пользу домоседов – то есть таких, которые при бросании жребия битком сделали ничку – биток, но только тот, который упал на левый бок. Плоцка и жиг дают право на игру. Плоцка значит – когда биток падает правой стороною, а жиг – когда спинкой.

В некоторых местах Южной России и даже в северной ее полосе городком называют иногда сам пыж. Есть еще особая игра в городки, употребляемая в Смоленской губернии.

Втыкают в землю небольшую сучковатую палочку. Каждому сучку, от низа до верху, дают название городков, селений и деревень. Первому сучку всегда дают имя той деревни, где

играют. Употребительнейшие названия, это: Королево, Тушино, Постоялый двор, Кабак. Москвою называют самый верхний сучок, а подле каждого Постоялого двора назначают Кабак. После готовят для себя по деревянному крючку, а одну палочку разрезают пополам, которую метают потом по жребию. Если две половинки палочки упадут на землю двумя плоскими боками, то играющий вешает крючок на первом сучке; если они снова лягут теми же боками, то крючок перевешивается сучком выше. Если лягут одна плоскою, а другая круглою или обе круглыми сторонами, то крючок остается на прежнем месте и палочки бросает уже следующий. Таким образом, играющие, перевешивая свои крючки с сучка на сучок, доходят до Москвы и потом возвращаются домой, то есть переходят к первому сучку снизу. Когда возвращающийся из Москвы встретится с едущим туда, то он дает ему дорогу, отодвигаясь от него сучком ниже; когда едущий в Москву догонит другого, туда же едущего, тогда он, посторонившись от него немного, перевешивает свой крючок ближе к Москве. Кто прежде других съездит в Москву и возвратится домой, тот делается царем-победителем, который наказывает отставших щелчками в ладонь или в лоб. Счет щелчков начинается от того сучка, на коем остановился каждый при возвращении победителя домой. После наказания возобновляется игра; начинает ее победитель-царь, за ним тот, кто отстал менее, и т. д.

Эти городки выражают то смутное состояние России, когда при удельной системе искатели московского престола спешили в Москву, объявляли себя властителями и торжествовали над своими соперниками, а эти соперники ниспровергали, в свою очередь, первых самовластителей. Игра в эти городки вошла в употребление, нет сомнений, по успокоении отечества нашего от волнений, должно думать не ранее половины XVII века.

КРЕГЛИ

Тонкие и круглые столбики вышиною не более в четыре вершка называются *креглями*. Для игры чертят два четы-

рехугольника на расстоянии друг от друга в пятнадцать или двадцать шагов; между ними выкапывают небольшую ямку, называемую *масло*. По линиям четырехугольников ставят из креглей города, а именно: одну креглю кладут вдоль черты, наверху той крегли три: две рядом, а третью сверху; с одного конца ставят пятую, и это называется построение города. Играющие делятся на две половины: игрок первой половины бьет палкою в город противников, и если он выбьет из черты несколько креглей или хоть одну, то он переходит со своей половиною на *масло* и уже бьет оттуда остальные крегли. Бывает, что вся половина перебьет, а на *масло* никто не переходит, потому что никто не выбил из города крегли. Но когда тронут город из своего места, то играющие идут осматривать его: нет ли в нем лежащих на черте креглей. Если они повалились внутри черты, то называются *лежащими*. Та половина, которая выбьет город после, ищет противников от одного города к другому только один раз, а потому первая половина снова начинает игру. Во время игры появляются особые охотники, называемые коалами. Это те из них, которые не пристают ни к той, ни к другой стороне и бьют попеременно за них, приходя к ним на помощь. Это то же, что наемники, у коих честь там, где дают больше денег.

Выражение креглей есть нападение неприятелей на город, который отнимают попеременно друг у друга, и в это время появляются охотники и переметчики со всех сторон, получающие за свои услуги золото.

БУЙ

Буй по своей особенности весьма примечательная игра. Она ведется в Ярославле с незапамятных времен. Подобной забавы нигде не встречается в России, кроме ближайших к Ярославлю городов: Романа, Борисоглебска и Рыбинска, и в эти места, вероятно, перешла <она> из Ярославля.

Эта игра имеет поныне многих охотников из мещан и купечества. Летом в воскресный или праздничный день по-

сле обеда (в среднем сословии обедают в Ярославле в первом часу пополудни) играющие буюм являются на место игры около трех часов пополудни в разных местах за городом, но большею частию на обширном лугу, за романо-борисоглебской заставою. Охотников собираются от 50–100 человек. Они разделяются на две половины поровну, на городских и зарецких; потом кидают жребий, которой половине *чкать* (бить) и которой *водить*. Но чтобы вернее дать понятие об этой игре, надобно сказать о принадлежащих к ней вещах: *сучке, коровке и палке*. Сучка – деревянная четырехугольная плаха толщиною вершков шесть, длиною от пяти до шести четвертей: она сделана из бакаута или другого тяжеловесного и твердого дерева. В четверти аршина от одного конца находится небольшой покатый пригорок вышиною в дюйм. *Коровкой* называется вещь, сделанная из слоновьего зуба, величиною с голубиное яйцо или несколько более, весом от 8–10 золотников. *Палки* кленовые, толщиною в полтора вершка, длиной от 4–5 четвертей. Эти вещи употребляются следующим образом: кладут сучок на землю и к находящемуся на оном пригорке ставят *коровку*; один из игроков берет палку и, отступив несколько шагов, бросает с разбегу палку на сучок: она бьет по коровке и прижимает ее к пригорку, отчего *коровка* с визгом летит кверху и, описывая полукруг, падает за 50, а иногда за 100 сажен от сучка. Расстояние зависит от силы и верности удара и умения игрока. Правила игры и употребляемые при оной термины следующие: когда вынут жребий, которой половине *чкать* и которой *водить*, тогда первая остается у сучка и попеременно чкает коровку, а другая половина идет в поле *водить* – ловить и подавать улетающую туда коровку. Для этого становятся в разных местах, чтобы удобнее поймать и скорее перебросить коровку к сучку, ибо от проворства ловящих и от чкающих зависит их освобождение. Некоторые из водящих, особливо стоящие на местах, куда более улетаёт коровка, имеют на левой руке рукавицу, чтобы во время лова коровки не было больно руке. Если кто-то из чкающих сделает промах или чкнет ближе

меты, называемой *вышлой*, или за *вышлу*, но не успеет поднять и принести палку к сучку (при хорошем ударе палка ложится далеко от сучка, а при слабом не улетает далеко), а между тем находящиеся в поле успеют перебросить чкнутую ими коровку к сучку, то промахнувшиеся не имеют права более чкать, а должны за все эти промахи вместо наказания сходить в поле до *беглы*, так называемой меры в 50 сажень от сучка, и оттуда во время хорошего удара, пока не перекинут из поля коровку, прибежать к сучку. Если кто-то не успеет прибежать и коровка будет переброшена прежде, в таком случае все чкающие лишаются права чкать и идут в поле водить, а водящие приходят чкать на их место. Случается, что все чкающие *засядут*, то есть наделают промахов: тогда они отправляются в поле для беганья, и остается для их выкупа один, всегда лучший, игрок. Если он сделает промах или вычкает за *вышлую*, или, хотя чкает и далеко, но не успеют до подачи коровки обратно прибежать засевшие от беглой к сучку, или же сделает *зачклю*, то есть чкнет в сторону, куда также запрещено (с обеих сторон сделаны меты), то за все эти упущения чкающие должны идти водить, а водящий чкать до подобного же случая. Любопытно смотреть, когда засевших или бегальщиков накопится человек 50 или более, как они побегут при хорошем ударе что есть духу из поля от беглой и обратно к сучку. Игроки для легкости снимают с себя сюртуки или другое верхнее платье и сапоги. Если кто-то из них не может скоро бегать, то в таком случае просит кого-нибудь из игроков сбегать за себя. Это допускается тогда, когда он не имеет за собой подобной обязанности. Между тем водящие с необыкновенной скоростью и искусством ловят коровку на лету, перебрасывают ее друг к другу и всеми силами стараются как можно скорее докинуть ее до сучка и тем освободиться от неприятной и тяжелой должности водящих, то есть подавальщиков. Во избежание споров, кто прежде достигнет черты, водящие оставляют у сучка из своей половины свидетеля, называемого *забуйщиком*, для надзора за справедливостью чкающих и полетами коровки.

Эта игра принадлежит к гимнастическим занятиям: в нее играют возмужалые, женатые и пожилые. Играют и дети, но только особо и в малом размере.

ПРИСТЕНОК

Эта игра, собственно, денежная, принадлежит к запрещенным и называется в иных местах *орел* и *орлик*. По праздничным дням рабочий и ремесленный народ, собравшись на улице, бросает вверх грош или пятак. Если он падает орлом, то его выигрыш; если противною стороною – проигрыш. Эта игра доводит многих до разорения, очень часто проигрывают свою одежду. Проигрывающие выходят из себя: заводят ссоры, драки и буйства.

Есть еще игра другого рода в пристенок. Она состоит в том, что становятся несколько человек в один ряд около стены; разделяются на две половины, из коих одна старается выжать другую; доходит до того, что так сильно сжимают средних, что те кричат не своим голосом. Их давят, и одно спасение, когда успеют выскочить из середины. В этой забаве принимают участие и резвые девушки, только в своем круге; если же вмешаются в их круг мужчины, то со стороны молодежи происходят большие шалости.

ОРЛЯНКА

В некоторых местах доселе пристрастны к *орлянке*. Мечут медную монету вверх и угадывают, которой она упадет стороною: орлом ли, оборотной ли стороною, или плашмя? Угадавший выигрывает прозакладанные деньги или другие какие-либо вещи, которые состоят, по большей части, из оладьев, пирогов и голубей. Последними более всего играют в Калуге. Там во время торгога собираются толпы людей и прозакладывают голубей лучших пород, как то: турманов, мохноногих и бухарских. Есть там сословия, которые занимаются только разведением голубей.

КОСТИ ИЛИ ЗЕРНА

Игра в кости или зерна была в большом употреблении у греков и римлян. Неизвестно, в которое время она перешла к нам и составила азартную игру, от коей разорялись целые семейства. Кости делались продолговатыми, их бросали вверх, и если <они> падали белой стороною, это означало проигрыш¹. Эта игра преследовалась взысканием денежной пени. Царь Михаил Федорович определил взыскивать с играющих в зерна по 2 рубля². В царствование Алексея Михайловича и всех наших государей строго запрещалось играть в кости. В наше время она почти вышла из употребления, по крайней мере, к ней уже не пристрастны. Если играют, то по деревням и небольшим городам, и большей частию не на деньги³.

Пристенки, называющийся иначе орел или орлик, кости или зерна и орлянка выражают желание прибыли: на удачу, на счастье, а не умом и благородными трудами.

Зерна есть собственно азиатская игра: она была известна аравитянам, оттуда перешла в Персию, а оттуда в кипчакскую орду, которая, передав нам некоторые свои обычаи и одежды, познакомила нас с этой игрою. При исследовании Сарая⁴ были находимы мною зерна или кости с отметкою на них очков черной краскою.

ПЕРЕТЯГИВАНИЕ ВЕРЕВКОЙ

Берут длинную веревку и подают охотникам, к коим немедленно пристают другие. Одна половина перетягива-

¹ Turbeville. «Certaines lettres in verse, etc.», пом. в собран. Гакл., т. 1, с. 436, ed. 1807.

² Писцовые книги: «Да с зерновые игры у чердынцев у Сеньки Зеленого с товарищи, оброку два рубли».

³ Игры в зерна и вообще все азартные игры, свойственные необразованным народам, были во всеобщем употреблении между американцами. (Robertson. «Hist. of America», кн. 4, с. 128, изд. 1828 г.)

⁴ Его остатки находятся на левом берегу реки Ахтубы, ныне на этом месте уездный город Царев Саратовской губернии.

ет другую, и кто кого перетянет, того взяла. Случается, что натянутая веревка рвется, и тогда вся половина, которая не устояла на ногах, падает друг на друга; с противной стороны происходит смех и радость, к досаде упавшей.

При перетягивании упираются ногами об землю как можно крепче, но никак не позволяют хвататься ни за стену, ни за столб и т. п.

ГУСЕК

Им забавляются во всякое время не одни молодые, но и пожилые. Для этой игры покупают нарочно сделанную доску с проведенною на ней двойною извилистой чертою. По обеим сторонам черты нарисованы в кружках гуси, постоялый двор, темница и числа. Перед игрой бросают кости, и кому достается их больше, тому ходить первым. Кто успеет поставить вперед шашку на гуська, тот имеет право ходить вперед и назад. Прочие игроки, с меньшим числом очков, могут только ходить вперед и заходить на постоялый двор. Тут платят за постой, смотря по условию игры; кто зайдет в темницу, тот лишается игры. Выигрыш остается всегда на той стороне, кто дойдет до последнего знака.

Игра в гусек имеет некоторое сходство с шахматною.

ШАХМАТЫ

Эта игра известна с самых древних времен, и должно думать, что она перешла к нам от татар, кои без сомнения переняли ее от восточных жителей, ибо она есть собственно восточная игра. При исследовании мною Сарая я находил шахматные шашки из пальмового дерева.

Другие полагают, что игра в шахматы есть персидская, потому только, что она в Персии в большом употреблении. Иностранцы говорят, что наш народ проводил досужее время в этой игре и она была столь любимой, что от простолюдина до царя занимались ею без исключения, обнаруживая

в ней всю изворотливость своего ума¹. Сидельцы и купцы играли не только дома, но <и> в своих лавках, на рынках и площадях. По праздникам и будним дням все почти были заняты шахматной игрою.

При воспитании великокняжеских детей учили, между прочим, шахматной игре, без сомнения, по той причине, что она изошряла умственные способности. Царь Иоанн IV, будучи уже перед смертью, спросил шахматную доску и готовился играть с любимцем своим князем Вельским, сидя на постели. Он сам расставлял шашки и вдруг закрыл глаза навеки.

ШАШКИ

В шашки играют на такой точно доске, как в шахматы, с тою разницею, что шашки не требуют большей хитрости, но навыка; шахматы же требуют очень хорошего соображения, тонкости, ловкости и изворотливости ума.

Из шахматной игры образовалась игра в шашки; последнею занимаются ныне гораздо более, нежели первою. Нет места по городам, где бы не увидели шашек. Особенно она сделалась любимою у купцов, которые, сидя в гостинном дворе, проводят целый день в этой забаве. Замечательно, что обе упомянутые игры составляют одно препровождение времени, отнюдь не играют на деньги. В шашки играют: идя в дамки, в поддавки и в волки. В первом случае стараются или перебить все шашки, или запереть их, во втором – поддавать все свои шашки, чтобы противник перебил их; в третьем – две шашки, называющиеся волками, ходят во все стороны, вперед и назад, и бьют овец – противоположные им шашки.

¹ «In commessationibus non tantum rubri chartaeca symbola regis lubenter tractant sed et ludo tesserario gaudent. Summa autem solertia praelia latronum ludunt. Ut gemini inter se reges albusquo nigerque pro laudi oppositi certent bicoloribus armis» (В пиршествах они не только охотно играют в бумажные символы <карты> красного царя, но и забавляются игрой в кости. Высшее мастерство <проявляют> в пешечных битвах. Словно близнецы, короли белый и черный, друг против друга поставленные, сражаются в этой игре с помощью двуцветных армий).

(Melet. «De Russor relig. et ritib.», ed. 1581 г., in 4.)

Но все искусство состоит здесь в том, чтобы овцы загнали волков, не дали им ходу, и вместе с тем не допустили бы волков резать овец.

Многие иностранцы пишут, что шашки были любимым занятием наших предков в самое еще древнее время¹.

ЛОМКА ПРЯНИКОВ

Несколько парней, сговорившись между собою, отправляются к прянишнику – это бывает в большие праздники – и там ломают или бьют пряники пальцами, смотря по тому, какой между ними уговор: ломать на пять частей или более? Это выражается у них: хочешь ли на пять? даешь на пять? Тогда охотник, взяв за угол пряника двумя пальцами, бьет его о скамью или обо что-нибудь другое; но чтобы он разлетелся именно на столько частей, на сколько было условлено. Разлетевшиеся части собирают и складывают из них весь пряник, чтобы осмотреть: не было ли в нем скважины? Если найдется скважина, то ломавший проигрывает; если же кусочки разбиты согласно условиям, то ломавший берет себе пряник, а один кусочек дает *покушать* проигравшему. Игра возобновляется и продолжается по согласию. В этой игре обнаруживается сила и искусство. <Она> и есть чистая русская.

БОРЬБА

Искусные борцы берут не силой, а ловкостью: противник старается схватить своего противника так, чтобы он потерял равновесие, – тогда смело может повалить или бросить его на землю, как игрушку. Искусившиеся в борьбе часто ломают друг друга до изнеможения по несколько часов и потом расходятся. Ожесточенные же схватываются, жмут так крепко, что, кажется, слышишь, как хрустят кости, или душат, пока не упадут оба. Проворный вскакивает, бросается на лежачего и

¹ Herb. «Rer. Moscov. com.»; Turbev. «Certaine let. in verse, written by Turbeville aut of Moskovia to friends of his», пом. в собр. Гакл., т. 1, с. 436, ed. 1809 г.

указывает на него с торжествующим видом, но падение противника не считается за победу. Она тогда только признается, когда кто из двух поборет без лукавства и хитрости, потому что некоторые из них подставляют ногу и сбивают. Надобно, говорят искусные в борьбе, побороть ловкостью.

Эта игра была любимой у древних греков. В ней особенно отличались на олимпийских играх; победителей украшали лавровыми венками.

КУЛАЧНЫЙ БОЙ

Это древняя забава наших русских удалцов. Идти на кулачный бой – это значило потешиться или провести праздник в полном разгуле, и это составляло особый род военного упражнения, которое приучало молодых людей к смертоносной битве.

Восточные народы вели сами битвы рукопашным боем: крепкий кулак защищал его так же хорошо, как оружие, которое состояло, по обыкновению древних, из коротких железных мечей, копьев и вооруженных слонов. По улучшении ручного оружия и изобретении огнестрельного все изменилось. Битвы сделались наукою, а воины исполнителями предначертаний полководца.

Кулачная потеха на Руси известна со времен ее самобытности. Летописцы наши говорят о ней еще в начале XIII века с какою-то восторженностью. Великий князь Киевский Мстислав III и князь Псковский Владимир, ободряя перед битвою своих союзников новгородцев и смоленцев к храброму отражению Великого князя Юрия Всеволодовича, представили им на волю: сразиться на конях или пешими. Новгородцы отвечали: мы не хотим на конях, но сразимся, по примеру наших предков, пешими и на кулаках. Впоследствии времени кулачный бой сделался забавою нашего народа.

Кулачные бои производились один на один, стена на стену или свалкою. Употребительнее из них один на один. Бои начинались с зимнего Никола и продолжались до сборного

воскресения. В праздничные дни сходились мальчишки и взрослые за городом на обширном месте, или на городской площади, или на покрытую льдом реку: там подавали знак свистом, чтобы собирались сюда охотники – бойцы. Городские бойцы всегда брали верх над деревенскими. Прославленным бойцам вменялось в честь пить водку, считалось за бесчестье брать подарки, которыми их сманивали на свою сторону, и этим терялась их слава. Когда стена билась на стену, тогда боец прятал в рукавицах чугунные бабки или камни. Дети зачинали бой. Записные бойцы стояли в отдаленности, наблюдая за бьющимися; каждая из противных сторон уговаривала отличных бойцов перейти на их сторону, обещая им большие подарки и вина до упою. Когда стена гнала стену, тогда молодец-боец или надёжа-боец, засучив рукава и сжав со крежетом зубов оба кулака, летел бешеным зверем с распущенными волосами и наносил страшные удары. При общей свалке уже действовали не одни руки, но ноги и колена; били безжалостно своих противников в живот, в грудь и лицо, но лежачего не били, от того вошло в поговорку: «лежачего не бьют». Кто более других удерживался на месте и более переносил удары, тот приобретал уважение и превозносился даже его недругами. По пробитии стены оставались на месте одни бойцы-молодцы. Их битва была ужасная. Одни из них схватывались, ломали друг друга, били в лицо – кровь лилась – и в разъяренном неистовстве вцеплялись за волосы, били под легкие и оба падали полумертвыми. Другие бежали на выручку товарищам, нападали на надёжу-бойца, который стоял уже бледный как смерть. Он не сдавался, переносил жестокие побои и вдруг, уловив счастливую минуту, ударял одного под глаз, другого в висок, и оба протягивались со стоном у ног его. Надёжа-боец сопровождался всеобщим радостным криком: «Наша взяла!» Но если он был не в состоянии перенести ударов, то одно его спасение, чтобы сохранить свою жизнь – надобно было упасть на землю: лежачего не бьют, но такой оставался в поругании. Очень часто случалось, что многих находили на месте убитыми или

совершенно изувеченными. По окончании боя поклонники вели своего богатыря по улице при пении громких песен и вводили его в питейный дом.

Указами 1684 года 2 ноября, 1686 года 19 марта и другими строго воспрещались кулачные бои. Было время, что наши бояре, тщеславясь своими бойцами, поили и кормили их со своего стола; бились об заклад и сводили их для своей потехи. Было время, что старики, воспламеняя умы молодых людей несбыточными рассказами об удалстве бойцов, пробуждали в них страсть к кулачному бою.

В Англии обратилась наша молодецкая забава в искусственный бокс. Там бьются сам друг и по правилам. Рассказывают, что некоторые из наших вельмож, гордясь своими бойцами, сводили их в Москве с боксерами. Достопочтенные лорды сами приезжали сюда и выставляли боксеров на дюжий кулак русского, который, будучи незнаком с искусством, так метил удачно в бока и лицо, что часто с одного разу повергал тщеславного бойца на землю. С тех пор боксеры перестали меряться с бойцами. Из наших бойцов славились казанские, калужские и тульские оружейники: Алеша Родимый, Терёша Кункин, Зубовы, Никита Долгов и братья Походкины. Тульские бойцы и ныне славятся, но каждое место имело своих удалцов.

IV. ИГРЫ ОБОЕГО ПОЛА

УЖИЩЕ

Берут двое за концы веревку, которая называется *ужищем*, и вертят по воздуху. Игрок становится посередине, и в то время, как вертят, он прыгает с большою ловкостью, чтобы его не задела веревка, которая от сильного верчения поражает неловкого по голове и ушам. В этой игре одна оборотливость и проворство русского. Скачки бывают столь ловкие, что не-

вольно приводят в изумление. Эта игра совершенно сходствует со скачкою через шнур.

КОЛЮЧКИ

В скучные зимние вечера любовь играет повсюду. Девушки и мужчины забавляются ею под именем *колючек* с большим удовольствием. Собравшись в одно место, они перешептываются сначала между собою, а потом мужчины и девушки идут прятаться; так требует игра. Девушка или мужчина, кому нет пары, садится где-нибудь в углу или около стены; лицо и глаза завязывают платком. В это время все остальные прячутся, а сидящий говорит: «Колю, колю, баба! не выколи глаза. Пора ли?» Если отвечают: «Нет», — то он снова повторяет прежние слова, и когда все попрячутся и на его вопрос отвечают: «Пора», — тогда он начинает отыскивать попрятавшихся и первый пойманный сменяет его, а все попрятавшиеся ссылаются. Иногда первый пойманный помогает ему отыскивать; отысканный после всех должен *колюкать*.

ЖГУТ

Садится в кружок мужской и женской пол; в середине кладут платок или шапку, и каждый из сидящих должен поднять ее как можно скоро. Между тем сзади них ходит один с жгутом, плетеным из платка или чего-либо другого, и бьет того, кто дотрагивается до его жгута, говоря: «Кому раз, кому два, а кому ничего». Кто ничего не делает, тому кладут за его спиною жгут, а сосед немедленно хватает и проучивает его порядочно за бездействие и потом бросает жгут в кружок. В это время ходивший со жгутом надевает на него шапку, и кого окликнут, тот делается жгутовою.

Играют еще иначе. Садятся в кружок девушки и парни и передают друг другу жгут, плетенный из платка; один ходит вокруг передающих, старается его схватить или не допустить передать другому. Когда он не успеет словить, тогда посторон-

ние бьют его своими жгутами и немедленно передают общий жгут. Словивший его бьет оплошавшего, и тот выходит из круга. Игра продолжается до последней ссоры, ибо надобно иметь особое терпение, чтобы переносить удары.

Нельзя определить в точности этой игры. Иные, ловя друг друга на бегу, стараются побить жгутом, и побитый исключается из игры, или он занимает место жгутовщика, бегаёт за другими, чтобы побить. Но если бегущие не видят себе спасения от жгутовщика по причине его быстроты, а их усталости, то им позволяется, остановясь на бегу, сказать: «Чур меня!» Всякий из них, добежавший до столба, дерева, здания и т. п., должен ухватиться руками, плюнуть на землю и, если жгутовщик захочет ударить, то остановившемуся стоит только сказать: «Чур меня!» Если же ударит его, то он сам подвергается побоям других, тогда – горе ему! Удары сыпятся на него.

В Малороссии разыгрывают жгут по большей части одни парни. Они садятся на землю в тесный кружок, поднимают колени и передают из-под колен жгут друг другу. Один из парней, сидящий на ногах кого-либо из играющих, ищет жгут. Передающие из-под колен приговаривают: «*Шый, пошывай!*», – и, обманув сидящего на ноге, бьют его жгутом. Побитый бросается в ту сторону, в которой показался жгут; но его стараются передать из-под колен, чтобы ищущий не заметил, у кого он. Если ищущий успеет поймать жгут, то он бьет им виновного по спине и садится на его место, а тот садится на ноги кому-либо из играющих, и игра продолжается по прежнему порядку.

КОРОЛЬ (ЛИТОВСКИЙ)

Игры между литвинами: *король, бружас и медведь*, сопровождаются постоянно ударами жгутов.

В игре *король* берутся четыре полена: с одной стороны – полосы белые, а с другой – черные, и бросаются вверх. Когда упадут белой стороной, тогда бросавший их делается королем

и имеет право осуждать играющих к наказанию жгутом по рукам. Если три полена упадут белою стороною, а четвертое черной, то бросивший их делается маршалом с правом исполнительной власти; две белые и две черные стороны означают шляхтича, не подлежащего никакому наказанию; три черные, одна белая означают холопа, коего бьет маршал по приговору короля; все четыре черные стороны означают цыгана, и его подвергают самым жестоким наказаниям.

БРУЖАС

В *бружасе* двое с завязанными глазами и жгутами в руках становятся посредине избы на коленях, держась противоположно друг другу за ножки стула. Играющие в бружас кричат на них: «Бружайгул!» На их голос они размахивают жгутами и направляют удары на кричавших, но большею частью попадают друг в друга. Подавший голос прячется под стул или за стул, держась за ножку рукою. Если удар попадет в крикнувшего, то он делается бружайгулом.

МЕДВЕДЬ

Одного из играющих запирают в чулан, все прочие остаются в избе и назначают *медведем* кого-либо из себя. Потом всяк подходит по очереди к дверям, стучится, царапает и ревет. Если запертый отгадает по голосу, кто из них медведь, то он отворяет дверь и оставляет его вместо себя. Если отворит дверь не угадавши, то все бьют его жгутами.

ДРАГУН

В Восточной Сибири употребляют по большей части те же самые игры, какие в России; но *драгун* – любимая забава енисейских жителей. Парни, называемые драгунами, садятся попарно с девушками и молодками в кружок. Посередине ставят скамью, которую сторожит с жгутом бойкая девушка

или молодка. Осмотрев или обойдя сидящих, она подходит к парню, который ей более нравится, бьет его слегка жгутом и спрашивает его: «Дома ли драгун?» – «Дома». – «Веди же на смотр своего коня». Он берет за руку избираемую им девушку и подводит к скамье. Она должна перескочить через скамью; если заденет, то ее бьет жгутом спрашивавшая драгуна, потом передает ей жгут, а сама садится на ее место. Если перескочит не задевши, то парень целует ее в щеку и садится с нею на прежнем месте. Заупрямившаяся девушка, перепрыгнув через скамью, навлекает побои на драгуна. Все девушки мгновенно соскакивают со своих мест, бьют жгутами, приговаривая: «Зачем худо кормишь? Корми лучше, будет прыгать. Бедненькая исхудала, вся высохла!» Драгун начинает кормить свою лошадь поцелуями, пока она не перепрыгнет. Тогда она остается с жгутом при скамье, и забава продолжается, пока все не перескочат.

Эта игра обнаруживает сладкие поцелуи любовников. Парень всегда выбирает ту девушку, которую он любит; а девушка нарочно упрямится скакать, пока он ее не расцелует. Девушки страстно любят поцелуи, думая, что в них истинная любовь; но любовь и дурачество в тесной дружбе.

ВЕНЧИК

Игра Восточной Сибири. Это есть не что иное, как фант. Девушки и парни садятся в кружок и поют песни, оканчивая каждый куплет приказом похитить молодцу *венчик*, например, у Аннушки. Он подходит к ней и просит венчика (фанта); она отказывается дать; он прибегает тогда к поцелуям, и только после нескольких поцелуев она отдает ему залог, который он кладет в общие фанты. Таким образом продолжают петь, пока не соберут ото всех венчики, кои разыгрывает уже девушка, и она за каждый вынутый венчик получает в награду поцелуй. «Она счастливая!» – говорят между собой шепотом завистливые подруги. Венчик выражает легковерную любовь, забавляющуюся одними поцелуями, потому венчик

для кокеток – рай наслаждений. Можно заметить, что жители Енисейской губернии весьма любят поцелуи. Нет нужды, что они живут между снегами, а по всему видно, что они пламенные, но их пламень проходит скоро. У них есть даже поцелуйная пляска, называемая шестериком и осьмериком. Становятся в шесть или восемь пар, разумеется, парни с девушками, и начинают петь хором любовные песни. Иногда скрипка или кларнет сопровождает их; они вертятся попарно, останавливаются и потом целуются. Потом снова начинают вертеться, или каждый мужчина кружится со своей девушкой, и при хоре песен и звуке музыки и, протанцевав круг, останавливаются с нею на своем месте и целуются. Иногда удалый молодец вертится с двумя хорошенькими и потом целует их обеих.

ДЕРГАЧ

Посмеяться от нечего делать – вот основание этой забавы для скучных осенних и зимних вечеров. *Дергач*, или, как другие называют, деркач, по своему началу сходствует во многом с жмурками. Дергачами называются игроки, потому что они дергают за полы платья того, который их ловит. Играющие садятся около стен и смеются над водырем, который ходит по комнате с завязанными глазами и ловит. В это время один дернет его за полу, другой стукнет ногою, третий крикнет – одним словом, каждый старается дать о себе знать и не дать себя уловить. Водырь не иначе может схватить дергающего, пока не узнает его по голосу; узнавший сменяет его. Водырю случается ходить до поту, оттого что дергающие изменяют свои голоса. В эту игру допускаются все возрасты.

Дергач употребляется в Малороссии иначе. Вколачивают в землю колышек и к нему привязывают на длинных шнурах двух молодцов с завязанными глазами. Одному дают в руки крепко свитый жгут, а другому – зарубленные две палочки, с которыми он торчит; и <он> называется дерга-

чом. С жгутом подкрадывается к дергачу ничего не видящий и размахивается, чтобы ударить его, но свист раздается в воздухе, а торчащий с палочками перебегает на другое место. Жгутовщик преследует дергача, а он бежит то в ту, то в другую сторону. Смотрящие на игру помирают со смеху, кричат жгутовщику: «Лови его! Бей его! Вот здесь, вот он там!» Оба с завязанными глазами иногда сходятся вместе. Тогда поднимается хохот со всех сторон. Но для дергача это весьма невыгодно, ибо если жгут нападет на него, то бьет его без милосердия и сколько душе угодно. Дергач может спастись от него только своим бегством; жгут вновь гонится за ним. Впрочем, с побитием первого раза прекращается игра и занимают место новые охотники. Бывают хитрости с обеих сторон: тайно приподнимают платок с глаз, чтобы высмотреть друг друга, и тогда горе дергачу: сыплются удары от жгутовщика. Наблюдающие за игрою строго сохраняют справедливость: никого из них не допускают к обманам. Если это сделает жгутовщик, то его ставят вместо дергача; а если дергач, то его осуждают продолжать игру до побития двух раз.

Эта игра выражает крепость и проворство и требует решительного терпения в перенесении побоев. Тот считается недостойным забавы, кто будет жаловаться на нанесенные ему удары. Жалующегося исключают из числа игроков и дают прозвание бабы, неженки, баловня и матушкина сыночка.

КОРОЛЬ (МАЛОРОССИЙСКИЙ)

Несколько девушек делают круг, в который ставят одну избранную из них, именуя ее *королем*. Каждая спрашивает: «Король! Король! Что прикажешь делать?» – «У короля нет жены», – отвечает король. Спрашивавшая должна целовать короля, но она не хочет и громко говорит, чтобы слышали панычи (молодые дворяне): «Вот что вздумали. Целоваться панночкам между собою! Это похоже, что «горшок столкнется с горшком, а масла не будет». Панночки засматриваются на панычей и стараются заманить их в свою игру; панычи

стоят, не идут; панночки продолжают повторять, пока не пристанут к ним панычи, которые, наскучив быть в бездействии, подходят к ним и просят принять их ради удовольствия. Раздвигается кружок; панычи становятся между ними или усаживаются, но всегда таким образом, что девицы сидят по обеим сторонам каждого паныча. Начинают избирать двух королей, жребий постоянно падает на красавцев. Один из них становится посередине, а другой остается в кружке, составленном девушками. Проворная девушка спрашивает стоящего короля в середине: «Король! Король! Что прикажете делать?» Она краснеет, зная наперед его ответ. Король отвечает: «Короля шановать (уважать) и его каждой панночке семь раз целовать». – «Вот что выдумали! – кричат все в один голос. – Этому не быть! Поверьте, король, этому не быть!» Они сердятся, а внутренне довольны; щеки их румянятся от радости, однако все кричат: «Не быть по-вашему!» Девушки посматривают друг на друга, перешептываются и не знают, как начать. Нечего делать! Каждая панночка подходит к стоящему посередине королю, целует его семь раз – ни более ни менее – и возвращается на свое место. Стоящий с девушками король приказывает большею частью самой стыдливой: «Поцелуйте короля»¹. Она вся горит, не смеет смотреть; подружки хохочут и кричат ей: «Что ж вы думаете? Чего вы стоите? Вы боитесь! О, как вы покраснели!» Игривая девушка берет на себя обязанность целовать румянец, говоря смутившейся: «Я за вас поцелую!» Она подходит к нему, целует в обе зарумянившиеся щеки и становится на свое место. Третья девушка приказывает своей милой подруге отмерять королю двадцать аршин лент. Она подходит к нему, берет его за руки, поднимает вверх и отмеривает означенное число аршин. При отмеривании каждого аршина она целует его в щеку. Со всех сторон поднимается смех; все указывают на меряющую, которая устает уже от поцелуев; ей кричат: «Меряйте! Меряйте!» Она устала, но все требуют домерять. Кончила, но вновь

¹ Иные прибавляют еще: «В стыдливое место», – это означает румянец на щеках.

одна панночка приказывает собирать подать для короля. Король идет рука об руку с избранною им девушкою, которая получает тогда название королевы и собирает подать с девиц. Король подходит поочередно к девушке, каждая целует его, а он целует свою королеву в ознаменование верно собираемой подати, которая как бы складывается тогда в носимую сумку. Веселость разнообразится: панычи и панночки жартуют (шутят) между собою, резвятся, хохочут и бьют в ладоши от радости. Но вдруг раздается из круга простосердечный голос: «Не щипайте, панычу!» И соседка резвая отодвигается от шалуна, который отвечает без застенчивости: «Панночка моя! Голубочка сизая! Чего вы кричите? Я не щиплю, а только щекочу». Общий смех пробегает по всему кругу; оборачиваются к ним и хохочут. Панночка, желая поправить свою ошибку, говорит ему: «Прошу не щекотать, я боюсь щекотки». Прочие играющие переглядываются нежно, жмут руки украдкой и прижимаются, как бы нехотя, друг к другу. Невинные шалости и резвости увлекают играющих, и невидимо летят между ними часы удовольствия. Что выражает эта игра? Любовь, которая всегда волнует молодость.

ВЗВЕШИВАНИЕ СОЛИ

Двое из парней становятся плечами друг к другу и переплетаются руками таким образом, что когда один нагнется головою к земле, то в то время другой поднимается навзничь вверх; потом выпрямляются оба. Тогда другой начинает то же действие, и продолжают, пока не устанут. Эта игра представляет весы, на коих взвешивают соль. Она в большом употреблении в Литве и выражает крепость, ловкость и силу.

КРУЖОК

На ровном месте становятся несколько мужчин с палками и бьют ими деревянный кружок вверх. Кто выше ударит и чаще бьет, тот играет более всех. Это простая забава, но, однако,

в ней видны проворство и ловкость играющего. Она употребляется больше в Юго-Западной России по деревням.

КОНЧИКИ

В кончики играют четверо: две девицы и двое мужчин. Мужчины, сложив вместе концы карманного платка, подносят их сидящим. Каждый выбирает любой для себя конец и разворачивает платок. Те, чьи концы придутся накрест, должны целовать друг друга.

Эта игра, пробуждая страсти, показывает чувство затаенной любви, потому в нее играют большей частью воздыхатели. Кончики есть изобретение влюбленных, и неизвестно, что они перенесены были из чужой земли.

ЛАНТА

Завязывают глаза одной какой-либо девушке и ставят ее в середину круга. Завязанная, расхаживая в кругу, должна отгадать, у кого находится жгут. Если она укажет не на ту, которая имеет его, то держащая жгут бьет ее по спине и передает другой. Когда завязанная отгадает или узнает, у кого жгут, тогда имеющей его завязывают глаза, и она начинает отыскивать в свою очередь жгут.

Эта игра выражает слепую любовь, и потому она наказывается ударами за легкомыслие, исправляемое одной тяжелой опытностью.

СТОЛБИКИ

Ими забавляются парни и девушки преимущественно на Святках. Выбрав кого-либо водить столбики, остальные становятся попарно недалеко друг от друга, и эти пары образуют столбики. Водящий ходит с прутом около столбиков и намеревается стегнуть кого-нибудь. Заметившие это, особенно когда он вблизи их, меняются местами. Если водящий успеет стегнуть и занять место, то лишившийся его обязан водить.

КОРШУН

В праздничный день, когда собираются у ворот семейства, молодые всех возрастов скликивают играть в коршуна. Избрание коршуна производится с общего согласия, но часто, кто посмелее и проворнее, тот делается коршуном. После коршуна избирают наседку, которая должна быть умною и доброю, а все прочие составляют цыплят – ее семейство. Мать-наседка выступает длинным рядом, с детьми всех возрастов. Дети, взявшись за руки, ходят вокруг коршуна и поют:

Вокруг коршуна хожу,
По три денежки ношу:
По копеечки,
По сопелочки.

Коршун роет землю, посматривает на них злобно, скрежещет зубами, машет крыльями и кричит коршуном. Наседка подходит и говорит: «Коршун! Бог помочь». Коршун отвечает: «Не слышу». Дети опять ходят вокруг него и поют то же самое. Потом останавливается мать и говорит прежнее: «Коршун! Бог помочь». Он отвечает: «Спасибо». – «Коршун, что ты делаешь?» – «Рою землю да яму». – «На что роешь яму?» – «Денежку ищу». – «На что денежку?» – «Иголку купить». – «На что тебе иголка?» – «Мешочек сшить». – «На что тебе мешочек?»¹ – «Соли купить». – «На что тебе соль?» – «Щи посолить». – «На что тебе посолить?» – «Одну половину самому съесть, а другою залить глаза твоим детям». – «За что?» – «Они мою городьбу разломали». – «А как высока была твоя городьба?» Коршун при этом вопросе бросает камень вверх так высоко, как может, и говорит: «Вот как!» – «Неправда! Твою городьбу и козел достанет бородой, а той они разломать не могут». – «Они буяны, я их перебую». – «Они мои дети, я не допущу: ши, ши, коршун!» – Она отгоняет детей и гро-

¹ Говорят еще: «Камешки класть». – «На что камешки?» – «Твоих детей шуркать, буркать».

зит напасть на него: – Ши, ши!» Коршун бросается на детей¹, наседка не допускает его до них; дети бегают около матери, укрываются за нею. Начинается беганье, шум, крик; коршун сбивает с ног наседку, хватает детей и потом обращается на наседку: общипывает ей перья, кусает и ругается над беззащитною матерью. Таково состояние беззащитного семейства, когда оно попадает в руки злобного врага. Есть примеры, что в злополучии и родные идут против родных.

В коршуна играют повсюду одинаково, за исключением только вопросов, делаемых коршуну. Проворный мальчик избирается в коршуны, а матерью бывает девица, уже опытная и ловкая, которая в других местах называется *матя*. Мать стоит со своими детьми перед коршуном и спрашивает его: «Коршун, коршун, что ты делаешь?» – «Ямочки копаю». – «На что тебе ямочки?» – «Камешки собирать». – «На что тебе камешки?» – «Твоих детей в лоб щелкать». – «За что, про что?» – «За то, что они потоптали мою капусту в огороде». – «Да высока ли была изгородь?» Коршун, встав, кидает щепочку вверх: «Вот какая!» – «О, да через твою изгородь перескочит лягушка, а не то что мои дети». Обрадованные ответом матери дети свиваются в кружок и, выставя вперед ножки, спрашивают: «Которая была? Которая была?» Коршун смотрит на них некоторое время и вдруг бросается на крайнего. Дети сбегаются к матери, которая, распростерши *руки*, летает перед коршуном, кричит: «Шугу! Шугу!» – и защищает их. Борьба длится долго, но коршун успевает схватить детеныша, кладет его возле ямы и бежит за другим. Борьба снова, и она возобновляется до тех пор, пока коршун не переловит всех детенышей, и тем оканчивается игра.

ВОРОН

Одни девицы, а иногда вместе с парнями, играют в ворона. Взявшись за руки, становятся в ряд попарно. По со-

¹ В других местах, именно в Саратове, когда коршун ловит детей, тогда кричит: «Икры хочу!» Наседка отвечает: «Икра на базаре».

гласию или по жребию выбирается из них ворон. Его ставят впереди себя на несколько шагов и запрещают ему оглядываться. Задняя пара бежит вперед врозь, один по правую, а другой по левую руку ворона и, пробежав его, стараются сбежаться вместе; но ворон бросается ловить, пока бегущие не схватятся за руки. Пойманный вороном становится с ним в передней паре, а оставшийся занимает место ворона, и игра продолжается, пока не разыграют ее все пары. Эта игра употребляется в Малороссии, она служит хорошим телесным упражнением.

РЕДЬКА

Собираются на зеленый луг взрослые обоого пола. Молодые парни садятся в один ряд; к ним подходят девушки и молоденькие женщины и садятся так же. Впереди всех – сидящий парень, <он> называется *бабушкою*, а все прочие играют *редьку*. Один из парней делается купцом и приходит к переднему покупать редьку. «Бабушка! Продай редьку». – «Изволь, батюшка». Купец смотрит на девушку, улыбается и говорит: «Хороша редька». И хочет выдернуть ее. Парень не дает. «Батюшка! Нельзя выдернуть, дай касарик; я выкопаю ее с корнем». – «Что ты, батюшка, срамишь мою гряду! Тряхни, и вся выскочит с корнем». Он берется трясти парней: иного схватит за ноги, другого за руки, третьего за плечи и пр. Если удастся ему выдернуть кого-либо с места и потрясти, означая этим, что он оббивает редьку от земли, то все встают и гонят его побоями. Увернется от их побоев – хорошо; нет – то достается порядком. Но женщины тут вступаются за него, отгоняют мужчин, и общим хохотом заканчивается забава. Надобно заранее приготовиться к перенесению ударов, иначе осмеянный парень не может от стыда вступить вновь в эту игру.

На все есть свое время, на все, и на любовь. Молодые, исполненные жизни и горячего воображения, спешат необдуманно в объятия розового существа, не зная, что под души-

стым кустарником часто кроется змей-губитель. Но молодость не верит опытности, старость не верит молодости, потому в последней проявляется ревность, которая очень хорошо выражена в игре «Редька».

ВЕРЕВОЧКА

«Веревочка» – старинная русская свадебная игра. Сваха приносит в избу веревочку, дружка или сват скрепляет концы узлом. Девушки берутся за веревочку руками и делают из себя кружок. Сваха входит в середину. Обойдя всех кругом, она приветствует каждую приличными на сговоре поговорками или присказками, например: «Пора девушке замуж, за старостина сына – калина-малина моя!» К другой: «У старостина сына прянички сладкие, мед сыченный – калина-малина моя!» К следующей: «Кого люблю, тому скажу»; потом к следующей: «Тебе скажу, моя душа, красавица». Обратясь к другой: «Не ломай руки белые, бери руку суженого». И обходя всех, говорит: «Одной-то нет, одной-то нет. Она ждет да пождет друга милого, суженого». На ее приветствия все улыбаются.

Впоследствии стали принимать в эту игру молодых парней, которые составляют вместе с девушками один круг. Тогда выбирается из пожилых мужчин сват, которого называют *круговым*, и он, обходя всех кругом, приговаривает им разные присловья, бьет невнимательных по рукам. Невнимательный, сопровождаемый общим смехом, занимает его место и продолжает играть вместо него, пока игра не прекратится добровольно. В таком случае начинают петь свадебные песни.

ЯША

Осенняя забава, но она совершается иногда весною. Участие в ней принимают те только, которые избирают для себя или женихов, или невест. Главное действующее лицо есть *Яша*. Румяный молодец садится на лавку или на землю; вокруг его ходят парни, взявшись за руки с красными

девушками, и говорят: «Сиди, сиди, Яша, в ракитовом кусте; грызи, грызи, Яша, ореховые зерна. Лови себе, Яша, кого тебе надо; лови девку за русую косу, лови красную за алую ленту». Родители смотрят на потеху молодежи и с волнением сердца обращают свое внимание на Яшу. Хорошо, если он изберет ту, которая по их мыслям. Яша, окинув глазами окружающих его, высматривает красную девушку, но они разбегаются от него во все стороны. Он не теряет бодрости, гонится за любимой и ловит. Над его выбором издеваются и приговаривают: «Выбрал себе Яша рябую кукушку; выбрал себе Яша черную кошку, черную кошку». После него садится другой Яша и точно так же играет.

Кроме настоящего удовольствия в этой игре она изображает сватовство молодых, и редко проходит, чтобы выбранная девушка не сделалась женой.

РЕКРУТСКИЙ НАБОР

Это забава не есть русская, но <так> как она давно усвоилась у нас, то и составляет нашу собственность. Играющие обоего пола: девушки и мужчины, разделяются на две половины; девушки садятся на стульях, имея при себе один пустой стул, назначенный только для своего рекрута; мужчины уходят в особую комнату и ожидают призыва. Между тем каждая девушка, загадав про одного из мужчин, ожидает с любопытным нетерпением его выхода. Угадает ли он ее мысли? Угадает ли он, что она про него задумала? И точно ли он ее любит? И думает ли он о ней? Мужчины, со своей стороны, думают и гадают: понравятся они или нет? При обоюдном трепетном ожидании стоящий у дверей часовой требует под станок рекрута. Рекрут выходит и садится подле избранной по его мыслям девушки, и если она не любит его или не желает любить его, или не нравится он ей чем-нибудь, то она начинает хлопать, а за нею все, и с него берут фант за то, что не угадал или, как хотите, за то, что не понравился. Это явное посмеяние приводит иного в бешенство, но приличие

и сама игра запрещают обнаруживать неудовольство. Насильно милым не будешь. Он возвращается в рекрутскую комнату, разумеется, и тут начинают насмехаться над ним. Каждому забракованному рекруту позволено еще выйти два раза, но не иначе как по требованию часового. Если рекрут по мыслям, то его не сгоняют с места: он садится подле своей избранной и участвует в игре с прочими до окончательной переклички. Если забракованные рекруты не были первоначально по сердцу, то их стараются обласкать и, позволяя им надеяться на любовь, допускают, для скорейшего окончания игры, садиться подле девушки. Тогда девушки встают со стульев и идут в рекрутскую; на их место садятся мужчины и набирают рекрутов из девушек по прежнему порядку. Мужчина, обиженный нерасположением к нему девушки, мстит ей хлопаньем, а за ним хлопают все остальные. С прохлопанной берут фант. По окончательной перекличке или, лучше сказать, по набору всех рекрутов разыгрывают уже фанты. Но при этом наблюдают, чтобы с каждой и каждого непременно был взят фант, а дотоле не приступают к разыгрыванию фантов.

В рекрутский набор не повсюду играют однообразно. Бывают небольшие изменения. Мужчины и девушки разделяются на две половины. Мужчины, составляющие рекрутов, уходят в особую комнату, которая называется рекрутскою, а остающиеся девушки составляют членов присутствия, и их комната называется рекрутским присутствием. В этом присутствии условились: кому какого рекрута принять себе? Усевшиеся по местам имеют при себе отдельное кресло или стул. Потом одна из присутствующих объявляет: «Присутствие открыто!» Отворяется дверь, один из рекрутов входит, становится посредине рекрутского присутствия и кланяется наудачу присутствующим. Если он поклонился той, кто его выбрал, то все кричат: «Годится!» Он кланяется присутствию в другой раз, целует избравшую его и садится подле нее. Если рекрут поклонился не той, которая избрала его, то кричат: «Не годится», — и он выходит за дверь, сопровождает

мый хлопаньем. После него выходит другой рекрут, и продолжают выходить, пока не переберут всех. Когда усядутся все рекруты подле присутствующих, тогда девицы делают рекрутами, а прежние рекруты присутствующими. Игра продолжается дотоле, пока не переменят на другую.

Из игры рекрутского набора составляются часто сами свадьбы. Что же, собственно, значит эта игра? Выбор невест и женихов.

КУРИЛКА

Некоторые относят эту игру к древней греческой¹ и что она будто бы перешла к нам давно. По самому названию она означает русскую забаву. Курилка, от слова курить, показывает всякое курево и горящую лучинку, которая в иных местах заменяется словом *курилка*.

Когда все усядутся в кружок, тогда зажигают лучинку и передают ее друг другу. Во время передачи все поют протяжно унылым голосом:

Жив, жив курилка,
Жив, жив и умер!
А у нашего курилки
Ножки долженьки,
Душа коротенька.

Если при последнем слове погаснет лучинка, то есть курилка у кого-нибудь, то берут с того фант. Потом снова зажигают и продолжают зажигать курилку, пока не наберется большое число фантов, которые наконец разыгрывают.

Курилка выражает пламень любви, и как скоро потухает лучинка, так скоро исчезает любовь, и чтобы снова пробудить ее, надобно вновь воспламенить сердце, и это напоминает через повторяемое зажигание. Ничто не может существовать в природе без любви – без нее все мертво.

¹ Guthr. «Sur les antiq., des usages. etc.».

Печально протяжный напев всего более высказывается в словах: *жив и умер курилка* – то есть поживши в любви и умер. Счастлив тот, кто умел любить; но несравненно счастливее тот, кто не играл любовью. Потерявши ее однажды, нельзя согреть сердца прежним чувством.

ИГРА ИМЕНАМИ

Избранные четыре osoby предварительно заготавливают игру именами. Первая особа записывает на бумаге имена всех присутствующих мужчин, вторая – девиц, третья назначает, что им делать, а четвертая – где делать. Это производится без всякого сговора между пишущими. По окончании дела они объявляют игру. Все усаживаются по местам и ожидают своего приговора. Первая особа произносит, например, «Андрей», вторая – «Елизавета», третья – «танцевать», четвертая – «в комнате». Бывают весьма замысловатые и острые проделки, но никак не допускается выходить из приличия. Если кто прослышит свое имя, с того берут фант; собрав, их разыгрывают.

Игра именами представляется с первого раза одной забавной шуткою; но в них весьма часто пробуждаются ревность и досада, когда приходится выполнять назначение. Один ревнивый мужчина, ревности которого не знали, побледнел от гнева, когда увидел, что его сопернику пришлось поцеловать его красавицу; другой ревнивец – господин муж, рассорился со своей женою за то, что ей пришлось дозволить молодому ветеранику обнять себя. Но слова из игры не выбросишь, а дела не утаишь. Игра именами есть мука для ревнивцев: она, допуская проделки резвой и беспечной шалости, раскрывает волнения и страсти, удовольствия и страдания.

ИГРА В ПТИЦ

Сомкнув стулья в кружок, садятся и назначают, кому какой быть птицею. Кто соловей, кто жаворонок, кто канарейка,

кто голубь и т. п. Один кто-нибудь говорит: «Села» (т. е. летевшая птица). Другой спрашивает: «Кто села?» – «Канарейка». – «Где?» – «На веточке». – «Полетела». – «Кто полетел?» – «Канарейка». – «Куда полетела?» – «К жаворонку». Играющий жаворонка начинает говорить то же самое, а канарейка спрашивает. Если же играющий жаворонка прослышит свое прозвание, то с него берут фант.

ВОРОБЕЙ

Играющие называют себя именами деревьев или кустарников, например, яблони, малины, дуба, березы, смородины, вишни и т. д. Кто-нибудь начинает говорить: «Чив! Чив! Сидел воробей на малине, слетел воробей на яблоню». Кто яблоня, тот продолжает говорить, и играют дотоле, пока не наберется довольное число фантов. За всякую медленность или за забывание своего прозвания берутся фанты, которые разыгрываются потом обыкновенным порядком.

ПОЧТА

Каждый из играющих называет себя каким-нибудь городом: кто Петербургом, кто Полтавой, кто Астраханью, кто Саратовом и т. п. Один говорит: «Динь, динь!» Другой спрашивает: «Что едет?» – «Почта». – «Откуда?» – «Из Петербурга». – «С чем?» – «С письмами или цветами и т. д.» – «Куда?» – «В Полтаву». Назвавшийся Полтавою говорит: «Динь, динь!» – а Петербург продолжает спрашивать. Но если кто прослышит свое имя, то с него берут фант. По набрании довольного числа фантов разыгрывают их.

Обе игры: «Птицы» и «Почта», служат только приятным препровождением времени и, кроме игривости, ничего особого не заключают в себе. В Польше также играют в почту. «Что едет?» – «Почта». – «Откуда?» – «Из Варшавы». – «Куда?» – «Во Львов». Названный Львовом принимает почту¹.

¹ Goleb. «Gry i zabaw. etc.», ч. 3, с. 75.

СИНОНИМ

Один из числа играющих выходит в другую комнату, а все прочие загадывают две вещи одного содержания, например, штоф, который воспринимается в смысле сосуда с какой-нибудь жидкостью, и материи, коею обивают мебель и носят на платьях; или, например, коса, которою косят траву и которая украшает девушек, и т. п. По загадывании играющие вызывают сидящего в другой комнате, который должен отгадывать. Он начинает спрашивать с крайнего: «Как вы <его> любите?» – «Я люблю его видеть на окнах»; другой: «Я люблю, когда он бывает чем-нибудь наполнен»; третий: «Я люблю его видеть на женщинах»; четвертый: «Я люблю его видеть на сарафанах» и т. д., отвечают все по очереди. Если же он не отгадает, то с него берут фант. Тогда он выходит в другую комнату, для него снова загадывают и дотоле продолжают, пока не будет им отгадано. Если же отгадал, то берут с пойманного фант, он же делается отгадчиком, а отгадавший поступает в число играющих. По собирании достаточного числа фантов разыгрывают их.

«Синоним» – французская игра и усвоена нами. Это весьма трудная игра, ибо она требует особой остроты и сметливости и служит не одной забаве, но и развитию и изощрению памяти. Желательно, чтобы ею занимались поболее.

КУХНЯ

Каждый из играющих выбирает себе название из кухонных вещей, например: *тарелки, вилки, ножи, миски, печи, кочерги, ухваты, сковороды* и т. д. Один кто-нибудь начинает спрашивать, начиная с крайнего или указывая на окружающие предметы, или на самого себя, приступает к *тарелке* и говорит: «Это что у вас в носу?» – «Тарелка». – «Это что на губах?» – «Тарелка». – «На чем вы сидите?» – «На тарелке» и т. д. *Тарелка* на все должна говорить: «Тарелка», на что бы

он ни указал или что бы ни спросил; но если она засмеется, то с нее берут фант, и она начинает спрашивать в свою очередь, например: «Кто вы такой?» – «Ухват». – «Ухват! Кого любите целовать?» – «Ухват» и т. д. По набирании достаточного числа фантов приступают к их разыгрыванию.

«Кухня» есть превеселая, шуточная и забавная игра. Она невольно производит смех и хохот всех играющих, и редко кто из них не расплывается фантом, потому что надобно <иметь> большое терпение и чрезвычайную суровость, чтобы не засмеяться, когда спросят вас: «На чем вы сидите?» – «На кочерге». – «На чем вы ездите?» – «На кочерге». – «На чем спите?» – «На кочерге».

Кухня веселит всех играющих, потому она есть выражение резвости.

ВЕСЬ ТУАЛЕТ

Точно так же и в этой игре каждый называет себя особым каким-нибудь названием туалета: кто *чепчик*, кто *шляпа*, кто *шпилька*, *чулки*, *помада*, *духи*, *корсет*, *башмаки* и т. д. В середине их стоит кто-нибудь из играющих и говорит: «Барыня спрашивает шляпку». Кто носит название шляпки, должен отвечать: «Здесь». – «Барыня спрашивает шпильки». – «Здесь». – «Барыня спрашивает чулки». – «Здесь» и пр. Если кто из играющих прослышит свое имя, то с него берут фант, и спрашивающий продолжает говорить, пока всех не переберет. Тогда он хлопает руками или просто говорит: «Барыня спрашивает весь туалет». За этим словом все должны немедленно переменить свои места, и кто не успеет занять места, тот входит в круг играющих и начинает говорить прежним порядком. Эта игра продолжается, пока довольно не соберется фантов, которые потом разыгрывают.

Весь туалет принадлежит к числу веселых игр, и потому она есть изображение непринужденной забавы, свойственной юным годам.

КОШКИ-МЫШКИ

Все играющие, носящие название *мышек*, берутся за руки и составляют из себя круг. Но один из них назначается *мышкой*, а другой *кошкой*, которая, стараясь уловить мышку, бегает за нею вне круга, а мышка внутри круга. Составляющие круг обязаны не пропускать кота. Если же какая-нибудь пара пропустила его, то она занимает место мышки и кошки; с них берутся тогда фанты, а прежние мышка и кошка становятся в круг играющих. Набранные фанты разыгрываются потом.

Эта игра больше детская, однако ею забавляются взрослые, и она, собственно, есть русская. Она выражает беззащитное семейство, подвергаемое злобным нападениям врагов.

ПОШЕЛ РУБЛЬ

Все садятся в кружок, а один из них становится в середине. Сидящие передают друг другу рубль, говоря: «Пошел рубль, пошел два». Стоящий в середине должен отыскать рубль, и у кого найдет, с того берут фант, и тот занимает его место. Таким образом продолжают игру, пока наберется довольно фантов, которые разыгрывают потом.

Эта игра во многом сходна с *золото хороню*, с той разницей, что в *пошел рубль* не поют и по отыскании рубля берут с виновного фант. *Пошел рубль* служит веселому препровождению времени.

ОХ, БОЛИТ!

Каждый из играющих называет себя каким-нибудь цветком, например фиалкою, жасмином, резедою, незабудкой, розою, гвоздикой и т. д. Один из цветков, например незабудка, говорит: «Ох, болит». Другой спрашивает: «Что болит?» – «Сердце». – «По кому?» – «По жасмину». Жасмин продолжает говорить незабудке то же самое, и по кому произнесено будет,

что болит сердце, тот продолжает говорить. Кто прослышит свой цветок, с того берут фант, кои потом разыгрывают.

Есть ли это народная игра или занесенная к нам? Чисто русская, и она, как видно из самих слов, объясняет простосердечную откровенность. Если кто из играющих обратится к такой особе, которая давно томится любовью, — о, как больно тогда отвечать, по кому болит сердце. Тогда невольно обнаруживается страдание души, вспыхивающее на лице красавиц огненным румянцем; тогда и радость, и стыдливость: она или сама произносит, или слышит признание того, который чудился ей и наяву, и во сне. Но смертельная рана тому цветку, которому не ответят на сострадание его, — тогда вместо радости пробуждается отчаяние.

Эта игра весьма опасная, и потому вы, красавицы, не должны играть любовью.

Сама песня, сочиненная чувствительными сердцами, гораздо лучше обрисовывает томительную любовь.

Ох, болит!
Что болит?
Болит сердце мое!
Да по ком?
Все по нем,
Все по миленьком моем.
Пусть бранят,
Говорят злые люди,
Что хотят!
Как же быть!
Не любить?
Не могу его забыть.

Нет сомнения, что наши прабабушки изобрели эту игру тогда, когда они томились в теремах, как в заключении; когда им не позволялось выходить отсюда, чтобы посмотреть на людей и полюбоваться Божиим миром; когда законы приличия воспрещали им произносить свою любовь сам друг; когда виделись с самим женихом за несколько времени до со-

вершения брака; когда выдавали наших красных девушек за того, по кому сердце никогда не заболит, но изнает еще; когда разлучали чувствительную душу с тем, по кому она всю жизнь должна вздыхать, болеть душою и сердцем; когда все сладостное, очаровательное, упоительное, все, что есть нежное, драгоценное, которое ничем не может быть заменимо, навсегда исчезает, как сон; и как тут не сказать: «Ох, болит!» Невольное, ненастроенное мучение сильно потрясает душу, и что однажды заронено в ней, никогда и ничем не может быть успокоено, и тут всегда, во сне и наяву: «Ох, болит!»

МОСТ МОСТИТЬ

Становятся друг против друга попарно девушка и мужчина и держат поднятые руки вверх, вровень с грудью. Пары строятся в один ряд длинной вереницею, и чем она длиннее, тем красивее; этот ряд называется *мост*; избранная пара — девушка и мужчина начинают мостить его: взявшись за руки, они идут на мнимый мост; первая пара моста поднимает руки, пропускает их; тут мужчина оборачивается и целует противоположную ей девицу, а его девица противоположного ей мужчину; когда обе пары перецелуются, мужчина заключает свой поцелуй на своей девице. Это взаимное целование называется «мост мостить», и оно продолжается через весь длинный ряд: всяк непременно обязан взаимно целовать, иначе это почтется преступлением против игры. Когда первая пара перецелует весь ряд, тогда она становится на конце, и начинает пламенное мощение следующая пара тем же порядком. Когда все пары перецелуются, тогда уже оканчивается мощение моста. Если кто не успел поцеловать или поцеловал не так, как следовало, с того берут фант, кои потом разыгрываются. Но редко бывают фанты, потому что никто не пропускает случая поцеловаться, разве случится как-нибудь нечаянно, по недосмотру, или сама девушка увернется, за то мужчину не только наказывают фантом, но общим посмеянием. Большею частию бывает, что снова на-

чинают мостить мост по неимению фантов, ибо с фантами оканчивается игра.

Всякому теперь понятно, что это мощение производит сладостное ощущение в глубине сердца. Оно пробуждает нетерпеливое желание сорвать поскорей поцелуй с розовых уст, давно горящих вулканом любви.

Мост мостить – одна из страстных игр; в ней вполне разворачивается весь пыл кипучей юности: это кратер, извергающий огнедышащую лаву, которая в своем течении все истребляет и обращает в пыль воздушную; это поток огненной любви, бьющейся непрерывными возгласами: «Любить хочу! Сгораю от любви!»

Мост мостить – чисто русская забава, без сомнения, была в употреблении между нашими предками.

Наши предки умели очень страстно любить; это подкрепляется хороводом *плетень*, с которого, конечно, переделана эта игра. Только неизвестно, которая из этих игр старше. Но чувства любви зароняются прежде игр и раскрываются только в то время, когда наступает пора любви. И тогда чего не выдумает любовь? Каких она не изобретает игр и забав и каких не совершает проделок, чуждых всякому рассудку? Тогда одно только желание – любить! Любить!

АЗБУКА

По занятии мест избранный игрок спрашивает своего соседа или соседку, сидящую по правую руку, начиная с первой буквы, что бы она сделала с ним. Например: «Если бы я ангел<ом> был, то что бы вы сделали со мною?» Она должна отвечать немедленно, иначе фант. «Если бы вы были ангел<ом>, то я бы вас полюбила как ангела». Спрашивавший должен объявить о том всем играющим. Должно наблюдать, чтобы один и тот же вопрос не повторяли и не спрашивали, не разобрав целое слово *ангел*, в противном случае – фант. После буквы *а* надобно спросить на букву *н* и т. д.; когда окончится слово *ангел*, то следующий спрашивает уже на букву *б*.

«Если бы я превратился в *беса* или сделался *блином*, то что бы сделали или как бы поступили со мною?» На это надобно отвечать по своей мысли, например: «Если бы вы превратились в *беса*, то я разлюбила бы вас», или: «Если б вы сделались *блином*, то я бы скушала его с величайшим аппетитом» и т. п. Таким образом продолжается азбука по порядку и всему кругу. По окончании игры разыгрывают фанты.

МОЛЧАНИЕ

Сидящие в кругу должны соблюдать строгое молчание, не двигаться и даже не улыбаться; за неисполнение всего этого берется фант. Один только избранный, нарушая молчание, ходит в круг и старается кого-либо рассмешить или заставить сказать что-нибудь. Он имеет право подходить к каждому, предлагать смешные или забавные вопросы, на что надобно отвечать одними знаками, но кто произнесет хотя одно слово, с того фант.

Играют в молчанку еще другим способом. Избранный, нарушая молчание, ходит в круг и кривляется, или делает странные телодвижения, или изображает что ему вздумается. Сидящие должны делать то же, что избранный, без малейшего смеха и ничего не говоря. За невыполнение, что делал избранный, или за смех и говор берется фант. По собирании большого количества их разыгрывают.

К ЧЕМУ БЫ УПОТРЕБИЛИ МЕНЯ?

Садятся в кружок девицы, дамы и мужчины, но таким образом, чтобы мужчины сидели между двумя дамами. Потом мужчина тихо спрашивает свою соседку с правой стороны: «Если бы я был колибри, то к чему бы употребили меня?» – «Заперла бы в клетку и сама кормила бы вас». Этот ответ он хранит, обращается к соседке с левой стороны и спрашивает тихо: «К какой обязанности или к каким услугам я был бы назначен вами?» – «Свистать или учить меня музыке» и т. п. Спрашивающий мужчина рассказывает собранию

то и другое, то есть для какого он годится употребления и к чему назначен. Тут не берутся фанты.

ЧЕМУ УПОДОБИТЬ

Всякий уподобляет своего соседа или соседку какой-нибудь вещи, находя с нею сходство и несходство, и все это надобно говорить вслух. «Я уподобляю мою соседку розе: она сходна с нею и цветом, и очаровательностью; дышит прелестью аромата и сладостью жизни, но не сходна с нею в том, что роза с шипами и недоступна, а соседка моя без шипов и доступна; что роза дышит запахом своим, а моя соседка духами; что жизнь розы сладостная, ею любитесь все и всяк, а жизнь моей соседки терниста и всяк горюет, смотря на прелесть увядающую» и т. п. Тут не собирают фанты.

ПРОШКОЛИТЬ

Кто-нибудь ходит в кругу и делает вопросы, какие ему вздумается, но меняя их постоянно. Отвечающая должна говорить ему противное, не употребляя слова *да* и *нет*. За произнесение их берется фант. Спрашивающий должен быть проворным и ловким, чтобы нечаянно уметь подбежать с вопросом к даме, которая вовсе не ожидала и не думала. За медленный ответ также берется фант.

ВОТ МОЯ КОРЗИНА

Садятся в кружок, где кому вздумается, и потом передают из рук в руки корзину. Позволяется встать и передать ее через несколько соседей, но во всяком случае, поднося ему, сказать: «Вот моя корзина! Что хотите, то положите». Кто не ответит скоро, что положил в нее, с того фант. Получившая корзину может передать ее соседу или, встав, вручить другому, вовсе не ожидавшему и не готовому с ответом. Таким образом продолжается игра.

НЕМОЙ КОНЦЕРТ

Избирается знающий музыку, который рассаживает находящихся в игре по местам. Каждой особе он дает инструмент: скрипку, бас, виолончель, флейту, кларнет, гобой, трубу, барабан и т. п. Составляющий концерт становится посредине и начинает играть на каком-нибудь инструменте, что ему придет в голову. Все остальные музыканты не должны играть, а выделять только своими движениями все его пассажи, расстановку и пр. Кто сделает ошибку или не выполнит, что надобно, тот взыскивается фантом.

ОСУЖДЕННЫЙ

Среди играющих назначают кого-либо *осужденным* и сажают в углу комнаты на скамейке. Другой из играющих, мужчина или девушка, тихо начинает расспрашивать сидящих в кругу, какие кто знает за ним преступления. Собрав ответы, он объявляет осужденному: «На вас поступило весьма много жалоб; одна прекрасная особа говорит, что вы очень страстны; другая, что вы изменник; третья, что вы влюбляетесь во всех женщин. Некто сказал, что вы играете сердцем, которое любит вас нежно» и т. п. Осужденный должен опровергнуть жалобы и указать ту особу, которая обнесла его невинно. Когда он не укажет особу, тогда остается еще осужденным. Игра начинается вновь и до тех пор продолжается, пока осужденный не узнает своего обвинителя. Фантов не берут.

ПТИЧИЙ ОХОТНИК

Каждому из играющих отдается на волю быть птицею, какою ему угодно. Охотник птичий, избранный из того же самого круга, подходит к каждой особе и выслушивает название птицы. По собрании всех названий охотник останавливается посредине и говорит: «В моем саду имеются пти-

цы разных пород, а именно: попугай, ворона, сова, голубь, сорока» и т. д. Потом он подходит к кому-нибудь и делает три вопроса: «Которой птичке вручаете свое сердце? Которой доверяете свою тайну? Которой намерены ощипать перья?» Спрошенная особа должна отвечать на всякий вопрос: «Вручаю сердце голубке, тайну сове, а ощипать перья попугаю». Когда охотник обойдет по порядку весь круг со своими вопросами, тогда он объявляет ответы, назвав каждую особу: такой-то поручил свое сердце голубке, которая есть девица такая-то; но что вы в самом деле вручили ей свое сердце, должны нас уверить тем, когда поцелуете ее. Такой-то доверил свою тайну сове, которая есть такая-то, а ощипать перья попугаю, который есть такая-то дама; но <так> как с прекрасным полом нельзя поступать так жестоко, то вы наказаны фантом. Должно заметить, что кто сам себе поручит сердце, тот целует в наказание свою руку; кто доверяет тайну самому себе, тот должен ее хранить при себе.

ПЕРЧАТКОЙ ИГРАТЬ

Надобно бросить перчаткой в кого-либо сидящего напротив и сказать ему: «Назовите мне что-нибудь воздушное, или водяное, или земноводное, но только одно из трех этих стихий». Получивший перчатку должен отвечать немедленно. На слово «воздушный» он может отвечать: «Сорока, попугай, ястреб» и т. п.; на слово «водяной»: «Рак, осетр, белуга» и т. д.; на слово «земноводное»: «Жаба, змея, уж» и т. д. Кто скажет противное стихии, тот расплачивается фантом. Получивший перчатку бросает ее со своим вопросом в другого, а этот бросает в следующего, и перчатка перелетает быстро от одного к другому, почему и называется «играть перчаткой».

ДОРОЖНЫЕ

Из числа играющих избираются двое *дорожных*, возвратившихся из далекого и опасного пути. Один дорожный

должен раздать каждому в собрании по одному какому-либо названию тех мест, где он проходил и про которые он намерен рассказывать. Играющие садятся в кружок таким образом, чтобы справа <от> дамы или девицы непременно сидел бы мужчина. Дорожные садятся посреди собрания. Первый рассказывает своему товарищу о причинах своего путешествия, потом о местах, через которые он проходил. Особа, услышавшая имя места, которым она называется, должна поцеловать соседа, сидящего справа <от> нее. Если кто целовал не ту особу, которую следовало, тот наказывался фантом. Когда дама или девица не захочет поцеловать мужчину, тогда она обязана свистнуть. При этой игре допускается только одно из двух: или поцеловать, или свистнуть. Товарищ дорожного строго наблюдает за выполнением всего в точности. По перечислении всех мест оканчивается рассказ дорожных; их место занимает другая пара, и дотоле продолжается игра, пока не наберется довольное число фантов.

СОЧИНИТЕЛЬ

Избрав для своего описания какой-либо предмет, например солнечное затмение, любовь, надежду на счастье в жизни и т. п., каждый пишет свою мысль на бумаге до точки или до полного периода и, загнув, что было им написано, передает писать другому о том же самом предмете, пока лист бумаги не обойдет весь круг. Когда все запишут свои мнения, тогда разворачивается бумага и читается вслух. От сбивчивости мыслей и бессвязности выходит такая бестолковщина, что невольно производит смех.

НОС

Садятся гуськом друг за другом: первый за вторым, вторым за третьим, третий за четвертым и т. д. Второй закрывает своей рукою глаза первому. Кто-нибудь выходит из ряда и, подергав закрытого за нос, садится на свое место. Тот, кого

дергали за нос, должен встать со стула и искать, кто дергал его. Если он укажет на другое лицо, то за поклеп отводят его за нос к прежнему месту. Тут снова дергают его за нос, пока он не угадает. Когда отгадает, тогда игра доходит по очереди до прочих. Фантов не берут.

ЗАСЕДАНИЕ

Выбирается из колоды карт одна какая-либо масть, от туза до двойки. Карты раздаются по числу особ, и каждая карта имеет особое свое название, потому что в заседании управляют разные должности. Туз означает воеводу, который <в то же время> есть председательствующий судебного заседания; король – товарищ воеводы; дама – жена воеводы, которая помещена здесь потому, что жены воевод иногда решали дела вместо своих мужей; валет – сыщика, десятка – дьяка (секретаря); девятка – подьячего (помощника секретаря), семерка – голову, семерка – гласного, шестерка – стряпчего, пятерка – старосту, четверка – понятого, тройка – приказного, а двойка – сторожа. Один является челобитчиком и подает жалобу воеводе, который, посмотрев на просьбу, передает ее товарищу своему, ничего не говоря; товарищ его, посмотрев на нее и не говоря ничего, передает воеводше, а эта, сделав то же самое, передает следующему. Поступают все одиноково; просьба доходит до сторожа, который, свернув ее, кладет под сукно, а челобитчику указывает <на> дверь. Тот, кто скажет что-нибудь при передаче, наказывается фантом.

Эта игра, <видо>измененная в фанты, вероятно, намекает на суды наших предков.

ХОРОШ, ПРИГОЖ, ЖЕНИТЬСЯ ХОЧУ; ИЛИ ХОРОША, ПРИГОЖА, ЗАМУЖ ХОЧУ

Носящий название *хорош, пригож, жениться хочу* подходит к девице или даме и говорит: «Хорош, пригож, жениться хочу!» На охотника к женитьбе часто сыплются

насмешки со всех сторон. И стар он, и мал, и дурен, да какая дура выйдет за <него> замуж! Иногда под шутками высказывают горькую правду, и не в бровь, а в глаз. Некоторые желают ему жениться, а другие делают отеческие наставления оставить мысль о женитьбе, представляя супружество тягостным: холостой человек, вольная птица или казак свободный; одинокий не тужит и не горюет и т. п. Обошедши круг *хорош, пригож, жениться хочу* становится посередине комнаты, рассказывает всем о своей неудаче и объявляет: «Проженили молодца!» В другой раз он не захочет жениться. Если же большая часть желала ему жениться, то он, объявив об этом, просит к себе на свадьбу:

Милости прошу
На свадьбу мою.
Я и бражки наварю,
И вина припасу,
И гостей назову.

Ему обещают быть на его свадьбе. Кто при обходе *хорош, пригож, жениться хочу* не будет отвечать или смеяться, не делая никаких замечаний, с того берут фант; по собирании их разыгрывают обыкновенным порядком. С кого взяли фант, тот занимает место ходившего в кругу. Если бы случилось взять фант с девицы, то она также собирает мнения, говоря: «Хороша, пригожа, замуж хочу». Причем бывают или те же насмешки, или желают ей поскорее замуж.

Эта игра народная, но презабавная и превеселая. Она часто досаждала тем, кому отвечают наперекор. О, как многие хотят поскорее замуж, а многие поскорее жениться, не разбирая, хорошо это или дурно.

СОСЕДИ

Девушки или мужчины садятся в кружок. Один кто-либо подходит к сидящему с краю или к сидящему посере-

дине и спрашивает его: «Хорош ли ваш сосед?» Если он отвечает: «Хорош», – то спрашивает другого; кто скажет: «Не хорош», – то он спрашивает его: «Кто вам нравится?» – «Вот этот». Про кого он скажет, тот должен сесть возле него и поцеловать, произнеся: «Здорово, сосед». И так спрашивают всех поочередно. Кто из соседей был назван нехорошим, тот сходит со своего места и начинает спрашивать, а место его занимает прежде спрашивавший.

Не многие могут похвалиться хорошим соседством, оттого добрый сосед – клад; с таким соседом встречаются по-дружески, желают иметь его в соседстве и дорожат им.

ПРОДАЖА МЕСТА

Садятся в один ряд девушки и мужчины. Один кто-либо, обращаясь к первому сидящему, говорит: «Не угодно ли холста?» – «Угодно». – «Сколько?» – «Один аршин». После этого он дает покупщику какое-либо прозвание, например *вилки в затылке, тарелки во лбу*. Потом подходит к другому и дает название: через забор *взглянул – собор проглотнул*; к третьей: *из затона бежала, в кармане лапшу держала*; к четвертой: *без стыда замуж хочу*; к пятому: *без стыда жениться хочу* и т. д. Когда раздаст всем названия, тогда обращается к первому: «Пожалуйста за холст денежки». Первый отвечает: «Вилки в затылке, тарелки во лбу». Что бы ни говорил правящий деньги, первый должен отвечать ему одно и то же, не смеясь и не переименовывая своего названия. В противном случае берется фант. Таким образом спрашивается у всех поочередно. Потом, собрав фанты, разыгрывают их. При чем правящий деньги, разнося фанты, спрашивает: «Кому что угодно скушать, выпить, сделать» и т. п. Сколько раз спрашивает правящий деньги, столько раз он должен целовать, пока не поручат ему выполнить что-либо.

Много есть охотников, берущих в долг и, конечно, редко отдающих. Продавец вымаливает тогда за свое же добро и очень часто ничего не получает. Ему остается в удел одно ласковое обнадеживание: «Завтра».

КОСТЫЛЬ

Садятся мужчины и женщины. Один кто-либо из играющих выходит на середину комнаты с палкою в руке и подпирается ею, представляя костыль. Сидящие поют:

Уж и так ли я коститься¹ могу, могу,
Уж и так ли я пройтиться могу.
Я могу, могу по комнатке пройти,
Я могу, могу пивца, винца испить.
Вот из винного ковшичка,
Из чарочки позолоченной.
Да к кому я, добрый молодец, приду?
К кому костыль прислоню?
Приставлю я свой костыль
Ко золоту, ко серебру,
Ко девичью ко терему.
А я сам поскачу, попляшу,
Своих гостей взвеселю.
Вот я тятеньку с маменькою,
Милого братца со невестушкою,
А сестрицу со подруженьками.

Если стоит с костылем девица, то поют ей то же самое, за исключением применения слов к ее имени:

Да к кому я, красна девица, приду?
К кому костыль прислоню?
Приставлю я свой костыль
Ко золоту, ко серебру,
Ко мужскому ко терему.
Я сама поскачу, попляшу
И своих гостей взвеселю.
Вот я тятеньку с маменькою,
Милого братца со невестушкою,
А сестрицу со подруженьками.

¹ Упираться на костыль.

Кому отдают палку, тот встает с места и целует его, потом берет костыль, становится посреди комнаты, а ходивший садится на место вставшего. Костыль не отдают дотоле, пока не поцелуют. Резвые еще пляшут с костылем во все <время> пения.

Костыль разыгрывают на сговорах молодых, потому тут постоянно целуются молодые. Эта игра выражает радость счастливой любви.

ЦВЕТ

Садятся в кружок мужчины и девушки. Один из играющих ходит в кругу и раздаёт названия цветов: *белого, алого, синего, палевого, бланжевого* и т. п., а себя называет *чертополохом*. Потом раздававший названия цветов говорит: «Чертополоховый цвет прекрасный, алый нехорош». Алый отвечает: «Алый цвет прекрасный, а синий нехорош». Синий отвечает: «Синий цвет прекрасный, белый нехорош», и таким образом всякий из играющих защищает свое название. Кто не успеет защититься или скажет, что тот цвет прекрасный, с которого взяли уже фант, то берут с него фант. По собрании фантов разыгрывают их.

Никто не хочет сознаться в своих недостатках; всякий думает и говорит: «Я хорош, а тот нехорош; у того большие недостатки, а у меня их нет». В глазу ближнего видят соломинку, а в своем не видят сучка. Страсти заглушают рассудок.

КАЧЕЛИ

Внесенные здесь в число игр *качели, катание с гор и на санях* не составляют собственно игр. Они по своему назначению доставляют одно приятное развлечение забаве, потехе и веселой резвости. Но <так> как все игры клонятся к той же цели, то и они помещены здесь как предмет увеселений.

В Юго-Западной России были известны еще в глубокой древности *колыски*. Киевляне в праздники св. апостолов Петра

и Павла и св. Иоанна Крестителя забавлялись на качелях¹. В какое же время они появились у нас? Откуда перешли к нам? Неизвестно. Мы знаем, что все восточные народы издревле любили качаться на качелях, а малоазийские греки находили в качелях особое удовольствие.

Колыски в Северо-Восточной России называются качелями. Колыски происходят от слова колыхаться, а качели – от качаться и значат одно и то же. Все сословия любят их; они строятся многими у себя дома. Нет места по России, где бы не веселились на качелях. В какой уголок света ни перенесите русского, он не забудет их: состроит непременно для наслаждения удалой своей головы, которою нередко расплачивается. В старину великокняжеские и царские дети любили особенно качели; ныне высшее дворянство чуждается этого удовольствия, но любит смотреть на веселящихся: светский этикет удерживает их от участия в народном удовольствии. Однако у себя на дачах оно устраивает их будто бы для детей.

Качели делаются разнообразно: в виде кресел, возков, люлек, круглые, из ящичков на веревках, в коих сидящие обрачиваются через ось, описывая круг снизу вверх. Эти качели производят головокружение, которое увеличивается еще более на веревочных, и чем более опасности, тем более потехи. Часто видишь сидящих битком на узенькой дощечке, привешенной к перепрелым и тоненьким веревкам или к трепещущим и гнущимся жердям. Сидящие держатся друг за дружку, хохочут, издеваются над опасностью и несутся под небо. Никому не приходит мысль, <что можно> сорваться на лету и размозжить себе голову. Предусмотрительность не входит в соображение весельчака, а беда, смерть тут же вертится: он не думает о ней, он не боится ее – двум смертям не бывать, а одной не миновать. С такою философией русский любит сильные ощущения: ему давай потеху, разгульное веселье, чтобы в глазах темнело, бокам было памятно – хоть голова с плеч долой! Тут утешенье его. Вокруг него неизъяснимое удовольствие и неподдельная радость, вылетающая из груди звонкой

¹ Гизель «Синописис о начале русск. народа», с. 146.

песнею. Тут на качелях рассыпаются песни, свистят, играют на флейте или на кларнете. Нигде нет столько разнообразных качелей, как в Петербурге, и простой народ веселится здесь непринужденно, как у себя дома. В народные праздники во время Масленицы, Светлой недели, на гулянье в Екатерингофе и т. п. нарочно устраиваются качели и горы.

КАТАНИЕ С ГОР И НА САНЯХ

Не менее доставляло удовольствия нашим предкам катание с ледяных гор по льду и на коньках. Великокняжеские дети имели в Кремлевском дворце свои горы, и ныне их не оставляют царские дети, аристократы и живущие по городам и деревням. Все любят кататься зимой с ледяных гор, а летом с деревянных. Горы – чисто русская забава.

Катание на санях в хорошие зимние дни составляет гораздо большее удовольствие как для купечества, так и <для> дворянства. В столице хорошее общество, отправляясь за город на пикник, разнообразит его катанием на санях.

КАРТЫ

Карты, по мнению некоторых, изобретены в Италии, а по мнению других – во Франции. Заподлинно известно, что находящиеся изображения на картах принадлежат французскому живописцу Жакемену Грингонеру, который нарисовал их в 1392 году для больного и слабоумного короля Карла VI. Некоторые думают не без основания, что карточные изображения служили первым шагом к изобретению книгопечатания. Масти карт имели прежде особое свое значение, нежели ныне: черви представляли духовных, пики – военных, трефи, или крести, – земледельцев, бубны – женщин по склонности их к удовольствию. Четыре короля представляли: пиковый – царя Давида, под коим разумели Карла VII, преследуемого своим отцом, как Давид был преследуем царем Саулом; бубновый – Александра Македонского, червонный – Юлия

Цезаря, а трефовый – Карломана, императора немецкого. Трефовая дама была Мария Анжуйская, жена короля Карла VII; бубновая – прекрасная Рахиль, под коею разумели Агнес Сорель; пиковая – Минерва, орлеанская девица Жанна д'Арк; червоная – Юдифь, королева баварская Изабелла, жена Людовика Доброго. Валеты означали оруженосцев: Ожье, Ланелло, Лагира и Гектора, из них два первых были рыцари Карла В<еликого>, а два последних – полководцы Карла VII. Прочие карты, от туза до десятки, означали воинов¹.

Карты занесены к нам иностранцами не ранее XVII века. Во многих отношениях нет игры столь вредной, как карты. Сначала занимались ими для препровождения времени, потом стали выдумывать и изучать многообразные игры, злоупотребления которых послужили к пагубе семейств и общества. Царь Алексей Михайлович строго воспрещал играть и велел играющих злонамеренно в карты подвергать наказанию, как за воровство. Петр Великий запретил военным проигрывать более рубля меди. При императрице Елизавете усилилась картежная игра. Канцлер гр<аф> Бестужев-Рюмин такую имел к ней страсть, что прославился даже за границей. Король прусский Фридрих В<еликий> называл его отчаянным картежником. Тогда играли в ландскнехт, квинтич, штосе, фараон, макао, гальбцвельф, горку, три листика, в красную и черную, в фаро, пикет и мног. др. Игроки ставили на девятку и туза большие суммы. В старину германцы, проиграв все свое имущество, проигрывали даже жен и детей. Почти такая же страсть господствовала между нашими предками, и она проникла было в простое сословие; но народ одумался, стал креститься от игр как от дьявольского наваждения, проклинал ее и игрока: «Чтобы ему не спалось два месяца, чтобы трясла его годовая лихорадка, чтобы глаза его выклевал черный ворон, белый филин и серая сова; чтобы вползла ему в чрево змея подколотная; чтобы печенку его съела бешеная собака; чтобы сердце его высохло, как кора на дереве, если кто будет играть в карты». Простой народ, называемый обык-

¹ «Diction. des origin.», ed. 1777 г., in 8.

новенно грубым, необразованным, понял все зло от игры и пренебрег ею с негодованием. Простой народ разумеет под словом «игрок» отъявленного мота, развратника, пьяницу и плута. В одной хороводной песне невеста, выбирая себе жениха, спрашивает у своих подруг:

Соседушки, собратушки,
Скажите вы мне:
Каков человек?

Ей отвечают:

Он пьяница, пропойца,
Картежный игрок.

Этого мнения уже было довольно для нее.
Еще есть старинная песня:

Бес проклятый дело нам затеял,
Мысль картежную в сердце нам всеял.
Дайте нам карты, здесь олухи есть.
Стенька Разин, Сенной и Гаврюшка,
Ванька Каин и лжехрист Андрюшка!
Хоть дела ваши громки,
Прах против наших картежных дел¹.

В старые годы любили говорить о волшебниках, колдунах, звездочетах, видениях; говорили о том, кто видел беса и как он учил картежной игре или отдавал аду проданную душу за деньги; говорили некоторые отчаянные, как бы они желали поучиться игре у демона искусного – даже между ними не все бывают ловкие. Все это показывает, какое имели в старину понятие о картах, особенно между простыми людьми.

Названия карточной игры многочисленны. Употребляемые поныне игры суть: в дурачки, свои козыри, носки, мель-

¹ «История о Ваньке Каине», изд. 1788. Москва, с. 100–101. Здесь помещ. еще истор. француз. мошенника Картуша.

ник, мушка, пикет, тентире, бостон, гальбцвелф, вист, преферанс, палки и банки (фараон). Последняя игра есть самая разорительная, справедливо преследуемая правительством. В наше время так заразились игрою в карты, что мало найдете домов, где бы не играли, и всё на деньги. От бедного чиновника до сибарита, от старой дамы до прелестной девушки – всё занято картами; куда ни войдете, почти везде играют; тот лишний в обществе, кто не отличается на зеленом поле; тот умен, кто искусен в игре. Кто знает тонкости картежные, тот имеет право указывать, поправлять, учить и стоять выше других, потому что в картежном искусстве видят какое-то отличное достоинство. Мало обществ, где бы не играли; тот скучен, кто станет разговаривать об умных вещах или просвещении. Есть целые места и города, кои прославились игрою в карты.

Многие из дам до того пристрастились к игре, что проводят ночи за картами, не думая о семействе; матери забывают своих малюток, а девицы не смеют оставить гостей или вечернее собрание, не дождавшись окончания игры. Часто они просиживают до рассвета. Танцевальные вечера мало занимают молодых людей; все устремляется играть, и всегда случается, что недостает кавалеров для танцев по причине страсти последних к картам. Я сам видел много раз, что дамы предпочитали игру танцам. Находятся некоторые из дам, до того пристрастившиеся, что <даже> в болезни занимаются картами. Есть праздные и легкомысленные молодые люди, которые занимаются картами как промыслом; многие из них впадают в бедность и нищету от проигрышей и, наконец, делаются пьяницами и развратниками. Есть примеры, что дети с семи лет приучаются к игре сначала для препровождения времени, а потом для препровождения денег. Такою страстью очумлены многие семейства, которые от этого разоряются и гибнут¹.

¹ Многими постановлениями запрещалась картежная азартная игра, а злонамеренных игроков велено предавать уголовному суду.

«Улож.», гл. XXI, п. 15: «А которые воры на Москве и в городах воруют, карты и зернью играют, и проигрався воруют, и таких всяких чинов людям имая, приводить в приказ, и тем ворам чинить указ тот же, как писано выше сего о татех», то есть судить уголовным судом.

Нередко злонамеренные игроки составляют свои сообщества, ловят охотников и обирают их до последнего. Неопытные попадают им в сети и погибают. Если приглашают кого-либо на чашку чая, то это значит – для игры, и того приглашают, кто играет. Просвещенный человек не годится им, добрый и умный не их прихода. Кажется, что более занимаются картами, нежели науками. Отчаянным игрокам ни почем проиграть несколько тысяч и более. Между тем, если бы сотая часть из проигранной тысячи была ими уделена в пользу общественную: на просвещение, науки – о, с какою благородной гордостью можно было бы указать на таких любителей наук. Ими достойно бы хвалились современники, а отдаленное потомство не забыло бы их. Увы! Столько на свете богачей, и столько добра многие из них проигрывают! Не заслужив доброго имени, отчаянные игроки часто умирают в нищете и в презрении. И те, кои причиною их бедствий, не имеют ни малейшего к ним ни сострадания, ни человеколюбия. Проигравшиеся оканчивают жизнь в мучениях совести и голода, и губители их не подают им даже куска черствого хлеба.

Ни в Германии, ни во Франции не играют с таким пристрастием в карты: там повсюду есть свои общества, где проводят время в танцах и других забавах; курят сигары, сидя за пивом, и рассуждают о предметах промышленности, торговле, художестве, просвещении, одним словом, о всем том, что пи-

Указ 1696 г. февр. 18, п. 26: «Тем людям, у кого карты и зернь вынут, велеть их бить кнутом». Ук. 1717 г. дек. 11: «Чтоб никто не играл в деньги, под тройным штрафом имеющих денег в игре». Ук. 1733 г. 23 янв.: «За первое преступление по вышеозначенному 1717 г. указу, тройным взятием имеющих денег и остального в игре, и из них давать объявителю об игре третью часть, а две доли на госпиталь. Буде же кто в оном преступлении явится вторично, таковых сверх оного взятъя, сажать в тюрьму на месяц, а подлых (простого сословия) бить батогами нещадно, а за третье преступление, сверх взятия денежного, оное наказание умножить вдвое, а кто уже затем пойман будет, с таковым поступать жесточе, смотря по важности дела». Вслед за этим идет ряд указов, подтверждающих запрещение азартной игры, как то: 1747 г. 11 мар., 1761 г. 16 июн., 1763 г. 21 июл., 1766 г. 30 янв., 1782 г. 8 апр., 1787 г. 28 мая, 1801 г. 11 июл., 1819 г. 19 июн., 1832 г. 12 марта, и Устав благоч., ст. 257, пункт 1–6.

тает сердце и просвещает ум. Я всякий раз приходил в восторг от их собраний и завидовал им.

V. ВЕСЕННИЕ ХОРОВОДЫ

ЗНАЧЕНИЕ ХОРОВОДА

Невозможно обозначить время и место происхождения хороводов, ибо они принадлежат глубокой древности и составляли первоначально часть языческих религиозных обрядов. Ассирияне и вавилоняне еще за 2000 лет до Р. Х. при приношении жертв Вавилу совершали хороводные пляски вокруг его жертвенника. У греков возвышались религиозные обряды торжественностью хороводных танцев, называемых «каравино», и пением у жертвенника гимнов одними непорочными девушками. Они одевались тогда в белые платья и украшали свои головы цветочными венками.

Прекрасно изображен хоровод Гомером:

Юноши хорами в плясках кружатся; меж них раздаются
Лир и свирелей веселые звуки; почтенные жены
Смотрят на них и дивуются...
В круге их отрок прекрасный по звонкорокочущей лире
Сладко бряцал, припевая прекрасно под льняные струны,
Голосом нежным, они ж вокруг него – пляшучи стройно,
С пеньем, и с криком, и с топотом ног хороводом несутся.
Юноши тут и цветущие девы, желанные многим,
Пляшут, в хор круговидный любезно сплетая руками.
Девы в одежды льняные и легкие, отроки в ризы
Светло одеты, и их чистотой, как елеем, сияют.
Тех венки из цветов прелестные всех украшают;
Сих золотые кожи на ремнях чрез плечо серебристых.
Пляшут они, и ногами искусными то закружатся,
Столь же легко, как в стану колесо под рукою испытной,
То разовьются и пляшут рядами, одни за другими.
Купа селян окружает пленительный хор и сердечно

Им восхищается; два среди круга их головоходы,
Пение в лад начиная, чудесно вертятся в середине¹.

Впоследствии хороводы образовывали веселие одних молодых девушек, которые, собираясь на лугу в праздничные дни, пели круговые песни и танцевали, и страсть к этой забаве до того распространилась между европейскими греками, что Аспазия, женщина необыкновенной красоты, покровительница наук и изящного, заставила однажды важного философа Сократа принять участие в хороводном веселии. На Олимпийских играх отличные певицы и танцовщицы показывали свое искусство в хороводах. Правители республик, знаменитые и великие люди, присутствовали на этих забавах вместе с народом. Всеобщее одобрение и венок служили наградою отличившимся.

В Древнем Риме хороводы составляли священные обряды: там девушки пели благодарственные гимны перед изображениями богов, но когда повсеместные увеселения перешли за круг освященных обрядов, тогда хороводы превратились в народные забавы.

Ни один народ в Европе, кроме славян, не усвоил их своей жизнью, и никто не сохранил их для своей забавы с такими многообразными изменениями, как русские славяне. Германцы, от природы мрачные, задумчивые и чуждые веселым забавам, не знают хороводов. Их народные танцы и круговые песни не могут сравниться с русской пляскою и восхитительными напевами наших народных песен. Хороводы наши, душа увеселений девушек, слились с русской жизнью. Нет деревни, где бы не совершались они. Девица, которая не принимает участия в веселости своих подруг, делается предметом замечаний: «Верно, болит у нее сердце? Верно, нет здесь ее дружка? И для кого ей выказывать себя?» Все девушки непременно стараются показать здесь свою игривость и непринужденную ловкость; поют, резвятся, шутят, бегают, вертятся попарно и венцом,

¹ Гнедич. «Илиада Гомера», песнь XV111, стих. 494–496, 569–572, 593–600 и 601–605. Изд. 1839 г.

кружатся и раскланиваются. Но хороводные игры не везде отправляются единообразно; смотря по местности и песне они изменяются или в действии, или в самом пении¹.

Дух хороводных песен есть семейная жизнь. В них живо передано веселье и думы наших предков; в некоторых попадаются колкие замечания о семейном быте и его пороках. Время сочинения хороводных песен и имена сочинителей неизвестны. Судя по слогу, они относятся к разным векам, за исключением немногих, а именно: *синичка, мак растить, просо сеять*, которые должны быть <отнесены к> XVI веку, все прочие <к> XVII и XVIII векам, но и эти искажены местностью до того, что нельзя определить настоящей их эпохи. Сочинители же были из простолюдинов, потому что никто другой не мог выразить с таким простодушием и таким знанием сельского житья, как тот, кто родился, возрос и наслаждался в простоте природы неподдельными забавами; сочувствовал им и передавал в тоническом распеве, не гонясь за вычурными выражениями.

При наступлении игр и забав всякий спешит на улицу; старики садятся перед окнами своего дома, а молодые рассыпаются по улице или становятся в кружок. Мужчины составляют свои отдельные круги, а женщины свои, но каждый, подходящий к собеседникам, снимает шапку и приветствует: «Мир вашему сиденью». Ему отвечают, сняв шапки: «Поди к нашему смиренью», — он садится с краю завалины. Беседа идет — о чем? Домоводство, пашня, посев, скотоводство, распоряжения опытных в этом деле, распоряжения начальства, ряды старосты, суд головы и (где люди без страстей?) пересуды соседей или соседок перебираются в их разговорах. В то же время собеседники не забывают любоваться живописной окрестностью: за речкою пасутся на зеленеющем лугу кони, свободные на нынешний день от плуга; за рощею чуть видна колокольня ближайшего села; за пригорком извивается черная полоса дороги, по которой ездят в поле. Здесь, ближе, в

¹ В Малороссии хороводы известны под именем *веснянок*, в коих, однако, заключаются весенние песни.

речке плавают утки и гуси со своими малютками. Но живее рисуется деревенская улица, протянувшаяся по возвышенному берегу речки. Здесь девушки снуют в разноцветных уборах, бегают одна за другой, смеются и любуются своими нарядами. Хорош на <той> московский сарафан, но эта прекраснее в русском: стянутая под взволнованными грудями шелковым поясом, как она стройна и гибка! На некоторых наброшен на голове шелковый платок, на других золотая лента с широкой поднизью. Резвые и легкокрылые, они идут с конца улицы к тому месту, где всегда собираются играть хоровод; они идут и поют:

Выходили красны девушки
Из ворот гулять на улицу.
Выносили соловеюшку на рученьке,
Посадили соловеюшку на травынку,
На муравынку, на цветы лазоревы.
Соловеюшка расвищется,
Красны девушки распляшутся,
А молодушки расплачутся:
Поиграйте, красны девушки,
Поколь волюшка жить у батюшки,
Поколь негушка у матушки.
Неровен жених присватается,
Неровен, как черт, навяжется:
Либо старый и удушливый,
Либо малый и недужливый,
Либо ровня, горький пьяница.
Уж я старого утешила,
На осинушку повесила;
Уж я малого утешила,
Взмахнула, в воду бросила.
Уж со ровнюшкой гулять пошла.

Но не думайте, чтобы душа русской девицы омрачалась чувством скорбным при этой песне, чтобы она верила жалобам молодых женщин, которые вмешиваются в их хоровод и поют

эту песнь. Девицы сами поют ее и тут же смеются; смотрят на парней, которые выются около веселой их толпы, вертятся и кружатся свободно; потом, взявшись за руки, они составляют круг, движущийся в обе стороны, и поют:

Как у нас во торгу клич кликали,
А что дорого? А что дешево?
Дорожили красных девушек:
Первая во сто рублей,
Другая во тысячу,
А третьей цены нет!
Дешевы во торгу добры молодцы:
По семи молодцов за овсяный блин,
Восьмой на придачу,
Девятый в провожаты,
Десятый с конем, и с седлом,
И с золотой уздой.

В больших селах собираются хороводы не в одном месте, а на обоих концах главной улицы. Тогда взоры зрителей привлекаются по обеим сторонам. Один хоровод с одного конца, а другой с другого идет навстречу и поет:

Возле тыну хожу,
Я капер-траву сажу.
Не быть капру
С тыном ровну;
Не быть свекору
Против батюшки,
А свекрови
Против матушки.

Сошедшись, оба хоровода поют вместе:

Подойду, подойду
Под Царь-городок;
Вышибу, вышибу
Копьем стену...

Затем меняются игры и песни. Порядок их зависит от произвола и выбора хоровода. Почти каждая песнь сопровождается мимикой, тихой и плавной. Хоровод то строится в ряды, то свивается в кружок – по содержанию песни. Вот идут в один ряд игривые девушки и поют; потом расходятся и вновь собираются, задумывая играть хоровод.

СОЗЫВАНИЕ ДЕВУШЕК В ХОРОВОД

Собравшиеся на зеленой поляне или на улице девушки берутся за руки, делают круг и начинают созывать подружек в хоровод. Во время пения они ходят кружком:

Травонька, муравонька зацвела,
Я вечер та, молодая, в хороводе не была.
Красна девушка прошаталася,
С милым дружкой каталася.
Мой милый дружок не женатый, холостой,
Он приглядчив и хорош,
На меня, молодец, похож.
Собиралися девушки все во кружок,
Расходилися во лесок,
Садилися на лужок,
Где муравонька и цветок.
Сорывали с цветов цветочки,
Надевали на головы веночки.
Пошли в хоровод, пошли в хоровод!
В хороводе веселились,
По забавушкам пустились.
Песни славно запевали,
Подружечек собирали:
Собирайтесь во единый кружок!
Запоем ту песню нову
Про радость нашу к хороводу.

Созывание девушек в хоровод само собой выражает свое значение: желание девушек порезвиться.

ПРИГЛАШЕНИЕ ПАРНЕЙ В ХОРОВОД

Одним девушкам скучно играть: они посматривают на парней и горят нетерпением, чтобы <те> поскорее пристали к ним; дают и знать о своем желании глазами и движениями; после запевают призывную песнь, в коей соблюдают прежний порядок хоровода.

Собирались ясны соколы в дубровушку;
Слетались белые лебедушки в зеленую.
Со куста на куст перелетывали.
Диди, лади, диди, ладушки!
Собирались все на единый на точек.
Между собой токовались,
Все по паре разбирались.
Диди, лади, диди, ладушки!
Они думали, гадали:
Как гнездушки завивать будем?
Как теплые сооружать будем?
Диди, лади, диди, ладушки!
Как нам, девушки, хоровод собирать?
Как нам, красным, новы песни запевать?
Одна девица все придумала, удумала.
Диди, лади, диди, ладушки!
Вы подруженьки любимые!
Вы красавицы, забавницы,
Сходитесь на лужок,
Да и станем все в кружок.
Вы сцепитесь все за ручки
И примите молодчиков с собой.
Диди, лади, диди, ладушки!
Выходите, веселые, веселитися,
Резвые пары, сохи собирать;
Пары, пары, пашиньку пахать.
Бел леночек время сеять;
Нельзя время упустить.

Приглашение парней в хоровод показывает, что забава девушек без участия в ней мужчин скучна, утомительна и однообразна. Только тогда и весело красавицам, когда резвятся с ними беззаботные и игривые молодцы. Тогда и радость, когда веселится беспечность.

САДИТЬ ХРЕН

Составив большой круг, берутся девушки за руки. Между тем одна девушка становится в круг, а другая насупротив ее, за кругом: обе они, взявшись за руки, поднимают и опускают их на голову каждой из девушек, обходя вокруг всех до трех раз. Это значит *садить хрен*. В то время поют хороводные:

Уж ты хрен, ты мой хрен,
Садовый ты мой хрен!
Кто тебя сажил?
Кто тебя поливал?
Поливала Селифанова жена,
При дороженьке жила
Со удалым молодцом.
Я ему сулила, я ему дарила
Два коня вороных,
Две плети шелковых.
Где калина, где малина,
Тут и девушки сидят,
Промеж себя говорят,
В хоровод идти хотят.

Обойдя три раза круг при непрерывном пении, садившие хрен входят в хоровод и начинают все кружиться. Если хотят продлить игру, то выходят другие девушки садить хрен.

Наши сельские девушки потешают себя между работой песенками, которыми смягчают самые тяжелые труды. Им бы хотелось покинуть работушку и заняться лучше хороводом, потому сговариваются между собою: как бы нам, де-

вушки, зачать хоровод? «Забавы и игры – удел молодости», – высказывается в этой игре.

СТРАСТЬ ДЕВУШЕК К ЗАБАВАМ

Составив хороводный круг, девушки и мужчины поют все вместе:

Ты зоря ли, моя зоренька,
Зоря вечерняя, игра наша веселая!
Вы играйте, красны девушки,
Покудова вы у батюшки,
У родимыя у матушки.
Отдадут нас во чужи люди,
Во незнамые, незнакомые.
Нам не будет такой волюшки!
Белы руки грязью замараются,
Лицо от солнца покраснеется.
Свекор-батюшка у ворот стоит;
Он меня, младу, домой зовет.
Я нейду домой, не слушаю:
Не доиграны наши игры,
Не допеты наши песенки,
Не добаины бесенки.

После этого становится в середину парень. Он, представляя свекра, выполняет угрозы и старается разогнать девушек домой. При последнем стихе: «красных девок высылать» – он берет девушку насильно, выталкивает ее из круга и гонит домой, покрикивая: «Вот я те, разгулялась! Домой!» Девушки начинают снова петь и продолжают петь дотоле, пока парень не прогонит всех из круга и не разгонит.

– Уж вы, девушки, красавицы!
Не пора ли вам игры оставлять?
Не полно ли вам песни распевать?
– Мы оставим все гулянья –
Нас домой всех кричат!

Родной батюшка зовет,
Родна матушка грозит.
Нам не хочется идти,
Нам охотно погулять,
В хороводе поиграть.
Разудалый молодец,
Своим детушкам отец:
Он и белый, кудреват,
Красных девок высылат.

Эта игра выражает явно, что девушки веселились бы вечно, если бы не останавливали их. Девицы думают, что они родились для одних веселостей, забывая, что всему есть время: время забавам и время благоразумию. Мечтательность и ветреность – неразлучные спутники красавиц.

АЛАЯ ЗАРЯ

В середине круга сидит горяющая девушка: она тужит, что ее не пускают веселиться.

Расцветала алая заря,
Расцветала алая заря;
Растужилась, расплакалась
Красна девушка-душа,
У батюшки во терему сидючи.
Просилася красна девица
У родимой матушки
К подружечкам с рукодельем посидеть.
Ее мати не пускала, рукоделья не давала.

Она бегает в отчаянии по кругу.

Красавица с горечи бежала
Во темная во леса: «Не увижу ли дружка?
Вы леса мои, лесочки,
Приклонитесь к земле,
И развейтесь все зеленые листы.

Вы прикройте меня от жару,
Сберегите мне лицо.
Лице бело потускнело,
На жару оно сгорело».

Под березою сидела, сама себе говорила:

Участь моя горькая,
Зла несчастная судьба!

Девушка плачет от горя – а горе девушки, когда не дают ей воли: тогда всякая из них клянет свою судьбу:

Привела меня судьба,
Плакать вечно навсегда.
Много слез девушка проливала.
Все листочки потопляла.

Является в кругу парень, представляя себя стреляющим из ружья, потом он зовет свою суженую. Девушка является на его голос и обнимает молодца.

Добрый молодец дознался
И во лесочек отправлялся.
Во ружейце стрелял,
Громким голосом кричал:
– Ау! Милая моя!
Выходи-ка ты сюда.

Все девушки считают себя несчастными, когда не дают им воли; в то время они готовы бросить отеческий свой дом, и всякий их ласкатель – уже их суженый; о будущем не рассуждают.

ВЕНОЧКИ, ИЛИ ЖЕНИХ, ИЩУЩИЙ НЕВЕСТУ

Одна из девушек, ходящая в хороводном круге, представляет жениха, ищущего невесту. Когда поют хороводные имя

невесты, тестя, тещи, шурина, свояченицы, тогда мнимый жених выводит всякий раз из круга любимую им девушку и ставит ее подле себя.

А я вью веночки, вью зеленочки!
Хожу ль я вокруг городочку,
<Ищу> ль я, найду ли я
Ласкову себе невесту.
Ты будешь мне, красна девушка, невестой.
А я вью веночки, вью зеленочки!
Хожу ль я вокруг городочку,
Ищу ль я, найду ли я
Ласкового себе тестика.
Ты будешь мне ласковый тестик.
А я вью веночки, вью зеленочки!
Хожу ль я, хожу вокруг городочку,
Ищу ль я, найду ли я,
Ласкову себе тещу.
Ты будешь мне ласкова теща.
А я вью веночки, вью зеленочки!
Хожу ль я, хожу вокруг городочку,
Ищу ль я, найду ли я
Ласкового себе шурина.
Ты будешь мне ласковый шурин.
А я вью веночки, вью зеленочки!
Хожу ль я, хожу вокруг городочку,
Ищу ль я, найду ли я
Ласкову себе своячину.
Ты будешь мне ласкова своячина.

Набравши упоминаемых в песне особ, хороводные начинают петь о приготовлении к свадьбе, а жених обращается с поклоном к тестю, теще, свояку и своячине. Он кланяется, когда поют их имена. Когда же станут посылать их к черту, тогда жених прогоняет в шею своих родственников и оставляет при себе одну свою жену.

А я вью веночки, зеленочки!
Хожу ль я, хожу вокруг городочку:

– Ласковый тестюшка, вари-ка пива.
А я вью веночки, зеленочки!
Хожу ль я, хожу вокруг городочку:
– Ласкова теща, пеки пироги.
А я вью веночки, зеленочки!
Хожу ль я, хожу вокруг городочку:
– Ласковый свояк, оседлай коня.
А я вью веночки, зеленочки!
Хожу ль я, хожу вокруг городочку:
– Ласкова своячина, шей-ка ширинку.
А я вью веночки, зеленочки!
Хожу ль я, хожу вокруг городочку.
Выпивши пива, пошел к черту.

Тесть выталкивает свояка из круга и всякий раз выталкивает тех, про кого скажут: «К черту».

Съевши пироги, пошла к черту, теща.
Изъездивши коня, поди к черту, шурин.
Износивши ширинку, поди к черту, своячина.
А мы с тобой, невеста, пойдем плясати.

Жена, увидев, что муж прогнал всю ее родню, сердится на него и бросает его самого. Муж упрасивает ее, кланяется, целует, и все напрасно. Жена оставляет дом мужа и уходит к своим родным.

Веночки изображают мужа, женившегося по расчетам: он ссорится со своей роднею, гонит ее из своего дома и, наконец, доводит до крайности свою жену молодую еще в медовых месяцах, которая сама оставляет его. Сколько таковых примеров на свете!

ВЫБОР НЕВЕСТ

Составляется два ряда играющих: в одном находятся невесты, называемые «царевы», а в другом женихи, называемые «бояре». Обе половины, взявшись за руки, отходят на извест-

ное расстояние, и когда поют женихи: «Вы, царевы» и т. д., тогда начинают сходиться оба ряда друг против друга. Когда поют невесты: «Вы, бояре» и т. д., тогда начинают отступать обе половины. Таким образом продолжают приступать и отступать, пока не скажут: «Вот вам невесты!» Обе половины поют попеременно. При требовании невест: «Покажите халат, сапоги и шляпу» – женихи им показывают. Разыгрывая выбор невест, наряжаются все как можно щеголеватее, особенно женихи: у них и рубашка красная, и сапоги вымазанные, и шляпа поярковая со страусовым пером; у них и глаза говорят: «Молодец я!» Ретивое бьется и, кажется, кричит, подпрыгивая: «Жениться хочу!»

– Вы, царевы, пропустите в города,
Пропустите в города!
– Вы, бояре, вам зачем в города?
Вам зачем в города?
– Вы, царевы, нам невест выбирать,
Нам невест выбирать.
– Вы, бояре, у нас невесты не выращены,
И цветно платье не сряжено.
– Вы, царевы, нам цветно платье
Не нужно, да не нужно.
– Вы, бояре, покажите женихов,
Покажите женихов.
– Вы, царевы, вот вам женихи,
Вот вам женихи.
– Вы, бояре, покажите,
Есть ли у них халаты,
Есть ли у них халаты?
– Вы, царевы, вот вам халаты,
Вот вам халаты.
– Вы, бояре, покажите сапоги,
Покажите сапоги.
– Вы, царевы, вот вам сапоги,
Вот вам сапоги.
– Вы, бояре, покажите шляпы,
Покажите шляпы.

– Вы, царевы, вот вам шляпы,
Вот вам шляпы.
– Вы, бояре, вот вам невесты,
Вот вам невесты.

Указав на невест, то есть на всех девушек, предоставляется парням выбор любой, нередко от шуток доходит до дела. Кому из девушек неприятно скорее замуж? Но то беда, что женихи разборчивы. Несмотря на странную привычку женихов, а всего более на их вкус причудливый: кому нравится чернобровая, а кому голубоокая, кому тонкая, а кому толстенькая, дородная, румяная, пылкая, кипящая вулканом страстей, а кому чтобы и нежная, и мягкая – причудливый вкус мужчин! А какой вкус девушек – мы не знаем, только знаем одно, что они чересчур взыскательные, разборчивые, часто рады, когда отыщут им жениха, хоть кулика, да лишь бы не просидеть в девушках. Случается на грех, что жениху нередко понравится сатана, лучше ясного сокола. Кто ж после этого неразборчив? Девушки? Нет! Мужчины? Нет! Неразборчив тот, кто перезрел, и в доказательство этого сами девушки говорят: «Вот вам невесты, выбирайте, кто вам понравится». Это значит, что они давно были узаконенные невесты, а теперь перезрелые, потому – выбирайте: вот вам невесты!

ПРИ ДОЛИНЕ СОЛОВЕЙ

В кругу стоят парень и девушка, оба они горюют; парень посматривает на свою девушку, она отворачивается от него.

При долинушке калинушка стояла,
На калинушке соловей-пташка сидел,
Тонку ягоду клевал,
Спелу, зрелу, переспелу.
Я устала, красна девушка,
Соловьев-пташек шугать,

Надокучило мне по саду гулять.
Прилетали к соловью два сокола сизы,
Взяли, брали соловья из сада.
Посадили соловья в высоком терему,
Заставляли соловья песенку запеть.
– Уж ты пой, соловей, голосистый, распевай!
Приутешь сокола при кручине при такой;
Взвесели при печали красну девушку-душу.
Что ты, молодец, не женат?
– Мне жениться давно хочется.
Хуже себя взять не хочется,
Через двор живет молода вдова,
У ней есть дочка молода,
Молода, хороша, Машенька-душа.
 Как и по мосту, мосточку,
 Ой, калина, ой, малина!
 По калиновому частому
 Селезень переходит,
 Серу утку переводит.
 Ой, калина, ой, малина!
 Калин мостик обломился,
 Сера утка потонула.

Девушка скрывается из круга, парень плачет по ней.

Ой, калина, ой, малина!
Тужит, плачет селезень:
Как бы мне ее не жаль,
И не стал бы я тужить.
Ой, калина, ой, малина!
Калин мостик возмостился.

Девушка появляется в кругу, парень тут радуется, и они оба обнимаются и целуются. Девушки, называемые в предпоследнем стихе утками, удивляются перемене своей подруги, которая первоначально не любила его и не хотела идти за него замуж. Бесчисленное множество примеров, что девушки сначала не любят, а потом полюбят; сначала кля-

нутя, что готовы лучше лишиться себя жизни, нежели идти замуж за немилого, не по сердцу, а потом сами влюбляются в немилого. Поэтому выходит, что мужчина, будь немного получше беса, полюбится красавице, следовательно, должны ли верить женским клятвам и их отчаянию? По большей части все притворно.

Сера утка всплыла.
Ой, калина, ой, малина!
Селезень возрадовался:
Они стали целоваться,
Прочие утки дивоваться.
Ой, калина, ой, малина!

Смысл этого хоровода выражен уже выше, то есть что многие девушки, обнаруживая притворную ненависть, облекают ее в любовь.

ПТАШКА НА КУСТУ

Девушка ходит в кругу; она прикрывается платком, стыдясь смотреть на своих подруг.

Сидит пташка во саду¹,
На яблонке во кусту:
Хорошо пташка поет –
Она весело живет.
Ох, ты пой, распевай,
Тоску, скуку забывай.
Если песенок не петь,
Хлеба, соли не иметь,
Во снаряды не ходить,
Про любовь не говорить.
Ты, полянка, поляночка моя,

¹ «Пташка на кусту» и «При дуброве во краях», помещенные здесь в числе хороводов, собственно суть плясовые, но <так> как их разыгрывают вместо хороводов (в Волжском уезде Саратовской губ.), то потому они внесены сюда.

Да и где ты, поляночка, погуливала?
Да и где ты, поляночка, разгуливала?
Не слышать про тебя.
Ровно не было тебя!
Как на белой заре
Проявилась красна девка на дворе;
Как на белой заре проявилась.
Вот все девушки говорят,
На красну девицу глядят.
Не дивитесь, не глядитесь, подруженьки мои!
Не дождавши дружка,
Я сама с милым пришла.

Она выводит из круга парня, который, обняв ее, ходит с нею.

Лучше сперва запоемте казачка,
Про того ли казачка, про забавничка.
Ты казак, казач<ок>...

Девушки скачут и пляшут.

Казак, миленький дружок!
Тебе скачем, тебе пляшем,
Тебе песенки поем,
Тебе честь от¹ воздаем.
Поздно на дворе, нам пора со двора,
Ты прости, казачок.

Казак, которого разыгрывал парень, уходит из круга; девушка прощается с ним и клянется любить его вовек.

Прости, сердце мое!
Я любить тебя буду
И вовек не забуду.

Ежедневные и ежечасные примеры свидетельствуют, что девушки клянутся любить вечно, по гроб. И если бы

¹ От – сокращенное вот.

кто осмелился разлучить нежных любовников на этом свете, то они соединятся на том свете, уже на века. «Там, – говорят они, – сердца нежные будут дышать невинностью и, чуждые пылкой страсти, коварной измене, будут жить без слез, обнимаясь и целуясь, вечно, вечно. И только там будут ворковать свободно: «Я твоя! я твой!» – и всякий раз признание будет запечатлеваться поцелуем чистейшей любви, а та, какая была на этом свете, про то знают одни любовники страстные».

КАЗАЧОК УДАЛОЙ

Казачок рассказывает в кругу и поигрывает в гудочек. Девушки, кружась вокруг него всем хороводом, припевают под гудок, иногда и пляшут:

Из-за лесу, перелесу, шелковая трава!
Ходил, гулял донской казак,
Ой, люшеньки, ой, люли!
Он гулял, во гудочек и фал,
Он невесту выбирал.
Ой, люшеньки, ой, люли!

Тут останавливается хоровод, выходит из круга девушка и останавливается пред казаком, который играет под голос песни:

Выходила девушка тонка и долга,
Ой, люшеньки, ой, люли!
Белоличка, круглоличка, хороша!
Хорошая, пригожая,
Поди замуж за меня.
Ой, люшеньки, ой, люли!
А не пойдешь за меня,
Спокаешься навсегда.
Ой, люшеньки, ой, люли!
Воспомянешь ты меня,

Удалого молодца.
Ой, люшеньки, ой, люли!

Здесь перестает играть казак, только поют одни девушки:

Пойтить было к соседу,
Спросить про него.
Ой, люшеньки, ой, люли!
Сударушки, соседушки!
Каков человек?
Он пьяница, пропивается,
Ой, люшеньки, ой, люли!
Пропьет весь домик
За единый стаканчик.

Девушка оставляет его с презрением, а казак удалой свистит себе.

Таковы удалые женихи! Удастся – хорошо; не удастся – свистит себе. Бранит невесту, поносит ее достоинства и весь род ее и вдобавок говорит: «Я сам отказался. И если бы я хотел, как бы не отдали за меня, удалого молодца!»

ПРИ ДУБРОВЕ ВО КРАЯХ

Тут девушки кружатся в продолжение почти всей игры. Стоящая в кругу девушка ходит весело и любит себя собой. Для этого выбирается белолицая, круглолицая, небольшая ростом и всех наряднее.

При дуброве во краях,
При зеленых лугах
Тут цветочки расцветали.
Промеж самых цветов
Красны девушки гуляли;
Красные цветочки, алые,
Красные девушки, румяные,
Хорошие, пригожие

Заразили молодцов
В хороводе, при народе.
А мы песню запоем,
Про чужую сторону.
Как чужая сторона
Разлучила молодца;
Разлучила молодца
От матери, от отца.
Мне не нужен отец, мать,
Жаль сударку покидать.
Возьму Любушку с собою,
Не оставлю без себя.
Я знаю, разумею,
Как в разлуке трудно жить:
Мне в разлуке с нею не жить,
Лучше жизнь свою лишить.
При долине, при равнине
Раззеленый куст стоит.
Как на кустике зеленом
Соловеюшка сидит,
Звонко, громко он поет,
В терем голос подает.
Как во этом терему
Все забавы и прохлады,
Развеселая сама жизнь.
Там цветочки расцветали,
Красны девушки гуляли:
Что лучше всех, то сударушка моя!
Она сама собой невеличка,
Белым лицом круглоличка.
Она ходит всех наряднее,
Нельзя Любушку не признать.

Молодец выходит из круга, подходит к ходящей в кругу девушке, снимает шапку и кланяется ей; потом берет ее за руку и целует при народе.

Признавал, узнавал
Один молодец удал.

Он за рученьку брал,
Прочь от девушек отзывал,
Он полою одевал, при народе целовал¹.

Везде гордятся девушки своей красотой, и везде они умеют побеждать.

СО ПУТИ, СО ГОРОДА

В кругу хоровода ходит парень, отеческий сын. Девушки поют:

Откуда, откуда, молодец?
Откуда, отецкий сын?
– Вы, люди добрые!
Я со пути, со города,
Со пути, со дороженьки,
Со дальней сторонушки.
– Покажи-ка, молодец,
Свою шляпу черную...

Он снимает с себя шляпу, поднимает ее высоко и говорит:
«Вот! У меня шляпа пуховая». Девушки продолжают петь:

Вот вам, люди добрые,
Шляпа черная, шелковая.
– Откуда, откуда, молодец?
Откуда, отецкий сын?
– Вы, люди добрые!
Я со пути, со города,
Со пути, со дороженьки,
Со дальней сторонушки.

¹ Когда парню по сердцу девушка, тогда он обходится с нею свободнее, чтобы все видели, что он любит ее; ходит с нею вместе, позволяет себе вольность: обнимать и целовать, забывая, что посторонние это видят. Но любовь везде слепая; часто парень, прижимая свою милую, прикрывает ее полкой своей одежды, чтобы защитить стыдливость от укориженных взглядов, потому сказано здесь: «Он полою одевал, при народе целовал».

– Покажи-ка, молодец,
Свои кудри русые.

Он снимает шляпу: «Вот кудри мои русые». Надевает шляпу и ходит по кругу. Девушки поют:

– Вот вам, люди добрые,
Мои кудри русые.
– Откуда, откуда, молодец?
Откуда, отецкий сын?
– Вы, люди добрые!
Я со пути, со города,
Со пути, со дороженьки,
Со дальней сторонушки.
– Покажи-ка, молодец,
Свои руки белые.

Он поднимает руки вверх и говорит: «Вот вам мои руки белые». Девушки продолжают:

– Вот вам, люди добрые,
Мои руки белые!
– Откуда, откуда, молодец?
Откуда, отецкий сын?
– Вы, люди добрые!
Я со пути, со города,
Со пути, со дороженьки,
Со дальней сторонушки.
– Покажи-ка, молодец,
Свою молодую хозяйшку.

Он подходит к девушкам, ищет ее между ними и <ту>, которая ему нравится, выводит на середину круга и говорит: «Вот вам моя молодая хозяйшечка!» Тут обнимает ее и целует. Девушки поют:

Нате вам, люди добрые,
Молодую мою жену.

Моя-то жена чернобровая,
Черноглаза, расхорошая душа!

ШЛЯПА-МУРМАНКА

В кругу расхаживает пьяный пан, вдали <от> него стоит панья. Уронив шляпу, он требует, чтобы жена подняла и подала ему.

Ехал пан от князя пьян,
Уронил шляпу-мурманку¹.
Гаркал пан на свою панью молодую:
– Подь сюды, панья моя молодая!
Подыми, подыми мою шляпу-мурманку.

Панья отвечает с хороводными:

Я тебе, пан, не служанка;
Я служанка родимому батюшке,
Родимой матушке.

Тут поют одни хороводные:

Ехал пан от князя пьян,
Уронил шляпу-мурманку.
Гаркал пан на свою панью молодую:
– Подь сюды! Подь сюды!
Панья молодая!
Подыми, подыми
Мою черну шляпу-мурманку.

Панья поднимает и надевает ему на голову.

Я тебе, пан, служанка,

¹ *Мурманки* – старинные шапки высотой более полуаршина; они опушивались дорогим мехом; их носили великие князья и бояре. В торжественных выходах не снимали их со своих голов.

Подыму тебе черну шляпу-мурманку,
Надену шляпу на буйну головку¹.

Мужья поступали прежде со своими женами как со служанками. Потому этот хоровод выражает деспотическую власть мужей.

ЯРТЫНЬ-ТРАВА

Девушки и парни поют вместе, взявшись за руки. Одна девушка ходит печальная:

Кто у нас, кто у нас,
Яртынь-траву притоптал?
– Притоптали яртынь-травку,
Заволжинские бояре.

Парень, представляющий бояр, ходит за девушкой – это значит, что он ловит ее:

Ловили они душу, красну девушку:
Красна девушка не давалась...

Она убегает от него, прикрываясь платком:

Во лесочек удалялась,
Тонким листом укрывалась.

Однако, боярин словил ее, и это значит, что он отыскал ее и повел к жениху:

Отыскали девушку в лопухе,
Во горькой во траве,
Близ ключевой воды.
Повезли девицу

¹ По употреблению здесь слов: *пан, панья, гаркал* и *мурманка* должно полагать, что этот хоровод принадлежит к старинным.

Во Царев городок¹:
– Чем та нас, Царь, пожаловать?
Жаловал нам Царь
День за ночь во сто рублей;
За неделю год во тысячу.

Это намек на те прежние обычаи, когда сваты ездили сватать из деревни в деревню, из города в город. Ласками и хитростями они успевали, а девушка, хочь не хочь, должна была принять венец в церкви Божией.

ЛУГ-ЛУЖОЧЕК

Собравшиеся на зеленой поляне или на ровном месте девушки кружатся и поют. При этом они топчут ногами, представляя, что они топчут траву:

Луг ты мой, луг зеленой!
Зелен луг, лужочек.
Кто тебя топтал?
Да кто толочил?
Топтала девица,
Другая – вдовица,
Третья – молодица.
У той молодицы
Мужа дома нет,
Уехал муж во Москву
Белил закупать.
Как приехал муженек
Во единый во денек;
Привез он белил,
Стал жену дарить.

Тут девушка в шляпе, представляющая мужа, идет к ходящей в кругу девушке, берет ее за руку, ставит ее посреди

¹ Имя города Царева – применение к местности. Эта песнь взята из г. Царева Саратовской губ. Должно заметить, что при этой песне всякий раз вставляется имя того города, в котором разыгрывают этот хоровод.

круга и дает ей платок вместо белил; она сердито отворачивается, бросает на землю и не глядит на своего мужа. Девушки поют вместе с мнимым мужем:

Ты прими-ка, жена, не ломайся!
Ты прими-ка, душа, не гордися.
Поглядите, люди добрые!
Как жена меня не любит,
На доброго молодца не глядит.
Я поеду, молодец, во Китай-город,
Я куплю своей жене
Гостинчик дорогой.
Такой гостинчик – башмаки.
Ты прими, жена, не ломайся!
Ты прими, душа, не гордися.

Она бросает башмаки на землю. Девушки поют:

Поглядите-ка, люди добрые!
Как жена меня не любит,
На доброго молодца не глядит,
Я поеду, молодец, во Китай-город,
Я куплю своей жене гостинчик.
Такой гостинчик дорогой,
Шелковую плетку.
Ты прими, жена, не ломайся!
Ты прими, душа, не гордися.

Она тотчас обращается к нему, обнимает его и целует. Девушки поют:

Поглядите-ка, люди добрые!
Как жена мужа любит,
Из глаз своих не спускает:
Где не сойдется, все поклонится,
И друг с дружкой поцелуются.

При этом они целуются, а круг расходится врозь.

Сделавшись женой, надобно быть покорной, а не своенравной. Прадеды наши управлялись с дражайшими своими половинами очень скоро – плеткой. Конечно, этого средства нельзя допустить в наш век, но и в наше время не одному мужу приходит мысль, разумеется, мысль варварская, несообразная при нежности нашего прекрасного пола, чтобы прибегнуть иногда к смирительной пружине: оттого, что горькой опытностию дознано: пагубна воля жены.

ОКОЛО ГОРОДУ ХОДИЛА Я

Около хороводного круга, представляющего город, ходит молодая жена и побрякивает перстнями. Когда пропоют: «Поклонись ты пониже», – молодец выходит из круга, кланяется ей и потом прижимает ее.

Около городу ходила я!
Во том ли городу
Золоты перстни меняю.
– Отворяй-ка ворота, господин!
Подойди-ка, господин, поближе,
Поклонись-ка ты пониже,
Прижми к сердцу поплотнее.

Молодая жена, отлучающаяся из дома по произволу, приносит с собой подарочки, а слабый муж принимает ее.

Он хотя догадывается, откуда приносит жена, однако он думает: «Обуха плетью не перешибешь». Философия добросердечных рогоносцев.

ЯСНОЕ ЗОЛОТО

Молодка пляшет в кругу, и ей нет надобности ни до своего дома, ни до родных:

Ясное золото разгоралось,
Я, млада, разыгралась.
За мной, молодой,

Посол за послом:
Поди-ка, молода,
Поскорее со двора.
На тебя свекор раскручинился,
Со той со кручины голова болит.
Худо можется.

Много на свете женщин, для которых хоть все пропадай в доме, только бы им повеселиться.

ОЛЕНЬЮШКА

Взявшись за руки, девушки ходят при пении то в ту, то в другую сторону; между тем одна из девушек ходит в кругу с детьми и представляет все действия оленьи.

Из-за лесу, лесу темного,
Выходила оленьюшка
С малыми оленятками.
Вирила¹, ох ли, с оленятками!
Выходила она во зеленые луга.
Вирила, ох ли, во лужечки!
Щипала, срывала травоньку зеленую,
Вирила, ох ли, зеленую!
Кормила, питала деток своих малых,
Вирила, ох ли, малых!
Сопущалась оленьюшка со крутого бережка,
Вирила, ох ли, бережка!

Девушка останавливается с оленятками у ключа, <что-бы> напоить их.

Подходила со малыми оленятками ко ключику,
Вирила, ох ли, к студеному!
Поила оленьюшка своих детушек
Ключевой водой.
Вирила, ох ли, ключевой водой!
Выходила оленьюшка из-под бережка крутого,

¹ Вирила – есть сокращение пастушьего крика: «Вир, вири, ля, ля!»

Вирила, ох ли, крутого!
Где же взялся свирепый лев
Вирила, ох ли свирепый зверь!

Выбегает парень в виде льва и терзает олениху; дети разбегаются с визгом.

Поймал, схватил оленюшку.
Вирила, ох ли, оленюшку!
Растерзал оленюшку безвинную,
Вирила, ох ли, безвинную!
Разбежались оленятушки, малые детушки,
Вирила, ох ли, детушки!
По дикой степи уральской¹,
Вирила, ох ли, по уральской!
Во глухую полночь, во темную,
Вирила, ох ли, во темную!

По прошествии некоторого времени сбегаются дети к своему пепелищу и там рыдают о своем несчастье:

Пришли оленятушки ко теплу гнездушку,
Вирила, ох ли, гнездушку!
Возопили оленятушки громким голосом,
Вирила, ох ли, голосом!

Беззащитное семейство, по смыслу этой песни, гибнет, именно потому, что беззащитное. Остающиеся сироты рыдают на своем пепелище, и только одно им утешение, что не запрещают им плакать о своем горе.

ДУБОВАЯ ЛАВА

В середине круга сидит печальная девушка, представляющая женщину. Между тем девушки и парни, взявшись за руки, поют:

¹ В уральской степи не водятся львы, и эта песнь применена уральскими жителями к своей местности.

Как на реченьке, на речице,
Лежит лавонька дубовая,
Дубовая доска, досченная.
На той лавоньке, на дубовой,
Сидит шведонька молодая,
На ней шубенька голубая,
Перепоясочка шелковая.

Несколько парней выбегают из круга, подхватывают шведку:

Где же взяли драгуны,
Молоды души, кавалеры.
Взяли шведоньку, подхватили,
Во колясочку посадили.

Продолжают петь:

Вдоль Москвы шведку провозили.

Шведка плачет. Тогда одни из парней утешают ее, другие играют, а остальные пляшут.

Стала шведонька слезно плакать,
А драгуны утешать:
Приударили в барабаны,
В сиповочки заиграли.

Видя веселящихся, шведка забывает свое горе и начинает плясать с ними. Хороводные поют:

Стала шведонька веселее,
Начала шведка плясать.
Поплясавши, поклонилась:
Исполать вам, драгуны!
Вы умеете шведку брать,
И горазды шведку утешать.

Плен в иноземной земле часто забывается, когда развлекают забавами. Эта песнь сочинена на плененных шведок во время войны Петра I с Карлом XII.

ПРЯХА

Одна из девушек ставит в середине круга свой гребень и садится тут прясть. Во время прядения она дремлет, переваливается с бока на бок, бьется головой об пряслицу, хватается за нее руками, зевает, потягивается и начинает снова прясть; потом опять дремлет и качается во все стороны. Девушки поют:

Дрема дремит за гужелью (за гребенем),
Гужель портит,
Шелк тербит.
Полно, дрема, дремати,
Пора, дрема, перестати!
Вон, дрема, свекор-батюшка идет,
Грозу тебе несет.
Вот я встану, погляжу!

Пряха вскакивает, смотрит вокруг себя и потом бежит по кругу. После снова садится за свою работу и дремлет по-прежнему. Девушки поют:

Ой ли, люди злолукавы!
Не видя люди – видят;
Не слыша люди – слышат.
Дрема дремит за гужелью.
Гужель портит,
Шелк тербит.
Полно, дрема, дремати,
Пора, дрема, перестати.
Вон свекровь твоя идет,

Грозу несет.
Вот я встану, погляжу!

Она бросает гребень, бегают по кругу, смотрит на все стороны и снова садится. Девушки поют:

Ноне люди злолукавы!
Не видя люди – видят;
Не слыша люди – слышат.
Дрема дремит за гужелью.
Гужель портит,
Шелк тербит.
Полно, дрема, дремати,
Вон, дрема, лида идет (муж)
Грозу несет, плетъ шелкову.
Вот я встану, погляжу!

Между тем другая девушка выходит из круга и несет жгут, заменяющий плетъ. Пряха просыпается и, видя мужа с плетью, принимается усердно за свою работу. Муж кричит: «Ты, что ли, сонуля, ленивица – заработалась? Ночь не спала, все бегала». Замахивается жгутом и начинает хлестать. Жена бегают по кругу, муж кричит: «Проучу! Тебе все веселится с парнями, играть с ребятами молодыми, не женатыми». Жена выбегает из круга и голосит: «Забил меня муж! Забил меня муж! Умучил, окаянный».

Не так ли бывает иногда в быту простолюдинов? Нет, гораздо еще в высшем. Жены недосыпают ночей, дремлют, ходя днем, – и все будто бы трудились, работали всю ночь; будто бы их мужья – тираны, не дают им ни покою, ни отдыха, заставляя работать тяжелую работушку не одну ночь, а все темные зимние ноченьки; с рассветом, не слетают еще петухи с насестов, жена уже работай! Между тем жена или многие жены проводили *ночь* в играх и забавах, все с молодыми да с неженатыми. Поневоле жены дремлют, а в дремоте каких не увидится грез, разных забав, и эти забавы превращаются потом в пламенное желание наяву.

УТЕНЯ

Взявшись за руки, девушки ходят кругом то в одну, то в другую сторону; но изменение их движений совершается по содержанию песни:

Плыла утенья¹
Через сине море. –
Как, как утенья,
Ноженьки обмочила?

Шаркая ногами, девушки показывают:

– Этак утенья,
Этак серая,
Ноженьки обмочила!
Плыла утенья
Через сине море.
Как, как утенья,
Крылушки обмочила?

Девушки машут руками:

– Этак утенья,
Этак серая,
Крылушки обмочила!
Плыла утенья Через сине море.
Как, как утенья,
Крылушки встрепенула?

Девушки хлопают в ладоши:

– Этак утенья,
Этак серая,

¹ Этот стих поется еще так: «Шла, шла утенья». Утки плавают, а не ходят по морю; но этот стих более сообразен с тоническим складом русских стихов:

Шлă, шлă утенья...

Крылушки встрепелула!
Плыла утенья
Через сине море.
Как, как утенья,
На бережок садилась?

Девушки приседают:

Этак утенья,
Этак серая,
На бережок садилась!

Этим оканчивается хоровод и начинается другой. Выражение этой игры есть одна веселость и резвость, ищущая новых забав.

ЦАРЕВ, СЫН КОРОЛЕВ

Мужчины и девушки, взявшись за руки, составляют круг, который называется городом. Вокруг города ходит в шляпе царев, сын королев. Кружок, стоя на одном месте, поет:

Царев, сын королев,
Круг города ходит,
Круг города ходит.
Царев, сын королев,
Город высматривает,
Город высматривает.
Царев, сын королев,
Невест выбирает,
Невест выбирает.
Царев, сын королев,
Войди, сударь, в город,
Войди, сударь, в город.

Круг расступается, и царев, сын королев, входит в его середину; потом круг сходится и продолжает петь:

Царев, сын королев,
Стань, государь, прибодрися,
Стань, государь, прибодрися.

Он подпирается руками в бока.

Царев, сын королев,
Низесенько поклонися,
Низесенько поклонися.

Он снимает шляпу и раскланивается всем.

Царев, сын королев,
Низесенько поцелуйся,
Низесенько поцелуйся.

Он подходит к одной из девушек, становится перед нею на колени, целует ее руку и отдает ей шляпу. В простом сословии играют точно так же, за исключением <случаев>, когда мужчина станет на колени перед девушкою, тогда и она становится пред ним. Девушка, пред коею стоял на коленях мужчина, выходит из круга и делается *царевой*, *дочерью королевой*.

СВЕТЛЫЙ КНЯЗЬ

Один из молодцев ходит гордо в круге и указывает повелительно рукою на свои владения, представляя собой князя.

Ходит наш светлый князь
Около своего города,
Ходит около своего высокого.
Ищет наш светлый князь,
Ищет наш добрый князь,
Свою ли светлую княжну,
Свою ли добрую княжну.
Ходит, ходит князь,
Ходит кругом города:

Он сечет, он рубит
Своим мечом ворота.
Скоро ли светлый князь?
Сыщет красну девицу?

Князь останавливается и один оканчивает:

Уж я ли где найду,
Красну девицу княжну?
Ту ли девицу княжну
Златым перстнем одарю?

ХРАБРЫЙ КНЯЗЬ

Хороводные разделяются на две половины, и каждая из них стоит во время пения друг против друга. Храбрый князь расхаживает спесиво между обеими половинами и поет с ними:

Княжий сын хоробер,
Что ходишь, что гуляешь?
Княжий сын хоробер,
Что ты примечаешь?
Подруженьки мои!
Я хожу, не гуляю,
Ищу свою молодую.
Ведь моя-то молодая,
Ведь моя-то княжна
Во тереме сидит,
На ней венчик горит;
Сарафан камчатный,
Убрусец весь жемчужный,
Алы бархатны башмачки,
Яры яхонты в ушах,
Два алмаза в глазах.

После этих слов сходятся хороводные, делают общий круг и на ходу поют:

Ой, князь хоробер!
Не ищи, молодой,
Во тереме высоком.
Войди в хоровод,
Возьми молодую,
Возьми свою княжну.

Князь хоробер выводит одну девушку из круга, а хороводные оканчивают:

Княжий сын хоробер
Сыскал красну девицу,
Душу княжну,
Свою молодую.

Царев, сын королев, светлый князь и храбрый князь – означают выбор невест.

СИРОТИНУШКА

Девушка, представляющая *сиротину*, лежит на сырой земле одна-одиошенька и горюет: никто не утешает ее! Вокруг нее ходят хороводные и поют:

Подле речки ракитов куст,
За кустом сиротинушка.
На кусту соловейка пел,
А сиротинушка высвистывал:
– Во пиру, во беседе
Было много гостей,
Только не было соловеюшки,
Моей голубушки.
Подле речки ракитов куст,
За кустом сиротинушка,
На кусту соловейка пел,
А сиротинушка высвистывал:
– Вот идет она,
Будто пава плывет!

В это время выходит из круга девушка и останавливается перед сиротинушкой; хоровод продолжает петь, а с ним сиротинушка и девушка.

Мне жаль тебя, сиротинушка,
Жаль твоего батюшки,
А боле жаль матушки.
У батюшки с матушкой
Я одна во всем дому;
У мила дружка во терему
Я послушница свекровушки.
У тебя, сиротинушка,
Лягу я у сердечушка.

Сироты не без добрых людей и не без помощи. Есть люди, которые сами спешат на помощь горемык и оживляют их не одним теплым участием, но делом, не ожидая за то никаких суетных похвал. Доброе дело – сама по себе похвала и награда.

СВАТОВСТВО

Хоровод образуется из двух половин: на одной находятся отдельно мужчины, на другой – девушки и молоденькие женщины; все они переплетаются руками. На мужской половине стоят женихи, а на женской – невесты. Каждая половина поет попеременно таким образом, что пение одной половины составляет предмет вопросов, а другой – ответы, и во время вопросов и ответов обе половины то сходятся, то отступают. Эти движения представляют игривую картину хоровода, который разыгрывают с особой веселостью.

Бояре! Да вы по что пришли?
Молодые! Да вы по что пришли?
Княгини! Да мы невест смотреть,
Молодые! Да мы невест смотреть.

Бояре показывают жениха и по требованию княгинь представляют им богатую одежду, по которой судили в старину и теперь судят о достоинстве жениха. Княгини приглашают бояр со всем их поездом в терем, и тут оканчивают сватовство.

Княгини! Во се наш женишок,
Молодые! Во се наш женишок.
Бояре! Покажите кафтан.
Молодые! Покажите кафтан.
Княгини! Во се наш кушак,
Молодые! Во се наш кушак.
Бояре! Покажите сапоги,
Молодые! Покажите сапоги.
Княгини! Во се наш сапожок,
Молодые! Во се наш сапожок.
Бояре! Идите во терем,
Молодые! Поздороватися.

Иногда оканчивают:

Бояре! Поздороватися,
Молодые! Со всем поездом.

Играющие сватовство часто делают произвольные вопросы, того требует сама игра, потому что от разнообразных вопросов зависит продолжение забавы. Вопросы предлагают не об одном платье, но о наружности жениха, его сердце, нраве и проч.

Игра в сватовство объясняет достаточно значение хоровода.

ЖЕНИХ ПО СЕРДЦУ

В середине хороводного круга ходит девушка; она ищет жениха; хороводные поют:

Во саду ли было под яблонью,
Во зеленом под кудрявою,
Соловей выщекочет,

Молодой выщекочет.
Во терему девицы,
Во высоком терему
Красные играют,
Подруженьки говорят:
– Уж ты, слышишь ли?
Красная девица,
Свет, моя душа!
Тебя батюшка кличет,
Тебя, свет родной, кличет.

Невеста отвечает своим подругам:

Ох вы, свет, мои подруженьки!
Зачем раньше не сказали?
Я, право, не слыхала.

Хороводные начинают снова:

Во саду ли было под яблонью,
Во зеленом под кудрявою,
Соловей выщекочет,
Молодой выщекочет.
В хороводе красны девицы
У ворот стоят.
В хороводе красны девицы
Всей околицей играют.
Уж ты, слышишь ли?
Красна девица,
Свет, моя душа!
Тебя подруженьки манят,
Молодой по дороженьке идет.

Одна из девушек, представляя парня, подходит к невесте,
которая отвечает в то время хороводу:

Ох вы, свет, мои подруженьки!
Я давно сама завидела,
Я сама к нему иду!

Вот еще другая хороводная песня, того же содержания, то есть *женех по сердцу*.

Что по гридне князь,
Что по светлой князь.
Наше солнышко, любимый князь похаживает.
Что соколий глаз,
Молодецкий глаз,
Как на пташечек, младых девиц, посматривает:
Что у ласточки,
У касаточки,
Белу грудь, сизы крылья потрагивает.
Парчовый кафтан,
Сапоги сафьян,
Золоту казну и соболи показывает.
Веселым лицом,
Красным словцом
Мысли девичьи и думу их изведывает.
— Не мани нас, князь!
Не гадай нас, князь!
Наше красно солнышко! — девицы говорят. —
Не златой казне,
Но твоей красе
Свои сердца давно мы отдали.
Ты взгляни хоть раз!
Ты вздохни хоть раз!
И любую выбирай из нас.

При игрании этого хоровода девушка, представляющая жениха, ходит по гридне и долгое время ни на кого не смотрит: расхаживает величаво и тщеславится своей красотой; потом она посматривает на девушек, и все думают о себе. Наконец останавливается перед той, которая ей по сердцу, и при последнем слове: *и любую выбирай из нас*, она отдает ей свой перстень. Тогда хоровод оканчивает:

Ходил наш князь,
Выходил князь
Себе подругу, нашу девицу.

Женихов много, а невест еще более; но не всякая девушка поручает себя на поруки вечные, не осмотревшись и не обдумав хорошенько. Если жених по сердцу, то она не разбирает уже и не видит даже явных его недостатков – другая крайность!

ВЫСМАТРИВАЮЩИЙ НЕВЕСТУ

Хороводные переплетаются руками и, двигаясь кругами, притопывают ногами:

Около сыра дуба
Растет чернь-черница;
А во той ли во чернице
Черный соболю скачет.
Поскачи, поскачи, соболю,
По чисту полю;
Поплыви, поплыви, утя,
По тиху Дунаю.
Ищи себе друга,
Которого любишь.
Скачите вы, девушки, пляшите.
Вы, холостые, не смотрите.
Смотрючи девушку не взяти,
Взять не взять по любви,
По батюшкиному благословенью,
По матушкиному умоленю.

По окончании песни хороводные разнимают руки и бьют в ладоши. Эта песня поется в некоторых местах с прибавлением к каждому стиху припева: «люли, люли».

Около сыра дуба,
Люли, люли, дуба!
Растет чернь-черница,
Люли, люли, черница!

А во той ли во чернице,
Люли, люли, во чернице!
Черен соболь скачет,
Люли, люли, скачет!
Поскачи, поскачи, соболь,
Люли, люли, соболь!
По чисту полю,
Люли, люли, полю!
Поплыви, поплыви, утя,
Люли, люли, утя!
По тиху Дунаю,
Люли, люли, Дунаю!
Ищи себе друга,
Люли, люли, друга!
Ищи себе любушку,
Люли, люли, любушку!
Около сыра дуба,
Люли, люли, дуба!
Растет чернь-черница,
Люли, люли, черница!
А во той ли во чернице,
Люли, люли, во чернице!
Красных девиц хоровод,
Люли, люли, хоровод!
Скачите вы, девушки, пляшите,
Люли, люли, пляшите!
Вы, холостые, не смотрите,
Люли, люли, не смотрите!
Смотрючи девушку не взяти,
Люли, люли, не взяти!
Взять ли, не взять по любви,
Люли, люли, по любви!
По батюшкиному благословенью!
Люли, люли, благословенью!
По матушкиному умоленью,
Люли, люли, умоленью!¹

¹ Сахар. «Сказания русск. народа», между хороводными песня № 38, изд. СПб., 1841 г.

БОРИСА ЖЕНИТЬ

Мужчины и девушки, взявшись за руки, становятся в кружок; избранный играть Бориса ходит в шапке в середине круга, а хоровод поет:

Ходил Борис, гулял Борис,
По хороводу девичью, по молодичью.
Искал Борис ласковой тещи, приветливой невесты,
Нашел Борис ласкову тещу и приветливу невесту,
Просил Борис всех людей на свадьбу.

Борис снимает шапку, кланяется на все стороны:

Добрые люди! Пожалуйте на свадьбу:
Свадьбу играть, Бориса женить.

Борис подходит к хороводу, целует избранную им девушку; поцелованная берет у него шапку в ознаменование того, что она делается женою его.

Эта песня, измененная местностью, поется еще иначе:

Ходил Борис по хороводу,
Да по девичью, да по молодичью.
Искал Борис ласковой тещи, хорошей невесты.
Сыскал Борис ласкову тещу и добрую невесту.
Добрые люди! Пожалуйте на свадьбу:
Хлеба с солью кушать,
Белого лебедя рушить,
Пива с медом пити.
Охти мне, горе! Охти мне, гореванье!
Расхулили да разговорили
Борисову-то тещу,
Борисову невесту:
Будто Борис пропойца.
Добрые люди! Не жалуйте на свадьбу:
Хлеба с солью кушать,
Белого лебедя рушить,

Пива с медом пити.
Хлеб-соль не пасено,
Вино не курено,
Пиво не варено¹.

Неудачная женитьба Бориса напоминает многих Борисов. Но еще хуже, если Борисы, женившись, не могут потом справиться со своей женою. Вот образец по этому предмету из малороссийской хороводной игры. Становятся девушки в кружок, в середине его садится молодая женщина, перед которою воткнута в землю палка; она представляет, что прядет. Хоровод поет:

Та через село,
Через Бондарывку
Поняв старый
Молодую жинку –
Ищеж ны поняв,
Та хвалыця быты;
Та похваляеця с товарищем,
Нагайку купыты.
Навчу я, навчу.
Молодую жинку!
Навчу я, навчу,
Молодесыньку!
Поихала жинка
Та до батька в гости.
Ныдиля минае,
Жинки нимае.
Навчу я, навчу,
Молодую жинку!
Навчу я, навчу,
Молодесыньку!
И друга минае,
Жинки нимае.
Навчу я, навчу,
Молодую жинку!

¹ «Песн.», изд. СПб., 1819 г., ч. 4, № 86.

Навчу я, навчу,
Молодесыньку!
И третя минає,
Жинки нимає.
Навчу я, навчу,
Молодую жинку!
Навчу я, навчу,
Молодесыньку!
Четверта иде,
Жинка иде.
Навчу я, навчу,
Молодую жинку!
Навчу я, навчу,
Молодесыньку!
Жинки побоявся,
В кропиву сховався,
Бороною скрився.
Навчу я, навчу,
Молодую жинку!
Навчу я, навчу,
Молодесыньку!
Бороною скрився,
Синцем притрусився.
Навчу я, навчу,
Молодую жинку!
Навчу я, навчу,
Молодесыньку!
Ой, перше лыхо –
Кропива жарє;
А друге лыхо –
Борона даве;
А третє лыхо –
Синце коле.
Навчу я, навчу,
Молодую жинку!
Навчу я, навчу,
Молодесыньку.
Четверте лыхо –

Горобец скаче,
Жинци скаже.
Навчу я, навчу,
Молодую жинку!
Навчу я, навчу,
Молодесыньку.

Еще есть малороссийская песенка, которая очень хорошо обрисовывает слабость мужей; ее часто разыгрывают в хоро-
воде. Тут девушки только ходят вокруг:

Была жинка мужика,
Пишла позываты;
Присудылы мужику
Щей жинку прохаты.
Ой, простыж, моя мыла,
Що ты мене была.
Куплю тебе цебер меду,
Коновочку пыва.
Ой, вид пыва болыт спына,
А вид меду голова.
Купыж мени горилочки,
Щоб я весела була.

ТОСКА ДЕВУШКИ

Неизвестное для девушки чувство волнуется с давнего времени. Что ж это за чувство? Это чувство – любовь! Если девушка тоскует, то это значит, что она начинает любить. Ей тогда приятно и сладостно думать о нем; ей тогда несказанно очаровательно мыслить, что он ее любит. Однако она часто спрашивает самую себя: «Любит ли он меня?» И сама себе отвечает дрожащим голосом: «Не любит!» В этих словах живо отражается вся жизнь девушки, предающейся пламенным порывам любви. Она хочет видеть, что ей дорого: лобызает его мысленно в глаза, в уста и наслаждается своим предметом, созданным в ее мечтательном упоении. Она уже обнимает

его одной рукою, прижимается к его груди, осыпает беспрестанно огненными поцелуями, ждет взаимных ответов, но ей никто не отвечает. Она в отчаянии! Горячка мечтательной любви проходит, и она перестает увлекаться любимым идеалом, только ненадолго. Тоска девушки опаснее любви. Вот объяснение: дочь живет с отцом; она ожидает его домой завтра поутру, но для нее все равно – он *будет, аль не будет*; он не уменьшит ее тоски. Хороводные, взявшись рука об руку, ходят вкруг, припевая:

Из-за бору, бору,
Из-за зеленого
Стучала, гремела
Быстрая речка,
Обрастала речка
Калиной-малиной.
На калиновом мосточке
Сидела голубка:
Ноженьки мыла,
Перемывала,
Свое сизо перышко
Перебирала:
Свою русу косу
Расчесывала.
Перебравши сизо перье,
Сама взворковала:
– Завтра поутру
Батюшка будет,
Хоть он будет,
Аль не будет,
Тоски не будет.
Вдвое, вдвое у голубки
Печали пребудет.

Тут девушки разрывают круг, вытягиваются в один ряд и пляшут¹.

¹ Эта песня почти та же самая, что напечатана в записках о Сибири, с. 114, и у Сахар. «Сказан. русск. нар.», изд. 1841 г., между хороводн. песнями № 39.

ПОДУШЕЧКА

Играют одни девушки и весьма редко с ними мужчины. Избранная играть подушечку ходит с платком в руке и пляшет, а прочие, образовав около нее круг, поют:

Молодушка, молодушка,
Да ты молодая!
Подушечка, подушечка,
Да ты пуховая!
Кого любишь, кого любишь,
Того поцелуешь;
Пухову подушечку тому подаруешь...

Девушка кому отдает платок, того целует.

Тебя люблю, тебя люблю,
Тебя поцелую;
Пуховую подушечку тебе подарю.

Поцелованная делается молодушкою; игра повторяется, пока не наскучит.

«Кого люблю, тому сердце отдаю» – вот смысл этого хоровода.

ТОСКА МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ ПО СВОЕЙ РОДИНЕ

Молодая женщина, завезенная на дальнюю сторону, тоскует по своей родине. Хотя она пишет своим родным, но все для нее горе и кручинушка; одна только старость в состоянии изменить ее горе.

Здесь хоровод составляется, как <и> предыдущий; в середину хоровода входит девушка, которая поет вместе с играющими. Эта песня, по словам некоторых, разыгрывается и на посиделках.

Вдоль по дороженьке
Летит сокол-молодец.
Сокол, мой сокол,
Залетная птица!
Ты проезжай, добрый молодец.
Привез меня, молодцу,
В чужу дальнюю сторону,
Ссушил, скрушил меня!
Велел еще забыть
Родиму сторону!
Напишу ль я грамотку
По белому бархагу
Чистым, красным золотом!
Отошлю ль я грамотку
В свой родимый край:
К родимому батюшке,
К родимой матушке!
Напишу ль про себя
Все горе и кручинушка!

У меня ли, молодой,
Много слез в очах?
Прикажет ли батюшка,
Родимая матушка
Танцевать и плясать –
Пока старость не пришла!
Уж как старость придет,
Все печали забьет¹.

КРАСНАЯ ДЕВИЦА

Девушки очаровывают не одних молодых, но и стариков своими пламенными очами. И кто не испытывал их силы? И кто не раз вздыхал по ним, обворожительным прелестям красавицы? Хоровод, воспевая красоту глаз, становится в кружок; тут он не берется за руки, но, стоя на одном месте, поет:

¹ Сахар. «Сказания русского народа», между хороводн. песн. № 40, и Снегир. «Русск. простонар. праздники», ч. 2, с. 92.

У нас во селе
Все девицы пригожи.
Пригожи и румяны,
С огненными очами.
Уж и что завидят,
Все очаруют.
У нас во селе
Вдовушка живет;
У ней девица дочь,
Что твоя малина!
Во тереме сидит,
Узоры вышивает.
Узоры вышивает
Для милого дружка.
Очи, очи ясны!
Сокрушили молодцов.
Одного-то не сгубили,
То сокол, ее душа.

ДОРОГОВИЗНА НА ДЕВИЦ

Эта песня составлена, конечно, угодниками девушек. Им льстят повсюду, и в самих песнях поют им лесть. Хороводные не составляют никакого круга, а стоят двумя половинами друг против друга и поют попеременно.

Первая половина:

Тонка, гибка жердиночка
Через реченьку лежала,
Что никто не пройдет!
Только шли, прошли стары бабы,
Стары бабы, безобразны.
Сметь ли старых баб спросити:
Что в городе вздешевело!

Вторая половина:

Вздешевели, вздешевели молодые бабы,
На овсяный блин по три бабы.

А четвертая провожата,
А пятая на придачу.

Первая половина:

Тонка, гибка жердиночка
Через реченьку лежала,
Что никто не пройдет!
Только шли, прошли стары бабы,
Стары бабы, безобразны.
Сметь ли старых баб спросити:
Что в городе вздешевело?

Вторая половина:

Вздешевели, вздешевели добры молодцы,
Еще восемь молодцов на полденьги.
А девятый – провожатый,
А десятый на придачу.

Первая половина:

Тонка, гибка жердиночка
Через реченьку лежала,
Что никто не пройдет!
Только шли, прошли добры молодцы,
Сметь ли добрых молодцов спросити –
Что в городе вздорожало?

Вторая половина:

Вздорожали, вздорожали красны девушки,
По сто рублей одна девица,
По тысяче се коса,
А по две ея краса.

После этого, составив общий круг, ходят кругом, и все повторяют вместе последние четыре стиха.

ИГРЫ

Девушки приглашают на свои игры молодую женщину, одну из бывших своих подруг. Она хочет идти, но свекровь не пускает ее. Свекровь заставляет работать и смотреть за домом. Прошла девическая жизнь, а с нею утонули все радости! Молодая женщина досадует, сердится и грозит перепортить, перебить все в хозяйстве, и потом выйти к подруженькам и вдоволь наиграться. Это изображение сердца такой молодой женщины, которая желала бы только веселиться, и это желание, свойственное вполне женскому чувству, выражает упорные страсти: для женщины нет никаких препятствий. Жить в вихре удовольствия, искать беспрестанно новых чувствований, восторгов и сладостей – вот стихия прекрасного, но слабого создания. Подумайте, в тонких жилочках розовой красавицы течет огненная кровь, кровь наслаждения, и как не забыться! А существо непостоянное, как женщина, – не будем строги! – не думает о последствиях: давай ей только игры.

В хороводный круг становится смелая и молодая женщина. Игроки ходят вокруг нее и поют с нею:

Как за горницею, за повалушею,
Не в гусли играют,
Не в свирели говорят,
Говорят мои подруженьки
На игрища идти.
А меня, молодешеньку,
Свекор не пускает.
Свекор-батюшка заставляет
Гумно чистить,
Метлой мести,
И поле боронить,
И детей качать.

Уж я в сердце взойду:
И метлу изломлю,
И гумно истопчу,

И борону изрублю,
И детей уложу.
Сама, молодешенька,
На игрища пойду:
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь, молода.

Как за горницею, за повалушею
Не в гусли играют,
Не в свирели говорят,
Говорят мои подруженьки,
На игрища идти.
А меня, молодешеньку,
Свекровь не пускает,
Свекровь-матушка заставляет:
Красенца ткать,
Конопли брать,
На поле ходить
И сено косить,
Избы истопить,
По воду сходить,
Детей накормить
И спать уложить.

Уж я в сердце взойду:
Красна изорву,
Берды изломаю,
Конопли потопчу,
На поле не пойду,
И домой не зайду,
Сама, молодешенька,
На игрища пойду:
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь, молода.

Точно так же разыгрывают следующую песню:

Как у наших у ворот,
Как у наших у ворот,

Люли, люли у ворот!
Стоял девок хоровод,
Люли, люли, хоровод!
Молодушек табунок,
Молодушек табунок,
Люли, люли, табунок!
Меня девки кликали,
Меня девки кликали,
Люли, люли кликали!
На улицу поиграть,
На улицу поиграть,
Люли, люли, поиграть!
В хороводе поплясать,
В хороводе поплясать,
Люли, люли, поплясать!
Меня свекор не пустил,
Меня свекор не пустил,
Люли, люли, не пустил!
Хотя пустил, пригрозил,
Хотя пустил, пригрозил,
Люли, люли, пригрозил!
Гуляй, сноха, да недолго,
Гуляй, сноха, да недолго,
Люли, люли, да недолго!
А я, млада, гуляла,
А я, млада, гуляла,
Люли, люли, гуляла!
До саминьких петушков,
До саминьких петушков,
Люли, люли, петушков!
Как зорюшка занялась,
Как зорюшка занялась,
Люли, люли, занялась!
А я, млада, поднялась,
А я, млада, поднялась,
Люли, люли, поднялась!
Навстречу мне деверек,
Навстречу мне деверек,
Люли, люли, деверек!

Деверюшка, батюшка,
Деверюшка, батюшка,
Люли, люли, батюшка!
Проведи меня домой,
Проведи меня домой,
Люли, люли, домой!
До моего двора,
До моего двора,
Люли, люли, двора!
До высока терема,
До высока терема,
Люли, люли, терема!
Подхожу я ко двору,
Подхожу я ко двору,
Люли, люли, ко двору!
Свекор ходит по двору,
Свекор ходит по двору,
Люли, люли, по двору!
Повесивши голову,
Повесивши голову,
Люли, люли, голову!
Станет свекор младу бить,
Станет свекор младу бить,
Люли, люли, бить!
А ты меня отними,
А ты меня отними,
Люли, люли, отними!
Не отнимешь – прочь поди,
Не отнимешь – прочь поди,
Люли, люли, прочь поди!

ДОВОЛЬНЫЙ СВОЕЙ ЖЕНОЙ МУЖ

Один муж, женившийся неудачно на первой жене, горевал и тосковал от нее. Женился на другой, но она была постоянно веселая, так что незачем было ходить к соседям, чтобы поразвеселиться. В самом его доме было довольно веселья.

Эта песня выражает насмешку <и> над чрезмерно тоскливою, и <над> безгранично веселой женою.

Играющие, образовав хороводный круг, ставят посередине его мужа и жену и, двигаясь с ними, поют про житье-бытье.

На горе калинушка стояла,
Разными цветами расцветала;
На той калинушке соловей
Громко песни распевал,
Холостому весть подавал:
Пора тебе, молодец, жениться,
А тебе, красна девушка,
Пора русу косу расплетать.

Пойду ли я на матушку на Волгу
К наибольшему атаману:
Чем он меня подарует?
Подарил меня женою,
Глупою, неразумною:
Я за гудок – она за прялку;
Я в гудок играть – она горевать.
Незачем в люди на кручину:
Дома кручинушки довольно.

На горе калинушка стояла,
Разными цветами расцветала;
На той калинушке соловей
Громко песни распевал,
Холостому весть подавал:
Пора тебе, молодец, жениться,
А тебе, старообразной,
С девками не водиться.

Пойду ли я на матушку на Волгу,
К наибольшему атаману:
Чем он меня подарует?
Подарил меня женою,
Умною и разумною:
Я за гудок – она за песни;
Я в гудок играть – она плясать.
Незачем в люди на веселье,
Дома весельица довольно.

СХОДБИЩЕ

Сходбище представляет радостное свидание старых знакомых после долгой их разлуки. Игра эта разыгрывается весною, когда сходятся с заработков в свою деревню. Каждый приносит с собою прибыль, полученную им в зимнюю заработку, и всякий спешит повидаться поскорее со своими родными и старыми друзьями. «В гостях хорошо, а дома лучше», – говорит пословица, и своя деревня знает *каждого* своего. Девушки и мужчины приветствуют друг друга и, как старые знакомые, сходятся в праздничное время, составляют веселый хоровод, который называется сходбище; в середине становятся молодец и девушка; хор поет:

Как из улицы идет молодец,
Из другой красна девица,
И близехонько сходилися,
Низехонько поклонилися.
И говорит добрый молодец:
– Здорова ль живешь, красна девица?
– Здорова живу, мил сердечный друг.
Каково ты жил без меня один?
Давно друг с другом не видалися, –
Говорит девка улыбаючи, –
Что с той поры, как рассталися.
Говорит ей друг сердечный:
– Мы пойдем, душа Марьюшка, гулять;
Мы на рубль возьмем зелена вина,
А на другой меду сладкого;
За две гривенки сладких пряников.
Красна девица ему в ответ:
– Я пойду ль гулять, мой мил, сердечный друг?
Я боюсь, боюсь, родного батюшки,
Я боюсь и родимой матушки.
Тут рассталися и прощалися,
Друг с другом целовалися.
Ты прости, прости, добрый молодец.

И добрый молодец отвечает:
– Прости, моя душа, красна девица!

ПОСЕВ ЛЬНА

Составив хоровод, мужчины и девушки поют *посев льна*,
<двигаясь по> кругу то в ту, то в другую сторону:

Ой, дид, ой, лада!
Засевали девки бел лен,
И травой лен,
С травой небылою, с повилою
Ой, дид, ой, лада!
Засевали девки бел лен,
Мне пойти молоденькой
К батюшке-свекору.
– Уж ты, батюшка-свекор,
Пособи-ка льну полоти!
Мне несчастье в человеке,
Мне на ласковом сговоре
И на низком поклоне.
– Я, невестушка, с тобою,
Я с тобою, молодою.
Ой, дид, ой, лада!
Засевали девки бел лен.
Мне пойти, молоденькой,
К матушке-свекрухе.
– Уж ты, матушка-свекруха,
Пособи-ка льну полоти.
Ой, дид, ой, лада!
Мне несчастье в человеке,
Мне на ласковом сговоре,
Мне на низком поклоне.
– Я, невестушка, с тобою,
Я с тобою, молодою.

Точно так же поют брату и деверю с приложением их имен и тем оканчивают.

Посев льна разыгрывают еще иначе.

Выбирают из играющих мать, одну дочь или две и ставят их в середине круга. Все прочие ходят около них и поют:

Под дубравою лен, лен,
Под зеленою лен, лен,
Таки-лен, таки-лен, люли, лен!

Одна дочь начинает петь, а за нею и весь хоровод:

Научи меня, мати,
На лен землю пахати.

Хоровод останавливается, и все нагибаются; мать, тоже нагнувшись к земле, показывает дочерям, как пашут землю, припевая, а за нею весь хоровод:

Да вот эдак, дочи, дочушки,
Вот так, так, да вот эдак!

Дочери перенимают все ее движения. Потом хоровод начинает снова ходить крутом и петь:

Под дубравою лен, лен,
Под зеленою лен, лен,
Таки-лен, таки-лен, люли, лен!

Дочери припевают:

Научи меня, мати,
Зелен лен полоти.

Мать отвечает с хороводом:

Да вот эдак, дочи, дочушки,
Вот так, так, да вот эдак!

Сопровождает движениями, какие обыкновенно бывают при прополке льна. Дочери подражают всем ее движениям. По окончании слов матери хоровод кружится и снова начинает:

Под дубравою лен, лен,
Под зеленою лен, лен,
Таки-лен, таки-лен, люли, лен!

Дочери припевают:

Научи меня, мати,
Зрелый лен брати.

Мать отвечает по-прежнему:

Да вот эдак, дочи, дочушки,
Вот так, так, да вот эдак!

Научи меня, мати,
Как лен вязати.

Да вот эдак, дочи, дочушки,
и т. д.

На всякий вопрос дочерей ответ матери единообразный и всегда сопровождается хороводом. Вот вопросы:

Научи меня, мати,
Спелый лен сбирати.

Научи меня, мати,
На телегу лен класти.

Научи меня, мати,
Мой лен с поля убирати.

Научи меня, мати,
Зрелый лен сушити.

Научи меня, мати,
Лен мой молотити.

Научи меня, мати,
Как лен мой стлати.

Научи меня, мати,
Как лен мой собрати.

Научи меня, мати,
Как мне лен мой мяти.

Научи меня, мати,
Как мне лен трепати.

Ты не эдак, дочи, дочушки,
А вот так, так, да вот эдак.

Научи меня, мати,
Тонкий лен прясти.

Тут дочери заглядываются на молодцов глазки, как умеют. Хоровод продолжает:

Научи меня, мати,
Мою пряжу мотати.

Все не эдак, дочи, дочушки,
А вот так, так, да вот эдак.

Дочери уже неохотно исполняют наставление матери, машут руками и ширинками, а парни снимают шапки и им кланяются.

Научи меня, мати,
Как кросна мне ткати.

Да вот эдак, дочи, дочушки,
Вот так, так, да вот эдак.

Хоровод возобновляет песню:

Под дубравую лен, лен,
Под зеленой дрянный лен.
Таки-лен, таки-лен, люли, лен!

Научи меня, мати,
С молодецм гуляти.
А я сама пойду,
И с молодецм плясати буду.

После этого дочери берут за руки парней, а мать кричит на них:

А вот я вас, дочи, дочушки,
Вот так, так, да вот эдак!

Показывает телодвижениями, как она станет бить их.
Но дочери не слушают матушки своей, пляшут, припевая:

Да вот эдак, моя мати,
Вот так, так, да вот эдак.

Мать треплет их за непослушание и усаживает на землю.
Но дочери вскакивают, начинают плясать и веселиться снова.
Всеобщий смех раздается над матерью, которая не умела воспитать своих дочерей. Для этой игры избирают ловких девушек и проказниц. Выражение этого хоровода: гони природу в дверь, а она влетит в окно.

При всем однообразии пения *посева льна поют его, однако, с большими отменами:*

Мы, молодушки, пашеньку пахали,
Из рукавчика бел лен рассевали,
Из рукавчика, из тонкого, льняного.
Уродился наш леночек
Высок, мелковолокнистый.
Да с кем-то мне, молодушке,
Бел леночек колотить будет?

– Я, невестушка, с тобою,
Я, голубушка, с тобою.
– Да с кем-то мне, молодушке,
Бел ленок намачивать будет?
– Я, невестушка, с тобою,
Я, голубушка, с тобою.
– Да с кем-то мне, молодушке,
Бел ленок обминать будет?
– Я, невестушка, с тобою,
Я, голубушка, с тобою.
– Да с кем-то мне, молодушке,
Бел ленок выпрядать будет?
– Я, невестушка, с тобою,
Я, голубушка, с тобою.
– Да с кем-то мне, молодушке,
Бел ленок ткать будет?
– Я, невестушка, с тобою,
Я, голубушка, с тобою.
– Да с кем-то мне, молодушке,
Бел ленок белить будет?
– Я, невестушка, с тобою,
Я, голубушка, с тобою.
– Да с кем-то мне, молодушке,
Подканое шить будет?
– Я, невестушка, с тобою,
Я, голубушка, с тобою.
Давай-ка, невестушка,
Шитое делить с тобою.
– Да не время мне, золовушка,
Шитое делить с тобою.
Я сделалась нездорова,
Головой стала больна.
– Ты, невестушка, обманщица, проказница;
Обманула, провела меня.

НИКОЛЬЦИНА

Народный весенний праздник. В день Николы собираются попировать у знакомых и родных, на открытом воз-

духе, близ храмовой церкви. В старину готовили на этот праздник брагу, вино, пироги и варили в поле щи и молочную кашу. Иногда поселяне, сделав складчину, пировали все вместе. При таком случае избирался из среды их особый хозяин, который назывался *старостою*: он все устраивал для общего веселья. Бедные и нищие принимались всеми радушно. Иногда пировали по несколько дней сряду, но пир не начинался и не оканчивался без храмового священника. При разгульном весельи составлялись хороводы, в которые вмешивались и женщины, и старики. Если играли одни девушки, то в середине их хороводного круга ставилась ловкая кумушка, избранная из девушек, которая своею язвительной игрою и насмешливыми телодвижениями насчет пирующих заставляла многих коситься.

Нет постоянного правила для хоровода *Никольщины*. Круги составляют, как вздумают. Иногда ходят кругом, а потом вытягиваются в прямую линию, или, свившись в кружок, вертятся и пляшут; иногда, взявшись за руки, делают первые две пары ворота, через которые проходят остальные и сходятся в круге. Сами песни поют здесь произвольно. В прилагаемой здесь песне попадают слова, которые совершенно не русские, но Юго-Западной Руси, например: *подлавица, залавица, чеботы, швец* и проч., но за всем тем эта песня усвоена русскими.

В Юго-Западной Руси празднуют Никольщину так же, как русские: пьют вино и брагу, едят пироги, яичницу и веселятся тоже по несколько дней, только не поют этой песни:

– Уж вы, девушки, играйте,
Уж вы, красные, веселитесь!
– Вот со девушки венок,
Вот со молодушки платок,
Уж со старой старушки
Вот шелковый платок.
– Уж вы, девушки, играйте,
Уж вы, красные, веселитесь.
Чей венок толочу, волочу,

- Чей венок толочу, волочу,
По надлавочью, по залавочью?
– Уж вы, девушки, играйте,
Уж вы, красные, веселитесь!
– Я не дам венка топтать,
Я не дам венка толочить,
Я сама ли выскочу.
Я сама ли выпляшу.
– Уж вы, девушки, играйте,
Уж вы, красные, веселитесь!
– Чей платок толочу, волочу,
Чей платок толочу, волочу.
По улице, по скамеечке?
– Уж вы, девушки, играйте,
Уж вы, красные, веселитесь!
– Я не дам платка топтать,
Я не дам платка толочить,
Я сама ли выскочу,
Я сама ли выпляшу.
– Уж вы, девушки, играйте,
Уж вы, красные, веселитесь!
– Чей шелковый толочу, волочу,
Чей шелковый толочу, волочу,
По улице, до задворицы?
– Уж вы, девушки, играйте,
Уж вы, красные, веселитесь!
– Я не дам шелкового топтать,
Я не дам шелкового толочить,
Я сама ли выскочу,
Я сама ли выпляшу!
– Уж вы, девушки, играйте,
Уж вы, красные, веселитесь!
– Ты, старушка, стара.
Не под силу молода;
– Ты станом коротка,
Ты плечами широка.
– Уж вы, девушки, играйте,
Уж вы, красные, веселитесь!

– Я станом коротка,
Я плечами широка;
А на эти-то плеча
Три рябиновых дубца,
Три дубца распаренные.
Три дубца разжаренные!
– Уж вы, девушки, играйте,
Уж вы, красные, веселитесь!
– Я повернула, пошла,
Будто ягода, красна,
Будто земляника, хороша!
– Уж вы, девушки, играйте,
Уж вы, девушки, веселитесь!
– А у те, что за чеботы?
Ты обей-ка чеботы,
Ты пробей-ка чеботы.
– Уж вы, девушки, играйте,
Уж вы, девушки, веселитесь!
– Мне не муж их купил,
Мне никто заводил,
Заводил Константин
На свои шесть алтын.
Хоть истопчутся,
Хоть изломаются:
Мой батюшка-то швец,
Мой жених-то купец,
Моя матушка прядеюшка,
Мне вервицу напрядет.
– Уж вы, девушки, играйте,
Уж вы, красные, веселитесь!¹

БРАНЬЕ ЯГОД

Это насмешка над теми девушками, которые ходят в лес по ягоды и потом возвращаются без ягод. Послушаем, как запоют нам хороводные насмешницы, пока не наберут ягод.

¹ Сахар. «Сказ, русск. нар.», между хоровод. песнями № 47; отсюда она позаимствована по причине полноты.

Делают хороводный круг, в середине его ходит одна девушка, которая собирает ягоды, дотрагиваясь рукою до земли. Из многих сообщенных мне песен правильное, по моему мнению, следующая:

Пошли девушки в темны боры,
Пошли красные в лес по ягоды;
 Ой, люли, люли, по ягоды!
Все девушки ягод понабрали,
Все красные понабрали
 Ой, люли, люли, понабрали!
Одна девка не набрала,
Одна девка лишь гуляла.
 Ой, люли, люли, гуляла!
И горько растужилась:
Стала плакать, горевать,
 Ой, люли, люли, горевать!
Горю нечем помочь!
К подругам взмолилась.
 Ой, люли, люли, взмолилась!
Подруженьки, голубушки,
Голубушки мои, сложитесь.
 Ой, люли, люли, сложитесь!
Вы сложитесь по яголке,
Вы бросьте мне по горсточке.
 Ой, люли, люли, по горсточке!
У меня ли, молодой,
У меня ли, горемычной.
 Ой, люли, люли, горемычной!
Отец неродной
И мать неродная,
 Ой, люли, люли, неродная!
У меня ли, молодой,
Отец-свекор, мать-свекровь!
 Ой, люли, люли, свекровь!
И бьют, и журят,
Понапрасну бранят.
 Ой, люли, люли, бранят!

Подруженьки не сложились,
Голубушки не сложились,
 Ой, люли, люли, не сложились!
Подруженьки ответ держат,
Голубушки говорят.
 Ой, люли, люли, говорят!
Никто велел за кустом ходить,
Никто велел по полям бродить.
 Ой, люли, люли, бродить.

Еще поют:

Пошли девки в сыры боры,
Пошли красны в лес по ягодки.
 Ой, люли, люли, в лес по ягодки
Все девушки понабрались,
Все красные понаелись!
 Ой, люли, люли, понаелись!
Одна девка не набралась!
Одна девка не наелась,
 Ой, люли, люли, не наелась!
Сама ходючи, растужилась,
Растужившись взмолилась.
 Ой, люли, люли, взмолилась!
Стала плаката,
Подруг кликати,
 Ой, люли, люли, кликати!
Подруженьки, вы, голубушки,
Вы, голубушки, сложитесь,
 Ой, люли, люли, сложитесь!
Мне сложитесь по ягодке,
Ах, бросьте мне по горсточке!
 Ой, люли, люли, по горсточке.
У меня ведь, младшенькой,
Неродной отец, неродная мать.
 Ой, люли, люли, неродная мать!
Подруженьки не сложились,
Голубушки не сложились,
 Ой, люли, люли, не сложились!

В ответ держат подруженьки,
В ответ держат голубушки.
Ой, люли, люли, голубушки!
Никто велел за кустом ходить,
Никто велел по полям бродить,
Ой, люли, люли, по полям бродить!

БАЙДАН

«Байдан – вечерняя игра сельской молодежи. Слово это, вероятно, татарское, остаток обычаев тех времен, когда Россия находилась под игом татар. Эта игра известна только в Юго-Восточной России. Первый байдан бывает в Фомино воскресенье, оканчивается в последнее воскресенье пред Петровым постом; она сходна или тождественна с хороводом. При заходе солнца, когда стада возвращаются с полей, молодые парни, девушки, молодки и женатые, поужинав засветло, собираются на зеленый луг играть в байдан. Сюда сходятся господские люди с балалайками, пастухи с рожками, обвитыми березкой, с дудками кленовыми, тростниковыми и искусные песельники. Тут начинают петь, плясать и играть; вся деревня веселится. Под звук музыки раздаются плавным хором многообразные песни».

«Весенние игры превращены в Саратовской губернии в *байдан*».

Такое истолкование забав, представленное г. Леопольдовым¹, вовлекло меня сначала в большую ошибку. Я разделял с ним мнение, что все весенние игры носят название байдана если не по всей Юго-Восточной России, то по крайней мере по всему Саратовскому краю. Г-н Леопольдов, сказав в общем очерке, что байдан разыгрывается в Юго-Восточной России, не обозначил, в каких именно местах. Из этого выходит, что он сам не знал и сказал без всякой проверки. Употребление байдана в юго-восточных местах казалось мне тем правдоподобнее, что Саратовский край был некогда гнездилищем татар,

¹ См.: «Стат. опис. Сар. губ.», ч. 1, с. 72–73, изд. 1839 г.

а особенно город Царев, в коем находилась столица Золотой Орды. Он сказал еще, что байдан есть игра, тождественная хороводу. Имея случай находиться в Саратовской губернии и преимущественно в тех уездах, кои заселены татарами, я любопытствовал знать, есть ли байдан. Тут я расспрашивал сначала у русских, живущих между татарами, как играется байдан. Они смотрели на меня с удивлением и не понимали, что я спрашивал у них. Я повторял это несколько раз, они едва понимали меня и отвечали, что никогда не слыхали про эту игру. Тогда я обратился к самим татарам. Они отвечали, что вовсе не знают байдана и даже нет у них этого слова. Да где же употребляется байдан? Стало быть, где-нибудь около Саратова! Я досадовал, что не мог добиться толку. Будучи в Саратове не один еще раз, я стал расспрашивать по-прежнему у русских и у татар, но и тут они отозвались совершенным неведением. Я подумал, что они не хотят сказать мне правды, потому спросил в одной деревне, играют ли здесь <в> байдан? Мне отвечали решительно: нет! Только одна девушка на вопрос мой отвечала мне смеючись: «*Байда*». – «А что это – *байда*?» – спросил я. «Так себе *байда*, – отвечала она. – Когда наскучит нам, тогда мы поем песни, бегаем и кружимся. Вот и вся наша *байда*». – «Не хоровод ли это?» – «Нет!» – «Как начинаете играть в *байду*?» – «Когда нам вздумается, мы кричим своим подругам: «Полно *баить*-то, давайте в *байда*». – «Да что ж значит она?» – «Так себе, *баем-да!*» – «А это что – *баем-да*?» – «Сидим, разговариваем, иногда *баем да поем*». – «И только?» – «И только, иногда *баем да* веселимся до самой полуночи». – «Так вот в чем дело, – подумал я. – Слово *баем да* – превращено в байдан!»

Не приведи случай быть на месте, я спорил бы, что существует байдан, и думаю, что поступили бы одинаково со мною все те, которые читали про байдан. На татарском языке вовсе нет байдана, а есть однозвучное ему *бадьян*, значащее: блюдо, чашу, из которой пьют татары воду или пиво; есть еще семя *бадьян*. Находится еще однозвучное байдану *май-дан*, только на арабском языке. Она означает место конского

бега и место битвы; в этом значении употребляют его татары, например, в песне про богатыря Шюкерли: «Майдан гюрзиси урульды, анекердим Шюкерли», – то есть на месте битвы взмахнул кистенем, и я увидел Шюкерли. Из всего этого выходит, что если байдан неизвестен всему Саратовскому краю, то тем более в юго-восточной части России.

Не довольствуясь, однако, разыскиванием байдана по Саратовской губернии, я обратился с вопросами к любознательным людям Юго-Восточной России, живущим в Екатеринославской и Херсонской губерниях, и после двухгодичной утомительной переписки все отвечали положительно, что никогда не слыхали о байдане. Один только известил, что водовороты по р. Волге называются майданами, а другой, что между татарами употребляется игра сабаган или сапаган, правильное произношение которого зависит от местного употребления. Сабаган состоит в том, что собираются татары на поле и там совершают скачку на лошадях, борются и предаются другим гимнастическим забавам. Казанские татары забавляются в сабаган при стечении народа, как мне рассказывали, и по большей части после рамазана (поста), который приходится в сентябре месяце. Во многих местах Малороссии и земле донских казаков употребляется поныне слово *майдан* в значении площади, а иногда в смысле сборного места.

VI. ЛЕТНИЕ ХОРОВОДЫ

РУСАЯ КОСА

Начнем с любимой игры девушек-невест – с *русой косы*. Кто не воспевал косу? Кто не писал ей похвал? В какой стране света не составляет она украшение девушек? На Руси в почести русая коса, в Малороссии – черная коса. Коса в славе, и сама красавица гордится ею. В сельской жизни она убирается розовой лентой, чешется роговым гребнем, умывается

снежной водою или настоем из полевых душистых трав. Не век любитесь девица прелестью косы! Наступает время, в которое она оставляет ее с плачем – это перед венчанием. Безутешная невеста сидит на скамье, подруги горюют с нею и поют на прощание русой косе. Приходит сваха и безжалостно расплетает косу; потом режет и прячет волосы под кику. Слезы льются ручьем! Невеста лишилась косы, а с нею девической своей свободы; с потерей косы только видится ей одно горе впереди.

При *расплетании косы* девушки становятся хороводом вокруг мнимой невесты и поют:

Под окном девка сидела,
Под окном, окном косящетым:
Русу косу плела, к себе дружка ждала.
Погляжу я в окошечко,
Не идет ли милый мой?
Ах! Милый идет, ясным соколом летит,
Белыми рученьками помахивает,
Светлыми кудрями потряхивает.
Я встретила середь широка двора,
С радостью милого за руки взяла.
Повела милого во свой терем,
Посадила милого под своим окном.
Дивись, мой милый, русой косе!
– Ах, косынька коса, девичья краса!
Уж ты иссушила меня, молодца,
Вынула румянец из белого лица.
Из белого лица, удалого молодца!
Не крушись, мой мил сердечный:
Русая коса на утеху рождена,
На утеху рождена, тебе обречена.
Русая коса, коса, косынька,
Расплетайся скорей!
Красна девица!
Выдь за меня замуж скорей!¹

¹ *Русая коса* поется различно, но эта песня помещена здесь потому, что она мне кажется плавнее.

Еще поется иначе:

Как у нас во околице,
Как у нас во светлице,
Под окном девка сидела,
Под красным косящетым:
Буйну голову чесала,
Свою русу косу плела,
К себе дружка милого ждала.
Погляжу млада в окошко
Уж не идет ли милый друг?
Уж как мой мил идет,
Что ясен сокол летит,
Шапочку охорашивает,
Белыми руками помахивает,
Черными кудрями потряхивает.
Я выходила, молода,
Из высока терема
На широкий двор;
Встречала друга милого:
За белы руки хватала,
В высок терем вводила,
Под косящето окно сажала.
Уж ты, милый друг,
Порадуйся со мной:
Подивись моей русой косе!
Ах ты, косынька, коса,
Коса, девичья краса!
Уж как ты ли, русая коса,
Иссушила меня, молодца.
Потускнели черны очи,
Позавял румянец на лице,
Нету удали у доброго,
Нету радости у молодчика.
Не плачь, не горюй,
Друг сердечный мой!
Моя русая коса
Не на горе рождена;
Моя русая коса

На роду тебе обречена.
И по батюшкину повеленью
И по матушкину согласию
Расплетает мою косу
Разладница сваха.
– Уж ты, русая коса,
Расплетайся поскорей;
Уж ты, красная девица,
Выдь скорей за меня.

НЕВЕСТА

Девушки собираются в поле и сговариваются, кому быть невестой, а кому свахою. Тут завязывается между ними спор: каждая хочет поскорее услышать имя жениха, но каждая стыдится его. Сваха становится в середине круга, и каждая из девушек старается встать на таком месте, чтобы последнее слово песни (*повел*) пало на нее. Они поют:

Стояло тут косово дерево,
Вью, вью, вью, лелю!
В той деревне тыночек стоит.
Как в том тыночке беседа сидит,
В той беседе пляшут девицы.
Мимо тут ехал удалой молодец,
Снявши шапочку, да девке челом,
Слезши с коня, он руку подает.
Девица ему и поклонилась,
Красна ему и руку подала.
Взявши с тыночка, за руку повел,
Вью, вью, вью, лелю!¹

На кого пало последнее слово (*повел*), тот выходит из круга. Ту же песню начинают снова петь и продолжают ее, пока не наберется условленное число невест. Потом сваха ставит каждую невесту отдельно и, обходя вокруг них, поет, и тут уже

¹ Прач. «Собр. песн.», ч. 1, с. 58.

на кого падет последнее слово (*повел*), та признается всеми невестою, и ей выйти скоро замуж. Прочие девушки завидуют ей. Везде зависть, но зависть девушки происходит от нетерпения. В некоторых местах повторяют <слова> *люли* и *лели* после всякого стиха. Следующая песня, выражающая то же, поется с прибавлением <слова> *люли*.

Как у наших у ворот
Стоит озеро воды.
Ой, люли, ой, люли,
Стоит озеро воды!
Молодец коня поил,
К воротичкам приводил!
Ой, люли, ой, люли,
К воротичкам приводил!
К веревочке привязал,
Красной девке приказал.
Ой, люли, ой, люли,
Красной девке приказал!
Красна девица-душа,
Сбереги добра коня.
Ой, люли, ой, люли,
Сбереги добра коня!
Сбереги добра коня,
Коня семитысячного.
Ой, люли, ой, люли,
Коня семитысячного!
Не сорвал бы повод,а,
Не сломил бы удила.
Ой, люли, ой, люли,
Не сломил бы удила!
Красна девица идет,
Словно павушка плывет.
Ой, люли, ой, люли,
Словно павушка плывет!
На ней платье голубое,
Лента алая в косе.
Ой, люли, ой, люли,

Лента алая в косе!
На головушке перо,
Хоть пятьсот рублей дано.
Ой, люли, ой, люли,
Хоть пятьсот рублей дано!
Хоть пятьсот рублей дано,
Стоит тысячи оно.
Ой, люли, ой, люли,
Стоит тысячи оно!

СРАВНЕНИЕ НОВЫХ РОДСТВЕННИКОВ

В этом хороводе становятся девушки в кружок и, взявшись за руки, то сходятся, то расходятся и поют. Разыгрывают осенью и во время свадьбы.

Репей стелется, расстилается,
Ой, дид мой, репей,
Ой, лада молода!
Да не быть репью
С тыном ровну;
Да не быть свекру
Супротив батюшки моего.
Ой, дид мой, репей,
Ой, лада молода!
Репей стелется, расстилается,
Ой, дид мой, репей,
Ой, лада молода!
Да не быть репью
С тыном ровну;
Да не быть свекрови
Супротив матушки моей.
Ой, дид мой, репей,
Ой, лада молода!
Репей стелется, расстилается,
Ой, дид мой, репей,
Ой, лада молода!
Да не быть репью

С тыном ровну;
Да не быть ладу
Супротив братцев моих¹.

¹ «Лада» означает в этой песне жену. В «Слове о полку Игореве» принято в таком же значении, например: «Уже нам своих милых лад ни мыслию смыслити, ни думая сдумати, ни очима сглядати». Наречие *ладно*, прилагательное *ладный* означают хорошо, хороший, а отнюдь не милый, как объясняет И. В. Савельев-Ростиславич (см. «Славянский сборник», с. 246, изд. 1845 г.) слово *ладый*. Сама лада не везде употребляется в песнях в смысле жены, и часто *ладо*, *лада*, как *дид* и *ладо*, заменяют окончательный песенный припев, подобно: лелю, ой, люли, люшеньки, вею, вью, вью и т. д. В таком смысле поставлен здесь <в> припеве дид. В Саратовской губернии девушки, собираясь играть хоровод или петь песни, говорят: «Давайте дидикать», то есть петь *дид* и *ладо*, потому здесь почти каждая песня разыгрывается с припевом: «Ой, дид, ой, ладо». Некоторые думают, что Ладе, вероятно, был посвящен весенний праздник Красной горки (Снегир. «Русск. простонар. праздники», вып. III, с. 27) и что Лада была богиня между русскими славянами. Эту богиню выдумал польский летописец Стрыйковский, и она никогда не была чествуема между нашими предками. И. В. Савельев-Ростиславич утверждает (см. «Славянский сборник», с. 245), что божество Ладо было известное всем племенам славянским, ссылаясь на надпись, найденную недалеко от Зальцбурга, в монастыре св. Павла. В той надписи находится: «*Latobio sac (rum) pro salute Nam. Sabiniani et Iuliae Babillae Vindonia mater* <(v)(oto) s(olvit) l(oco) l(egitimo) m(onumentum)». «<Святылище Латобию. Виндония, мать Сабиниана и Юлии Бабиллы, согласно обету, возводит памятник в подобающем месте>». Но Латобия не есть Лада. Он говорит еще, что славяне задунайские много поют свадебных песен в честь богини Лады. Очень жаль, что не указано место из задунайских песен. Я никогда не читывал, чтобы при их свадьбах пели в честь богини Лады. Потом, желая подтвердить свое мнение, что в божеском словаре «*Mater verb.*» слово Лада – однозначашее с Венерою: «*Venus, dea libidinis, Cytherea*», – говорит, что в густинской летописи (с. 256–257) Лада названа «*богом* женитвы, веселия, утешения и всякого благополучия». Разве все равно, что Лада и богиня Венера, Лада и бог со многими свойствами, как то: бог женитвы (женитьбы?), веселия, утешения и всякого благополучия. После всех своих выводов он заключает, что в русском языке *лада*, *ладушка* значит муж, следовательно, Лада уже не есть ни богиня, ни бог, а просто муж.

Ищущим Ладу в созвучиях недоставало указать на *Ладон*, которая у греков именовалась иногда драконом, оберегавшим Гесперидские сады с золотыми яблоками, или на ту Ладон, которая в Аркадии была река, чья дочь Метопия находилась, по баснословным рассказам, в замужестве за Азопом, речкою фивскою.

Draco, qui poma ipsa servabat,
Typhonis et Echidnae filius,
Ladon vocabatur.
Errantesque locum sacrum venere, ubi Ladon

ЗАМУЖ

Кто не хочет замуж? Девушки молчат, а это молчание есть убедительное доказательство пламенного их желания. Спросите у сердца девушки, и верно оно скажет: «Я замуж хочу!» Посмотрите на миленькое розовое создание, оно так и говорит: «Я замуж хочу!» Девушки разборчивы в выборе женихов, а это и есть причина, что перебор столько делает помех в семейных домах.

Хоровод составляется из взрослых обоого пола. Молодец ходит вокруг хоровода, высматривает себе невесту, а хоровод поет:

Чрез круг летит сокол,
Калина-малина моя!
Глядит и посматривает,
Калина-малина моя!
Пора девушке замуж,
Калина-малина моя!
Пора красныя замуж,

Aurea servabat flaventia mala decora
Anguis terrigena, hic ubi coelo attolitur Atlas.
Ilium curabant nymphe prae dulce canentes,
Hesperides truncum amplexus sed ab Hercule caesus
Is fuit.

Cum esset etiam Ladon fluvius Arcadiae, cujus filia fuit Metope uxor Asopi Thebani fluminis, è qua Thebe nymphe urbi nomen dedit. Hunc serpente a terra natu fuisse, testatur Pausan, at non e Typhone et Echidna, ut ait Apollon, enarrator.

<Дракон, который <те> плоды охранял, сын Тифона и Эхидны, назывался Ладон.

Странствуя, место святое почти, где Ладон
Охранял прелестные золотые яблоки,
Змей земнородный; здесь, где Атлант поддерживает небо.
Его лечили нежно поющие нимфы – Геспериды
Изувеченного, когда Геркулес, схвативши, избил его.

<Хотя и> была в Аркадии река Ладон, которой дочь была Метопе (Метопия), супруга реки Азопа Фивского, чья нимфа Тэба (Фива) дала имя городу. Согласно Павсанию, та змея была рождена землей, а не Тифоном и Эхидною, как сказал Аполлоний рассказчик. – Мифологический справочник. «Natalis Comitum Mythologiae», с. 734–735, кн. VII, изд. Франкф. 1596 года.

В заключение можно сказать словами Ювенала: «Nes pueri credunt, nisi qui nondum aëre lavantur <И не верят дети, пока не искупаются>».

Калина-малина моя!
Ох ты, девушка-душа,
Поди замуж за меня;
Не пойдешь – спокаешься,
Вспомянешь меня.
Через круг летит сокол,
Калина-малина моя!
Глядит и посматривает,
Калина-малина моя!
Пора девушке замуж,
Калина-малина моя!
Пора красныя замуж,
Калина-малина моя!
– Соседушки, собранушки:
Каков заезжий гость?
Спохвалили молодца,
Иду замуж за тебя!
Калина-малина моя!
Иду замуж за тебя!

Еще поют:

Молодец кудреватый,
Надёжа моя!
Расчесал, милый, кудри,
Утеха моя!
Заиграл, милый, в гусли,
Надёжа моя!
Как струна струне молвит:
Утеха моя!
Пора молодцу жениться,
Надёжа моя!
На душе ли на вдовице?
Утеха моя!
Не женись, холостой,
Утеха моя!
Не женись, молодец,
Надёжа моя!
На вдове своенравной,

Надёжа моя!
Расчесал милый кудри,
Утеха моя!
По алому кафтану,
Надёжа моя!
По парчовому камзолу,
Утеха моя!
Заиграл милый в гусли,
Надёжа моя!
Как струна струне молвит:
Утеха моя!
Пора молодцу жениться,
Надёжа моя!
На душе ль красной девице?
Утеха моя!
Женись, молодец,
Надёжа моя!
Женись, холостой,
Утеха моя!
На девице красной,
Надёжа моя!

Молодец выбрал себе невесту и берет ее. Игра переходит потом на другого. В иных местах молодец ищет невесту, играя на балалайке.

Некоторые из наших писателей приводят на этот случай как бы общепринятую при хороводных песнях:

Через круг летит утка,
Калина-малина моя!
Через наш хороводец,
Калина-малина моя!
Пора девушек замуж,
Калина моя!
Пора красных замуж,
Калина-малина моя!
За крестьянского ль сына,
Калина-малина моя!

У крестьянского сына
И толочь, и молоть,
Решетом подсеять,
 Калина-малина моя!
Через круг летит утка,
 Калина-малина моя!
Через наш хороводец,
 Калина-малина моя!
Пора девушек замуж,
 Калина-малина моя!
Пора красных замуж,
 Калина-малина моя!
За боярского сына,
 Калина-малина моя!
У боярского сына
Окошки косые,
Собаки борзые,
 Калина-малина моя!
Через круг летит утка,
 Калина-малина моя!
Через наш хороводец,
 Калина-малина моя!
Пора девушек замуж,
 Калина-малина моя!
Пора красных замуж,
 Калина-малина моя!
За старостина сына,
 Калина-малина моя!
У старостина сына
Прянички сладенькие,
Мед сыченый, –
 Калина-малина моя!

ЛЮБИТЬ НЕ ЛЮБЛЮ, ОТКАЗАТЬ НЕ ХОЧУ

У кого что на уме, у того и на деле. Девушки, взявшись за руки, составляют хоровод. Тут кумушка управляет хороводом

девиц, и она намекает на их женихов, часто по имени, а нетерпеливые девушки иногда проговариваются сами.

Как пошли наши подружки
В лес по ягоды гулять!
 Вею, вею, вью, вью,
 В лес по ягоды гулять!
По черную черничку,
По красну земляничку.
 Вею, вею, вью, вью,
 По красну земляничку!
Они ягод не набрали,
Подруженьку потеряли!
 Вею, вею, вью, вью,
 Подруженьку потеряли!
Любимую подружку,
Свет Катеринушку.
 Вею, вею, вью, вью,
 Свет Катеринушку!
Не в лесу ли заблудилась?
Не в траве ли заплелась?
 Вею, вею, вью, вью,
 Не в траве ли заплелась?
Как бы в лесу заблудилась,
То бы леса преклонились.
 Вею, вею, вью, вью,
 То бы леса преклонились!
Как бы во траве заплелась,
Трава бы шелком повилась.
 Вею, вею, вью, вью,
 Трава бы шелком повилась!
Пойду я по тропинке,
Найду я три елилки.
 Вею, вею, вью, вью,
 Найду я три елилки!
Под елилкою кровать,
На кровати-то перина.
 Вею, вею, вью, вью.

На кровати-то перина!
На кровати-то перина,
На перине-то свет Катерина.
Вею, вею, вью, вью.
На перине-то свет Катерина!
Перед ней стоит детина,
Он и просит Катерину.
Вею, вею, вью, вью,
Он и просит Катерину!
Коли любишь, так скажи,
А не любишь – откажи.
Вею, вею, вью, вью,
А не любишь – откажи!
Я любить – не люблю,
Отказать не хочу.
Вею, вею, вью, вью,
Отказать не хочу!

Я любить не люблю, отказать не хочу вполне раскрывает женское сердце, которое на все готово, если решится. Еще есть и другая песня:

Околь Дону, околь Дону,
Около тихого Дону
Добрый молодец гуляет,
Добрый молодец гуляет,
Табун коней загоняет.
Кони, кони вороные!
На них узды золотые,
Чепраки парчовые,
Подковы серебряные.
– Уж ты, девица душа!
Догадайся, догадайся!
– Уж я рада бы догадаться,
Родного батюшки боюсь;
Я боюсь, я боюсь отца,
Да потешу молодца.

За то его потешу,
Что один сын у отца.

ПОДАРОК

В других местах хороводная игра *подарок* носит название *приданое невесты*. <Ее> разыгрывают летом; поют также перед девичником, когда готовят приданое. Подарок есть игра свадебная, употребляется наиболее в Северной России. Если свадьбе случится быть летом, то выносят невестину перину и кладут ее на траву; девушки делают круг около перины и песнею напоминают, что уже нет между ними одной.

Как у нас во садику
Много было цветов посеяно,
А не много их уродилося.
Как у нас ли во тереме
Много было красных девушек,
А теперь немного осталось.

Сваха выходит из круга, садится на перину и говорит: «Ну, девушки, не горюйте, запойте-ка песню веселую». Одна из них отвечает ей: «Ох, сваха, сваха! Ты свела нашу подругу из нашего двора». Другие между тем начинают петь:

Как у нас во дворе,
Как у нас во широком,
Люли, люли, во широком!
Стоят девушки в кругу,
Стоят девушки в кругу,
Люли, люли в кругу!
Одной лишь нет, как нет,
Одной-то нет, свет Марьюшки,
Люли, люли, Марьюшки!
Она ждет-пождет к себе
Друга милого, суженого!
Люли, люли, суженого!

После слов, выражающих ожидание невесты, как здесь: «Она ждет-пождет к себе друга милого, суженого» – сваха переворачивает перину, сбивает и потом стелет; девушки поют:

Стелю, стелю перинушку,
Стелю, стелю пуховую,
Люли, люли, пуховую!
Кого люблю, кого люблю,
Кого люблю, тому подарю,
Люли, люли, подарю!
Не дарик большой, а любовный –
Пуховую перинушку.
Люли, люли, перинушку!
Ты выйди, свет Марьюшка,
Ты бери за белы руки суженого,
Люли, люли, суженого!
Дари суженого подарком,
Дари ряженого перинушкой!
Люли, люли, перинушкой!

По окончании пения выходит из круга действительная невеста и дарит своих подруг розовыми ленточками. Сваха спрашивает ее: «Полно, ты ли невеста?» – «Сваха, сватушка, – отвечает она со вздохом, – не сама ли ты засватала?» В это время выходит мать невесты и дарит сваху белым или красным платком и говорит ей: «Родимая! Полноте вопрошать». Подруги берут невесту под руки, сажают ее на перину и вносят в комнату с окончательным припевом:

Дари суженого подарком,
Дари ряженого перинушкой.
Люли, люли, перинушкой!

ПОКОРИЦЕ ДЕВИЦЫ

Здесь принимают участие не одни девицы, но и молодые парни. Составив хоровод, ходят кругом и поют первый стих весьма протяжно, а второй скоро:

Ах по морю! Ах по морю!
Ах по морю, морю синему!
Плыла лебедь, плыла лебедь,
Лебедь белая моя.
Ни тряхнется, ни тряхнется,
Ни тряхнется, ни ворохнется,
Где ни взялся, где ни взялся,
Где ни взялся млад ясен сокол.
Убил, ушиб, убил, ушиб,
Убил, ушиб лебедь белую мою.
Он кровь пустил, он кровь пустил,
Он кровь пустил по синю морю.
Он перушки, он перушки,
Он перушки пустил по чисту полю;
Он пух пустил, он пух пустил,
Он пух пустил по поднебесью.
Где ни взялась, где ни взялась
Красна девица-душа!
Брала перья, брала перья,
Брала перья лебединые мои.
Клала в шапку, клала в шапку,
Клала в шапку соболиную.
Милу дружку, милу дружку,
Милу дружку на подушечку.
Где ни взялся, где ни взялся,
Где ни взялся добрый молодец.
Бог на помочь! Бог на помочь!
Бог на помочь, красна девица-душа!
Она ж ему, она ж ему,
Она ж ему не поклонится.
Добро девка, добро девка,
Добро девка, девка красная моя!
Будет время, будет время,
Будет время, и поклонись мне.
Будешь стоять, будешь стоять,
Будешь стоять у кровати моей.
Будешь держать, будешь держать,
Будешь держать шелковую плеть в руках.

С окончанием песни одна из девушек, признанная *за покорище*, кланяется своему молодцу, а иногда и все делают поклоны, каждая своему парню.

Покорище девка значит покорная девица. Она должна смириться перед своим женихом и должна помнить, что, когда сделается его женой, тогда она будет стоять у его кровати и разувать с него сапог, из которого он возьмет плеть и будет ее бить в знак его власти над нею. Игра *покорище девицы* есть любимейшая у поселян. Почему? Потому что здесь участвуют те, которые им милы по сердцу и желанию, оттого и все прочие для них *игры не игры*. Здесь им позволено и смеяться, и глядеть друг на друга, и жать руку. Всегда девушки любят такие игры, в коих допускается свободное потешение.

Поют эту самую песню с сокращением, но смысл ее один и тот же:

Как по морю синему,
По синему, Хвалынскому,
Плывет стая гусей серых,
Другая стая лебединая.
Ходил, гулял добрый молодец:
Он застрелил лебедь белую.
Кровь пушал в сыру землю,
Пух пушал по чисту полю.
Собирались красные девушки
Пуxu брати лебединого.
Мимо ехал добрый молодец:
— Бог помочь вам, красные девушки!
Пуxu брати лебединого.
Все девушки поклонилися,
Одна девка не поклонилась.
Грозил парень красной девушке:
— Добро, девка, добро, красная,
Станешь, девка, у кровати стоять,
Станешь, красная, горячие слезы ронять.

ЖЕНИХ

Это насмешка над заезжими женихами, которые, сватаясь и перебирая долго невест на своей стороне, женятся наконец на чужой. Люди смеются над такими женихами, девушки осыпают их укоризнами.

Мужчины и девушки делают круг; мужчины, выбрав среди себя одного побойчее, называют его женихом и ставят по середине, потом поют:

Как под лесом, лесом шелкова трава,
Ой ли, ой ли, ой, люшеньки, шелкова трава!
Ходил, гулял донской казак, сам в скрипку играл,
Ой ли, ой ли, ой, люшеньки, шелкова трава!
Играл, играл, выигрывал, девок выбирал.

Из круга выходит девушка и ходит с женихом:

Хорошая, пригожая, поди замуж за меня!
Не пойдешь — спокаешься, вспоманешь меня.

Невеста отвечает:

Пойти было к соседушкам, спросить про тебя:
Соседушки, голубушки, каков человек?

Хороводные отвечают:

Он пьяница, пропойца, пропьет и тебя!

Невеста смотрит на жениха с презрением и говорит:

Соседушки, голубушки не хвалят тебя:
Ты пьяница, пропойца, пропьешь и меня.

Невеста входит в свой круг; начинают снова петь:

Как под лесом, лесом шелкова трава,
Ой ли, ой ли, ой, люшеньки, шелкова трава!
Ходил, гулял донской казак, сам в скрипку играл,
Играл, играл, выигрывал, девок выбирал.

Из круга выходит другая девушка и останавливается
перед женихом.

Хорошая, пригожая, поди замуж за меня!
Не пойдешь – успокаешься, вспоманешь меня.

Невеста обращается к соседушкам, ходит с хороводом
и отвечает:

Пойти было к соседушкам, спросить про тебя:
Соседушки, голубушки, каков человек?

И, помолчав несколько, она говорит ему весело:

Соседушки, голубушки хвалили тебя.
Вино кури, пиво вари, иду замуж за тебя!
Ой ли, ой ли, ой, люшеньки!
Иду замуж за тебя.

Жених берет невесту за руку, хороводные повторяют:

Ой ли, ой ли, ой, люшеньки!
Иду замуж за тебя.

Тем оканчивается игра, потом выбирают другого жени-
ха, если хотят продолжить хороводную шутку над женихом.

Девушкам приятно забавляться женихами, но под их
шуткою бьется пламенное желание: скорее замуж! Иногда из
шуточной игры *жених* он делается настоящим женихом¹.

¹ «Песенник», изд. СПб., 1819 г., ч., 4, с. 57.

КОВЕР

За несколько дней до выхода замуж подружки невесты собираются к ней в дом. Там они поют с нею девические песни, а потом выходят из ее дома хороводом на улицу или в сад. В середине хоровода идет действительная невеста с белым платком в руке, который представляет *ковер*. И что же значит ковер? Тот будущий ковер, на котором она должна стоять перед венчанием со своим суженым. Она обязана приготовить ковер заранее и отдать его своим девушкам. При выходе из дома их встречает толпа молодых людей с припевом:

Ты не пой, соловей,
Ты не пой, молодой,
При долине!
Ты не вей гнезда,
Ты не вей гнезда
При тереме!

Девушки отвечают:

Как во тереме девица
Дорогой ковер вышивает:
Она золотом ковер вышивала,
Она жемчугом ковер унизала.
Уж кому мой ковер достанется?
Доставался мой ковер
Старому мужу.

Невеста отвечает:

Я могу ковра убавить:
Я со всех сторон, со четырех,
Я со всех углов, с золотых.

Хороводные продолжают:

Как во тереме девица
Дорогой ковер вышивает:
Она золотом ковер вышивала,
Она жемчугом ковер унизала.
Уж кому ковер мой достанется?

Невеста отвечает:

Достанется мой ковер
Ладу милому.
Я хочу ковра прибавить:
Я со всех сторон, со четырех,
Со всех углов, с золотых.

После этих слов невеста отдает свой ковер подругам; одна из них, представляющая жениха, берет ее за руку и выводит из круга. Прочие девушки не останавливаются на этом: каждая из них разыгрывает невесту с соблюдением обыкновенных правил. В иных местах играют *ковер* просто. Собираются девушки в хорошее летнее время на луг, выбирают из себя невесту и поют хороводный ковер.

ЗАМУЖНЯЯ ЖИЗНЬ

Многие из замужних весьма часто вспоминают о своем девичестве; не раз вскручинется молодушке, когда она припомнит прошлую, беззаботную свою жизнь. Неволья замужней жизни ясно обозначена в песне, сочиненной не без причины на этот случай. Тяжелые работы наших женщин, а требований еще более от их мужей, составляют одну из главных причин, что крестьянки многократно горюют о невозвратной своей волюшке. Родимая не отягощала свою дочь работами, родимый не брал ее с собою оборонять поле – а теперь? Замужняя молодушка, делай то, что муж прикажет;

ходи по терновым кустам и пекись на солнце, недосыпай ночей и работай до поту.

Замужняя жизнь, говорят некоторые, разыгрывается осенью. Нет, она разыгрывается и летом, и весной, когда вздумается хороводу. Для многих забав нет раздела времени. В этой игре участвуют не только девушки и молодежь, но и жены и мужья. Хороводные, взявшись за руки, поют все вместе с избранною ими кумою, которая находится у них посередине. Она движениями глаз, плечей, рук и проч. показывает жизнь замужней женщины.

Я пойду, пойду во зеленой сад гулять,
Поищу я молодого соловья.
Соловей, ты мой батюшка!
Ты скажи, скажи, скажи, мой млад соловей:
Кому воля, кому нет воли гулять?
Молодушкам нет волюшки,
Красным девушкам своя воля гулять.
У молодушки три кручинушки:
Да как первая кручинушка
— Стлать пуховую перинушку;
А другая-то кручинушка
— Растворй жена широки ворота;
А как третья-то кручинушка
— Едет, едет мой ревнивый муж домой;
Он везет, везет гостинец дорогой:
Щелкову плетку, кнуто кнутовое:
Да ударит меня меж белых плеч!
Стала с мужа кафтан скидавати,
Часты пуговики расстегивати.
Хоть и рученьки белешеньки,
На руках ли золоты перстни,
Только стану, стану мужа разувать,
Про замужнюю жизнь вспоминать.

При последнем стихе *про замужнюю жизнь вспоминать* иногда кума кивает головою так неосторожно, что иной немедленно бросает игру. Над ним смеются, а его молодушка

дрожит, как вспомнит про свою жизнь. Эта игра одна из поучительных для семейного быта. Следующая песня, выражающая отношение замужней к свекру, свекрови и мужу, сходна с замужней жизнью.

Я в сад пойду, во зелен пойду,

Ой, люли, ой, люли!

По белу капусту,

По бел кочешок.

Не успела подойти,

Не успела подойти,

Ой, люли, ой, люли!

Бежит моя золовушка

Из высокого терема:

– Подь, невестушка, домой,

У нас дома нездорово,

Нечто сделалось:

Новы сени подломились,

Кроватушки опустились,

Свекор-батюшка упал.

– Как бы я была, вестимо,

Я бы выше подмостила,

Горючь камень подложила.

Ой, люли, ой, люли!

Я в сад пойду, во зелен пойду,

Ой, люли, ой, люли!

Не успела подойти,

Не успела заломить.

Ой, люли, ой, люли!

Бежит моя золовушка

Из высокого терема:

– Подь, невестушка, домой,

У нас дома нездорово,

Нечто сделалось:

Новы сени подломились,

Кроватушки опустились,

Свекровь-матушка упала.

– Как бы я была, вестимо,

Я бы выше подмостила.
Ой, люли, ой, люли!
Я в сад пойду, во зелен пойду.
Ой, люли, ой, люли!
Не успела заломить,
Ой, люли, ой, люли!
Бежит моя золовушка
Из высокого терема:
– Подь, невестушка, домой.
У нас дома нездорово,
Нечто сделалось:
Новы сени подломились,
Кроватушки опустились,
Твой лада упал.
– Как бы я была, вестимо,
Я бы ниже подмостила:
Я бы перинку подложила;
Ой, люли, ой, люли!

ЖЕНИНА ЛЮБОВЬ

Это воспоминание о тех временах, когда женский пол проводил свою жизнь в теремах и светлицах; когда ему за-прещалось говорить с холостыми с глазу на глаз; когда де-вушка выходила замуж, не зная, за кого выходит: обяза-валась его любить из боязни к одной плети. Игра «*Женина любовь*» осталась единственно в хороводах для осмеяния жестокости самовластных мужей; она не везде в употребле-нии. Веселой порой разыгрывают все вместе: мужья, жены, молодцы и девушки. Старики, посматривая на играющих, хвалят старого мужа и говорят ему: «Не давай волюшки мо-лодой жене; поживет – слюбится».

Женщины и мужчины любят эту игру, но не везде со-блюдают единообразные правила при разыгрывании: более или менее оно изменяется по местным правилам. Девицы де-лают собой круг, в середину круга выступают молодец и де-вица, но чаще две девицы: одна из них занимает место мужа

и надевает на свою голову шляпу, а другая представляет жену. Хороводные, идучи, поют:

Я поеду, жена,
В Китай-город гулять.
Жена моя, женушка,
Сердитое сердце твое!
Я куплю тебе, жена,
Кисеи на рукава.
Жена моя, женушка,
Сердитое сердце твое!
Вот тебе, жена,
Кисеи на рукава!

Представляющая жену ходит, отворачаясь, и не глядит на своего мужа. Муж подает ей кисею, жена вырывает у него из рук и бросает на землю, хор поет:

Посмотрите, добры люди,
Как жена мужа не любит:
Где ни сойдется – не поклонится,
Отворачивается.
– Я поеду, жена,
В Китай-город гулять,
Я куплю тебе, жена,
Золото колечко.

Муж подает ей кольцо, жена отталкивает от себя и ходит, отворачаясь.

Посмотрите, добры люди,
Как жена мужа не любит:
Где ни сойдется – не поклонится,
Отворачивается.
Я поеду, жена,
В Китай-город гулять,
Я куплю тебе, жена,

Шелковую плетку.
Вот тебе, жена,
Дорогой подарок!

Жена смотрит на своего мужа ласково, муж бьет ее плеткой, а она кланяется ему; хор поет:

Посмотрите, добры люди,
Как жена-то мужа любит:
Где ни сойдется – все поклонится,
Поцелуется.
Жена моя, женушка.
Отходчиво сердце твое!¹

Женина любовь разыгрывается в других местах совсем иначе. Играющие мужа и жену иногда разыгрывают в комнате и пляшут. Все прочие сидят во время пения. Когда муж заглядывает в лицо своей жены, тогда она отворачивается от него с сердцем. В это время поют:

Да, жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!
Да, жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!

Муж кладет на плечо жены шелковый или другой какой-либо платок, который она сбрасывает сердито, но, рассудив, что она поступает со своим мужем нехорошо, переменяется вдруг: делается внимательнее к словам его, и это внимание усиливается за всяким стихом более и более:

Ну, смотрите, добры люди,
Как жена мужа полюбит,
Да, жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!

¹ «Сын Отеч.», 1837 г., с. 401.

Как поеду, молодец, в Китай-город гулять.
Да, жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!
Как куплю я жене да шелкову плетку.
Да, жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!
Вот, возьми, тебе, жена, шелкова плётка.
Да жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!

Он бросает на ее шею скрученный платок; она, поправив его на себе, бежит к мужу и смотрит ему в глаза.

Вы видите, добры люди,
Как жена-то мужа любит.
Да, жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!
Она любит меня, она смотрит на меня.
Да, жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!
Она смотрит на меня, поцелует меня.
Посмотрите, добры люди.
Как жена мужа не любит.
Да, жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!
Посмотрите, добры люди,
Как жена мужа не любит:
И не любит его, и не смотрит на него.
Да, жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!
Как поеду, молодец, в Китай-город гулять.
Да, жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!
Да, куплю я жене кумачные рукава.
Да, жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!
Вот тебе, жена, кумачные рукава.
Да, жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!

Муж кладет на плечо жены платок, который она сбрасывает.

Посмотрите, добры люди,
Как жена мужа не любит.
Да, жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!
И не любит, и не смотрит на него.
Да, жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!
Как поеду, молодец, в Китай-город гулять.
Да, жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!
Да, куплю я жене глазетову юбку.
Да, жена моя, женушка.
Ревнивое сердечко!
Вот тебе, жена, глазетова юбка!
Да, жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!

Жена целует мужа, и этим оканчивается игра.

Припев песни к ревливой жене изменяется по местностям, например, в Пензенской губернии хороводные, избрав мужа и жену и поставив их в свой круг, так начинают:

Растворяйтесь, широкие ворота!
Как поеду ль я в Китай-городок,
Я куплю жене подарок,
Дорогой китайки.
Ты прими, жена, не ломайся,
А после не кайся.

Муж кладет ей на шею ширинку, она сбрасывает и отворачивается от него. Он начинает петь, а хоровод вторить ему:

Поглядите-ка, добры люди,
Как жена меня не любит,
Меня, молодца, ненавидит.

Товарищи мужа, остановившись, спрашивают его:

Ты скажи-ка нам,
Бравый хват Иван:
Что, поладил ли с женой
Ты с своей молодой?

Муж отвечает, что он не поладил еще, и поет с хороводом:

Посмотрите, добры люди,
Как жена меня не любит,
Меня, молодца, ненавидит.

На мужа сыплются насмешки и укоризны, что он и плох, и худ, что он мал и работать не умеет и что, хотя привез жене подарок, однако, никуда не годится. Потом начинают снова:

Растворяйтесь, широкие ворота!
Как поеду ль я в Китай-городок,
Привезу жене подарок:
Шубку, юбку, телогрейку.
Ты прими жена, не ломайся,
А после не кайся.

Муж снова кладет подарок на плечо жены, которая снова отворачивается от него. Его спрашивают: поладил ли он с женой? Муж отвечает с хороводом:

Посмотрите, добры люди,
Как жена меня не любит,
Меня, молодца, ненавидит.

Над ним издеваются по-прежнему, называют его кочетом (петухом) и намекают ему прибегнуть к строгости. Потом возобновляют песню прежним порядком.

Растворяйтесь, широкие ворота!
Как поеду ль я в Китай-городок,

Уж куплю я жене подарок,
Дорогой подарок – шелковую плетку,
Два аршина с половиной.
Ну, прими-ка, жена, не ломайся,
И теперь покаяйся.
Ты, жена, плетку возьми, не гневайся;
Душа-радость, не прогневайся.

Муж кладет на плечо жены плетку. Жена, видя *немину-чую* беду, оборачивается к нему, обнимает и целует его. Муж, заломивши шапку набекрень, обращается к хороводным:

Посмотрите-ка, добры люди,
Как жена меня любит;
Меня, молодца, уж не ненавидит.
Поглядите-ка, люди добрые,
Как жена мужа любит;
Вокруг него увивается,
В глаза засматривается.
Посмотрите-ка, люди добрые,
Как жена с мужем ладно живет:
Где ни сойдется – все целуется.

В заключение своей радости муж и жена *отхватывают* пляску *залихватскую*, по выражению играющих, под какую-нибудь плясовую песню.

РЕВНИВАЯ ЖЕНА

Во всяком состоянии ревность есть бич для семейного счастья. Быть мужу ревнивым неумно: это значит сомневаться в благородстве чувств своей жены; но быть ревливой жене еще хуже и непростительнее, потому что этим самым она дает повод мужу к нарушению верности. Напрасно оспаривают некоторые, что ревность происходит от истинной любви. Если бы это была чистая любовь, то никогда бы не ревновали друг к другу. Кто истинно любит, тот верит

в постоянство. Недоверчивость рождает ревность, а отсюда проистекают страдания супругов. «Мой муж, – говорит жена, – не любит меня». Это значит, что она и прежде могла сомневаться в его любви. Мужья скорее изменяют женам или жены мужьям? Нет сомнения, что мужья. Но кто же этому виной? Тревожная ревность самих жен. Верьте в любовь и будете счастливы. Иначе неприменный разлад. От этого произошла поучительная игра для ревнивых жен.

Молодые обоего пола составляют хороводы; избранные из них муж и жена становятся в кружок и поют вместе, <идучи> вокруг:

Как у нас за двором
Росла трава шелковая,
 Ой, люли, шелковая!
По той траве шла жена,
За нею муж горемычный,
 Ой, люли, шелковая!
– Ты постой, моя жена,
Ты подожди, моя жена,
 Ой, люли, шелковая!
– Я, сударь, не твоя,
Я родимова батюшки,
Ой, люли, шелковая!
Как у нас за двором
Росла трава шелковая,
 Ой, люли, шелковая!
Шли молодцы-удальцы,
Вели коня под ковром,
 Ой, люли, шелковая!
Под золотым чепраком,
Он копытом землю выбивал,
 Ой, люли, шелковая!
В моем муже правды нет,
С чужой женой знается,
 Ой, люли, шелковая!
Со мной же ссорится,
Надо мной издевается,

Ой, люли, шелковая!
Чужой жене башмаки,
А мне, молодой, фи-фи,
Ой, люли, шелковая!
Чужой жене сережки,
А мне одне слезки.
Ой, люли, шелковая!
Я же мужа одарю,
Рубашку ему сошью,
Ой, люли, шелковая!
Сошью из полотна,
Из дерюжного конца,
Ой, люли, шелковая!

Жена выходит из круга, а муж остается один: он стоит в задумчивости, потом и он выходит и сам не глядит на жену. Эта разлада мужа и жены явно обнаруживает семейное неудовольствие. Если хотят продлить вновь игру, то опять ее составляют, как прежде. В некоторых местах муж ходит в круге с полюбовницею, а в других и все трое: жена, муж и его полюбовница. Этот хоровод по выражению своему сходствует с хороводом: *довольный своей женой муж*¹, но по действию различается: в первом стоит в середине круга один молодецкий сын, а здесь муж и жена.

РЕВНИВЫЙ МУЖ

В кругу ходит старый, сгорбившийся муж: он кашляет и грозит своей молоденькой жене, стоящей в стороне от него. Когда он подходит к ней, тогда она убегает и прячется между девушками, уже поющими:

На горе, горе, дубья стоят,
Дубья стоят сучковатые.
Ой, люли, люли, сучковатые!

¹ Помещено между весенними хороводами. Нельзя не заметить, что *ревнивая жена* гораздо лучше выражает недоверчивую свою любовь в этих словах: «Да, жена моя, жenuшка, ревнивое сердечко».

У меня ли, у молодой, ревнивый муж,
Ревнивый муж, окаянный еретик.
Ой, люли, ой, люли, еретик!
Посылает меня муж
В полночь по воду одну.
Ой, люли, ой, люли,
В полночь по воду одну,
По холодну ключеву.

Жена идет по воду, держа в правой руке дитя, а в левой ведра, и все это представляет она особенными какими-либо вещами:

В левой руке ведро несущу,
Во правой свое дитя держу!
Ой, люли, ой, люли.
Дитя держу!
В ведре вода сколыхалася,
А я, млада, развопилася,
Ой, люли, ой, люли, развопилася!
Мое дитя раскричалось:
Ты спи, усни, мое дитятко,
Ой, люли, ой, люли, мое дитятко!
Ты спи, усни, угомон тебя возьми,
Ой, люли, ой, люли, угомон тебя возьми!
Угомон возьми либо бес утащи,
А меня, младу, погулять пусти.

Молодой жене приторно жить со старым мужем, который ни сам не веселится, ни ее не пускает. Поневоле жена захочет гулять; а если разгуляется жена, то уж горбатого исправит могила. Из этого выходит, что старые мужья причиною своим несчастиям, а молодые жены не знают за ними своего счастья.

ЖЕНИН РАЗЛАД

Жена долго повиновалась умной строгости своего мужа, наконец, соскучившись ею, уже не хочет более слушать его:

она идет гулять, забывает своего мужа и нейдет к нему. Муж любит жену за одну ее красоту, ласкает и обещает ей во всем дать волю. Торжествующая жена делает с ним условия, муж соглашается на все, но, когда она огласила себя вольною, тогда муж бросил ее. Это есть олицетворение слабости мужа, который, будучи сам виновным в воле жены, находит одно средство в своем горе – расстаться с легкомысленною. Муж и жена стоят в середине хоровода; они сначала не смотрят друг на друга, потом сходятся, смотрят и расстаются: жена с презрением, а муж с грустью. Играющие ходят вокруг них и поют:

Я, малешенек, у матушки родился,
Я, глупешенек, у батюшки женился,
Привез себе жену молодую,
Словно грушу зеленую,
Словно яблочко налитое.
А жена-то молодчика не возлюбила,
Негодяем молодчика называла.
Как пошла молодая жена,
Как сама гуляла без меня.
Ровно девять денечков.
Ко мне, мужу, не бывала;
На десятый денечек
Ко мне, мужу, жена приходила,
Не дошедши, остановилась,
Мне, негодяю, поклонилась.

Жена оборачивается к мужу:

	Ах ты, муж негодный!
	Будешь ли кормить хлебом?
Муж .	Сударыня-жена!
	Буду кормить калачами.
Жена .	Будешь ли, негодный!
	Меня поить квасом?
Муж .	Буду я поить сытой,
	Сытой медовою.
Жена .	Будешь ли, негодный!

Пускать меня в гости?
Муж. Сударыня-жена,
Ступай вовсе!

Муж и жена расходятся, подруги уговаривают жену прийти и поклониться мужу; она сначала не хочет, потом идет и кланяется ему в ноги, но муж гонит ее от себя¹.

СТАРЫЙ МУЖ И МОЛОДОЙ МУЖ

Одного мужчину делают старым мужем, а другого молодым. Представляющая невесту посматривает грустно на старого: ходит печально по комнате и ломает руки; прочие поют:

Ай, горе! Ай, горе!
Напась превеликая,
Печаль неутолимая!
Как же мне, как же мне
За старого замуж иди,
За старого замуж иди?

Берет старого за руку и оборачивается к нему спиною:

Вот так, вот этак!
За старого замуж иди,
За старого замуж иди.
Ай, горе! Ай, горе!
Напась превеликая,
Печаль неутолимая!
Как же мне, как же мне
Старому постелю стлать,
Старому постелю стлать?

Бросает на пол грязную тряпку:

Вот так, вот этак!
Старому постелю стлать,

¹ Сахар. «Ск. русск. нар.», ч. 2, с. 85.

Старому постелю стлать.
Ай, горе! Ай, горе!
Напасть превеликая,
Печаль неуголимая!
Как же мне, как же мне
Старого на постелю класть,
Старого на постелю класть.

Толкает старого мужа на тряпку:

Вот так, вот этак!
Старого на постелю класть,
Старого на постелю класть.
Ай, горе! Ай, горе!
Напасть превеликая,
Печаль неуголимая!
Как же мне, как же мне
Старого обнимать будет,
Старого обнимать будет?

Обнимает воздух над головою старого:

Вот так, вот этак!
Обнимать старого будет,
Обнимать старого будет.
Ай, горе! Ай, горе!
Напасть превеликая,
Печаль неуголимая!
Как же мне, как же мне
Старого целовать будет,
Старого целовать будет?

Она целует старого и потом плюет на землю:

Вот так, вот этак!
Старого целовать будет,
Старого целовать будет.
Ай, горе! Ай, горе!

Напасть превеликая,
Печаль неутолимая!
Как же мне, как же мне
Старого подымать будет,
Старого подымать будет?

Поднимает старого и толкает его:

Вот так, вот этак!
Старого подымать будет,
Старого подымать будет.

Та же девушка, которая горевала, смотрит иначе на молодого и пляшет от радости.

Ай, радость! Ай, радость!
Веселье великое!
Веселье великое!
Как же мне, как же мне
За молодого замуж идти,
За молодого замуж идти?

Берет молодого за руку, ведет его за собою и любитесь им:

Вот так, вот этак!
За молодого замуж идти,
За молодого замуж идти.
Ай, радость! Ай, радость!
Веселье великое!
Веселье великое!
Как же мне, как же мне
Молодому, постелю стлать?

Стелет пуховую постель и кладет в головы пуховую подушку:

Вот так, вот этак!
Молодому постелю стлать,

Молодому постелю стлать,
Ай, радость! Ай, радость!
Веселье великое!
Веселье великое!
Как же мне, как же мне
Молодого на постелю класть,
Молодого на постелю класть?

Берет молодого за руки и тихо его опускает на постель:

Вот так, вот этак!
Молодого на постелю класть,
Молодого на постелю класть,
Ай, радость! Ай, радость!
Веселье великое!
Веселье великое!
Как же мне, как же мне
Молодого обнимать будет,
Молодого обнимать будет?

Прижимает молодого к своей груди:

Вот так, вот этак!
Молодого обнимать будет,
Молодого обнимать будет!
Ай, радость! Ай, радость!
Веселье великое!
Веселье великое!
Как же мне, как же мне
Молодого целовать будет,
Молодого целовать будет?

Целует его страстно:

Вот так, вот этак!
Молодого целовать будет,
Молодого целовать будет.
Ай, радость! Ай, радость!

Веселье великое!
Веселье великое!
Как же мне, как же мне
Молодого поднимать будет,
Молодого поднимать будет?

Берет молодого под руки, поднимает осторожно и сажает
на приготовленное место:

Вот так, вот этак!
Молодого поднимать будет,
Молодого поднимать будет.

Выход девушки замуж за старого выражен еще в следующих двух хороводных песнях:

По реке, реке селезень плывет,
Девушкам весть несет нерадостную:
Скорую грамотку
По белому бархату.
– Быть тебе, девушка,
За старым за мужем;
Быть тебе, девушка,
Старую бабою, безобразною.
– Знала бы я, девушка, да ведала,
Я бы мылами не умывалася,
Я бы белилами не белилася.
И румянами не румянилася,
Сурмилами не сурмилася.

Еще поют:

По морю, по моречку синему
Плавала, плавала лебедушка белая;
Плакала, плакала душа красна девушка.
Как мне быть, как мне быть,
За старого замуж идти?

Как эдак и вот эдак!
Как-то мне, как-то мне
Старому постель будет стлать?
Как эдак и вот эдак!
Как-то мне, как-то мне
Старого спать будет класть?
Так эдак и вот эдак!
Как-то мне, как-то мне
Старого целовать будет?
Так эдак и вот эдак!
Вам нечего меня учить,
Я со старым не хочу жить.
Со старым жить мне не хочется,
К нему мое сердце не ворочается.
Я пойду замуж за ровнюшку,
За хольную головушку.
Сама ровнюшке буду постелю стлать.
Таки-буду, таки-буду похаживать,
Буду с ровней распевать,
Правой ручкой обнимать,
Раздушенькой называть.
— Таки-буду, таки-буду поживать,
Буду ровнюшку целовать,
Сокровищем называть,
Туго к сердцу прижимать.
Не об чем будет плакать, горевать,
Таки-буду, таки-буду поживать.
Старый жених не мил,
Он противен и постыл.

Быть замужем за старым никому не нравится:

Жалко девка плакала:
За старого замуж иду!
Ты, старый, ты, старый муж,
Сгубил мою голову,
Всю девичью красоту.
Ой, на горе калина,

Под горою малина!
Тут идут бояре,
Вскричали Ульяну.
Вспоманет ли батюшка?
Ой, высоко и далеко!
А я вспомяну и прочь пойду,
Прочь пойду и не забуду.

Среди Москвы повалуша стоит,
За повалушею красна девица сидит.
Она плачет, как река льется:
Потеряла трое золоты ключи
С шелковым поясом,
С серебряным мутовизком (шнурком).
Кто бы мои ключи нашел,
За того б я замуж пошла!
Хоть бы за старого, за малого,
Хоть бы за ровнюшку, за пьяницу.
Идет старый из улицы,
Он правой рукой помахивает,
Золотыми ключьми побрякивает.
Красная девица возговорила:
Пропадай же мои золоты ключи
С шелковым поясом,
С серебряным мутовизком.

ВДОВА

Хочется ли молодухе оставаться вдовушкой? Больно вдовушке жить одной. Невольные воспоминания тревожат ее. Посмотрит ли она на своих гуляющих подруг, у нее забьется сильно сердце: ей нельзя гулять с ними. Что скажут тогда про вдовушку? Приглашают ли ее на посиделки, она нейдет: ей не до веселостей. В этой игре представляется печальная вдовушка: она стоит на возвышении, около нее поет хоровод. Иные покрывают лицо вдовушки платком, водят ее в круг и утешают. При слове, выражающем ее тоску, она оборачивается к хоро-

воду и представляет себя плачущею. Первые два стиха поются протяжно, а последние коротко и скоро:

Как у наших у ворот
Стоял девок хоровод,
Хоровод, хоровод,
Ой, люли, хоровод!
Все девки веселы,
Одна лишь Марьюшка,
Хоровод, хоровод,
Ой, люли, Марьюшка!
Одна лишь Марьюшка,
Безутешна вдовушка.
Хоровод, хоровод,
Ой, люли, вдовушка!
Во садику гуляет,
Личико утирает,
Хоровод, хоровод,
Ой, люли, хоровод!
Личико утирает,
Словечушко говорит.
Хоровод, хоровод,
Словечушко говорит!

Вдова начинает говорить, а после нее хоровод повторяет последние два стиха.

	Мне счастья не видать, С молодцами не гулять.
<i>повторение хоровода</i>	Хоровод, хоровод, Ой, люли, не гулять!
	Меня вы не держите, Отсюда отпустите.
<i>повторение хоровода</i>	Хоровод, хоровод, Ой, люли, отпустите!

Хоровод расплетается, и вдовушка выходит из круга. Место вдовы занимает по условию другая какая-либо девушка. В этой игре не участвуют мужчины.

Вдова очень искусно приноровлена поселянами к их быту, и эта самая песня поется еще иначе:

Как у наших у ворот,
Люли, право, у ворот!
Стоял девок хоровод,
Люли, право, хоровод!
У точеных у дверей,
Люли, право, у дверей!
Все девки веселы, веселы,
Люли, право, веселы!
Одна девка лучше всех!
Люли, право, лучше всех!
Авдотьюшка вдовина,
Люли, право, вдовина!
По бережку гуляет,
Люли, право, гуляет!
Рукавчиком махает,
Люли, право, махает!
Сердечушком воздыхает,
Люли, право, воздыхает!
Словечушко говорит,
Люли, право, говорит!
Ах! Свет, моя сторона,
Люли, право, сторона!
Покровская слобода,
Люли, право, слобода!
Уж мне в тебе не бывать,
Люли, право, не бывать!
Пивца, винца не пивать,
Люли, право, не пивать!
Сладких яблок не есть,
Люли, право, не есть!
С молодцами не гулять,
Люли, право, не гулять!

Вместо окончательных стихов: *люли, право, у ворот; люли, право, хоровод* и т. д. другие поют: *люли, bravo, у ворот, люли, bravo, хоровод* и т. д. Нет сомнения, что слово

право переиначено песенниками в *браво*, тем более что эта песня довольно старинная, певалась прежде иначе и без *браво*, которое вошло у нас в употребление едва ли ранее конца XVIII века. Вот как она пелась в старину:

У наших-то у ворот, да у ворот,
У точеных у дверей, да у дверей,
Стоял девок хоровод, да хоровод.
А все девки веселы, да веселы,
Одна девка лучше всех, да лучше всех,
Авдотьюшка вдовина, да вдовина.
По бережку гуляла, да гуляла,
Рукавчиком махала, да махала,
Сердечушком вздыхала, да вздыхала,
Словечушко сказала, да сказала:
— Ах ты, свет, моя сторона, да сторона!
Покровская слобода, да слобода:
Уж мне в тебе не бывать, да не бывать,
Пивца, винца не пивать, да не пивать;
Сладких яблок не есть, да не есть,
С молодцами не гулять, да не гулять¹.

ГУЛЯЙ, ГУЛЯЙ

Эта забава сопровождается не одним пением, но и пляскою. Когда наши добрые мужички поразвеселятся и язычок у них поразвяжется, тогда начинают они *гуляй, гуляй*. Жenuшки себе тоже, только с молодцами. Мужичок и пляшет, и поет, и скачет, и гуляет; мужичок в то время и учит свою жену: он берет плетку и напоминает ей про разгулье. Это характерная игра, которая живо рисует разгульную жизнь наших мужичков.

Хоровод составляется из девушек, молодушек и молодцов. Взявшись за руки, ходят кругом, пляшут и поют:

Как у нас во пиру,
Как у нас во беседе;
Ай, люли, люли, во беседе!

¹ «Нов. и полн. собран. русск. песн.», ч. 2, № 178, изд. в Москве <в> 1780 г.

Всем молодушкам весело,
Всем Ивановнам весело;
 Ай, люли, люли, весело!
Одной молодушке грустно,
Одной молодушке скучно;
 Ай, люли, люли, скучно!
Уж у ней ли старый муж,
Уж у ней ли старый гриб,
 Ай, люли, люли, старый гриб!
Молодушке погулять,
Молодушке побывать,
 Ай, люли, люли, побывать!
С ребятами поиграть,
С неженатыми потолковать,
 Ай, люли, люли, потолковать!
Запрещает, не велит,
Грозит бедную побить,
 Ай, люли, люли, побить!
Слезы катятся, играть хочется,
А стару мужу не покорюсь,
 Ай, люли, люли, не покорюсь!
– Отпусти, сударь, батюшка,
На улицу погулять,
 Ай, люли, люли, погулять!
Я пошла, млада, разгулялась,
Во зеленом саду разыгралась,
 Ай, люли, люли, разыгралась!
Все с ребятами с неженатыми.
Что заря пришла, я домой пошла!
 Ай, люли, люли, пошла!
Родной батюшка у ворот стоит:
– Ты поди, поди, моя бедная;
 Ай люли, люли, бедная!
Твой высок терем растворен стоит,
Твой ревнивый муж за столом сидит.
 Ай, люли, люли, сидит!
Шелкова плетка на столе лежит,
Толстая дубинка перед ним,
 Ай, люли, люли, перед ним!

Я взошла во высок терем,
Мой высок терем затворяется,
 Ай, люли, люли, затворяется!
Мой ревнивый муж подымается,
Шелкову плетъ со стола берет,
 Ай, люли, люли, берет!
Плетка свистнула, руда брызнула:
Уж ты где была, жена срамница?
 Ай, люли, люли, срамница!
Я была, молода, во зеленом саду,
Все с ребятами с неженатыми,
 Ай, люли, люли, с неженатыми!

При окончании пения подходит подгулявший мужичок и ищет свою женушку. В кругу прячут ее, он успевает открыть и уводит ее с собою, приговаривая: «Вот я-те! Все с ребятами с неженатыми». Она просится погулять, муж сердится и грозит ей. Затем снова возобновляют игру по желанию.

РАЗГУЛЬНАЯ ЖЕНА

Кто не знает, какое горе для мужа, когда разгуляется жена его? Увлекаясь страстью к веселой жизни, она нарушает иногда супружескую верность, которая в кругу наших поселян доселе священна. Да пребудет навсегда ненарушимо и свято супружество! Несчастье мужей изобрело игру разгульной жены или, как иные называют, гулливой.

Мужчины, девушки и женщины становятся в кружок и поют часто укоризненные слова о жене, прямо не в бровь, а в глаз. Порок открывается, несмотря на скрытность женщины: изворотливость ее не смягчает справедливо разгневанного мужа. Одна из женщин разыгрывает разгульную жену, которую помещают в кружке. Женщины сначала издеваются над разгульной, потом начинают петь все хором:

Вдоль по улице широкой,
По большой, по широкой!

Ой, люли, по широкой!
Шли красны девушки,
Шли все молодухи,
Ой, люли, молодухи!

Тут разгульная поет с девушками:

Девушки, подождите,
Меня с собой возьмите,
Ой, люли, возьмите!
Пойду, погуляю,
Я мужа не спрашаю.
Ой, люли, не спрашаю!
Мой муженек, старичишка,
Не пускает на игрища,
Ой, люли, на игрища!
Я иду сама гулять,
С молодцами поиграть,
Ой, люли, поиграть!
Старик мой, старичишка,
Отпусти погулять,
Ой, люли, погулять!

Хор мужчин отвечает:

Я тебя отпущу,
Но домой не пущу,
Ой, люли, не пущу!

Весь хор:

С ребятами гулять,
Ой, честь потерять,
Ой, люли, потерять!

Рассерженный муж уводит свою жену. Толпа старушек корит ее; молодые, едва женившиеся, слушают с трепетом, чтобы нарекание не пало и на их жен. Часто мужья-старики

досадуют на эту забаву, но слова из песни не выкинешь, говорят им насмешницы, и игру начинают вновь. Некоторые замечают, что эта игра составляет любимый хоровод заокских обитателей, но я видел ее и в южных местах России, только с большими изменениями, <где> часто приплетают свои припевы, нарочно выдуманные на этот предмет.

МОЛОДЕЦКИЙ СЫН

Под этим именем иные разумеют скупого, который, захав в чужую сторонушку, не сорит деньгами. Парень долго ходил по свету, искал себе жену и наконец нашел веселую, как он сам; беспечную и игривую, как его удалство. Девушки и молодые парни, составив хоровод, ставят в середине молодецкого сына и, идучи вокруг него, распевают про житье-бытье молодецкого сына:

На горе калинушка стояла,
Разными цветами расцветала.
На той ли на калине сидит соловейка,
Весел песни распевает,
Холостому молодцу весть подает:
— Пора тебе, молодец, жениться,
Тебе, красной девушке, постричься.
Пойду ли я на матушку на Волгу,
К наибольшему там атаману:
— Чем меня государь-батюшка подарует?
Подарил меня государь-батюшка женою,
Глупую женою, неразумною:
Я за гудок, а она за прялку;
Я в гудок играти, а она мотати.
Незачем в люди на кручину,
Дома кручинушки довольно.
Подарил меня государь-батюшка женою,
Умною женою и разумною:
Я за гудок, а она за песни,
Я в гудок, а она плясати.

Незачем в люди по веселье,
Дома весельица довольно¹.

Говорят, что прежде выставляли молодецкого сына на <показ>: тут девушки бранили его, и если он не исправлялся, то наказывали. Приятно, очень приятно слышать, что существовало подобное обыкновение на Руси. В нем заключается хороший урок и для нынешних щеголей, называемых *львами* и *а-ля мужик*.

ДОН ИВАНОВИЧ

Из песни *Дон Иванович* сделали хороводную забаву. Что значит *Дон Иванович*? Должно ли его принимать за имя реки или за похождение обитателя реки Дон? Языческие славяне боготворили реки: Дунай, Буг, Волхов и др., но про Дон ничего нам неизвестно. В народных напевах река Волга поныне именуется матушкой-рекой. По своему большому протяжению, историческим событиям и ватагам разбойников Волга запечатлелась в памяти народа. Сверх этого, будучи лучшею судоходною и рыболовною рекой, она приобрела от тамошних обитателей справедливое имя кормилицы. Но почему же поют *Дон Иванович*? Потому, что это похождение <торговых> удальцов с берегов Дона, и можно сказать на верное, что они, посещая великороссийские земли, прославились между русскими удалством, изворотливостью, наездничеством и любовью к музыке. Как заезжие гости, они принимались с почестями, особенно среди семейных домов. Там ими дорожили и там готовили для них своих невест. Сама песня говорит нам про это, как бы ни пели ее превратно. Есть песни, в коих Дон превращен в Дунай, но эта перемена произошла от принятия Дон за Дунай.

Донцы в известности, а теперь еще более, когда они сделались образованнее и богаче. *Дон Иванович* не есть песня, но

¹ Снегир. «Русск. простонар. праздн.», ч. 2, с. 97.

целая дума. А почему обратили ее в хоровод? Неизвестно, но известно то, что ее издавна поют и играют. Девушки собираются вечером поиграть на лугу: там они поют сначала разные хороводные песни, потом, когда присоединятся к ним молодцы, запевают Дон Иванович. Взявшись за руки, становятся в кружок; в середине стоит Дон Иванович с шапкою на голове и балалайкою в руке. От его искусства игра принимает разные веселые изменения: он старается олицетворить саму песню, а потому постукает по напеву.

Как пошел наш молодец
Вдоль улицы на конец.
 Ах, Дон, ты наш Дон,
 Сын Иванович Дон!
Ах, как звали молодца,
Позывали удалца,
 Ах, Дон, ты наш Дон,
 Сын Иванович Дон!
Как во пир пировать,
Во беседушку сидеть,
На игрище поиграть.
 Ах, Дон, ты наш Дон,
 Сын Иванович Дон!
Уж как мне ли, молодцу,
Мало можется,
Мало можется,
Играть хочется.
Иль я выйду, молодец,
На свой новый на крылец,
Закричу ли я, молодец,
Громким голосом своим:
– Ах! Как есть ли у меня
Слуги верные мои?
Вы берите ключи,
Отмыкайте сундуки.
Вынимайте кафтан,
Рудожелт, камчат;
Вынимайте шапку,

Черную мурманку;
Вы подайте гусли
Звончаты мои.
Ах, Дон, ты наш Дон,
Сын Иванович Дон!
Как пошел наш молодец
Ко вдовушке на конец,
Ах, Дон, ты наш Дон,
Сын Иванович Дон!
Как садился молодец,
Как садился удалец
Против вдовушки на скамье!

Дон Иванович садится с балалайкою на земле и играет, к нему подходит вдовушка; он ей кланяется, и в это время падает с него шапка; вдовушка не поднимает. Хоровод продолжает:

Заиграл он в гусли,
Заиграл в звончатые свои.
Ах, Дон, ты наш Дон
Сын Иванович Дон!
Молодец вдове челом,
Уронил шляпу долой,
Ах Дон, ты наш Дон,
Сын Иванович Дон!

Дон Иванович поет с хороводом:

Уж ты, вдовушка моя,
Молодая вдова,
Подними шапку мурманку.

Один хоровод:

Ах Дон, ты наш Дон
Сын Иванович Дон!

Вдовушка поет с хороводом перед Доном Ивановичем:

Не твоя, сударь, слуга,
Я не слушаю тебя.

Один хоровод:

Ах Дон, ты наш Дон,
Сын Иванович Дон!

Вдовушка не поднимает его шляпы, уходит от него; он сам поднимает и надевает.

Хоровод:

Как пошел наш молодец
Вдоль улицы на конец,
Ах Дон, ты наш Дон,
Сын Иванович Дон!
Ах как звали молодца,
Позывали удалца,
Ах Дон, ты наш Дон,
Сын Иванович Дон!
Как в пир пировать,
Во беседушку сидеть,
На игрище поиграть.
Ах Дон, ты наш Дон,
Сын Иванович Дон!
Как пошел наш молодец
К девушке наконец,
Ах Дон, ты наш Дон,
Сын Иванович Дон!
Как садился молодец,
Как садился удалец,
Против девушки на скамейке.
Ах Дон, ты наш Дон,
Сын Иванович Дон!

Из хоровода выходит девушка, он ей кланяется, с него падает шапка; хоровод поет:

Заиграл он в гусли,
Заиграл во звончатые свои.

Ах Дон, ты наш Дон,
Сын Иванович Дон!
Молодец девице челом,
Уронил шапку долой.
Ах Дон, ты наш Дон,
Сын Иванович Дон!

Дон Иванович с хороводом:

Уж ты, девушка моя,
Ты, красная моя,
Подними шапку мурманку.

Один хоровод:

Ах Дон, ты наш Дон,
Сын Иванович Дон!

Девуца с хороводом:

Я твоя, сударь, слуга,
Я послушаюсь тебя.

Дон Иванович принимает с ее рук шапку и целует девушку. Хор поет:

Ах Дон, ты наш Дон,
Сын Иванович Дон!¹

Не олицетворение ли это жениха без роду, без племени, ищущего себе невесту?

В этом хороводе часто стоят вместе невеста и жених. И как тогда приятно сердцу невесты, когда она слышит похвалы своему суженому. Часто заводят с намерением эту игру, чтобы порезвиться на просторе.

¹ Сахар. «Сказ., русск. нар.», ч. 2, с. 77. *Дон Иванович* списан с его сказаний по причине полноты.

Вот вам целая любовная дума Дона Ивановича, которого часто пели под именем *Вздунай*. И каких имен не давали ему! *Воздунай, Раздунай, гор-Дунай, Дуни, пай, най*.

Еще поют и разыгрывают иначе: в середине круга ходит в одну сторону парень и машет на девушек платком, которые в то время ходят в противоположную ему сторону.

Девки звали молодца,
Позывали удалца
Во пир пировати,
Во беседушку сидеть.
Посадили молодца,
Посадили удалца.
Ой, Дон, мой Дон,
Сын Иванович Дон!
Против вдовушки на скамье,
На хорошей на скамье,
Ой, Дон, мой Дон,
Сын Иванович Дон!
С молодца шляпа долой,
С удалца черная долой.
Уж ты, вдовушка, подай,
Раскрасавица, подай!
Не раба, сударь, твоя,
Не работаю на тебя.
Ой, Дон, мой Дон,
Сын Иванович Дон!
Не честь молодцу,
Не хвала удалцу,
Ой, Дон, мой Дон,
Сын Иванович Дон!
Девки звали молодца,
Позывали удалца
Во пир пировати,
Во беседушку сидеть.
Посадили молодца,
Посадили удалца.
Ой, Донь, мой Дон,

Сын Иванович Дон!
Против девицы на скамье,
Против хорошей на скамье.
С молодца шляпа долой,
С удалца черная долой,
Ой, Дон, мой Дон,
Сын Иванович Дон!
Уж ты, девица, подай,
Расхорошая, подай.
Я раба, сударь, твоя
И работаю на тебя.
Ой, Дон, мой Дон,
Сын Иванович Дон!
Спасибо тебе, душа,
Девушка хорошая.
Ой, Дон, мой Дон,
Сын Иванович Дон!

Вот еще изменение Дона Ивановича:

Ой, Дон ли, мой Дон,
Сын Иванович Дон!
Как из улицы в конец
Идет добрый молодец;
Он платком махает,
Важно разговаривает:
Меня звали, молодца,
Позывали, удалца
Во пир пировать,
В беседушку сидеть.
Посадили молодца
Против вдовоньки на скамье.
Молодец вдове челом,
С молодца шляпа долой.
Шляпу, вдовонька, подай!
Разгорюшенька, подай!
Не слуга, сударь, тебе,
Не послушаю тебя;
Не послушаю тебя,

Черну шляпу не подам.
Не радешен молодец,
Он головушку повесил,
Сам заплакал и пошел.
Как из улицы в конец
Идет добрый молодец.
Слезно плачет и рыдает,
Платком слезы утирает.
Меня звали, молодца,
Позывали, удалца,
Во пир пировать,
Во беседушку сидеть.
Посадили молодца
Против девушки на скамье.
Молодец девке челом,
С молодца шляпа долой.
Уж ты, девица, подай!
Раскрасавица, подай!
Я слуга, сударь, твоя,
Я послушаюсь тебя,
Черну шляпоньку подам.
Добрый молодец
Радешен и весел;
Сам защелкал да пошел,
Веселую песенку запел:
Про Дуняшу, про Уляшу,
Про сударушку свою.

БУРЛАКИ

Это насмешка над бездомными людьми. Их представляют в виде бурлаков. «Бурлак» есть, собственно, малороссийское слово и означает переходного человека, который порядочно зарабатывает и богатеет. В Великороссии проименовали бурлаками судовщиков, кои отправляются в конце зимы в понизовые города. Жизнь их, по причине большой бедности, очень грубая. Котомка, деревянная ложка, палка, лапти и верхняя изорванная

одежда — вот все, что они имели и имеют при себе. В прежние годы во время их переходов через города и селения они производили большие беспокойства жителям: располагались станом на площадях, особенно около рынка, и заводили ссоры с торговцами. По этому случаю составлены на их счет многие песни.

Один из ловких молодцев представляет бурлака, который сманивает неопытную девушку, называемую *девка-незнавка*.

Перед нашими ворота,
Перед нашими ворота.
Люли, люли, бурлаки!
Перед нашими ворота
Разыгрались ребята.
Люли, люли, бурлаки!
Все ребята молодые,
Молодые, холостые.
Люли, люли, бурлаки!
Они шуточку шутили,
Во новы сени вскочили.
Люли, люли, бурлаки!
Во новы сени вскочили,
Новы сени подломили,
Люли, люли, бурлаки!
Новы сени подломили,
Красну девку подманили,
Люли, люли, бурлаки!
Красну девку подманили,
В новы сани садили.
Люли, люли, бурлаки!
Ты садися, девка, в сани,
Ты поедешь, девка, с нами.
Люли, люли, бурлаки!
С нами, с нами, молодцами,
С понизовыми бурлаками.
Люли, люли, бурлаки!
У нас жить будет добренько,
У нас горы золотые.
Люли, люли, бурлаки!

У нас горы золотые,
В горах камни дорогие.
Люли, люли, бурлаки!
На обман девка сдалася,
На бурлацкие пожитки.
Люли, люли, бурлаки!
А бурлацкие пожитки,
Что добры, да не велики.
Люли, люли, бурлаки!
Что добры, да не велики,
Одна лямка да котомка,
Еще третья-то оборти.
Люли, люли, бурлаки!¹

ЗАИНЬКА

Многие хороводные наши песни изображают семейный быт в разных его отношениях, но *заинька* менее всех говорит о нем. Некоторые из русских писателей замечают, что он выражает сельское сватовство, что игроки избирают среди себя резвых и отважных парней, которые носят названия *заиньки*, *тестя*, *тещи*, *шурина* и *свояченицы*; что эта игра замечена в одном Московском уезде, по троицкой дороге. Я видел эту забаву во многих местах России, особенно в Малороссии, где она в большом употреблении между детьми и девушками, которые просто забавляются в *заиньке*, как им вздумается, и поют:

Заинька, зайнька,
Серенький зайнька,
Серенький зайнька.

Представляющий зайньку бежит по кругу и хочет выбежать из него; ему кричат:

Заинька, зайнька,
Серенький, попляши!

¹ Чулков. «Собр. песн.», ч.1, с. 223.

На лапочки присядь,
Бочком, кружком приляг.

Заинька вертится, ищет места, хочет выскочить; хоровод не выпускает:

Серенький, зайника,
Не скачи, не вертись;
Приляг, повернись,
Бочком, кружком покатись.

Заинька выскакивает, и хоровод расстраивается. Судя по другой хороводной песне, она выражает сватовство.

Заинька, беленький!
Хожу я по хороводу,
Гляжу я, смотрю я
По всему народу,
Ищу богатого тестя.
Нашел я, нашел я
Богатого тестя.
Будь ты мне тестик,
А я тебе зятик.

Заинька, беленький!
Хожу я по хороводу,
Гляжу я, смотрю я
По всему народу.
Ищу я ласкову тещу.
Нашел я, нашел я
Ласкову тещу.
Будь ты мне теща,
А я тебе зятик.

Заинька, беленький!
Хожу я по хороводу,
Гляжу я, смотрю я
По всему народу.
Ищу я богатого шурина.
Будь ты мне шурин,

А я тебе зятик.
Заинька, беленький!
Хожу я по хороводу,
Гляжу я, смотрю я
По всему народу.
Ищу я ласкову своячину.
Нашел я, нашел я
Ласкову своячину.
Будь ты мне своячина,
А я тебе зятик.
Заинька, беленький!
Хожу я по хороводу,
Гляжу я, смотрю я
По всему народу.
Ищу я себе ладу милую.
Нашел я, нашел я
Себе ладу милую.
Будь ты мне, лада, невестой,
А я тебе женихом.
Я, выпивши пива,
Ударю тестя в рыло;
Я, приевши пироги,
Пушу тещу-матушку в толчки.
Оседлай, шурин, коня,
Поезжай, шурин, со двора.
Ласковой своячине
Подарю подарочек,
Шелкову плетку.
Весел я, весел,
Что один остался.
С своей ладой милой,
С своей ладой милой,
Три раза поцелуюсь¹.

Действительно ли зайнйка мог служить когда-либо предметом для изображения семейного быта? Заяц по своей трусливой природе может служить только для забавы резвой, бес-

¹ Сахар. «Сказ, русск. нар.», ч. 2, с. 83.

печной и неопытной юности, которая не размышляет о том, что ожидает ее впереди. Играют в зайнюку еще иначе. Мужчины и девушки, взявшись за руки, составляют довольно обширный круг; в середине его помещается *заяц*, избираемый из мальчиков. Хоровод двигается то в правую, то в левую сторону, оставаясь в равном расстоянии от зайца, и поет:

Зайнька, ускочи, серенький, ускочи,
Кружком, бочком повернись,
Кружком, бочком повернись.

Заяц поднимается на лапочки и хочет выскочить из круга, но его не выпускают. Тогда он, упираясь руками о землю, кружится во все стороны.

Зайнька, ускочи, серенький, ускочи,
И под бочки подопрись,
И под бочки подопрись.

Заяц подпирается в бочи *фертиком* и забрасывает ногу, сначала одну, потом другую.

Зайнька, в ладоши, серенький, в ладоши,
Кружком, бочком повернись,
Кружком, бочком повернись.

Заяц, став на корточки, бьет в ладоши; потом мечется во все стороны.

Здесь города все немецкие,
Здесь города все немецкие,
Закрепочки все железные,
Закрепочки все железные.
Есть зайцу куда выскочить,
Есть зайцу куда выскочить.
Серому куда выскочить,
Серому куда выскочить.

Заяц начинает агукать, как дитя, взвизгивать, подражая зайцу, пойманному в тенетах; брыкать ногами и старается вырваться из круга. Мужчины отталкивают его и кричат: «Ату-уу! У-лю». Девушки машут на него платками. Наконец заяц, заметив слабое место, вырывается из круга, и этим оканчивается игра.

ГУСИ

Чертят небольшой круг, и в середине его садится волк — кому завязывают глаза; потом молодые люди, составляющие хоровод, берутся за руки и становятся вокруг *волка* на довольно значительное расстояние от начерченного круга; между хороводом и кругом помещаются дети: они играют гусенят.

Хоровод. А, гуси, вы гуси!
Гусенята. Га-га-га, га-га-га.
Хоровод. Вы, серые гуси!
Гус<енята>. Га-га-га, га-га-га,
Хор<овод>. А где, гуси, были?
Гус<енята>: Га-га-га, га-га-га.
Хор<овод>. Кого, гуси, видели?
Гус<енята>. Га-га-га, га-га-га.

В то время, когда гуси кричат, волк бросается на них, чтобы схватить кого-нибудь, и если поймает, то отводит на середину и сажает на определенное им место. Посаженный не смеет встать до окончания песни. Если же волк не поймает, то возвращается на свое место и ждет нового крика гусей.

Гусенята. Мы видели волка,
Унес волк гусенка,
Что самого лучшего,
Что самого большого.
Хоров<од>. А, гуси, вы, гуси!
Гус<енята>. Га-га-га, га-га-га.
Хор<овод>. Щиплите-ка волка.

Пойманные и непойманные гуси бросаются на волка, а он, сорвав с глаз своих повязку, кружится и старается ускользнуть из хоровода, что не так легко сделать, потому что хоровод не выпускает волка. Если ускользнет волк, то его не трогают более, и игра оканчивается.

СИНИЧКА

Вот вам олицетворенное сватовство. Снегирь-жених после долгих неудач решается жениться, а между тем знакомые спрашивают его: почему он не женится? Он отвечает, что ему некого взять за себя. Такой обыкновенно ответ у женихов с неудачами. Наконец, *синичка*, сестра *снегиря*, созывает к себе гостей и тут улаживает выбор. Так делается в семейной жизни, в коей женщины доверяют свадьбу.

Во время хоровода снегирь-жених ходит в кругу, обращаясь лицом к поющим, и высматривает невесту. Хор поет:

За морем синичка не пышно жила,
Не пышно жила, пиво варила,
Солоду купила, хмелю взаймы взяла.
Черный дрозд пивоваром был,
Сизый орел винокуром слыл.
Дай же нам, Боже, пиво то сварить,
Пиво то сварить и вина накурить.
Созовем к себе гостей, мелких пташек.
Совушка, вдовушка, незваная пришла,
Снегирюшка по сеничкам похаживает,
Совушка головку поглаживает.
Стали все птички меж собой говорить:
– Что же ты, снегирюшка, не женишься?
– Рад бы я жениться, да некого взять:
Взял бы я чечетку – то matka моя,
Взял бы я синичку – сестричка моя,
Взял бы я сороку – щекотливая.
Есть за морем перепелочка,

То мне ни матушка, ни тетушка,
Ту я люблю, за себя возьму.
— Здравствуй, хозяин с хозяйкою,
С малыми детками на многи лета!¹

ВОРОБУШЕК

Это насмешка над разными недостатками девиц и молодых парней. Она вошла в хоровод в виде поучения, и часто случается, что намеки производят явное неудовольствие или между играющими, или между теми, кои смотрят на эту забаву. В старину не знали театральных представлений, но зато многие песни служили нашим предкам изъяснением слабостей обоего пола. Бывают случаи, что пороки не всегда могут быть осмеяны явно. Древние народы рассказывали о них в виде басен, потом вывели их на сцену под многоразличными изменениями и, наконец, олицетворили их в театрах. Наши зрелища, появившиеся в половине XVII века, в царствование Алексея Михайловича, под непосредственным распоряжением достойного его любимца, ближнего боярина Артамона Сергеевича Матвеева, не могли занять простой народ, который и доселе забавляется хороводными играми от души и сердца. Пора бы нам заняться своим народным, вводить свое, потому что многое чужестранное не по нас и не по нашему духу. Справедливо сказал в свое время об иноземцах ближний боярин Афанасий

¹ Чулк. «Собр. песн.», с. 232; «Собр. песн.», изд. СПб., 1819 г., ч. 2, с. 92, и изд. Моск., 1822 г., ч. 3, № 269. Говорят, что *синичка* сочинена в царствование Иоанна Грозного и что в то же время она запрещена, потому что она заключала в себе намек на жизнь какого-то боярина и что потом песня эта сделалась любимой при застольных пиршествах одного великого монарха, как думают, Петра I. Сочинитель «Сказ. русск. народа» г. Сахаров (кн. 3, с. 60, изд. 1841 г.) не верит этому преданию: он требует на это исторических актов. Да разве все исторические события вполне основаны на актах? Многие, и очень многие, подтверждаются одними народными преданиями. Почему же не верить, что эта песня имеет свое предание? У сочинителя «Сказаний русск. народа» почти все события взяты из устных преданий, поэтому и ему надлежало бы не верить; от него также надобно требовать исторических фактов.

Лаврентьевич Ордын-Нащокин: *«Их платья не по нас, а наши не по ним»*. Как бы ни было, игра *«Воробушек»* есть любимая между сельскими жителями, и она действительно веселит всех их. Делается круг из девушек и молодых, в середине их стоит *воробушек* – один из играющих; он при пении песни изображает разными своими телодвижениями и коверканиями походку гордых, уродливых, насмешливых и ненавистных людей. Искусство воробушка состоит в том, чтобы уметь все выставить ловко и естественно.

Скажи, скажи, воробушек,
Как дети ходят?

Он представляет их походку, а хоровод поет:

Они этак, и вот этак:
Туды глядь, сюды глядь,
Где орешки лежат.
Скажи, скажи, воробушек,
Как девицы ходят?

Воробушек представляет их походку, а хоровод поет:

Они этак, и вот этак:
Туды глядь, сюды глядь,
Где молодцы сидят.
Скажи, скажи, воробушек,
Как молодцы ходят?

Воробушек представляет их.

Они так, и вот этак:
Туды глядь, сюды глядь,
Где голубушки сидят.
Скажи, скажи, воробушек,
Как старушки ходят?

Он показывает им:

Они этак и вот этак:
Туды глядь, сюды глядь,
Где молодые сидят.
Скажи, скажи, воробушек,
Как купцы ходят?

Отвечает походкою:

Они этак и вот этак:
Туды глядь, сюды глядь,
Где товары лежат.
Скажи, скажи, воробушек,
Как скупые ходят?
Они этак и вот этак:
Туды глядь, сюды глядь,
Где сундуки стоят.
Скажи, скажи, воробушек,
Как наши вороги ходят?
Они этак и вот этак:
Туды глядь, сюды глядь,
Как честные говорят.
Скажи, скажи, воробушек,
Как злые люди ходят?

Показывает им.

Они этак и вот этак;
Туды глядь, сюды глядь,
Где добрые сидят.

Вопросы продолжаются иногда долго, смотря по занимательности и ловкости вопрошающих. Оканчивают обыкновенно:

Скажи, скажи, воробушек,
Как скачет чив, чив, воробей?
Вот этак и вот этак:
Туды глядь, сюды глядь
И порх через забор.

Воробушек старается вылететь из круга, и тот, кто мог удержать его и не удержит, заступает его место; в противном случае воробушек снова вступает в прежнюю свою игру.

Есть другая игра «Воробушек». Она разыгрывается с тою целью, чтобы посмеяться над предающимися пьянству. Некоторые думают, что ее только разыгрывают на Успение и когда гости бывают навеселе. Может быть, это так было прежде, но с того времени, как эта игра сделалась хороводною, она превратилась в одну забаву; разыгрывают ее, когда вздумают, и поют, что им по сердцу. Сама песня выскажет нам это лучше.

У воробушки головушка болела,
Ох, как болела?
Так болела, вот так болела, этак болела.
У воробушки сердечушко щемило,
Ох, как щемило?
Так щемило, вот так щемило, этак щемило.
У воробушки спинушка болела,
Ох, как болела?
Так болела, вот так болела, этак болела.
У воробушки рученьки болели,
Ох, как болели?
Так болели, вот так болели, этак болели.
У воробушки ноженьки болели,
Ох, как болели?
Так болели, вот так болели, этак болели.
Уж стал воробей приседати,
Ох, как воробей приседати?
Так приседати, вот так приседати, этак приседати.
Захотел воробей перемены,
Ох, как перемены?
Так перемены, вот так перемены, этак перемены.

Еще поют:

У воробушки головушка болела,
Так болела, так болела.

У воробушки сердечушко щемило,
Так щемило, так щемило, так щемило.
У воробушки спинушка болела,
Так болела, так болела, так болела.
У воробушки рученька болела,
Так болела, так болела, так болела.
У воробушки ноженька болела,
Так болела, так болела, так болела.
Уж как стал воробей приседати,
Так приседати, так приседати, так приседати.
Захотел воробей перемены.

В Смоленской губернии разыгрывают иначе воробушка.
Молодые люди, взявшись за руки, составляют кружок; в середине его ходит воробушек:

А у воробушки головушка
Болит, болит, болит;
А у воробушки сердечушко
Щемит, щемит, щемит.
Не пора ль тебе, воробушка,
Садиться на лужок?
На лужочек, на пружочек,
На желтенький на песочек?

При этих словах воробушек садится или становится на колени.

Хор поет:

Не пора ль тебе, воробушка,
Встать, полетать?
Встать, встать, полетать?
Кого любишь, целовать.

Воробушек встает, машет руками и бежит по хороводу, наконец останавливается перед той, которую целовать хочет, и целует. Поцелованная им выходит на середину хоровода, и игра повторяется тем же порядком.

ВОРОБУШКИ

Девушки и парни, взявшись за руки, скачут и пляшут, соображаясь с действиями воробушек. Весь хоровод поет громко, весело и со всеми изменениями разнообразных забав:

Воробьи скачут, воробьи пляшут,
Попелешут, попилишут,
Собирают свою братью.
Ах, братцы, всех моих!

Воробьи скачут, воробьи пляшут,
Попелешут, попилишут,
Собирают свою братью,
Ах, братцы, всех, до малого!

Воробьи скачут, воробьи пляшут.
Попелешут, попилишут,
Собирают свою братью.
Ах, братцы, всех, до старого!

Воробьи скачут, воробьи пляшут,
Попелешут, попилишут,
Собирают свою братью,
Да всех во единый круг.

Воробьи скачут, воробьи пляшут,
Попелешут, попилишут.
Собиралися на зеленый луг,
Ах, на рябинушку.

Воробьи скачут, воробьи пляшут,
Попелешут, попилишут.

Тут хороводный круг разрывается, девушки роняют парней и потом составляют свой круг:

Зароняют свою братью,
Ах, братцы, всех, до малого!
Воробьи скачут, воробьи пляшут,
Попелешут, попилишут,
Разгоняют свою братью,
И всех, до старого!

Парни разогнаны от малого до большого, одни девушки скачут в хороводе.

Красны девушки, все голубушки,
Собиралися, соходилися,
Ах, на зеленый луг!

Разогнанные парни пристают к девушкам и составляют общий с ними круг.

Добрые молодцы, разудалые!
Собиралися, соходилися
К красным девушкам,
Ах, во широкий круг!
Все резвились, веселилися,
С молодчиками,
С удалыми совыкалися.

Один парень, разыгрывая сизого воробушка, входит в круг и, когда запоют: разгонял, рассылал и т. д., тогда он разрознивает пару, выгоняет из круга девушку, а за нею ее парня.

Сиз воробушек, сиз молоденький,
Добрый молодец, разудаленький.
Разгонял, рассылал красных девушек,
Он с первой, он до последнего!

Последние четыре строчки поют хороводные дотолы, пока он не разгонит всех и сам улетит после.

Люди все бы пировали и веселились, если бы нужда не разгоняла их, а эта нужда: их мотовство и разорение от пиров. Веселящиеся пелещут, как воробьи, пока есть корм; не станет его – чирикают, разлетаются во все стороны и не узнают тех, у кого веселились; даже забывают их, оправдывая собою общенародную поговорку: все приятели и друзья до черного лишь дня.

ВОЛОЖАНИН

Эта игра употребляется преимущественно в уездах Смоленской губернии: Юхновском, Гжатском, Сычевском и частью Вяземском и Духовщинском. Играют следующим образом: сажают молодого парня на траву и покрывают его платком. Возле него остается одна девушка, которая во время пения ходит вокруг него то в правую, то в левую сторону; их окружает поющий хоровод.

Круг куста, круг куста,
Ракитова кустика,
Ракитова кустика.
Ходила, гуляла
Молодая воложаночка,
Молодая воложаночка.
Кликала, гаркала
Молодого воложанина,
Молодого воложанина:
Подь сюда, подь сюда,
Молодой воложанин, подь сюда.
Молодой воложанин, подь сюда.
Подь сюда, подь сюда;
Солода растить, подь сюда,
Солода растить, подь сюда.

Молодой парень отвечает:

Я не умен, я не горазд;
Солода растить я не умен,
Солода растить я не горазд.

Хоровод, повторяя прежние стихи, зовет *воложанина* варить пиво:

Подь сюда, подь сюда;
Пиво варить, подь сюда,
Пиво варить, подь сюда.

Парень отвечает:

Я не умен, я не горазд;
Пиво варить я не умен,
Пиво варить я не горазд.

Хоровод поет прежние слова и потом приглашает воложанина целовать девушек.

Подь сюда, подь сюда;
Девок, целовать, подь сюда,
Девок целовать, подь сюда.

На этот зов парень отвечает:

То я умею, то я горазд;
Целовать девок я умею,
Целовать девок я горазд.

С последним словом он сбрасывает с себя платок, подходит к хороводу и целует которую-нибудь из девушек; ходившая же вокруг него целует другого мужчину. Поцелованные занимают места воложанина и воложанки; потом игра повторяется и продолжается по общему согласию.

ЯЩЕР

В этой игре более участвуют девицы, исключая *ящера*, которым всегда бывает мальчик. На него набрасывают платок, потом составляют около него круг, пляшут и поют:

Сиди, сиди, ящер,
В ореховом кусте;
Грызи, грызи, ящер,
Каленые ядра.
Дам тебе, ящер,

Красную девку,
Алую ленту¹.

Одна из девушек выходит из хоровода и спрашивает:

– Кто сидит?
– Ящер.
– Что грызет?
– Ядра.
– Кого хочет?
– Девку.
– Которую?

Ящер называет имя девушки, участвующей в хороводе; вызванная бросает ему платок и садится возле него. Такое действие продолжается дотоле, пока все девушки не перейдут к ящеру. Потом все девушки встают, снова становятся в хоровод и пляшут:

Насиделся, ящер,
В ореховом кусте;
Насмотрелся, ящер,
На красных девок.
Отдай же, ящер,
Алую ленту,
Алую ленту,
Девки Надёжи.

Ящер раздает по принадлежности платки, хор пляшет и поет, пока он всем не раздаст.

¹ В песенниках, изд. СПб., 1819 г., ч. 4, № 80, и москов., 1822 г., № 329 – так написано:

Сиди, ящер, в ореховом кусте,
Щипли, ящер, зрелые орехи,
Грызи, ящер, ореховы ядра.
Лови девку за русую косу,
Лови красную за алую ленту.

Разыгрывают еще ящера иначе. Избрав парня или девушку, ставят в середину круга вместо ящера. Играющие образуют круг и, взявшись за руки, ходят в одну сторону, припевая:

Сиди, сиди, ящер,
В ореховом кусте;
Гложи, гложи, ящер,
Ореховы ядра;
Лови, лови, ящер,
Девку чернобровку.

По окончании припева весь хоровод начинает скоро вертеться в одну сторону. Ящер старается поймать кого-либо из кружащихся; пойманная целует его и становится разыгрывать ящера. Таким образом продолжается игра.

Воложанин и ящер выражают волокитство.

СЕЛЕЗЕНЬ

Забавляются не одни взрослые, но и дети, для которых селезень составляет гимнастическое занятие, потому что здесь бегают и вертятся. По обыкновению делается хороводный круг, в середине его бегают *селезень и утка*: селезень гонится за утку, старается словить ее; она уходит от него и ныряет. Селезень кричит, утка выплывает, и это продолжается дотоле, пока парень не словит девушку. Часто хороводные не допускают до этого: они кричат и машут руками.

Селезень, селезень,
Сиз голубчик селезень!
Селезень, догоняй утку;
Молодой, лови утку.
Хохлатый селезень,
Селезень, догоняй утку.
Поди, утушка, домой,
Поди, серенькая, домой.
Где утушка твоя?

Где семеро твоих детей?
Селезень, селезень,
Сиз голубчик, селезень!
Утушка ныряет,
По полям летает.
Кинг-киг – догоняй!
Кры-кра, утушка, домой!
У селезня семеро детей,
А сам осьмой без ног.

Рассерженный селезень нападает на утку, ее защищают. Эта оборона ведет к ссоре, потому что долгое беганье приводит его в усталость и лишает охоты ловить более. Отсюда произошла поговорка: *«Подзадоривай задор»*. Вынырнувшая утка насмехается над селезнем; он принимается за задор: укоряет и ссорится.

Есть еще другая хороводная игра *«Селезень»*, обращенная в насмешку над теми неопытными мужьями, которые доверяют своих жен молодым своим знакомым. Селезня играет молодой парень; он, идучи по кругу, поет с прочими:

Уж как по реке широкой,
Как по реке раздольной.
Ой, люли, селезень!
По той реке, да по широкой,
Бежит добрый молодец,
Ой, люли, селезень!
Ты постой, постой,
Хохлатый селезень!
Ой, люди, селезень!
Плывет, не ворохнется.
Плывет-то удалой,
Ой, люли, селезень!
Он к молодушке плывет,
Сам весельцем гребет.
Ой, люли, селезень!
Под сердцем зазнобушка:
В дому сударушка одна,

Ой, люли, селезень!
Ты постой, постой!
Я сударушка не твоя.
Ой, люли, селезень!

Хороводные обращаются к предстоящим и произносят язвительной насмешкою:

Во тебя ли, во дому,
Сочинилася беда?
Изменила молода!
Ой, люли, селезень!

Язвительный оборот производит иногда неудовольствие, особенно, если обратят глаза на виновниц-молoduшек. Мужья, нахмутив брови, как случается везде, уходят с ними домой для расчета¹.

Следующая песня выражает любовь девушки к своему милому. Первые три стиха поет играющая селезня, а прочие оканчивают стоящие в хороводе.

И я селезня любила,
Я касатого хвалила,
Я кафтан ему купила.
Люли, люли, селезень,
Люли, люли, молодой!
Чернобровый селезень,
Черноглазый селезень,
В кафтане селезень.
И я селезня любила,
Я касатого хвалила,
Я камзол ему купила.
Люли, люли, селезень,

¹ Эта песня напечатана с большими изменениями, в сравнении с изданием г. Сахарова «Сказания русского народа» (1841 г., ч. 3, с. 37, № 33 и с. 61; с. 42, № 48 и с. 67, варианты № 48). Из этого можно видеть, что наши хороводные песни подвержены местным приноровлениям, по пословице: «*Что город, то норы; что деревня, то обычай*».

Люли, люли, молодой!
Чернобровый селезень,
Черноглазый селезень,
В кафтане селезень,
В камзоле селезень.
И я селезня любила,
Я касатого хвалила,
Черны бархатны штаны купила.
Люли, люли, селезень,
Люли, люли, молодой!
Чернобровый селезень,
Черноглазый селезень,
В кафтане селезень,
В камзоле селезень,
В черных бархатных штанах.
И я селезня любила,
Я касатого хвалила,
Я чулки ему купила.
Люли, люли, селезень.
Люли, люли, молодой!
Чернобровый селезень,
Черноглазый селезень,
В кафтане селезень,
В камзоле селезень,
В черных бархатных штанах,
В белых шелковых чулках.
И я селезня любила,
Я касатого хвалила,
Башмачки ему купила.
Люли, люли, селезень,
Люли, люли, молодой!
Чернобровый селезень,
Черноглазый селезень,
В черных бархатных штанах,
В белых шелковых чулках,
В сафьянных башмачках.
И я селезня любила,
Я касатого хвалила,

Пряжечки ему купила.
Люли, люли, селезень,
Люли, люли, молодой!
Чернобровый селезень,
Черноглазый селезень.
В кафтане селезень,
В камзоле селезень,
В черных бархатных штанах,
В белых шелковых чулках,
В сафьянных башмачках.
И я селезня любила,
Я касатого хвалила,
Ему сердце отдала.
Люли, люли, селезень,
Люли, люли, молодой!
Чернобровый селезень,
Черноглазый селезень,
Ему сердце отдала.

Отдавшая свое сердце подает руку любимому ею парню, который выводит ее из круга. Если желают еще играть *селезня*, то вновь начинают в прежнем порядке. Часто принимают участие в этой забаве молодые парни. Тогда невольно обнаруживается скрытная любовь парня к своей девице; тогда распространяется повсюду слух: парень полюбил, парень женится, ведь недаром он играл с нею!

ПИВО ВАРИТЬ

Неподдельно русское веселье, когда варят пиво. Тогда бывает радость не только в семейном кругу, но и в целом округе. Везде говорят: «Там варят пиво, там и веселье». Русское радушие – угощать и веселиться – причиною сочинения этой хороводной игры.

Кому не радостно позабавиться! И кто, как не русский, веселится от полноты души! Разгул сельской жизни открывается любимой забавою – *пиво варить*, и это бывает не одной

осенней порою, но во всякое время, когда вздумается хороводу. В старое время велось обыкновение варить пиво осенью, перед бабьим летом. Молодые, наполнив кувшины брагою, выходили к воротам и потчевали старых, а потом молодых людей, и когда немножко все подгуляют или, как говорят, хмель разум зашибет, тогда принимались за хороводы, и плясал всяк, кто был крепок на ногах. Теперь осталась в воспоминании одна игра с песнею. Девушки и молодцы избирают из своей середины хороводицу, которая и zaczynaет:

Ай, на горе мы пиво варили,
Ладо, мое ладо, пиво варили!
Мы с этого пива все вокруг соберемся.
Ладо, мое ладо, все соберемся!

Хоровод, повторив пропетое, продолжает:

Мы с этого пива все разойдемся...

Расходятся в разные стороны:

Ладо, мое ладо, все разойдемся!
Мы с этого пива все присядем.

Приседают:

Ладо, мое ладо, все присядем!
Мы с этого пива спать ляжем (ложатся),
Ладо, мое ладо, спать ляжем!
Мы с этого пива опять встанем (встают),
Ладо, мое ладо, опять встанем!
Мы с этого пива в ладоши ударим (бьют в ладоши),
Мы с этого пива все перепьемся.
Ладо, мое ладо, все перепьемся!
Мы с этого пива все передеремся,
Ладо, мое ладо, все передеремся!
Мы с этого пива домой уберемся

И до завтра не проснемся,
Ладо, мое ладо, не проснемся!

В других местах выносят к хороводу пиво и брагу. Случается, что от нее перепиваются и что назавтра встают с головной болью сами девушки, которые сначала отказывались от пива и браги. Обыкновенно их просят немножко откусать пива: они пьют сначала немножко, будто бы из вежливости, потом прихлебывают. Когда же порасчувствуются, тогда расстраивают свой хоровод и начинают плясать. На другой день собирается уже хоровод из насмешливых молодых людей, которые поют: «У воробушки головушка болела» и проч. Пусть говорят после этого, что у поселян нет своих язвительных выходок.

МАК РАСТИТЬ

Забава детская и взрослых обоего пола. В этой игре не видно ни одной черты семейного быта: одно веселие и удовольствие управляет хороводом. *Мак растить* играют по всей России и в некоторых славянских землях. О происхождении этого хоровода не известно. Должно думать, что он вошел в игру у греков, с познанием усыпляющего свойства мака, ко- ему еще в древние времена воспевали гимны и изображали его божеством сна под именем Морфея. Ему строили храмы, потому что усыпительное действие считали сверхъестественным, а что почиталось сверхъестественным, то производило всеобщее поклонение.

Язычество усиливало суеверное поклонение маку, а знаменитые афинские мудрецы терпели гонения от черни, когда они силились истолковать мнения ложные. У славян хотя было божество, нечто похожее на Морфея – Кикимора, но она не выражает бога сна, и мы не знаем даже, какие совершали ей жертвоприношения. Из веселых воспеваний в честь мака составила забава.

Взявшись рука за руку, становятся в кружок, который нередко составляется из двухсот пар обоего пола. Сначала дви-

жутся едва заметно, и в то время одна из девушек, называемая *зачиницей*, начинает *запевать мак*. Но прежде всего сажают в середине кого-либо *растить мак*, и когда все запоют, тогда начинают ходить кругом и поют громко:

Ой, на горе мак, мак,
Под горою так, так.
Маковки, маковички!
Станем в ряд,
Спросим про мак¹.

Хоровод останавливается, спрашивает: «Посеян ли мак?» Сидящий в середине отвечает: «Только вспахана земля». Тогда хоровод снова ходит вокруг сидящего и поет первый куплет; потом останавливается и опять спрашивает: «Посеян ли мак?» Сидящий отвечает: «Посеян». Хоровод продолжает ходить и петь прежний куплет, пока не удовлетворит их вопроса, что мак уже поспел. Вопросы делаются иногда произвольные, но обыкновенно после вопроса: «Посеян ли мак?» – повсюду спрашивают: «Всходит ли мак?» *Растить мак* отвечает: «Всходит». – «Зацвел ли мак?» – «Зацвел». – «Поспевает ли мак?» – «Поспевает». – «Отцвел ли мак?» – «Отцвел». – «Поспел ли мак?» – «Поспел». Тогда кричат: «Собирайтесь срывать!» или: «Собирайтесь отряхать мак!» При последнем слове *растить мак* спешит убежать из круга; хоровод его удерживает, хватая за голову и начинает трясти и бывать, что трясут так крепко, что у бедного глаза навывкате: отчего не всяк соглашается *растить мак*. Тогда уговаривают, просят, обещают подарочек или задаривают вперед пряниками, орехами и пр., и потому вошло в обычай называть согласившихся растить мак маковым дурачком или делают ему насмешливые причитания: «Сиди, сиди, мак расти, на сладенький пирожок, маковый дурачок» и т. п.

¹ Поют в разных местах различно, но везде один и тот же смысл: «Ах на горе мак, Под горою так, так. Ох, свет, мои маковочки, Золотые маковочки! Станемте в ряд, Будет у нас мак».

Некоторые писатели замечают¹, что часто для этой игры выбирают дурачка или послушного и безответного до последней возможности, чтобы он терпеливо переносил побои: напротив, для этой игры выбирают смелых и ловких, которые бы могли увернуться от *трясения мака*.

Вот еще небольшие изменения этой игры. Избрав мужчину *растить мак*, сажают его на землю. Хоровод, взявшись за руки, становится вокруг *растить мак* и движется, вроде пляски, то в ту, то в другую сторону с припевом:

А на горе мак, мак,
Под горою так, так.
Мак, мак, маковочка,
Золотая головочка,
Серебряный мак!
А на горе мак, мак,
Под горою так, так.

Хоровод спрашивает: «Поспел ли мак?» Ему отвечают, что только вскопаны гряды. Хоровод снова пляшет, поет и, пропев прежнее, спрашивает: «Поспел ли мак?» – «Еще только посеян». Потом *растить мак* отвечает им: всходит, потом – цветет, а там – созревает. После каждого ответа пляшут и поют; но когда услышат, что мак созрел, тогда поют:

Станемте трясть мак,
Золотой наш мак!

При последнем слове, что мак созрел, хоровод бросается срывать его: поднимает с земли сеявшего мак и трясет его голову.

При местном изменении игры иные, ходя, поют около сеющего мак:

В полугорье мак,
В косогорье мак,

¹ Сахар. «Сказ. русск. нар.», ч. 2, с. 71, изд. 1837 г.

Маки, маковочки,
Золотые головочки!
Станем мы в ряд,
Спросим про мак:
Созрел ли наш мак?

Потом продолжают спрашивать прежним порядком и оканчивают единообразно. Пение *мака* изменяется иногда до совершенного переиначивания¹. Представляем здесь образчик:

При горе мак, мак,
Презеленый мак.
Маки, маки, маковочки,
Золотые головочки!
Там был мак,
Всяк был мак.
Красны девушки,
Станьте в ряд,
Спросим все про мак.
У воды стали девушки в хоровод,
А мы, молодые, основушку сновали,
Перемотушки клали.
Тай, тай, ла, думаю!
Как вечер-то в торгу кликали, кликали.
Тай, тай, ла, думаю!
Да что у нас в торгу дорого?
У нас дороги во торгу красные девушки.
Тай, тай, ла, думаю!
Как одна-то девушка – сто рублей,
Как другая-то девушка – тысячу,
А третьей девушке цены нет.
Тай, тай, ла, думаю!
Да что у нас во торгу дешево?
У нас во торгу дешевы добрые молодцы,
Тай, тай, ла, думаю!
По шести молодцев на овсяный блин,
А седьмой-то молодец

¹ В Волжском уезде Саратовской губ.

На придачу пошел,
 Тай, тай, ла, думаю!
 А седьмой молодец
 На придачу пошел,
 Он с конем и седлом,
 И с булатным копьем.
 Тай, тай, ла, думаю!

ПРОСО СЕЯТЬ

Славяне узнали употребление проса гораздо прежде ржи, и оно у дунайских славян долгое время заменяло хлебное зерно. Когда же именно просо вошло во всеобщее употребление? Трудно сказать. Вероятно, со времени оседлости славян (в VI в.), когда земледельчество привязало их к земле. Но певали ли *просо сеять* в глубокой древности? Мы не можем отвечать на это утвердительно, по крайней мере думаем, что песня вошла во всеобщее употребление не прежде распространения проса. Мы не знаем доселе песни, древнее «*О полку Игореве*», но судя по слогу песни «*Просо сеять*», то она должна быть не старше XVII века. Окончания «*ой, дид-ладо*» составляют произвольный припев, но припев приятный, музыкальный, подобно словам «*ой, люли*» или «*калина-малина моя*»¹.

Нет места в России, где бы не певали *просо сеять*, и по большей части поют в теплые весенние дни. Замечательно, что этой игрой встречается самая весна. Едва зазеленеют луга, уже выходят девушки и молодцы повеселиться на просторе. Сначала идут отдельно, потом сходятся на лугу. Кто посмелее, тот собирает хоровод. Но хоровод еще не начался. Пожилая женщина берет на себя хлопоты, чтобы составить дружеский хоровод.

¹ В Подольской губернии около Межибожья поселяне поют на играх во время Пасхи о царевне Ладе, а под Брест-Литовском – о королевне Ладе. Один из почтенных наших писателей выводит из этого (Снег. «Русск. простонар. празд.», вып. III, с. 27), что Ладе, вероятно, был посвящен весенний праздник Красной горки. Мы уже имели случай говорить, что Лада никогда не существовала между русскими славянами и что это вымышленное божество Стрыйковского, а посему никакого не могло быть праздника в честь мнимой у нас богини Лады.

В иных местах называют эту женщину кумушкой, в других *бабушкой*, в иных *хороводницею*. Как бы ни было, только она зачинает; к ней приступают, и она поет с ними:

Как на улице досчик накрапывает,
Хоровод красных девок прибывает.
Ох, вы, девушки, поиграйте!
Уж как вы, холостые, не глядите,
Вам глядёнцем девушек не взять.
Уж как взять ли, не взять ли по любви,
Что по батюшкиному повелению,
Что по матушкиному благословению.

После этого разделяются на две половины и становятся друг против друга. Хороводница остается при одной какой-либо половине и поет:

А мы просо сеяли, сеяли,
Ой, дид-ладо, сеяли, сеяли!

Стоящие напротив отвечают:

А мы просо вытопчем, вытопчем,
Ой, дид-ладо, вытопчем, вытопчем!

И продолжают перепеваться до слова «*прибыло*».

А чем же вам вытоптать, вытоптать?
Ой, дид-ладо, вытоптать, вытоптать!
А мы коней выпустим, выпустим,
Ой, дид-ладо, выпустим, выпустим!
А мы коней перейдем, перейдем,
Ой, дид-ладо, перейдем, перейдем!
А чем же вам перенять, перенять?
Ой, дид-ладо, перенять, перенять!

Шелковым поводом, поводом,
Ой, дид-ладо, поводом, поводом!

А мы коней выкупим, выкупим,
Ой, дид-ладо, выкупим, выкупим!
А чем же вам выкупить, выкупить?
Ой, дид-ладо, выкупить, выкупить!
А мы дадим сто рублей, сто рублей,
Ой, дид-ладо, сто рублей, сто рублей!
Не надо нам тысячи, тысячи,
Ой, дид-ладо, тысячи, тысячи!
А нам надо девицу, девицу,
Ой, дид-ладо, девицу, девицу!

Одна из девиц переходит на другую сторону.

А нашего полку убыло, убыло,
Ой, дид-ладо, убыло, убыло!
А нашего полку прибыло, прибыло,
Ой, дид-ладо, прибыло, прибыло!

Продолжают петь, пока не перейдут на одну сторону все девушки. В Малороссии это одна из любимейших забав девушек, которые не всегда допускают в свой круг мужчин.

Просо сеять играется в Смоленской губернии с небольшими изменениями. Там мужчины и девушки, взявшись за руки, становятся в два ряда, образующие две половины. Одна из них, взмахнув руками, будто бросает зерна, начинает петь:

1. А мы просо сеяли, сеяли,
Ой, дид и лада, сеяли, сеяли!
2. А мы просо вытопчем, вытопчем,
Ой, дид и лада, вытопчем, вытопчем!
1. Да чем-то вам вытоптать, вытоптать?
Ой, дид и лада, вытоптать, вытоптать!
2. А мы коней выпустим, выпустим,
Ой, дид и лада, выпустим, выпустим!
1. А мы коней перейдем, перейдем,
Ой, дид и лада, перейдем, перейдем!
2. Да чем-то вам перенять, перенять?
Ой, дид и лада, перенять, перенять!

Первая половина, растянувшись цепью, продолжает:

1. А шелковым неводом, неводом,
Ой, дид и лада, неводом, неводом!
2. А мы коней выкупим, выкупим,
Ой, дид и лада, выкупим, выкупим!
1. Да чем-то вам выкупить, выкупить?
Ой, дид и лада, выкупить, выкупить!
2. А мы дадим сто рублей, сто рублей,
Ой, дид и лада, сто рублей, сто рублей!
1. Не надо нам тысячи, тысячи,
Ой, дид и лада, тысячи, тысячи!
2. А мы дадим молодца, молодца,
Ой, дид и лада, молодца, молодца!
1. Не надо нам молодца, молодца,
Ой, дид и лада, молодца, молодца!
2. А мы дадим девицу, девицу,
Ой, дид и лада, девицу, девицу!
1. Вот то-то нам надобно, надобно,
Ой, дид и лада, надобно, надобно!

После этого двое мужчин первой половины поднимают руки вверх и образуют из них подобие ворот, а третий, то есть тот, который отдал девицу, бежит в ворота со всем хороводом; но тут опускают руки, чтобы разлучить его со своим хороводом, и если успеют, тогда поет первая половина:

1. Нашего полку прибыло, прибыло,
Ой, дид и лада, прибыло, прибыло!
2. А нашего убыло, убыло,
Ой, дид и лада, убыло, убыло!

Это продолжает убывать до тех пор, пока останется во второй половине один только человек, и этим оканчивается игра.

Поют еще иначе:

Красны девушки чашу чистили,
Молодушки пашню пахали.

А мы просо сеяли,
А мы коней пущали.
Диди, ла, ой, пущали.
А мы коней ловили,
А мы коней выручали.
Диди, ла, ой, выручали.
За выручку сто рублей!
За сто рублей славы нет,
Диди, ла, ой, славы нет!
А мы возьмем тысячу.
За тысячу слова нет,
Диди, ла, ой, слова нет!
У нас у полку прибыло.
У нас у полку убыло,
Диди, ла, ой, убыло!
Красных девок прибыло,
Молодушек убыло.

Просо сеять поют в Галиции почти одинаково, как у нас на Руси.

А мы просо сеяли, ой, дид и ладо!
А мы просо вытопчем, ой, дид и ладо!
Да чем же вам вытоптать? Ой, дид и ладо!
А мы коней выпустим, ой, дид и ладо!
А мы коней переймем, ой, дид и ладо!
Да чем же перенять? Ой, дид и ладо!
А шелковым неводом, ой, дид и ладо!
А мы коней выкупим, ой, дид и ладо!
Да чем же вам выкупить? Ой, дид и ладо!
А мы дадим девицу, ой, дид и ладо!¹

БРАНЬЕ ЛЬНА

Этот хоровод разыгрывают по большей части после собирания льна, в конце лета. В некоторых местах играют его в

¹ Kollar. «Národ. Zpiew.», ч. 1, с. 400.

бабье лето, а в других – когда зазеленеет лес. Образовав круг, ставят в середине девушку, которая, представляя берущую лен, поет вместе с хором:

Я посею белый лен
И тонок, и волокнистый.
Уродился белый лен
И тонок, и волокнистый.
Стал лен зеленети,
Стал лен созреть.
А я, молодешенька,
Начала горевати:
С кем-то лен мне брати?
А свекор тут отозвался...

Одна из девушек отвечает вместо него:

Я с моей снохой,
Я с моей с молодой!

Берущая лен:

Черт возьми его!
Это не бранье,
Одно гореванье!

Продолжают петь:

Я посею белый лен
И тонок, и волокнистый.
Уродился белый лен
И тонок, и волокнистый.
А я, молодешенька,
Зачала горевать:
С кем-то мне лен братъ?
А свекровь тут сказала...

Другая девушка откликается вместо свекрови:

Я с моей снохой,
Я с моей с молодою!

Берущая лен отвечает:

Черт возьми ее!
Это не бранье,
Одно гореванье!

Продолжают петь:

Я посею белый лен
И тонок, и волокнистый.
Уродился белый лен
И тонок, и волокнистый.
А я, молодешенька,
Зачала горевать:
С кем-то лен мне брать?
А милый тут.

Выходит третья девушка:

Я с тобою,
С моею дорогою!

Берущая лен отвечает:

Вот-то уж бранье!
Все лишь целованье!

За нею повторяет то же самое весь хоровод. *Бранье льна* выражает простосердечие девушки, думающей, что вся жизнь – ее одно только целование.

ПЛЕТЕНЬ

Веселая, живая и увеселительная девическая забава – это плетень. Какой же она заключает в себе смысл? Посмотрим на

само образование. Становятся девушки в один ряд и все переплетаются руками в виде плетня. Не знамение ли это чистой дружбы? Но сама песня выражает совсем другое. Пропев первые три стиха, первая пара поднимает дугообразно вверх руки, через их дугу проходят попарно все прочие в хороводе и потом расплетаются. Не означает ли это расстройство дружбы? Откуда же плетень перешел к нам? Греки любили эту забаву. Греческие девушки, певшие хором при богослужении, стояли у жертвенника, переплетаясь руками, представляя этим дружбу добрых и чувствительных сердец: злые не могут даже стоять вместе. Нет доказательств, чтобы плетень перешел к нам из Греции. В Европе его нет, и там никогда не знали его. Некоторые русские обряды сходны с греческими, из этого можно бы заключить, что мы, русские, позаимствовали от них и плетень – нет, русские сами изобрели плетень: веселый их дух и расположение к удовольствию изобрели эту забаву. В какое время появился у нас плетень? По слогу песни она не ранее середины XVI века, ибо само слово *сахарный*, встречаемое здесь, показывает, что она не могла быть ранее, потому что сахар вошел у нас во всеобщее употребление около этого времени, хотя он был известен нам в XI веке. Вот сама песня:

Заплетися, плетень, заплетися!
Ты завейся, труба золотая,
Завернися, камка кружчатая.
Из-за гор девица утей выгоняла:
Тиги! Утушка, домой,
Тиги! Серая, домой.
Я сама гуськом,
Я сама сереньким.
Ой, свет, сера утица!
Потопила малых детушек
Во меду, во патоке,
И в ястве сахарном.
Я дам старикам
Киселя с молоком;
Красным молодкам

Шелковую плетку;
А нашим девицам
Белил и румян.
Расплетайся, плетень, расплетайся!

В это время хоровод расплетается. Первая пара делает дугу, через которую все проходят, расплетаясь постепенно, как бы нехотя, и поют все:

Ты развейся, труба золотая,
Ты развернися, камка кружчатая!
Из-за гор девица утей выгоняла:
Тиги! Утушка, домой.
Тиги! Серая, домой!
Я сама гуськом,
Сама сереньким.
Ой, свет, сера утица!
Вынимала малых детушек
Из меду, из патоки,
Из яств сахарных.

По расплетении расходятся в разные стороны и оканчивают припевом:

Тиги! Наша молодость,
Тиги! Девичья краса.

Последний припев есть намек на девическую скоропролетающую молодость и на ее быстроувядающую прелесть. И что такое краса девушек? Одно мечтательное достоинство¹.

В плетень не везде играют единообразно. В Смоленской губернии мужчины и девушки, взявшись за руки, составляют сначала кружок и поют:

Заплетися, плетень, заплетися!
Ты завейся, труба золотая,

¹ В песенник Прача, изд. 1790 г., и в песенниках изд. СПб., 1819 г., и изд. московск., 1822 г., *плетень* сокращен и переименован. См. там эти хороводные песни.

Завернися, камка парчовая.
Как сера утица
Потопила детушек:
Да в меду и в патоке,
Да и в яствах сахарных.

Потом, при повторении снова этой песни, начинают заплетать плетень: первая пара левой стороны поднимает руки вверх в виде дуги, сквозь которую ведет хоровод избранная мать; потом вторая особа поворачивается спиною к первой, и заплетают плетень: левая рука первой особы идет через левое плечо и грудь второй и соединяется с правой ее рукою, а левую свою руку поднимает вторая особа вместе с третьего в виде дуги, через которую проходит хоровод, и когда он дойдет до пары, поднявшей руки вверх, тогда третья особа поворачивается спиною ко второй, и левая рука второй особы идет через левое плечо и грудь и соединяется с правою рукою третьей и т. д. Таким образом заплетается весь плетень. Песня поется безумолчно. По заплетении плетня мать пробует, крепок ли он, потому шатает его во все стороны и, запев:

Расплетися, плетень, расплетися,
Ты развейся, труба золотая,
Развернися, камка парчовая.
Кабы сера утица
Потопила девушек
Ни в меду, ни в патоке,
Да ни в яствах сахарных,

идет уже в противоположную сторону и расплетает плетень.

В Саратовской губернии играют в плетень иногда зимою. В вечерние часы собираются парни, девушки и молодухи и на улице составляют хоровод, переплетаясь рука с рукою. После слов:

Заплетися, плетень, заплетися,
Ты завейся, труба золотая,
Ты завейся, камка кружчатая,

хоровод выпрямляется. Первая с конца пара поднимает вверх переплетенные свои руки, под коими проходят все играющие, не расплетаясь, и вторая из первой прошедшей пары, сделав оборот за дугою, становится спиной к первой своей подруге и, положив свою руку на ее плечо, передает другую следующей, за коею все следующие переплетаются в этом порядке и поют в то же самое время. Когда все заплетутся, тогда после слов:

Расплетайся, плетень, расплетайся –

первая пара, проходя под руками последней, начинает расплетаться, и это продолжается дотоле, пока все не расплетутся.

ГАЛКА

Становятся девушки в один ряд, который чем длиннее, тем красивее. Две девушки, стоящие на одном каком-либо конце, *водят хоровод*: это значит, когда одной из них пропойт <ее> имя, тогда она со своей подругою переходит со своего конца на другой, поднимает там с нею свои руки вверх дугообразно, и через эту дугу проходят все девушки, одна за другой. Первая, проходящая через дугу, *водит танец*, то есть за нею идут все девушки игривой вереницею, вроде танца. Когда все пройдут, тогда державшие руки вверх, не опуская их, делают полуоборот и потом останавливаются уже в последнем ряду. Водившая же танец становится с первой своею соседкою на месте водивших хоровод, и таким образом продолжают играть поочередно, пока всех не переберут.

При пении песни все машут руками единообразно, доколе не наступит очередь водить танец.

Ой, галко, галко,
Золотая клюшница!
Стань же нам на помочи:

З молодыми молодыцями,
З красными дивчатами.
Ой, галко чорна,
Чим не моторна,
Чому не ночуешь дома?
Галочка литає,
Парочки шукає.
А ты, Настусю, скожь на кинєц,
А ты, Ганусю, веди танєц.

Поименованная Настуся (Анастасия) переходит со своей подругою на другой конец и поднимает с нею руки дугообразно, а поименованная Гануся (Аннушка) ведет танец, и когда он идет, тогда все поют, за исключением держащих руки вверх.

Ой, галочка
Чим не моторна,
Чому не ночуешь дома?
Галочка литає,
Парочки шукає.

Галка одинокая летает невесело, потому что ищет себе дружка, так и каждая девушка, томясь одиночеством, ищет себе друга вековечного.

ІЦІТКА

Девушки и мужчины, взявшись за руки, ходят вокруг одной девушки, которая в то время, бегая по кругу, бьет в ладоши и припевает с другими:

Щітка маленька,
Повидай, де твоя ненька?
На маковци сидила,
Дрибен мачок дзюбала:
Дзюб, дзюб, дзюбанєц,

Ходит дивка у танец,
А за нею молодец.
Не ходы, дивко, у танец,
Лихо буде пид кинец.

Выходит из круга молодец и, подходя к каждой девушке, говорит:

<Молодец>. Горю, горю, пень!
Девушка. Чего ты горишь?
Молодец. Щитки, гребинки, красной пани.
Девушка. Якои? (какой)
Молодец. Тебе молодой.

При этом слове девушка выбегает из круга, а молодец бросается ловить ее. Если он словит ее, то она становится в круг, а если нет, то он сам вместо бегавшей по кругу. Молодость всегда горит любовью.

ГОРОШЕК

Девушки и парни, взявшись за руки, ходят медленным кругом и поют, притопывая:

Посияв я горошек на зеленый нивцы,
Купыв же я черевички свой чернобривци;
Щей горошек не взийшов, тилько лободочки.
Витоптала ж черевички, тилько за пяточки.
Ой, дивчино, чия ты? Чи вийдешь ты на улицу гуляты?
Не пытайся, чия я, коли вийдешь, вийду и я;
Коли ходишь, то ходы; колы любишь, то любы.
Не зводь мене з ума, колы думки нема.

Этим пением оканчивается хоровод, который, однако, возобновляется по желанию.

Когда мужчине по сердцу девушка, тогда он не должен коварствовать перед нею, ибо сама песня говорит: «Если лю-

бишь меня, то люби; но не своди меня с ума, когда на мысли нет любви»¹.

¹ Три эти хоровода суть малороссийские; они пропущены в оглавлении хороводов, равно пропущены в оглавлении игр следующие три малороссийские игры, а именно: *толо*, *украва рипки* и *дробушки*, которые поэтому помещаются здесь, в примечании.

Толо

Несколько девушек и парней садятся на земле в тесный кружок, а один кто-либо из играющих садится посредине них, нагнувшись головою к самой земле. Все играющие кладут на спину нагнувшегося свои руки, и потом один из парней или одна из девушек, взяв чей-либо перстень, поет:

Ой, толо, толо, золотое перо,
Да було соби толо с квитками,
Ступаючи на перину с дивками,
Да думай же, толо, да гадай, толо:
На чийй руци, на мережанци,
Перстень упав?

При этом слове кладет кому-либо на руку перстень, а нагнувшаяся, положим девушка, должна отгадать: на чью руку он положен? Если не отгадает, то прежняя девушка поет:

Не вгадала Анна панна,
Пресличная Анна панна,
На чийй руци, на мережанци,
Перстень упав.

Потом снова начинает петь прежнее: «Ой, толо, толо» и т. д.; после опять кладет перстень, и это продолжается дотоле, пока нагнувшаяся не отгадает. Когда же отгадает, на чью руку был положен перстень, тогда она встает, а ее место занимает отгадавшая, и таким образом играют, пока не наскучит.

Эта игра составляет просто одну резвую забаву, но в ней часто проглядывается желание девушек: угадает ли ее руку кто дорог ее сердцу? По отгадыванию судят об исполнении своих желаний.

Украва рипки

Две девушки, подняв свои руки вверх, образуют дугообразные ворота. Прочие девушки, и чем их больше, тем лучше, взявшись за руки и составив круг, идут попарно одна к другой спиною и, не разрывая круга, проходят попарно же через ворота. Пройдя ворота, они растягивают свой круг как можно больше, и, держась крепко за руки, кружатся быстро в какую-либо сторону и поют:

А вкрава рипки,
Полетали к черту дитки.

БАРСКОЕ УГОЩЕНИЕ

В день Успения Пресвятой Богородицы разыгрывают поселяне перед барским домом хоровод, называемый барским угощением. Этот хоровод ныне в редком употреблении. Мне случилось однажды видеть, что поселяне разыгрывали его в праздник после первого сенокоса. Придя толпою к дому своего господина и не спросясь его дозволения, они начали петь и танцевать; помещик угощал их потом вином и ужином. Прилагаемая песня списана со слов поселян Смоленского уезда.

Близ города Смоленска
Протекал быстрый Днепр,
По той по реке быстрой
Плыл осетр рыба,
Осетр рыба свежая.

Кто оторвется,
Тому не минетца.

Кто вырывается из круга и падает, тот уже не принимается в игре, и еще насмеются над упавшим. Так и в свете.

В других местах эта самая забава носит название игры в *дурное колесо*. Такое название, конечно, произошло от того, что круг вертится колесом, и так скоро, как можно, а от этого верчения происходят головокружения и ушибы.

Дробушки

В нее играют только вдвоем. Встав друг против друга и взявшись за руки, вытягивают их как можно длиннее, и в то же самое время протягивают свои ноги, коими упираются взаимно, потом начинают кружиться, припевая:

Дробу, дробу, дробушечки,
Наившися петрушечки.
Гиля, гиля, до воды,
Наившися лободы.

При быстром кружении опускает кто-либо руки с намерением или иногда сами опускаются руки от головокружения, тогда один из них летит на землю, а часто падают вместе. Зрители этой забавы издеваются и хохочут над упавшими.

Дробушечки доставляют очень хорошее телесное упражнение, но в этой игре выражается замысел падающих.

– Ой вы, ребята молодые!
Закиньте невода,
Ловите осетра.
Как бы его словить!
Хозяину на стол,
На скатерти тканые,
На блюда серебряные.
Близ города Смоленска
Протекал быстрый Днепр,
По той по реке быстрой
Разыгрались черны соболи.
Завидели молодцы во чистом поле.
– Ой вы, ребята-молодцы,
Раскиньте путы
На черных соболей.
Ах, как бы их изловить!
Хозяюшке на шубку,
А дочкам на белы плечи.

ВЬЮН И КРУГ

Совершение хороводов изменено в некоторых местах, именно в Олонецкой губернии. Там они превращены во вьюн и круг, при коих часто поются плясовые песни; разыгрываются весною и летом, потому помещены здесь между летними хоровами. Вьюн есть пляска; он похож на польскую, с тем различием, что в польском мужчина выбирает даму и проходит с нею все комнаты, а во вьюне выбирает девушка мужчину и ходит с ним по комнате. В круге становятся девушки парами; одна из них запекает песню, другие подхватывают общим хором, ходя вокруг тихой пляскою и продолжая непрерывное пение, которое часто сопровождается хлопанием в ладоши¹. Иногда круг останавливается, тогда одна какая-нибудь пара выходит на середину и начинает русскую. Танцовщицы помахивают белыми платками и изыясняются движениями. Вот несколько образцов хороводно-плясовых игр.

¹ Должно заметить, что все песни в Олонецкой губ. называются *плачем*.

Все мужья до жен добры,
Покупили женам бобры;
Мой муж не ласков до меня,
Не купил мне черна бобра.
Он корову купил,
Мне заботу снарядил;
Лучше б масла и муки купил,
Я б стряпейку¹ наняла.
Стряпеюшка б постряпивала,
А я, млада, похаживала,
Каблуками приколачивала.
Вы белильца, румянца мои,
Дорогие, новокупленные,
В зелено вино возложение,
На бело лицо положенные!
Скатись с белого лица долой!
Едет добрый муж домой,
Любимые подарочки везет:
Шелкову плетть не свистанную²
На младу жену избалованную.

Девушка в горенке сидела,
Сквозь оконушко глядела,
Сквозь хрустальное стекло.
Не работушку работала,
Гребенем голову чесала,
Русу косу плела,
В гости милого ждала.
Не дождавши своего милого,
Постелюшку постлала
И заплакала пошла.
Почастехонько в окошко поглядывала.
Что нейдет ли, не летит ли
С поля миленький дружок?
 Не ясен сокол летит,
С поля миленький идет,

¹ *Стряпейка* – стряпуха, повариха.

² Под этим словом разумеют такую плетть, которую еще никого не били.

Своими резвыми ногами
Мил постукивает;
Своими белыми руками
Мил помахивает;
Своими желтыми кудрями
Мил потряхивает.
Прямо, прямо, мой милый,
Ко мне в высокий терем!
Ко мне в высокий терем!
На тесовую кровать,
На правую ручку спать.

Начал парень красну девку целовать, миловать;
Целовавши, миловавши приговаривать
Над моей русой косой,
Над девичьей красотой:
— Уж ты, косынька-коса!
Не ты ль меня, косынька, повысушила?
Не ты ль меня с ног сронила?

Уж ты, Ванюша, Иван,
Ваня, братец мой!
Прилюбился разум твой,
Весь обычай дорогой.
Перестань, Ваня, пить,
Будут девушки любить,
Станут молодушки хвалить.
Уж как я, молода,
Одинокая была, в одиночестве жила:
Затопила, млада, печку,
Сама по воду пошла.
На водушке, на воде,
Гуси, лебеди сидят,
Свежу водушку мутят.
Почерпнула я, пошла,
До полугоры дошла,
До царева кабака.
У царева кабака сочинилась беда —
Загорелась слобода.

Как на этот на пожар,
Съезжались господа
Со уездного суда.
Ах, что этот за пожар!
Он не жарко горит,
Он не жарко горит,
Только смахивает.
Ах, что это за муж,
Молоду жену не бьет!
Бей жену к обеду,
К ужину снова, да опять,
Чтобы щи были горячи,
Каша масляная...

Удалая голова!
Удалая голова!
Не ходи мимо сада.
В нем тропинки не топчи
И дорожки не тори.
Ты дорожки не тори,
Худой славы не клади.
Худа славушка пройдет,
Никто замуж не возьмет:
Ни подьячий, ни купец,
Ни удалый молодец.
Отцу, матери бесчестье,
Роду-племени укор,
Роду-племени укор.
С плеч головушка долой!¹

Мне нельзя идти домой!
Скажу так, скажу сяк,
Скажу изнова опять:
Я во садику была, во зеленом гуляла;
Сладки яблочки щипала, наливчатые,
Я наливчатые, сами рассыпчатые,

¹ Эта песня поется точно так же и в Смоленской губ., и она также напечатана в старинном песеннике.

Я на блюдечко клала, на серебряный поднос,
В высок терем пошла
И милому поднесла.
Милый яблоч не принял,
Ничего не говорит:
Ни отказывает, ни приказывает.
Только и знает мой миленький,
Что сердит на меня.
Рассержусь же я, молодешенька,
Я сама ль на него
Еще ль покрепче ль того.

Не огонь горит, не смола кипит,
А кипит, горит ретиво сердце,
Не по бабюшке, не по матушке,

А кипит, горит по красной девушке.
Что от девушки пришла весточка,
Пришла весточка, скоро грамотка:
Красна девица есть трудна, больна,
Во постелюшке, во могилушке.

Я пойду с горя на почтовый двор,
Я найму пару вороных коней;
Я поеду ли ко могилушке,
Ко могилушке, ко красной девушке:
— Ты встань-ка, красна девица!
Ты отдай-ка, отдай мой тальянский плат,
Ты бери, возьми свой злачен перстень.
Уж мне тем перстнем обручатися,
Тебе тем платком жениха дарить.

Эта старинная песня, сочиненная в Петербурге в начале XVII столетия, переиначена олонцкими жителями, и она певалась так:

Как в городе, во Санктпитере,
Что на матушке, на Неве-реке,
На Васильевском славном острове;

Как на пристани корабельной
Молодой матрос корабли снастил,
О двенадцати тонких парусах,
Тонких, белых, полотняных.
Что из высока нова терема,
Из косящетова окошечка,
Из хрустальные из оконечки
Усмотрела тут красна девица,
Красна девица, дочь отецкая,
Усмотрев, выходила на берег,
На Неву-реку воды черпати;
Почерпнувши, ведра поставила,
Что поставивши, слово молвила:
— Ах ты, душечка! Молодой матрос!
Ты зачем рано корабли снастишь?
О двенадцати тонких парусах?
Тонких, белых, полотняных!
Как ответ держит добрый молодец,
Добрый молодец, молодой матрос:
— Ах ты, гой еси, красна девица,
Красна девица, дочь отецкая!
Не своей волей корабли снащу:
По указу ли Государеву,
По приказу адмиральскому.
Подняла ведра красна девица,
Поднявши, сама ко двору пошла.
Из камня, из-под белого,
Из-под кустика из-под ракитова,
Не огонь горит, не смола кипит,
Что кипит сердце молодецкое
Не по батюшке, не по матушке,
Не по братце, не по родной сестре,
Но по душечке красной девице.
Перепаала ли ему весточка,
Красна девица неможна лежит.
После весточки скоро грамотка:
Красна девица переставилась!
Я пойду теперь на конюшний двор,
Я возьму коня, что не лучшего,

Что не лучшего, самодоброго.
Я поеду ли к Божьей церкви,
Привяжу коня к колоколинке,
Сам ударюсь о сыру землю!
Расступися ты, мать сыра земля!
И раскройся ты, гробова доска,
Развернися ты, золота парча,
Пробудися ты, красна девица.
Ты простишь со мной, с добрым молодцем,
С добрым молодцем, другом милым,
С твоим верным полубовником¹.

Ты отеческая дочь!
Не ходи гулять в полночь,
Не ходи гулять в полночь;
Мимо моего двора
Не прокладывай следа.
У моего ли у двора
Приукатана, углажена гора:
Водою улита,
Водою улита,
Каблуками убита,
Лишь я скок на ледок,
Окаянный башмачок!
Окаянный башмачок!
Поскользнулся каблучок,
Я упала на бочок!
Не слыхала, как упала,
Погляжу, млада, лежу,
Я на правом на боку.
Я туда и сюда глядь,
Меня некому поднять.
Шел детина молодой,
Неженатый, холостой.
Я не знала, как назвать,

¹ «Новое и полн. собран. песен», ч. 1, № 177, изд. Моск., 1780 г. Эта песнь перепечатана в «Новейшем и полном общенародн. песеннике», № 144, изд. Моск., 1810 г.; в «Новейш. и полн. песен.», ч. 2, издан. СПб., 1819 г., и ч. 2, изд. Моск., 1822 г., № 232, но везде с изменениями.

Поучилася солгать,
Его душенькой назвать.
Душа моя, душенька!
– Уж я рад бы поднять:
Со стороны люди глядят,
Со стороны люди глядят,
Поймать меня хотят:
Руки, ножки связать,
Во солдатушки отдать,
Во солдатушки отдать,
Отцу, матери не ждать.
За морем далече,
Меж гор высоко.
Там моя милая
Под окошечком сидит,
Слезно плачет, говорит:
– Из-за той стороны
Воздух приятный несет,
Где моя любезная Сашенька живет.
Скажи, скажи, милая!
Любишь ли меня?
Если ты любишь,
Возьму за себя;
Если же не любишь,
Убью сам себя.
Напишу я надпись
Над фобом своим.
Увидишь, узнаешь,
Что верен я был;
На ней прочитаешь:
Одну ее любил.
Старые люди, нерассудливые!
Словно молоды не бывали,
Словно про любовь не слыхали.

Эту песню поют протяжно и заунывным голосом.

Во поле березонька стояла,
Во поле кудрявая стояла,

Люли, люли, стояла!
Некому березы заломати,
Некому березы заломати,
Люли, люли, заломати!
Я пойду, березу заламаю,
Я пойду, березу заламаю,
Люли, люли, заламаю!
Вырежу я три пруточка,
Вырежу я три пруточка,
Люли, люли, три пруточка!
Сделаю я три гудочка,
Сделаю я три гудочка,
Люли, люли, три гудочка!
Четвертую балалайку,
Четвертую балалайку,
Люли, люли, балалайку!
Пойду я на новые на сени,
Пойду я на новые на сени,
Люли, люли, на новые на сени!
Стану в балалаечку играти,
Стану в балалаечку играти,
Люли, люли, играти!
Стану я старого пробуждати,
Стану я старого пробуждати,
Люли, люли, пробуждати!
Встань ты, старый черт, проснися!
Встань ты, старый черт, проснися!
Люли, люли, проснися!
Борода седая, пробудися,
Борода седая, пробудися,
Люли, люли, пробудися!
Вот тебе помои, умойся,
Вот тебе помои, умойся,
Люли, люли, умойся!
Вот тебе рогожа, оботрися,
Вот тебе рогожа, оботрися,
Люли, люли, оботрися!
Вот тебе заслонка, помолися,

Вот тебе заслонка, помолися,
Люли, люли, помолися!
Вот тебе баран, расчешися,
Вот тебе баран, расчешися,
Люли, люли, расчешися!
Вот тебе осметки, обуйся,
Вот тебе осметки, обуйся,
Люли, люли, обуйся!
Вот тебе шубенька, оденься,
Вот тебе шубенька, оденься,
Люли, люли, оденься!
Во поле березонька стояла,
В поле кудрявая стояла,
Люли, люли, стояла!
Некому березы заломати,
Некому кудрявой заломати,
Люли, люли, заломати!
Я пойду, березу заламаю,
Я пойду, березу заламаю,
Люли, люли, заламаю!
Вырежу я три пруточка,
Вырежу я три пруточка,
Люли, люли, три пруточка!
Сделаю я три гудочка,
Сделаю я три гудочка,
Люли, люли, три гудочка!
Четвертую балалайку,
Четвертую балалайку,
Люли, люли, балалайку!
Пойду я на новые на сени,
Пойду я на новые на сени,
Люли, люли, на новые на сени!
Стану в балалаечку играти,
Стану в балалаечку играти,
Люли, люли, играти!
Стану я милого пробуждати,
Стану я милого пробуждати,
Люли, люли, пробуждати!

Встань ты, душа, пробудися!
Встань ты, душа, пробудися!
Люли, люли, пробудися!
Вот тебе водица, умойся,
Вот тебе водица, умойся,
Люли, люли, умойся!
Вот тебе полотенце, оботрися,
Вот тебе полотенце, оботрися,
Люли, люли, оботрися!
Вот тебе икона, помолися,
Вот тебе икона, помолися,
Люли, люли, помолися!
Вот тебе гребешочек, причешися,
Вот тебе гребешочек, причешися,
Люли, люли, причешися,
Вот тебе башмачки, обуйся,
Вот тебе башмачки, обуйся,
Люли, люли, обуйся!
Вот тебе кафтанчик, нарядися,
Вот тебе кафтанчик, нарядися,
Люли, люли, нарядися!

Эту песню поют еще и так:

Я пойду, рябину заломаю,
Выломаю три пруточка!
Стану я старого будити:
Встань, мой сударь, пробудися!
Вот тебе помои, умойся!
Вот тебе рогожа, оботрися!
Стану я малого будити:
Встань, мой мал, пробудися!
Вот тебе грязна вода, умойся!
Вот тебе тряпица, оботрися!
Стану я ровнюшку будити:
Встань, мой ровнюшка, пробудися!
Вот ключевая вода, умойся,
Вот тебе платочек, оботрися,

Вот тебе икона, помолися!

Старый муж на руку ложится,
Как колода валится;
Ровнюша-муж на руку ложится,
Легче пера лебединого.

Старый муж к устам припадает,
Как смолой поливает;
Ровнюшка муж к устам припадает,
Словно медом поливает.

Как вила серая утка
В шелковой траве гнездо!
Она вила неделю,
Она вила другую;
А на третью неделю поднялась, полетела!
Как навстречу той утке Государевы ловцы.

Эй вы, ловцы, вы, ловцы,
Удалые молодцы!
Не видали ли вы селезенка?

Уж как твой селезенок
Во Государевом во доме,
На дубовом на столе,
На серебряном блюде
Белым сахаром осыпан
И шафраном посыпан.
За твоим ли селезёнком
Сидел Царь со Царицей,
Молодец со девицей.

Как девица-то скажет:
— Я насмерть ненавижу
Столь богатого скупого;
Я еще ненавижу,
Кто вдову изобидит,
Красну девку осудит,
Молодца обесчестит.

Ты построй, милый, терем,
Противу терема терем,
Из дверей во двери,
Из окошка в окошко.

Не березонька с березкой свивалася,
Не девушка с молодцом совыкалася;
Совыканьице было с дружкой тайное,
Расставанье же с дружкой было явное.

Отъезжает мой любезный
Во путь во дороженьку;
Хоть не в дальнюю, любезный!
Жаль мне и тошненько.

Он запел, мой дружок,
Запел с горя песенку:

– Ты прощай-ка, прощай,
Прощай, моя любушка!
Ты прощай-ка, моя
Сизенька голубушка!

Наживай-ка ты себе дружка иного
– Буде лучше наживешь, меня позабудешь;
Буде хуже наживешь, меня вспоманешь.
Приезжай-ка, мой любезный, жить-то мне тошненько.
Надорвется живот, живот и сердце плачут,
Все тебя, мой друг, дожидают!
Со восточные, мой милой, со сторонушки,
Со любезные пути-дороженьки.

Часть пятая

ПРОСТОНАРОДНЫЕ ОБРЯДЫ

**Первое марта — Встреча весны — Красная
Горка — Радуница — Запашка — Кукушка —
Купало — Ярило — Обжинки —
Бабье лето — Братчины**

I. ПЕРВОЕ МАРТА

Месяц март был посвящен римлянами Марсу, богу войны, который считался отцом Ромула, основателя Рима (755 лет до Р. Х.). Там же в Риме существовало обыкновение в мартовские дни, чтобы отправлять поминовение по усопшим.

У многих немецких и славянских племен остались следы праздников в честь мертвых. В Богемии, Польше, Силезии, Лузании и Саксонии народ ходил с рассветом дня на кладбища с зажженными факелами и приносил жертву усопшим. В России начинают с первого марта посещать могилы родных и продолжают это с обрядным поминовением за упокой до честного семика. Это первые весенние поминки, осенними же заключается народное прощание со всеми умершими, родными и знакомыми. Есть места в России, где самые радостные дни в жизни сопровождаются прощаниями над могилой. В Смоленской, Олонецкой, Вологодской, Тверской, Костромской и других губерниях невеста и жених за несколько времени до венчания ходят на могилу поклониться праху родителей, испрашивая у них благословения на вступление в брак. Если невеста сирота, то она в сопровождении своих подруг отправляется ночью на могилу за день до венчания, чтобы проститься с родителями.

Стоя на коленях, она спрашивает у них благословения на свой брак, говоря: «Родимые батюшка и матушка, не надо мне ни злата, ни серебра, надо мне родительского благословения – благословения, родимые!» – и потом, помолившись, лобзает их надгробный крест и отправляется с утешением.

II. ВСТРЕЧА ВЕСНЫ

ВСТРЕЧА ВЕСНЫ

С весною наступает отрадная жизнь, с весною все оживает и радуется, все веселится и услаждает себя: и согбенные старостью лет чувствуют тогда свое перерождение. Они забывают даже, что отжили свой век, умерли для удовольствий. А вечно беспечная и игривая молодость, не размышляя, что ждет ее, предается всем упоениям безотчетной веселости: оживляет летучие свои наслаждения восторженными порывами и уносится в нескончаемую даль цветущей жизни, забывая невольно, что радость иссякнет в свое время; что ее восторги также замрут в свою очередь. Молодость не рассуждает, не верит и забывает даже свое настоящее, а это забвение утешительно для жизни.

Во все века и у всех народов, как древних, так и новых, всегда приветствовали весну особыми обрядами. У греков и римлян учреждены были особые празднества, сопровождавшиеся играми и песнями. Там в честь Флоры, богини весны и цветов, воспевали торжественные гимны и пировали по несколько дней сряду. У них начиналась весна 3 марта, потому игры их назывались цветными¹. Женский пол, увенчанный цветочными и древесными венками, веселился в продолжение пяти дней до исступления: обнимался и целовался с мужчинами при обоюдном сладострастном пении, которое редко оканчивалось одними скрытными поцелуями: игры цветные

¹ <От>Ludi florales (лат. – игры цветочные).

тревожили строгую нравственность Катона. Он многократно покушался запретить *беснование*, как он выражался, но все его усилия оказались тщетными. Уже в его время порча нравственности сделалась повсеместною.

По разрушении Римской империи многие забавы и увеселения перемешались с обрядами разнородных племен, и встреча весны отправлялась ими уже по своему обыкновению: пировали и пели радостные песни под пляску.

Почти такое же отправление встречаем между некоторыми славянскими племенами...

Словаки и венгры поныне приветствуют весну легкой песнею:

Лето, наше лето,
Кдесь так длуго боло?
Сидело си на ловици,
Немогло си к нам прийци¹.

ВЕСНЯНКИ

Едва начинает смеркаться, девушки оставляют работу и выходят на улицу; каждая садится подле своей хаты, и, кто вышел прежде, тот заводит весеннюю песню. Голос ее далеко разносится. Подруга, услышав знакомый напев, отвечает ей другим куплетом той же самой песни. Наконец все девушки начинают переключаться, потом собираются и вместе запевают веснянку.

В Малороссии встречают весну особыми играми и песнями, известными под именем веснянок. Они поются во время хороводных игр и при встрече весны и лета²:

Розлылися воды
На чотыре броды:
У первому броду

¹ Kollar. «Národ. Zpiew.», ч. 1, с. 274.

² Веснянок весьма много, но здесь приводятся только несколько для примера.

Соловейко щебетав,
Зелены сады розывав.
У другому броду
Зозулька ковала,
Литечко казала.
У третьему броду
Коничек заржав,
Вин дороженьку почув.
А в четвертом броду
Та дивчина плаче:
За не любого идучи,
Соби лихो чуючи.

Свити, зорю, на все поле,
Покиль мисяц зыйде;
Покиль до мене милинький
Вечеряты прийде.
Ой, чи прийде, чи ни прийде
На вечерю тую:
А я ему ранесенько
Снидаты зготую.

Цвили лозы при дорози
Синесиньким цвитом.
Ишов козак з улицы
Билесиньким свитом:
Не жаль тому козаченьку
Поснидаты даты.
Що вин иде з улицы,
Як стане свитаты.
Нема лёду, нема лёду,
Нема й перейду.
Коли тобі люба мила,
Бреди й чрез воду.
Перебрела дви риченьки
И половину ставу.
Не вводь мене, козачиньку,
В великую славу.
Ой, самаж ты, дивчиненько,
Себе в славу вводишь,

Що пизненько, не раненько,
З улицы ходишь.
Ой, як мини, козаченьку,
Та раньше ходыти?
Як возьмеш ты за рученьку,
Немусишь пустити.

МАРЕНА ИЛИ МАРА

В Польше веснянки почти забыты, а в России малоизвестны. В малороссийских краях кроме пения веснянок носят еще чучело по деревням и полям, одетое в женское платье, которое называется *марена* или *мара* (призрак). Эту мару провожает толпа детей, парней, девушек и молодежи при громком пении. В Украине носят сделанную из дерева ласточку и поют песни в честь весны.

В некоторых местах России веснянки известны только в явлениях духов, которых представляют в женском виде и думают, что они появляются весной, как *зимнянки* зимою, *осянки* или *оснянки* осенью.

КЛИЧКА ВЕСНЫ

Весну встречают еще окликанием. В Смоленской губернии дети, девицы и пожилые женщины влезают на крыши домов, скотных сараев или сходят на гору и кличут весну:

Красная весна,
Что нам несешь?

Другие им отвечают:

Красное лето,
Теплое лето.

Кличка весны изменяется по местностям. В XVI веке существовал обычай, как видно из «Стоглава»: поутру рано

жгли соломой и кликали мертвых. Во многих местах Польши окликают весну рано поутру, в Великий четверг, и в этот день купаются до солнечного восхода, чтобы здоровым быть весь год. Такое поверье существует и в Малороссии: кто успел купаться до солнечного восхода, тот оставался в полном убеждении, что к нему не пристанет никакая зловредная болезнь. В деревне Сосновке (Чистопольского уезда Казанской губ.), когда запоют первые петухи, тогда девушки и парни бегут зачерпнуть воды из речки Вахты, *пока ворон не обмакнул в нее крыла*, и умываются этой водою. В уездах Буйске и Сольгаличе (Костромской губ.) поселяне погружаются три раза в воду и, кувыркнувшись на земле столько же раз, влезают потом на угол избы и поют песни в честь весны или скачут через плетень огорода, лазают на деревья, вертятся около стогов сена, кувыркаются, катаются по зеленой траве и поют:

Весна, весна красная!
Приди, весна, с радостью.
С радостью, радостью,
С великою милостью:
Уроди лен высокий,
Рожь, овес хороший.

В Буйске, когда не вскрылись еще реки, девушки, схватясь за руки, вертятся около проруби и приговаривают: «Весна, красная весна! Приди, весна, с милостью, с милостью, с великой благостью»; или входят в воду по пояс, плещут водою и, взявшись за руки, говорят: «Вода весенняя, здоровая! Дай и нам здоровья». Многих больных нарочно приносят в Великий четверг к ручью и их омывают вешней водою, полагая, что она излечит их. В Олонецкой губернии весна начинается довольно поздно, первого мая. В это время там встречают весну с соломенным чучелом, утвержденным на шесте, и ставят его на возвышенном месте. Тут приготовлены пироги, разные кушанья и водка; садятся около чучела и пируют; потом зажигают его и пляшут вокруг, пока оно не сгорит. В Калужской губернии

зазывают весну, собираясь на холмах или полянах, и в честь ее поют песни. В Тульской губернии *закликают* весну с Фоминой недели. Перед заходом солнца собираются поселяне обоего пола на ближний холм или пригорок, оборачиваются лицом к востоку, читают про себя молитву и потом становятся в хоровод. Избранная запевальщица, держащая в одной руке хлеб, а в другой красное яйцо, распоряжается хороводом:

Весна-красна!
На чем пришла?
На чем приехала?
На сошечке,
На бороночке.

Потом все начинают петь хороводную песню:

Как и все девки на улице,
И все красные на широкой;
Одной девки нет:
Сидит она во тереме,

Ширинку шьет золотом,
Узду вяжет тесьменную.
Ах, горе великое!
Кому-то достанется?
Достанется моему суженому,
Моему ряженому.

ВСТРЕЧА ПЕРВОГО ДОЖДЯ

В некоторых местах встречают первый весенний дождик с особою радостью. Многие нарочно выходят из домов, чтобы им ороситься, думая, что в это время сила его так животворна, что мгновенно укрепляет тело и предохраняет его от многих недугов. В Малороссии причитают на этот случай:

Дощику, дощику!
Милый дощику.

Кропи жутко,
Шоб було чутко;
Вовик здорову,
Без позору:
Як та осина,
Що гнется та стоить.
Падай, дощику,
На дилову рижь,
Дивчачий лин,
Батькив овес
И на все добро,
Поливай ведром.
Гони хмару
И всяку мару,
А очі молодичи,
Як чаровниці,
Не хай от тебе
Ще краше буде.
Лице биле,
Косу довгу;
Шию и нижку,
Нехай умые.

Подобного почти содержания припев сохранен в Нерехотском уезде Костромской губернии.

Дождь, дождь!
На бабину рожь,
На дедову пшеницу,
На девкин лен
Поливай ведром.

В Шуе (Владимирской губернии) существует причитание к дождю: «Мать Божая! Подавай дождя на наш ячмень, на барской хмель», а когда дождь пойдет большой: «Уж ты, дождь, дождем поливай ковшом на наш ячмень, на барской хмель». Там же к заре после первого весеннего дождя: «Зоря-зоряница, красная девица! Ты по лесу ходила, ключи потеряла; месяц видел, солнце скрал».

В Сербии и Валахии приносили жертвы богу Папалугу, чтобы он посылал дождь на хлебный посев¹.

Венгерские словаки, обращаясь к солнцу с испрошением у него животворной силы на посев хлеба, говорят причитание:

Дай Боже слнца,
До нового грнца.
Веть ти го ми даше,
Кедь са наиграше...²

ПЕРВЫЙ ГРОМ

Существует поверье, что при первом громе надобно выбежать из избы и подпирать спиною плетень, дом, дерево или другое что-либо в том предубеждении, что этот гром дает телу крепость и оживляет растения, до того времени еще безжизненные. В последнем случае предрассудок имеет в своем основании физическую справедливость.

Электрическая сила грома, действуя благотворно на природу, оживляет зелень полей и крепит все растущее; но с тем вместе она и опасна: действуя большею частью сокрушительно, она убивает человека и часто зажигает здания.

Когда падает при громе дождь, тогда спешат умыться им или собирают его в чаши, моют больных и дают его пить.

III. КРАСНАЯ ГОРКА

КРАСНАЯ ГОРКА

Наступила весна, а с нею повсюдная радость. Поселяне собираются на горку и с нее приветствуют наступающие ве-

¹ Gebhard. «Fortfets. der Allgem. Westqeschicht. der neuen Zeit», ч. 33, с. 254, ed. 1789 г.

² Kollar. «Národn. Zpiev.», ч. 1, с. 274.

сенные забавы. Юная природа оживляет тогда еще более молодость, и веселые девушки, одушевленные новой жизнью, не довольствуются воспеванием животворной весны: они встречают ее хороводными играми, поздравляют ее непритворной радостью, как дорогую гостью, возвращающуюся к ним с небольшого зеленого холма, который посему называется *Красною горкою*. Это обыкновение во всеобщем употреблении. Оно начинается с Фомина воскресенья, которое в Восточной Церкви именовалось *Новым*, а в Западной – *Белым воскресеньем*.

У славян, литовцев, немцев, одним словом, у всех народов, были священные горы, горки и крутицы. Там стояли истуканы, горели огни для жертвоприношений и совершались разные священные обряды и моления. У киевских славян были Поклонные и Лысые горы, у прочих, как то: польских, богемских, моравских и силезских – Священные, Красные, Русые, Черные, Червонные и гремучие. На Красные собирались духи мужского, а на Лысые – женского пола.

ОБРЯДНОЕ ПРИВЕТСТВИЕ КРАСНОЙ ГОРКИ

По всей России встречается большое множество названий Красных гор и урочищ, но для игр избираются преимущественно Красные горки по своему приятному местоположению. Толпа поселян обоего пола, сделав приветствие весне, идет с горы с пением и потом начинает хоровод или другого рода забавы и игры, но эти забавы не везде сопровождаются единообразно. В слободах Переславля-Залесского (Владимирской губ.) поселяне собирались в Фомино воскресенье после обеда с поздравлениями к тем, у кого в прошедшем году были совершены свадьбы, и приговаривали им: «Вьюн, вьюница! Отдай наши яйца». Молодые их дарили яйцами, куличами, поили пивом и вином. В Костромской губернии подходят к окну домохозяев и поют: «Вьюн да вьюница, давай яйцо, а не дашь яйца, придет ветрица». Если поздравление происходит под окнами новобрачных,

то они угощают их пирогами, яйцами и пивом. Такое поздравление известно там под именем *выюнитства*.

Что значит выюн, выюница и выюнитство? Должно думать, что это испорченное в простонародии слово «*юный*», молодой; *выюнство* — молодость, *выюнитствовать* — поздравлять молодость, особенно молодых супругов. Последнее заключение вывожу из того, что в Галиче (Костромской губ.) во время *радониц* (Фоминой недели) поселяне распевают песни под окнами молодых: «Юница, молодлица! Поддай яйцо в перепечу». Или поют:

Ой, лелю, молодая, о, лелю!
Ты выюная, о, лелю!
Ты по горнице пройди, о, лелю!
Покажи свое лицо, о, лелю!
Да в окошечко, о, лелю!
Покажи нам молодца, о, лелю!
Своего-то выюнца, о, лелю!
Да пожалуй-ко яичко, о, лелю!
Еще красненькое, о, лелю!
Что на красном блюде, о, лелю!
И при добрых людях, о, лелю!

Молодые угощают ребят перепечью, калачами, казанками, ладышками, пивом и вином, а девиц красными яйцами и пряниками.

ЗАБАВЫ И ПОМИНОВЕНИЕ РОДНЫХ

В некоторых местах Рязанской губернии девушки и женщины одеваются в черное и белое платье и после обедни идут на кладбище с запасом разного кушанья и питья; плачут над могилами своих родных и близких, сердечно их вспоминая, и поднимают такой страшный вой, что мертвым не дают покою. Понаплакавшись вдоволь, садятся пить и есть на могилах; остатки бросают нечистым духам, чтобы они не тревожили усопших, а оставшееся вино льют на могилы из

предубеждения, что оно предохраняет гробы от зловредных духов. По окончании этого обряда возвращаются домой: там переодеваются в праздничные одежды и выходят на Красную горку. Здесь начинают уже разные хороводные забавы. В Смоленской губернии празднество, которое совершается на Красной горке, называется *толпищем*. <Оно> соответствует древнему славянскому обряду *стадо*, сопровождается пением песен и играми.

РАЗНОЕ ДЕЙСТВИЕ ОБРЯДОВ ВО ВРЕМЯ КРАСНОЙ ГОРКИ

В иных местах Горка составляет гулянье на Св. неделе, в других в Фомин понедельник, а в иных в Юрьев день, в который выгон скота в поле сопровождается служением молебнов для предохранения его от всех недугов, а потом радостными песнями и ночным хождением около стад, <думая>, что этим действием прогоняется нечистая сила, которая в то время бывает самая злая и чрезмерно портит скот. В других местах время Красной горки почитается благоприятнейшим для свадеб. Вообще Красная горка есть первый весенний праздник, и она, смотря по местности, начинается то детской игрою, то хороводами¹.

Нельзя определить, даже указать на игры и хороводы, какие именно совершаются в это время. Все зависит от образа жизни и склонности поселян к забавам.

Вот образец встречи Красной горки в Пензенской губернии. В этой встрече перемешаны игры и забавы, принадлежащие или собственно одной игре, или одному хороводу.

Во восьмой день праздника после Светлого воскресенья, называемого Фоминым воскресеньем, начинается у деву-

¹ Есть еще обыкновение, что с окончанием весны один из мужчин наряжается кобылою и пугает ребятишек. Это делается для того, чтобы они боялись своих отцов и матерей, и когда они заплачут или не слушаются их, тогда страшат: «Вот придет кобыла, вот идет кобыла», и ребенок смиряется. Пугают еще для того, чтобы ребятишки не просили скоромного в постные дни.

шек первое весеннее гулянье, известное под именем Красной горки. Вечером собираются девицы и составляют хоровод; к ним присоединяются *молодайки* (молодые женщины). Разделяются на две половины и становятся друг против друга в два ряда на несколько сажений в длину. Первая половина, подходя к другой, поет:

А мы сечу чистили,
Чистили;
Ой, диди-ладу, чистили,
Чистили! –

и, дошедши до другой, она возвращается назад и становится на свое место.

Потом другая половина также, подходя к первой, поет:

А мы просо сеяли,
Сеяли;
Ой, диди-ладу, сеяли,
Сеяли!

И таким образом продолжают петь попеременно и потом отходить на свое место.

П е р в . А мы просо пололи,
Пололи;
Ой, диди-ладу, пололи,
Пололи!
В т о р . А мы просо вытопчем,
Вытопчем;
Ой, диди-ладу, вытопчем! (2)
П е р в . А мы коней выловим, (2)
Ой, диди-ладу выловим. (2)
В т о р . А мы коней выкупим, (2)
Ой, диди-ладу, выкупим. (2)
П е р в . А чем же вы выкупите? (2)
Ой, диди-ладу, выкупите? (2)

Втор. А мы дадим сто рублей,
Сто рублей.
Ой, диди-ладу, сто рублей! (2)
Перв. Не надо нам тысячи,
Тысячи;
Ой, диди-ладу, тысячи! (2)
Втор. А мы дадим девицу, (2)
Ой, диди-ладу, девицу! (2)
Перв. За девицу слова нет,
Слова нет,
Ой, диди – ладу, слова нет! (2)
Втор. У нас в полку убыло, (2)
Ой, диди-ладу, убыло! (2)
Перв. У нас в полку прибыло, (2)
Ой, диди-ладу, прибыло! (2)

В продолжение этой песни девицы приближаются радостно друг к другу и потом отступают.

По окончании этой забавы набирают несколько девочек и мальчиков, рассаживают их на небольшое друг от друга расстояние, окружают их, сцепившись рука с рукой, и, идучи вокруг них, поют:

Маки, маки, маковочки,
Золотые головочки!
На горе был мак,
Под горою так,
Так был мак,
Сяк был мак.

Пропевши это, спрашивают у сидящих: «Поспел ли мак?» Те отвечают: «Еще только посеян». Потом опять поют то же и после опять спрашивают: «Поспел ли мак?» Те отвечают: «Цветет». Еще раз спевши то же самое, спрашивают: «Поспел ли?» И когда будет ответ: «Поспел», – тогда начинают сидящих мять, коверкать и трясти. Если та игра наскучит девицам и им захочется поплясать, то все они ста-

новятся в большой круг, а две из них побойчее выходят на середину, начинают первые петь и плясать, а за ними поет и пляшет весь круг:

Во лузях, лузях,
Зеленых лузях!
Вырастала трава шелковая,
Расцветали цветы лазоревые –
Понеслись духи малиновые.
Уж я в той траве выкормлю коня,
Выкормлю, уж я выкормлю и выглажу его.
Поведу я коня к батюшке:
– Батюшка уж ты, батюшка, родимый мой!
Ты прими слово ласковое,
Ты прими слово приветливое.
Не давай меня за старого замуж:
Старый муж не ровня мне,
Со старым гулять я не пойду!

Пляшущие, притопывая ногами, приговаривают еще:
«Гоц! Гоц! Гоц!»

Устав от пляски и песен, девицы заводят другую игру – дергать редьку. Она совершается так: здоровая из девушек садится на лугу; на ее коленях садится другая, которую она обхватывает и держит под руки; на коленях другой – третья, и так далее, пока из них образуется довольно длинный ряд. Одна подходит к сидящей в корне и говорит: «Кума! Продай редечку». Та отвечает: «Поди, выдерни на том конце». Покупательница идет на другой конец, берется выдергивать последнюю из сидящих и начинает тащить ее. Если вытащит – хорошо, а нет – так опять идет к первой и жалуется ей, что редька слишком туга: не велит ли она выдернуть из середины? Та отвечает ей, что она не хочет портить грядки, а хочешь, так дергай с конца. Последняя опять подходит к концу и уже здесь непременно вытаскивает одну, за ней другую и так далее до последней, которая, будучи всех сильнее, тащит всех за собою.

У крестьянских молодухек есть положение: *проиграть первый вечер до белого света*. Надобно или поплясать, или песенки попеть. Одна, поопытнее из них, начинает:

Заинька, где ты был, побывал?
Серенький, где ты был, побывал?
 Был я, был я, парень мой,
 Был я, был я, сердце мое,
 У трех девушек в гостях.
Заинька, ты не знаешь, как зовут?
Серенький, ты не знаешь, как зовут?
 Знаю, знаю, парень мой,
 Знаю, знаю, сердце мое:
 Как Катюха, да Марюха,
 И третья, Дуня удала.
Заинька, там встречали ли тебя?
Серенький, там встречали ли тебя?
 Встречали, парень мой,
 Встречали, сердце мое:
 Как Катюха у дверей,
 А Марюха у сеней,
 И третья, Дуня удала,
 Во гореньку провела.
Заинька, там сажали ли тебя?
Серенький, там сажали ли тебя?
 Сажали, парень мой,
 Сажали, сердце мое:
 Как Катюха на лавку,
 За стол меня провела.
Заинька, там кормили ли тебя?
Серенький, там кормили ли тебя?
 Кормили, парень мой,
 Кормили, сердце мое:
 Как Катюха пирогом,
 А Марюха калачом,
 И третья, Дуня удала,
 Каши с маслицем дала.
Заинька, там дарили ли тебя?
Серенький, там дарили ли тебя?

Дарили, парень мой,
Дарили, сердце мое:
Как Катюха полотном,
А Марюха платком;
И третья, Дуня удаля,
С рук перчаточки дала.
Заинька, провожали ли тебя?
Серенький, провожали ли тебя?
Провожали, парень мой,
Провожали, сердце мое:
Как Катюха из дверей,
А Марюха из сеней;
И третья, Дуня удаля,
Вдоль улицы провела.

Вообще думают, что с наступлением Красной горки впервые начинают горелки и запевают хороводную песню «*Просо сеяли*».

ВЬЮНИШНИК

Некоторые из наших писателей составили особый праздник под именем *вьюнишника* потому только, что он совершается в Семеновском уезде (Нижегородской губернии) на Святой неделе в субботу, и там поют песни молодым супругам, бракосочетавшимся в прошедшем году. Я не считаю это за отдельный праздник, ибо *вьюнишник* поется в одно время с Красною горкою и песни его одного почти содержания, например:

Ты вставай-ка, молодец,
Ты вставай-ка, наш вьюнец!
Ты расчесывай кудри,
Костяным гребешком.
Уж ты взгляни в окошко косящатое!
Тебе песню поем,
Тебе честь воздаем.
Награди-ка нас подарком,

Сладким пряником,
Белым сахарным.

Вьюнишник употребляется еще для молодых, вместо за-
стольной песни.

Как в деревне во Ильинской
У Ефима молодца,
Что стоял тут терем
Со крутым верхом,
Со косячатым окном.
Против красного крыльца
Вырастало деревцо треугодливое.
Что в том ли терему
Дубовы столы стоят,
Дубовы столы стоят,
Бранные скатерти лежат.
На тех ли на столах
Медвяны яства стоят;
За теми ли столами
Князя, бояре сидят,
Сахарные питья пьют.
Катайтесь, бояре,
Со высока терема;
Не сшибите деревца
Треугодливого.
Еще первая угода
Под корень деревца;
А другая угода
Посередь деревца;
А третья-то угода
Под вершину деревца.
Под вершину деревца
Соловей гнездо вьет,
Он и яйца несет,
Молодых деток ведет.
Посередь деревца
Пчелы ярые шумят,

Много меду наносят,
Под корень деревца
Кровать нова тесова,
Перинушка пухова.
На той ли кроватишке
Ефимушка лежит
С молодой своей женой,
С Оксиньюшкой-душой.
А у них в головах
Звончаты гусли лежат.
И кому в гусли играть?
Кому тешиться?
Играть в эти гусли
Ефиму-молодцу:
Ему тешить, утешать
Молоду свою жену,
Оксиньюшку-душу.
Чем вас, молодцев,
Станут жаловати?
Пивом, ендовой или скляницей вина?
Или золотой казной?
Ничего нам не подашь,
Мы со двора пойдем,
Мы осердимся.
Три беды мы сотворим:
Первую беду –
Ворота мы растворим,
Коней пару уведем.
А другую-то беду –
Избы двери растворим,
Мы гостей ознобим.
Третью-то беду –
Во терем зайдем,
Мы заслон унесем,
Печи остудим.
Гостей охолодим,
И вас, молодых,
На стыд наведем.

Молодые потчуют их вином, закусками или дарят чем-нибудь. Они благодарят:

Еще здравствуй, молодой,
С молодой своей женой,
И спасибо тебе, хозяин,
На жалованьи...

Отходя от них:

Выюнец, молодец, молодая. (4)

Потом молодежь обходит прочих новобрачных с выюшником или поздравлением. К вечеру собираются в питейный дом, пьют на собранные деньги и закусывают полученным от молодых¹.

IV. РАДУНИЦА

ЗНАЧЕНИЕ РАДУНИЦЫ

В разных местах называется Радуница различно, как то: *Радовницею, Радуницею, Радоницею и Навий день*. Все это воспоминание за упокой и во многом сходствует с тризною и стравою. Радуница не везде приходится в одно время: большею частью бывает в Фомино воскресенье, Фомин понедельник или в десятый день от Пасхи, во вторник – последнее чаще всего празднуется в Северо-Восточной России. В Малороссии она называется провадами, гробками и могилками, потому что

¹ Снег. «Русск. простон. праздн.», вып. III, с. 211–214; Сах. «Сказ. русск. нар.», т. 1, с. 261. См. «Русск. обрядные песни» под статью «Песни радунические». Он ошибочно причисляет к радуницким следующие три:

1. Ой, лелю, молодая, о, лелю!
2. Ты вставай-ка, молодец.
3. Как у деревни, у Ильинской.

Все они, собственно, поздравительные или, иначе, выюшники.

там в Фомин понедельник совершают поминание по умершим. Радуница превратилась впоследствии в *Родительскую субботу*. Радуница происходит от слова *радоваться*, а *навий* от древнего славянского слова *наве*, означающее покойника, мертвеца. Народ, поминая в это время родителей, думает, что они радуются с ними. Не без основания историограф Карамзин заметил, что радуницу назывался какой-нибудь языческий праздник у славян и бывал в начале апреля, потому что Пасха приходилась в то время марта 28¹.

Из поминальных дней особенно замечательна Родительская суббота. Поминание родителей так важно, что считают за грех заниматься работою во время поминок, и тогда не должно поминать их блинами. Поэтому приносят на могилы пироги, калачи, кашу, кутью, яйца и разные жареные и вареные кушанья. Суеверие заставляло часто священника снимать с себя ризы, или епитрахиль, и постилать на могиле при совершении литии; по совершении литии священник с причетом и поминавшие съедали все принесенное. В прежние времена народ поминал умершим с языческими обрядами: совершив над могилами усопших поминание, оставлял сродников плакать и рыдать. Женщины и мужчины, вспоминая добрые качества покойника, наполняли воздух плачевным воем: потом садились на могилу, угощали друг друга пивом, вином, пирогами, блинами, яйцами и проч.; остатки бросали злым духам. При питии вина отливали часть на могилу, а последнее сами выпивали.

Радуницкие поминки всегда сопровождались чрезмерным упоением, от того вошло в поговорку: «Выпили пиво об Маслянице, а с похмелья ломало после Радуницы».

ОТПРАВЛЕНИЕ РАДУНИЦКИХ ПОМИНОВЕНИЙ

В Фомин вторник толпы народа с узелками идут поутру на могилы своих родителей совершать по ним поминание и там, оплакивая их смерть, пируют целый день. Тогда счита-

¹ Кар. «И. Г. Р.», т. 5, прим. 26.

ется за великий грех, если кто не служит панихиды. Многие думают, что души умерших встают во время поминовений из *темниц* (из гробов), радуются и слушают поминальную обедню в церкви, за алтарем. Те же родители, коих дети не пришли помянуть, плачут тогда весь день. Самая поминальная пища, которая должна состоять преимущественно из кутьи, пирогов, сырников и яиц, разделяется будто бы мертвыми, выходящими невидимо из темниц, и присутствующими с живыми до солнечного захода. Такое мнение господствует даже между простолудинами в Петербурге. Тут одинаково совершают обрядные действия в Фомин вторник, называющийся *Радунницею*, а само действие поминовения *христосованием с родными*; потому непременно берут окрашенные яйца и кладут их на могилу. Некоторые зарывают окрашенные яйца в нарочно выкопанные над могилой ямочки. Верят еще, что если в Радунницу случится представление света, то вышедшие из темниц предстанут прямо в рай с поминающими их.

В Пермской губернии, во вторник на Фоминой неделе, ходят поутру на кладбище помянуть усопших, запасаясь крашеными яйцами, блинами и разными кушаньями, остатки раздают нищим; весь день проводят в гулянье и прогулках.

В других местах после пиршества оставляют на могилах, подобно грекам и римлянам, крашеные яйца, которые у них изображали умиловительные жертвы по умершим. Водится исстари обычай, что женихи и невесты ходят на могилы своих родителей просить у них благословения на брачный союз и в знак их согласия оставляют яйца на могилах.

Стоглав осуждал оклички на Радунницы и въюницы, но обычай удерживает их донныне.

Нигде родительские поминки не производились и не производятся с такою веселостью, как в Малороссии и в Белоруссии. В Киеве сходились и теперь сходятся на гору Щековицу не только простой народ, но и почетнейшие граждане. Там сначала отправляют панихиды над умершими, а потом каждое семейство, сев в кружок близ родственной могилы, поминает родителей, родственников, друзей, знакомых и все,

что дорого для их сердца. Едят и пьют за упокой, желают усопшим Царствия небесного за их добрые дела; прощают нанесенные им обиды, не желая препятствовать им идти прямо в рай, и просят их не препятствовать им. Когда немножко поразгуляются, тогда заставляют семинаристов или учеников бурсы петь духовного содержания стихи, но печальным и погребальным напевом. Это так трогает настроенную их чувствительность, что они для удержания своих слез записывают горе вином, произнеся: «О, як оце жалостливо! Сховав ридного и ридненьку, хтож мене приголубе? Чи чуєте ви, мий батеньку и моя мату-сенька? Чи вам там лучте, чи нам тутечки?» После многих возгласов старший из поминальщиков обращается к плачущим и говорит: «Давайте ж скорий чарку горилки – утолым горе!» Когда и это не помогает, тогда обращаются к скрипачам и говорят: «Музыка! Нутеж заиграйте, да так, щоб плакало усе навзрыд». Скрипачи играют заунывные или похоронные песни, и все плачут: «Годи! Чи перестанете ж играты? Не бачете, як вси взрыдалы, мов с изнова ридного хоронют». Скрипачи начинают играть веселые, и все, забыв горе, бросаются вприсядку. Поминки обращаются в безотчетный разгул, который иногда продолжается всю ночь. На другой день говорят только: «Ой, болит моя головонька». Чтобы прогнать головную боль, похмеляются; похмелье иногда длится несколько дней сряду. Почти то же самое происходит в Полтавской, Черниговской и Харьковской губерниях.

В Белоруссии также собираются на кладбище. Там на могилах родных катают красные яйца, которые отдают нищим. На могиле, политой медом и водою, раскладывают кушанье и приветствуют покойников: «Святые радзицили! Хадзице к нам хлеба и соли кушац». Потом старые и малые рассаживаются по местам. Кушанья должны быть нечетные: пять, семь, девять и т. д. и без подливки (соуса). Необходимо, чтобы тут находились мед, творог, блины, гречаники, колбаса и свинина. Кто бедный, тот просит у зажиточного, который всем наделяет его. Остатки отдают нищим. По окончании угощения обращаются к покойникам: «Мои радзицили! Выбачаице, недзивице;

чим хата богата, тим и рада». После отправляются в корчму и там поют и танцуют. Радуницу отправляют здесь еще весною, когда растает земля, и думают, что тогда родителям тепло, поэтому, разговаривая с ними, желают им: «Дай вам Бог легко в земле лежати и Христа в очи видати»¹. Обычай посещать могилы родительские есть языческий: он был известен всем народам на Востоке, оттуда перешел в Европу. Поговорка у римлян: «De mortuis aut bene aut nihil» (об умершем или хорошо, или ничего), конечно, произошла из благоговейного воспоминания об умершем; но места вечного жилища постоянно напоминают живым утрату сердечную и потому служат предметом посещений, слез и священных поминовений.

V. ЗАПАШКА

НАБОЖНОЕ СОДЕЙСТВИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦА

При посеве хлеба и начале жатвы поселяне соблюдают особые свои обряды. Не начинают ни орать, ни сеять, ни косить, ни жать, не помолившись сначала Богу и не спросив у Него благословения на свой труд. Земледелец обращается в ту сторону, в коей, по его приметам, благоприятны предзнаменования: чистое небо и тихий ветерок. Набожно он кланяется на все четыре стороны. Потом, постояв несколько времени на своей полосе, он осматривается вокруг себя, поднимает глаза на небо и замечает на нем движение облаков; наблюдает полет и крик птиц, следит <за> первой поступью лошади и быка, когда впрягает под плуг, и потом, перекрестясь, говорит: «Благослови, Господи Иисусе Христе! И помилуй нас». Сколько предчувствий волнуют в то время его душу! Предзнаменования устрашают его, он не верит и в самые счастливые приметы, которые часто обманывали его. Он берет плуг, закидывает его на свою ниву и со словами: «Помоги, Боже!» – начинает пахать.

¹ Goleb. «Lud polsk. jego zwyc. i zabob.», ч. 2, с. 269.

ЗАПАШКА

Запашка его пошла удачно и скоро. Во время работы погода стояла хорошая, небо было чистое и светлое, зелень повсюду пробивалась, и из этих примет он выводит предзнаменование о богатом урожае. Его работа приходит к концу, и он радуется вдвойне. Все предвестия благоприятные, ускоряют его труд, и наконец настает последний день запашки, уборка. Он и ее счастливо окончил – вот его радостный праздник.

ПОМОЧИ

Издавна существует обычай помогать друг другу во вспахивании поля, и это называется *помочи* – от слова «помочь, пособить». Это обыкновение есть общее между крестьянами и помещиками. Каждый житель деревни, имея большие поля и не успевая убрать их, извещает околотов о подании ему помочи. Это делается в праздничный день. Нива покрывается поселянами; труд их облегчается песнями, и в один день оканчивают то, что хозяину пришлось бы сделать в месяц. В продолжение помочей хозяин угощает обедом и несколькими ведрами пива; потом, с наступлением вечера, все тянутся гужом в дом хозяина, который благодарит их ужином. Тут выпивают прощальный ковш пива домашнего и расходятся по избам весело.

ОПАШКА

Не везде вспахивание полей известно под одним именем запашки. Местами она называется *опашкою*. Недостаточные хлебопашцы вспахивают поля по очереди: одному мужику помогают другие на одной неделе, а тот им в свое время, так что у трудолюбивых мужиков полевые работы идут рука об руку. В деревне варят тогда брагу и пиво и по окончании работ угощают взаимно. При засеивании ярового хлеба женщины готовят

яичницу и пирушку; по обычаю они пируют сами¹. В праздничный день сходятся поселяне в церковь отслушать благодарственный молебен; другие приносят в церковь на освящение часть баранины или что-нибудь из птицы, особенно черного петуха и хлеба. После молебна берут с собою мясное, оставив хлеба священнику; варят и жарят и приглашают на общий пир священника, своих родственников и всех своих соседей, чтобы отпраздновать опашку или запашку. Не повсюду в употреблении эти празднования; часто совершают запашку без угощений.

ПОСЕВ

Засев полей производится более или менее со священными обрядами. В юго-западной части России священники окропляют водою поля и благословляют земледельца на посев. Мужик, повесив на шею котомку или торбу с зерном, берет горстью зерно и сеет в одну сторону, сначала преимущественно тем зерном, которое сохранилось от первого января, когда дети ходили по домам поздравлять хозяев с Новым годом и посыпали зерном. Малороссиянин говорит при посеве: «Роды, Боже, овес, ячмень и гречку, хоть всего по тришечку; роды, Боже, лен и коноплю на весь христианский мир».

В некоторых местах России мужик засеивает первоначально ржаной просвирую, той самой, которую он получил в день Благовещения.

Посев называется в Литве, Белоруссии и Малороссии *засивками*; в Северо-Западной России – *засевками* и *посевками*; в восточной части – *засев*. Последний день сеяния называется *досевки*; в Малороссии – *досивки*. Везде окончание посева есть радостный день для хлебопашца, и потому в иных местах бывают угощения. Нарочно варят пиво и закалывают свинью, если это бывает яровой посев, или пекут калачи и пироги, если озимый.

Во многих местах северо-восточной России существуют посевные предрассудки. По отслужении молебна под открытым

¹ Зато с окончанием тканья мужчины обливают женщин водою, а иногда купают их в реке, чтобы согнать с них лень.

небом приходский священник читает закликательные молитвы, изгоняет нечистых духов и потом благословляет поселян. Между тем одна здоровая и крепкая баба, и непременно должна быть баба, поцеловав крест, хватает священника поперек во всем его облачении и перебрасывает через себя три раза; потом простолюдины принимаются катать его по ниве, несмотря ни на грязь, ни на кочки. Если священник противился такому обряду, то мужики замечают ему с неудовольствием, говоря: «Ты, батюшка, верно не желаешь нам добра; не хочешь, чтобы у нас был хлеб; а ты же, наш отец, кормишься нашим хлебом». Священник невольно должен покориться невежественному предрассудку. Хорошо, если нива сухая. По совершении обряда толпой отправляются домой, угощают священника со всем его причетом и всех своих соседей. Если пир проходит без всяких раздоров, то предзнаменование благоприятное.

В некоторых местах совершают еще так: когда довольно взойдет хлеб, тогда народ просит священника отслужить молебен в поле. Потом угощают его обедом; после обеда женщины катают священника с причетом по зеленому хлебу.

VI. КУКУШКА

ДРЕВНЕЕ ВЕРОВАНИЕ В ГОЛОСА ЖИВОТНЫХ

Верование в таинственные голоса животных, из коих выводили предзнаменования для жизни настоящей и будущей, существовало на Востоке с незапамятных времен, и нет сомнения, что отсюда оно распространилось по Греции, особенно оно господствовало в высшей степени у римлян, среди их жрецов и птицегадателей, которые нередко останавливали важные государственные дела, если священная птица во время гаданий кричала голосом неблагоприятным. В числе таковых известна была римлянам *кукушка* (cuculus). Ее название сходно со многи-

ми иностранными словами: у индейцев она называлась *кокила*, у греков *кукос*, у англичан и французов *куку*, у немцев *кукук*, у литовцев *кукулка* и *зезула*, у поляков *кукулка*, у чехов *кукачка*, *жежгулька*, у малороссиян *зозуля*, в России *кукушка*.

В древней части света и во всех странах Европы кукушке приписывалось предвещательное свойство. Если она прокричала *ку-кунад* домом, то думали, и теперь думают, что кукушка предсказывает смерть кому-либо из домашних. Вещий голос ее наводил страшное уныние на весь дом¹.

Если кто услышит ее в первый раз, имея при себе деньги, тому быть богатым. Услышит ли девушка, имея при себе деньги, быть ей замужем за богатым. Поселянин, начинающий в первый раз свою работу при куковании, уверен, что его труд не останется без вознаграждения. Доныне господствует мнение не только в России, но и в Европе, что когда кукует кукушка, надобно предлагать ей вопросы о долголетьи своей жизни, и сколько раз она прокричит, столько лет жить на свете. Случалось слышать, что старики, стоящие одной ногою во гробе, спрашивали у кукушки: «Кукушка, кукушка! Скажи: сколько лет мне жить на свете?» Она, бывало, прокричит раз сорок; старики радуются и рассказывают об этом встречному и поперечному. И кто не хочет жить! Но оказывалось, и весьма

¹ К числу зловещих птиц принадлежат ворон, грач, сыч, сова, филин, пугач и сорока. Название зловещих они получили за дикий и пронзительный их крик, напр., пугач и лесной филин воют среди глухой ночи голосом отчаянного человека, зовущего к себе на помощь, или кричат ребенком, иногда же хохочут, стонут и ржут. Суеверы носят при себе когти филина, чтобы отворотить от себя зло. Если ворон или другая какая-нибудь из зловещих птиц прокричит на кровле, то быть в доме покойнику.

В Москве сохранилось поверье о сороке, будто бы предавшей боярина Кучку. Известно, что Москва основана на месте убийства Кучки, и когда он, желая избегнуть своих убийц, спрятался под одним кустом; тогда сорока своим сокотаньем указала несчастного Кучку, который, умирая, проклял ее. Отсюда родилось верование, что сороки изгнаны навсегда из Москвы.

Рассказывают еще, что Марина Мнишек, жена самозванца Дмитрия, была ведьма, и когда убили ее мужа, тогда она перекинулась в сороку и вылетела в окно из своего терема. За это были прокляты все сороки. Охотники до верований утверждают еще, что они прокляты одним набожным старцем за то, что одна сорока унесла последний кусок его сыра.

часто, что пророчество кукушки как ворожеев было недельное: старики не переживали полгода. Молодые девушки, и все неопытные, любят спрашивать у кукушек. Случалось, что на вопрос о их долголетию кукушка прокричит раз пять или два раза. Сколько тогда горестей от ее зловещего голоса! Но молодые, наперекор вещанию, живали до глубокой старости. В Малороссии девушки, услышав кукушку, останавливаются с трепетным волнением и спрашивают: «Зозуля, зозуля! Скажи: чи багацько осталось мени жити?» Зозуля молчит; они вновь повторяют вопрос, зозуля не отвечает; они сердятся, но спрашивают, и вдруг она, как нарочно, прокукует один раз, тогда рассерженные бросают в нее землю, сгоняют с дерева, говоря: «Бреше, зозуля!» Когда льстят нам, тогда мы верим и самой лжи. В народе осталась песня о кукушке:

Прилитила зозуленька
З темного лисочку:
Сила, пала, заковала
У зеленым садочку.
Ой, як вийшла Дунячка,
В ней запитала:
– Скажи мени, зозуленько,
Чи довго буду в батька?
– Будешь, мила Дунячко,
Весь день до вечера.
– Бодай же ты, зозуленько,
Сим лит не ковала,
Що ты мени, молоденькой,
Правды не сказала¹.

Во многих малороссийских думах и песнях отразился пророческий голос кукушки, например, в думе о гетмане Наливайко о восстании его против Польши (в 1596 г.)².

¹ Сахар. «Сказ. русск. нар.», изд. 1841 г., т. 1, см. малороссийские песни под статью «Троицкие», с. 272, причислил ее к троичким песням. Ее поют во всякое время, и она сочинена насчет гадающих, особенно когда делают загадки кукушке.

² Максим. «Украин. нар. песни», с. 24–28, изд. Моск., 1834 г.

Буде й нашим лихо, як зозуля кувала.
Шо вона кувала, про меж святих чувала,
Що вона кувала, тому й бути статы.

В думе «Поход на поляков за смерть Павлюка» (1639 г.):

Закряче ворон, степом летючи;
Заплаче зозуля, лугом скачучи;
Закуркуют кречеты сизы,
Да вее усе по своих братах;
Загадаются орлики сизы,
Да все усе по своих братах,
По буйных товарищах козаках!

МАНДРИКИ И ЗАВИВАНИЕ ВЕНКОВ

В Малороссии существует поверье, что если кричит кукушка после дней Петра и Павла, то это значит, что не будет изобилия в хлебе. В день св. апостолов Петра и Павла пекут из творога на масле и яйцах круглые небольшие сырники, которые называются *мандриками*, и едят их, веря, что кукушка не будет кричать более. Если после этого времени кукушка кричит, то она кукует уже так, как будто бы чем-нибудь подавилась, почему и говорят: «Зозуля подавилась мандрикою». У немцев также есть поверье, что если кукушка перестала кричать после Иванова дня (24 июня); то наверно будет голод в том году¹.

В Орловской губернии на праздник Петра и Павла девицы и молодые мужчины ходят в лес завивать венки. С собою берут яйца вареные, пироги и караваи, печенные на яйцах, масле и молоке, угощают друг друга. При плетении венков поют хороводные песни. Боятся заходить далеко в лес, веря, что русалки скрытно качаются на зеленых ветвях, нападают на людей и щекотят их до смерти.

¹ Об этом я слышал, когда я был в Вене. Прогуливаясь по саду с одним немцем, я услышал кукушку. Немец немедленно заметил мне, что ее крик в это время предвещает неурожай.

КРЕЩЕНИЕ КУКУШЕК И КУМОВАНЬЕ

Во многих местах совершается поселянами крещение кукушек в третье, иногда в пятое, шестое или седьмое воскресенье по Пасхе, а более в день Жен-мироносиц. Женщины идут в лес, выбирают там две молодые кудрявые березки и, нагнув их, переплетают ветвями; потом связывают платками и полотенцами, образуя из них венок, к которому привешивают два креста. Две женщины, желающие жить в дружбе, или, как они говорят, *покумиться*, ходят вокруг венка в разных направлениях и целуются крестообразно три раза сквозь венок. Прочие женщины поют между тем:

Ты, кукушка ряба,
Ты кому же кума?
Покумимся, кумушка,
Покумимся, голубушка:
Чтоб нам с тобою не браниться.

Затем они меняются крестами, именуются с того времени кумушками и живут между собою в дружбе. После готовят женщины яичницу, пируют и пляшут под плясовые песни. В Орловской губернии кумятся и мужчины. Кумы, надев крестик на траву кукушку, кладут ее на разостланный платок, садятся вокруг, меняются крестами и вступают в кумовство. Потом едят яичницу¹.

В Литве на третий день Светлого Воскресенья собираются деревенские молодые девушки и мужчины в один дом. Там поют сначала разные песни, а потом пляшут танец *гиагузи*. Девушка особой красоты управляет этим танцем и называется *зозулею* (*giegiely*). Она садится на стул с завязанными глазами, прочие делают около нее *коло* и пляшут. После каждого круга подходят мужчины к сидящей и, взяв за руку, поют:

Царица, кукушка, ку-ку, ку-ку!

¹ Броневск. «Путеш. от Триеста до С.-Петербур.», 1810 г., ч. 1 и 2.

Она отвечает:

Я твоя, братец, ку-ку, ку-ку!

Царица, узнав голос, милый для ее сердца, развязывает свои глаза, избирает трех молодцев и танцует с ними, но преимущественно с тем, кто ей ближе к <душе>. При расставании с ними она дарит каждому по пестрому кушаку своей работы; молодцы одаривают ее со своей стороны. С этих пор девушка называет их братьями, а они ее сестрой. Эта забава, вероятно, произошла из народного предания о сестре и трех братьях, которые, под начальством неустрашимого литовского князя Кейстута, пали на поле битвы против рыцарей-меченосцев. Сестра не могла перенести горести: она оставила родительский дом, скиталась по лесу и рыдала. Верховный литовский бог, сжалившись над нею, превратил ее в кукушку.

В России вдова и сирота называются простолюдинами *горемычной кукушкою*, *горькою кукушкою*. Есть даже трава *кукушкины слезы* (*orchis latifolia*)¹.

В народной сказке «Девушка-красавица» говорится, что она превращена чародейкою в *кукушку* по собственному ее желанию, чтобы жить неразлучно с тремя убитыми на войне ее братьями, которые всякую ночь являлись к ней и просили не расставаться с ними². В каком виде они являлись к ней, об этом

¹ «Сын Отеч.», 1836, № 16.

² В нашем народе сохранились предания о превращении, происхождении и значении некоторых предметов, о коих он толкует по-своему. Представляю здесь несколько образцов.

Превращение Днепра, Волги и Двины (Западной)

Днепр, Волга и Двина были прежде людьми: Днепр – брат, а Волга и Двина – сестры. Еще в детстве остались они круглыми сиротами и, не имея куска хлеба, должны были сыскивать пропитание дневной работою не по их силам. Когда это было? Очень давно, говорят старые люди, и прадеды наши не помнят. Выросли братья и сестры, а счастья им все нет как нет. Каждый день, с утра до вечера, все работа да работа, и все <для> дневного пропитания. Одежда у них была, какую Бог послал! Найдут лоскут в сору и тем прикроют свое тело. Натерпелись, бедные, холоду и голоду; надоело им житье, хуже горькой редьки. Один раз после трудной работы в поле сели они под куст доедать по-

следний хлеба кус; съевши его, поплакали, потужили, думали и придумывали, как бы им прожить свой век и иметь свой хлеб; как бы иметь одежду и, ничего не работая, кормить и поить других. Вот придумали отправиться по белу свету искать талану, а от людей привету; искать и отыскивать лучшие места, где бы им можно течь большими реками, а это была тогда вещь возможная. Ходили они, ходили не год, не два, а без малого три и выбрали они места и сговорились, кому где начать свое течение. Все трое приостановились ночевать в болоте, но сестры были хитрее брата. Едва Днепр уснул, они встали потихоньку, заняли самые лучшие и отлогие места и потекли. Проснулся поутру брат, смотрит – и след простыл сестер! Рассердился он и побежал догонять их; но на дороге одумался, рассудив, что человек не может бежать быстрее реки, ударился об землю и полился догонять рекою по рвам, по буеракам, и чем бежал дальше, тем злился больше. Не добежав за несколько верст до моря, гнев его утих и потом скрылся в море, а две его сестры, бежавшие от него во время его погони, разбежались по разным странам и ушли на дно моря. Когда Днепр бежал сердито, тогда он изрыл крутые берега: оттого он в течении быстрее, чем Волга и Двина; оттого он имеет много рукавов и порогов.

Происхождение гор

В начале света благоволил Бог выдвинуть землю. Он позвал черта, велел ему нырнуть в бездну водяную, чтобы достать оттуда горсть земли и принести Ему. Известно, что черт всегда идет против Бога. Ладно, думает себе сатана, я сам сделаю такую же землю! Он нырнул, достал в руку земли и набил ею свой рот. Он принес Богу и отдает, а сам не произносит ни слова, потому что рот его был набит землею. Господь куда ни бросит землю, то она вдруг является – такая ровная-ровная! – что на одном конце станешь, <а> на другом все видно, что делается на земле. Сатана все смотрит и смотрит; хотел что-то сказать и поперхнулся. Бог спросил его: чего он хочет? Черт закашлялся и побежал от испуга. Тогда гром и молния поражали бегущего сатану, и он где приляжет, там выдвинутся пригорки и горки; где кашляет, там вырастет гора, где привскочит, там высунется поднебесная гора. И так, бегая по всей земле, он изрыл ее: наделал пригорков, горок, гор и превысоких гор.

Происхождение рака

Рак — насекомое гадкое, во-первых, потому, что он есть создание черта, а во-вторых, что он есть пагуба для земноводных и водяных существ. По создании животных черту стало завидно, что он ничего не создал. Стал думать. Он долго думал и выдумал прехитрую вещь, преуродливую штуку; правда, он сделал ее, да не знал, <как> назвать. Вот пошел он к Богу и говорит: «Сделал я штуку, да не знаю, как назвать». – «Отдай мне, – сказал Господь, – я скажу, как назвать эту штуку». Черт стал думать: «Что ж из того, что я сделал? Я сделал, да не умею назвать, вот штука-то! Так все равно эта штука будет скитаться по всему свету; там люди узнают и скажут: «Эта штука – прехитрая штука, <не иначе> как черта!» Подумал сатана и отдал на волю Господа Всемогущего. Бог сказал: «Пусть эта штука будет рак» – и бросил его в воду, в омут. Черт бросился туда и кричал от радо-

сти: «Рак! Рак!» Оттого говорят доселе: где раки зимуют, там черти в омуте, означая этим, что такой человек знает все места, что такой человек пройдоха. Хитрец хоть ничком да ползком, но доберется <до> своего – раком.

Все старообрядцы ни за что на свете не станут есть раков, почитая их созданием дьявольским.

Черемуха, дятлина и медуница, запрещенные для пчел

Когда Бог создал свет и человек не грешил еще, тогда Господь удостоивал своего лицезрения и разговора каждое творение рук своих. Изю всех созданий он любил пчелу. Испытав ее неутомимое трудолюбие, Он хотел испытать верность ее, поэтому послал ее перечесать все цветы, которые рассыпал Господь по земле, и хотел знать: которые из цветов годны для меда, а которые для воска? Пчела полетела по всей земле и перечла цветы, и очень обрадовалась, когда увидела в первый раз черемуху, дятлину и медуницу. Коварная мысль скрыть их от Бога в ту же минуту бросилась в ее голову. «Про эти три цветка, – думала она, – я не скажу Богу, потому что если Он захочет отнять у меня все другие цветы, то будет довольно с меня и моих товарищей, этих трех; у них больше всех меда и воска». Вздумано и сделано. Она возвратилась, перед Богом стала пересчитывать все цветы, а о черемухе, дятлине и медунице не сказала ни слова. Но Бог спросил: «Все ли ты пересчитала цветы?» – «Все, Господи», – отвечала она. «Если все, то питайся ими и снабжай людей медом, но до тех, которые ты утаила, не смей дотрагиваться. Если возьмешь мед с черемухи, то просидишь 12 дней слепою; если возьмешь с дятлины, то ни сама не наешься, ни в улей не принесешь ни меда, ни воска; если возьмешь с медуницы, то сей же час умрешь». От этого пчелы не берут меду ни с черемухи, ни с дятлины, ни с медуницы.

Смерть пчелы за ее злость

Когда человек потревожил еще в первый раз жилище пчел, отняв у них мед и соты, тогда пчелы так рассердились на человека, что полетели к Богу. «Господи! – сказали они, – человек обижает нас: он отнимает у нас в один час все то, что мы собираем целое лето с великим трудом. Ты, Господи, дал нам жало, а мы до сих пор не знаем, на что употребить его! Позволь нам жалить людей». Господь позволил им только защищаться от людей своим жалом. В наступившее лето человек снова ободрал пчел, несмотря на то, что они и кусали, и жалили его. Пчелы опять полетели к Богу с просьбою. «Мы кусали человека, – говорили пчелы, – но он вытащил весь наш мед. Правда, тело его распухло от нашего ужаливания, поэтому мы думаем, что жало наше, стало быть, ядовитое: позволь нам так жалить, чтобы человек умирал от жала нашего». – «Вы очень злые, – сказал им Господь, – и в наказание за нашу злость умирайте сами, когда ужалите человека или другое какое-либо животное». С тех пор пчела, ужалив человека, умирает сама.

Птичка, вечно просящая пить

Есть птичка, которая, летая в сухое время повсюду, жалко чирикает и кричит: «Пипи, пить» – и вымаливает, чтобы дали ей пить. Люди рассказы-

ничего не говорит сказка, которая, без сомнения, переделана из литовского поверья. Самогитские девицы доныне поют:

Сестрица дорогая,
Кукушка пестрая,
Ты кормишь
Братних коней,

вают о ней с соболезнаванием. Когда Бог создал землю и вздумал наполнить ее морями, озерами и реками, тогда Он повелел идти сильному Дождю; после дождя собрал всех птиц и приказал им помогать Ему в трудах: чтобы они носили воду в назначенные им места. Все птицы повиновались Богу, а эта несчастная – нет; она сказала Богу: «Мне не нужны ни озера, ни реки; я и на камушке напьюсь». Господь разгневался на нее и запретил ей и ее потомству даже приближаться к озеру, реке и ручейку, а позволил утолять жажду только той водою, которая после дождя остается на неровных местах и между камнями. С тех пор бедная птичка беспрестанно надоедает людям, жалобно просит пить!

Колос прежний и тот, что нынешний

В старину, а как давно, никто не помнит, рожь была не такая, как в наши годы: с корня одна солома, а на самой макушке колосок, а тогда от корня до самого верха был колос, да наливной колос, что твое яблочко наливное! Отчего рожь так изменилась? Оттого, что у баб волос долог, да ум короткий; оттого, что народ стал грешить с каждым днем более и более. Один раз бабы, собравшись толпою, пошли жать рожь после дождя, а она еще не просохла после Божьего дождя: она была полна воды и зерен, частых зерен, как часты звезды. Бабам тяжело показалось жать; они, чтобы помочь своему горю, стали бранить рожь наперебой. Одна говорила: «Чтоб ты пропала, окаянная!», другая: «Чтоб тебе ни всходу, ни умолоту!», третья: «Чтоб тебя, проклятую, сдернуло снизу доверху!» Последняя брань понравилась всем бабам, и они в один голос закричали: «Чтоб тебя, проклятую, сдернуло снизу доверху!». А Господь Бог вездесущий, разгневанный их ропотом, забрал колосья и начал истреблять по одному. Бабы стоят да смотрят. Когда осталось Богу выдернуть последний колос, наш колос – сухощавый и щедушный, тогда собаки стали просить, чтобы Господь оставил на их долю сколько-нибудь колоса. Господь сжалился над ними и оставил им колос, какой видим ныне.

Происхождение одежды

До согрешения Адама и Евы они ходили нагими; не чувствовали ни зноя, ни холода и не знали стыда, потому что были праведные; тело их вместо одежды было покрыто белой, как эмаль, и мягкой, как пух, кожицею, называемой чешуею. Но когда они согрешили, тогда Господь покрыл их стыдом, обнажил их, и в напоминание того, чем тело было покрыто, оставил на пальцах рук и ног по маленькому значку, называемому нами ногтем, и с тех пор людям стала одежда необходима.

Ты мотаешь
Нити шелковые.
Скажи, кукушка,
Скоро ль мне замуж?

Сколько прокукует кукушка, через столько времени должно исполниться желание девушки¹. Изю всех этих преданий видно, что кукушка иным представлялась предвещательницею, а другим несчастною девушкой или горемычною сиротою.

В Норвегии празднуется *кукушкин день*, но у нас на Руси не было кукушкина праздника. Без сомнения, верование в голос кукушки господствовало у нас с весьма давнего времени, однако оно никогда не было предметом поклонения.

В народе есть поверье, что у кукушки нет самца, но его заменяет ястреб, что она кладет яйца в чужие гнезда. Жалобный голос ее возвещает ее страдание. Будто бы во время Воскресения Спасителя, когда все птицы пробудились и прославляли восставшего из мертвых, одна кукушка опоздала, и теперь в наказание должна страдать и влачить жизнь одинокую. Думают, что кукушку можно словить без всяких хитростей, стоит только, когда она кукует на дереве, опоясать его поясом, и тогда она никуда не улетит.

VII. КУПАЛО

ПОЧИТАНИЕ ОГНЯ И ВОДЫ

Поклонение огню и воде, очищение огнем и водою, возжигание огней и перескакивание через них – все это употреблялось в глубокой древности на Востоке у всех народов.

Индейцы поклонялись огню и воде, но персы особенно чествовали огонь. Гвебры, доселе следующие учению Зороастра, видят в огне бога или духа повсюдного. Греки и рим-

¹ «Сын Отеч.», 1836, № 16.

ляне держали в храмах очистительные огни. Во храме богини Весты беспрестанно горел перед ее истуканом неугасимый огонь, который был столь священ, что если он нечаянно гас, то весталку погребали живою в землю. На праздниках Цереры, Палесы или Весты и Палилии скакали через зажженные огни для очищения себя от грехов. Овидий говорит, что не только поселяне, но и скот перепрыгивал через огонь три раза и окроплялся омоченною в воде лавровой ветвью. Татары переводили свои стада через огонь. Представлявшиеся хану обязаны были прежде пройти через огонь и потом поклониться кумирам. Подарки, какие приносились ему, очищались огнем. Князь черниговский Михаил, когда прибыл в стан к монголам (1246 г.), не хотел вступить в шатер Батыев через разложенные огни. Тогда волхвы и блюстители суеверных обычаев требовали, чтобы он шел через разложенный перед ставкою огонь и поклонился священному кусту, огню и кумирам. Он отринул их требование, сказав: «Христианин не служит ни огню, ни глухим идолам». Ему объявили гнев Батя: что он должен повиноваться или умереть. «Да будет так, — отвечал князь. — Возьмите славу мира, хочу небесной». Убийцы бросились на него по данному знаку и мучили; наконец, один из них отсек ему голову¹.

ОБЩЕЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ОГНЯ

У немцев долгое время существовал древний обычай переходить через ивановский огонь и переводить через него свои стада. Оставшиеся угли клали в хлев и стояла для предохранения скота от всякой заразы; золу бросали на поля и огороды для истребления вредных насекомых.

Ивановские огни в употреблении почти во всей Германии, России, Польше, Богемии, Моравии, Далмации и других славянских странах. Это остаток древнего языческого обыкновения, но наверное нельзя сказать, кто из них от кого позаимствовал.

¹ Кар. «И. Г. Р.», т. 4, с. 33–35, прим. 41, изд. 1817 г.

Скакание имеет свое особое знаменование. У иных оно означает освобождение от колдовства и болезней; у других, когда высоко скачут, предзнаменует изобилие льна и долгую жизнь. Скакали еще через огонь на лошади или бросали в пылавший костер лошадиную голову, чтобы воспрепятствовать появлению колдунов¹.

Варрон² пишет, что поселяне, натаскав кучу сена и соломы, зажигали и скакали для очищения себя. Квинтиллиан Цицерон в письмах к своему брату, знаменитому Марку Туллию Цицерону, говорит, что бритты праздновали летнее солнцестояние под именем *Гранин*, бога *солнца*. Накануне солнцестояния они раскладывали огни по горам и холмам. Женщины, дети и стада животных перепрыгивали через огонь в честь божества. Толпа народа хранила таинственно-глубокое молчание, пока не показывалось солнце на небосклоне. И едва оно появлялось, тотчас приветствовали его радостными восклицаниями³.

Многие идолопоклоннические обряды, смешавшись в Европе с христианскими, отражали долгое время суеверные празднования. Надобно было великих усилий, чтобы изменить их, но это не могло последовать прежде смягчения нравов. Не ранее XVI века, когда просвещение восторжествовало над грубостью нравов, начали приметно отставать от языческих праздников, но все они остались в воспоминании.

Почти во всей Европе празднуется Иван Купало, и он совпадает с летним солнцестоянием. В средней Германии это время называется переходом солнца (*Sungihite*), Ивановым днем (*Hannftag*), Ивановым огнем (*Fobaniff Feuer*), в Саксонии поворотом солнца (*Sonen-wende*), в Дании и Англии – полулетнюю ночью (*midsummersnat*, *midsummerseve* и *mid-summersniht*) и праздник св. Ивана (*Sanct Hans Aften*), в Италии – Сабатина (*sabatina*). В Силезии, Богемии и Польше – *сobotки* и *сobotка*.

¹ «Über die Slawen», т. 1, с. 86; «Ant. Tkany», Mythol. II, с. 43; Kollar. «Národn. Zpiew.», ч. 1, с. 426—427, ed. Budn., 1834 г.

² Opera Varronis., ed. Bipon, 1788 г., in 8.

³ Guthrie. «Disserti Sur les antiquités de Russie», с. 75, ed. S.-Peterb., 1795 г.

Некоторые производят это слово от *собиц*, пособлять, а другие от бога *Сабот*. В Силезии был идол *Сабит*, который стоял на горе *Сабтен*. У венгерских словаков – *святоянский огонь*, *ваянво*, *ваяно*, *ваянок* и *субатка*. *Ваянво*, *ваянуо* у словаков значит ныне большой огонь. Если словак видит большой огонь в кухне, то он обыкновенно говорит «*čo klades takuo wajanuo?*» (К чему разводишь такой большой огонь?) Некоторые из немецких писателей выводили ивановский огонь от сожжения Иоанна Гусса, знаменитого богемского обличителя папских злоупотреблений, и что будто бы чехи и моравы, <a> вслед за ними все прочие славяне, установили годичное торжественное поминовение по его смерти¹. У сербов и иллирийцев – *Иванье*. У сербов господствует мнение, что в Иванов день солнце останавливается три раза на своем течении. Тут зажигают еще факелы и бересту и обходят с ними хлева и пастбища; потом идут на горы и сжигают при плясках факелы и бересту. Истрийские славяне кормят чурбан хлебом, потом бросают его в огонь. Сербы в Иванов день вешают еще венки на кровлях, домах и хлевах для удаления злых духов. У кроатов и краинцев называется Иванов огонь *крес*, от слова кресать (доставать огонь через кремень); в Ускоке у далматов – *коледа*².

У наших предков совершалось большое празднество в честь Ивана Купалы, как бы в воспоминание неугасимого огня. Остатки этого древнего обычая доныне соблюдаются у простого народа по всей России, особенно в Малороссии; <он> всегда приходится <на> 23 июня, перед Рождеством Иоанна Предтечи (24 июня). В Юго-Западной России он называется Иваном, а в Северо-Восточной, перед днем мученицы Агриппины (23 июня), – Аграфены-купальницы.

Откуда же перешел Купало в Россию? На это нельзя отвечать утвердительно, но можно сказать, что это праздно-

¹ Иоанн Гусс сожжен на Констанском поле <в> 1415 г. 6 июля, между тем богемский ученый Гаек говорит в своем сочинении 1383 г. об Ивановском огне за несколько лет до смерти Гусса. Он замечает еще, что в его время жгли в Праге святояновские огни.

² Kollar. «Národn. Zpiew», ч. 1, с. 425–429; Pauli. «Piesn. ludu polsk. w Galicyi», с. 19–25, Lw. 1838 г.; Goleb. «Lud. polsk.».

вание восточных народов, измененное веками в разные названия и обряды. Нам известно, что еще с VII века по Р. Х. строго воспрещалось раскладывать огни, скакать через них и отправлять разные забавы, которые совершались всякий раз при нарождении нового месяца¹. Но в России никогда не было бога Купала, как некоторые считают его богом земных плодов². В песнях XVII века мы встречаем имя Купала. У карпато-россов и литовцев поют в Иванов день песни в честь Ладо, украшают свои ручьи цветами и древесными ветвями, собирают травы, почитаемые предохранительными от всяких болезней. Старопрусы, или борусы, и старолитовцы зажигали перед Ивановым днем огни под липами в честь Лиго, бога весны и веселья. Всю ночь пели и плясали с припевом: «Лиго, лиго!»³

¹ Maciejow. «Pamiętn. o dziejach pism, i prawod.». Slow., ed. 1839, ч. 2, с. 63. Некоторые из писателей видят в Купале индейское божество. — Dubois. «Moeurs constitutions et cérémonies des peuples de l'Inde», t. 1 и 2, Par., ed. 1815 г.

² Такое ошибочное мнение ввел Гизель в своем «Синописе», ему последовал св. Дмитрий Ростовский (см. его «Четыи минеи») и другие писатели славянской мифологии. В наше время появилось странное мнение о происхождении Купалы, а именно г. Сабинина (см. Журн. мин. нар. просв., за 1841 г., ч. XXXI, с. 21). Он говорит, что религия в древней России была *скандинавская*, а не славянская; что Купала есть скандинавский *Бальдюр*, основываясь на том, <что> саги передают, что Бальдюр, будучи сожжен на корабле, упал в воду, а потом через несколько времени вышел Купалою из моря. Вся статья Сабинина преисполнена невероятными выводами, которые отчетливо разобраны Н. В. Савельевым-Ростиславичем (см. «Славян, сборн.», с. CXZIV—CZII).

³ Снегир. «Русск. прост. празд.» и пр., вып. IV, с. 27; v. Rhesa. «Preußische Volkslieder», ed. Königsb., 1809 г. Во многих русских простонародных песнях сохранились припевы: «Ой, дид-ладо, лели и люли». Некоторые польские писатели, считая Ладо за славянское божество, произвели на свет близнецов Лели и Полели. Нет никаких исторических памятников, которые бы свидетельствовали действительность этих богов-близнецов. Припевы: «Лели, полели, лелуя, лелью и лело», употребляемые доньше в песнях галицийских, польских и венгерских славян, сербов и проч., не доказывают еще существования богов Ладо, Лели и Полели. Они, как русские припевы: «Ой, дид-ладо, ой, люли, люли» — суть не что иное, как общепринятые для обрядовых и хороводных песен окончания. В Польше с давних времен употребляли в песнях сходное с *люли* — *лелюм, полелюм*. Польские летописцы Кромер, Стрыйковский и Гваньин говорят, что в их время подгулявшие на

Купало всего кажется правильнее производить можно от глагола купаться, потому что в это время повсюду купаются в реках... <см.> песни, например, малороссийские: «Купався Иван, та в воду упав», или венгерских славян:

Яна, Яна, на сватого Яна,
Купала се свата Ана и пр.

Эти выражения подтверждают значение Купалы. Некоторые противопоставляют этому слову – *купа*¹, *копание*, от копания кореньев и кладов, и, наконец, некоторые ищут сходства купы в индейском *купоне*².

ОЧИСТИТЕЛЬНЫЙ ОГОНЬ

Огонь, через который перескакивают, знаменует очистительный. Очистительные, или священные, огни назывались у англосаксов *nodtyr*, у датчан *midsummerstaal*, у древних немцев *ansfyr*, *nedfeuer* и *notfeuer*, кои, по их мнению, предохраняли от заразы и болезней и возжигались для умилоствления усопших теней. У финнов называли коко, то есть костер, зажигаемый ночью среди леса, по большей части на горе. В Эстляндии и Лифляндии сохранилось имя Ивановского огня. Там поселяне поют песни хором, прибавляя к каждой строке *касике*, *канике*. В VIII ст. господствовал между турингскими славянами

веселой беседе поляки пели с причитанием к каждому стиху: *лелюм, полелюм*, впоследствии изменилось это на *лелуя, эй, лелуя*. В Белоруссии этот возглас обратился в конце XVI в. в *галеле, леле* и употреблялся даже при оплакивании умершего. «Галеле, леле! И проч тий мене умарл. Ий за три немал, что исти, альбо пити? И проч ти умарл! Галеле, леле! Ий за тий немал крас ие млodziце? Ий проч тий умарл! Ой, леле, леле! Ой, леле, леле!» (Для чего ты помер? Недоставало ли тебе чего есть и пить? Для чего же ты помер? Ой, леле, леле! Не имел ли ты прекрасную жену? И ты помер! Ой, леле, леле; ой, леле, леле!) – Paul. «Piesn. lud. polsk.», с. 3; «De Russor. et tartar, religione, ritu», etc. в статье: Meletii. «De relig. et sacrificiis veter. Borussiae», с. 262, ed. 1582 г.

¹ *Купа* польское и малороссийское значит куча. Поэтому производят Купалу от кучи хвороста, зажигаемого в то время.

² Снегир. «Русск. прост. празд.» и пр., вып. I, с. 59 и вып. IV, с. 19.

Янов огонь. На острове Мальта рыцари мальтийского ордена иоанниты ходили вокруг зажженного огня¹.

ОБРЯД ПРАЗДНОВАНИЯ КУПАЛЫ, ОБЩИЙ МЕЖДУ СЛАВЯНАМИ

С древних еще времен многие юго-западные славянские племена праздновали день Купалы, как ныне. Девуцы плели венки из цветов, возлагали их на головы и, взявшись за руки, скакали около огня. У сербов ведется донныне ежегодное празднество – Иванье. Там пастухи накануне Иванова дня жгут около хлевов березовые и черешневые лыки. В сумерки зажигают уже огни и веселятся. Сербские девушки плетут венки из ивановской травы, кладут их на крыши домов и в стойла, чтобы предохранить скот от злых духов и всякого чародейства. Некогда купали истукана в воде и обливали его водою. При плетении венков поют:

Иванено цвете,
Иван я бере, те бере,
Майцы я бере у крило,
А майка скрила на землю².

В Польше с давних времен употреблялись *собутки*. Польский ботаник Мартин, который описывает собутки в конце XVI века, говорит, что девушки в его время не оставляли этот языческий обычай: приносили травы в жертву, делали венки и ими украшали себя. В этот дьявольский день, как он выражается, разводили огонь, который доставали через трение досок, чтобы празднество было точно дьявольское, в коем принимали участие сами демоны. Пели сатанинские песни, скакали, и с ними скакал от радости дьявол, которому они молились и его восхваляли, а Бога забывали. В день

¹ Снегир. «Русск. прост. празд.» и пр., вып. ГУ, с. 26 и 27.

² Раич. «Ист. разн. слав. нар.», кн. I, гл. XXI, изд. венское; Pauli «Piesn. lud. polsk. w Galic.», с. 24, ed. Lw., 1837 г.

св. Иоанна никого не бывало в церкви, потому что все проводило собутки с бесами, со всяким бесчинством. Женский пол до разведения огня ходил в поле искать разных трав, и, собранные в этот день травы имели чудесную силу. Примечательнейшие из них были: Иванов цвет, лопух, богородицкая трава и медвежье ухо. Девушки вили из них венки, пускали их на воду и гадали по их плаванью. Чей тонул, той не выйти замуж. Другие, свив венки из богородицкой травы, святили их в церкви и хранили у себя круглый год. Во время людских болезней и падежа скота поили настоем из тех же венков. Такой обычай господствовал и в червонной России.

В XVI столетии мужчины и женщины, холостые и женатые, выходили из селения с радостными песнями, разводили огонь на горе или в роще при реке, плясали вокруг и скакали через него. Девушки часто пели гадательные песни и замечали по разным приметам, исполнятся ли их сердечные желания...

Нынешние поселяне удержали в Польше и Галиции почти те же самые обычаи: там доныне еще верят, что тот, у кого болит голова, находясь при огне *собутки*, <исцелит> немедленно головную боль. Богородицкою травой запасаются для того, чтобы во время жатвы не болел спинной хребет. В других местах в день св. Иоанна Крестителя выходят поселянки до солнечного восхода на луг и расстилают по росяной траве полотняные передники. Принесши их домой, намоченные свято-ивановской росой, выжимают ее и хранят для употребления. Думают, что умывание этой росой придает лицу свежесть, красоту и прелесть. Ищут еще рано поутру два сросшихся во ржи колоса...

Чехи раскладывали Ивановские огни в собутки, которые называются в некоторых местах *купадлом* (*куполом*). Они раскладывали не только по полям, но и в городе, и нередко приносили в жертву детей. Девицы собираются теперь, накануне дня Иоанна Крестителя, на Богушову гору; раскладывают там солому, зажигают ее лучинами и потом бегают по горе: резвятся, скачут, поют и едят свои лаком-

ства. Приношение детей Купале у богемцев подтверждается еще старинной песнею:

Палиц суды к тому свице,
Около огне танцуйце,
Панны младенцум купадла давай,
А соседе добро вули мавай.

Такой же обычай скакания и в славянской Венгрии. Песни, употребляемые там при этом случае, сходны во многом с прочими славянскими. В Шариске (Saariske stolicí) поют:

Яна, Яна, на сватего Яна,
Купала се свата Анна!
— Як она се выкупала,
Так на Яна заводала:
Яне, Яне, дай ми ручку,
Неб загинем при поточку.

Яне, Яне, святы Яне!
Осветиш ты висецко зеле:
И майрам и фиялку,
Ийралтовску красну дивку.

Кто на тоту соботку не придзе,
До рочка го глава болец будзе.
Я на тоту соботечку пришла,
До рочка я бубу фришна (здоровая).

Кладземе мы соботечку,
За розмарию щопочку.
Кто на нашу соботку не прийдзе,
До рока го глава болец будзе.
Наша соботечка ясна,
При ней челадочка красна:
А Генцовска така тмавай,
А при ней челадь плуява.

Иногда девушки и парни поют попеременно:

Девушки. Червенны по гар гори,
С червенными ягодами:
А кто же го гасиц будзе,
Кедь там парубки не будзе?

Парни. Красна девочка го гасна,
У веночках воду ноша;
Кело в тым веночку воды,
Тело в девочце цноты.

Девушки. Червенны по гар гори,
С червенными ягодами:
А кто же го гасиц будзе,
Кедь там девочек не будзе?

Парни. Красны парубци го гасна,
У покретках воду ноша;
Кело в тей покретце воды,
Тело в паробках свободы.

Яне, Яне, святы Яне!
Маш ты гыру на колене,
Кебы се ти розпучила,
Соботку би загасила.

На разтаце, на потоце,
Два голубки воду пию,
Так се они догвараю:
Кого они случиц (соединить) маю?
Есть у суседа красна девка,
Треба бы то в едно случиць.
Буде то се верне лубиць,
Берне, верне, потаемне,
О рок, о два, недаремне.

При собирании ивановской росы:

Тварь (липе) моя, тварь моя квитни ми ружицкой (розами).
Будем тя имывать ту житной росичкой:

Ту житной росичкой, сбраной зарана,
Кым слнце не выйде на святого Ивана
(Пока не взойдет солнце на святого Ивана).

При резании травы в день св. Ивана:

Жала сом травичку, на Яна маличку,
Порезала сом са на мою ручинку:
Порезала сом са на малички пршток (палец).
Хцела сом одрезать на пумпаве вршток.

В Зволenske, горней Леготе, поют:

Свата Яна паля,
Черти мнихов хваля.

Там думают, что, когда жгут огонь, тогда черти восхваляют своих доброжелателей-монахов. У многих южных славянских племен владычествует поверье, что никто столько не дружит из людей с чертями, как монахи. Это поверье родилось во время насильственного крещения славян католическим монашеством. Доминиканцы и иезуиты, везде не терпимые за низкие их действия, в великом презрении у славян. В той же стране поют еще:

О, Яна, Яна ваяна!
На простред зволена
Есть липка зелена!
О, Яна, Яна ваяна!
Дай добры час почать,
А лепше докончать.
О, Яна, Яна ваяна!
О, Яно, Янечко,
Зобудь ма ранечко.
О, Яна, Яна ваяна!
Рано пред зорами,
Трома годинами.
О, Яна, Яна ваяна!

Кравы подойти;
На пасу выгнати.
О, Яна, Яна ваяна!
На пасу зелену,
На росу студену.
О, Яна, Яна ваяна!
Сватго Яна паля,
Плна дечков яма.
О, Яна, Яна ваяна!
Акы є тек місяц
Пекне огродены.
— О, Яна, Яна ваяна!
Пекныша вдовами.
Крайшима паннами.

В славянской Турции и Липтове:

Яно, Яно, ваянуо!
Прилетела голубка в час рано;
Прилетела другая,
З червеного круга;
Прилетела третья,
Зо заграды з кветя
Яно, Яно, ваянуо!

Ваянуо, ваянуо!
(Или: Яно, милы Яно!)
Зобудзай в час рано,
В час рано раничко,
Кед выйде слнецко.

В одном Липтове:

Эй, Яне наш, Яне!
Кде тя палить маме?
На бобровекой стране,
Та тя палить маме.
Кого ожениме?
Дура Штефинове,

Кого же му даме?
Мару Калинове.

В Новоградске:

Кабы я видела, кебы буде Яна,
Вербы сом накладла, на три страны огна;
Едон бы накладла од солнца восходу,
Другы бы накладла моему милему,
Моему милему, шугайку шварнему,
(пригожему молодцу).

На сватого Яна,
Кажди е пьяна:
Кед ми таке будеме,
Ай ми пиять будеме.

А я мою жену,
Заженем на войну,
На Святого Яна,
Кед буде ожрана (пьяна).

Тен тыдень, тен тыдень, по сватем Яне,
Лежими, лежими, ма мила в яме:
Смилуй са, смилуй са, над ей душецкой,
Ако са смилуе, коцур над мышкой.

Ивановский день в Ускоках (в Далмации) начинается за десять дней до праздника Иоанна Крестителя. В это время толпа поселян складывает можжевельник в кучу, которая называется коледо, и зажигает его, сопровождая танцами и песнями. Дети смотрят за огнем, чтобы он не погас и чтобы дымился можжевельный запах. Это продолжается постоянно до Иванова дня. Накануне этого праздника, который особенно отличается множеством огней, девушки и молодые женщины отправляются в сады собирать цветы и травы, из коих плетут венки и украшают ими свои головы, в том мнении, что

во год не будет болеть у них голова и самые опасные болезни не пристанут к ним.

В Силезии в день *соботы*, или *сobotки*, празднуют Ивановский огонь, который называют еще *огненным поворотом солнца*. Перед днем св. Иоанна женщины жгут огни, танцуют, поют и совершают молитвы и почести дьяволу. Приносимая ему в жертву богородицкая трава развешивается в домах и хранится как предотвратительное средство от несчастий. Огонь добывают трением досок...

...Обычай жжения огня перешел сюда от других славян. Люнебургские венды совершали языческие жертвоприношения долгое время по принятии христианской веры. При священном дереве с обрядным возлиянием и окроплением они закаливали петуха, потом предавались пляскам и песням.

У дравских вендов (между Луковым, Доннебергом и Вельценом) в высоком почитании дерева: *венечное (березовое)* и *петушиное (Hahnbaum)*. Венечное употребляется женщинами в Иванов день. Они одни только могут его рубить, возить и ставить в землю. Всякая женщина, как бы она ни была дряхла, едва могущая ходить на костыле, отправляется смотреть, где будут ставить дерево. Его рубят накануне праздника, снимают с него все ветви, оставив одну только верхушку, наподобие венка. В Иванов день берут женщины телегу, сами в нее впрягаются вместо лошадей или волов и отправляются в рощу. Ни непогода, ни дурная дорога им не <является> препятствием: они идут через болота и в воде по уши. Молодые и здоровые женщины идут возле телеги, поют и веселятся, а их матери везут. Как скоро появятся с деревом в селе, там поднимают радостный крик и спешат к тому месту, где стояло еще прошлогоднее дерево, и рубят его. Хозяин, перед домом которого оно стояло, покупает у них и дает им деньги на водку. Новое дерево ставится при торжественном восклицании: оно увешивается венками и цветами; потом выкатывают несколько бочек пива и освящают празднество. Обычай ставить дерево совершается ежегодно с особым почитанием. Люнебургские венды праздновали

Иванов день в ознаменование наступления жатвы. В огонь бросали петуха и лили пиво; потом плясали вокруг дерева и окропляли скот жертвенной водою¹.

ПОКЛОННИКИ НЕБЕСНЫХ СВЕТИЛ И ОГНЯ

В России, по введении христианской веры, упорствовали многие племена в уничтожении старых обычаев. В Ижоре, около Иван-города, Яма, Копорья, Ладоги, Невы до Каянии и Лапландии, на пространстве более тысячи верст, еще были в XVI веке обожатели солнца, луны, звезд, озер, вод, камней и гор. Исповедуя христианскую веру, они имели своих жрецов, *ардудев*, и не хотели отстать от кумиров. Митрополит Макарий посылал сюда (1534 г.) умного монаха Илию с наставительною грамотою. Жители, уверяя его в своей ревности к христианству, говорили, что не смеют коснуться идолов, оберегаемых ужасными духами. Илия зажег священные их леса, бросил в воду кумиров, удивил народ и проповедью довершил торжество веры. Пятилетние мальчики помогали ему сокрушать молельни. Сами русские усердно следовали в XVI веке многим языческим обрядам. Жители Псковской области праздновали день Купалы (24 июня) с неменьшим заблуждением: они собирали травы в пустынях и дубравах с суеверными обрядами; ночью веселились, били в бубны, играли на сопелях и гудках; молодые жены и девицы плясали и обнимались с юношами, забывая стыд и целомудрие. Памфил, игумен Елизааровской обители, с укоризною писал наместнику и сановникам Пскова (1505 г.): «Егда приходит день Рождества Предотечева, и прежде того, исходят *огавницы*, мужие и жены чаровницы, по лугам и по болотам, и в пустыни и в дубровы, ищущи смертные травы и *приветочрева*, от травного зелия, на пагубу человеком и скотом; ту же и

¹ Kollar. «Národn. Zpiew.», ч. I, с. 16–18, изд. Bud., 1834 г.; Paul. «Piesn. lud. polsk.», с. 19–21; Jan Kochanowsk. (см. *dziela jego*); Gebhard. «Fortfets. der Allgem. Westgeschichte. der neuen Zeit», ч. 33, с. 254, ed. 1789 г.

дивия корения коплют, на повторения мужим своим. Сия вся творят действием дьяволим, в день Предотечева, с приговоры сатанинскими. Егда бо придет праздник во святую ночь, мало не весь град возматется и в селех возбесятся: в бубни и в сопели и гудением струнным, плесканием и плясанием; женам же и девам и главами киванием, и устами их неприязнен клик, вся скверные песни, и хребтом их вихляния, и ногам их скакание и топание, ту же есть мужем и отроком великое падение; ту же и женское и девичье шептание, блудное им возречение, и женам мужатым осквернение, и девам растления»¹. В Стоглаве находится известие (1551 г.), что мужчины, женщины и дети перед праздником и на сам праздник Иоанна Крестителя ходили ночью по домам, улицам и водам; забавлялись бесстыдными играми, пели сатанинские песни и плясали под гусли. По прошествии ночи шли в рощу с великим криком и омывались в реке, как бешеные².

КУПАНИЕ И ХОРОВОДНЫЕ КРУГИ

Доныне близ Антониево-Дымского монастыря, недалеко от Тихвина (Новгород. губ.), простой народ купается в Дымском озере, и в нем купают больных лошадей, почитая эту воду целебную. Препод. Антоний, основавший этот монастырь в XIII столетии, совершил на этом озере чудеса, почему бывает ежегодно 24 июня Крестный ход. В том монастыре хранится железная шляпа этого угодника, найденная в Дымском озере. Около Старой Ладogi производится купание при огне, раскладываемом на горе Победнице. В Новгородской губернии этот огонь называется *живым, лесным, царь-огнем и лекарственным*. В озере Клещинском (Владим. губ.,

¹ Кар. «И. Г. Р.», т. VII, примеч. 372.

² Стоглав, гл. 41–44: «О Иване дне и в навечерии Р. Х. и Крещения сходятся мужи, жены и девицы на ночное плещование и на безчинный говор и на скакание, и бывает отроком осквернение и девам растление... и егда ночь мимо ходит, отходят к реце с великим кричанием и умываются водою, и егда начнут заутреню звонити, тогда отходят в дома своя и падают аки мертвы, от великого клекотания».

уез. Переславля-Залесского) доньне купаются и водят по его берегам хороводные круги с песнями.

Карпатские славяне моются росой до восхождения солнца и потом скачут через разложенные огни. Некоторые же карпатские и судетские девушки опоясываются цветными перевязями, головы убирают венками, сплетенными из душистых трав и цветов, и потом поют около огня хороводные песни. В Литве ходят за город мыться *росой*, а праздник Купалы, называемый там *роса*, сопровождается зажиганием огней¹.

АГРАФЕНА-КУПАЛЬНИЦА

В северо-восточных местах России праздновали вместо Купалы *Агриппину-купальницу*. Перед собиранием хлеба приносили ей жертвы и с того же времени начинали купаться в реках, потому она прозвана купальницею. Молодые люди украшались венками, раскладывали ввечеру огонь, плясали и пели в честь *купальницы*. В Архангельской губернии топят бани в день св. Агриппины, настилают пол травую купальницею (лютик), а потом купаются в реке. В окрестностях Москвы девушки парятся в банях свежими вениками, связанными из целебных трав, и готовят кашу. В Петербурге встречалось мне видеть, что старые люди накануне Агриппины-купальницы парятся свежими березовыми вениками со смесью разных жгучих и целебных трав: крапивы, лютика, папоротника, богородицкой травы, ивана-да-марьи, ромашки, мяты и полыни².

В некоторых уездах Новгород. губернии (около Старой и Новой Ладogi и Тихвина) топят на Иванов день бани и парятся травую иван-да-марья. В Нерехотском уезде (Костромской губ.) девушки собираются накануне Аграфены-купальницы к одной из своих подруг толочки *в ступе ячмень*, и это толче-

¹ Narb. «Dzieie nar. Litewsk.», т. I.

² Я спросил у одного старика, для чего это делают. «Э, барин, ты вишь и не знаешь, — отвечал он, — эти травы изгоняют всю телесную нечистоту, а Аграфена-купальница заповедала то нам».

ние сопровождается веселыми песнями. На другой день варят из него кашу, которая называется кутьею, и едят ее вечером с коровьим маслом; потом берут передние колеса телеги с осью и оглоблями, возят сидящих на оси по селению и полям, распевая до утренней росы, и в заключение умываются росой, думая, что она приносит здоровье¹.

В других местах России производили иначе празднество Купальницы и Купалы. В день св. Агриппины собирали крапиву, шиповник и другие колючие растения, клали в кучу и скакали через них не только люди, но и рогатый скот, чтобы воспретить русалкам, лешим, ведьмам и злым духам доить молоко, которое, по мнению народа, засыхает у коров после их доения. Ночью возобновляли зажженные огни, чтобы предохранить свои стада от порчи леших².

Более ста лет тому назад ижоряне праздновали в окрестностях Петербурга *Ивановский огонь* с особым отличием от других. По Рижской дороге, в 10 верстах от Петербурга, находилась липа, ветви которой сплетались с ветвями других деревьев так, что они образовывали природную беседку. Петр I не раз отдыхал в ней. Тут собирались ижорки в Аграфенин день и проводили всю ночь при разложенном огне, с пением и воплем. Напоследок сжигали белого петуха, сопровождая жертвоприношение скачками и плясками.

В других местах приносили славяне жертву с 24 по 29 июня *Куполе*, которого боготворили под видом бога земных плодов. Юноши, девицы, мужчины и женщины, украшенные венками и опоясанные травяными и цветными поясами, раскладывали огонь, плясали около него, взявшись за руки, и пели песни при перепрыгивании. В день Петра и Павла с теми же обрядами ставили качели; качались, пели, плясали и скакали на досках³. В Москве издревле праздну-

¹ Кар. «И. Г. Р.», т. 7, с. 187 – 189, примеч. 371 и 372; т. I, с. 90 – 91, изд. 1817 г.

² Guthrie. «Dissert. Sur les antiq. de Russie», с. 77.

³ Чулков. «Абевера русск. суев.». См.: *Аграфенин*, с. 1 и *Купало*, с. 228, изд. 1786, Москва.

ется на *трех горах* Иванов день. Несколько лет тому назад разводили здесь огни и пировали.

МЕСТНОЕ СОВЕРШЕНИЕ КУПАЛЬСКИХ ОГНЕЙ

Купальские огни разводятся по всей России с некоторыми местными изменениями. На Подоле и Волыни девичьи сходятся в то место, где поставлена убранная венками и цветами верба, называемая *Купайло*, и, идучи вокруг нее, поют печальные песни. Мужчины и женщины стекаются на это зрелище в праздничных одеждах; молодые парни бросают полевые цветы на то место, где ходят девушки, и потом бросаются на вербу, отнимают ее у девушек и обрывают венки и цветы.

Простой народ в Литве верит, что в ночь перед Ивановым днем ведьмы высасывают молоко у коров, но, чтобы воспрепятствовать им, втыкают по углам хлебов ветви ласточьего зелья, над дверями вешают убитую сороку и приколачивают крест-накрест кусочки сретенской восковой свечи. Другие ходят в полночь искать в лесу папоротник. Желаящий достать папоротник отправляется один в глубину леса, чтобы не было слышно пения петуха, и, пришедши на то место, где он растет, очерчивает около себя круг рябиновой палкою и садится в нем. Едва покажется цвет, он должен немедленно сорвать его, но тотчас вылетят из ада черти, будут его упрашивать, чтобы он отдал; если это не склонит его, то начнут пугать, грозить, скрежетать зубами, выть пронзительно и страшно. Но он не должен выходить из своей черты и спокойно ожидать зари. Если он выйдет за черту круга, то у него вырвут папоротник, производящий чудесное действие: владеющий им делается колдуном, знает прошедшее и будущее. В Иванов день солнце, по мнению людей, выезжает из своего чертога на трех конях: серебряном, золотом и бриллиантовом к своему супругу месяцу; в проезд свой пляшет

солнце и рассыпает по небу огненные искры, которые могут видеть только при его восходе.

Накануне субботки или Ивана Купалы не выпускают земледельцы в поле своих коней <для того>, чтобы ведьмы не ездили на них в Киев, на Лысую гору, где в то время бывает их сборище.

В день Купалы складывают костер из поношенных лаптей, онуч и лубяных вещей и зажигают их; потом скачут и поют, пока не сгорит весь костер. Когда сгорит более половины, тогда перескакивают через него парни, девицы, вдовы и женатые. Женщины приносят с собою вареники и водку и угощают веселящихся. Вареники готовят из грешневой муки и начиняют их толченым конопляным семенем и луком. После начинают танцевать около костра, бросая в него березу и конопель¹.

В Белоруссии вбивают накануне Ивана, по солнечном заходе, кол в землю; обкладывают его соломою и коноплей, а на самый верх кладут пук соломы, называемый Купало. Когда смеркнется, зажигают его, а вокруг бегают поселяне и поселянки, бросая в него березовые сучья и приговаривая:

Коб мой лен
Так великий був,
Як етая фарасина! –

то есть если б мой лен был так велик, как эта хворостина. Девушки, парни и молодые женщины поют потом:

Купала на Ивана!
Где, купала, начавала?
Купала на Ивана!
Купала на Ивана,
Начевала у Ивана.
Купала на Ивана!
Купала на Ивана,
Шо у Ивана уживала.
Купала на Ивана!

¹ Golebow. «Gry i zabaw.», ч. 3, с. 299.

Купала на Ивана
Уживала варенище у алейще.
Купала на Ивана!
Купала на Ивана,
Рыбку з перцем,
Чеснок с клейцем.
Купала на Ивана!
Купала на Ивана.

В других местах собирают ночью девушки и молодые женщины лечебные травы: лопань, былицу, яскер, полынь, руту и расходник. Не участвовавшая в забавах <из-за> домашних занятий предается грусти, и это очень хорошо выражено в песне:

Молодая, молодица,
Выйди до нас на улицу,
Разложи купальницу.
Николы мени выходиты,
Бо дитя малое,
Свекровь лежит, не колыше,
А свекруха сидыт, не дримае.
Малая ночка,
Купальничка!
Не выспалася Гануся –
Змочила хустоньку
Слезы утираючи;
Шукала шнуры едвабны,
Путала кони вороны.
Малая ночка,
Купальничка!
Не выспалася Парася –
Погнала волы хлипаючи,
Змочила огонь котячи,
Слезы утираючи;
Шукала шнуры валовы,
Путала шуры половы¹.

¹ Goleb. «Gry i zabaw.», ч. 3, с. 298 –301.

В местечке Гомеле¹, близ города Белиц (Могилевской губ.) поют:

У пана Ивана посередь двора
Стояла верба,
На верби горили свичи.
С той вербы капля упала,
Озеро стало.
В озере сам Бог купався
С дитками, судитками².

В Витебской губернии накануне Иванова дня, называемого *Яни день*, собираются по домам поселянки до солнечного восхода и убираются в самые нарядные платья. Молодые девушки надевают на голову *вайник* (род повойника из голубой материи, унизанный бисером и вышитый узорами), поверх вайника – венок из трав и цветов. В косу, развевающуюся позади, вплетают ленты, а шею повязывают цветным платком, и все так прекрасны, что каждая из них красавица. Несколько десятков пар сходятся на луг и забавляются танцами или отправляются попарно при пении песен к дому помещика. В честь его и семейства поют поздравительные песни. Помещик всем своим домом должен встретить их и угостить. От него они идут с поздравлениями к другим и весь вечер проводят в пении и играх, в коих принимают участие и парни. Иногда замужние и молодые обоего пола ожидают солнечного восхода близ зажженных смоляных бочек и пылающих костров, распевая:

Иван да Марья
На горе купалыся.
Гдзе Иван купався,
Берег колыхався;
Гдзе Марья купалась,
Трава расцилалась.

¹ Принадлежащем ныне фельдмаршалу графу Паскевичу-Ереванскому, князю Варшавскому.

² Paul. «Piesń lud. polsk.», с. 24.

Песни раздаются дотолѣ, пока солнце не *заиграет на небе*. Часто при разгуле поют под дудку:

Калиж тая серида прашла,
Як няиевши на пригон пашла,
Весь день жала, нялянилася,
Злому войту пакланилася.
А цяпержа ни о чем тужиць,
А войт пьяный у карчме ляжиць.

Ночь Купалы исполнена, по мнению простолюдинов, чародейных явлений. Рыбаки уверяют, что поверхность рек бывает тогда подернута серебристым блеском, деревья переходят с места на место и шумом своих ветвей разговаривают между собою. Утверждают еще, что, кто имеет при себе папоротник, тот может понимать язык каждого творения; может видеть, как расходятся дубы и составляют свою беседу: может слышать их разговоры про богатырские свои подвиги. Кто сорвет в эту ночь *перелет-траву*, тот будет во всем счастлив.

В Малороссии, Полтавской, Черниговской, Харьковской, Киевской и в смежных с ними губерниях, где употребляется малороссийское наречие и малороссийские обычаи, собираются накануне Ивана Купалы молодые девушки в праздничном наряде к дереву марене, черноклону или другому какому-либо срубленному; головы девушек тогда увиты венками из кануфера, любистока, зирока, божьего дерева, секирок, барвиночек, василька, мяты, руты, резеды и других душистых трав; шапки молодцов, надетые набекрень, украшаются ими любимую душистой травой. Когда сойдутся для празднования, в коем принимают иногда участие и молодые женщины, тогда девушки после взаимных приветствий берутся за руки, ходят вокруг дерева и поют:

Ой, мала ничка, Петривочка,
Не выпалась наша дивочка!

Не выпалась, не наигралась
С козаченьком не настоялась.
К чреди шла, задремала,
На пеньки ноги позбывала,
На шпички очи повыймала.
Авже коровы у дубровы,
Авже телята пасут хлопьята,
Авже вивцы на крутой гирцы.

За этим расходятся в разные стороны, и одна из девушек берет соломенную, одетую в женское пестрое платье куклу, ставит ее под дерево; другие девушки убирают ее голову лентами, очипком и украшают шею наместом. Это чучело называется *Купалою*. В других местах ставят просто соломенное чучело с деревянными руками, на кои вешают венки и женские украшения. *Куполу* обкладывают кучей соломы с крапивою и зажигают; потом, друг после друга, перескакивают через огонь и поют:

Ходыли дивочки около мареночки,
Коло мое водыла Купала;
Гратыми сонечко на Ивана.
Накупався Иван, та в воду впав.
Купала пид Ивана!

В Махновском уезде (Киевской губ.) ставят девушки вечером дерево в землю, которое украшают цветочными венками и при пении зажигают вокруг него огонь. В Полтавской губернии делают вечером под Иванов день чучело из соломы, называемое *мара* (призрак), носимое и при начале весны. Его несут к воде при пении или, наложив груды жгучей крапивы, перескакивают через нее босыми ногами, а после раскладывают огонь и прыгают через него. Где есть поближе река, туда бросают чучело вместе с венками или развешивают венки на дереве. Иные несут домой свои венки, вешают их в комнатах и хлевах для охранения себя

и домашних животных от нечистой силы. При перескакивании через огонь поют:

Купала на Ивана!
Купався Иван,
Та в воду упав.
Купала на Ивана!

Иные скачут через огонь в венках. Домохозяйева с ночи на Ивана Купала оставляют телят ночевать вместе с коровами, чтобы ведьмы не портили дойных коров, а в хатах кладут на окошках жгучую крапиву, которая будто бы не пускает нечистый дух в избы. Когда несут или убирают Купало, тогда поют:

Та йшли дивочки и тояго дочки,
С тий вода чорна хмара на долини пала.
На улицы Купала на Ивана!
А в перипилочки нижки ни велички,
Й на гору не зойде, на долини не стане, Купала на Ивана!
Сего дня Купала, а завтра Ивана,
Чим мени, моя мати, торговаты?
Повезу я свекорка продаваты,
Ридного батынька куповаты.
Здешевыла свекорка, здешевыла,
Ридного батынька не купыла!
Сего дня Купала, а завтра Ивана,
Чим мени, моя маты, торговаты?
Повезу я свекруху продаваты,
Ридну матыньку куповаты.
Здешевыла свекруха, здешевыла,
Ридней матыньки не купыла!
Сего дня Купала, а завтра Ивана,
Чим мени, моя маты, торговаты?
Повезу я диверка продавати,
Ридного братынька куповаты!
Здешевыла диверка, здешевыла.
Ридного братынька не купыла!

Сего дня Купала, а завтра Ивана,
Чим мени, моя маты, торговаты?
Повезу я зовыцю (золовку) продаваты,
Ридную сестричку куповаты.
Здешевыла зовыця, здешевыла,
Ридней сестрицы не купыла!

В некоторых местах Малороссии сажают под срубленным деревом марены вместо чучела дитя, которое убирают цветами и венками. Девушки, убрав его, развешивают свои венки на дереве и потом, взявшись за руки, ходят хороводом и поют.

Стояла ту поля, в край чистаго поля,
Стий ту полинько, стий, не розвивайся!
Войному витроньку не поддавайся.
На нашей ту поли чотыре сокола:
Первый соколко, молодой Иванко,
А другий соколко, молодой Николко,
А третий соколко, молодой Михайло,
Четвертый соколко, молодой Василько.

Ой! Купалочка купалася,
Та на бережку сушилася,
Тай тому люди дивовались.
Ой, не дивуйтесь сему люди.
Бо я бачила дивнийше:
Щука-рыба красно ткала,
А рак на буйрак цивки сучит,
А муха-горюха дижу мисит,
Комар пищит, водицу несет.

Пропев купалочные песни, бросают марену в воду. Когда же сами купаются, тогда топят марену в реке. После купанья угощают друг друга приготовленными закусками и, наконец возвращаются домой с веселыми песнями. В иных местах молодые обоого пола купаются в реках перед закатом солнца. Вечером раскладывают огонь на полях и на горах. Девушки и мужчины, взявшись за руки, прыгают попарно через огонь.

Если при <прыжке> не разойдется пара, то это явная примета, что она соединится браком. Веселые рукоплескания сопровождают скачущих, и непременно до последней пары. Потом поливают огонь водою и после идут домой толковать о своих венках, не забывая петь дорогою:

Ой, не стий, вербо, над водою,
Та не пускай зилье по Дунаю.
Ой, Дунай, море розливае
И день и ночь прибувае,
В вербо корень подмывав,

А сверхи вершок усыпае,
Коло верби листья опадае,
Стань соби, вербо, на рыночку,
У крищатому барвиночку,
У запашном васильку.

Наши подояне церковь збудовали,
Не так збудовали, як намалевали.
Та намалевали три мисяцы ясных:
Ой, первый мисяц, молодой Иванко,
А другой мисяц, молодой Василько,
А третий мисяц, молодой Михайло.
Наши доляне церковь збудовали,
Не так взбудовали, як намалевали
Та намалевали три зирочки ясных,
Три дивочки красных –
О, перва зирочка, млада Маричка,
А другая зирочка, млада Ганочка,
А третья зирочка, млада Варичка.

Сонце сходе, играе,
Иванко коника сидлае,
На стрименочки ступае,
На сиделечко злегае.
Тяжинко, важинко вздыхае,
А его батинько пытае:
– Що ты се, сыночек, гадаешь?

На що ты, коника, сидлаєшь?
– Що тобі, батинько, до сего,
Сидлаю коника не твоего –
Пойду до тестя до свого.
Пушу я коника по двору,
Своему тестиви на хвору.
Ой, у моего тестя новый двирь,
И барвиночком сшили двирь,
И василечком мели двирь,
Щоб мене тещинка хвалила,
Щоб мене дивчина любила.

Ой, чие жито под горой стояло?
Иванкове жито под горой стояло,
Пид горой зелененько, по мисяцу видненько,
Молода Маричка ходы жыто жаты.
Як я тебе возьму, жыты жаты научу.
Пид горой зелененько, по мисяцу видненько,
серденько.

Ой, вербо, вербо, вербиця!
Час тобі, вербиця, розцвитця.
Ой, ище ни час, ни пора.
Час тобі, Иванку, женицься.
Ой, ище ни час, ни пора,
Еще ж моя дивчина молода.
Та нехай до лита, до Ивана,
Щоб моя дивчина погуляла:
Та нехай до лита, до Петра,
Щоб моя дивчина пидросла¹.

Иване, Ивашеньку,
Не переходь дороженьку.
Иване, Ивашеньку!
Як перейдешь, виноват будешь.
Иване, Ивашеньку!

¹ Снегир. «Русск. простонар. празд.», вып. IV, с. 47–50. Эти песни были сообщены ему проф. Харьков. универ. г. Артемовским-Гулаком, которому достоверно известно, что они поются на Ивана Купала.

Зроблю тобі у трех зильях,
Иване, Івашеньку!
Прийшлося дівкам за Дунай плисти.
Иване, Івашеньку!
Вси дівочки переплыли.
Иване, Івашеньку!
А сироточка утонула,
Иване, Івашеньку!
Дошли слухи до мачихи,
Иване, Івашеньку!
Та не жаль же мені дочки,
Иване, Івашеньку!
Та не дочки, падчериці,
Иване, Івашеньку!
Жаль плахоточки крещаточки,
Иване, Івашеньку!
И запасочки синяточки.

Торох, торох, по дорози!
Що за гомон по дуброви?
Ой, брат сестру вбивать хоче!
Сестра в брата прохалалася:
– Мій братечку, голубчику,
Не вбивай мене в лисочку;
Убий мене в чистом поли.
Ой, як убьєшь, поховай мене;
Обсады мене трема зильями:
Першим зильєм гвоздичками,
Другим зильєм васильками,
Третім зильєм, стрилочками.
Дівочки идут, гвоздички рвут,
И мене зпомянут;
Молодиці идут, василечки рвут,
И мене зпомянут;
Паробочки идут, стрилочку рвут,
И мене зпомянут.

А в борку на клинку,
Чий же то лен, да не полотый?

То Марусин лен та не полотый.
Чому ж вона та не выполола?
То за сим, то за тым,
То за сном товстым.
Ой, чия ж то синожат та не кошаная?
То Грыцькова синожат та не кошаная.
То за сим, то за тым,
То за сном товстым¹.

ИВАНОВСКАЯ НОЧЬ

Ивановская ночь считается в Малороссии страшной ночью. Там думают, что в это время хаты и скотные загоны посещаются ведьмами и вукулами (оборотнями). Для отвращения их посещения раскладывают по окнам, порогам и стойлам жгучую крапиву или папоротник. Одни яги-бабы², колдуны и киевские ведьмы, которые собираются тогда во множестве, летают на помеле на Лысую гору, или чертово *берепище*, находящееся под Киевом, где они советуются на пагубу людей и домашних животных. В Иванов день не выпускают коня в поле, думая, что чародейка заездит его.

СВОЙСТВО КУПАЛЬСКИХ И ЧАРОДЕЙНЫХ ТРАВ

С совершением купальских обрядов неразлучны некоторые травы как предохранительные средства от болезней и злых духов или как имеющие особую силу заколдовывать

¹ Максимов. «Малор. песн.», с. 164–167, изд. 1827 г.

² У венгерских славян находится поговорка о яге-бабе:

Ензи баба,
Стара баба!
Ты машь зуб костены,
Дай ми за нь железны.

и открывать тайну. К таковым принадлежат: *колюка, папоротник, или кочедыжник, тирлич, плакун, дурман, адамова голова, болотный голубец, ревенка, одолень, земляника, перенос, на-сон, разрыв, перелет, иван-да-марья, будяг-чертополох, подорожник, лопушок, купаленка, медвежье ушко, богатынька, чернобыльник, лютик, архилин, муравьиное масло, медяница, или курячья слепота, и петров крест.*

Колюка собирается в Петров пост в продолжение вечерней росы, с великим рачением не одними поселянами, но и чародеями. Она засушивается и хранится в коровьих пузырях. Дается за великую тайну стрельцам, которые думают, что окуренное колюкою ружье стреляет всегда впопад и сама чародейская сила не может заговорить его.

Папоротник, или кочедыжник. Его срывают в канун Иванова дня, ночью, с особенными обрядами и заговорами. Думают, что он только в это время цветет, однажды в год, и огненным цветом. Я не слышал, чтобы кто похвалился, что ему удавалось отыскать этот чудесный, всемогущий цветок, потому что он охраняется адскою силой. Это поверье основано на том, что папоротник образует невидимое цветение. Кто отыщет расцветший кочедыжник, тот величайший счастливец. Он может повелевать всем без исключения: перед ним бессильны цари и мощные правители, и сами нечистые духи в его распоряжении. Он может знать, где скрываются клады, входит беспрепятственно в сокровищницы, лишь стоит ему приложить цветок к железным запорам и замкам — все рассыплется перед ним! Он может открыть себе свободный вход к всем красавицам, принимая на себя образ невидимки или какой захочет, словом, нет ничего для него, что бы не было ему недоступным или невозможным. Как цветет папоротник и какие принимаются средства для получения его, об этом так рассказывают знахари. Из широколистного папоротника является цветочная почка и поднимается постепенно: она то движется, то останавливается и вдруг зашатается, перевернется и запрыгает, как живое. Иные даже слышат голос и щебетание, и все это делает ад-

ская власть, чтобы, пугая людей, не допустить их до цветочка. Когда созреет почка, тогда наступает ровно 12 часов ночи: она разрывается с треском, вся покрывается огненным цветом; глаза не могут вынести — так пышет от него жаром! Вокруг и вдали разливается яркий свет, и только невидимая рука срывает его. Ищущий цветок очерчивает около папоротника круг, становится в нем и, произнося заговор, ожидает полночи. Надо, чтобы решившийся на такой поступок был неустрашимым и переносил безбоязненно все привидения. Если он отзовется на голос или поворотится к призраку, то лишится жизни. Злой дух сорвет с него голову вместо папоротника и пошлет его душу в ад на мучение за то, что дерзнул похитить цветок, составляющий украшение ада.

Тирлич срывается одними ведьмами и чародеями на Лысой горе (под Киевом) только накануне Иванова дня. Из тирлича ведьмы выжимают сок и употребляют его для своих чар, особенно против гнева властей¹.

Плакун достается в Иванов день при утренней заре. Тот может наводить страх на всех, кто владеет им. Его обыкновенно имеют только чародеи. Особенная сила его состоит в корне, который гонит нечистых духов и смирят их. В некоторых местах суеверие к плакуну доходит до сумасбродства. Чародей, войдя в церковь с корнем и став у алтаря лицом к востоку, произносит заговорные слова: «Плакун! Плакун! Плакал ты долго и много, а выплакал мало. Не катись твои слезы по чисту полю, не разносись твой вой по синю морю. Будь ты страшен злым бесам, полубесам, старым ведьмам киевским. А не дадут тебе покорища, утопи их в слезах; а убегут от твоего позорища, замкни в ямы преисподние. Будь мое слово при тебе крепко и твердо век веком». Почитая корень за чудесную силу, суеверы носят его при

¹ Некоторые солдаты, чтобы отклонить от себя гнев своих отцов-командиров, прибегают к следующему предрассудку. Кладут в сапог пучок соломы и носят его сутки, потом переворачивают пучок и носят еще сутки, наконец, на третий день, вынув пучок из сапога, кладут солому на перекрестке, приговаривая: «Как расходятся эти дороги на четыре стороны, так разойдитесь гневные мысли против меня, моего отца-командира».

себе на кресте. Тогда человек, по их мнению, не попадется ни в какие искушения дьявола и ни в какие недуги. Повесив же сделанный из плакуна крест на бесноватого, верят, что этим способом можно изгнать поселившегося беса. Утверждают еще, что беснующиеся, увидев корень, вскрикивают, мечутся во все стороны и страшно режут, когда надевают на них крест из плакуна.

Дурман. Если кто, срывая дурман, сделает какое-нибудь странное движение, например перекувырнется, и потом бросит его на каменку в баню, то все находящиеся в ней станут кувыркаться.

Адамова голова. Растет кустом около болот, вышиною в $\frac{1}{2}$ арш. Цвет этой травы синий, багровый и темно-желтый, листья в ладонь и шершавые. При срывании крестятся и читают молитвы: «Отче наш, помилуй мя, Боже, и Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй меня». Все это читается, пока не сорвется трава, которая, по мнению суеверов, исцеляет испорченных и разрешает роды. По освящении корня адамовой головы надобно носить его с собою, и тогда будут видимы дьяволы и колдуны. Кто будет его носить на голове, тот будет получать подарки. Для разрешения от бесплодия варят корень в козьем молоке и дают пить.

Болотный голубец. Он похож на крапиву, имеет пушистый белый цвет. Кто хочет ходить на медведей, <тому надо пить> взвар из голубца натошак с уксусом и медом, тогда ни один медведь не избежит охотника, а сам охотник не будет бояться зверя.

Ревенька. Она стонет и ревет по зорям, отчего получила свое название. Растет подле воды и часто в самой воде, вышиною от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ арш. Цвет ревенки красноватый. Кто хочет хорошо плавать и никогда не утонуть, тот <должен> держать при себе корень ревенки.

Одолень. Он растет по каменным местам, близ воды и рек; высота его в $\frac{3}{4}$ арш., цветок темно-желтый с белыми листочками. Отвар одоленья дают пить отравленным и от зубной боли. С корнем одоленья пастухи обходят свое стадо три раза,

и тогда стадо не разбегается. Дают еще пить отвар тем, кого хотят заставить полюбить или привлечь кого-либо к себе.

Земляника. Кто хочет занимать деньги в долг, тот <должен> положить в карман травы земляники и идти смело к первому ростовщику или к кому хочь – отказа не будет. Чтобы сделаться отличным охотником и стрелком, надобно носить при себе эту траву.

Перенос. Чтобы быть честным, носи с собою эту траву. Перенос растет близ рек, болот и пара. Века протекли, и никто не знал чудесной травы, могущей делать людей честными.

На-сон. Корень травы, называемой на-сон, нужно сварить в воде и пить с медом: от дурного глаза, сонной грезы и всякой скорби. Траву на-сон имеет листки узенькие, вверх строчки, корень белый; растет на ровных местах.

Разрыв, известный у немцев под именем корня прыгуна (Springwurz), называется у нас прыгун, прыг и скакун. Его отыскивают в Иванов день одни чернокнижники, и всякий может достать его, у кого есть плакун и папоротник. Свойство разрыва: разрывать железные запоры, ломать сталь, серебро, золото и медь на мелкие куски одним прикосновением к ним. Искатели кладов покупают разрыв у чернокнижников за великие деньги, чтобы открыть сокровища, но проданный разрыв не помогает покупателям, и они никак не хотят думать, что их обманули, и приписывают бессилие вмешательству дьяволов. Повсюду носятся рассказы, что в ямах зарыты великие сокровища, хранимые под железными запорами, и что нечистая сила закрывает к ним вход своей спиною, усаженной иголками. Для уничтожения этих преград недостаточно человеческой силы: надобно прибегнуть к разрыву. Рассказывают еще, что воры особенно употребляют эту траву: они подрезают тело под ногтем пальца и кладут туда разрыв и думают, <что> когда прикоснутся пальцем до запоров или замков, тогда непременно падут запоры и отомкнутся замки. Сохранилось поверье о нахождении разрыва. Отыскав гнездо дятла, следует летом вколотить гвоздь под деревом, потом разостлать внизу дерева полотно. Поутру будет принесен сюда

разрыв самым дятлом и положен на полотно. Но бывает, что мужики подкашивают разрыв. Это узнается тем, что коса, попав на траву, переламывается. Чтобы распознать чудесную траву, они собирают все скошенное и бросают в воду: какая трава выплывет наверх, то разрыв.

Перелет-траву, или летающая трава, имеет силу переноситься с места на место, и кто успеет сорвать цветок, тот будет счастлив всю жизнь. Цвет перелета состоит из радужных красок и ночной порою блестит, как звездочка.

Иван-да-марья. Кто хочет ускорить от погони или лететь молодецки на кляче, тот носи при себе цветок иван-да-марьи. Иные дают пить сок, выжатый из этого цветка, чтобы возвратить слух или потерянный ум.

Будяг-чертополох. Из стебля какой-нибудь травы делают вилочки и прищипливают ими чертополох к земле, говоря: если сгонишь червей с моей скотины, то отпущу тебя.

Подорожник (*plantago latifolia*, Lin.) Натри ноги подорожником и никогда не устанешь, ходя пешком.

Лопушок. Кто хочет воровать ночью, чтобы даже и собаки не лаяли, надобно носить лопушок с собою.

Купаленку (*trollius europaeus*), *медвежье ушко* (*ferbasium*) и *богатенку* (*erigeron acre*) ищут новгородские поселяне в лесу и ими украшают внутреннее <убранство> своих изб (стены и образа) и загадывают, кому как долго жить на свете. Чей цветок в избе завянет прежде, тому умереть в тот год или быть хворым.

Чернобыльник отрывают простолюдины с особыми заговорами. Корень его стараются найти под земляным углем. Корень и уголь, по мнению народа, исцеляют падучие болезни и черную немочь.

Люттик, в простонародье купальница, собираемая перед днем Аграфены и употребляемая в банях для изгнания нечистот, известна еще под именем *лютотоу корня* и *лютой травы*; их собирают накануне Купалы, и слынут целебными.

Архилин растет при большой реке и был известен только нашим предкам. О нем они оставили следующее известие: кто

рвет его в день Иоанна Крестителя через золотую или серебряную гривну и носит при себе, тот не будет бояться ни злого человека, ни еретика, ни дьявола.

Муравьиное масло. Оно вынимается из муравьев и сливается в стеклянную посуду; употребляется как целебное средство от многих недугов. Муравейники и его сок предписываются самими врачами как лучшее средство от ревматических болезней.

Медяница, или куриная слепота. По мнению народа, она срыгается невидимой рукою и знахарями; наводит мертвый сон на того, кто держит ее при себе, потому мстительные суеверы дают пить из нее отвар. Думают еще, что она лишает зрения, кто ее положит себе под голову. Некоторые утверждают, что медяница вырастает из гниения зловредных гадов, что она растет слепую, получает зрение только в Иванов день и, когда увидит человека или другое животное, тогда бросается на него стрелою и пробивает его насквозь¹.

В одной сербской песне объяснены семь чародейских трав, которые производят чудесное действие, но примечательнейшие из них суть трава колопер (канупер) и любисток (заря).

Первая испытывает верность женщин, а вторая внушает им постоянную любовь. Вот исчисление свойств трав:

Милолица, да ее милуемо,
Колоперо, да ме не атера;
Любицице, да ме свагда люби;
Каранфила, да ее не каралю;
Чубра цвета, да ме добро чува;
Боснока, да м'не смете ока;
А невена, да му срце вене.
Самдокаса и околочена².

Петров крест, который так назван потому, что корень его имеет вид креста и собирают его под Петров день. Он упо-

¹ Устные рассказы.

² «Српске пјесме», изд. Карадж., ч. I, с. 349.

требуется для отыскивания кладов, и тот человек, который носит его при себе, бывает счастлив всю жизнь.

Растет еще какая-то безыменная трава, которую знают одни только чародеи и ведьмы, но они скрывают ее от людей. Свойство этой травы: кто носит ее при себе, тот знает мысли каждого, где бы он ни находился, даже предугадывает, кто что замышляет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из собранных сведений о Купале видно, что празднество его сопровождалось зажиганием огней, перескакиванием через огонь, купанием и собиранием целебных и предохранительных трав.

Когда в. к. Владимир I хотел окрестить в один день славяно-русский мир, тогда предки наши не могли покинуть вдруг своих поверий и к понятиям христианским присоединили свои суеверные, еще сильно тогда господствовавшие. Это есть одна их главнейших причин, почему во всей Европе и во всех тех местах, где силой вводили евангельское слово, противопоставляли силе силу и охотно оставались при старых верованиях, как бы они ни были ложны, потому единственно, что так чтили их отцы и праотцы. «Неужели наши деды были столь глупы, — говорили проповедникам упорствовавшие в идолопоклонстве, — что они не знали, во что верили? Не хотим нововведений, не хотим новой веры! Наши боги хранили нас от всех бедствий, а вашего Бога мы еще не знаем». Таинственная природа увеличивала их рвение к поклонению небесным светилам и обыкновенным физическим явлениям, для них непостижимым. Сильный жар солнца в течение июня и июля, переход его через черту летнего равноденствия, созревание плодов, цветов и трав, особенно тех, которые собирались для врачевания; речные и здоровые воды, в коих купались ослабленные; утренняя и вечерняя росы, коею умывались для придания свежести лицу и облегчения головных болей, все это приходилось в такое время, когда природа действовала

целебно на все живущее. Посему немудрено, что наши предки невольно изобрели особый праздник Купало, который впоследствии изменился значительно.

В иных местах Купало выходит из употребления, а в других едва уже известен как темная память по усопшим. В Малороссии, Белоруссии, Литве доселе в употреблении зажигание и скакание через огни со свойственным им пением. В прежние времена самая Ивановская ночь была страшная и таинственная; с нею соединялись гадания венками, решавшими судьбу девиц, а теперь они служат для одной забавы; прежде оказывали Купале чествование, а теперь сжигают его как чучело.

VIII. ЯРИЛО

ТЕМНЫЕ СВЕДЕНИЯ О ЯРИЛЕ

Остатки языческих празднеств так затемнены местными изменениями, что трудно добраться до их начала — к числу таковых принадлежит Ярило. В какое время он появился у нас? Какие оказывались ему почести? На это нельзя отвечать положительно. Известно только, что он сопровождался буйными веселостями в Костромской, Тверской, Нижегородской, Рязанской, Тамбовской и Воронежской губерниях, быть может, и во многих других местах. Во Всесвятское заговенье или во Всесвятское воскресенье его увеселение составляли кулачные забавы, игры и ярмарочные сходбища¹.

Слово *Ярило* созвучно по окончанию со многими иноземными словами: с санскритским *ари*, греческим *арис*, означающими враждебность. В песне «Песне о полку Игоря» встречается название *яр тур*. Между иллирийскими и венецианскими божествами находятся яр и Яровид². *Тур* у гре-

¹ «Труд. общ. любит. рос. слов.», ч. XX.

² Кар. «И. Г. Р.», т. I, с. 87 и 88.

ков, скандинавов, финнов и славян был идеалом крепости и ярости. Если Ярило или Ерило производить от собственного его слова, то он выражает ярого, буйного. Некоторые думают, что Ярило – греческий Эрос, бог любви и страсти¹. Ярило, выражающий время ярости животных, известен был у словаков, чехов и поляков под именем *яр*, который означает также зеленый и ранние посевы хлебов: *яровой* и *ярина* и соответствует животворной весне. Когда все растущее приходит в яр, то есть покроется зеленью, тогда животные *ярятся*. Посему неудивительно, что *Ярило* праздновался в иных местах как животворная сила природы в Славонии, Богемии и Польше, а в других – как предмет неукротимой страсти. Из всего этого заключить можно, что он соединял в себе свойства плодотворной силы. Откуда же он перешел в Россию и в какое время? Это вовсе неизвестно. Некоторые думают, что Ярило есть идол *Ярун*². Но из всех указаний на славянские божества мы не находим в их числе Яруна.

ЧЕСТВОВАНИЕ ЯРИЛЫ

Одно только местное чествование могло считать его своим божеством, и это подтверждается тем, что доселе в Костроме Всесвятское заговенье и гулянье называют *яриловым*. Из местных воспоминаний о нем удерживались там некоторые суеверные и языческие забавы, совершавшиеся в честь Ярилы. В Костроме отправляли еще погребение в честь *Ярилы* на Всесвятское заговенье. Там старик, одетый в изорванное платье, нес во гробе куклу *Ярилы*, которая изображала мужчину со всеми естественными его частями. Пьяные женщины провозжали ее с рыданиями и потом зарывали в землю.

Я видел в Малороссии обряд, еще в юношеские мои годы, который обращал на себя особое внимание. После Всесвятского заговенья сходились пополудни женщины и казаки, чтобы погулять у шинка. Там они пели и плясали

¹ Снегир. «Русск. прост. празд.», вып. IV, с. 52.

² Макаров. «Русск. праздн.», изд. 1818 г.

до вечерней поры, потом по заходе солнца выносили на улицу мужское соломенное чучело со всеми его естественными частями и клали во гроб. Развеселившиеся от спиртуозных паров женщины подходили к нему и рыдали: «Помер он! Помер!» Мужчины сходились на этот вопль, поднимали чучело, трясли и произносили: «Эге, баба не бреше! Вона знае, що ий солодче меду». Женщины продолжали вопить: «Який же вин був хороший, да який услужливый». Смотрели на него любовострастно и говорили: «Не встане вин билипе! О, як же нам расставатися с тобою! И що за жизнь, коли нема тебе. Приподнимись хоть на часочек! Но вин не встае и не встане». После продолжительных и многообразных поговорок уносили чучело и хоронили. Погребение заключалось закускою и попойкою.

В Галиче и Кинешме (Костромской губ.) молодые девушки и парни забавлялись некогда над упоенным стариком, представлявшим Ярилу, и в то время хороводные игры сопровождали их забавы; но каждая девушка не прежде вступала в хороводный круг, пока не отвесила поясного поклона старику Яриле¹. В Рязанской и Тамбовской губерниях празднество Ярилы приходилось тоже в день всех святых или на другой день Петрова дня, во Владимире на Клязьме – в Троицын день, в Нижегородской губернии – 24 июня, в день ярмарки². В Твери оно начиналось в первое воскресенье после Петрова дня в Тресвятском саду на речке Лазуре. Молодые женщины, девушки и парни собирались сюда плясать *бланжу* под балалайку или торбан. *Бланжа* – особый танец, похожий на кадрили, и тут было раздолье влюбленным. Матери охотно отпускали своих дочерей на Ярилино гулянье, как они говорили, поневеститься³. Женихи высматривали невест, а невесты женихов, но, однако, происходили дурные последствия от поневестивания. Во время Ярилиного разгула дозволялись обнимания, целования, совершавшиеся под

¹ Снегир. «Русск. прост. праздн.», вып. IV, с. 55 и 56.

² «Труд. общ. люб. русск. слов.», ч. I.

³ «Литерат. приб. к «Русск. инв.», 1838 г., № 35.

ветвистыми деревьями, которые прикрывали таинственные ощущения. Против этого сильно восставали архиепископы Мефодий и Амвросий, и только их ревностью прекращены Ярилины веселости. В Воронеже существовало долгое время народное игрище – Ярило (до 1763 г.). Оно совершалось перед заговеньем Петрова поста.

Там накануне ярилина игрища готовились закуски и праздничные одежды, и потом, с рассветом, двигались толпы за город на большую площадь, расположенную вне московской заставы. Молодые девушки наряжались одна другой лучше: красные чоботы (сапоги), разноцветная запаска с широкими рукавами, белая рубашка и пук разноцветных лент, вплетенных в косу, возвещали годовое и торжественное празднество. Молодцы также не упускали случая, чтобы выказать свои щегольские одежды. Пожилые и старые равно принимали участие в предстоявшем веселии. Торговцы заблаговременно разбивали на выгоне палатки и раскладывали на столах лакомства, игрушки и мелочные товары. Это веселие составляло смесь ярмарочного с шумным праздничным гуляньем. Песни, пляска и музыка сопровождали общее разгулье. Среди этих забав наряжали одного мужчину в пестрое платье, убирая его цветами и навешивая на него ленты и бубенчики; на голову его накладывали высокий бумажный, с петушиным султаном, колпак, который раскрашивался фантастическими изображениями; лицо его чернили или наводили румянами, в руки давали побрякушки и колотушку. Дети с барабанным боем возвещали Ярилово шествие. Толпа гулявших стекалась к этому зрелищу. Он преважно расхаживал на площади и плясал; к нему присоединялись другие плясуны, которые угощали его пряниками, маковиками, пирогами, одним словом, всем тем, что приносили для своего разгула. Когда все увлекалось веселием, тогда составляли произвольные игры; от них переходили к молодецким – к кулачным боям, которые весьма часто оканчивались смертоубийством. Епископ Тихон, называя эти забавы бесовскими, говорил, что был некогда древний истукан Ярило, что праздник в его еще время назывался игрищем, ко-

торое велось издавна, и что люди ожидали этого праздника, как годового торжества. Оно начиналось в среду или в пятницу по сошествии Св. Духа и оканчивалось в первый понедельник. Тихон, епископ Воронежский, искоренил этот обычай¹.

Во многих местах России совершаются поныне в день Всесвятского заговенья некоторые суеверные обряды и увеселения, и это подало многим повод думать, что эти игры, вероятно, суть остатки Ярилова игрища, называвшегося бесовским. В Стоглаве суеверные игры названы *бесовскими потехами*, но из них нельзя заключить, чтобы они относились к Яриле. Церковь называла все то *бесовским, беззаконным, скаредным*, что было противно христианским постановлениям и чистоте нравственной.

IX. ОБЖИНКИ

ПРИНОШЕНИЕ ПЕРВЫХ ПЛОДОВ В ХРАМ

Обыкновение совершать праздник при созревании хлеба было во всех странах света, древнего и нового. Наши предки славяне, когда сделались земледельческим народом, соблюдали долгое время жатвенные обряды и даже отправляли их с торжественными угощениями, особенно во время уборки хлеба. Доселе остались следы этих обычаев, и это доказывается тем, что поныне во многих местах во время и после жатвы приносят в церковь для освящения первые снопы и печеный хлеб от первого умолта, первые соты меда и первые созрелые плоды². В Малороссии делают при этом случае кутью из риса, которую украшают цветами и благоухающими травами и приносят ее в церковь для освящения с плодами и медом. Во всех

¹ Изустные известия. Митрополит Евгений «Опис. жизни и подв. Тихона, еписк. Воронежского и Елецкого»; Описание игрища см. еписк. Тихона проповеди, говоренные им в Воронежской епархии (СПб., 1784 г. и 1794 г.).

² Моисей поставил евреям в священную обязанность, чтобы они приносили первые плоды. (Кн. 3 Моисея, Левит, гл. 23, с. 10–41.)

тех местах, где занимаются разведением пчел, вменяется обычаем в обязанность, чтобы каждому хозяину приносить в церковь первые медовые соты. То время, в которое собирают там мед, называется *пасычным* и *пасиковым*¹.

Арконские славяне по уборке хлеба приносили жертвы в честь Святовиды. В день его праздника народ толпился у ворот и вокруг ограды храма Святовиды. Верховный жрец закалывал одного из домашних животных и преподавал наставление народу. На другой день отворялись двери храма, и народу показывали рог Святовиды. Если меда ubyло в нем в течение года, то предсказывали будущий неурожай и собирали запасы на следующий год. Затем жрец выливал остаток меда к ногам истукана и снова наполнял рог. После приносили испеченный пирог в рост человеческий. Жрец, став за пирог, спрашивал у народа: видит ли его? Если народ отвечал, что его не видит, то жрец изъявлял желание, чтобы и в будущем году он мог укрыться за пирогом – это значило пожелание лучшего урожая. Жрец снова поучал народ; потом наступало пиршество и всякого рода забавы, в коих умеренность и воздержание почитались стыдом².

ЗАЖИНКИ В БЕЛОРУССИИ

В Белоруссии освящались после жнива хлевы, гумно и поля. Еще в конце XVI в. (1581 г.) совершались там многие

¹ *Пасика* – южнославянское слово, означает место, в коем пчелы производят мед. На русском языке такое место именуется пчельником, а время собирания – пчельным. Пора созревания зернового хлеба и плодов называется в простонародии жнивною, то есть жатвенным временем.

² Булгар. «Россия», ч. 2, с. 138–139; Кар. «И. Г. Р.», т. 1. У древних болгар пекли хлеба такой величины, что одного было довольно для накормления десяти человек. Епископ болгарский Феофилакт рассказывает, что один человек был одержим такою прожорливостью, что десять хлебов болгарских не насыщали его. (См.: «Новый источник для болгарской истории IX в.», помещ. в «Славянск. сборн.» г. Савельева-Рос-тиславича, с. 40–41 и 55.) В «Новом источнике для болгарской истории» указано на открытие доселе во все не известного сочинения епископа болгарского Феофилакта, но только не решен спор: к какому веку приписать должно? К IX или XI веку?

языческие обряды. Один современный писатель, бывший свидетелем заживных обыкновений, передал нам известие. В день Георгия осеннего (26 ноября) обитатели в Поруссии (нынешней Пруссии), Самогитии, Литве, Белоруссии и Лифляндии приносили жертвы богу Пергрубию (Pergrubium), коего считали покровителем цветов, растений и хлебородия. Жрец, называемый Вуршайтен (Vurschayten), держа в правой руке чашу, наполненную вином, обращался к божеству от имени благодетельных духов, возносил его похвалами и говорил: «Ты изгоняешь зиму и возвращаешь нам радостную весну. Поля и сады, рощи и леса зеленеют по твоей воле». По окончании хвалебного пения брал зубами чашу, выпивал из нее вино и бросал сосуд через свою голову на землю. Потом он поднимал его с земли, наполнял вновь вином, давал всем присутствующим пить по порядку, и тогда все пели хвалебные песни в честь Пергрубия. В заключение пировали целый день и забавлялись хороводами. По созревании на полях хлеба земледельцы собирались приносить жертву тому же Пергрубию, и это время называлось у белоруссов *зажинками*, то есть началом жатвы. По совершении жертвоприношения всякий осматривал жертву и приглашал к себе на помощь соседей или кого-либо другого. С окончанием жатвы отправляли торжественное благодарение в честь *ожжинок*, состоявшее в жертвоприношении хлебных колосьев. У поруссов приносили козла и жгли еще на жертвенниках янтарь. Там народ, приведя в житницу козла, убивал его. Вуршайтен возлагал обе руки на жертву и взывал к покровительствующим богам¹, как бы присутствующим в житнице. По воззвании поднимали козла вверх и в таком положении держали его в продолжение пения; потом опускали его на землю. Тогда жрец произносил народу поучение и советовал старшинам соблю-

¹ А именно: Оккопирну, богу неба и земли, Антримпию, богу морей, Гардстену, богу мореплавателей, Потримпию, богу рек и источников, Пильту, богу богатств, Пергрубию (Pergrubium), богу весны, Паргну (Pargnum), богу громов и погод, Киклию, богу ада и мрака, Покколию, богу воздушных перемени, Путскету, богу священных рощ, Авскету, богу неврежденности и печали, Маркопполию, богу вельмож и дворян, Барстукку, богу подземному.

дать этот обычай впредь с должным благочестием и потом кровью убитой жертвы окроплял собрание. Мясо отдавалось женщинам, которые варили в той же житнице. В это время мужчины готовили из крупчатой муки лепешки, которые не сажали в печь, но, став вокруг очага, перебрасывали их через огонь, пока они не иссушивались. К приготовленному пиру собирались все, день и ночь проводили в забавах и пении. На другой день рано утром выходили за город, на то место, где пировали, и остатки загребали осторожно, чтобы ни птицы, ни звери не пожирали их. По возвращении домой каждый снова повторял свой праздник¹.

ЖАТВЕННОЕ УГОЩЕНИЕ В РУССКИХ И ЛИТОВСКИХ ЗАЖИНКАХ

И в наше время, когда поспевает жатва, зажиточный хозяин дает пир своим соседям: угощает водкою и пирогами и просит их помочь ему в собирании хлеба. Многие служат молебны и потом окропляют поля и жнецов святою водой. Хозяин или священник берет серп и делает начаток; первые снятые колосья называются зажинками. Их хранят до будущего года.

Поселяне еще до начала жатвы делают свои замечания о дороговизне и дешевизне хлеба по наливающимся колосьям. Если рожь цветет снизу колоса, то утверждают, что будет низкая цена на хлеб; если с середины, то средняя; сверху колоса — высокая или дорогая.

В некоторых местах в обыкновении, что свекровь зажинает молодую сноху, поступившую в ее семейство только в первый год жатвы. Свекровь накрывает сноп полотенцем и дает своей снохе вязать его, тогда сноха будет *работящая*.

¹ Melletii. «De relig. et sacrificii veterum Borussor. epist.», с. 258–259, ed. Spiraе, an. 1582, in 4, помещ. в соч. «De Russor. Moscovit. et Tartaror. ritu», Bergius, в сочинении «De statu ceclesiae et religione Moscovitor.», ed. Lub., an. 1709, in 12, приписывает сочинение «De Russor. Moscov. et Tartar. ritu» Одерборнию, известному жизнеописанием царя Иоанна IV Грозного, коего он был современником.

Если явятся во ржи заломы, то есть заломленные колосья на ниве, то они производят большой страх между жнецами, которые далеко обходят их и боятся прикоснуться к ним. Залому этому виной колдун, который, не зная, как отвязаться от нечистой силы, вечно просящей у него работы, дает ей заламывать колосья ржи, потом усаживает каждого черта в заломанный или перегнутый им колос, с тем, однако, условием, чтобы всякий из них вошел в душу человека, как скоро кто дотронется до него. Эти заломы, по мнению народа, страшны еще потому, что они наводят беснование на всех, особенно на женщин, которые без заломов подвержены беснованию. Кричат в церкви, корежатся, сумасшествуют и ругаются над святынею. Чтобы изгнать злой дух из перегнутых колосьев, приглашают на ниву священника, который, окружив ее народом, служит молебен, и потом зажигают ниву. Колдун никак не может вынести этого: он подходит к заломам и вынимает оттуда чертей, иначе они замучат его.

Литовские зажинки (*pariumene*) были известны там с самых древних времен. Хозяин, нажав сноп ржи, приносил его домой и ставил в углу; на другой день начиналась жатва. Ныне там изменилось: одна из жниц, захватив серпом пучок ржи, связывает и откладывает <его> в сторону; за нею начинают потом жать все прочие. По окончании работы первая жница украшается полевыми цветами, и она впереди всех несет сноп с торжеством на хозяйский или господский двор. Там их угощают всех. В последний день жатвы, называемый дожинки (*dariumene*), плетут из последнего сжатого хлеба венок, перевивают его травами и цветами. Среди жниц выбирают молодую и на ее голову кладут венок: толпа поет песни, и все при громком пении отправляются на хозяйский двор. Хозяин встречает их с радостным приветствием. Жницу с венком принимают в избе с хлебом и стаканом пива на блюде. После снимают с ее головы венок и подают хозяину, который хранит его в своей избе до следующей жатвы как Божие благословение¹.

¹ Narb. «Dzeje staroz. narod. litew.», т. 1, с. 307–311.

ПРИЧИТАНИЯ СЛОВАКОВ НА ПОСЕВ, СОЗРЕВАНИЕ И СНИМАНИЕ ХЛЕБА С ПОЛЕЙ

Жатва сопровождается обыкновенно пением радостных песен и дружной работою. У дунайских славян находится великое множество причитаний на созревание, жатву и уборку хлеба. В то время там угощают жнецов пирогами и пивом. Словаки и венгерские славяне такое же соблюдают обыкновение. В их устах еще сохранились причитания на засевание поля, работу жнецов и снятие хлеба. Богатое и обширное поле жатвы требует многих жнецов, потому у них говорится при этом случае:

Пан Патер са дива, чи са дожде нива?
Дожне, ак да женцом пирогов и пива;
Дожне, ай повяже, ай сноси до крижов.
Ак слуби вязачом, винечка а слижов.
Винецко са уроби, кым не падне роса,
Ак да работником днесь вечер ядома.

На широкую и засеянную хлебом полосу:

Ланы мои, ланы, вы широкё ланы:
Пре чо тя шугайко кажды чловек гани?
Требась теба гани целы широки свет,
Я тя рада, видом, шукай го белы квет.

Или:

Требась ты машь диовча пышне целы лан,
А я лен ту за градечку яко длань:
Не будешь ма,
Нени можна,
Тыс девечка, тыс девечка фалесна!

Песня влюбленного при жатве хлеба:

Эй, лука, лука, зелена лука!
Радбых са женить, немам клобука.
Эй, лазы, лазы, зелене лазы,
Радбых са женить, немам пенязи.
Эй, житко, житко, зелене житко!
Под ме мила, зожнеме вшетко.
Эй, граштек, граштек, зелены граштек!
Подьме ма мила, там на тен врштек.
Эй, вика, вика, пекна ярина,
Залюбу сом тя шварна девчина.
Эй, ячень, ячень, зелены ячень!
За тобой мила шелиться зачем.
Эй, овес, овес, зелены овес!
Верь милы недбам, требась са обес.

Другая песня влюбленного, проникнутая чувством простосердечия и любви:

Кедь моя миленька в поли житко жала,
Я сам ишел около ней, на мя заволала.
Пытал сом са милей: чо хце се мной жати?
Поведала же хце в ласце сталей се мной жити.
Саднул чом си с милой подла на ходничек,
Слибовал сем же ей будем верны миловничек.
Кедь сме находничку, се дети застали,
Дали сме си пар губичек, ай руки подали.
Як жив сем си же ве свете ветши радость нени.
Кдыжь сем ад миленкы уж домов поспихал,
Так то сем си целау често к мему Богу здыхал:
Помож, Боже, помож з милой се себрати,
Абы сме мы могли в ласце вечне сетрвати.
Чо сем си виншовал, чо сем собе жадал,
Достал сем то шварне девче, ктере сам миловал.

Воспоминание влюбленной девушки:

Влаком слуняшко, влаком,
Пойдемо домо мраком.
Я се мраком не боим,

Лен си с милым, постоим.
Мраку сом се небала,
Лен сом с милым постала.

При заходе солнца:

За гор слунечко, за гор,
За тен зелены явор
За тен найзеленейши,
Кде е муй наймилейши.

Воспоминание девушки об отсутствии своего милого:

Кобы я мала миляго дома:
Та домо, та домо!
Але я не мам миляго дома:
Не домо, не домо!
Але си пошлем коня враняго,
Оседланяго, пре мойго миляго.

Грусть о милом:

Соколе белы птак!
Ты высоко летаеш,
Чи мойго милого там даде не видашь?
– Видам го я, видам в том широком полу,
Там смутны седава при черном тополу!

Песнь жатвенная:

Чие же то ярне житко,
Под горами,
Под горами,
Под горами?
Выбили то вранне коне,
Подковами,
Подковами.

Зелена е поганочка (гречиха)

Зелена е,

Зелена е,

Зелена е.

Трайже ю душа моя,

Вонява е (пахучая).

Вонява е.

Скочила сом до заградки (в сад)

Скочила сом,

Скочила сом,

Скочила сом.

Отерла сом три ружичка (розы),

Воняла сом (была пахучая),

Воняла сом.

Около мя шугаичко.

Около мя,

Около мя,

Около мя.

Ако птачик ярабачик.

Около пня,

Около пня.

При созревании гречихи и проса:

Една жала татаречку, друга жала просо,

Една бола в жлтых чижмах, друга бола босо.

Една мала годбав одеv, друга мала платно.

Една боло цифравано, друга девчя шварно.

Г р е ч и х а :

В зеленой паганце седем паров волов:

Оставай ма мила с милым паном Богом.

П р о с о :

Вылетела припеличка з проса,

А я за ней бежала сом боса.

Идем са я моей мамки зпытать,
Чи я мам ту препеличку хытати.
— Хытай же ю, диовка моя, хытай;
Лен же са ей хвостика не тыкай.

Мак:
А коже то, ако сею мак!
А то так
Сею мак.

Когда цветет рожь:
Зелено житко до колена,
Возьми ма милы на колена.
Зелено житко заквитава,
Уж ма муй милы занехава.

То же:
Насяй сом житко, не будем го жать;
Миловой сом девча, не будем го брать.
«Лен са ты шугай житко зожны,
Лен си ты шугай девча возьми:
Лен си ты шугай житко вымлаты,
Лен же мне шугай сярпа на враты».

Рожь и обет:

Поведай си же ма возмеш,
Кедь на поли житко дождем?
Уж си зожав и повязав,
Еще си ма предка не взяв.

В честь серпа:

Грай, српик, грай,
Уж ти не далеко конец край,
Эй, ад крае аж до крае,
Грай же ми, српик, грай!

При заходе солнца поют жнецы:

Уж нам пан Бог помогу, помогу,
Иным людям не могу, не могу.
А вы речте: «О, Боже! О, Боже!»
И вам пан Бог поможе, поможе.
Уж мы домов идеме, идеме,
Чо вечерать будеме, будеме?
Пёчёнёю кáчера, кáчера (утка).
Тое наша вечера, вечера.

Окончивши работу, жнецы делают воззвание к прочим, еще работающим:

Домов лудя з поля, уж ваш час приходи,
Раняйша зорничка за гору заходи,
Домов лудя з пола, кому добра вула,
А кому не к вули, нех ноцеу в поли.

При возвращении жнецов домой:

В нашего панове дворе,
Стой руже на столе;
Наш пан се в ней пребера,
Же вон пекну пану ма.
Готуй, пане, вечеру,
Дванац фунто пешену,
Готуй к тому лыжице,
Иду ти домо жнице.
Готуй, пане таньяре,
Иду домо вазаре,
Еден вазар нам зостал,
Главкы болен достал.

По окончании жатвы:

Будь похвален, пан Бог наш!
Же помогай в тенто час:
Житко зожать, повязать;
До стодолы позважать.

По уборке хлеба жнецы возвращаются домой торжественным шествием. Мальчик несет впереди их из шелковой материи знамя; верхушка его украшается разными лоскутками, пуками полевых цветов и хлебными колосьями. Подле него или за ним идет девушка с венком на голове, который обыкновенно плетется из стебельков и колосьев наподобие короны; за нею идут поющие жнецы. Они приходят или прямо домой, или на хозяйский двор. Венец вешают посередине гумна или перед его воротами и оставляют там до новой жатвы. Потом поют на две половины:

Кторей же днес, кторей, увиеме венец?
Тей, ктору выбде найкрайши младенец.
Кому же днес, кому даме нест заставу?
Тому, чо ей пода свою ручку праву.
Тен Ондриш Славике, та Анна Благее:
Тобы боу пекны пар, кебы им пан Бог дав!
Пани наши, пани, отворайте браны,
Несем вам дарик, женцов пекны парин.
Иду женцы з роли, престеройте столы,
Стол яворе, обрусы кментове.

Другая песня:

Нашего пана жниво
Скоро се докончило,
А суседово жниво
На полы в полу сгнило.
Нашего пана жниво
Тераз се докончило,
А суседово стой,
Бо се го челади бои.
Жниво сме доконали,
Пальце сме порезали.
Треба бы нам рентечкы.
Позавияц палечкы.
Наша пани не пышна,

На врата ку нам вышла,
Богу се помоддила,
Же жниво докончила.
Несеме пану веноч,
А пани подарунок.
Панови до стодолы,
А пани до коморы¹.

ЖАТВЕННЫЕ ПЕСНИ У СЕРБОВ

У сербов также имеются жатвенные песни; вот некоторые:

Надожньева се момак и девона:
Момак нажне двадсет и три снопа,
А девојка двадсет и четири.
Кад у вече овечери било,
Момак пије двадест и три чаше,
А девојка двадест и четири.
Кад у јутру бео дан освяну,
Момак лежы, ни главе не движе,
А девојка штан везак везе.

По окончании жатвы жнец берет пук колосьев, перехватывает его по середине и становится в хороводный кружок. Девушки ходят вокруг него с пением, и в то время каждая старается выдернуть соломинку. Кто выдернет, той быть замужем.

Да с'ватамо танке сламке, танке, танане,
Да гледамо, ко ће с кыме да се любимо.
Ватајте се танке сламке, танке, танане,
Да гдадемо, ко ће кому у срећи пасти.
Коме старо, коме младо ком' што срећа да.
Било старо, било младо любићу га ја,
Косе не ће полюбити, убио га Бог!

¹ Kollar. «Národ. Zpiev.», ч. 1, с. 303–310.

Убила га света Петка Параскевија!
Пуштајте, беле руке не держите се,
Косе с кисме уватко, да се любимо¹.

Задунайские славяне, весьма богатые в излиянии простосердечных чувств, обнаруживают их во всей своей жизни, своих занятиях и работах. У них существуют поговорки, причитания и песни даже на самое кушанье. В России равно существуют свои причитания и песни, но они известны одному народу. Мне случалось много раз слышать причитания на многие вещи, но время изгладило из моей памяти, а обстоятельства не позволили собирать их. В Малороссии заживные причитания в большом употреблении, и они во многом сходны со славянскими.

ЗАЖИНКИ И ОБЖИНКИ В МАЛОРОССИИ

Малороссийский хозяин отправляется прежде осмотреть свое поле: не пора ли жать? Если хлеб созрел, то он, нарвав пучок колосьев, приносит их домой, закладывает за образа и там оставляет их до следующего урожая. При принесении им колосьев происходит в доме общее веселье: все радуются и ждут с нетерпением начала жатвы. Хозяин, если сам не может управиться, то он отправляется к соседям и их просит помочь ему. Когда он появится с жнецами в поле, тогда он прежде всего делает крестное знамение, обратясь к востоку лицом, и говорит: «Поможи, Боже, сожать жито, пшеницю и всяку пашницю» — и первый захватывает серпом рожь; за ним начинают жать и все прочие. Начало жатвы называется жажинками. Иногда вместо хозяина зачинает жница, известная своим благочестием.

Собирание хлеба сопровождается пением, исполненным душевной радости. По полям раздаются безотчетно игривые песни; сама природа, кажется, веселится с жнецами: все им

¹ Караджич. «Народне српске пјесме», Лип., 1824 г., кн. 1, с. 42–47.

благоухает и все живет упоительной веселостию. Смотри на них, сердце невольно завидует их счастью. Душа свободы – доверчивая откровенность и простосердечное самодовольство ставят их выше всех счастливых в мире. Ряды жнецов работают дружно. Малые и большие с серпами в руках, с граблями на спине – все трудятся и все поют. Песни заживные поются без разбора, но чаще всего шуточные и веселые:

Казала нам пивка,
Що е у пана горилка,
В комори, на полици,
В кресталевый скляници.
В комори пид лавою,
Приросла муравою.

На гори крыниця,
Коло неи пшениця.
Жали ји жницы,
Та сами молодыци;
Хлопцы вусатыи,
И дивки косатыи.
Добра нивонька була,
Сто коп уродыла.
Що копа, то колода,
Панови нагорода.
Запрягайте волю,
Идите по подпоры:
Скирдтоньки подпираты,
Вязальников прошаты.

У нашего пана,
Золотая брама,
Золотая приспа,
Сило вязальников з триста.
Не добру долиньку мае,
Рано з поля сьязжае,
Тилько тужаночка,
Що жинки немає.

Ой, у чужого господаря обидаты пора,
А у нашого господаря ще и думки нема.
Ой, паноньку наш! Обидаты час!
У чожого господаря горилочку пьют,
А у нашого господаря воды не дают.
Ой, паноньку наш! Обидаты час!
У чожого господаря полудноваты пора,
А у нашого господаря шей на думки нема.
Ой, паноньку наш! Полудноваты час!
У чожого господаря пополудновалы,
А у нашого богатого ще й не думали.
Ой, паноньку наш! Полудноваты час!

Закатылось сонечко
За виноградный сад.
Цилуйтєся, милуйтєся,
Хто кому рад.

Ой, Маруся з Ивашком
Циловалась, миловалась
И ручиньку дала:
От се тобі, Ивашеньку,
Рученька моя!
Ой, як пождем до осени,
Буду я твоя.

Выйди, паноньку, до нас,
Выкупь винец у нас.
Положи червоного,
Вид винца полового.
Бо як не вийдеш до нас,
Не выкупишь винца у нас.

До корчмы понесемо,
От до того жида;
Горилки напымось,
И не будымь до обида.

Эту песню поют еще, когда жницы, возвращаясь на господский двор, встретят дочь хозяйки и требуют, чтобы она выкупила у них венок. Девушка выкупает, поднося им по чарке водки.

Ой, чие ж то поле,
Зажовтило, стоя?
Иванове поле,
Зажовтило, стоя.
Женцы молодой,
Серпы золотым!
Ой, чие ж то поле
Задремало, стоя?
Грицкове поле
Задремало, стоя.
Женцы все старый,
Серпы все изломаны.
А мы своему пану
Изробыли славу:
Житечко пожалы,
В снопы повязалы,
У копы склали.
А мы своему пану
Изробыли славу.
Ой, паноньку наш,
Обжиночки час!
Благослови ж Боже!
Обжиночки час.

Ой, упала нивка в кинцы матырынка,
Там дивчына жито жала, сама чернобрывка.
Идет козак дорогою: помогай Биг, жинцы!
Вона стала, отгадала, сердыньком назвала.
Сия ж слава на все село пала,
Що дивчина козаченька сердыньком назвала.
А щож, моя маты, неженатый хожу,
Калыночку ломлю?
Оженыся, сынку, оженысь, Максимку:
Возьми соби панянку, у шинкарки дочку.

Шинкарчина дочка мени ни ривная:
Ходыт вона по рыночку, як королева.
Мени з нею не статы, тай не говорыты,
Тилько статы, шапку зняты.

Ой, за гаем, гаем, гаем зелененьким
Там орала дывчиненка
Волыком черненьким –
Орала, орала, ни вмила гукаты,
Тай наняла москалика¹ у скрыпку граты.
Москалик играе, бровамы моргае.
Чорты батька его знае, чего вин моргае!
Чи на мои волы, чи на мои коровы?
Чи на мое биле личко, чи на мои черны бровы?
Волы и коровы уси поздыхають,
Биле личко з румянцем ни злияе.

Ой, покинув сизый голубь на поли живиця,
Ой, поихав москалик у Польшу женыця!
Шумыт, шумыт дубровонька, шумыт зелененька,
Плаче, плаче дивчыненька, плаче молоденька.
Ой, ждала я, ждала, нема мого пана.
Ой, пийду я до домочку, та зайду в комору.
В мойй комори тай всего довольно,
Тилько того не довольно, що я одна в комори.
Стану билу постель слаты:
Била постель мени не мила, ни с ким размовляты.
Ой, прильнув сизый голубь з поля, ни наившись.
Ой, приихав москалик з Польши, ни женывшись.
Ой, не шуми дубровыненька, та ты зелененька;
Не плачь, не плачь дивчыненька, та ты молоденька.
Кошу я, та кошу, посередь покосу,
А такую панянку никола не брошу.
Пийду я на ричку, та пиймаю шуку,
Возьму я паняночку за билую ручку.
Ой, горе, горе, несчастная доля!

¹ *Москаль*, уменьшительное от него *москалик* – значит русский. Иные поют еще: «Тай наняла козаченька» и т. д.

Изорала Марусенька бровеньками поле,
Карыми очима тай заволочыла,
Дрибненькими слизеньками все поле змочыла.

Ой, по горам, горам, пшениченьки яры,

А по долинонькам шелковый травы.

Ой, на тий же на тривоци козаки стоялы

Марусю пытали:

– Марусенька, панья, чи пан твий дома?

– Нема мого пана, поихав на ловы.

– Колы нема пана, вийды до нас сама.

Марусенька вийшла, в черевичках вийшла,

Середь двора стала, коней вспизнала:

– Ой, ни есть же вы, козаченьки,

Вы бурлаки-разбойники!

Мого пана убили и коней забрали.

– Неправду говоришь и нас, козачинькив,

В безславоньку вводишь.

Бо сии кони в степи покупили,

На зеленый отавьци за гроши получили.

Булы ж у нас сваты – зелении дубкы,

Була у нас шинкарочка – билая березочка.

Могорычы запывалы – водицей в крыниці.

Послала мене маты

Зеленого жыта жаты.

Ой, нуте, косары,

Що не рано почалы!

Хоть не рано почалы,

Да богацько утяли.

А я жита не нажала

В борозденьци пролежала.

Ой, нуте, косары, и т. д.

Наихали чумеземцы,

Нашли мене в борозденьцы.

Ой, нуте, косары, и пр.

Осердылася Марына,

Що не кошана долыня,

Ой, нуте, косары, и пр.

Отозвався чорнобровый:
– Не сердись, моя Марыно!
Ой, нуте, косары, и пр.
Мы покосим, погребем
И в копеньцы складем.
Ой, нуте, косары, и пр.
Через твои билы ручки
Нема еще жита в кучки.
Ой, нуте, косары, и пр.
За твои чорны брови
Мы накосим перелогы.
Ой, нуте, косары, и пр.
За твою ласку
Готовь выддать коня кублачку.
Ой, нуте, косары, и пр.
Пийшла маты до Києва,
Мене в доми покинула.
Ой, нуте, косары, и пр.
Мени маты наказала,
Робыты дома приказала.
Ой, нуте, косары, и пр.
Робы, донько моя, робы,
За всим сама ходы.
Ой, нуте, косары, и пр.
Хто робыты полиницця,
Тому лихо приключицця.
Ой, нуте, косары, и пр.
Пришла маты, засвистыла,
Мене дома не зустріла.
Ой, нуте, косары, и пр.
Продай, маты, дви коровы,
Купы мени чорны брови.
Ой, нуте, косары, и пр.
Продай, маты, дви телици,
Купы мени дви сподниццы.
Ой, нуте, косары, и пр.
Продай, маты, муки мирку,
Сведы мене к тому жолнирку.

Ой, нуте, косары,
Що не рано почалы!
Хоть не рано почалы,
Да богацько утяли.

Звелила мени маты Ячминю жаты.

Жны, жны, моя доненько!
Жны, жны, мое серденько!

Ячминю не жала,
На межы лежала.

Лежи, лежи, моя доненько!
Лежи, лежи, мое серденько!

Снопчик нажала,
К сердечку прижала.

Жми, жми, моя доненько!
Жми, жми, мое серденько!

Ячминее зернячко
Уколело сердячко.

Терпи, терпи, моя доненько!
Терпи, терпи, мое серденько!

Ой, яж терпила,
Да вже зомлила.

Млий, млий, моя доненько!
Млий, млий, мое серденько!

Щоб сердце зличиты
– Треба козака любити.

Люби, люби, моя доненько!
Люби, люби, мое серденько!

Щоб моя маты,
З козаком мени гуляты.

Гуляй, гуляй, моя доненько!
Гуляй, гуляй, мое серденько!

Еще ж, моя маты,
И волю ему давати.

Давай, давай, моя доненько!
Давай, давай, мое серденько!

По окончании работы девушки плетут ржаной венок, который перевивают цветами и травами. Мужчины связывают

особый сноп и перевязывают его рожью, а иногда цветами. Венки надевают на голову одной из красавиц, перед кою мальчик несет сноп. Прочие девушки окружают свою подругу также с венками на голове, но плетеными из васильков, незабудочек, колокольчиков и других полевых цветов. Все идут к хозяину на двор: там они дарят его снопом и венком и желают ему дожждаться еще изобильнейшей жатвы. Хозяин выслушивает их с трогательною признательностью, благодарит и всех просит *отвечеряти* (отужинать); венки и снопы вносят в избу и хранят за образами до будущей жатвы. На дворе под открытым небом угощаются все ужином хлебосольным и радушным.

В последний день жатвы, называемой обжинками, жнецы идут с равным торжеством на господский или хозяйский двор. Там давно стоят для них столы накрытые. Гречневые галушки с салом (клёцки) ставят на стол, и тут уже подносят по чарке водки. Хозяйка находится безотлучно при сельском, но гостеприимном ужине и просит всех *вечеряти*, как у себя дома. В других местах по уборке хлеба с полей угощают жнецов в один из дней, свободных от работ, или в праздник, особым обедом, причем подают горячие пироги из мяса, творога и паляницы со сметаной, потом борщ, молочную кашу или лапшу, жаркое из говядины или баранины. В продолжение обеда чарка с водкой постоянно ходит по рукам. Сам хозяин с хозяйкою разделяют общий стол, и они строго смотрят, чтобы все были сыты и довольны. В заключение подают варенуху, и день неприметно обращается в праздник *обжинок*. После стола гостеприимные хозяева наделяют жнецов пирогами и паляницами или чем другим. В некоторых местах приносят в церковь *первинки* для освящения, которые состоят из новопеченого хлеба, и если в то время созрели плоды, то яблоки и груши¹. На особой деревянной тарелке ставят медовые соты,

¹ Повсюду в обыкновении, что при кушании в первый раз первинки или при виде на ком-либо обнове дерут за уши, как бы в наказание за вкушение плодов, напоминая этим, что за вкушение запрещенных плодов были изгнаны из рая первые два человека. Впоследствии это обстоятельство применено к обнове, причем уже люди, не привыкшие драть за уши, поздравляют с обновою. Этот обычай господствовал по всему востоку.

а на прочих – первинки. Священник, отслужив благодарственный молебен, окропляет первинки священной водою, и потом они с благоговением раздаются домашним; некоторую часть из них оставляют и хранят дома как предохранительные средства от многих болезней.

ОБЖИНКИ В ЧЕРНОЙ И ЧЕРВОННОЙ РОССИИ

Здесь, по окончании жатвы, выбирают женщины из девушек одну прелестнейшую и украшают ее голову плетеным венком из ржи и васильков. Хор девушек, окружив ее, отправляется с нею к господскому дому при пении радостных песен. Помещик встречает их на крыльце и потом подходит к увенчанной: снимает с нее венок и благодарит жнецов за успешное и благополучное окончание работы. Затем он угощает их водкою и ужином или дает им на водку. Между тем в его комнате появляются на стене венки с пучком колосьев.

В Подлесьи (Червонной России) *постадница* (старшая из жниц) начинает всякий раз жатву обрядным действием. Связав сноп хлеба, она поднимает его в гору и произносит громко:

Ото, наша веселка,
Од полудня до вечерка:
Щоб жалось веселенко
 И здоровенько,
 И Богу миленько,
 И людям, и нам,
 И нашим панам.
А жните, пожинайте,
Колос побирайте.
Не стоит пан о колос,
Оно о солому,
Поживаты стодолу и обору.
Мий сноп воевода,
Ходит коло города;
Мий сноп осталец,
Поведе постадницу в танец.

Що поведе, поцилуе,
Медом, винцом почаствуе.

С окончанием причитания она бросает из-за своей головы сноп в ознаменование тяжких работ жнецов¹.

ПОЖИНКИ И ИМЕНИННИК

В других местах (Пензенской и Симбирской губерниях) существуют пожинки. Там по окончании жатвы собирается народ в поле дожинать последние загоны, и когда уже свяжут последний сноп, называемый *именинник*, тогда наряжают его в сарафан и кокошник и с песнями несут его на господский двор, где жнецов угощают пивом и вином². В некоторых местах Малороссии последний сноп также называется именинником. Ему приделывают руки, убирают в пестрое женское платье и несут его на хозяйский двор, где ожидает их богатое угощение. Хозяин печет тогда каравай из нового хлеба и разделяет его между своими гостями. В Северо-Восточной России также пекут каравай, но его подносят жнецы хозяину в подарок. В Смоленской губернии приделывают к снопу руки, надевают на него белую насовку, а на вершину снопа кичку или наматывают женский убор, называемый *накидка*, и две женщины несут на господский двор. Хозяин выходит им навстречу, жнецы поздравляют его со счастливым окончанием жатвы и бьют сноп веником березовым с особыми приговорками в том предубеждении, что животные, истребляющие поля, истребляются после этого таинственного обряда. Потом угощают всех; песни и пляски заключают всеобщее веселье.

В Вологодской губернии снятый последний сноп с поля называется *кумушка*. Там собирается овес после всех хлебов. Остаток его срезается дружно с корня всеми жнеями; верх этого снопа повязывается платком. *Головная жнея* – первая,

¹ Goleb. «Gry i zabaw.», ч. 12, с. 54–155.

² Снегир. «Русск. прост. праздн.» и пр., вып. IV, с. 84

начинающая жать первый загон, берет кумушку и несет его в дом своего помещика в сопровождении песен своих подруг, которые поздравляют своего барина с *двумя полями, сжатыми, а с третьим – засеянным*. Поблагодарив их за усердие, он принимает кумушку и ставит его в передний угол под образами; тут он остается целую неделю; потом снимается и хранится до Покрова. В этот день кормят кумушкой рогатый скот, закармливаемый на зиму.

В Саратовской губернии по<сле> уборки хлеба наряжают соломенную куклу в кумачный сарафан; на голову надевают чуплюк, на шею ожерелье и, украсив цветами, носят чучело по селению с песнями и плясками.

В некоторых местах Литвы и Белоруссии дожинки и пожинки называются *госпожками*.

ГОСПОЖИН ДЕНЬ, ОСЕНИНЫ, ОВСЯНИЦА, ДЕЖЕНЬ И СПАСОВ ДЕНЬ

В других местах России окончание жатвы известно под именем *спожинок, оспожинок, госпоженок и опожиниц*, а в летописях *госпожин день*. По местному положению они совершаются не в одно время, но всегда после уборки хлеба. Название *госпожин день* произошло от древнего простонародного слова *спожинать*, доканчивать жатву. В Белоруссии *Госпожа*, значит *Богоматерь*, а сам Успенский пост называется *госпожинками*, и в это время довершается жатва. В Витебской губернии обжинки совершают единообразно, как почти во всей Белоруссии. Жнецы обоого пола, особенно девушки и молодки, наряжаются в праздничные одежды и идут при пении песен с самого поля к дому помещика. Девушки украшают свои головы венками, и одна из них, славящаяся красотою, идет впереди; за нею все прочие. Мужчины несут на плечах грабли и косы, а женщины держат в руках серпы: все идет попарно, с торжественной радостью. Помещик, услышав издалека голос поселян, выходит со всем своим семейством к ним навстречу. Толпы жнецов входят во

двор, поздравляют барина с окончанием жатвы и желают ему дожждаться следующей еще <более> изобильнейшей. Красавица снимает со своей головы венки и надевает его на голову барышни; если ее нет, то на голову молодой барыни. Тогда все стоящие попарно жнецы кланяются ей, приветствуют и желают, если это девушка, доброго и богатого жениха, а барыне – дожждаться счастья своей дочери. Помещик угощает всех ужином, водкою и пивом. После ужина они предаются забавам и играм и потом расходятся по домам.

Достоин замечания, что в этой губернии поселяне во время жатвы всегда надевают на себя чистое платье и особенно щеголяют белыми рубашками. При жатве хлеба девушки становятся друг против друга и поют попеременно песни, и своими телодвижениями выражают радость и печаль, любовь и безнадежность.

В Белоруссии *Госпожа* имеет два названия: *Малая Пречистая* и *Большая Пречистая*. Первая означает рождение Божией Матери, а вторая – Ее смерть или Успение.

В Большую Пречистую не только в Белоруссии, но и в Литве, Малороссии и во всех прочих местах России совершают освящение созревших плодов, хлебных колосьев и медовых сот. В России Большая Пречистая известна под именем *Успенщины*, а в Малороссии – *Успения*. С Успением почти оканчиваются все работы жнецов и начинается повсеместная уборка и возка зернового хлеба.

В литовских местах уборка хлеба известна под именем *малых осенин*. Само название осенин показывает, что они произошли от «осени», потому что в эту пору оканчиваются полевые работы. В других местах отправляются *поминки* по мертвым в осенины, как в Дмитриевскую субботу или в поминальные дни.

В Костромской губернии поселяне перед началом жатвы молятся на три стороны, кроме северной. По окончании жатвы оставляют на поле небольшой клочок хлеба, называемый *волотка на бородку* (волотка – значит хлебный колос); обвивают оставшуюся соломой свои серпы и кладут их в дом

пред св. иконами. Другие катаются по ниве, приговаривая: «Жнивка, жнивка! Отдай мою силку на пест, на мешок, на колотило, да на молотило и на криво веретено»¹. С окончанием жатвы угощают жнецов.

В Северо-Восточной России совершают овсяницу в день св. Андриана и Наталии (26 августа). Жнецы несут домой сноп овса и ставят его под образами в угол, называемый *сутки*. Хозяин приглашает их садиться за стол и угощает толокном, называемым здесь *дежень*, а потом пирогами и овсяным киселем или кашею. Во время кушания сравнивают урожай овса нынешнего года с прошедшим и считают *суслонами* (количество снопов). Если нынешний урожай богаче прошлогоднего, то жнецы получают от хозяина понемногу всякой муки, в противном случае остаются довольными угощением и благодарят хозяина и хозяйку за сладкий *дежень* и, выходя из избы, кланяются на четыре стороны.

В Рязанской губернии празднуют *аспосов*, или *сносов*, *день*, и нет сомнения, что это Спасов день, в который приносят в церковь для освящения первые зеленые плоды.

ДОЖИНКИ И ОБЖИНКИ В РОССИИ

В великой России такое же происходит радушие при собирании хлеба и также сопровождается пением веселых песен. Жатва повсюду есть предмет радости. Богатая награждает земледельца, скудная никого не веселит. Перед окончанием жатвы жнецы угощаются хозяином водкою и пирогами, и это угощение называется *дожинками*. Они употребительнее в юго-западных частях России: в Литве, Белоруссии и в сопредельных с этими местами губерниях. Там вешают венки из полевых цветов в поле на шесте; головы девушек украшаются цветами, а женщины и мужчины принимают участие в забавах молодых людей. Иногда девушки составляют хоровод около жита: ходят вокруг него, взявшись за руки, и поют приличные своим забавам сельские песни.

¹ Снегир. «Русск. прост. праздн.», русск. и пр., вып. IV, с. 80–82.

Вечер заключают плясками под гудок и возвращаются домой с пением и радостью.

После жатвы наступают для жнецов *обжинки*, получившие свое название от слова обжинать, оканчивать жатву. Хозяин приглашает к обжинкам не только жнецов, но часто соседей и посторонних людей; угощает их сначала водкой и пирогами, печенными из умолота хлеба; потом щами, кашею и печеным – обыкновенным деревенским столом, который, однако, не везде одинаков: смотря по зажиточности хозяина, он изменяется. Остальное время дня проводится в плясках, хороводах и народном пении.

СТРАДА, ИЛИ СТРАДНАЯ ПОРА

Рабочая пора у земледельца соединена с замечаниями и обрядами, а время трудной работы называется *страдою* или *страдною порою*. И это справедливо, потому что тогда земледелец более всего терпит и страдает от своих тяжких трудов. Он не жалеет ни рук, ни сил: он работает до изнеможения. О, как часто, истощив свои силы, он никаких не пожинает плодов! Поэтому приступает ли к посеву или жатве, он наперед совершает крестные ходы с св. образами, молит Бога увенчать его труды и спешит принести во храм Божий первые плоды от своего хозяйства.

ПОМОЧЬ И ДРУГИЕ ЕЕ НАЗВАНИЯ

В разных полосах Великороссии происходит в августе сельское пиршество, называемое *помочи*. Многие хозяева, когда остается на их полях хлеб, не дожатый почему-нибудь, созывают соседей, чтобы помочь собирать его. На дворе уже заготовлены столы с хлебом-солью, пирогами и пшеничными калачами. Вдовы, нуждающиеся в помочах и не имеющие способов угостить своих добрых соседей, получают от зажиточных все нужное для этого пиршества. Угощенные соседи отправляются в поле, там снимают хлеб, возят сено, а хозяева за

то снабжают их на зиму дровами и лучинами. Поселяне, считающие за великий грех работать в воскресенье, идут охотно после обедни работать на вдовой земле. Народная поговорка «За вдовою и Бог с сумою», без сомнения, произошла отсюда.

В Малороссии, Сибири, Пермской, Вятской, Оренбургской и смежных с ними губерниях выпалывание и совершение полевых работ известно под именем помочей, но они, по роду занятий, носят разные названия. Выпалывание огородов называется *полотушка*, трепание льна и конопли – *потрепушка*, пряжа – *супрялки*, унавоживание – *назьми* и *толоко*, собирание репы, редьки, моркови, картофеля и проч. называется *копанием порепицы, оборкою и снимкою земляницы*; снятие лука и чеснока – *луковым днем*; рубка капусты – *капустницею*. В Сибири рубка капусты называется еще *вечером капустки*. В Чебоксарском уезде (Казанской губернии) праздник капустки, принадлежащий, собственно, этому уезду, издавна есть народный. Капустку ожидают точно с таким удовольствием и нетерпением, как Рождественские Святки. По наступлении времени рубить капусту собираются сначала одни девушки, рубят ее весело и радостно и спешат как можно скорее окончить свою работу. После рубки угощают их ужином; потом собираются сюда в нарядных своих одеждах мужчины; они не смеют войти прямо в избу, но подходят сначала к окошку просить позволения у хозяина и, получив его соизволение, входят в комнату с начальным приветствием к хозяйке: «Поздравляю милость вашу с капусткой». «Покорно благодарим, – отвечает хозяйка, – прошу беседовать с нами». Каждый молодец приносит с собою лакомства. Когда парней соберется довольно, тогда начинают разные святочные игры, и забавы продолжаются до рассвета. В продолжение игр женихи стараются изведать нрав и сердце молодых девушек, шутят с ними, резвятся, поют песни и ходят попарно, перешептываясь, однако, украдкой, без нарушения приличия: в противном случае за несоблюдение должной скромности молодцы не допускаются к играм, и они должны немедленно оставить вечернее собрание.

Родителям весьма не нравятся капустки, потому что женихи часто приходят высматривать невест не тех, которые им нравились, а тех, которые им понравятся, и случается, что женятся на других, против ожидания родителей, предполагавших в них будущих своих зятей¹. Такое празднество совершается в Малороссии и в большей части России. Там капустницы, собирающиеся для сечения капусты, ходят первоначально по соседям, чтобы приглашать молодежи и молодцев рубить капусту. Молодые люди, занимаясь сечкою капусты, проводят вечер в дружеском пении и шуточных рассказах. После рубки угощают их пирогом из капусты, который называется *хлебальным пирогом*, потому что его едят со щами. В других местах специально варят пиво; угощение вообще заключается пляскою. В Приволжских губерниях девицы ходят в праздничных нарядах по домам поздравлять хозяинов с праздником капустки и в их честь поют песни. Песенниц угощают пирогами. В Малороссии было в обыкновении, что молодые девушки, нарядившись в праздничные одежды, ходили по домам поздравлять хозяек с капусткою. Но это не было празднество, а приготовление к капустке, для которой созывали обыкновенно одних молодых, чтобы работа шла веселее. Преимущественно молодые обоего пола спешили воспользоваться этим временем; им тогда представлялся удобный случай пошутить и порезвиться между собою. Тогда уже вечера капустки обращались в вечерницы, то есть в вечерние забавы для молодых: всех их угощали паляницами и пирогами с капустою. Молодежь созывали не только для сечки капусты, но и для квашения бураков (свеклы), мочения конопли, льна и для окончания другой легкой домашней работы.

¹ Г-жа Фукс в описании местных обрядов чувашей ошибочно сравнивает вечер капустки с гуляньем 1 мая в Петербурге, говоря, что у нас в Петербурге сходятся 1 мая гулять для того, чтобы высматривать невест. Гулянье 1 мая у нас есть встреча весны, и оно происходит в Екатерингофе, куда сходятся и съезжаются не только со всей столицы жители и государственные люди, министры и дипломатический корпус, но и царская фамилия, сопровождаемая Государем Императором. Может ли это быть смотр невест? (Этнограф, описание Казанск. губ., помещ. в Жур. Мин. внут. дел, № 3, 1841 г., с. 371.)

В других частях России (Вятской и Пермской губерниях) помочами называют удобрение полей, так же называется в северной полосе России, в Смоленской губернии и некоторых литовских местах, но такое название не везде сохраняет прямое свое значение, ибо косить сено называют уже там толоком¹. В других местах говорят вместо помочь – *назьмы рыть*, то есть унавоживать поля наземом. Помочи и толоко – суть однозначные. Лифляндский летописец Кельхен говорит... <что> владеющие обширными полями созывают во время жатвы своих соседей для подания им помощи в собрании хлеба и вечером угощают их, и такое угощение называется толоком.

В Смоленской губернии толоко обратилось собственно в значение унавоживать землю, где ее удобрение совершается не иначе как через навоз. Там толоко занимает всех домохозяев и начинается обыкновенно с Петрова дня, иногда и ранее, и продолжается до поздней осени. Хозяин сзывает соседей на ржаной пирог и пиво и, угостив их, просит помочь ему возить толоко. Большие, и малые, и дети обоего возраста возят на поле навоз и там разбрасывают его кучками. По окончании работы их угощают вновь. Однажды я был свидетелем сельского угощения после толока. Рабочие сидели кружком, лица их были бледные и высохшие – тягостен труд земледельца! Они сидели в молчании: перед ними лежали ломти хлеба, но когда подали кушанья: жидкую похлебку из гороха и зелени, тогда принесли на деревянном блюде ржаной хлебальный пирог, начиненный капустою и горохом. Хозяин подносил по чарке вина, и потом каждый брал свою долю пирога и закусывал; наконец, стали хлебать похлебку из общей деревянной миски, а там, после похлебки, подавали *крошиво* – рубленное на куски мясо, печеное и гречневую кашу с маслом. Во время обеда подносили кружками черное пиво, нарочно варенное для этого дня. За несколько дней до толоконного угощения всегда варят здесь пиво; его пьют вдоволь. О, как было бы хорошо, если бы русский, от при-

¹ Должно думать, что толоко происходит от древнепрусского или эстского слова *talek*, которое означает вознаграждение за труд не деньгами, но угощением. (Kelch. «Lifländ. Histor.».) В Литве говорят – *тлоко*.

роды умный, добрый, честный и трудолюбивый, заменил водку пивом. Водка, губительница нравственности, ведет ко всем порокам и несчастьям. Водка – яд, тихий, но верный.

УБОРКА

За собиранием сжатого хлеба следует обыкновенно снятие его с полей, и это называется *уборкою*. Уборка хлеба не сопровождается особым каким-либо угощением или празднеством; хозяин благодарит только помогавших ему в работе и обещает помочь им в свою очередь, и если он зажиточный, то угощает их. В некоторых местах уборка и оборка означают последний день оранья.

Не везде свозка хлеба с полей известна под именем уборки. По местности она называется различно, а именно: *свозка, увозок, перевозка*, но везде они образуют народное веселье и, можно сказать, празднество. Земледелец радуется, что благополучно снял с поля хлеб и уложил его вовремя в свои скирды.

ОВИН И ОВИННЫЕ ИМЕНИНЫ

В Костромской губернии празднуют *овин* (24 сентября) в день мученицы Феклы, именуемой в простонародии *Феклою-заревницею*. Овин собственно значит гумно: хозяин собирает молотильщиков в овин, который в тот день называется *именинником*; там варят кашу в честь именинника и угощают ею всех работников. Это не есть особое празднество, но обряд гостеприимный: угостить новой кашею. Когда поспеет каша, тогда молотильщики садятся в кружок, и непременно в самом овине. Хозяин первый отведывает кашу, а молотильщики говорят: «Хозяину хлеба ворошок, а молотильщикам каши горшок» – и потом едят ее с маслом. В других местах Северо-Восточной России это действие слывет под именем *овинных именин*, и там варят кашу, но она называется уже *домолотною*, то есть сваренною из окончательного умолта.

Х. БАБЬЕ ЛЕТО

БАБЬЕ ЛЕТО

Изменение времен года праздновалось в языческом мире с религиозными обрядами, коих следы остались в христианстве. У всех народов весна и осень совпадали с полевыми работами. В эту пору совершались повсюду торговые сделки, годовичные сроки и мирские совещания. У нас весенний Юрьев день и осенний Семен день были срочными условиями для поселян и владельцев земель, и потом Семен день превращен простолюдинами в бабье лето. Некоторые думают, что сентябрь месяц прослыл в простонародии бабьим летом со времен Петра I, изменившего летосчисление, которое велось прежде с 1 сентября, со дня преподобного Симеона, первого столпника. Эта догадка ни на чем не основана. Бабье лето существовало до времен Петра I, и оно теряется в глубокой древности. Германцы знали его в самое отдаленное время под именем *мариининской пряжи* (Mariengarn), *мариининских нитей* (Marienfäden) и *старого бабьего лета* (Alten Weiber-Sommer). В это время видно на небе созвездие Бабы, расположенное из семи соединенных вместе звезд, как бы утиное гнездо, называемое в астрономии Плеяды, посему некоторые стали производить бабье лето от созвездия Бабы, но и это неправильно. Нам известно, что до перемены у нас летосчисления называлось это время *Симеоном-летопроводцем*. Славянские племена, искони любя полевые работы, оканчивали их в эту пору; женщины дружно принимались за собственные свои работы: они мочили конопель и лен, сушили, трепали, ткали, сучили нитки, веревки и проч. Эти занятия, свойственные женскому полу, всегда именовались бабьими работами и бабьими трудами, а само время, которое бывало как нарочно теплое и как бы возвращало еще лето, совпадало с бабскими трудами, и поэтому обратилось в название *бабьего лета*.

Бабье лето продолжается одну неделю: оно начинается в иных местах с 1 сентября, а в других с 8 сентября, с Рождества Богородицы, как у чехов, где оно называется *Семенная панна Мария*, у карпатских славян *бабьин мороз*. Там носится предание, что мороз заморозил на полоныне (на Альпах) бабу-чародейку. Это намек на статуи тех каменных баб, которые ставились долгое время и в христианство на карпатских дорогах.

В Польше под именем бабьего лета разумеют продолжительную теплую погоду – то же самое, что бабье лето, в Малороссии и Литве оно называется *бабыно лито*.

СЕМЕНОВ ДЕНЬ

В простонародии и в отечественных летописях 1 сентября известно под именем *Семенова дня*, *Семен день* и *дни Семена*. В церковных праздниках называется еще этот день *Семен-летопроводец*, по случаю празднества преподобного отца Симеона, первого столпника, и по прежнему исчислению года, коим оканчивалось тогда лето и начинался новый год. Праздник Симеона, первого столпника, установлен на первом Никейском соборе (в 325 г.).

Время от 1 до 8 сентября называется *семинскою неделю*. Если погода стоит теплая в продолжение семи дней, то говорят обыкновенно в насмешку: «Вот и бабье лето!» Это лето часто долго сопровождается зеленью лугов, и сами листья деревьев, цветов и прочих растений не скоро вянут и, кажется, зеленеют. Простолюдины тогда замечают, что если пауки снуют паутину и запутываются, то предвещают тихую осень и зиму непостоянную. Или, если домашние птицы щиплют траву на полях, а перелетные не улетают, то верный знак теплой зимы. Примечания поселян изменяются по местному расположению страны. На севере, где природа суровая и само лето скоропроходящее, бабье лето непродолжительное. Однако бывает, что оно при всем непостоянстве, например, петербургского климата продолжается около трех недель. Холода сентябрьские, пасмурная погода и частые дожди,

имея влияние на расположение духа людей, изменяют их веселость и здоровье. Каждый смотрит на умирающую природу с душевным волнением, потому что все вокруг него сохнет и погибает. Ненастный и безжизненный сентябрь делает почти каждого угрюмым и задумчивым, сердитым и печальным, потому вошло говорить в обычай: «Он смотрит сентябрем, на него нашла сентябрьская хандра; он угрюм, как сентябрь; у него сентябрьские думы».

Есть обычай, что под Семен день в деревнях гасят вечером огонь в избах и не держат его в эту ночь. Наутро раздувают новый огонь знахари и знахарки, с особыми приговорами. Со времени Семена дня повсеместные сельские работы называются бабьими. Этому названию способствовало само время: ни холодное, ни теплое, которое как нарочно выгоняет женщин из изб, чтобы работать на открытом воздухе. Там они мнут и треплют пеньку, мочат и сушат лен, прядут и снуют холст. Если девушка затыкает красна в Семен день, то она замечает, как ложатся нитки: если прямо, то у нее будет хороший муж; если неровно, то негодный. На женские работы стекаются молодые люди, чтобы им помочь, и помогают преимущественно молодкам и красным девушкам. Вечеру начинаются посиделки, и тут просиживают за работами до первых петухов. В первые посиделочные дни угощают разными кушаньями и пивом; в Малороссии гречаниками и кулишом с салом.

ПИВО ВАРИТЬ

В некоторых местах доньше сохранилась осенняя игра с хороводом под именем *пиво варить*. Эта игра взята из обыкновения варить пиво к бабьему лету. Молодые женщины выходят с брагою к воротам, за коими давно теснится толпа праздных поселян, и угощают их: наперед старых, потом молодых, а после девушки начинают хоровод *пиво варить*. Составив круг, девушки ходят и поют с насмешливыми движениями. Действиями рук, плеч и всего тела они намеренно обнаруживают состояние пьяного, которое явно указывает на разгульную

жизнь мужика, обращающего каждый случай в бражничество. Пояснение этого находится в самой песне:

Ай, на горе мы пиво варили,
Ладо мое, ладо, пиво варили!
Мы с этого пива все вокруг соберемся,
Ладо мое, ладо, все вокруг соберемся!
Мы с этого пива все разойдемся,
Ладо мое, ладо, все разойдемся!
Мы с этого пива все присядем,
Ладо мое, ладо, все присядем!
Мы с этого пива спать ляжем,
Ладо мое, ладо, спать ляжем!
Мы с этого пива опять встанем,
Ладо мое, ладо, опять встанем!
Мы с этого пива все в ладоши ударим!
Ладо мое, ладо, в ладоши ударим!
Мы с этого пива все перепьемся,
Ладо мое, ладо, все перепьемся!
Теперь с этого пива все передеремся,
Ладо мое, ладо, все передеремся!

По окончании хоровода женщины приносят кувшины браги и угощают девушек.

В Малороссии существуют подобные этому обычаи: там равно варят брагу, девушки гуляют на зеленом лугу, играют в хороводы и поют песни сообразно игре. Песня поется та же самая.

ПОХОРОНЫ МУХ И ИЗГНАНИЕ ТАРАКАНОВ

В юго-западной и северо-восточной полосе России существуют похороны мух. С Семена дня, или *Семена-летопроводца*, насекомые начинают исчезать. Увеличивающееся холодное время производит тогда мор на блох, прусаков, тараканов и мух. Простой народ, зная, что с этого времени насекомые и многие животные замирают на зиму, погребают за-

ранее мух с шуточными обрядами. Нарядные девушки делают гробы из кавунов или тыкв, огурцов, редьки и репы, укладывают сюда мух с притворным воплем и несут к выкопанной могиле. Другой обычай, не менее странный, есть изгнание тараканов во время заговен, перед Филипповым постом. Все находящиеся в избе должны, взявшись за руки и зажав рот, тянуть за ногу из избы привязанного к ниточке таракана через весь двор на улицу. Между тем одна из женщин, стоящая с растрепанными волосами под окном, стучит и спрашивает: «Чем вы заговляетесь?» – «Говядиною». – «А таракан чем?» – «Таракан тараканами». Это уж произносят тогда, как вытащат его из избы. Этим оканчивается изгнание, и тогда думают, что тараканы не появляются более¹.

В это заговенье девушки загадывают о суженых. Во время ужина они оставляют кусок говядины, чтобы никто не видел и не знал их намерения; потом, ложась спать, кладут его себе под изголовье, приговаривая: «Суженый, ряженый, приди ко мне заговеться». Это повторяется три раза. На другой день хвалится каждая подруга, что видела будущего своего – такого хорошенького! «Точно он мой жених!»

Семен день, превращенный в бабье лето, не есть народный праздник, а местный обычай угощения по окончании полевых работ, которые, как известно, не везде оканчиваются в одно время, потому что все это зависит от обычаев и положения страны. За всем тем бабье лето известно по всей Европе.

XI. БРАТЧИНЫ

ЗНАЧЕНИЕ БРАТЧИН

Мирские сходки в древнее время были в большом обыкновении. На них решались семейные и частные дела, и весьма

¹ У староверов и других суеверов считается за грех изгонять тараканов, и размножение их принимают за Божие благословение. Некоторые еще кормят их, сберегая под веником в печурке или под печью.

часто одним сходом, по-братски. После примирений предлагались взаимные угощения, обратившиеся впоследствии как бы в особое празднество, известное под именем *братчин, братовщины и братовщинок*. Тут прекращались навсегда сельские раздоры, водворялись дружба, миролюбие и братство. Время, однако, изменило значение братчин, преобразовав его в народное празднество, и эта перемена произошла после введения повсеместных судов и сельской расправы. Тогда сельские старшины, головы и старосты, созывали свой мир из одной обязанности, но по окончании дел старые люди не покидали старинного обычая гостеприимства: приглашали друг друга на хлеб-соль и чарку вина. Таким образом, братчины сами по себе мало-помалу изменялись, и народ стал сходиться только в известные праздники для одних пирушек, кои составлялись из дружелюбной складчины. В других местах тогда варили пиво на собранные деньги и готовили кушанье.

МИХАЙЛОВСКАЯ И НИКОЛЬСКАЯ БРАТЧИНЫ

Главных братчин суть две: Михайловская и Никольская: первая в честь архистратига Михаила (6 сентября), а вторая в честь св. Николы зимнего (6 декабря). В эти два дня поселяне ставят общим миром в церкви большую свечу и служат молебен о ниспослании на них всяких благ. После угощают на свой счет поселян из своего околотка; остатки от стола раздают нищим; хлебные крохи бросают на воздух, чтобы нечистые духи не портили ни деревьев, ни полей. По многим городам, деревням и селам зажиточные люди делают складчину из благовоения к празднику какого-нибудь святого или такого угодника, который почитается покровителем целой деревни, или во имя того праведника, в честь коего выстроена церковь по какому-нибудь чудесному событию. Таковой обычай общеупотребителен и в римско-католической церкви. Там, как и у нас, отправляют молебны и взаимно угощают. В Юго-Западной России и в большей части Северо-Восточной

празднуют еще братчину по случаю заложения или окончания церкви. Тогда прихожане отправляют братчину с особой веселостью; со всех окружных мест съезжаются к ним на праздник: тут проводят время в забавах и играх. Летом празднуют обыкновенно под открытым небом, близ церкви, а зимою в доме священника или церковнослужителя.

Домашнее или семейное празднество, называемое «новоселье», по случаю перехода на жилье в новый дом, также доставляет соседям случай поприбавлять. Соседи сходятся к хозяину, поздравляют его с новосельем и приносят хлеб-соль. Ни один из русских не переходит в новый дом, не освятив его. Тут соблюдаются некоторые действия: по углам комнаты вбиваются бумажки с написанным заклинанием; читают молитвы на изгнание нечистых духов и потом окропляют комнаты освященной водою¹.

В старые годы было даже обязанностью ездить на братчины: это происходило из уважения к храмовому празднику. Пирьы были тогда столь частые и столь разорительные, что особыми грамотами запрещалось ездить *на пирьы, братчины и свадьбы* всем незванным².

КОНОН

В некоторых местах Малороссии такое разгулье называется *кононом*. В это время там было разливное море для веселья: варенуха, брага, пиво и крепкие меды не сходили со столов — я присутствовал при одном кононе. После совершения

¹ При заложении дома кладет хозяин по четырем углам основных бревен по куску хлеба и оставляет там на всю ночь. На другой день смотрит: целы ли положенные куски? Если пропадет какой-либо кусок, то полагают, что это место несчастливое, потому передвигают бревна в другую сторону. Поселянин основывает свое благосостояние на куске хлеба, потому пропадажа хлеба дает ему повод заключить, что заложение избы на таком месте явное для него несчастье. Он не решается еще строить и на том месте, где пролегалa дорога: тут, по его мнению, шатался дьявол. Дерево, сломленное бурей, не употребляет при постройке, веря, что дьявол поднимает бурю.

² «Истор. русск. иерархии», т. 1.

службы, это было летом, прихожане чинно уселись за приготовленными столами под деревьями благоухающими; священник, благословив кушанье, поздравлял гостей с праздником и потом пил чарку водки, которую поднес ему староста, распорядившийся общим пиром, и та же чарка обходила всех кругом. Подали пироги и паляницы со сметаной, затем горячее кушанье. Священнику подавали прежде всех, за ним по старшинству остальным. Угощение состояло из разных сытных блюд; во время кушанья пили, кто что хотел. После обеда молодые женщины, девушки и парни занялись играми и хороводами. Прочие веселились плясками и пением.

ССЫПЧИНЫ, ЮРОВЫЙ <ЮРЬЕВ> ДЕНЬ, НИКОЛЬЩИНА И ХОЛКИ

С братчинами имеют больше сходства *ссыпчины*, *Юровый <Юрьев> день*, *Никольщина* и *холки*. Все они служат предметом для народных увеселений: сельские сходбища и забавы, составляемые по предварительному соглашению зажиточных семейств, происходят по случаю какого-нибудь деревенского праздника. Пиво и вино, пироги с яйцами и кашею суть главное кушанье. Не один мужеский, но и женский пол принимает участие в веселии, которое продолжается за полночь.

Во время ссыпчин являются часто скоморохи, а гости, развеселенные чаркою вина, прощают друг другу убытки, нанесенные им в продолжение летних работ, как то: потравы хлеба и травы, закос в чужих лугах и т. п. Молодки, девушки и парни пускаются впредь и поют песни, какие вздумают, как, например:

Во пиру была, во беседашке,
Я не мед пила, я не полпивце;
А пила, пила сладку водочку.
Я не чарочкой, не стаканчиком;
Я пила, пила с полна ведра.

Я домой пошла, не шаталася,
Ко двору пришла, пошатнулася,
За вереюшку схватилася.
Веря моя, ты дубовая!
Поддержи меня, бабу пьяную,
Бабу пьяную, шельму хмельную.

В это время развеселившиеся гости поднимают чарки и провозглашают:

За здоровье того,
Кто любит кого;
На погибель тому,
Кто завидует кому!

Или, взяв чарку, припевают:

Чарочка моя, серебряная!
Да кому ж чару пить?
Да кому ж наливать?
Наливать чару, да Иванушке¹,
Выпивать чару, да Зиновьичу.

Пирующие, разгорячась вином более и более, употребляют часто выражения довольно нескромные, от коих, как говорится, уши вянут. Конец пирования ссыпчины или братчины иногда бывает причиною ссор и новых попоек на мировую. Юровый <Юрьев> день, получивший свое название от праздника св. Георгия, празднуется сибирскими рыболовами после счастливого улова рыбы. Никольщина же есть общий веселый русский праздник, совершается в день св. Николая (9мая). Люди собираются к храмовому празднику Николая, если в деревне есть церковь во имя св. Николы, и после службы пируют. Где нет церкви во имя св. Николая, там отпевают молебен в обыкновенной приходской заступнику Николаю и потом предаются общему радостному разгулу. Никольщина

¹ Называют по имени того, кому наливать и кому пить.

была в прежние годы срочным днем для сделок, платежей и повинностей. По хорошему и безоблачному дню св. Николая судят о благоприятной осени. Холки, забавы одних девушек составляют в некоторых местах сельские угощения. Холки, конечно, происходят от *холить* – нежить, ласкать, потому что девушки, резвясь в своих холках, высматривают женихов, коих не перестают с тех пор ласкать, и стараются нравиться им. В Казанской губернии холки составляют увеселение; они начинаются с половины сентября и продолжают до самой сырной недели. Первые холки бывают по снятии шерсти с овец. Бедные, нуждающиеся в шерсти, варят пиво и созывают соседей на холку; каждый приглашенный должен непременно принести с собою сколько-нибудь шерсти. Потом, через несколько времени, созывают мять и трепать лен и пеньку, потом прясть, и всякий раз приглашаемые приносят с собою лен и конопель. Многие бедные созывают единственно гостей для того, чтобы они помогли им от своего избытка; богатые охотно принимают приглашение, имея здесь случай повеселиться. Сюда сходятся молодые обоого пола, и нередко на самих холках происходят любовные изъяснения, которые на посиделках оканчиваются между молодыми тайным сговором.

ПОСИДЕЛКИ

Нет уголка на всем мире, где бы не происходили по вечерам собиранья молодых людей, состоящие в приятной беседе с любимыми особами, и эти собиранья известны у нашего народа под именем *посиделок, бесед и досвитоков*. По окончании полевых работ наступают темные и продолжительные вечера. Тогда сходятся молодые девушки и женщины, чтобы поговорить между собою кое о чем или идут друг к другу с шитьем, пряжею и вязаньем, чтобы работать охотнее. В прежние годы это было в обычае даже между боярынями и боярышнями. Незнатные и небогатые, купеческое сословие и простые, собирались на посиделки по зову своих приятелей, но

и тут соблюдалось некоторое обрядное приличие: женщина-позыватка ходила скликать молодых девушек, чтобы посидеть вечером, отсюда произошло название посиделок. Однако молодых людей обоего пола не стесняли приходить на вечер по одному приглашению; неприглашаемые также проводили весело, как и те, которые были приглашаемы особо. Девушки не долго занимались своей работою, ибо они увлекались рассказами, близкими их сердцу, потом незаметно переходили к играм, пению и пляске.

Молодые люди пользовались на посиделках приятным случаем – свободно сидеть подле своей милой, говорить с нею и перешептываться о своей любви; жали друг другу руки и давали обещание видаться почаще. Их свидания большей частью оканчивались свадьбою, которые на Руси всего более совершаются после осени. Посиделки у зажиточных сопровождались закусками и пивом. Иногда они происходили в особо нанятом доме, где угощение делалось на счет складчины. Строгие родители не всегда позволяли своим дочерям посещать такие собрания, потому что о них распространялась худая молва и беславие о девической добродетели. Посиделки не продолжались далее полуночи. Мужчины проводили своих девушек домой и расставались с ними до первого радостного свидания.

Нынешние посиделки совершаются так же, как и в старину. Девушки собираются в назначенную ими избу и там сидят за работою: они прядут лен, посконь, конопель и шерсть.

Пряхи, сидя за мочкою, рассказывают про домашние дела, толкуют про своих парней и смеются и тут же запевают:

Пряди, моя пряха,
Пряди, не ленися¹.
Я рада бы пряла,

¹ У простолюдинов есть поговорка «Тонко прясть – долго ждать». Это значит, что работа, производимая с отчетливостью, требует терпения; не много выработать, но хорошо; хотя долго ждать вознаграждает труд; что тонкая пряжа, хотя ее дожидаться долго, несравненно прибыльнее.

Меня во гости звали
К соседу во беседу,
На пир пировати:
Пива, меду пити,
Вина зеленого.
А я, молоденька,
Не пью никакого,
Окроме простого.
Зеленая роща
Всю ночь прошумела;
А я, бедная Дуняша,
Всю ночь просидела,
К себе мила друга ждала.
Приехали трое
На вороных конях;
Шапка со углами,
Головка с кудрями.

С начала вечера до ужина все занимаются усердно, чтобы в ужин показать своей матушке, как много наработали. Но часа < через > два после ужина пропадает вся охота к работе:

Сядешь прясть,
Донце хрясть,
Мочки хлопками летят!

Тут все бросают работу и начинают между собой игры. Мало-помалу появляются к ним парни с дудками камышовыми, скрипками и балалайками. Они любезничают с девушками, например: «А ты, Дунька, тонко прядешь!» Или: «Эх ты, Машка, как исхудала!» Хотя Машка – чуть не треснет от жира. Любезности продолжаются недолго: появляются наряженные, и тут прощай гребни, вертена, мыкольники и донца! Все летит под лавки. Наряженные ходят по всем углам и ищут спрятавшихся от них девушек. После начинаются пляски под свист дудки, скрипки и балалайки или под одни песни. Часто до начала плясок и игр поют одни песни

без всякого разбора, какие придут в голову: унывные и шуточные, плясовые и протяжные; вот для примера:

– Вспомни, вспомни, мой любезный,
Мою прежнюю любовь:
Как мы с тобой, мой любезный, погуливали,
Осенние темны ночи просиживали,
Забавные тайны речи говаривали:
Тебе, мой дружок, не жениться,
Мне замуж, девке, не идти.
– Скоро, скоро, моя любезная передумала.
– Женись, женись, мой миленький! Я замуж пойду...

В чистом поле, поле, при долине
Стоял нов высок терем;
В том новом теремочке девушки песенки поют:
Знать то, знать то мою любезную замуж отдают.
Среди двора крыльцо стоит раскрашенное,
С того крыльца ведут к венцу.
Красну девицу-душу.
Один ведет за рученьку, а другому жаль,
Третий стоит, слезы ронит: любил, да не взял!
– Постой, постой, красавица! Простимся со мной.
– Я бы рада проститися, жених не велит.
Скучно, матушка! Голова болит!
Ай, люли, люли, голова болит.
Худо можется, нездоровится;
Ай, люли, люли, нездоровится!
Не здоровится, гулять хочется;
Ай, люли, люли, гулять хочется!
Я украдуся, нагуляюся;
Ай, люли, люли, нагуляюся,
Со милым дружкой повидаяся.
Ай, люли, люли, повидаяся!
Ах ты, милый мой, мил сердечный друг!
Ай, люли, люли, мил сердечный друг!
Научи меня, как домой прийти!
Ай, люли, люли, как домой прийти!
Ах, глупая, неразумная,

Ай, люли, люли, неразумная!
Поди улицей серой утицей.
Ай, люли, люли, серой утицей.
Широким двором белой лебедью.
Ай, люли, люли, белой лебедью.
Во высок терем ясным соколом.
Ай, люли, люли, ясным соколом!
Твой высок терем растворен стоит,
Ай, люли, люли, растворен стоит!
Твой ревнивый муж за столом сидит,
Ай, люли, люли, за столом сидит!
За столом сидит, сам ломается.
Ай, люли, люли, сам ломается,
Надо мной, молодой, надругается!
Ай, люли, люли, надругается!
За шелкову плетть принимается;
Ай, люли, люли, принимается!
Плетка свистнула, а я вскрикнула!
Ай, люли, люли, а я вскрикнула!
Свекору-батюшке возмолилася,
Ай, люли, люли, возмолилася!
Свекор-батюшка, отыми меня,
Ай, люли, люли, отыми меня!
От своего сына, от моего мужа,
Ай, люли, люли, от моего мужа!
Свекор-батюшка велит больше бить;
Ай, люли, люли, велит больше бить!
Велит больше бить, кожу до пят спустить,
Ай, люли, люли, кожу до пят спустить!
Кожа волочится, гулять хочется,
Ай, люли, люли, гулять хочется!

Ты, дуброва моя, добровушка,
Ты, дуброва моя, зеленая!
Ты к чему рано зашумела?
Приклонила ты свои ветви?
Из тебя ли, из дубровушки,
Мелки пташечки вон вылетали?
Одна пташечка оставалася,

Горемычная кукушечка.
Что кукует она и день и ночь,
Ни на малый час ей умолку нет!
Жалобу творит кукушечка,
На залетного, ясного сокола:
Разорил он ее теплое гнездо,
Разогнал ее малых детушек,
Малых детушек, кукунятушек,
Что во тереме сидит девица,
Что во высоком сидит красная,
Под косящетым под окошечком.
Она плачет, как река льется;
Возрыдает, что ключи кипят.
Жалобу творит красна девица
На заезжего молодца:
Что сманил он красну девицу!
Что от батюшки, что от матушки;
И завез он красну девицу
На чужу дальну сторону,
На чужу дальну незнакомую:
Что завезши, хочет покинуть.

Среди песен грустных вдруг затевают пляску. Плясуны, стоя одна против другой, топают ногами в такт музыке, потом кружатся в противоположные стороны, меняются, и снова топают, и снова кружатся. Пляска в Смоленской губернии почти всегда начинается припевом:

Заиграйте музыки,
Мои лапти велики;
Мне татунька сплел
На святой Покров.

Или:

Вот так чини,
Как я чиню!
Люби, девка, по обычаю:
И попов, и дьяков,

И хороших мужиков.
Вот так! Раз,
Вот так! Два.

Или одна плясунья, гордясь тем, что она богаче своей подруги, припевает:

Пять пол на переди. (2)

Другая, хотя беднее ее, но желая сказать, что и она бывает там, где и богатые, отвечает вприсядку:

А в три штуки, туда ж таки¹.

Когда пляшут под песни, тогда женщины и девушки, став в кружок, поют; из круга между тем отделяется одна пара, иногда и две: они вместе поют и пляшут, под такт пения. Вот плясовая:

Ах, вы, сени мои, сени, сени новые мои!
Сени новые, кленовые, решетчатые.
Ах! Как мне по вас, по сеньюшкам, не хаживати,
Мне мила друга за рученьку не важивати!
Выводила молода за новые ворота,
Выпускала сокола из правого рукава:
Ты лети, лети, сокол, высоко и далеко,
И высоко, и далеко, на родиму сторону.
На родимой на сторонке
Грозен батюшка живет;
Он грозен сударь, грозен он, немилостивый,
Не пускает молоду поздно вечером одну.
Я не слушала отца, потешила молодца,
Я за то его потешу, что один сын у отца:
Зовут Ванюшкою, пивоварушкою.
Пивовар пиво варил,
Зелено вино курил:

¹ Это говорится *в три штуки* о поневе, которую носят девушки и женщины, обертывая себя полами, и чем более их, тем богаче считается девушка.

Вы пожалуйста, девицы, на пиварню на мою,
На моей ли, на пиварне, пиво пьяно на ходу,
Пиво пьяно на ходу и на сладком меду.

Как у наших у ворот, (2)
Люли, люли, у ворот! (2)
Стоял девок хоровод, (2)
Люли, люли, хоровод! (2)
Молодушек табунок, (2)
Люли, люли, табунок! (2)
Меня девки кликали, (2)
Люли, люли, кликали! (2)
Молодушки манили, (2)
Люли, люли, манили! (2)
На улицу погулять, (2)
Люли, люли, погулять! (2)
С ребятами поиграть, (2)
Люли, люли, поиграть! (2)
Меня свекор не пустил, (2)
Люли, люли, не пустил! (2)
Хоть и пустил, пригрозил, (2)
Люли, люли, пригрозил! (2)
Гуляй, сноха, да не долго, (2)
Люли, люли, да не долго! (2)
До первых петухов, (2)
Люли, люли, петухов! (2)
А я, млада, до поры, (2)
Люли, люли, до поры! (2)
До утренней, до зари, (2)
Люли, люли, до зари! (2)
Лишь зорюшка занялась, (2)
Люли, люли, занялась! (2)
А я, млада, поднялась, (2)
Люли, люли, поднялась! (2)
Навстречу мне деверек, (2)
Люли, люли, деверек! (2)
Деверюшка, батюшка, (2)
Люли, люли, батюшка! (2)
Проводи меня домой, (2)

Люли, люли, домой! (2)
До моего двора, (2)
Люли, люли, до двора! (2)
До высока терема, (2)
Люли, люли, терема! (2)
Подхожу я ко двору, (2)
Люли, люли, ко двору! (2)
Свекор ходит по двору, (2)
Люли, люли, по двору! (2)
Повесивши голову, (2)
Люли, люли, голову! (2)

Переходя от резвостей к новым резвостям, начинают игровую:

Солнце на закате,
Время на утрате.
Сели девки на лужок,
Где муравка, где цветок,
Где мы с вечера резвились,
В хороводе веселились
На приятной тишине
Под березкою одне.
Только слышно, голосок
Раздавался во лесок:
Где красавица милая,
Светик, радость дорогая?
Где ты? Где ты? Ах! Ау!
Без тебя я здесь умру!
Твой глазик меня не видит,
Знать, он меня ненавидит!
Все девушки спохватились,
И домой поторопились.
Светик Машенька, дружок,
Тут присела на лужок.
Со травы цветы рвала,
К себе милого ждала.
Не успела скласть в пучечки,

Идет милый из-за речки,
Парень милый, красавчик.
Светик Машенька, дружок,
Тут присела на лужок.
Со травы цветы рвала,
К себе милого ждала.
Не успела скласть в пучечки,
Идет милый из-за речки.
Парень милый, красавчик,
Светик Машенькин дружок.
Подошедши ручки жмет,
У Машеньки сердце бьет!
Сердце сердцу покорилося,
Щечки розою покрылись.
Уж любовь как одна
Нам природою дана!

У дородного доброго молодца
В три ряда кудри завивалися,
Во четвертый ряд по плечам лежат:
Не сами кудри завивалися,
Завивала красна девица
По единому русому волосу.
Завивши кудри, сама призадумалась:
Как бы я знала, млада, ведала,
Про свое горе, про несчастье,
Про замужье про бездельное;
Я бы сидела век в девушках
У родимого своего батюшки,
У родимой своей матушки,
Я бы чесала буйну голову,
Я бы плела трубчату косу.
И вплетала б я ленту алую,
Ленту алую, шелку красного,
Шелку красного шемаханского.
Как бы я знала, млада, ведала,
Что просватал меня сударь-батюшка
Не в любимую во сторонушку,

Не за прежнего полюбовника,
Не за лапушку, да за милого;
А что отдал меня батюшка
В семью несогласную,
Во хоромину непокрытую.

Ах! на горе елочка стоит,
Ах, мой Божинька! Зелена стоит.
А под тою елочкой желнерик лежит,
Ах, мой Божинька! Желнерик лежит.
Над тем над желнериком ворон конь стоит,
Ах, мой Божинька! Ворон конь стоит.
Правым копытчком земельку сечет,
Ах, мой Божинька! Земельку сечет.
Для своего желнерика воды достает,
Ах, мой Божинька! Воды достает.
Знать же тебе, конечек, воды не достать,
Ах, мой Божинька! Воды не достать.
Знать мне желнерику от земли не встать;
Ах, мой Божинька! От земли не встать.
Беги, беги, коничек, лужком, бережком.
Ах, мой Божинька! Лужком, бережком.
Лужком, бережком ко моему двору.
Ах, мой Божинька! Ко моему двору.
Выйдет к тебе, коничек, старая паня,
Ах, мой Божинька! Старая паня.
Старая паня, то мати моя.
Ах, мой Божинька! То мати моя.
Выйдет к тебе, коничек, младая паня,
Ах, мой Божинька! Младая паня.
Младая паня, то жена моя.
Ах, мой Божинька! То жена моя.
Выйдут к тебе, коничек, млады паненята,
Ах, мой Божинька! Млады паненята.
Млады паненята, то дети мои.
Ах, мой Божинька! То дети мои.
Станут тебя, коничек, оглаживати,

Ах, мой Божинька! Оглаживати.
Станут у тебя, коничек, выпрашивати,
Ах, мой Божинька! Выпрашивати.
Не сказывай, коничек, что избит лежу,
Ах, мой Божинька! Что избит лежу.
А скажи, воронинький, что в полку служу.
Ах, мой Божинька! В полку служу.
Что в полку служу, чину заслужу,
Ах, мой Божинька! Чину заслужу.
Заслужил желнеричик под елочкой смерть.
Ах, мой Божинька! Под елочкой смерть.

Между богатыми дворянами и боярами были свои обряды. Мать семейства, рассылая бабушек и нянюшек по знакомым домам, просила девушек посидеть вечером, преимущественно таких, которые славились богатством и красотой. И чтобы не уронить чести своего дома и придать более блеску своей знатности, созывали столько, сколько можно было поместить их в своих хоромах. *Позыватки с делом* высматривали хороших женихов: молодых, богатых, белокурых, с голубыми глазами, с пушком на бороде и курчавыми волосами. Такой молодец был идиолом вечерних бесед: на него засматривались и самые скромные красавицы. Матери несколько дней сряду снаряжали их в путь: запрягали рыдван в шесть лошадей и, навьючив его бельем, платьем, гостинцами из сухих плодов, пряников, волошских орехов и варении на меду, отправлялись на посиделки. Хозяйка принимала гостей на крыльце и вводила в покои с честью и поклонами. После обычных расспросов о здоровье, погоде усаживались чинно и долго ничего не говорили, пока хозяин не оживлял их крепким медом. Девушек и молодых мужчин угощали навезенными гостинцами, отчего часто обижалась хозяйка, но ее успокаивали тем, что так уж водится исстари, приговаривая: «Не мы, мать родная, завели, не нами кончится».

Званные оставались гости несколько дней. Это время было пыткой для молодых сердец: тут ласкали, выводывали

друг друга и расставались с взаимной уверенностью в любви. Шуточные рассказы, игры затейливые, страстные забавы и скрытные перешептывания облегчали продолжительно мучительные испытания. Матушки, высмотрев женихов, а женихи невест, благодарили хозяйку за хлеб-соль и *веселое довольство*; потом разъезжались по домам, прося пожаловать к ним откусать хлеба-соли и отведать сладкого меда. По приезде домой мать с отцом советовались тайно о выборе женихов и, не спросив о согласии дочери, посылали свах с предложениями.

Заведенные Петром I *ассамблеи* (собрания) были, собственно, придворные, но нынешние вечера, сопровождаемые танцами и музыкою, вошли в употребление в царствование императрицы Елизаветы, любительницы вкуса и изящности. Они вытеснили навсегда старинные беседы и открыли широкий путь к порче нравов. Еще наши деды любили вспоминать про свои посиделки не из предубеждения к ним, но из простоты жизни и строгой скромности молодых людей. Сохранившиеся посиделочные песни могут служить тому доказательством. Нельзя не заметить, что некоторые из этих песен отзываются сердечною тоской и безнадежной любовью:

Как бы знала я, как бы ведала
Неприятство друга милого,
Нелюбовь друга сердечного,
Не сидела бы поздно вечером,
Я не жгла бы свечу воску ярого,
Не ждала бы я друга милого,
Не топила бы красна золота,
Не лила бы золота кольца
И не тратила бы золотой казны.
Я слила бы себе крылушки,
Полетела б на иной город,
Чтоб искать себе друга милого.
И я села бы среди площади,
И я стала бы клич кликати.
Кто бы стал со мной советовать,

Как бы мне забыть друга милого!
Проклинала бы я разлучника,
Что разлучил меня с милым дружкой,
С милым дружкой, со сердечным.

Или:

Туманно красно солнышко, туманно,
Что красного солнышка не видно!
Кручинна красна девица, печальна,
Никто ее кручинушки не знает!
Ни батюшка, ни матушка, ни родные,
Ни белая голубушка сестрица.
Печальна красна девица, печальна!
Не может мила друга позабыть.
Ни денною порою, ни ночью,
Ни утренней зарею, ни вечерней.
В тоске своей возговорит девица:
— Я в те поры милого друга забуду,
Когда подлмятся мои скоры ноги,
Когда опустятся мои белы руки,
Засыплются глаза мои песками,
Закроются белы груди досками.

Посиделочные вечера, заронив искру любви в молодые и неопытные сердца, были отравой для жизни. Семейная гордость, разряды и происхождения знатных родов были весьма часто, как и ныне, могилою для любящих.

СУПРЕТКИ И ДОЖИНКИ

В Белоруссии вечерние собрания, начинающиеся с Покрова дня и продолжающиеся до Пасхи, называются *супретками*. Девушки собираются в наемную избу, чтобы прясть, шить, веселиться и петь. Сюда сходятся парни и высматривают себе невест. Молодые обоего пола проводят время в пении и играх, а парни угощают девушек разными лакомствами.

В *дожинки* же, или весенние вечера, собираются также парни и девушки и проводят время уже не в душной избе, но под открытым небом. Тут никакой не занимаются работой, но одними забавами и играми, пением песен и пляскою под музыку. На дожинки нередко собираются пожилые, чтобы полюбоваться юной резвостью; молодые женщины приходят украдкой, чтобы повеселиться и погоревать о своей неволе.

ДОСВИТКИ И ВЕЧЕРНИЦЫ

С посиделками совершенно сходны малороссийские *досвитки*, кои потому так названы, что в это время молодые люди проводят всю ночь *до свита* (до рассвета) в забавах, играх и пении. Сначала сходятся девушки в одну определенную ими хату и в ожидании прихода парубков занимаются пряжею, шитьем, поют песни, которые служат знаком, что они давно собрались и сидят за работою. Хата бывает освещена обыкновенными свечами или *каганцами*¹. На досвитки приносят разные с обеих сторон лакомства, в числе коих любимые суть: *насимячко*, сушеные семена из гарбузов (тыкв), сонишник (подсолнечник), каленые орехи, маковики, медовые коржи, масляники, бублики (баранки) и пр. Девчата сначала ничего не хотят принимать от парубков, так уж, по своей привычке. Когда разговорятся и веселость начнет одушевлять всех, тогда они с удовольствием принимают от них лакомства и знакомятся. Досвитки начинаются с осени и продолжаются до Великого поста.

По наступлении благоухающей весны начинаются *вечерницы*, которые продолжаются до лета и потом возобновляются в теплые осенние дни. Название *вечерниц* происходит от вечерних собраний. Девушки и мужчины собираются около хаты и проводят вечера, часто и целую ночь, в играх и забавах: бегают в запуски, играют в жгут, составляют хороводы, танцуют, поют под скрипку или дудку. Все молодые прини-

¹ Глиняные чашечки с узким носиком; в них наливают конопляное масло и зажигают *гноть* (светильню). Выгоревший каганец определенной величины показывает время ночи.

мают участие в этих увеселениях, а парубки, избирающие себе невест, женихаются с ними (ухаживают за ними). Довольно замечательно, что на вечерницах молодые обоого пола допускают себе вольность целовать друг друга, обниматься, резвиться и спать вместе, и никогда не доходило до бесславия. Преступивший правила чести подвергался изгнанию из общества, но нарушивший священные обеты любви преследовался всеми. Горе и той, которая, отдавшись своему милому, скрывала его преступление. *Громада* (мирское сходбище) если узнавала о появлении от нее на свет нового существа, то вызывала виновную мать на *базар* и допрашивала об имени скрытого ею отца, потом принуждала преступного жениться на обольщенной им. Если виновная не открывала своего обольстителя, то ей надевали на голову с шумом и насмешливым криком хомут, очипок (чепец) и обрезали косу, и с того времени она не смела появиться в общество своих подруг, вести с ними прежнюю дружбу – она принадлежала уже к *гульливым*. Немногие девушки переживали свое бесчестие.

Каждая девушка имела на вечерницах своего милого, и каждая шла сюда для того, чтобы с ним *пожартовать* (провести время в забавах), понежиться и слышать от него сладостные повторения в любви. Кто любил свою коханую и потом оставлял ее, тот навлекал на себя неукротимый ее гнев. Мстительная ревность изобретала все способы к наказанию неверного. Не довольствуясь его посрамлением, она часто прибегала к самым преступным мерам: готовила из ядовитых растений отраву и опаивала его. Рассказы о таких поступках оправдываются самими песнями. Ни одна из русских песен этого рода не отличается такою силою воли, пламенностью и чувством иступленной ревности, как малороссийские, которые большею частью сочинялись парубками после несчастного события на вечерницах. Напев их грустный, происшествие трогательное и печальное, конец – приготовленная смерть. Вот примеры:

Не ходы, Грыцю, на вечерныцю,
Бо на вечерницах дивки чаровницы,

Бо на вечерницах дивки чаровницы!
Одна дивчина чорнобрылая,
То чаровныця справедливая;
То чаровныця справедливая!
В недилю рано зилля копала,
А в понедилок перемывала.
А в понедилок перемывала!
Прийшов вивторок, зилля зварыла,
В середу рано Грыця отруила!
В середу рано Грыцю отруила!
Прийшов же четверг, Грыценцько умер,
А в пятныцю Грыця поховали,
А в пятныцю Грыця поховали,
А в субботу отпоминали!
А, отпоминавши, усим заказали:
Щоб того Грыця не вспоминали.

В недилю рано маты дочку била:
Но що ты, суко, Грыця отруила?
На що ты, суко, Грыця отруила?
Ой, маты, маты! Жалю не мае,
Не хай же Грыценцько двоух не кохае!
Не хай же Грыценцько двоух не кохае!
Не хай не буде ни той, ни мени:
Не хай достанется сырой земли.
От се тоби, Грыцю, я так зробила,
Що через тебе мене маты била!
Що через тебе мене маты била!
От се тоби, Грыцю, такая заплата:
З чоторых дощок темная хата!
З чоторых дощок темная хата!
Рано пораненьку ихали козаки,
И того Грыця вспоминали,
И того Грыця вспоминали!
Ой, Грыцю, Грыцю, преславный козаче!
За тобою, Грыцю, дивчина плаче!
За тобою, Грыцю, дивчина плаче!
Тая дивка чорнобрылая,
Котора Грыця причаровила.

Тоска девушки по своем милом чернобривом, который не подает никакой о себе весточки. Она плачет, и только ей легче, как поплачет; она полетела бы к нему, но нет у нее крыльев, а он не возвращается. Горюет, сохнет и умирает с каждым часом. Напев песни чрезвычайно жалобный:

Виют витры, виют буйный,
Аж деревья гнуця!
Ой, як болит мое сердце,
Самы слезы льюця.
 Трачу лита в лютом гори
 И кинця не бачу.
 Тилько мени легче стане,
 Як тришки поплачу!
Не помогут слезы счасцю,
Сердцю легче буде!
Кто счастлив був хоть часочек,
Повик не забуде!
 Есть же люди, що й моей
 Завидуют доли!
 Чи счастлива та былинка,
 Що росте у поли?
Ой, у поли на песочку
Без росы на сонци!
Тяжко жити без милого
На чужий сторонци.
 Без милого доли нема,
 Стане свит тюрмою;
 Без милого счастья нема,
 Нема и покою!
Де ты милый, чернобривый?
Де ты? Отзовися!
Як без тебе я горюю,
Прийды, подывися.
 До кого я пригорнуся,
 И кто приголубыт?
 Коли нема того тута,
 Який мене любыт.

Политила б я до тебе,
Да крылиц не маю!
Сохну, чажну я без тебе
Всякий час умираю!

Верность двух любовников. Веселый напев:

Дивчино кохана, здорова була!
Чи ще ж ты мене не забула?
Приихав до тебе – Бог тебе знае!
Чи твое серденько мене кохае?
 Козаче коханий, чого ты пытаєшь?
 Скорий, козаче, в могили буду,
 Неж тебе серденько позабуду!
Спасыбо, дивчино, за добре слово.
А може ты любишь кого другого?
Коли правдива мовонька твоя,
Так будешь, серденько, навик моя!
 Ты добре те знаєшь, що я сирота;
 Ни маю я срибра, ни маю золота,
 Опричь той любови, що к тобі я маю.
 Я всим убога – того ни таю!
Не треби мени золота, я сам придбаю,
Треба мени дивчины, що я кохаю!
Ходымо до церкви, звяжемо руки,
Нехай у нас не буде на сердци муки!

Печальные напевы в следующих песнях:

Сидыт голубь на березы,
Голубка на вишни.
Скажи сердце мени правду:
Що маєшь на мысли?
 Ой, яж тобі присягала
 Любиты, як душу:
 Теперь мене покидаєшь,
 Я плакаты мусу!
 Будь счастлив за тою,

Которую кохаешь;
А над мене вирнийшей
На свити не найдешь.
Буду Бога я просыты,
Щоб ты був щастливый:
Чи зо мною, чи з другою,
Повик мени, милый!
Як не захочешь, сердце мое,
Вирным буты;
То дай мени таке зилле,
Щоб тебе забуты!
Есть у мене таке зилле,
Близько перелазу;
Як дам тобі напиться,
Забудешь вид разу!
Буду питы через силу,
Ни капли не пущу;
Хиба тебе забуду,
Як очы заплющу!

Ой, ходыв чумак у Карась-базар,
Та чорною хусточною голову звязав.
Ой, ходыв же вин сим лит на Дону,
Та не було пригодоньки ему на роду.
Стала пригода з Дону идучи,
У чистым поли при дорози волив пасучи.
Ой, пас чумак, пас, да впас и лежит.
Ни хтож его не спытае: що у его болит?
Болит у его сердце, голова,
Сеж у того чумаченька, що роду не ма.
Прийшов до его товарищ его,
Бере его за рученьку, жалкуе его.
Товарищу мий! Жалкуешь мене.
Бериж мои волы й возы, поховай мене.
Да скидай кожух, надивай жупан.
Волыж мои сиринькии, сеж буде вам пан.
Ой, у Києви зазвонили в дзвин,
Сеж по тому чумакови, що ходыв на Дин.

Ой, у Києви зазвонили в два,
Сеж по тому чумакови, що роду нема.

Ой, по горам снігы лежат,
По долинам воды стоят,
А по шляхам маки цвितут.
То не маки цвितут,
То не маки, а чумаки:
Воны з Крыму идут,
Рыбу везут.
Маты сына вызнавала,
Та не взнала, выкликала:
— Иды, мий сынку, до домоньку!
Змыю тобі головоньку.
— Измый, моя ненько, сама соби,
Або мой ридный сестры.
Мене змыют дрибни дожчи,
Розчешут густы терны,
Розчешут густы терны,
Розкудрют буйны витры,
А рознесут кости чорны вороны.

Чи се тая крыниченька,
Що я воду пыв?
Чи се тая дивчинонька,
Що люблю и любыв?
Ой, жаль мени буде,
Возьмут люды,
Недоля моя!
Чи сеж тая крыниченька,
Що голубь купався?
Чи се тая дивчинонька,
Що я женихався?
Ой, сеж тая крыниченька,
И ключ и ведро;
А вже мене дивчинонька
Забула давно!
Засыпалась крыниченька

Золотым песком;
Злюбила дивчинонька
З другим козаком.
 Давжеж мени до той крыниченьки
 Стежки заросли;
 Давжеж по мою дивчиноньку
 Сваты прийшли.
Шумят вербы,
Що над той крыницею ростут;
Да вжеж мою дивчиноньку,
До церкви ведут.
 Один веде за рученьку,
 Другий за рукав;
 Третий стоит,
 Сердце болит:
 Любыв, да не взяв!

Жалоба молодого казака на долю, что она доселе не указала ему счастья:

Де ты ходишь, моя доля?
Не докличишься тебе!
Досиб можно дике поле
Пригорнуты до себе!
 Я тебе ось не вблагаю,
 До якои то поры?
 Все шукаю, да пытаю,
 Що аж серденько знурыв!
Чи на мори меж купцами
Личишь з крамом барыши?
Чи в хоромах з панянками
Ты рогочешь у ночи?
 Чи на неби из викиньця
 Сучишь дули биднякам?
 Чи при мысяци, без сонця
 Чешешь ты кудры зиркам?
Чи край моря на долини
Дикым маком ты цветешь?

Чи у лузи на калыни
Ты зозулею куешь?
Ой, змилуйся, моя нене!
По край мене хоть присядь;
Хоть постий ты биля мене,
То й тому я буду рад.

Безнадежная любовь:

Над ричкою над быстрою
Спизнався я с дивчиною. (2)
Лучше б було не знаться,
Ниж спизнавшись розстаться;
Лучше б було не влюбляця,
Ниж влюбившись разлюбиця!
Свитыть мисяц, та не грие,
До дивчины сердце ние.
Шумит, гудеть добровонька,
Плачет, тужит дивчинонька;
Плачет, тужит, нарекае,
Свою долю проклинав.
Долеж моя несчастлива!
На що ты мене спородыла? (2)
Ой, вы люды, вы сусиды,
Сжальтесь, сжальтесь мойй биды! (2)
Що мени з того, що всяк знае,
Що мене милый покидае! (2)
Абожь пийду, утоплюся,
Абожь об каминь убьюсь. (2)
Нехай будут люды знаты,
Як з коханья умираты! (2)

На тим боци огонь горыть,
На сим боци дымно;
Не маж мого мыленького,
Комусь буде дывно!
На тим боци огонь горыть,
На сим боци – жар, жар;
Не маж мого миленького,

Комусь буде – жаль, жаль.

Хылытеса, густы лозы,

Видкиль витер вие;

Дывытеса, кари очи,

Видкиль милый вийде.

Хылылыся густы лозы,

Та вжей – перестали;

Дывылыся кари очи,

Тай плакаты стали.

Плыве шука з Кременчука

Пробытая з лука,

Теперь мени, мое сердце,

З тобою розлука!

Ой! не шумы дуже, зеленый байраче!

Не плачь, не журися, молодой козаче!

Ой, як не шумиты,

Колы зелененький!

Ой, як не любыты,

Колы молоденький!

Сусиды близкий – вороги тяжкий,

Не велят ходыты, дивчину любыты.

Яж дивчину люблю и за себе визьму,

За себе я визьму, я за ий умру.

Ой, умруж я мыла, а ты будышь жива,

Не забувай мыла, де моя могила:

А моя могила у тихого моря,

Де була миж нами тихая розмова.

А моя могила у синьой роци,

Поляглы де жарти, поляглы любыти.

Выйдеш на могилу, та не тужы дуже,

Скажут вороженьки – любилысь мы дуже.

Выйдышь на могилу, не кывай рукою,

Скажуть вороженьки, що я жив с тобою.

Выйдеш на могилу, та не сып землю,

Бо сама ты знаеш, як тяжко пид нею.

Бывали примеры, что на вечерницах совершались убийства. Из соперничества друг к другу заводили между

собою ссоры, оканчивавшиеся смертью одного из них. Часто из угождения к своей милой отважный парубок гнал другого. Оскорбление имени чьего-нибудь неминуемо рождало кровавое мщение. Матери и отцы строго воспрещали своим дочерям и сыновьям ходит на вечерние сходбища; но они украдкой выходили из дома и возвращались тихо, когда еще спали домашние. Вечерницы посещали и паньчи (дети дворянские), но казаки, считая себя равными, вели с ними постоянные раздоры, и по той причине, что паньчи скорее приобретали внимание девушек. Это раздувало между ними пламя взаимной ненависти: составлялись партии соперников, и взаимное преследование оканчивалось смертоубийством, которое до того возросло впоследствии, что редкая неделя проходила, чтобы не находили окровавленных трупов. Полиция принимала свои меры, но ей стоило великого труда достигнуть цели своей. Часто случалось, что разбивали полицейских чиновников. Вечерницы обратились ныне в тихие и дружеские собрания.

На вечерницах молодые обоего пола имели в виду рассмотреть для себя будущего друга, а потом посылали свах с предложениями, на которые большею частию отвечали согласием. Те же, коих желания не выполнялись, вступались за свою честь и честь дома, и только одно посредничество посторонних останавливало мстительное преследование. Если посредничество оставалось без действия, то с ним страдало имя девушки и всего дома, и это воспламеняло отчаянное покушение на гибель взаимную. Тогда никто не щадил друг друга.

Часть шестая

**Обрядные праздники — Неделя Вайй (Вербная
неделя) — Пасха — Русальная неделя — Семик —
Троица — Первое апреля — Первое мая**

I. ОБРЯДНЫЕ ПРАЗДНИКИ

ВЕРОВАНИЕ ЛЮДЕЙ В ВЕРХОВНОЕ СУЩЕСТВО

Первоначальное состояние людей было запечатлено дикостью, суевериями и созданием собственной веры, и ни одного не было гражданского общества, которое бы жило без своего верховного существа. По понятию народов такое существо могло отвращать жестокие удары от людей и хранить их от бедствий, благодетворить добрым и карать злодеям. Но когда божественная вера просветила языческие умы, тогда она повсюду сблизила граждан между собою. Между тем разность обрядов вероисповедания создала свои особые понятия, которые соответственно степени образования народа более или менее утверждали крепость политического тела, потому во многих странах света доселе сохранились в простонародии чествования дней угодников, известных под именем благодетворителей или карателей, ибо они наказывают не уважающих их святость истреблением хлеба и травы на полях: громом, молниею, дождем и засухою или ниспосылают изобилие на богобоязливого поселянина. Простолюдины воображают, что угодники, обитая на небе, имеют человеческий вид, одеваются и живут там, как

люди, но отличаются от них тем, что постоянно находятся в дружбе между ангелами и добрыми людьми и нисходят на землю, чтобы смотреть за поведением и трудолюбием поселян. Такие угодники могут принимать на себя разные виды, являться среди грома и бурь в молниеносных одеждах, или на коне верхом, или парящими на облаках в виде ангелов. Народ, уверенный, что ничего не совершается без предстательства святых, приносит им жертвы и оказывает почести совершенно Божеские. В дни угодников не работает, боясь прогневить их. Крестьянин скорее согласится работать в другой церковный праздник, нежели в день праздника своего святого. Каждая деревня, каждый город или, лучше сказать, каждый приход имеет своего защитника. Простосердечие русских не простиралось, однако, так далеко, как католиков. Священники римские с намерением поддерживали верование до фанатизма и подкрепляли суеверия до безумной невероятности. Чтобы яснее это понять, скажем, что католическое духовенство заставляло народ оказывать чествования гораздо более папам, нежели святым, — чествования, равные Богу. Кто бы этому мог поверить? Пусть бы непросвещенные боготворили папу, но это делали просветители и блюстители христиан, как называют себя католические отцы, которые укореняли еще общее мнение, что власть пап выше царей самодержавных, что папы раздают земные и небесные блага, что они могут низводить монархов с престола, возмущать против них граждан, разрешать их от присяги в верности, раздавать земли, государства и все обитатели мира суть подданные пап. Эти мнения подтвердили во всей силе папы Бонифаций VIII, Григорий VII Гильдебранд и Александр VI. Иезуит Азарии утверждал, что папа непосредственно получает власть от Бога, коего он есть наместник на земле, а все государи принимают престол от пап. Накануне Р. Х. папа благословлял меч и посылал государю в ознаменование, что папе дана власть на земле и на небе: карать и миловать. Монах Грациан писал, что папа есть солнце, а император луна. Леон Аллаций говорит в со-

чинении своем «De perpetua consensione»: папа ни от кого не зависит, он судит весь мир, а сам не судится никем. Хотя бы он несправедливо управлял, должно ему повиноваться; он издает законы, переменяет их по своей воле и определяет самую веру. Он хотел бы заблудиться, однако никак не может, потому что он не причастен слабостям. Если бы ангел указал ему, то он не сделал бы, потому что он имеет власть Иисуса Христа. Он даже должен предавать смерти противных его мнению и сжигать. Предлагали даже вопросы богословам на решение: может ли папа раздавать повеления ангелам? Кто милостивее: папа или Христос? Богословы не знали, как решить; долго рассуждали, спорили и потом сами впали в сомнение: точно ли папа простой человек или как Иисус Христос? Наконец решили, что папа не есть Бог и не человек, но средина между ними: имеет естество Божеское и человеческое. Другие говорили, что папа совсем не человек, но Божий наместник. Августин Стеур, папский библиотекарь, первый сказал: «Папа есть Бог на земле». Феликс уверял, что папа безгрешен, как Бог, и может все творить, как Бог. Папа есть начало всех начал, почему не должно исследовать его могущества, когда не исследовано начало. Людовик Гомес утверждал: папа может несправедливое сделать праведным. Барбарий писал, что папа выше всякого права и что он все может делать против права. Беллармин проповедовал, что если бы папа укреплял пороки, а добродетель изгонял, то церковь должна верить, что пороки суть добро, а добродетель зло.

Таковыми учениями были напоены сердца несчастных католиков, которые почитали святых гораздо менее, нежели пап¹. Целая Европа томилась в дикой неволе заблуждений до XVI века, и народ католический соделался суевером до исступления, но русский никогда не доходил до такого богопочитания: он любил священников как своих наставников, чтит и чтит угодников Божиих за их святые дела и отнюдь не ставит их не только выше Бога, но выше самих ангелов.

¹ Болтин. «Примеч. на истор. Леклерка», т. 1, с. 140–146.

Он очень хорошо знает, что все это есть творение рук Божиих, и потому, воздавая почитание угодникам, чувствует в них величие Божие.

СМЕШЕНИЕ ПРАЗДНИКОВ С ЯЗЫЧЕСКИМИ ОТПРАВЛЕНИЯМИ

Многие праздники и забавы смешаны с языческими отправлениями. Греки и римляне ознаменовывали свои празднества радостью через принесение жертв, христиане же запечатлели святостью религии; но все праздники у всех народов отличаются состоянием государства, его образованностью, его жизнью, привычками и страстями, из коих нечувствительно проистекли изменения. Земледельцы и воины, просвещенные люди и дикари имеют разные понятия о своих торжествах, но радость при встрече праздника гораздо продолжительнее в простонародии, нежели в высшем сословии.

Сами дни повсеместного празднества приноровлены к местности и времени. В глубокой древности они совпадали с днями народных судов и торгов, срочными работами и мировыми сделками. Повсюду они, составляя отдохновение от работ, сделались известными под именем праздников¹.

Первые пастыри нашей церкви ревностно истребляли идолов и суеверные верования, между тем языческие заблуждения не отставали от своих привычек. Татарское владычество возобновило суеверные обряды. *Поганские обычаи, коби бесовские, игры, радуницы, русалье и кудесничество*, запрещенные Стоглавом, не могли быть совершенно искоренены. Что в одном месте выходило из употребления

¹ Праздник означает свободное от всех занятий время, а совершение или способ, как отправляют его, называется торжеством, которое заключается в обряде более или менее пышном или таинственном. Иные думают, что торжество происходит от готского слова *торг* (*torg*), которое обратилось потом в наш *торг*. По словопроизводству нельзя утверждать, но оно очень вероятно, потому что *торг* всегда сближал людей между собою и вел их, хотя <и> косвенным путем, к взаимной радости.

по мерам развития чистоты нравов, то в другом чествовалось с упорством. Поныне *Волос* считается хранителем скотов, канун Иванова дня Купалою и производителем земных плодов; *Агриппина* слывет купальницею. Лешие суть страшилища людей; полевые – жители полей; домовой дедушка есть страж домов; Ярило – участник страстей. Пророк Илия превращен в небесную грозу, св. Иеремия в запрягальника, св. Феодосия в колосяницу и проч.– все они носят отпечаток превратных понятий народа.

Отчего народ дал особые названия праздникам? Славяне, издревле земледельческий народ, имели в язычестве своих богов покровителей, которые, по мнению их, споспешествовали их благосостоянию как в поле, так и в семейном быту. Со введением христианской веры они долго уклонялись от чествования церковных праздников. Правительственная власть употребляла усилия, а суеверие и преданность старым обычаям слили с христианскими понятиями языческие чествования, потому именам многих святых придали свои особые значения и прозвания.

Если присоединить к этому закоренелые предрассудки, суеверные толки по разным приметам, вещам и действиям, извлекаемым из явлений природы и действий человека¹,

¹ Вот несколько примеров предрассудков:

1. Звонит в ухе

Когда звонит в ухе, тогда должно перекреститься и ничего не загадывать, как поступают другие: потому что ангел-хранитель записывает в то время грехи в книгу живота и представляет Богу; при записке их он спорит с дьяволом, и кто не перекрестится, тогда ангел уступает сатане душу и уходит от нее с рыданием.

2. О преимуществе одного плеча перед другим

У каждого из нас сидит на правом плече ангел-хранитель, а на левом дьявол; первый ведет к добру, а второй ко злу.

3. Пение кур по-петушиному

Если куры поют по-петушьему, особенно цыплята, то считается недобрым предзнаменованием – непременно случится в доме несчастье, которое отвратить можно только, схватив курицу или цыпленка, мерить им от переднего угла стены до порога, и где какая часть тела ляжет, ту отру-

бить: придется голова – голову, придется хвост – хвост. Думают, что тут-то <и> кроется злобный дух. Другие, услышав пение курицы или цыпленка, отвечают ему: «На свою голову!» – и немедленно зарезают.

4. Распускание дуба и цветение черемухи и сирени

Когда распускается дуб или его отростки, равно когда расцветает черемуха и сирень, тогда появляются холода. Если весна холодная, то приписывают ее действие этим растениям.

5. Вой собак

В какую сторону воют собаки, в той стороне быть пожару: если перед домом – то в доме. Если собака воет перед окошками, особенно больного, то непременно смерть ему. Вообще вой собак считают дурным знаком.

6. Заяц, священник, похороны и ведра пустые

Если дорогу перебежит заяц или перейдет священник, то случится недоброе. Чтобы отвести несчастье, надобно переломить прутик надвое и каждую половину бросить на обе стороны; но обороны от священника никакой нет. Равно предзнаменуется несчастье, если священник поставит свою палку в передний угол. Встречу со священником, принимаемую в простонародии за худое предзнаменование, не иначе объяснить можно как тем, что Владимир I облек духовенство особой властью, отчего священник сделался тогда судьей, и что первые христиане руссы были подвергаемы ими наказанию за невыполнение христианских обязанностей. Встречу с похоронами и пустыми ведрами всегда объясняют к злополучию. Иные, повстречавшись со священником, особенно с похоронами, до того теряются, что бросает их в пот, бледнеют или бегут от испуга домой и молятся Богу об отвращении несчастья. В тот день не выходят уже из дома. Встречу с пустыми ведрами истолковывают, что начатое дело будет пустое и не исполнится.

7. О дичи

Многие ни за что не станут есть дичи и почитают того безрассудным, кто бьет ее. Другие не едят ничего застреленного или убитого, <дичь> непременно должна быть зарезана. Застреленную дичь потому считают к употреблению грешным, что она птица вольная: Бог ее кормит и Бог бережет ее, и не должно того есть, чего не выкормил сам.

8. Стрижение овец

Кто острижет овец до Семенова дня, у того овцы не будут мерзнуть всю зиму; а кто не острижет, у того все перемерзнут.

9. Подсолнечные зерна

Старые люди не позволяют грызть зерен из подсолнечника, будто бы грызущие их делают противное Богородице.

10. Кидание денег и хлеба

Утверждают, кто бросает деньги во время игры или хлеб после обеда или в другое время, тот гневит Иисуса Христа.

11. Каша

Если стоящая в печке каша выйдет вон, то случится в доме несчастье.

12. Воздушные явления

Если поселянину случится увидеть северное сияние, огненные столбы, блуждающие огни и комету, то они наводят на него трепет: они, по его мнению, означают не к добру. Явление комет для них всего ужаснее; они предвещают бедствия людям: войну, голод, моровую язву и, наконец, представление света. В блуждающих огнях видят вертящуюся нечистую силу.

13. Огонь на могилах

Часто бывает виден около могил блеск огня, который иногда поднимается шаром с искрами, иногда блестит звездочкою или вроде свечи. Тогда заключают, что это скитается по свету душа умершего без покаяния, не зная, что это происходит от накопления фосфорических веществ.

14. Связь мельника с чертом

Уверяют до слез, что всякий мельник имеет сношение с дьяволом, если не дружеское, то по крайней мере видится с ним, когда захочет; но лучшее время для свидания – это полночь, в которую он с ним беседует, а днем перешептывается, глядя в глубину воды под колесом; что мельник посылает черту один раз в год подарок – откормленную черную свинью, и если этого он не сделает, то дьявол разрывает сначала его плотину, которую не может насыпать ни один мельник без его пособия, и наконец замучивает его во сне.

15. Крик ворона и филина

Если каркает ворон на чьем-либо доме, то в этом доме умрет кто-нибудь. То же самое, если кричит филин, особенно когда садится на крест церкви. Тогда все уверяют, что в том приходе умрет непременно кто-нибудь из церковнослужителей.

16. Зимнее убежище ласточек

Некоторые утверждают, что ласточки улетают зимой на небо, а другие уверяют, что они кроются зимою в колодезях или озерах, сцепившись ногами друг за друга.

17. Ласточкино сердце

У кого в доме вьет ласточка гнездо, тот называется благодатным. Если кто вынет из ласточки сердце и будет носить его при себе, тот будет любим всеми, особенно женщинами.

18. Летучая мышь

Когда летучая мышь выдернет у кого-либо волос из головы и положит его на сухое дерево, тот весь иссохнет и умрет.

19. Возвращение с половины дороги

Если кто с половины дороги или менее возвратится домой за вещью, им забытою, тот не будет иметь успеха в начатом им деле.

20. Сорока и кошка

Щекотание сороки и умывание кошки означают прибытие гостей. Но когда валяется кошка, <это> означает наступление ветра.

21. Качание лошади

По тому месту, где качалась лошадь, не должно ходить и ничего лить, чтобы не пристала к телу немочь: чесотка и лишай.

22. Чесание глаза, переносицы, кончика носа, усов и губ

Когда чешутся глаза, тогда будешь плакать; переносица – услышишь об умершем; кончик носа – будешь пить водку, а усы или губы – целоваться с кем-нибудь.

23. Чакуша

Кто найдет чакушу, тот должен бросить ее под печь, тогда не появятся в избе ни сверчки, ни тараканы.

24. Икание

Кому икается, тот думает, что о нем вспоминают знакомые или родные. При икании, как равно при зевании, крестятся, чтобы черт не влез в душу.

25. Молоко

Не подавай на стол молока, которое стояло в непокрытом кувшине, потому что нечистая сила уже пила из него. Убавится молока в корове, если перебежит через кувшин зверек ласка.

26. Соль и нож

Не мажай и не бери из солонки соль вместе с кем бы то ни было и не одаривай никого ножом, иначе поссоришься. В первом случае, чтобы избавиться от ссоры, надобно засмеяться обоим, а во втором, давая нож, сказать: «Чур этого ножа».

27. Образ и крест

Дурной знак, кто одарит кого-либо образом или крестом, – непременно к смерти получившего.

28. Кольцо и перстень

Кто одарит кольцом или перстнем молодую девушку, тому не жениться на ней.

29. Покупка лошади и коровы

У кого черные волосы, тот не должен покупать сивой лошади, она убежит от него или уворуют ее. Кто купил корову, тому надо провести ее в свой двор в калитку через положенный пояс. При покупке какой бы то ни было скотины надобно спрашивать про их недостатки: когда они объявятся, тогда уничтожатся пороки, как то: упрямство, лень, поднимание на дыбы и брыканье.

30. Лихоманка и желтуха

Кого бьет лихоманка, тот <должен> окурить себя копытом; а у кого желтуха – посмотреть на живую щуку в воде – все пройдет. Многие думают прогнать лихорадку испугом, потому внезапно бросаются на больного с ножом или прицеливаются ружьем. Один муж, желая избавить свою жену от лихоманки, схватил ружье и стал целить в нее. Она начала кричать, а он нарочно приблизился, чтобы напугать ее сильнее; она стала более кричать, а он еще более стал пугать, прицеливаться, вертеть ружьем, и во время шуток курок спрыгнул и жена упала: он убил ее. Вот способ изгнания лихоманки!

По разным местам дают ей разные названия, а именно: *трясучки, трясавицы, комухи, комахи*. Величают еще Лихоманкой Ивановной, чтобы она не обиделась, или боятся назвать, чтобы она не растрясла еще более. В Малороссии названия проистекают от места получения, напим., *пидтынныця*, когда она нападет на сонного человека под тыном (плетнем); *веретенница*, когда пряха допрялась до лихорадки; *гноевая*, полученная от спанья на навозной куче; *степная*, полученная в степи; *садовая, огородная, крыничная (колодичная), речная* и т. п. Сохранилось повсюдное поверье, что у лихорадки девять крылатых сестер, коих нечистый дух спускает с цепей, чтобы помучить людей. Если лихорадка пролетом коснется губ, то они обмечутся, а если она коснется всего человека, то нападет трясавица; но чтобы она не возвратилась к больному, то ему надобно намазать свое лицо сажей – этого она пугается. Иные переодеваются в вывороченное или чужое платье, чтобы она не узнала; переезжают тихомолкой из дома в дом, чтобы она не нашла его; пишут на дверях и окнах без ведома больного: «Дома нет», чтобы этим обмануть лихорадку и спрятать от нее больного, которого потом окуривают его же паром. Еще в предохранение от лихорадки носят на шее змеиную или уховую кожу, ожерелье из змеиных головок или восковые шарiki, сделанные из страстной свечи.

31. Яйца

Грех есть яйца, снесенные до Масленицы.

32. Ковш банный

Грех великий, кто пьет из ковша, который употребляется в бане при сливании воды на тело.

33. Украденная собака

Кто украл собаку, тот смеряй ее хвост ниткою – тогда она не убежит.

то все это суть следствия того состояния, в каком находился народ наш до образования своего. Но не должно думать, чтобы один наш народ был предан предрассудочным истолкованиям, — это общая черта простого сословия во всех государствах. Взгляните на низшее сословие среди самых просвещеннейших стран и там найдете тысячи нелепых верований. Но чувству всегда отраднo чествовать празднества обрядными отправлениями, как бы они ни казались несогласными с чистотою истины. Благочестие управляет человеком, а это не только сладостно, но утешительно для него. Встречаемые же многие суеверные отправления при

34. Наседка

Когда наседка сидит на яйцах и в то время умрет кто-нибудь, тогда замирают ее яйца.

35. Вертение вихря

Если внезапно поднимается вихрь или закружится ветер клубом, то должно воткнуть в его середину нож и произнести: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!» Или: «С нами Бог!» Вертевшийся здесь дьявол застонет и побежит собакою или кошкою или оборотится в ведьму. Тогда бей ее! Убьешь — будешь счастлив; не убьешь — она побежит сорокою и скроется.

36. Паук

Спускается паук и прямо перед вами — будет гость неожиданный или получится неожиданно радостная весть, письмо, деньги, повышение, награда и т. п.

37. Свист

Свистит сверчок в комнате — не к добру. Кто свистит в избе — явный знак к опустению дома. При свисте старые люди бледнеют, крестятся и говорят: «С нами Бог!» Они думают, а старухи уверяют до слез, что со свистящим свистит нечистая сила.

38. На кудыкину голову

Вопрос «куда» почитается многими дурным предвещанием. Если кто собрался в дорогу и проходящий спросит его: «Куда собрался ехать?» — или идущего: «Куда идешь?» — то последний отвечает: «На кудыкину голову!» — выражая этим: чтоб пропала твоя голова, спрашивавшая «куда». Потому что ему следовало бы спросить: «Далеко ли едешь?» — или: «Далеко ли идешь?» Многие боятся произнести «куда», находя в нем связь с нечистой силою. Вопросенный при отъезде откладывает свою поездку до утра, а идущий воротится назад, поворчав с досадой.

совершении празднеств должно приписать простоте нравов, а отнюдь не упорному и закоренелому народу, который будто бы не желает выйти из невежества. Нет, образование не достигло еще всего народа даже в такой степени, чтобы половина его знала читать и писать.

Излишне было бы утверждать, что искаженные обрядные празднества не останутся навсегда в простонародии: уже изменилось много с того времени, когда появились хорошие пастыри; когда общежитие проникло в избы, а образование начинает действовать повсюду, хотя издалека. Но то, что особенные обрядные празднества много уже изменены, можно видеть из отправлений их: в иных местах они или оставлены, или уже соединены с чистотою Евангелия, или что в одном месте чествуются особенно, то в другом уже совсем неизвестно.

ЦАРЬ-ГОРОХ ИЛИ ЦАРЬ-БОБ

У католиков существует праздник трех царей (6 января, по нов. исчислен.), который совпадает с нашим Рождеством Христовым. Северо-западная часть Германии и вообще все последователи католицизма долгое время чествовали этот праздник как середину зимы и начало нового года. Это время года доселе называется на Скандинавском полуострове *Большой новый год* и *Бобовой праздник*¹. Название первого произошло оттого, что тогда совершали торжественные обряды при наступлении Нового года и забавлялись святочными переряживаниями, а название последнего от обычая подавать в этот день первое блюдо с бобами. Кто первый получал его, тот назывался *царь-боб*. У нас в России есть обычай подавать на стол в большие праздники жареный горох, разумеется между простолюдинами, печь пироги с горохом или варить кашу пополам с горохом. Последнее более происходит в Малороссии, но это и там не есть всеобщее обыкновение, а одно местное. Жареный, или как называют в

¹ Das große neue Jahr und Bohnenfest.

Малороссии, смаженный, горох и каша с горохом есть очень вкусное кушанье. Употребление же гороха такое древнее, что, говоря о каком-либо незапамятном событии, обыкновенно выражаются: «О, это было до царя-гороха» или «во времена царя-гороха». Можно думать, что горох был любимейшим и обыкновеннейшим кушаньем в самое древнее время; что он заменял долгое время зерновой хлеб. Доныне из гороховой муки пекут лепешки и гороховики, делают кисель и пр. Приняв в соображение глубокую давность употребления гороха, можно сказать приблизительно к истине, что самое название царя-гороха произошло от господствовавшего употребления гороха.

Некоторые находят в царь-горохе исторический миф, но это сказка, выдуманная простодушными нянюшками.

ТАТЬЯНА КРЕЩЕНСКАЯ. 12 ЯНВАРЯ

Татьяна названа Крещенскою потому, что в это время стоят большие морозы, и по ее празднику (12 января) замечают об урожае и неурожае: если бывает морозно и небо ясное, то означает урожай; если веет гнилой ветер (южный) или веет теплая метель, то будет засуха и неурожай.

КСЕНИЯ-ПОЛУЗИМНИЦА ИЛИ ПОЛУХЛЕБНИЦА. 24 ЯНВАРЯ

В этот день заключают об урожае и о ценах на хлеб на весь предстоящий год. Если цены поднялись, то хлеб будет дорог; если не поднялись, то хлеб будет дешев.

ЕВДОКИЯ СВИСТИТ. 1 МАРТА

«Евдокия свистит», – говорит простолудин. Многие животные пробуждаются тогда от зимнего сна и своим свистом и

криком возвещают о наступлении весны. В России прежде всех возвещает весну сурок, называемый в Малороссии байбак.

ГЕРАСИМ-ГРАЧЕВНИК.

4 МАРТА

В день преподобн. Герасима прилетают грачи из теплых мест, которые возвещают собою наступление весны. В ознаменование этого пекут из теста грачей.

СОРОКИ. 9 МАРТА

В Великий пост наступает день сорока мучеников, называемых в простонародии *сороки*. Они иногда разделяют пост пополам. Накануне сорока мучеников матери не дают спать детям своим, заставляя их слушать, как переломится пост, и сами утверждают, что слышали, как он треснул пополам. В этом они уверяют детей, просящих скоромной пищи, которую им не дают, говоря им, что уже говеть недолго. Ребятишек покрывают еще решетом и бьют сверху палкой, чтобы они слышали, как переломится пост пополам.

Посреди Великого поста пекут еще кресты и с этими крестами сажают кого-либо на ночь на печь, чтобы он подслушивал, как перейдет половина поста. Когда что-нибудь треснет в переднем углу избы, тогда означает, что пост перешел свою середину. Другие пекут кресты по числу мужского пола в семействе, не исключая малолетних, и один деревянный или медный крест запекают в пшеничной лепешке: кому она достанется, тот должен засеять ею хлеб в следующую весну. Есть обыкновение в некоторых местах, что дети, влезая на кровлю с жаворонками, печеными из пшеничной муки, с криком зовут к себе весну и жаворонков. В самый день праздника пекут из теста жаворонков в напоминание того, что они прилетают к этому времени. Говорят, что в этот день сорока кладет в свое гнездо 40 палочек.

Хлебные изображения делают еще в воспоминание подвигов Иоанна, писателя «Лествицы» (30 марта), и потому в честь его пекут пшеничные маленькие лестницы. В некоторых местах (Саратовской губ., Аткарского уезда, в селе Судачьем) пекут женщины пироги, которые украшаются поперек тестяными перекладами, и это печенье называется *лесенками*. Их приносят в церковь после обедни; служат над ними молебн с водоосвящением, а народ окропляется св. водою. Часть лесенок остается в пользу священнослужителей, а остальное отдается нищим. Лесенки пекут еще в день Вознесения Иисуса Христа. Значение этого обычая есть милостыня, которая есть лестница духовная для восхода души на небо.

АЛЕКСЕЙ БОЖИЙ ЧЕЛОВЕК. 17 МАРТА

Св. Алексей, сын одного богатого римского вельможи¹, жил в Риме в V столетии. Будучи еще юношею, он проводил дни и ночи в молитве, и когда его обручили с дочерью царскою, тогда он, в день самой свадьбы, оставил ее: бежал из родительского дома и отправился через Киликию в Малую Азию. Буря застигла его на море; он был выброшен на берег и в рубище нищего прибыл в свой дом, где его не узнали, но дали приют. Он всю жизнь ходил нищим и постоянно молился Всевышнему. Около 27 лет провел он скрытно у своих родителей, которые только после смерти его узнали, что он был их сыном. Примерное его благочестие, отречение от земных сокровищ и суетной славы и пламенное служение одному Богу увековечили его добродетели названием Божиего человека.

Некоторые смешивают Алексея, митрополита Московского, жившего в XIV веке, со св. Алексием. Наш Алексей был сыном богатого черниговского боярина Федора Бяконта и крестник в. к. Иоанна Калиты. Он также прославился свя-

¹ Родители св. Алексея были Евфимиан и Аглаида; имя жены св. Алексея не показано. (Четырнадцать миней, под 17 март.)

тостию и услугами, оказанными им Отечеству. Между многими примерами достаточно привести один. Когда Тайдула, жена хана Чанибека, страдала тяжкою болезнью, тогда хан писал к в. к. Иоанну II: «Мы слышали, что небо ни в чем не отказывает молитве главного попа вашего: да испросит же он здравие моей супруге». Св. Алексей поехал в Орду (в 1357 г.) с надеждою на Бога. Тайдула выздоровела от его молитв и прозрела. Это чудо прославило его еще более. При жизни называли его святым, а после смерти это прозвание утвердилось за ним навсегда.

В простонародии говорят, что со дня праздника Алексея Божиего человека разверзаются все подземные потоки. Говорят еще: «Алексея с гор потоки». Это значит, что в день этого святого (17 марта) начинает течь вода с гор. Или: с гор вода, а рыба со стану. В это время рыба трогается с зимовья и трется под берегами¹.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ. 25 МАРТА

Праздник Благовещения, совершаемый везде единообразно, соединен с некоторыми особенностями. По хорошему его дню судят о хорошей весне и замечают: каково было Благовещение, таков будет первый день Пасхи. Замечают еще: если в Благовещение мороз, то будет много огурцов. В Орловской и Калужской губерниях священники деревенские пекут на праздник Благовещения просвиры из простой ржаной муки, собранной от поселян. Их раздают после обедни по несколько; мужик съедает натошак одну или две, а прочие оставляет для засева хлеба. Во время засева он вы-

¹ Простолюдины замечают, что в день Марии Египетской (1 апреля) горят снега и играют овраги, оттого говорят: «Зажи снега, заиграй овражки». В день св. Иродиона (8 апр.) говорят: «Заставь соху, пора пахать овес». Замечают еще: когда заквакают лягушки, тогда пора сеять овес; когда появятся крылатые муравьи, тогда начинают сеять овес. Овес сеять хоть в воду, да в пору; а рожь – подожди часок, да посей в песок. Снегу много, хлеба много. В великий четверток мороз, так и под кустом овес, а озимь в засеку, то есть не верь всходам с осени. В день муч. Ирины (16 апр.) подмываются берега, оттого говорят: «С Ирины разрой берега».

нимает из-за пазухи Благовещенскую просвиру, крестится и съедает ее; потом начинает засеивать поле. Старые люди говорят, что в день Благовещения, как и в первый день Пасхи, играет солнце перед восходом. Матушки и бабушки посылают впросонках детей своих и внучат посмотреть на это удивительное явление, но они никогда не видят его, а между тем рассказывают всем, как солнце вертелось по небу, каталось, раскидывало лучи, собирало их и вновь играло ими.

Ко дню Благовещения, как ко дню Пасхи, обновляют одежду и домашние вещи. Со дня Благовещения считают за грех вздывать огонь, ужинать при огне и спать в избах. Мастеровые перестают *засиживать* (работать при огне) и делают свой шабаш с заходом солнца. Воры стараются украсть что-нибудь в этот день, чтобы удачно воровать во весь год.

Есть еще поверье, что в этот день, как равно в день Пасхи, никакая птица не вьет гнезда. Один только окаянный воробей не знает этого праздника, потому что воробей есть представитель жидовства, как ласточка представительница христианства. Если курица снесет яйцо и положит его к наседке, то непременно родится урод.

В Литве почти во всяком доме справляют пир, встречая домашнего друга, аиста, который прилетает тогда из-за моря, все радуются ему, ибо он своим появлением возвещает наступление весны. Тогда же поднимается медведь из зимней берлоги и своим ревом возвещает весну. Суеверы во многих местах России утверждают: когда какая-либо птица проспит Благовещенскую заутреню или в этот день завьет гнездо, тогда отнимаются у нее крылья на несколько дней. Этого никто не может видеть, кроме ведьм, которые тогда не летают, а сидят смиренно дома.

СВ. АНТИПИЙ, ЦЕЛИТЕЛЬ ЗУБОВ. 11 АПРЕЛЯ

У крестьянина болят зубы, он не вырвет ни одного больного, но только подержит на нем мелкую серебряную монету

некоторое время; потом пробивает ее насквозь и вешает на икону св. Антипия¹. Болят у него глаза или он оглохнет от чего-либо, прибегает с молебном к св. Антипию. Если он не помогает, то молится Божией Матери всех скорбящих или делает какой-либо обет; но если и после этого не проходит болезнь, то уже никаких не принимает пособий и на ваши предложения ответит: «Нет, батюшка, верно, так Богу угодно; да будет Его святая воля»².

ИОАНН-ВОИН, КАРАТЕЛЬ ВОРОВ. 18 АПРЕЛЯ

Повсеместное верование в *Ивана-воина* или *Ивана-воинственника* столь сильно, что простолюдины прибегают к нему с мольбою и жалобою, чтобы он рассудил, кто прав, а кто виноват. Обворуют ли кого, но вор неизвестен, а только в подозрении, немедленно обращаются служить молебен Иоанну-воину. И это такой ужас наводит на вора, что он тотчас сознается, боясь страшного гнева карателя воров. Обидит ли кто, то есть разорит, или со злости наведет врагов на дом, сейчас прибегают к Ивану-воину: он наводит на них трепет, и редкий преступник не сознается, когда заставляют его поклясться именем Ивана-воина. Прежде служения молебна обыкновенно обращаются к подозрительным особам и увещевают их признаться; не признаются – приступают к ворожбе. Ворожей или

¹ Когда у ребенка долго не режутся зубы, тогда суеверы прокалывают черному петушку гребешок костяным или деревянным гребнем и кровью его намазывают десны. Советуют еще надевать ребенку ожерелье из раковых жерновинок или носить фиалковый корень. Когда у детей падают зубы, тогда велют стать спиной к печке, кинуть зуб через себя и сказать: «Мышка, мышка! На тебе зуб костяной, а мне дай железный». Или: «На тебе репяной, а мне дай костяной». Велют стричь ребенка на шубе – богат он будет. Если ребенок в первый раз пойдет, то надобно черкнуть ножом по земле, между его ног, и это называется перерезать пути.

² Другие для отвращения зубной боли носят на шее черную ленточку или же поутру Лазарева воскресенье обращаются лицом к востоку солнца и, не переводя духа, произносят три раза: «Воскресенье Лазарево, субботний день! Скажи мне, Лазарь, чем зубы лечить, недуг ломать?»

ворожея берет псалтырь, перелистывает и бьет ножом в середину каждого листа, как будто бы ищет указания или обличения. Потом останавливается, смотрит на роковую страницу и указывает: «Вот он! а вот и другой! он не здесь, а спрятался». Если ворожея указала и после нее станут отрекаться, то в этом случае заставляют их поклясться Иваном-воином в том, что они правы. Если же они виноваты, то воинственник неминуемо ниспосылает кару на клявшихся несправедливо, даже и на тех, коими клялись. Уверяют, что после несправедливой клятвы постигает виновников величайшее несчастье, а невинные, коими клялись, умирают медленно. Смерть невинных вынуждает преступников открыться. Говорят, что не было примера, чтобы открылись обидчики и вору. В день праздника этого святого крестьяне отправляют молебны и молят о своем защищении от всех напастей, особенно от воров и обидчиков.

Мне случалось видеть изображение Иоанна-воинственника на старинных иконах половины XVII века. Он представлен скачущим на коне и с мечом в правой руке. Такое изображение нарисовано и на одном знамени конца XVII века. Там написан св. Иоанн золотом и серебром, без шапки, но скачущим вправо на белом коне и с мечом в правой руке; верхняя одежда на нем — развевающаяся епанча, а spodняя наподобие лат. Внизу каймы надпись: «Песнями восхвалим: чудодействуя бо вручает богато дарно скорбящие люди, и молится Господу Богу, от всяких бед спасти правоверных».

ЖЕНЫ-МИРОНОСИЦЫ

День жен-мироносиц называется бабьим праздником. В это время женщины отправляются гулять в рощу или на луг. Одна из женщин ходит накануне этого праздника собирать по домам яйца, из коих готовят яичницу. Приносят еще с собою на гулянье разное съестное и вино и гуляют до поздней ночи. Песни и пляски занимают первое место среди пирующих.

Праздник жен-мироносиц происходит всегда на третьей неделе после Пасхи.

ЗНАЧЕНИЕ ГЕОРГИЯ И ЕГО ПОДВИГ

Празднование Юрьева дня совершается два раза в году: весною, 23 апреля, и осенью, 26 ноября.

Св. Юрий, соделавшись предметом празднования церкви и граждан, находится в особом уважении между земледельцами.

Св. великомученик Георгий, уроженец капподокийский (живший в конце III века по Р. Х.), считается покровителем стад и земледелия. Само греческое слово *георгос*, *георгиос* означает земледельца. Святой Георгий обыкновенно представляется на белом коне, поражающий копьём дракона, потому что ему приписывают спасение девицы от дракона в ливийских степях, которая была принесена ему в жертву; но Георгий поразил его копьём в то время, когда он разинул чудовищную пасть и готовился проглотить ее.

Дракон есть таинственное значение: под ним разумеют сокрушение языческого служения, на развалинах коего возродилась христианская церковь. В старославянской легенде подтверждается это самое значение:

Свати Ири (Юрий) знамена Христа Спасителя,
А драк сатана, злого неприятели;
Панна цирков святу знамена;
Ктера есть крови Христову выкупна¹.

Победоносец Георгий в большом уважении у русских и грузинских земледельцев. Греки, итальянцы, французы, немцы и англичане равно чтут праздник Георгия. В России он украшает еще государственный герб и есть один из важнейших военных орденов; его изображение выбивают с государственным гербом на деньгах. Древние московские деньги выбивались преимущественно сначала с изображением одного Георгия-победоносца, впоследствии присоединили к нему греческий герб: черного двуглавого орла (в конце XV века), и, наконец,

¹ Коллар. «Собр. червоннорусских песен».

император Петр I, украсив его знаками Андреевского ордена, образовал Императорский герб.

ДРЕВНИЕ НАЗВАНИЯ ГЕОРГИЯ И ОБРЯДНЫЕ ОТПРАВЛЕНИЯ

Юрий, Гюрги и Гюргий употреблялись издревле у наших предков вместо Георгий, а в Малороссии – Юрко, в Червонной России – Ирьи.

Греки ознаменовывали Юрьев день пастушеским празднеством. Там земледельческие семейства закалывали для пиршества новорожденного из животных и потом выгоняли скот на пастбище. На поле предавались веселию и простодушно верили, что св. Георгий есть покровитель скота и надежнейший предохранитель от всякой заразы, падежа и похищения от хищных зверей.

В Исландии и Финляндии поселяне празднуют Юрьев день со многими языческими обрядами: мужчины поют песни, а женщины поливают молоком освященные деревья.

В Сербии купаются до восхождения солнца и выгоняют в поле скот освященною вербой. Девы молят св. Георгия о даровании им женихов.

В Сербии, Иллирии и Черногории поют еще молебны у колотцев, кропят святой водою скот и выгоняют его в поле, как в России, святою вербой. Карпатороссы выгоняют скот на Юрьеву росу в том предубеждении, что после этого ведьмы никакой не будут иметь над ними силы и не будут портить скот¹.

В Булгарии каждое семейство зарезает молодого ягненка и кровью его, которая не должна пасть на землю, помазывают крестообразно лоб, щеки и подбородок детей; потом, когда его сжарят, тогда священник совершает молебен и благословляет есть. Ему отдается лопатка ягненка и шкура. Оставшиеся косточки от съеденного ягненка зарывают в землю. В Боснии, Герцоговине и в некоторых местах турецкой славянщины также жарят ягненка. В Красной России пасту-

¹ «Север. арх. 1825 г.», № 14, с. 114, и № 15, с. 221.

хи встречают Юрьев день с песнями, варят в поле молочную кашу и молят св. Георгия о предохранении скота от всякого несчастья. В Черной России делают земледельцы разные семейные пирушки, а девушки поют песни. После пира ездят мужчины на лошадях, думая, что св. Георгий разделяет с ними это удовольствие как защитник всякого скота и не допустит нечистую силу портить его. Там думают еще, что демон седлает ночью тех лошадей, которые не обьезжены в Юрьев день, и ездит на них до полуночи или до пения первых петухов. В Белоруссии доньше говорят: «Св. Юрий пасет коров, а Никола коней». Там рано поутру выгоняют скот на траву, стараясь захватить росу: от нее скот делается здоровым. За свое усердие пастухи получают от хозяев пироги, разное печеное, яйца и молоко. Хозяин уверен, что скот, выгнанный на Юрьеву росу, принимается под защиту св. Георгия.

В Малороссии рано поутру выгоняют пастухи скот, освященной вербою. В иных местах собирают хозяева скот в одно место и отправляют молебен; священник окропляет водою и просит благословения Божьего, хозяева дарят пастухов паляницами (гречневым хлебом), печеными с творогом; яйцами и разным жарким и просят их беречь скот, поручая между тем особенному покровительству св. Георгия. В других местах втыкают в коровьих стойлах прутики *свяченной вербы* и страстные свечи, в том предубеждении, что они отгоняют нечистую силу и ведьм, которые очень портят рогатый скот. Этого еще мало: окропляют сами стойла святой водою и накуривают ладаном, чтобы оборотни, которые боятся ладана, не скрывались в хлевах и загонах. В некоторых местах Малороссии, когда хлеб поднимется довольно высоко на засеянных полях, приписывая это влиянию Юрки, тогда служат на полях молебны и окропляют поля святою водою. Там думают, что знахари и ведьмы, которые на заре Юрьева дня нарочно выходят в поле, расстилают по росе холст и набрасывают его на рогатый скот, отчего он делается недойным и тощим. Еще господствует мнение, что знахари и ведьмы, превращаясь в разные виды животных: телят, собак, кошек и пр., сами высасывают у коров

молоко. Юрьев день в таком уважении, что поселяне не смеют выгнать в поле скот, не совершив обычных молений.

Во всей России Юрьев день есть пастушеский и земледельческий праздник, и повсюду совершают молебны, которые заключаются семейным угощением. Водка, пироги и яйца составляют неперменное кушанье, кроме других яств, кои приготавливаются по произволу и состоянию хозяев. После Юрьева дня поселяне принимаются сеять рожь, ячмень и овес, и вообще это время есть начало, а осенний Юрий – конец всем полевым работам.

Во Франции и некоторых местах Германии оканчивается работа в сентябре. Собираение винограда составляет там земледельческий праздник, как наш Юрьев день или как рубка и сечение капусты, сопровождаемое особого рода веселием: девицы ходят тогда в праздничных нарядах по домам и поют песни. Домохозяйка угощают пирогами с капустою и яйцами. В Олонецкой губернии мальчики отправляются верхом на палочке и с колокольчиком в руке под окна избы и звенят; позвонев несколько, отправляются к другой избе и т. д., чтобы поздравить с Юрьевым днем. Скот не выгоняют в этот день по причине глубоких снегов.

ИЗМЕНЕНИЕ ЮРЬЕВСКИХ ОБЫЧАЕВ

Не везде Юрьев день сопровождается сходными между собою обычаями. В Смоленске жители выходят за город и прогуливаются на горе; в Тульской губернии служат молебен у колодцев, окропляют скот св. водою и выгоняют его в поле освященной вербою. В Мурманском уезде (Владимирской губ.) ставили образа и свечи вокруг пашни с пением:

Воскликнемте, братцы!
Святую куралесу.
Дай же, Боже, нам
Ячмень усатый,
Пшеничку колосисту.

В других местах Юрьев день известен под именем *теплого, двенадцати морозов, с водой, с кормом*. Оттого говорят: «Георгий везет корм в тороках, а Николай возом». Вообще замечают, если в день Георгия идет дождь, то весь год пойдет скот хорошо, то есть не будет на него падежа. В подмосковных губерниях говорят поныне: «Егорий с теплом, а Никола с кормом»; или: «Егорий приходит с двенадцатью морозами, а отходит с теплом». У двинских и волжских жителей: «Егорий с водой, а Никола с травой»; или: «Егорий с мостом, а Никола с гвоздем». Здесь разумеется праздник св. Николая (6 дек.), а потому говорят еще о зимнем пути: либо неделю не доедешь до Благовещения, либо неделю переедешь. В Рязанской и Тамбовской губерниях: «Егорий с кормом, а Никола с мостом»; в Тульской и Орловской губерниях: «Егорий с полувозом, а Никола с целым возом». В некоторых уездах Костромской губернии: «В поле стадо сгонять и Егорья окликать». Окликанье производится песнею:

Мы вокруг поля ходили,
Егорья окликали,
Макарья величали.
Егорий ты наш храбрый!
Макарий преподобный!
Ты спаси нашу скотину
В поле и за полем,
В лесу и за лесом,
Под светлым месяцем,
Под красным солнышком,
От волка хищного,
От медведя лютого,
От зверя лукавого¹.

Причитания к имени Георгия произошли, без сомнения, от земледельческой поры, к коей приурочены полевые работы. За несколько недель до Юрьева дня поля зеленеют быстро, трава растет скоро, и к Егорию она уже готова для скота. С Ни-

¹ Снегир. «Русск. простонар. праздники», вып. III, с. 74–76; вып. IV, с. 196.

колы трава идет на сенокос, и потом начинается свозка и уборка разного рода трав и хлебного посева.

В Сибири бывает у рыбаков *Юровой* праздник в конце октября, когда рыбаки отправляются по реке Иртышу для ловли красной рыбы¹.

В австрийской Галиции существуют *грегорианки* для детей деревенских. В день св. Юрия родители отдадут их в училище, посему они называются *грегорианками*. Ученики, собравшиеся в день св. Юрия, предаются разным забавам и шуткам. Одного из своих товарищей они делают бакалавром и, опоясав его веревочкой с нанизанными на ней баранками, бегают за ним и рвут на нем баранки.

Старый грегорианка угощает нового, налив пива и накрошив туда баранок. Когда все съедят, тогда он приносит гарнец воды, смешанной с толченым кирпичом, и обливает сидящих, а сам между тем убегает. Они гоняются за ним, крича, что он разлил школьный мед, и поют: «Gre-gre-gregory, pójdzie dzieci do szkoły».

В прежнее время ученики спускали петухов для драки и из своей среды избирали еще короля, которого, нарядив в шутовское платье, водили по разным местам. Ныне ходят ученики от избы к избе и поют Юрьевские песни...²

ЮРЬЕВЫ СРОКИ И НЕКОТОРЫЕ ПОВЕРЬЯ

Св. Георгий в России призывается простолюдинами на помощь во всех работах. Юрьев день, освященный благоговением народа, замечателен еще и тем, что в прежние времена наши предки совершали сроки два раза в год: в весенний и осенний Юрий, на переход поселян от одного владельца к другому, пока Борис Годунов не сделал их крепостными. Переходные поселяне, не думая никогда сделаться крепостными, были чрезмерно изумлены, когда объявили им за несколько времени до Юрьева дня, что они должны

¹ «Письм. русск. офицера», с. 4–5, изд. 1827 г.

² Здесь и далее по техническим причинам сделаны небольшие сокращения.

оставаться на землях тех владельцев, на коих жили; что впредь они не смеют переходить с места на место и остаются крепостными за помещиками. Они увидели, что Юрьев день уже не существуют для них; что Юрьев день уже не тот для них, что прежде; что Юрьев день истреблен навсегда. Эти чувствования горести невольно родили восклицание: «Вот тебе и Юрьев день!»

Некоторые думают, что в Юрьев день свистит рак, а потому, если хотят выразить что-либо трудное и продолжительное, то говорят: «Дождись Юрьева дня, пока рак свистнет». Замечают еще, что если в Юрьев день березовый лист с полушку, то к Успеньеву дню соберут хлеб с кадушку. Некоторые приписывают Георгию Победоносцу такое же наказание дьявола, какое пророку Илии, а именно: гроза с молниєю бывает оттого, что святой Георгий Победоносец борется с чертом. Разъезжая на своей колеснице, он бьет черта с небесной высоты громом и молниєю. Дьявол тогда бежит быстро по земле, так быстро, что пущенная самой сильною рукою стрела из лука не сравняется в быстроте с его беганьем. Он принимает образ человека, иногда четвероногого животного или птицы, и в то время отыскивает повсюду человека, который бы думал о чем-нибудь грешном, поэтому, когда гремит гроза с молниєю, надобно кинуть все дурные мысли, думать об одном Боге и Ему молиться, чтобы Он не допустил до греховных помыслов. Кто же подумает об обиде ближнему или о согрешении, в того влетит бес, и Георгий, преследуя его громом, убивает человека, в душе коего поселился нечистый.

В Малороссии употреблялись Юрьевы сроки, торги и разные сделки, посему вошло в поговорку: «От тоби бабо и Юрьев день!» Но эта поговорка обратилась потом к такому предмету, который требовал выполнения к сроку и не был выполнен. В России ныне говорят в таком же самом смысле: «Вот тебе и Юрьев день». У сербов, иллирийцев, босняков, герцеговинцев и булгар дни св. Юрия также были срочными. Австрийская императрица Мария Терезия утвердила переход поселян (в конце XVIII века) от одного владельца к другому.

СВ. ВЛАСИЙ

Святой Власий почитается простолюдинами за покровителя скота, но он празднуется не везде одинаково: в иных местах в феврале, а в других после выгона скота в поле, поэтому я поставил этот праздник после св. Георгия.

ВОЛОС, БОЖЕСТВО

Волос или Велес, божество киевских славян, был признаваем ими за *скотья бога*, но по принятии св. крещения Владимиром равноапостольным он, в числе прочих кумиров, брошен в реку Почайну.

День св. Власия празднуется церковью 11 февраля¹.

¹ Церковь наша празднует двух Власиев: святого мученика 3 февраля и священномученика епископа севастийского 11 февраля. Святой мученик Власий, уроженец Кесарии каппадокийской, был пастухом и претерпел мученическую смерть. Священномучен. Власий, будучи епископом в Севастии, терпел гонения от неверных за творимые им чудеса и потом был иссечен мечами. Однажды его встретила женщина с сыном, у коего стала в гортани рыбная кость, и она умоляла спасти его: «Помилуй сына моего, рабе Спасителя нашего Иисуса Христа». Власий, помолившись, вложил руку в гортань, говоря: «Помоги, Господи, всем призывающим Тебя воистину. Услыши и мою молитву: изыми кость из гортани отрока сего и исцели его. Если еще что подобное случится с человеками или со скотом, и кто помянет имя мое, произнеся: «Боже! Помоги молитвами раба твоего Власия, тому Ты, Господи, ускори свою помощь». После этих слов отрок получил исцеление. В другой раз встретила его со слезами вдова бедная и жаловалась, что волк похитил у нее последнего поросенка. Святой, подумав, отвечал: «Не скорби и не плачь: тебе возвратится твой поросенок жив и невредим». По прошествии некоторого времени волк принес в зубах ко вдове ее поросенка целого и невредимого. Когда эта вдова узнала о страдальческой смерти св. Власия, тогда она созвала к себе своих соседей и с ними помянула память Власия, потому что Бог благословил ее дом. Ей стали подражать все благочестивые, помяная память св. Власия ежегодно. В тот день приносили в церковь свечи, фимиам, подавали милостыню нищим и убогим. Оттоле начался этот обычай и доныне продолжается. (Четьи-минеи, 11 февр., священномуч. Власия).

Простой народ, чествуя память священномученика Власия, поручил скот его покровительству, и это произошло от верования в творимые им чудеса над хищными зверями.

В Ростове (Ярославской губернии) стоял истукан до начала XII века в честь Власа. Он так же почитался там, как в Новгороде: приносили ему в жертву масло, которое поныне в некоторых уездах Новгородской губернии называется волосным и волотным.

СВ. ВЛАСИЙ – ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ ПРАЗДНИК

По всей России и Малороссии день Власия есть земледельческий праздник, как св. муч. Фрола и Лавра (18 августа), которые также считаются покровителями домашнего скота; им служат обедни и окропляют скот св. водою. В Орловской губернии поселяне приносят в церковь печеный хлеб, который достается потом священнику, и сгоняют всех своих лошадей к церкви. Священник, отслужив обедню, окропляет всех освященной водою. В Калужской губернии съезжаются крестьяне в престольный праздник этих мучеников верхами к церкви и, отслужив молебен с окроплением, купают лошадей и завивают им гривы.

В день св. Власия хозяева входят в хлевы и окропляют крещенской водою: рогатый скот, овец, лошадей и даже кур; ставят по углам прутья освященной вербы, курят ладаном, думая изгнать нечистую силу и предохранить скот от падежа. Если захворает у крестьянина скот, то он приносит в хлев икону св. Власия и служит молебен, а когда украдут лошадь, тогда заступникам Фролу и Лавру. Богатые хозяева приглашают на дом священника в праздник св. Власия, чтобы отслужить молебен и окропить скот св. водою. Такой точно ведется обычай в Малороссии, только с большею расточительностью. Там думают, что в это время *вулколаки* (оборотни), обращающиеся в собак и черных кошек, сосут молоко у коров, кобыл и овец; наводят падеж на рогатый скот и душат лошадей. Чтобы избавиться от этого несчастья, пригоняют скот и лошадей к церкви; священник служит молебен и окропляет св. водою. По со-

вершении молебна начинается пир. Подают пироги с маслом, вареное и печеное; пастухи угощаются усерднее пред иными. У других есть верование, что нечистой силе противостоит домовый, который, если любит хозяина, носит его лошадям корм из соседних сеновалов. Если не любит, то ездит на лошадях, мучит и отнимает у них корм. Это делается между орловскими жителями. Иные утверждают, что видели домового, который несколько похож на дьявола, и что порой он бывает добрый и злой. Рассказывают еще друг другу, как домовый таскает корм лошадям, завивает им хвосты и гривы; как щиплет домашних животных и птицу и беспокоит хозяина дома, если он не любим им. В этом случае он стаскивает его с постели, телеги и саней или раскрывает его во время сна. Хозяин, видя, что домовый не любит его, спрашивает: к добру ли это или к худу? Домовый отвечает ему только ночью прежним беспокойством. Это значит, что он выживает его из дома. Чтобы прекратить беспорядки домового, прибегают к молебнам, окроплению св. водою по всем углам дома и двора; в иных местах заводят в дом показчика медведя и просят его об изгнании домового. Показчик приступает к делу с заговорами. Сперва он водит медведя по всем углам двора и дома; потом стрижет с него несколько шерсти, зажигает ее и обкуривает весь дом. Наконец, водит медведя по спине того, кого беспокоит домовый¹.

В Малороссии совершалось следующее языческое обыкновение. Когда созревал хлеб, тогда женщины отправлялись с песнями в поле, и одна из них, взяв в горсть колосья, завивала их узлом. Прочие пели хороводную песню на завитье венков, а потом возвращались домой с прежним пением. Это делалось в том предположении, чтобы рука лиходея и колдуна не могла испортить хлеб. В Ракульском приходе (в г. Вельске Вологодской губернии) стоит среди леса церковь во имя св. Власия, построенная по тому случаю, что там явилась икона св. Власия 19 января. Поселяне съезжаются сюда праздновать и

¹ Медведей водят по спине и в то время, когда и не беспокоит домовый. Думают, у кого болит спина или поясница, достаточно провести его по больным местам, причем показчики произносят заговоры, им одним только известные.

молиться <ему> как заступнику скотов. Священник, отпев храмовую обедню, служит потом общий молебен, а частные для тех хозяев, которые с поклоном кладут перед образом св. Власия коровьего масла по несколько фунтов, так что набирается несколько пудов. Часть масла отдается священнику с причтом, а остальная поступает в пользу церкви.

На многих старинных иконах мне случалось видеть св. Власия сидящим на коне; вокруг святого были лошади, а вдали зеленое поле. Он представлен здесь сберегателем лошадей; мученик написан сухощавым и с длинным лицом.

ОПАХИВАНИЕ

В некоторых местах во время падежа скота прибегают к опаживанию. Оно состоит в том, что знахари шепчут над больным скотом разные заговоры и потом окуривают его сокровенной травой. Если это не помогает, то вбивают заколдованный кол посреди загона; если и это не помогает, то обращаются к Богу и служат молебны. Так все делается у несчастных суеверов. Сначала прибегает человек к ворожеям и знахарям; потом, вспомнив Бога, как бы не зная Его прежде, устремляется к Нему со слезами. Не всегда ли следует обращаться к Нему?

В других местах падеж скота, называемый коровьею смертью, сопровождается изгнанием с особыми действиями. Женщины, собравшись в деревне, дают знать, чтобы в то время никто из мужчин не смел показываться на улице. Тогда одна из молодых девок берет образ св. Власия и начинает ход около деревни; за девкою идут в чинном порядке женщины. В первом ряду идут женщины с вениками, пучками соломы и сена; во втором едет старая женщина на помеле, в одной рубашке, с распущенными волосами: ее окружают бабы и пожилые девки с ухватами и кочергами; в третьем ряду бьют в сковороды с иступленным криком, пляшут и вертятся. Старухи с зажженными лучинами окружают обнаженную вдову, которая в то время <находится> с хомутом на шее, и запряженную в

соху старуху, при коей находятся *незазорные девки* с серпами и косами; обкуривают их разными знахарскими травами и *опахивают* вокруг деревни три раза с запряженной в соху старухой. В то время машут на перекрестках серпами и косами, думая этим действием пересечь путь коровьей смерти. Неистовая толпа останавливается перед каждым двором и стучит в ворота при страшном треске и звоне, производимом от удара в заслонки, сковороды и горшки; бешено режут и кричат: «Ай! ай! секи, руби смерть коровью; ай! ай! секи, руби. Вот она: ай! ай!» Если при их крике выскочит от испуга собака или кошка, то им смерть неизбежная. По совершении опахивания крепко верят, что коровья смерть не воротится.

Другой обряд, похожий на коровью смерть, совершается во время сильных повальных болезней. Женщины и девки выносят в полдень назем за село или за деревню и складывают его в кучу с двух противоположных селению концов, а потом зажигают в полночь. К одной зажженной куче, в белых рубахах и с распущенными волосами, везут девки соху, а одна девка несет за ними образ. К другой куче несут женщины в черных юбках и грязных рубахах черного петуха. Пришедши к месту, они обносят петуха вокруг кучи три раза. Потом одна женщина, схватив петуха, бежит с ним на противоположный конец селения, и в то время забегает она к каждому дому; остальные женщины бегут за нею и кричат: «А, ай! ату! згинь, пропади, черная немочь!»¹ Добежавши до конца селения, она бросает петуха в тлеющий назем. Девки бросают сухие листья и хворост; потом, схватясь за руки, они скачут вокруг огня, приговаривая: «Сгинь! сгинь! пропади, черная немочь!» По сожжении петуха впрягаются женщины в соху, а девки, неся перед ними образ, опахивают им селение три раза. Иные делают еще иначе. Вечером сгоняют внезапно весь скот на один двор и окружают особой стражею. С рассветом сами хозяева должны разбирать

¹ В окрестности Смоленска произносят те же самые слова, только прибавляя: «Черная немочь, рачевская». Рачевка есть предместье города Смоленска, и там осталось предание, что, когда свирепствовала *черная смерть*, тогда она впервые проявилась в городе из рачевского предместья.

свой скот, выпуская осторожно по одной корове со двора. Если останется одна лишняя корова, то это уж ничья: это и есть моровая или коровья смерть. Ее немедленно взваливают на поленницу и сжигают живьем.

Во многих местах верят, что коровья смерть или сама бежит, или ее завозят. Вот рассказ о ней. Мужик ехал с мельницы поздней порою; навстречу ему плетется старуха и говорит: «Подвези меня, дедушка». – «Да куда тебя?» – «Вон до этого селения, родимый, куда и ты, чай, едешь». – «А кто же ты, бабушка?» – «Лечейка, родимый, коров лечу». – «А где же ты лечила?» – «А вот лечила у Истоминой, да там все переколели. Что делать! Недавно привезли меня, и я захватить не успела».

Мужик посадил бабу на воз и поехал, но приехавши к *ростаням* (перекрестку), забыл свою дорогу – а уж затемнело. Мужик, сотворив молитву, снял шапку и перекрестился. Глядь, а бабы не бывало! Она, оборотясь в черную собаку, бежала к селению, и назавтра в крайнем дворе пали три коровы. Мужик привез коровью смерть.

Чтобы избавиться от коровьей смерти, по мнению крестьян, необходим обряд опахивания. Были примеры самоотвержения: бросали жребий между мужчинами и женщинами, и на кого он падал, того зарывали живьем в яму с петухом и черною кошкою в полном убеждении прекращения морового поветрия.

У простолюдинов доселе есть поговорка: «Власий сшиб рог с зимы». Это напоминает нам другую: «Зима с летом встречается», что бывает в Сретение Господне (2 февраля). Простой народ думает, что зима сражается с летом, и после долгой и упорной битвы зима уступает место лету.

ИЕРЕМИЙ-ЗАПРЯГАЛЬНИК. 1 МАЯ

Пророк Иеремия называется в простонародии запрягальником по той причине, что с этого времени производится большая сельская работа: очистка полей, садов, рассадка растений, копание гряд и засев. Полевые работы совершаются с помо-

щью лошадей, и поселяне полагают: когда они и их лошади приходят в изнурение, тогда пророк Иеремия впрягает невидимо животных и сам доканчивает их работы. В день праздника этого пророка поселяне отправляют молебны и окропляют земледельческие орудия Богоявленскою водой, дабы кошуны и лиходеи не вредили им своими дьявольскими заговорами.

МАВРА-РАССАДНИЦА. 3 МАЯ

В праздник мученицы Мавры начинают сажать рассаду (молодую капусту), отчего она называется Мавроу-рассадницею, и засевают гряды огородными растениями. Обрядного празднества не совершают в ее честь. Некоторые старые женщины после рассады и засева огородных растений варят молочную кашу и едят ее на огороде. Св. Мавру иногда называют Маврою молочною. Может быть, это оттого, что тогда бывает самое сочное молоко и в изобилии. Пастухи варят на поле мавринскую кашу на молоке, которая почитается самою лучшею и здоровейшею. Это мнение весьма естественное, потому что тогда поля бывают покрыты мягкой и сочною травой; от нее скот очень скоро тучнеет и <дает> превосходное молоко. В Малороссии никаких не соблюдают обычаев после рассады. Там окропляют святой водою огородные травы, чтобы их не портили черви и всякая гадина. Но это не есть повсюдное обыкновение: оно совершается одними старухами. Нынешние женщины сажают огородные овощи без всяких обрядов, произнося только после работы: «Роды, Боже, или благослови, Боже».

В иных местах св. мученица Ирина (празднуемая 5 мая) также называется рассадницею.

СВ. НИКОЛАЙ, ХРАНИТЕЛЬ ОТ БЕД. 9 МАЯ И 6 ДЕКАБРЯ

Ни один из угодников не находится в таком почитании, как св. Николай. В честь его повсюду находятся храмы и при-

дела. Нет избы, где бы не находилось его изображение. Ему служат благодарственные молебны и к нему прибегают во всех напастях с теплой мольбою. Чудотворец Николай есть посредник между Богом и людьми, и к нему такое имеют сильное верование, что русский, войдя в церковь, устремляет свое набожное внимание на его образ и молится ему с не меньшим усердием, как самому Богу. Он обставляет его икону свечами и кладет ему поклоны со вздохами и глубоким чувством почитания.

Народ страшится его гнева и потому призывает его на помощь: «Святой Николай-угодник! помоги мне. Святой чудотворец! покрой меня своим чудом и сохрани от всех несчастий». В Малороссии слепцы, ходя по ярмаркам, выпрашивают себе милостыню:

Ой, хто, хто Миколая любить,
Ой, хто, хто Миколаю служитъ:
Тому святой Миколай
На всяк час помогай.
Миколай!

Те же слепцы поют Лазаря:

Як був собі Лазарь,
Так я его знав:
Була у его сира свита,
Так я и тую знав.
Як полетив Лазарь,
Да пид небесами.
Алилуя! алилуя! алилуя!

В весенний день Николая (9 мая) конюхи выгоняют лошадей в поле и служат тут молебен, а священник окропляет их освященной водою. После ездят верхом, чтобы нечистая сила не успела поездить прежде, ибо если начнет она ездить, и обыкновенно ночью, то заедит до смерти. Вечеру поют песни, и веселятся, и смотрят, чтобы никто не дотрагивался <до>

их лошадей. Если замечают, что лошадь вздрагивает, то проносят слова: «Киш, киш, дьявольская сила!» Или: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его».

Между суеверными моряками считается два Николая: морской и мокрый. Первый управляет кораблями, а второй водами; оба невидимо присутствуют между ними. Несколько раз случалось мне слышать от моряков, что они во время кораблекрушений единственно обязаны были спасением заступничеству св. Николая, который такую имеет власть на морях, что если не прибегнуть к нему с обетами, то верная погибель. Обеты состоят в наложении постничества, украшении его образа, чествовании его праздника или в сооружении в его имя церкви. Празднества, отправляемые в честь св. Николая, бывают весенние и зимние: 9 мая и 6 декабря. Зимнему Николаю оказывает мордва особое почитание. Стоит указать ей на образ св. Николая, и она устремится ставить свечи наперобой.

Моряки во время бурь на водах устремляются с горячими молениями к св. Николаю об избавлении их от кораблекрушения. Когда застигает матросов кораблекрушение, тогда они выносят чудотворный образ св. Николая на палубу и умоляют его о спасении¹.

Митрополит Ефрем установил в конце XI века, чтобы торжествовать 9 мая по случаю перенесения мощей св. Николая из Ликий в итальянский город Бар. Праздник западной Церкви, отвергаемый греками, доказывает, что мы имели тогда дружеское сношение с Римом.

НИКИТА, СТРАЖ ГУСЕЙ. 28 МАЯ

Домашние птицы также охраняются, по мнению простодушных, особыми святыми. Преподобный Никита, празднуемый 28 мая, почитается стражем гусей и прочих домашних птиц, но

¹ В день мученицы Гликерии (13 мая) появляются комары, потому она называется Лукерья-комарница; в день св. Исидора (14 мая) начинают садить огурцы; в праздник семи дев (18 мая) сеют первый лен; в праздник Константина и Елены сеют ранний лен и позднюю пшеницу.

особенно гусей. Простолюдины, поручая маленьких гусей мальчикам, отдают их под покров Никиты, который не допускает к ним хищных птиц: орла, ястреба или других животных.

ФЕОДОСИЯ-КОЛОСЯНИЦА. 29 МАЯ

Преподобная мученица Феодосия, в простонародии *колосяница*, празднуемая 29 мая, составляет повсеместное сельское торжество. В мае месяце хлеб пускает колосья, а с 29 мая он почти повсюду начинает наливаться зернами, по коим судят о богатстве жатвы, а в день св. Иеремии (празднуемого 31 мая) говорят: «Повесь сетево, то есть кончай посев!»

АКИЛИНА-ГРЕЧИШНИЦА. 13 ИЮНЯ

Мученица Акилина, называемая народом гречишницею, указывает время посева гречихи. В южных странах России цветет в это время гречиха: благовонный запах ее беспрестанно привлекает к себе рои пчел, которые высасывают из нее чистейшую сладость и уносят в свои ульи для составления лучших сот.

В некоторых местах Малороссии и Литвы срезают накануне дня Акилины пучки гречихи и приносят домой: их закладывают за образа и оставляют до будущего года. В праздник Акилины зажиточные хозяева собирают соседей, угощают их и просят помочь им в жатве. Там первая жатва начинается гречихою, потому гречишница доставляет земледельцу радость. По снятии гречихи освящают первый ее умолот: одну часть оставляют дома до будущего посева, а из другой пекут гречаники, которыми потчуют своих работников. В России гречишница известна потому, что около этого времени посев выбирает свои колосья, по коим судят об урожае хлеба.

БОРИС И ГЛЕБ, ГРОЗНЫЕ. 24 ИЮНЯ

В день этих святых большая часть народа не работает, разве по необходимости, и называет этот праздник грозным.

Утверждают, что не раз случалось видеть, как внезапная буря разносила копны сена по полю или по водам; дождь портил совсем уже высохшее сено, а молния сжигала целые стога. В других местах день Бориса и Глеба называется *барыш день*, и потому его празднуют для получения барышей весь год.

ПЕТР-РЫБОЛОВ. 29 ИЮНЯ

Рыбаки, закидывая свои сети, обращаются с мольбою к св. апостолу Петру, который посему называется Петром-рыболовом. Если застигает их буря на реках, то они также прибегают к нему. За избавление от опасности или за успешный улов рыбаки воссылают ему благодарения. В других местах складываются рыбаки на большую восковую свечу и ставят ее во время обедни *бывшим ловцам рыб и людей* (первым апостолам). Ходят еще пастухи по домам для собирания подачи, состоящей из яиц, ватрушек, пирогов¹ и т. п.

Некоторые утверждают, что в день св. апостола Петра солнце на восходе играет радугами. Чтобы видеть это, многие восходят на гору и ожидают с нетерпением появления солнца. Едва оно появится, толпа приветствует его хором:

Ой, ладо! ой, ладо!
На кургане соловей гнездо завивает,
А иволга развивает.
Хоть ты вей, не вей, соловей,
Не быть твоему гнезду совитому,
Не быть твоим детям вывозатым;
Не летать им по дубраве,
Не клевать им яровой пшеницы.
Ой, ладо! ой, ладо!

¹ По мнению народа, день Казанской Божией Матери (1 июля) есть лучшее время для собирания червца, который будто бы собирается тогда из всех мест под один куст. Замечают, если в день св. мучен. Мокрины ясно, то осень будет сухая; если мокро, то ненастная.

ВЕЛИКОМУЧЕН. ПРОКОПИЙ-ЖАТВЕННИК. 8 ИЮЛЯ

В день великомуч. Прокопия поселяне празднуют общим миром наступившую жатву. Накануне Прокопия убивают несколько баранов и пекут их, а в день праздника отслуживают молебен за счастливое окончание сельских работ и потом пируют.

ИЛЬЯ ГРОМОНОСНЫЙ. 20 ИЮЛЯ

Св. пророк Илья представляется народом громоносным: он производит гром и молнию. По его воле бывают дожди проливные и наводнения; засухи, бездождия и росы благотворные. Во время бездождия и безведрия молятся Господу, умоляя св. Пророка о ходатайстве. «Илия словом дождь держит на земли и паки словом с небесе низводит, — говорит одна церковная песнь, — тем же молим Тя: Того молитвами щедре после дожди водные земли, с небесе»¹. Иные ставят в посуде на воротах несколько ржи или овса и просят священника провеличать Илью, дабы он послал дождь, по этому случаю поют тропарь «Илия славный» и пр. Другие величают Илью на Светлой неделе, когда священники ходят по домам с молебнами. В Малороссии думают: когда гром гремит, тогда Илья разъезжает по небу на огненной колеснице и бросает стрелы, а молниею поражает укрывающегося черта. Последнее мнение господствует во всей

¹ Канон «Последования во время бездождия», песнь 8. Говорят, что пророк по переселении на небо написал грозное послание из рая к царю иудейскому Иораму, в коем он предсказал гибель всему его дому, а самому Иораму лютую смерть. — «Четьи минеи, в конце; Воскресное чтение за 1839 г.», № 18, с. 175–176. Есть предание, что пророк явится на земле вместе с Энохом перед вторым пришествием Христа в том же теле, как вознесся на небо; будет утешать благочестивых и обличать антихриста. Это предание основано на словах пророка Малахии, ст. 4, 5 и 6 и Евангел. Иоанна, апок., гл. II, с. 3–12. Слова пророков, замечает Воскресное чтение, с. 176, не прямо говорят о втором пришествии Илии, и трудно представить, чтобы Илия мог быть убит в прославленном теле. — Лук., гл. 9, с. 31.

России. Если гром гремит, то верят, что Илья ездит по небу на огненной колеснице и убивает стрелою дьявола, который повсюду тогда укрывается под разными видами, особенно под видом младенцев, и просит у людей убежища. Если бы злой дух спрятался и за образ Божий, то и он, и образ не будут пощажены. Громовая стрела, поразив черта, уходит в землю и там остается три года. После находят ее на земле в виде кремня. В страданиях колотьем окатывают тот кремень водою, и этой водою обливают больного. Некоторые бегут к реке во время грома, чтобы умыться, но перекрестясь наперед. Староверы утверждают: кто часто или всегда ест гнилой хлеб, тот не будет бояться грома. Услышавшие в первый раз гром должны умываться с серебра, отчего лицо побелеет, зарумянится и сам <он> поздоровеет. Многие уверяют, что они находили стрелы, которые поражали людей, прогневивших Бога. Поэтому-то мужик, когда гремит гром, с ужасом крестится и читает молитву, отчего произошла поговорка: «Гром не грянет, мужик не перекрестится». Считают того басурманом, кто не крестится при громах, и думают, что черт, который во время грома бежит повсюду и ищет себе убежища от гнева Божиего, переселяется в неперекрестившегося, и тогда Бог говорит дьяволу: «Человека не пощажу, а тебя достану». Илья считается еще починателем жатвы, и потому говорят: «Св. Илья зажинает жниво», – ибо это время есть время всеобщей жатвы. В Малороссии после дня св. Ильи (20 июля) перестают купаться, говоря: «Св. Илья смутыв воду». Вероятно, это потому, что вода нагревается тогда и делается нездоровою. В Белоруссии думают, что осень наступает с Ильина дня, и потому говорят: «На Илью до обеда лето, а после обеда осень». Конечно, это произошло оттого, что солнце, сделав с 10 июня поворот на осень, уменьшает рабочие дни, которые тогда дороги для поселянина.

В некоторых местах России закалывают накануне Ильина дня быков и телят и пируют в честь пророка Ильи. В Орловской губернии поселяне ходят в сам Ильин день на поля служить молебны о ниспослании благословения на успешное снятие жатвы. Замечают: если в день Ильи бывает дождь, то

будет мало пожаров. Досужие толкователи прибавляют: если не бывает грома, то непременно убьет кого-нибудь грозой или зажжет дом. Те же толкователи утверждают, что в этот день дана воля всем гадам и лютым зверям, а потому не должно выгонять скот в поле.

Пермяки собираются в день Ильи из двух или трех деревень в одну, приводят сюда быка или теленка, закалывают и готовят общий пир. В день же Прокопия убивают барана и потому едят жареного. Пророк Илья бывает умоляем от них приношением быка, а великомуч. Прокопий приношением барана. В день Ильи не выгоняют скота в поле, веря и уверяя других, что тогда свирепые звери и ядовитые гады, оставляя свои норы, рыскают по полям и лесам, ища себе добычи.

Один из самовидцев рассказывал мне, что он, пришедши однажды к богатому мужику-пчеловоду в селение (Смоленского уезда), увидел, что он расставлял иконы, прилеплял к ним свечи, накрывал стол скатертью и ставил угощения. Мужик был очень рад его посещению, немедленно поставил для него на стол соты меда и свежие огурцы и просил с поклоном поесть чего-нибудь, сам же ставил в то время в передний угол лукошко с рожью и потом положил на стол большую булку. «А это к чему, любезный мой?» – спросил он у него. «Да вот, мой батюшка Хведорович, – отвечал он, – со святыми придут водосвятя, видишь ее летаж неуговорно Богу. Бог благословил меня райками, дак хочу отслужить молебни св. Илью. Посядитётка да покушайте в доброе здоровье, а вот придет в часинку отец Иван, и вам и яму будет васели». Через несколько минут приехал священник, а вслед за ним пришли со святыми. Крестянин встретил образа у ворот своего дома, сделал земной поклон, и потом иконы перенесли через него: он встал, перекрестился, поцеловал образа и вдруг нахмурился. Постояв несколько минут в смущении, он взял одну икону, внес в избу и поставил на приготовленном в переднем углу лукошке, прочие же иконы поставил рядом. Зажгли свечи, и началось водосвятие; по окончании водоосвящения священник сел за стол, на коем стоял мед, а о молебне ни слова. Очевидец этого действия,

думая, что добрый старик забыл свое обещание, напомнил ему: «Что же, старик, ты хотел служить молебн св. Илье?» – «Хотев бы дужа, – отвечал он, – да вишь, батюшка не взяв с собою св. Ильи». – «Помилуй! Да разве отслужить нельзя?» – возразил он. Старик взглянул на священника, тот молчал. Потом мужик сказал: «Уже до иного разу; нету св. Ильи».

ПАНТЕЛЕЙМОН ЗАЖНИВНЫЙ. 27 ИЮЛЯ

День св. Пантелеймона есть зажнивный праздник по всей России. Снятые колосья с полей приносят в церковь для освящения. В других местах кормят ими скот и собирают разные целебные травы, которые сушат и употребляют в домашнем быту. В Малороссии Пантелеймон известен под именем *Палия* и *Паликоны*, потому что он палит и сжигает молниею копны сена и скирды хлеба у тех, которые не чтут его память. В этот день поселяне боятся работать¹.

АРХИДИАКОН СТЕФАН. 2 АВГУСТА

Для укрепления лошадей в силе и придания им большей красоты советуют многие, чтобы в день архидиакона Стефана поить их через серебро. Ему посвящали в прежнее время сено и овес. На одной византийской иконе он представлен верхом; пред ним кони у пруда толпятся и пьют воду. Должно думать, что он был некогда хранителем лошадей. Константинопольские воины во время существования Восточной империи оказывали ему чествование².

¹ До Спаса Преображения грешно есть яблоки, а орехи прежде Воздвижения. Это основано на том, что яблоки и орехи очень редко вызревают к этому времени и что детей трудно удержать от лакомства, если не настрашать их и не уверить, что это грешно.

² В день св. Луппы (23 авг.) морозом овес лупит. Начинаются первые утренники, а там морозы, после оттепели Михайловские (1 нояб.) и введенские (21 ноябр.), почему говорят: «Введение ломает леденье». В день Иоанна Предтечи (29 авг.) не варят щей, потому что кочан капусты напоминает усеченную его голову. При наступлении Воздвижения (14 сен.) говорят: «Кафтан с шубой сдвинутся», то есть наступает время теплой одежды.

ФЕКЛА-ЗАРЕВНИЦА. 24 СЕНТЯБРЯ

Мученица Фекла, называемая *заревницею* и празднуемая в Северо-Восточной России, есть окончательная эпоха собирания хлеба с полей. С первого умолада варят кашу, которая называется домолоткою, и потчуют ею работников. В то время овин носит название именнинника, а молотельщики едят в честь его кашу, приговаривая: «Хозяину хлеба ворошок, а молотельщикам каши горшок». Название заревницы, вероятно, произошло оттого, что работники выходят в это время на работу с первой утренней зарею. В юго-западных частях России заревница неизвестна.

СЕРГИЙ, ХРАНИТЕЛЬ КУР. 25 СЕНТЯБРЯ

Из домашних птиц куры доставляют в общежитии многообразную пользу. Из этого произошло в простом народе поверье, что они не противны святым и находятся под покровительством мучен. Сергия, который посему называется хранителем кур.

Его празднество бывает 25 сентября. Ему вверяют сбережение их и просят у него благословления на размножение кур.

БОЖЬЯ МАТЕРЬ И ПОКРОВ. 1 ОКТЯБРЯ

Суеверные поселяне говорят, что Божия Матерь засекает поля, а Покров собирает плоды. Всем известно, что этот праздник бывает осенью, 1 октября. С этого времени начинаются свадьбы между поселянами, почему девушки прибегают к Покрову с молитвою о даровании им жениха.

Молодые девушки молятся в этот день с особым усердием и просят Матерь Божию о ниспослании им женихов. Непременно каждая ставит свечу перед Ее образом, и весь день проводят девушки в своем кругу. Если попадает к ним случайно молодец, то замечают его движения и разговоры,

по коим судят о будущем. Для этого дня делают складчину и пируют как можно веселее, говоря: «Покров весело проведешь, дружка милого найдешь»¹.

СВ. ПЯТНИЦА. 28 ОКТЯБРЯ

В прежние годы день пятницы был почти повсеместным сборным днем для торгов. По городам и деревням съезжались земледельцы и купцы для сбыта произведений и совершения торговых сделок, потому пятница обратилась в один из праздничных дней, а простым народом она олицетворена под именем св. Пятницы: ей приписывали влияние на скот и поля и приносили очистительные жертвы; отправляли божественные службы и хранили по домам образ с изображением мученицы св. Пятницы: женщины худощавой, высокой ростом и с лучезарным венком на голове. Уважение к ней до такой степени простиралось, что считалось за великий грех работать в этот день и предпринимать дальнюю дорогу, не отслужив молебна. Считали равным несчастьем отправляться в путь в понедельник. В языческие времена князь и судья балтийских славян производили по понедельникам суд и расправу в священных рощах: тогда виновных наказывали на месте в самый понедельник. По принятии христианской веры наши предки, вероятно, обязаны были являться по воскресеньям в церковь; не исполнявшие же этого подвергались наказанию, и понедельник был днем расплаты. От этого произошел предрассудок, что понедельник несчастный день. Пятница и понедельник составляют поныне между простолюдинами и даже между многими образованными сословиями предмет особых гаданий. В эти оба дня ничего не решаются предпринимать, будучи уверены в неуспехе; замечают и гадают на целую неделю по особым признакам разных домашних животных, и из них выводят особые для

¹ 28 октября, Парасковии-льняницы – с этого времени начинают повсюду мять лен.

себя предзнаменования. Если женщины пряли и шили, то св. Пятница наказывает их неизлечимым ногтеедом и заусеницею или сводит им руки. Люди с предрассудками уверяют, что тогда черти дерут лыко с пальцев. Многие дают обет поститься в понедельник и пятницу за какие-нибудь грехи, тяготящие их совесть, например: если женщина заспит ребенка, то она налагает на себя обещание впредь не делать этого; ставит в церкви перед образом св. Пятницы свечу, молится за свои грехи и обещает вечно понедельничать, то есть не есть по понедельникам скоромного, класть по несколько поклонов утром и вечером¹. Другая из ревности к благо-

¹ Заспать младенца значит, когда беспечные и крепко спящие или пьяные женщины кладут с собою на постель младенцев и во время сна дают их. Тогда они верят, что душа младенца не наследует уже царствия небесного. Посему такой женщине предписывают некоторые суеверные стоять одной в церкви три ночи сряду в очерченном мелом круге. В первую ночь будут ходить около нее черти, нося ее младенца на руках; во вторую – нося мимо нее, будут его давить, бить, щипать и говорить ей, что если она выйдет из круга, то отдадут ей младенца. Как скоро она перейдет круг, то сама сделается добычею дьяволов. В третью ночь будут его мучить в ее глазах, уговаривая, чтобы она вышла из круга; когда же не послушает их, тогда измучают его до смерти. После пения петухов они исчезают, оставляя ей измученного младенца, которого она показывает всем и потом погребает с должною почестью. Тогда душа младенца переходит в рай. Это верование, происшедшее от внушения о должном попечении к младенцам, грозит простодушным и необразованным матерям небесным гневом. Иначе душеение детей в бедном состоянии было бы повсеместное: гражданский закон не преследует совести, но религиозное чувство сильнее действует на виновных. Мысль, что душа невинного будет мучима в аду, пробуждает раскаяние и обращает кающихся с мольбою к Богу. Отчего происходит заспание младенца? Простой народ так объясняет: дьяволы беспрестанно ищут душу человеческую, преимущественно невинную, а это есть душа младенца. Они опутывают мать грехами и доводят ее до того, что она, едва только уснет со своим ребенком, как они подложат его под бок матери, ворочают ее во все стороны, пока она не наляжет на младенца и не задушит его. Это минута их торжества. Они уносят с рукоплесканием задушенного, а на место его кладут чурбан, превращенный чертями в мертвого младенца. Проснувшаяся мать рыдает горько и произносит: «Грехи попутали меня!» Для очищения души своей от грехов она прибегает к эпитимии добровольной.

Многие постятся в понедельник, думая, что архангел Михаил не оставит их своим заступлением перед Богом в последний день суда. Церковь наша отправляет службу в каждый понедельник в честь архистратига Михаила.

честию воздерживается от всего мясного, исключая, если пятница приходится в какой-нибудь годовой праздник: Рождество Христово и т. п. Обетный понедельник и обетная пятница суть во всеобщем употреблении.

В обетные пятницы ничего не работают. Иногда целое общество налагало на себя обещание – не приниматься ни за какую работу по случаю постигавшего их бедствия, например: падежа, неурожая, засухи, сильных дождей, появления вредных червей и пр., думая умиловить этим св. Пятницу, которая, по мнению простолюдинов, карает их за неоказывание ей почитания и за невыполнение обрядов молебных. Прежде даже писались заповедные записи в том, чтобы по воскресеньям и пятницам «работы не работати, дела не делати никакого черного; ни угодя, ни белки, ни лесоважи, ни рыбы ловить; ни ягод, ни губней не носить». Были даже молитвы, сочиненные в честь св. Пятницы, которые носили на шее для предохранения себя от чар и многих недугов; привязывали эти молитвы к больной голове, полагая, что это лучшее средство и надежнейшее лекарство для излечения своей боли¹. В первую пятницу после Пасхи народ собирался в прежние годы на ярмарку или торг и совершал около часовни молебны св. Пятнице. Сами часовни именовались пятницами, которые украшались иконою св. Параскевии, потому между простолюдинами она именовалась то св. Параскевией-пятницею, то просто св. Пятницею. Во время церковных обрядов выносили образ св. Параскевии, увешанный ленточками, монистами, цветами и душистыми травами. Народ встречал с благоговением и толпой теснился лобызать изображение в надежде избавления от разных недугов. Цветы и травы, украшавшие образ, хранились в церкви, <их> потом варили и давали пить отвар отчаянным больным как верное средство к исцелению. В праздник св. Параскевии, 28 октября, отправляли собором божественную службу, клали под ее образ зеленые плоды для освящения и хранили

¹ Параскева по-гречески значит пятница, а Параскевою наименована она потому, что родилась в день пятницы.

у себя дома до следующего года¹. Во многих местах Малороссии существовал обычай еще в мое время, чтобы водить по деревням женщину с распущенными волосами под именем Пятницы. Раскольники стародубские (Черниговской губ.) водили ее даже во время церковных ходов. В духовном регламенте сохранилось предание о праздновании св. Пятницы в Стародубе (Черниговской губернии). Там водили простоволосую женщину под именем Пятницы с крестным ходом и приносили ей дары. Строили ей часовни на перекрестках и во время падежа скота, моровой язвы или другого какого-либо бедствия, прибегали к ней с молитвами². В некоторых местах народ почитал ее покровительницею брачных союзов, а сельские невесты прибегали под ее покров.

По разным местам России пятница именуется различно, а именно *временною*, потому что праздник св. Параскевии приходится иногда случайно в пятницу; *обжорною*, бываемою на третьей неделе Великого поста, и *обжорною субботою* – от поминовения по усопшим. У простого народа считается девять главных пятниц: 1) *обжорная*, на третьей неделе Великого поста³, 2) *страстная*, 3) *спасовая*, 4) *временная*, 5) *разгульная*, 6) *молебная*, 7) *кающаяся*, 8) *праздничная*, в день св. Параскевии и 9) *девятая пятница*. В уездах: Шенкурском (Архангельской губ.) и Вельском (Вологодской губ.) отправляют ежегодно празднество в честь Пятницы на первой неделе Петрова поста под именем девятой пятницы. В одной старинной часовне в пяти верстах от Верховажья (Вологодской губ.) бывает крестный ход и молебен, потом угощение и игры. Девушки и парни играют в полукрест. Он со-

¹ У татар было также в употреблении, чтобы написанную молитву в день пятницы носить при себе. Вот молитва: «Если дитя не спит по ночам, то напиши эту молитву в день пятницы и привяжи ее к голове дитяти», то есть «углан югламаса, бу дуани джюма кюн битиб башинга магима лаги малах зарех аааа ги ааа гх ма ааагх аааг аа атх аааа».

² Mottley. «The hist. of the life of Peter the Great», с. 131.

³ В Буйевском уезде Костромской губернии зятя угощают своих тещ и тещей на первой неделе Великого поста в пятницу киселем с маслом, привозимых в гробах, и там эта пятница называется *обжорною*.

ставляется из двух кругов: пары сначала сходятся, а потом пускаются попарно вразбег. Беспарные бегают за парой и стараются ее разорвать, и тем оканчивается игра. Эта забава напоминает нам запуски древних малоазийских греков, которые употреблялись на Олимпийских играх и были воспеваемы многими поэтами.

Обряды, отправляемые в честь пятниц, суть разнообразные: иные совершают крестный ход около часовни и отпевают молебен, за коим следуют угощение и игры. Другие угощают своих тещ и тестей киселем с маслом: это делают молодые зятья в разгульную пятницу в знак благодарности за получение от них непорочной жены.

На торгах производили миряне суд и расправу, когда еще не было устроено единообразного гражданского судопроизводства и самих преступников выводили преимущественно в то время на площадь для совершения над ними наказания, потому что в торговый день пятницы сам народ собирался. Многие купеческие сделки производились постоянно в этот день, и для таковых оборотов было десять торговых пятниц, на кои съезжались все покупщики и продавцы. В какое же время они бывали? Это неизвестно. Должно думать, что они, по разности места, имели свои определенные в году сборища, облегчавшие сельские съезды, служившие урочным временем для сбыта товаров и заключения новых условий.

СИМЕОН И ИУДА. 28 ОКТЯБРЯ

В день этих святых католики совершают пир за упокой усопших, именуемый в Белоруссии *дзяды*.

АНАСТАСИЯ, ХРАНИТЕЛЬНИЦА ОВЕЦ. 29 ОКТЯБРЯ

Пастухи почитают мученицу Анастасию оберегательницею овец и верят, что она одна в состоянии вырвать из когтей волка беззащитную овцу – посему прибегают с мольбой: о не-

допущении волка к стаду овец. Образ мучен. Анастасии ставят на дереве в том поле, где пасут овец и полагают, что уже одного этого достаточно. Другие обращаются с мольбою к мученику св. Мамонту, также сберегателю овец.

КУЗЬМА – ДЕМЬЯН, БЕССРЕБРЕНИКИ. 1 НОЯБРЯ

Косьма и Дамиан почитаются искусными врачами от сильных недугов, и потому прибегают к ним с молитвою в день праздника их, 1 ноября¹. Некоторые почитают св. Косьму и Дамиана сберегателями кур от всякого похищения. В иных местах Косьма и Дамиан считаются покровителями свадеб, что доказывается песнею:

Там шел сам Козьма-Демьян
На свадьбу Агафоныча:
Ты, святой ли ты Козьма-Демьянович.
Да ты скуй ли-ка нам свадебку
Вековечную, неразрывную.

КУЗЬМИНКИ

Первого ноября бывает девичий праздник, называемый кузьминками или *Кузьмой-Демьяном* (от имени святых Козьмы и Дамиана). За неделю перед этим праздником девки, которые ходили на посиделки в одну избу, делают между собою ссыпню (складчину). Они выпрашивают у своих родных разной муки, хмеля, солода, дров и варят пиво; потом собирают гречишной муки, а где нет ее, то пшеничной для печения блинов, пирогов, одним словом: снабжаются всеми нужными припасами для своего празднества. Чего не достанут, то уносят ночью из чужих дворов. Тогда многие из домохозяев не досчитываются у себя кур, не находят

¹ Косьма и Дамиан были близнецы, прославились чудесами во врачевании и подавали помощь больным безденежно, потому прозваны бессребрениками. Еще празднуют их день 17 сент. См. «Чет. мин.», 1 нояб. и 17 сент.

в погребах молока, сметаны, яиц и пр. Потом приглашают к себе на веселие родных, с коими пируют, не забывая ни песен, ни плясок.

Празднество совершается везде почти однообразно. Вот более простосердечное веселие, бываемое между пензенскими крестьянами.

Приготовивши запасы всякими правдами и неправдами, собираются поклонницы Кузьмы – Демьяна в назначенную ими избу, в кумашниках (красных сарафанах), в китайчатых или просто синих льняных сарафанах с белыми или пестрыми рукавами и кружевами; в шелковых фатах, повязанных сверх ленты¹; в *писаных* лаптях, плетенных по верху их маленькими лычками; в белых тонких льняных онучах, называемых праздничными. Богатые бывают в котах, отороченных красным сафьяном, с лапатками²; в косниках³ и с лентами в длинных косах, мелко заплетенных. Перед полуднем они зовут к себе родных женского пола покушать горячих блинков, которые печет посторонняя женщина, а за неимением ее сами чередуются. Потом, наливши бурак пива⁴, надевают его на рычаг и отправляются с этим подарком при пении песен к своему старосте или управляющему; поздравляют его с праздником (хотя этот праздник для других ничуть не праздник); просят его принять от них бурак с пивом и пожаловать к ним в гости: откусать мягких блинков и искушать моложавого пивца. Отсюда они идут с песнями в свою хату и после некоторого времени отправляются уже просить к себе родных из мужского пола. Перед вечером, а иногда даже перед обедом, все собираются и садятся по стар-

¹ Лентою называется жесткая, шириною в три вершка, повязка, вышитая блестящею мишурой, у богатых она вышивается серебром; поверх ленты повязывают свои фаты или платки, но так, чтобы маковка головы оставалась незакрытою.

² Лапатки шьются из разноцветных ситцев и имеют подобие сердца шириною в три, а длиною в четыре вершка; во впадине этого сердца вышивается другое маленькое сердце, к которому прикреплена ленточка.

³ Косники связываются из разноцветного бисера.

⁴ Бурак похож на бочонок.

шинству за стол, на котором навалены горы блинов, щедро намазанных маслом. Догадливые родные приносят с собою вместо подарка штофы вина и тут же распивают сами. Когда подносят гостям пиво, тогда поют девушки:

Полно, полно нам, девушки,
Чужо пиво пити!
Не пора ли нам, подружки,
Свое затевати?
Канва (солод) на вине,
А хмель на тычине;
На тычине, на тычине,
На самой вершине.
Тычинушка низко гнется,
А хмель выше вьется;
Тычинушка обломила,
А хмель опустил.
Опустился, обвалился
На мать сыру землю.

Вечером, когда уйдут все гости, девушки играют в свои игры, пляшут и поют с оставшимися молодыми парнями. Последние наряжаются медведями, домовыми, смертию, кому как вздумается, и стараются, чтобы не узнали их. Узнанных бьют без милосердия, пока не сбросят с себя своего наряда.

Приглашение на праздник повторяется на другой день, но на третий зовут всех родных с прежним обрядом. Если староста или управляющий не был у них в первые два дня, то они считают это немилостию к себе, потому падают ему в ноги и умоляют его. В этот день девушки угощают его с утра до вечера; забавляют его песнями, плясками и переживаниями. Поразгулявшиеся гости, мужчины и женщины, принимают потом участие во всех забавах. Тогда девушки, дав им волю потешаться, отправляются <группами> к своим подругам при пении громких песен. Одна часть встречает песнями другую, забавляет ее плясками, не забывая угощать; после провожает

с тем же пением. Иногда собирается на улице несколько частей, тогда от пения стонет небо и земля, по выражению старух, потому что каждая сторона силится перекрычать другую, думая этим понравиться женихам. Дружеские прогулки с распевом продолжаются до глубокой ночи.

ЕКАТЕРИНА-ЖЕНОДАВЦА. 21 НОЯБРЯ

На юго-западе России существует обыкновение, что перед днем великомученицы св. Екатерины холостые постятся и молят ее о даровании им хорошей и доброй жены. Живущие там католики совершают это перед 25-м числом, потому что у них праздник св. Екатерины бывает днем позже нашего. В сам праздник молятся усердно о ее заступничестве. После обеда бывает у них пирушка с песнями и плясками, наподобие свадьбы. Ложась спать, загадывают: приснится ли та, на которой желают жениться? Или: какая будет суженая? Сны объясняют не одни их знатоки, но даже сами бабы¹.

¹ В Польше дни великомуч. Екатерины и св. Андрея считаются роковыми днями для молодых людей, гадающих о судьбе своей. Мужчины молят великомуч. Екатерину, а девушки св. Андрея о счастливом их вступлении в брак. В прежние годы мужчины сажали сучья вишневого дерева в темные места и заботились, чтобы они принялись. Если вишня расцветает перед Р. Х. или Новым годом, то предзнаменует счастливую жизнь и хорошую партию...

Под подушки клали бумажки с именами девиц или мужчин. Кто поутру вытянул какую бумажку, та будет суженая или суженый...

Девушки в Подлясии, желая знать, кто будет их мужем, произносят: 9. *pacierzy stojąc*, 9. *klecząc*, 9. *siedząc*, — потом засевают конопляным семенем землю, приготовленную в лубочном ящике, и говорят:

Св. Андрей!
Я на тебе лен сию.
Дай мени узнати,
З ким буду сбирати.

Ложась спать, кладут под правое ухо кусок хлеба и тогда уверены, что каждая из загадавших увидит своего суженого. В некоторых местах бегут девушки после сеяния льна к плетню и перебирают колья при произнесении слов «то вдовец, то молодец». На каком коле остановится последнее слово, такой будет муж. Парни, зная, что девушки побегут к плетню, вымазывают колья дегтем. (Goleb. «Gr. i zab.», ч. 2, с. 319–321.)

ВАСИЛИЙ ВЕЛИКИЙ

Выгоняя в первый раз в поле скот, ставят свечу перед образом Василия Великого и его особенному надзору поручают охранение свиней, посему пастухи чтут его и боятся прогневить.

ПРОРОК НАУМ. 1 ДЕКАБРЯ

Пророк Наум почитается помощником умственных и механических занятий. Крестьянин, думающий научить грамоте своего сына, идет сперва к письменному человеку спрашивать, *нет ли завтра какого мученика?* Если он получит в ответ, что завтра <день памяти> пророка Наума, то служит ему молебен и ведет сына к учителю. В другой праздник он неохотно отдает в учение своего сына, потому что *один пророк Наум наводит на ум.*

СПИРИДОН, СОЛНЦЕПОВОРОТ. 12 ДЕКАБРЯ

Преподобный Спиридон, в простонародии солнцеповорот, не есть праздник, а народное замечание, что с этого времени солнце делает поворот на зиму. Поверье носится, что сам Спиридон поворачивает солнце на зиму и наблюдает, чтобы оно не скрывалось от людей.

САВВАТИЙ И ЗОСИМА, ХРАНИТЕЛИ ПЧЕЛ

Польза от пчел известна каждому. Еще в глубокое время наши предки, когда были язычниками, оказывали почитание пчелам и думали, что их хранят невидимо добрые духи. Каким же образом два соловецких чудотворца Савватий и Зосима сделались в народе хранителями пчел? Неизвестно. Обитатели Северо-Восточной России почитают их и приносят в церковь для освящения первые медовые соты. Нам известно, что эти два чудотворца жили в конце XIV до половины XV века.

Преподобный Савватий построил (1429 г.) на острове Соловецком, расположенном на Белом море, мужской Соловецкий монастырь. Преподобный Зосима устроил монастырь. Отчего же именно этих угодников, а не других почтили прозванием хранителей пчел? Вероятно, потому, что они первые перенесли сюда пчел и старались об их размножении.

ЦАРЬ ДАВИД, УКРОТИТЕЛЬ ГНЕВА

Народ весьма уважает царя Давида; почти каждый грамотный знает наизусть его вдохновенные псалмы. Во время напастей, бедствий и горестей всякий утешает себя его священными изречениями; отправляясь в дорогу, спрашивает у него защиты от лютых зверей и разбойников, ибо думает, что Давид пением и игрою на гусях усыпляет их невидимо, и везде он находится с теми, которые прибегают к нему. Такое верование к Давиду (царствовавшему в 1005–1055 гг. до Р. Х.) произошло, нет сомнения, оттого, что он, будучи юношею – оруженосцем у царя Саула, укрощал гнев его сладостной игрою на гусях; что в одном сражении с филистимлянами он поразил Голиафа камнем из пращи; что он силою своего красноречия поражал ярость врагов и наставлял на путь заблудших. Другие, когда им икается или зевается, крестят рот и говорят: «Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его»¹.

¹ Должно заметить, что многие дни и приметы служат в народе указанием и истолкованием погоды, напр., накануне Нового года ставят 12 коробочек с солью или берут 12 луковиц, из коих каждая имела бы 12 слоев; выдалбливают каждую луковицу и насыпают ее солью. Каждую коробочку или луковицу называют именем месяца и наутро осматривают: в которой коробочке размокла соль, тот месяц будет дождливый или сырой. По дню св. Платона и св. Романа (17 нояб.) заключают о зиме. Если день теплый, то зима будет теплая: холодный – зима холодная. Вообще о погоде замечают: если солнце заходит красно, то день будет ветреный. Размножение комаров, мух, светлая радуга и летающая паутина предзнаменуют хорошую погоду. Расстилающийся дым по земле – к ненастью; несущийся прямо вверх – к хорошей погоде. Отсыреет соль – к ненастью. Такие приметы и тысячи других составляют в народе ходячий барометр. Не только бездушные предметы, но многочисленные действия животных указывают на изменение погоды, ибо нельзя отвергнуть, чтобы животные не предчувствовали перемен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Простой народ, поручая многое из общежития под покров св. угодников и мучеников, прибегает к ним с истинной верою; но, к сожалению, часто произносит молитвы неправильно, например: «Батюшка, Христово Воскресение!» Перед открытием царских врат, когда шаркнет отдернутая занавесь, произносят мужчины: «Шаркни, Боже, по душе, по телу, по женке, по деткам, по моему здоровью». Женщины говорят: «Шаркни, Боже, по батьке, по матке, по братьям, по сестрам, по моим животам, по моем здоровью». Нередко имена двух святых соединяют в одно: св. мучен. Фрола и Лавра, произносят *Фрола Лаврович*; Косьма и Дамиан *Кузьма Дамыч* и т. п. Люди, прозванные полуобразованными, обращаются к мученикам и угодникам с теплым чувством и твердым упованием в получении облегчения в болезнях, горестях, страданиях и несчастиях. Должно радоваться, что эти полуобразованные сохранили веру и упование. Надобно утешаться, что они не забывают почитать угодников и мучеников. Вот перечень тех святых, к коим возносят чистосердечные моления¹. О сохранении от пожара и молнии – св. Никите новгородскому

Скот мычит и роет землю перед бурей и дождем, собаки и кошки едят траву, домашние птицы и воробьи купаются в пыли, лягушки квакают сильно, вороны и галки летают высоко, ласточки ширяют почти по земле – все это делается к непогоде. Кошка спит, подвернув голову под брюхо, – будет мороз, а летом – ненастье; скребет она лапами – к метели. Если кошка лезет в печь, <a> уголья разгораются сильно в печке, столбы выются около солнца или очерчивается круг около солнца и луны – то предвещает мороз. Если дерево или лучина трещит, когда горит, и мечет искры – то к ненастью. Это замета верная, потому что лучина отсырела. Сам человек предчувствует ненастье: является боль в ревматизме, в раненых или ушибленных членах, горят пальцы, болит голова, болят или чешутся мозоли. Есть люди, кои по особому чувству угадывают нахождение кошки в комнате, где бы она ни спряталась. При появлении змеи отскакивает самая злая собака, при появлении кошки свертывается змея в клубок и не защищается: кошка грызет ее безбоязненно, а индейки заклеивают змей.

¹ По неимению сведений, с какими обрядами отправляются воззвания, представляется здесь, по возможности, одно годовое исчисление святых, особенно чествуемых народом.

(праздн. янв. 31). О здоровья младенцев – преподобн. Симиону Богоприимцу (праздн. 3февр.) и пресвятой Богородице Тихвинской (праздн. 26 июня). От внезапной смерти – священномученику Харлампию (праздн. 13 февраля), преподобному Онуфрию великому (праздн. 12 июля), священномученику Садофу (праздн. 19 октября) и великомученице Варваре (праздн. 4 декабря). Об укрощении страстей: преподобному Мартимиану (праздн. 14 февраля), св. мученице Финаиде (праздн. 14 апреля), преподобному Иоанну многострадальному (праздн. 26 июля). Об избавлении от *тресавичной болезни* (лихорадки) – препод. Маре (праздн. 14 февраля), мученице Фотимии-самарянке (праздн. 20 марта) и преподобному Василию новому (праздн. 27 марта). О прогнании лукавых духов от людей и скота св. Марофу (праздн. 16 февраля) и преподобному Нифонну (праздн. 23 декабря). О найденнии украденных вещей и бежавших людей – мученику Феодору Тирину (праздн. 17 февраля). О избавлении младенцев от оспы – мученику Конону саврийскому (праздн. 5 марта). О разрешении от неплодия и бесчадия – преподобному Ипатию (праздн. 31 марта) и преподобному Роману-чудотворцу (праздн. ноября 27). О прозрении слепых – пресвятой Богородице Казанской (праздн. 8 июля). Об избавлении от муки умерших без покаяния – преподобному Паисию великому (праздн. 19 июля). Об исцелении глазной боли – мученику Лаврентию-архидиякону (праздн. 10 августа), мученику Логину-сотнику (праздн. 16 октября) и мученику Мину египетскому (праздн. 11 ноября)¹. Об освобождении роженицы от трудных родов – пресвятой Богородице Феодоровской (праздн. 16 августа) и великомученице Екатерине (праздн. 24 ноября). Об избавле-

¹ Когда на глазу бывает ячмень, тогда суеверы прокалывают его зерном ячменя и бросают курице. Иные обводят ячмень обручальным кольцом и читают молитву; другие дают ячмень кольцом, целуют глаз и потом плюют или, повесив иглу на нитке перед глазом, смотрят на глаз и плюют. Но чтобы вернее согнать ячмень, показывают больному глазу кукиш, только чтобы при этом никого не было, произнося три раза: «Ячмень, ячмень! вот тебе кукиш. Что захочешь, то себе купишь. Купи себе топорок, переселись поперек (поперг). На, на, на». В заключение проводят по глазу указательным пальцем.

нии от запоя – Моисею Муруну (праздн. августа 24) и мученику Вонифантию (праздн. 19 декабря). От головной боли – св. пророку Иоанну Предтече (праздн. 29 августа). От пожара и молнии – Пречистой Богородице (праздн. 14 сентября). Об избавлении младенцев от родимца – св. великомученику Никите (праздн. 15 сентября). Об изучении иконного писания – св. апостолу Иоанну Богослову (праздн. 26 сентября). О сохранении от злого очарования – священномученику Киприану и Устинию (праздн. 2 октября). Об исцелении от грыжи – великомученику Артемию (праздн. 20 октября). О любви мужа к жене – св. мученику Гурию, Роману и Авиву (праздн. 15 ноября). Об избавлении от скотского падежа – св. Медосту (праздн. 18 декабря). Об истолковании сновидений и прекращении оспы – святым девяти мученикам. О согласии мужа с женою – св. Евангелистам. Об исцелении больного и вообще от всех болезней – образу Всех Скорбящих.

II. НЕДЕЛЯ ВАИЙ

ВЪЕЗД СПАСИТЕЛЯ В ИЕРУСАЛИМ

Спаситель, въезжая на осле в Иерусалим для празднования Пасхи, был встречен жителями, пришедшими сюда на праздник, с финиковыми ваями (ветвями) и радостными восклицаниями: «Осанна! (спасение) Благословен грядый во имя Господне».

Веровавшие в Него свидетельствовали этим возглашением чудесное воскресение Лазаря, которое сотворил Иисус Христос за несколько дней до своего въезда в город. Многие из иудеев пришли сюда, чтобы видеть не только Иисуса, но и воскресшего Лазаря. Стелили свои одежды и бросали пальмовые ветви, где проезжал Христос. Это торжественное событие освящено христианскою церковью годичным воспоминанием. Восточные христиане постановили праздновать его

ежегодно: один из святителей являлся в этот день на осле, и народ кричал: «Осанна!» – бросал во время его шествия пальмовые ветви. Константинопольские патриархи и римские папы ввели потом этот обычай в употребление, и при византийском дворе раздавались подарки и мелкая монета вай, названная от торжественного обряда.

Вай значит собственно ветвь, потому и сама неделя, в которую совершалось это действие, проименована *неделеею вайй*.

По разным местам России эта неделя называется вербной субботою, вербным воскресеньем и вербною неделеею по той причине, что в то время освящают у нас зеленую вербу.

ДРЕВНИЙ ОБРЯД НА ВЕРБНОЙ НЕДЕЛЕ

Некоторые духовные писатели свидетельствуют, что Григорий В. учредил в конце VI века пальмовое воскресенье, которое при Карле В. вошло в употребление на всем Западе под тем же самым наименованием (*dominica palma*). По принятии нами христианской веры от греков нет сомнения, что и обычай празднования вайй тогда же введен ими; но мы не ранее XVI века встречаем народное празднование.

Очень многие обычаи остались бы в неизвестности, если бы нам не передали о них сведений современные писатели. Английский посланник Гаклюйт первым описывает (в конце XVI века) шествие митрополита, ехавшего на коне: «В неделеею вайй собирався народ перед обеднею в Кремль. Из храма Успения выносили тогда большое дерево, обвешанное разными плодами: яблоками, изюмом, смоквами и финиками; укрепляли его на двух саях и везли тихо. Под деревом стояли пять отроков в белой одежде и пели молитвы. За саями шли юноши с зажженными восковыми свечами и большим фонарем; за ними несли две восковые хоругви, шесть кадильниц и шесть икон; за иконами следовали священники в великолепных ризах, осыпанных жемчугом; за ними бояре и сановники, наконец, Государь и митрополит: последний ехал верхом, сидя боком на коне, на котором были приделаны

ослиные уши из полотна; конь был покрыт белым полотном. Митрополит держал левою рукою на коленях св. Евангелие, окованное золотом, а правую благословлял народ. Коня вел боярин; царь Иоанн Грозный держал одной рукою повод узды, а другой нес вербу. Путь устилали сукнами. Многочисленное стечение людей с вербами в руках сопровождало это шествие. Обойдя вокруг главных кремлевских церквей, митрополит входил в храм Успения, служил обедню, потом давал обед царю и вельможам. Почти то же самое говорит Маржерет, служивший в смутные времена России: патриарх ездил в Вербное воскресенье на осле, сидя боком, по обычаю женщин; по недостатку же ослов брали лошадь: покрывали ее белым полотном, так что, кроме глаз, ничего не было видно, и привязывали к ней длинные уши. Царь вел лошадь за повод из Кремля до церкви, именуемой Иерусалим; оттуда в храм Богоматери. Во время шествия расстилали особые люди одежду по дороге, идя впереди святителя. В записках Бера, между описаниями о церковных обычаях в 1627 году, сказано: «На шестой неделе поста бывает ввечеру и на утрени служба в соборе, а перед обеднею патриарх едет на осле к Троице на ров и потом опять отправляется в собор»¹. Этот обычай, как видно из описания, давно употреблялся у нас, но наши летописи умалчивают о нем.

Святители не ездили на осле, а на коне, которого наряжали ослом. Обыкновение, что Царь держал повода узды – есть восточное. Патриархи, представляя на Востоке главу Церкви, требовали от императоров, чтобы они оказывали им почести, какие были оказаны Спасителю при въезде Его в Иерусалим, потому народ приветствовал их «Осанна!» – и бросал под ноги травы и пальмовые ветви или покрывал путь дорогами сукнами, и провожал их в церковь с пальмовыми ветвями в руках.

На Западе также императоры водили коня, на коем сидел папа. В римской церкви существовал обычай возить на колес-

¹ Кар. «И. Г. Р.», т. IX, изд. 1821, с. 466; Гаклюйт. «*Navig.*», Marger. «*État de Гетр, de Russie et gr. duch. de Moscovie*»; Olear. «*Osst. begehrte Beschr. der neue. oriental. Reise etc.*», с. 104, изд. 1647 г.

нице резанного из дерева осла с изображением сидящего на нем Иисуса Христа. С распространением реформатского вероисповедания это обыкновение исчезло, и у немцев сохранились одни названия: голубая пасха (*der blaue Ostertag*) и пальмовое воскресенье (*Palm-Sonntag*). У католиков, живущих в России, празднуют Вербную неделю по нашему обычаю.

По большим городам совершали епископы такое же действие, как патриархи, а воеводы вели лошадь за узду. Патриарх Иоаким, рассмотрев на созванном им соборе в 1678 году *обряд шествия на осляти*, признал его нововведением и запретил архиереям производить его по городам, дозволив при шествии носить один образ Христа. Иоаким не хотел знать, что это обыкновение было в царствование Иоанна IV. Запретив шествие на осляти по городам, он сам употреблял его в Москве. Наши первосвятители хотели пользоваться уважением, равным царям. Со смертью патриарха Адриана в 1700 году прекратился обряд и в самой Москве, ибо впоследствии увидели, что это чествование оказывали не Христу, но одному патриарху. Историк Татищев говорит: «Я помню, как государи Иоанн и Петр вели лошадь патриарха, принимая его за представителя Христа»¹. Наши государи оказывали глубокое свое уважение к духовной власти еще при следующих случаях: 1) Если государь приобщался св. Тайне в соборе в присутствии патриарха, то он перевязывался в алтаре оралом и причащался как диякон. 2) По совершении большой панихиды митрополит кушал у государя, а государь стоял у него за столом².

¹ Изложение патриаршее и всего собора об обряде, в Вербную неделю бываемом, учиненное лета 7186 (1678 г.) мар. («Древ. вивл.», ч. 6, с. 357–362. Успенск. «Опыт о древн. русских», с. 433.)

² В патриаршество Иоакима едва не был поставлен в России папа. При царе Феодоре Алексеевиче находился учителем и придворным проповедником монах Симеон Полоцкий, который, пользуясь особой царскою милостию и будучи предан католическому исповеданию, склонил государя на постановление в Москве папы. В это звание он назначил изгнанного патриарха Никона и полагал быть 4 патриархам: в Новгороде, Ростове, Казани и на Крутицах, а архиепископов произвести в митрополиты. Предположение Симеона было бы произведено в действие, если бы Иоаким не восстал по недоброжелательству к нему. Он обратился к царским

Сохранились некоторые примеры шествия на ослати в разные эпохи. В смутное время, когда Москва была в руках поляков, патриарх Гермоген, окруженный пешими и конными поляками и немцами, которые стояли с обнаженными мечами и заряженными пушками, шел с Красной площади в Кремль. Народ боялся сопровождать его; несколько бояр и сановников шли с печальным лицом; лошадь вел вместо царя князь Гондуров¹. Посланник Олеарий, находясь в Москве в 1636 году, так описывает вербное торжество. «Ход начинался из большого Успенского собора к Лобному на Красной площади месту, с коего патриарх давал благословение народу; потом отправлялся в церковь Василия Блаженного, в коей находился придел вшествия Христа в Иерусалим, и по отслужении там молебна совершал шествие тем же порядком. Впереди везли большую низменную колесницу, на коей стояло дерево, обвешанное множеством яблок, винных ягод и изюмом; подле дерева сидели четыре мальчика в стихарях и пели: «Осанна! благословен». За сим следовало во множестве духовенство во всем его облачении, с крестами, хоругвями и иконами; иные пели, а другие кадили перед народом. Потом шли гости и лучшее купечество; после дьяки, бояре и князья; за ними сам царь в богатом одеянии, с короною на голове, и был поддерживаем под руки двумя первейшими боярами: кн. Ив. Борисовичем Черкасским и кн. Алекс. Мих. Львовым. За государем ехал патриарх на лошади, покрытой сукном, которая представляла осла, и ее вел за узду сам царь. На голове патриарха была круглая, из белого атласа, униженная дорогими жемчугами шапка. В правой руке он держал из драгоценных камней крест, коим осенял народ, принимавший благосло-

любимцам, просил их отвратить пагубное предначертание и, склонив их на свою сторону, велел Андрею Лызлову сочинить записку с изложением сильных доказательств от угрожающего вреда для государства и что, между прочим, это предосудительно для памяти царя Алексея Михайловича, который сам лишил Никона патриаршества как недостойного этого звания. Старанием Иоакима уничтожено предначертание Симеона. (Успенск. «Оп. о древ. русских», с. 430–431.)

¹ «Древн. вивл.», ч. X.

вание с благоговением; по бокам патриарха и позади его шли митрополиты, епископы и другие духовные особы; некоторые из них несли книги, а другие кадильницы. Около 50 юношей, одетых в платье, по большей части красного цвета, снимали с себя верхнее платье и расстилали на пути. Во все шествие продолжался по всем церквам колокольный звон»¹.

Не всегда шествие на осляти происходило одинаковым порядком. Патриарх Иосиф (в 1668 г.), отправившись не Красную площадь в сопровождении многочисленного духовенства и народа, остановился на Лобном месте и послал протопопа и ключаря за ослом, который стоял в известном месте. Патриарший боярин спрашивал их, а они ему отвечали словами Евангелия. Потом, когда подвели осла, патриарх взял в одну руку Евангелие, а в другую напрестольный крест и, осенив царя, сел на осла, которого вел царь за повод. Шествие направилось к Успенскому собору. Царь и народ несли в руках вербы. По прибытии в собор началась обедня².

В малолетство царей Иоанна и Петра шествие это повторялось еще, и патриарх дарил их деньгами по 500 руб., но со смертью последнего патриарха, Адриана, Петр Великий уничтожил этот обряд как унижительный для царского звания. Впоследствии это церковное воспоминание заменено приношением зеленой вербы во храм для освящения ее.

Каждый с особым чувством благоговения идет к заутрене в Вербное воскресенье. По совершении приличного празднику богослужебного обряда священник окропляет всех освященной *водой* и *помазывает* чело елеем³.

¹ Mach. «A relation of three embassies of Carlisle», с. 295–298. Oloar. «Reise...», с. 104–106, изд. 1647 г. inf.; Mottley. «The history of the life of Peter the great», т. 1, с. 124–125; Herb. «Rer. Moscov. com.». ed. Amst. 1557 г., с. 49. Petrejm «Histor. und Bericht. von dem Großfürstenthum Muschkow», с. 681–683, ed. Лейпц. 1620 г.

² Триодион 1666 г., говоря об обряде вай, не упоминает об осле. (Снегир. «Русск. прост. праздн. и пр.», вып. III, с. 169).

³ Посвящаемый в патриархи совершал шествие на осле вокруг города («Древ. вивл.», ч. 6, с. 245, изд. 1788 г.). Не менее странный обряд происходил в неделю св. отец перед Р. Х., под названием *пещное действие* или воспоминание о трех отроках: Анании, Азарии и Мисаиле, которые были

НЫНЕШНЯЯ ВЕРБНАЯ НЕДЕЛЯ

Вербная неделя по большим городам составляет ныне не один церковный обряд освящения верб во храме, но некоторым образом гулянье. На улицах и площадях расставляют для продажи распутившиеся вербы и первые весенние цветы. Из живущих в небольших городах и деревнях каждый ломает для себя вербу с особыми приметами и ест распутившийся цвет, который называется кашею, почитая ее здоровою. Вкус вербной каши сладкий, но надобно, чтобы она была самая молодая. В столицах, в Петербурге и Москве, продаются не только настоящие, но искусственные вербы. Нигде не бывает столь пышного и богато-разнообразного приготовления для Вербного воскресения, как в Петербурге. С четверга шестой недели до сумерек субботы весь Гостиный двор, внутри и вне, наполнен искусственными произведениями верб с плодами, игрушками и разными деревьями южных стран: деревья лимонные, абрикосовые, апельсиновые, помаранцевые, финиковые и проч., украшенные плодами, так сделаны прекрасно, что неопытный глаз легко обманывается. Такие деревья продаются до 200 руб. Цветы в горшках: розы, гиацинты, тюльпаны, незабудки, резеда, лилея, гвоздика, восточный мак и другие спорят с природными цветами и только разочаровывают вас тем, что не издают запаха; яблоки, груши, апельсины, дыни, арбузы, хлебы, крендели, сухари удивляют вас искусством. Детские игрушки в блестящих изменениях, духи, помада, курительные душистые свечи покрывают сотни столов. Картины, стеклянные и восковые изображения из разных предметов царства животного, растительного и ископаемого; каменные и кристальные яйца, окрашенные разною краской; резанные из разноцветной бу-брошены в печь вавилонянами за непоклонение золотому истукану, но ангелом защищены, и они остались невредимыми. *Пещное действие* совершалось только в тех местах, где имели местопребывание епископы; впоследствии этот обряд уничтожен. Время уничтожения неизвестно, но должно думать, что это случилось в царствование Преобразователя России, ибо обряд совершался еще в 1678 г. (Новик. «Древ. вивл.», ч. 6).

маги херувимы на вербах, конфетные лакомства, миндальные и шоколадные коврижки, женские мелочные вещи для работ с изысканной отделкою: наперстки, иголки, уборные шкатулки и другие бесчисленные вещи украшают Гостиный двор, который превращается в то время в роскошный базар и пышное гулянье. Тысячи людей толпятся здесь от простого человека до важного сановника. Сотни блестящих экипажей загромождают собою всю часть Невского проспекта со стороны Гостиного двора. Посещающие базар одеваются в богатые одежды, и всякий выказывает свой вкус и всю изысканную роскошь. Прелестный пол затмевает всех своими щегольскими нарядами. Царский дом удостаивает народное гулянье своим посещением. Вечеру субботы вербная выставка прекращается, и если она продолжается еще на седьмой неделе поста, то кое-где, и то для распродажи оставшихся в незначительном количестве вещей.

В Малороссии существовало обыкновение совершать ход из одной церкви в другую с вербами в руках. По духовным заведениям воспитанники, одетые в праздничное платье, также совершали вербное шествие в сопровождении своего начальства. В Литве и смежной с нею Польше происходило то же самое. Ученики носили пуки цветов и вербы, перевязанные разноцветными лентами.

СУЕВЕРНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Теперь совершают у нас одно освящение вербы, которая бережется в домах с особым почитанием. Ее держат весь год за образами или затыкают углы коровьих сараев и стойла, чтобы ведьмы не портили скот. Иные бьют слегка свой скот освященною вербою, предполагая, что тогда никакая не прикоснется к ним нечистая сила. Такое понятие распространено в большей части России¹. Когда выгоняют скот в первый раз в поле, тог-

¹ Есть обыкновение, именно в Саратовской губ., Камышинского уезда, в селе Лопуховке, что пчеловоды не должны ужинать при огне (в Вербную неделю), иначе не поведутся пчелы.

да выпроваживают его из загонов освященной вербою. Когда болеют люди или скот, тогда некоторые по совету знахарей варят вербу с травами и дают пить отвар. Кто проспит вербную заутреню, того бьют освященной вербою, приговаривая: «Не я бью, верба бьет, на красные яйца, на мягкие перепечи», или: «Верба хлест, бей до слёз». В Малороссии говорят: «Не я бью, верба бьет: за тыж день, за велик день». – «Будь здоров, як верба!» В других местах есть обыкновение sprыскивать спящих водою, причем произносят те же самые слова, за исключением окончания, которое заменяет словами: «Будь здоров, як вода». Эти приговорки зашли к нам из Литвы, где с давних времен было в обыкновении: «Ne ja biju, werba bije: za tyż deń, za welik deń. Chira w lés, zdrowie u kosci». На Жмууди, в Литве, простой народ тоже хлещет друг друга вербою, приговаривая:

Ne asz muszu,	Не я бью,
Werba musz,	Верба бьет;
Uż nediely	Чрез неделю
Bus welikos.	Велик день придет.

Там, выгоняя скот в первый раз на поле, поселянин крестит скот и бьет каждого освященною вербной ветвью, думая, что от этого весь скот будет крепок и здоров.

III. ПАСХА

ПАСХА В ВЕТХОЗАВЕТНОЙ ЦЕРКВИ

В ветхозаветной церкви Пасха (от еврейского слова «пасах») означает «обход», потому что ангел-истребитель, поразивший смертью египетских первенцев во всем царстве в одну ночь, миновал дома израильские. Истребление первенцев заставило фараона Рамзеса отпустить евреев в обетованную землю (Палестину) под предводительством Моисея (1570 г. до Р. Х.). Перед исходом из Египта каждый хозяин

из евреев должен был заколоть по воле Божией непорочного и без всяких недостатков однолетнего агнца и испечь его целого на огне. Где семейство было малочисленное, что не могло съесть всего агнца, то повелевалось пригласить соседа, чтобы ничего не оставалось от ужина. Евреям сверх того приказано было одеться по-дорожному, взять в руки посохи и ожидать дальнейших распоряжений. Кровию же агнца окропились ворота каждого еврейского дома. Этим действием были означены те дома, которые Бог пощадил.

ПАСХА В НОВОЗАВЕТНОЙ ЦЕРКВИ

В новозаветной церкви Пасха есть сам Иисус Христос. В праздник Воскресения Христова благовестят в полночь и зажигают повсюду огни и воскуривают фимиам. На торжественный блавест немедленно стекается народ во храм и возжигает свечи. Священнослужители облачаются в светлые ризы, и в этом великолепном виде исходит церковь во сретение жениху своему, Христу; совершается крестный ход вокруг храма и «Христос Воскресе!» возвещается радостно повсюду. Невидимо открываются райские двери, и в этот день примирения неба и земли делаются все друзьями. «Воскресения день и просветимся торжеством, и друг друга обьемем», – провозглашается постоянно. Царские врата в продолжение семи дней Светлой недели стоят открытыми. Для празднования Пасхи сначала не было определенного дня, и как она совпадала с еврейскою, то положено совершать ее в первый воскресный день после иудейской или после первого весеннего полнолуния. Такое празднование Пасхи постановлено Никейским собором, бывшим в царствование Константина Великого (325 г.) Пасха никогда не бывает ранее 22 марта и позже 25 апреля.

Приветствие и христосование начинается прежде всего в алтаре между священнослужителями; потом они выходят оттуда с крестом, Евангелием и св. иконами и становятся в один ряд перед царскими вратами, лицом к народу. Тогда предстоящие идут к освященному собору, целуют крест, Евангелие

и иконы. Священнослужители приветствуют их: «Христос Воскресе!» Предстоящие отвечают: «Воистину Воскресе!» Целование делается всеобщим, и радостная весть о Воскресении соединяет сердца правоверных узами братства. Взаимное целование соблюдается с точностью патриархальною по губерниям, и не прежде выходят прихожане из церкви, пока все не перецелуются. Суворов, отслушав заутреню и раннюю обедню, становился в ряд со священниками и христосовался со всеми, никого не разбирая. Позади Суворова стояли денщики с корзинами крашенных яиц, и он каждому подавал яйцо, а сам ни от кого не принимал. Всю Святую неделю он угощал всех без разбора пасхою и куличом.

УПОТРЕБЛЕНИЕ КРАШЕНЫХ ЯИЦ В ДРЕВНЕЕ ВРЕМЯ И ЗНАЧЕНИЕ ЯЙЦА МЕЖДУ ЯЗЫЧЕСТВОМ

Азиатские и еврейские народы имели обыкновение еще в древнее время ставить яйца на стол при начале нового года и одаривать ими своих благодетелей. Для этого раскрашивали яйца разными цветами, особенно красным, который у кельтов почитался самым лучшим. В прежние века новый год начинался с весеннего равноденствия, с того самого времени, когда христиане учредили празднование Пасхи, коей присвоено употребление крашенок. Не должно думать, чтобы это введение было установлено без намерения. В Персии, в праздник нового солнечного года, 20 марта, жители приветствовали друг друга окрашенными в разную краску яйцами¹. Такое обыкновение сохранялось долгое время во Франции, Италии и Испании, и это обыкновение, как некоторые думают, перешло в Европу от жидов. Во время своей Пасхи они ставили на стол круто сваренные яйца, знаменуя сим птицу зиз. Естествоиспытатель Плиний говорит, что римляне употребляли окрашенные яйца при различных игрищах, богослужебных обрядах и очищении

¹ Le Brun. «Voyages par la Moscovie en Perse et aux Indes orientales», т. I, с. 191–192, in f.

грехов. Плутарх изъясняет причину этого обыкновения таким образом: яйцо представляет Творца всей природы, вседействующего и все в себе заключающего. Оно, как солнце, которое все оживляет и рождает, приносилось в честь Бахусу. Учения древних философов об образовании мира объяснялись изображением яйца. Египтяне представляли его под видом вселенной, и в его образе поклонялись благодетельствующему божеству Кнефу. Храм его находился на острове Элифантин; истукан представлялся в образе человека с гермофродитскими частями – в знак его совершенства во всех частях. На голове его сидел ястреб – знак деятельности; во рту держал яйцо – знак оплодотворения и щедрот. Из этого яйца родился *фмас*, огонь, которого греки превратили в Вулкана или Эфтанета. Это слово на коптском языке, коим говорят нынешние египтяне, значит «воспромышляющий». Учение египетское о яйце перенес в Грецию Орфей, живший за 1200 л. до Р. Х. Греческие и римские философы выражали яйцом действующую силу природы. Древние персы изъясняли изображением яйца происхождение мира. По их мнению в начале ничего не было, кроме Божества; все существа плавали во тьме. Наконец, родилось яйцо: ночь покрыла его своими крыльями; любовь; старший сын Творца имел попечение о созрении яйца. Когда оно достигло плодотворной силы, тогда раскрылась вселенная: солнце и луна по своей тяжести опустились со всеми творениями. Эту мысль о мироздании перенес к персам с Востока Зороастр, коего учение сохранено в Зенда-Весте, священной книге. Персы величали яйцо в своих священных песнях и сохранили память его употреблением окрашенных яиц. Они держали еще особо литые яйца в своих храмах, в изображение всего рождающегося.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОКРАШЕННОГО ЯЙЦА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ МЕЖДУ ХРИСТИАНАМИ

Обыкновение приветствовать, целовать и одаривать друг друга красными яйцами есть поучительное воспоминание о

первых учениках и ученицах Христовых, которые в первые дни по воскресении Господа Спасителя приветствовали друг друга вестью: «Христос Воскресе!», – а верующие отвечали: «Воистину воскрес!» – и потом запечатлевали приветствие лобзанием Святой любви. Говорят, что Мария Магдалина, отправясь в Рим после вознесения Христова для проповедания Евангелия, предстала перед императором Тиберием (в 334 г.), поднесла ему красное яйцо и тут же начала перед ним проповедь. Первенствующие христиане, подражая поступку св. Магдалины, ознаменовали память Воскресения Христа между многими священными обрядами, введением обычая одаривать друг друга красным яйцом. Впоследствии это обыкновение сделалось всеобщим в церкви христианской, и яйцо послужило изображением Воскресения Христова и нашего¹.

Яйцо, родившись от птицы, не остается тем, чем родилось; оно дает птичке жизнь сперва внутри себя, а потом производит ее на свет. Так Иисус Христос, восстав из мертвых, дарует жизнь сперва духу, а по конце времен воскресит и наши тела. Для чего же мы дарим друг другу красное яйцо? В воспоминание крови Христа Спасителя, пролитой Им за нас на кресте.

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН

Всю Светлую неделю хранится в церкви на налое освященный хлеб, называемый «артос». В последний день этой недели торжественно благословляется артос и разделяется между присутствующими.

Всю Светлую неделю звонят до вечерни. В первый день Пасхи читают на разных языках при колокольном звоне из евангелиста Иоанна Богослова: «В начале бе слово».

¹ Иностранцы с изумлением описывают христосование и окрашивание яиц. Из писателей об этих предметах замечательные суть: Herb. «*Rer. Moscov. com.*», Paul. Iovii «*Leg. Moscov.*»; Merger. «*Estat de l'emp. de Russie*»; Petrejum «*Histor. und Bericht. von dem Großfürstenthumb Muschkow*», с. 683–685. Tanner «*Legat.*»; Olear. «*Reise*», с. 106, ed. 1647 г.; Mach. «*A relat. of three embasies of Carlisle*»; Mottley «*The hist. of the life of Peter the great*», т. I. под статью: «*The celebration ascàster*»; Le Brun «*Voyages par la Moscov. etc.*», т. I, с. 33.

Россия имеет в году такие торжественные часы, которые наполняют душу благоговейными размышлениями и возносят человека к Творцу вселенной. Это есть воскресная полночь. Из мертвого безмолвия вдруг раздается необъятный мир колокольных звуков, быстро перекатывающихся в поднебесном пространстве, и само небо, кажется, внимает тогда земному празднеству. Безбожные, поражаемые торжественностью колоколов, возносятся мыслию к бесконечному величию Воскресения из мертвых. Тут Православная Церковь лучше выразила свою мысль, нежели римско-католическая. Возьмем для сравнения Рим и Петербург. Там Воскресение Христово совершается в полдень субботы в церкви св. Петра; стреляют из пушек из крепости св. Ангела; народ стреляет по городу из ружей, пистолетов и превращает величественный праздник в забавную потеху. В воскресенье вечером освещают храм св. Петра, который тогда снизу доверху покрыт огнем. Еще не все – итальянцы ждут чего-то с нетерпением. Раздался троекратно звук колокола, сердца их вздрогнули радостно; в толпе веселой – шум, рукоплескание и «Ave Maria <Радуйся, Мария>», и «Resur-rezione <Воскресение>», и «Gloria tibi, Domine <Слава тебе, Господи>» – носятся среди народа, устремившего свои глаза на крест, который весь пылал огнем; купол, фронтон, колонны храма потонули в огненном море освещения. Но это искусственное впечатление, поражающее чувство черни, никак не может сравниться с торжественным благовестом, выражающим первую песнь воскресения: «Христос воскрес из мертвых!» Воскресение наше совершается в полночь в ознаменование, что из мрака смерти восстал вечный свет жизни. Для встречи Господа мы призываемся в церковь – мы еще видим плащаницу, слышим надгробные пения, какие раздавались вчера, и продолжались всю ночь сетования и вопли Апостолов и мироносиц; наконец, отворяются царские врата и священнослужители в сияющих ризах выходят вестниками всемирной радости, с пением: «Воскресение твое, Христе спасе, ангелы поют на небеси!» Они идут с хоругвями, крестами, а с ними весь народ; обходят храм три раза и оста-

навливаются перед затворенными дверьми гроба, от которого еще не отвален камень. Само начало величественное выражает необыкновенное провозглашение. Все молитвословия и утренние чтения сливаются в одно пение священной радости. «Да празднует весь мир видимый и невидимый. – Светися, светися, Иерусалиме новый, осиянный славою воскресшего Господа. – Ныне Пасха, ныне пробуждение от смерти к жизни. Ныне празднуем истребление смерти, разрушение ада и начало новой, вечной жизни. Воскликните, Господеви, вся земля да поклонится и поет Тебе. Да исповедятся Тебе людие, Боже, да исповедятся людие вси. – Да воскреснет Бог и расточатся врази его. – Христос Воскресе из мертвых!» Эти упоительно сладостные и веселые песнопения оглашают весь храм.

В 11 часов ночи раздается с Петропавловской крепости первый пушечный выстрел, в половине двенадцатого – второй, а ровно в 12 – третий. Невозможно выразить, какое происходит тогда в душе радостное волнение! Блестит освещением столица, которая, можно сказать, тонет в пожаре огней. Улицы, дотоле пустые, безмолвные и мертвые, покрываются народом; перекатный гул колоколов, шум, грохот от бесчисленных экипажей, одним словом, куда ни обратите свои глаза, все выказывает необыкновенный день праздника.

Несколько раз я прислушивался к торжественному звону, и всякий раз мне слышалась новая музыка и новый хор ликующих голосов. Весь мой слух превращался в бесконечный мир победоносных звуков, которые, действуя не на один слух, но и на душу, напоминают каждому человеку, что все соединилось воспеть Воскресшего из мертвых. «Воскресение твое, Христе спасе, Ангелы поют на небеси», а не только мы, предстоящие.

Первый благовестный звон летит от Казанского собора – от него разносятся благодатные звуки по всем храмам, и вся столица в благоговейном трепете от разнообразно игривых тонов колоколов Александро-Невской лавры, Смольного монастыря, Спаса на Сенной, Андрея Первозванного, св. Троицы, в Измайловском полку Спаса Преображения, на Литейной св. Николая Чудотворца и пр., и пр. Петербург оглушает-

ся непрерывным звоном колоколов. Вообразите себе, какое должны произвести на сердце впечатление московские колокола! В Москве, где их так много.

Празднование Пасхи всегда было всеобщим и продолжительным. св. Апостолы завещали веселиться первые семь дней, без исключения. Поместным же Карфагенским собором постановлено (488 г.) просить христианских царей о воспрещении позорных представлений в Воскресенье и во все прочие светлые дни. То же самое повторено шестым Вселенским собором (в 691 г.). Древние христиане знаменовали день Пасхи богоугодными делами: отворяли темницы и давали свободу менее важным преступникам¹. Константин В. простирал свои милости не только на христианские, но на целые языческие области. Законами римских императоров Валентиниана II, Феодосия I, Аркадия (живших с 375–408) и Юстиниана (527–565) определено, чтобы градоначальники освобождали заключенных из темницы и отпускали их на волю, не ожидая высших распоряжений правительства. Прощение, однако ж, не распространялось на тех, которые вторично впадали в преступление, потому что это значило бы давать повод к унижению самого благодетеля. Не одно правительство, но и владельцы рабов оказывали им свои милости: давали им полную свободу, подражая Господу Богу, искупившему нас от греховного рабства. В этот день все наслаждались видимыми благодетельствами. Пособия и благотворения щедро сыпались на убогих, сирых и нищих². Ничто не освятит столько этот день, как ознамено-

¹ У нас повсюду соблюдают благотворный обычай прощать своих врагов. Существуют даже особые общества благотворителей, как, например, в Петербурге и Москве, которые, жертвуя своим достоянием, собирают еще сильные приношения для выпуска должников из темниц.

² В Петербурге сохранился умильный обычай, который, как говорят, существует также во многих местах России. В Страстную неделю и в неделю Светлого Воскресения разносят птичек в клетках, как то: жаворонков, синиц, подорожников и продают их с условием на выпуск. Благотворительная и вместе трогательная мысль и тех, которые ловят для продажи на выпуск, и тех, которые покупают, чтобы освободить из неволи. Должно думать, что обычай освобождения птичек введен нашими теремными затворницами, когда они, услаждая свое заключение пением звонкоголосых

вание его христианскою любовью: радовать благотворениями бедных, беспомощных и несчастных. Русские! Вы так добры и чувствительны к несчастью каждого ближнего, святите и этот день своими возвышенными благотворениями. Много есть таких, которые встречают Пасху со слезами. Придите и утешьте их. Быть может, многие семейства, томимые голодом, истаивают в скорбях, а жертва никогда так не приятна Богу, как в то время, когда она приносится через подаяние помощи ближнему, хотя бы он был наш враг. Мы все дети одного Отца Бога, потому все равны пред Ним. Милость Его осенит вас за исполнение святых его повелений: люби ближнего твоего, как самого себя. А кто наш ближний? Каждый человек.

ПАСХА И КУЛИЧ

В Петербурге, Москве и других северных местах России делается пасха из творога, на коем вырезают крестные или другие священные изображения. В Южной России пасха готовится из хлеба со всею изысканностию, и то, что называется здесь пасхою, именуется на севере куличом. По окончании освящения пасху и кулич несут домой и разговляются в кругу своих семейств¹.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ К СВЕТЛОМУ ВОСКРЕСЕНЬЮ И СУЕВЕРНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В Малороссии готовятся к *Великому дню* (Светлому Воскресенью) с особым благоговением. Там почти все

пленниц в течение зимы, выпускали их на волю в светлый праздник, когда выпускали из тюрьмы виновных и должников. Я знаю много примеров, что русские девушки собирают складчину на тот самый предмет, чтобы откупить несколько клеток и выпустить птичек на волю. Какая должна быть радость для освободительниц!

¹ Когда духовенство ходит с крестом по домам простолюдинов, тогда некоторые из хозяев сыплют на стол под скатерть соль на то место, где должно лежать Евангелие или крест, и потом этой солью кормят скот в отвращение от него болезней и заразы.

в продолжение Страстной недели не только не употребляют ничего рыбного, но даже отказываются от самых простых яств и чая. Хлеб с водою составляет единственную их пищу. В Чистый, или Великий, четверг по отслушании чтения 12 евангелий, которое начинается вечером и продолжается до полночи, возвращаются домой с цветными зажженными свечами, нажигают кресты на воротах, дверях, стенах и по всему дому, чтобы дьявольская сила, беснующаяся всю Страстную неделю под видом разных животных и злых людей и хватающая их на улицах, не похитила бы кого-либо из семейства или не причинила кому-нибудь вреда. По погребении же Спасителя до Его Воскресения черти распросятрывают повсюду ужас: они ходят по кладбищам, рыскают вокруг церквей и воют собачьим голосом. Такую собаку немедленно гонят из дома. Черти, шатаясь около Божьих храмов, чтобы путать молящихся или чтобы их ловить, не смеют входить в дома, которые ограждены тогда крестами на дверях, потолках и стенах. Если ночью встретится с кем-либо бегущая тень или представится что-нибудь страшное, то надобно произнести три раза: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его», и все пропадет. При слушании Евангелия не должно дремать, иначе дьявол унесет в ад. Когда же дождутся Великого дня, тогда ничто не может сравниться с неизъяснимой радостью: все оживает и все радуется новой жизни, даже враги мирятся.

Есть поверье во всей России, что ворон на заре Чистого четверга носит из гнезда своих детей купать в реке. Кто окунется прежде птенцов, тот в продолжение всего года будет здоров. Проспавших заутреню обливают холодной водой.

Страстные свечи хранят не в одной Малороссии, но во всей России для предохранения дома от непредвидимого бедствия. В Малороссии льют свечи весьма толстые и длинные: бывают в два аршина длины и около десяти фунтов весу. При чтении Евангелий делают воском отметки на свечах для означения, сколько прочтено Евангелий и сколько продолжалось стояние в церкви. Страстными свечами благословляют моло-

дых. Также когда есть в доме безнадежный больной, то ставят перед иконою эти же свечи.

На Святой неделе берут огонь из кадиланицы и высыплют его в печь, думая, что он непременно выгонит всю нечистую силу из покоев, и считают его за некую святость. В Орловской губернии существует обыкновение, что на Святой неделе ставят образ Божией Матери в маленькую кадку, наполненную каким-нибудь хлебом: рожью, овсом или гречихою и кладут на верх зерна три сырых яйца. Дав им полежать несколько времени, рассыпают одну часть зерен по двору, а другую высыплют в жито.

Простолюдины везде в России верят, что когда воробьи кричат в Чистый четверг, то это значит, что они радуются вместе с жидами о предании Спасителя. Крик их: «Чи, чив», – переводят на слова: «Жив, жив!», то есть что Иисус Христос не распят, еще жив, и их щебетанье понимают за постоянное возглашение об унесении тела Христова. По этому самому воробья почитают проклятой птицею. Некоторые еще верят и других уверяют, что в то время, когда Христа распинали, воробьи приносили к кресту те гвозди, которые ласточки уносили от распинавших¹. В наказание воробьи носят на ногах оковы, никем не видимые, почему никогда не могут ходить, а все прыгают.

Осину почитают проклятым деревом, будто бы по предании Спасителя удавился на нем Иуда, почему листья осины, хотя бы никакого не было ветру, вечно шевелятся и переговариваются между собою. Осина имеет чрезвычайную силу против колдунов и встающих ночью из могилы: вбивают кол осиновый между их плечами, и тогда ни один уже не встанет.

Утверждают, что в первый день Св. Воскресенья все черти связаны. Если после утрени пройти с первым яйцом по углам двора, катая по каждому углу, то наверно найдете черта

¹ По этой самой причине народ считает за грех убить ласточку; равно голубя, пигалицу и синичку: за убиение их бывает падеж скота. Убить воробья не грех, и не дай Бог, если воробей влетит в покои – это к верному бедствию.

в шапке-невидимке, которую тотчас должны схватить и надеть на себя. Но при катании яйца надобно иметь большую осторожность, чтобы черт не схватил: тогда катающий лишится яйца и продаст Христа. Кто достанет шапку-невидимку, тот, куда бы ни пошел в ней, не будет видим и все может делать, что ему захочется. Кроме чудесной шапки каждому хочется иметь *неразменный целковый*, коим только можно узнать в церкви колдуна. Чтобы достать неразменный целковый, надобно вынести в полночь в первый день Пасхи черную кошку на перекрестки, на коих собираются черти, и бросить ее им, или вместо кошки бросить нитку с узлами, а самому схватить лежащий здесь целковый и бежать, не оглядываясь. Если черти успеют развязать узел или разорвать кошку, за которую дерутся, и потом догонят убегающего, то беда ему! Если не догонят, то целковый останется при нем, и что бы он ни покупал на него, всегда будет иметь его в своем кармане неразменным. Чтобы узнать колдуна, должно одеться в новое платье с ног до головы и в первый день заутрени на Святой Пасхе стать с первым вынутым из-под курицы яйцом на таком месте, откуда можно было бы видеть весь народ и замечать: не стоит ли человек с рогами? Колдуны не могут стоять в человеческом виде, но в дьявольском, потому что они предалися чертям¹.

Уверяют, что на Светлое Воскресенье играет солнце, и это обнаруживается через сотрясение его лучей. Почему многие, чтобы видеть, как оно играет, нарочно влезают на самые высокие здания: на колокольни, башни и дома, и ожидают этого явления с нетерпением. Мордва, почитая солнце за бо-

¹ Способы узнавания и видения чертей распространены суеверными истолкователями талмудистов, дополнявших, объяснявших и изменявших закон Моисея. Между многими нелепостями так говорят простолюдины о чертях: «Кто хочет узнать, были ли у кого черти, тот пусть возьмет мелко просеянной золы и посыплет ею над кроватью: утром он увидит на золе следы петушиных лап. Кто желает увидеть чертей, тот пусть добудет матку черной кошки, рожденной в первых родах черной же кошкой, тоже родившейся от матери своей в первые ее роды, и сжечь эту матку в порошок; потом насыпать себе в глаза порошок: тогда увидишь чертей». («Журн. Мин. внутр. дел», 1846 г. за ноябрь месяц, с. 229–230. См. статью В. В. Григорьева «Еврейские секты в России».)

жество Чи-пасом, приносит тогда ему в жертву птиц, пирожное и хмельные напитки.

В Чистый четверг стригут детям волосы в том предубеждении, что они вырастают лучше и не будет болеть голова.

Кто накануне праздника Благовещения окончил какое-либо свое дело, тот будет счастлив в своих делах весь год. На Благовещение раздают ржаные просфоры крестьянам, которые берегут их на засев. В иных местах есть замечание между ворами, что если накануне Благовещения удастся им стянуть что-нибудь, то будут иметь успех в течение всего года. В других местах думают воры иначе: чтобы удачно красть, надобно унести что бы то ни было во время первой заутрени на Святой неделе.

После утрени ходят старухи на могилы христосоваться с умершими, особенно с родными. Старухи, стоя у могилы и называя по имени отца, мать и других родных, восклицают, рыдая: «Христос воскрес! батюшка мой Степан Аникиевич». На это восклицание отвечает замогильный голос батюшки: «Воистину воскрес». Произношение слов «Христос воскрес» производит отрадное умиление, потому что верующим они подают несомненную надежду на воскресение. В народе есть суеверное предание о силе этих чудесных слов. Со дня воскресения Господа Он посадил в подземелье под той скалой, где находился гроб Его, главного сатану, Вельзевула, с тем чтобы от одного Светлого Воскресенья до другого грыз бы он двенадцать железных цепей, двенадцать железных дверей и двенадцать железных замков, когда все перегрызет, тогда последует преставление света. Сатана стал грызть: сначала замки, потом двери и, наконец, цепи, и всегда остается ему догрызть немножко последней цепи: только стоит ему стиснуть хорошенько зубами, чтобы совершенно перегрызть; но в то время провозглашают священники: «Христос воскрес!» — замки, двери и цепи сливаются опять, и он снова принимается за вековую свою работу и теперь грызет еще!

В католических землях существовал обычай беснования, в продолжение Чистого четверга и пятницы. Все, почи-

тавшие себя беснующимися, бегали к кресту, который был выставлен всенародно с куском живоначального дерева; корчились, выпускали вой, падали на землю, ревели и низвергали пену, чтобы возбудить сострадание людей, кои в то время бросали им деньги. Другие начинали бесноваться в определенную полночь, и тогда им позволялось бегать по городу, реветь и богохулить. Народ смотрел с трепетом, крестился и думал простосердечно: это говорит демон. Бесновавшихся хватили, водили силой три раза около креста, и когда это не излечивало их, тогда оставляли на волю сатаны¹.

В Литве на Чистый четверг прячут пряжи далеко свои веретена и прялки в том предубеждении, что с ними будут встречаться змеи целый год. Другие справляют пир, и по окончании его хозяин берет зажженную свечу, тушит и, бросив ее в угол, произносит: да погаснут очи у наших врагов, как эта свеча.

МЕСТНОЕ СОВЕРШЕНИЕ ПАСХИ

В Черногории Великий пост соблюдается со всею строгостью: там не едят даже рыбы без разрешения. К Светлому празднику откармливают в каждом доме борова; в Страстную пятницу убивают его, а в субботу пекут целиком. Испеченный боров называется пецыво (жареное). Если он не поместился в печи, то его жарят в лесу. Богатые ставят на стол жареных поросят и разные хлеба, и все вообще в продолжение Светлой недели не употребляют другой пищи.

В Черной России ставят в праздник Светлого Воскресенья, называемого Великая ночь, на нескольких столах священное (куличи), крашеные и облупленные яйца, поросенка с хреном в зубах, барашка из масла, окорок, кружок белого сыра, колбасу, соль, сало и все убирают цветами. Посреди них красуется баба, называемая еще папушником. Это род каравая, и большею частью на шафране; бывает вышиною около аршина, и чем выше, тем почетнее для дома, честь и слава хозяйке. Около главной бабы стоят небольшие шафранные,

¹ Болт. «Прим. на истор. Леклерка», т. I, с. 171 и 172.

сахарные и кружевные бабы. Кружевными названы по своей ноздреватости, похожей на кружева. За ним идут пребольшие лепешки длиною в два локтя, шириною в один, а толщиною в четверть; верхняя сторона обсахаривается и убирается цветами; потом следуют мазурки, небольшие сахарные лепешки с миндалем и конфетами. Почти все это освящается в день Пасхи, а в самый ее праздник хозяин разговляется освященным яйцом со всем своим семейством и прислугою. В этот день все бывают дома и никого к себе не принимают. Простой народ в первые три дня забавляется битьем писанок (разрисованными яйцами) и крашенками (окрашенными). Битье состоит в том, что один держит яйцо вверх носком, а другой бьет носком своего яйца, и если разобьет, то оно достанется ему. Поселяне и крестьяне ходят друг к другу и к своим помещикам христосоваться писанками, за что получают от последних что-нибудь в подарок.

Почти такое же обыкновение в Литве. Там в первый день праздника хозяин разговляется свяченным со всеми домашними, начиная яйцом, которое делит на столько частей, сколько в доме людей: давая каждому по кусочку, желает каждому дожить до будущего Христова Воскресенья. Все в этот день сидят дома и весьма недовольны, если кто посетит их. Если бы сосед потребовал у соседа огня, то не дадут, и требование считают недобрым предзнаменованием. На другой день обливают друг друга холодною водою, мальчики же ходят по домам и поют орации (стихи), за что получают по яйцу. Такой обряд называется волочebником (*woloczebnem*), ибо он означает хождение по домам с поздравлением, и это соблюдается в Смоленской губернии. Волочebник означает у литовцев воскресную награду. Орации, певаемые при этом случае на жмудском и польском языке, почти все одинакового содержания.

Asz mažas wajkieleš,
Panos Marios tarnelis,
Ejau, ejau kiely
Nulaužiau szakiely,

Я, малый мальчик,
Девы Марии служка;
Шел, шел дорогою,
Сорвал я веточку,

Lelijos szakiely,
Weliku rita,
Lelija prazida;
Ne diel manis wiena,
Bat diel swieta.

Лилии веточку.
В Великий день утром
Лилия расцвела;
Не для меня одного,
А для целого света.

Ja mały żaczek,
Boży robaczek,
W szkole nie bywałem,
Różgi nie widziałem.
Różga zielona,
Z drzewa lamiona;
Nie wielie co umiem
I to ich mościam powiem:
Na wielką noc rano,
Z grobu z martwych wstano.
Rączkę podnosze
Włóczębnego prosze

Я, маленький мальчик,
Божий червячок,
В школе не бывал,
Розги не видал.
Розга зеленая,
С дерева сломанная;
Не много чего знаю;
И то вам, господа, расскажу:
В Велик день поутру
Он из гроба воскрес.
Подношу я ручку,
Воскресного прошу.

Ia mały rzeźniczek,
Mam ostry nożyczek,
Będę rzał cielęte,
Dla panow na święta.
Przyjdzie siaki, taki,
Dam jemu flaki;
Przyjdzie ubogi,
Dam głowę i nogi.
Nie śmieście się mości panowie,
Bo dostaniecie kiszka. po głowie;
Lepiej jajka dajcie,
Święta witajcie.

Я маленький мясничок,
У меня острый ножичек,
Буду резать телят
На праздник для господ.
Придет сякой, такой,
Я дам ему требуху;
Придет ко мне убогий,
Я дам ему голову и ноги.
Не смейтесь, господа, надо мною,
Не то получите кишкой по голове;
Лучше яичко дайте,
Праздник встречайте¹.

Есть еще обычай, что многие вешают в сараях люльки, и старый и молодой должен покачаться в ней в воспоминание повесившегося Иуды. В Смоленской губернии ходят крестьяне в первый день Св. Воскресенья *волоچهбничать*, поздрав-

¹ Хорошим переводом этих виршей обязаны г. Романовичу. (См. «Сын Отеч.» за 1839 г., № 10, с. 121–123.)

лять. Парни, собравшись в избу, соглашают первоначально свои голоса и потом отправляются к господским домам под предводительством *мехоношего и запевалы*. Первый носит на своем плече палку, унизанную кусками сала, а второй, выходя вперед, запевает:

Запев. А ишли ж, брели волочебники, –
Певц. Христос воскрес, сын Божий!
Запев. К тому двору, Елизаветиному, –
Певц. Христос воскрес, сын Божий!
Запев. Лизаветушка, паня добрая, –
Певц. Христос воскрес, сын Божий!
Запев. Пана добрая, неспесивая, –
Певц. Христос воскрес, сын Божий!

Это приступ, за этим следует вирша:

Запев. В первом часу заутрени, –
Певц. Христос воскрес, сын Божий!
Запев. Белы камни раскатались, –
Певц. Христос воскрес, сын Божий!
Запев. Желты пески рассыпались, –
Певц. Христос воскрес, сын Божий!
Запев. А неверные попугалися, –
Певц. Христос воскрес, сын Божий!
Запев. Ниц на земельку покидалися, –
Певц. Христос воскрес, сын Божий!
Запев. Устав же Христос из гробика, –
Певц. Христос воскрес, сын Божий!
Запев. Его личика светлошников, –
Певц. Христос воскрес, сын Божий!
Запев. Его платвика белешников, –
Певц. Христос воскрес, сын Божий!
Запев. Да явился ж Он мироносицам, –
Певц. Христос воскрес, сын Божий!
Запев. А дыли потым всем апостолам, –
Певц. Христос воскрес, сын Божий!
Запев. Он дверюшкой, да затвореною, –

Певц. Христос воскрес, сын Божий!
Запев. Православные же все спроведали, —
Певц. Христос воскрес, сын Божий!

Запев. Как мы вам теперь исповедали, —
Певц. Христос воскрес, сын Божий!
Запев. Не томите же вы нас, подарите нас, —
Певц. Христос воскрес, сын Божий!
Запев. Починальнику чарку горелки, —
Певц. Христос воскрес, сын Божий!
Запев. Еще сала кусок, подмазать ус, —
Певц. Христос воскрес, сын Божий!
Запев. Каждому певцу по красному яйцу, —
Певц. Христос воскрес, сын Божий!
Запев. Мехоношему торбу с грошами, —
Певц. Христос воскрес, сын Божий!

После этого все волочebники, называя в один голос по имени хозяина и хозяйку, поздравляют с праздником и идут к другому дому.

Роскошное угощение в Светлое Воскресенье господствует во всем Царстве Польском. В бытность мою в Варшаве я был изумлен многочисленностью и многообразностью *свяченого*, хотя я уже был знаком с малороссийским. На нескольких столах были разные хлебы, мясное, вина и превосходные куличи. Там в продолжение целой недели многие не готовят никакого кушанья, одним кормятся пасхальным и им угощают всех.

В Галиции, в первый понедельник Пасхи ходят мальчики по домам и обливают молодых девушек душистой водою, а по деревням чистою ключевой и поют причитание...

Хозяин дома одаривает их деньгами и наделяет свяченным (пасхальным кушаньем)¹.

В Малороссии празднуется Пасха радушнее и богаче, нежели на севере. В несколько рядов ставят на столе пасху, приготовленную на разных сладостях и пряных кореньях.

¹ Zig. Pauli «Pieśn. lud. polsk. w Galicji», с. 29–30.

С пасхой, в которую воткнута веточка священной вербы и восковая свеча, красуются масляные изображения: агнца с хоругвью или крестом, барашка и проч., блюдо яиц, окрашенных в разную краску: желтую, палевую и красную; начиненный поросенок с торчащим в зубах хреном, а по бокам его зелень и овощи, жареный гусь, индейка, телятина, копченый окорок, колбаса, сало, кусок черного хлеба, сладкие пироги, творог, сметана, соль, графины с водкою, настойкою и наливкою. На другом столе стоит у богатых чай и кофе. Угощение происходит ежедневно до полудня. Гость непременно обязан хоть чего-нибудь поесть, если не захочет обидеть хозяина; но за особое считается к нему внимание, если он всего отведаст. Есть же такие гости, которые, обходя десятки домов, успевают доказывать уважение к хозяину. От тяжести пасхальных яств гнутся столы, и все это не снимается в продолжение Светлой недели. Там все христосуются попросту, без чинов: дамы и девицы. Прекрасный пол рад этому случаю, а о мужчинах нечего говорить. Нигде не толпится в это время столько молодежи, как в семейных домах. Христосуются *писанками* и *крашенками*. Поселяне и все сословия, не исключая дворянства, бывало, не войдут в дом без писанки или крашенки. Было бы великой обидою, если бы после христосования не принял кто-нибудь писанки¹.

Мальчики и даже взрослые люди в продолжение всей Светлой недели забавляются в битки. Твердость носка пробуют о зуб, по звуку узнают крепость. Другие заливают воском носки. Битье в яйца составляет битоманию, и многие до того доходят, что пробивают по сотням. Как ни богаты здесь пасхальные яства, но они никак не могут сравниться с изящностью и вкусом петербургских куличей, коих один вид возбуждает аппетит.

¹ Нигде нет столь изящных и даже фантастически окрашенных яиц, как в Петербурге. Тут между тысячами разнообразно вычурных и художественных рисунков на яйцах встретитесь с механическим устройством, например с музыкой. Что прежде считалось чудом, то ныне сделалось обыкновенным. Ив. Петр. Кулибин поднес Екатерине В. вместо красного яйца часы в яйце, которые играли тропарь Пасхи.

В некоторых местах Малороссии сохранился обычай, что дети и даже парни ходят по домам первые два или три дня Светлого Воскресенья и поздравляют виршами. Одна из таких вирш запорожских казаков, довольно примечательная, которую они поздравляли кн. Г. А. Потемкина в день Воскресения Христова в 1781 году. Она сочинена войсковым судьей Головатым, поэтом и любимцем кн. Потемкина:

Христос воскрес,
Рад мыр увесь!
Дождалися Божой ласки.
Теперь уже ксяк,
Наився всмак,
Свяченой пасхи.
Вси гуляют,
Взухваляют
Воскресшаго Бога.
Що вже тая,
Всим до рая
Протерта дорога.
Злыи духи,
Власны мухы,
Вси уже послызлы!
Загнав Иисус,
В пекло покусь,
Щоб християн не грызлы.
А смерть люта,
Що нам тута,
Вельми докучала;
По болотам,
Очеретам,
Бижучи крычала.
Там сущига,
Теперь бига
Як маленка, торопленка!
Бо Биг крестом,
Чорта с хвостом,
Прогнав як собаку.

Сей чертельный,
Змий пекельный,
Из смертно полыгався.
Во ад зажертвы (зажарить),
Всех заперты, —
Так то измовлявся!

Воны тое,
Вкупы двое,
Знюхавшись гопцюють, —
Хоть старого,
Хоть малаго,
Де попав, глибцюють!

Була воля,
Хоть и кроля, —
Та в рай не пускают!
На всех трактах,
И по болотах,
Сторожы стоялы. —

Середь шляху,
За шияху,
До пекла хваталы!

Того святцы,
Попы и чинцы
Не миналы шляху.

Хвылозофы,
Крутопопы,
Набралыся страху.
Пропав сей страх,
Зарись той шлях
Купьем та болотам.

Де той злый дух
Глытав, як мух,
Ненасытным ротом.
Теперь скорый
Шлях просторный,
До раю протертый.
Без сторожей,
Вси на встежи,
Ворота отперты.

Уже велять
Яблука рвать
Из райского древа;
Из якого не велив Бог,
А вкусыла Ева!
Давно той уж,
Крычав не дуж,
Що спокусыв Еву.
Высыть охляв,
Бо Бог заkläв,
Лазыты на древа:
За его грих, що вин,
Так набрехав Ева.
Бидна Ева!
Одну из древа,
Вырвала кыслычку.
Збула власты,
Треба прясты,
На гребни мычку!
За нею там,
Бидный Адам
Щось, кажут, спрокудыв!
Землю копать,
Ципом махать,
Бог з раю понудыв.
За ту Ева биду,
Заслужыла сию,
Честь Адаму,
Що из раю
Выбылы у шыю!
Глупа жена,
Сама вона,
Яблука трошыла:
За один плод,
У весь народ
В пекло потащыла.
Биг милостыв,
Еву простыв,
Адаму пробачыв.

Для вызволу,
Сам до долу,
Лизты з неба рачыв.
Тож чортыще,
Старый псыще,
Не хоче смырыця!
Но лишь тут Биг,
Сам на пориг,
Вин в пекло поточывся!
Тут Вельзевул,
Попустыв мул,
Зляку прихылывся.
Заривив гризно,
Як вивк, ризно,
Голосом собачым.
Крычит пробу,
Що Христову особу,
Побачыв!
Не втак хлосты,
Що вси косты,
Поломав.
И роги пид ноги.
Нагнав труха,
И самого злого духа
Пидтоптав,
Аж очы опустыв.
Крычить на пуп,
Що всюды струп,
Нельзя и доторкнуця!
Надуло брюхо,
Заперло дух,
Не дае повернуця!
А смерть шлюха,
Стоя слуха,
Що над дядьком,
Стала трястись.
Мыслить спастись.
От Юда укрыця!

А сей Юда
З того студа
Звернувсь, як макуха.
Так подилом,
Бо тым слидом,
Бере сокруха!
 Прадид Адам,
 И дядько Хам
 Давно в пекли нудыв!
 Уже ж теперь,
 Пекло отпер,
 Як Христа побачыв!
И всяк узнык,
Крутый узлык,
З шыи развязалы;
И все Хрысту,
Як на лету,
Усе розказалы.
 Ева згнута,
 Була тута,
 От презлого шайтана.
 Сей покуса,
 Змийший прусса.
 И Крымского хана!
Мучыть дарма,
У них ярма,
З шыи не злызалы!
З ярма в хомут,
С узлами кнут,
Дротянии пути!
 З шыи до пят,
 На спыни знать
 Кровавые смути!
 Щоб скакала,
 Небрыкала
 Кладут в рот удыла.
Понедилок,
Хоть не милок,
Так ему заслуга.

Змыкулывся,
Замулывся,
Ледве утик з плуга!
Святый Афет,
Взяв мушкет,
Як выстрилив на гасло!
Пишла з рая,
Радость не малая,
Аж пекло загрехло!
Свята Сарра,
Хоть и стара,
Та жинка руча:
Вся голота,
Ишла в ворота,
А вона, – куда луча!
Племиннык Лют
Вкупи сырот,
Як изобраз бидных
Так ни дверий,
Ни амаварий,
Не остались мидных!
Мусий пророк
Двери и замок,
И мур пробыв рогами,
А сплюндровав,
Помандровав,
Пишыми ногамы.
Власный бугай,
З коморы в рай,
Выперся голодный.
Уже теперь пекло отпер,
И шлях протер,
До раю свободный.
Прадид Адам,
И дядько Хам,
Из пекла удрав!
Авраам с Исааком,
Ледвы скаком,
И соби поплетав.

ГОРЫ, КАЧЕЛИ

Немногие из народов оказывают вспомоществование всем без исключения в такой степени, как в России, и немногие веселятся в пасхальные дни так радушно и непринужденно, как русские. Великолепная картина живой веселости раскрывается в это время в Петербурге. Кто не был здесь, тому трудно это представить. На одной из лучших площадей, которая находится посередине города и называется Адмиралтейскою, строят деревянные горы, обставленные еловыми деревьями; в стороне от гор красуются увешанные разноцветными флагами качели в виде кресел, возков, люлек, лошадок и пр., и пр.¹ Там русский гуляет от всей души: катается с гор и поет, как у себя дома. Песельники распевают любимые народные песни. Повсюду непритворное наслаждение. Ряды лавок со сладкими овощами, корзины с красными яйцами, сбитень, пряники, орехи – все здесь к вашим услугам.

IV. РУСАЛЬНАЯ НЕДЕЛЯ

ВЕРХОВНОЕ СУЩЕСТВО ЯЗЫЧЕСКИХ НАРОДОВ

Верование в существование высшего бытия господствовало в незапамятные времена язычества; но изображение его не дерзали ни вырезать, ни рисовать, страшась навлечь гнев невидимого Бога, коему молились с трепетом. Жертвы приносили на открытом поле, неприступных скалах и в сокровенных

¹ Качели употреблялись на Востоке еще с древних времен. Персияне более всех любили забавляться ими. Ледяные горы суть собственно изобретение русских, которые ввели потом деревянные. Время введения неизвестно; но по истории видно, что они составляли удовольствие всех сословий уже в X веке. Иностранцы не знают гор. Парижане ввели с недавнего времени деревянные: они гораздо выше, делаются очень круто и с перегибами, отчего легко можно остаться без головы; но парижане весьма любят забавляться головами.

рощах. Руками не смели прикасаться до жертвенника, который охраняли жрецы с длинною бородой, ибо они одни имели право отрачивать ее как можно длиннее. Такой властитель вселенной был Громоносец. Они воображали его в рев бурь и ветров; в грозе, освещавшей небо молниеносными лучами, вылетавшими из-за горных сводов, – величественный бог! В глазах смертных эти искры зажигали небо пожаром, сыпались на землю при страшных ударах грома, обхватывали здание, разбивали вековые дубы и убивали людей – ужасный бог! Действие природы оковывало человека безмолвием. Люди думали, что такому божеству непременно подчинены другие боги, которые получили от него в управление частицу света, земли и водяной стихии. Это самое породило множество других богов, богинь, нимф, наяд, похожих на наших русалок, леших, домовых и т. п.

У восточных народов верховные существа отличались от людей своею уродливостью и кровопийством. Верования в них греков заключались в песнях Орфея (жившего за 1250 лет до Р. Х.), древнейшего стихотворца. По его мнению, все, что было, есть и будет, содержится в недрах Юпитера, который есть всему начало и конец. Философы Анаксагор и Сократ (живш. во время Перикла, великого правителя Афинского, в полов. V в. до Р. Х.) развили идею о единстве божества, но пылкое воображение греков придало каждому предмету божеские свойства. Гомер и Гесиод, почти современники между собою (живш. за 900 лет до Р. Х.), назначили пределы божествам и образовали многобожие. Народ приписывал своим богам свойства добрые и злые, а потому старались умолить их возлияниями, жертвами разных животных и растений. Они сотворили богов, похожих на людей. На небе, как на земле, были свои праздники и шумные пирушки. Там Аполлон забавлял богов пением и лирою, а Терпсихора веселила пляскою.

ВОДЯНЫЕ СУЩЕСТВА

Греки достаивали отличных людей названиями: полу-богов, полубогинь, нимф, которые служили богинями и пр.

Ничего подобного не было у славян, но у них были свои священные воды, рощи и водяные очаровательные существа. Русские славяне приписывали озерам и рекам особую святость. В глазной боли они умывались водою целебных источников и бросали в них серебряные монеты¹, молились деревьям, особенно дупловатым, обертывая ветви убрсами; поклонялись березам, липам и дубам. Ничего не было священные старых дубов. Никакая жертва не была приносима без украшения ее ветвями; никакой таинственный обряд не был столь приятен богам, когда совершали его под дубовыми ветвями². Последний обряд изменен в посыпание травой и ставление березок в домах на зеленую неделю. Народ верит, что душистые деревья, наполняя воздух приятным запахом, изгоняют злых духов и не допускают русалок тешиться людьми. Грубый ум людей, блуждавший во мраке идолопоклонства, творил богов на всяком шагу; представлял их великанами со многими головами и окружал их гнусными изображениями: змеями, жабами, ящерицами и разными гадами, и преклонял с робостию колена перед чудовищными истуканами, из коих иные были такой величины, что несколько пар волов не могли сдвинуть их с места³.

Но каким образом появились у наших предков русалки, которые доселе служат предметом суеверных толков? Народ, сроднившийся с языческими понятиями, заимствовал их от переходных верований в бытие водяных существ. Греческие Нереяды и Гамадриады, римские Наяды и кверкветуланы, речные богини преобразовались в наши русалки. У всех обитателей Европы они были известны под особыми именами: у немцев под именем *дунайских дев*, у галлов *Сальникские женщины*, от обитания в реке Сал, у англичан *девы*, у фран-

¹ Гизель. «Синописис»; Ломонос. истор. и Раича истор. серб., болгар, хорв. и проч.

² Aventinus. «Annal. Boior.», кн. III и Doederlein. «Heydenthum der alter Norddauer», с. 18.

³ Тунман. «Über die Altert. der Obotviten», с. 293, Gebhardt. «Geschr. der Slawen», ч. I, с. 29.

цузов *Ондины* или *Ундины* (водяные), у литовцев и жмуди *Дукни* и *дугни* (речные), *Гуделки* (чужеземки), *Упины* (речные), *Вунданы*, *Ондыны* и *Вилии* от реки Вилии; *Немнянки* от реки Немень¹; в Польше *Свитезянки* от реки Свитези; в Сербии *Вилы*, которые живут на горах, скалах и при берегах рек. Они представляются молодыми, в белотонкой одежде, с длинными развевающимися волосами по спине, грудям и плечам; они никакого не делают вреда человеку и еще благодетельствуют ему, если захотят; они невинные и прелестные существа, потому в Сербии обыкновенно сравнивают красавицу с Вилою, говоря: «Она прекрасна, как горная Вила». Вилы собирают облака, готовят молнию и гром; они иногда собираются пировать вечером, и к ним в то время заезжает рыцарь танцевать коло. Всякий другой смертный платит жизнью: стрела поражает его в ногу, руку и сердце. Вилы иногда пророчествуют людям и с ними дружат. Марко Королевич, сербский Ахиллес, ранил саму Вилу за то, что она уязвила стрелой его товарища: он принудил ее помогать ему во всем и вылечить его друга. Пан Секул, разъезжая по горам и лесам, наехал сперва на вертеп разбойников, потом на волчьи берлоги и, наконец, на забавы Вил. Секул схватил одну: напрасно она умоляла его о пощаде, предсказывая ему любовь его дружины, рождение сына от милой жены, поражение турок. «Все это случится само собой», – сказал он, отвел в плен и продал дяде, грозе османов, Иоанну Гунияду. Сербские девушки ищут Вил в лесах, и одна из них, по имени Милица (милая), особенно есть любимая ими: она с длинными бровями, румяными щеками и скромная. Однажды, во время танцевания девушками коло, не было Милицы; все горевали: вдруг нашли облака, молния осветила небо, и они, смотря вверх, говорили: «Вот увидим очи Милицы!» Но они обманулись; она стояла между ними, смотрела на зеленую траву и сказала: «Я не Вила, которая собирает облака; я де-

¹ Narbut. «Dzieje staroz. narodu litewsk.», т. I, с. 73, 82–84. У скандинавов считалось девять водяных дев: Himiuglofa, Dufa, Hadda, Hefring, Udur, Hroün, Bylgia, Vaga и Kolga. – Не превращена ли Удур в наш упырь?

вица, и стою пред вами»¹. Вот увлекательный мир воображения славянского, которое творило неземные существа, облекало в высшую силу и жило с ними в дружбе.

НАЗВАНИЕ РУСАЛОК

Русалки получили свое наименование от русла (источника), потому что они были обитательницами источников, рек и озер².

В Европе долгое время верили в существование русалок, почти до конца XVIII века Барон Волвазор уверяет³, что он сам видел среди белого дня вышедшую из реки Лайбаха водяную женщину, которая утащила с собою ребенка в воду. В Северной Шотландии, по утверждению докт. Туреля и учителя Мои-ро, они два раза видели в Ренмансе нагую женщину, которая, сидя на морском берегу, расчесывала русые волосы⁴.

МНЕНИЕ В МАЛОРОССИИ О РУСАЛКАХ

В Малороссии говорят, что русалки являются с великого тыждня (Страстного четверга), как только покроются луга весенней водою, распустятся вербы и зазеленеют деревья и поля, и живут на земле до глубокой осени. Их представляют обнаженными прелестнейшими девушками и молодыми женщинами с полными вздымающимися грудями и страстными глазами, станом гибким и ловким, с руками круглыми, ногами маленькими, лицом не всегда румяным, но по большей части бледным и тоскливым; волосы на голове волнистые, густые и длинные до пядей, но зеленые, как трава.

¹ Касторск. «Начерт. славянск. мифолог.», с. 144–147.

² Татищев уверяет, что он сам видел у св. Димитрия Ростов. сочинение о славянских божествах, между прочим, и о русалках (см. его «Ист. Рос.», кн. 1, ч. I, с. 17, изд. 1768 г.), но после смерти епископа не нашли. Татищев полагает, что сочинение, изданное в Берлине на нем яз. «*Moskowitzsche Religion*», есть перевод его сочинения.

³ V. Tkany «Mutholog. der Alt. Deutschen u<nd> Slawen», ed. Znaim, ч. 2, in 8.

⁴ «Вестн. Евр.», 1809 г., № 21.

Выходя на берег, они расчесывают и плетут свои косы; при виде незнакомого бросаются в воду. Там плещутся, играют и заманивают их к себе. Кто попадаетея им в руки, того защекочивают до смерти.

МАЛКИ, МАВКИ И ГРЕЧУХИ

В Украине и Малороссии господствует еще поверье, что дети, умершие без крещения, превращаются в мавок, малок и гречух, спутников русалок; что злые духи мучат этих младенцев, которые освобождаются от их власти только на зеленые Святки. В течение семи лет души их летают по воздуху и просят жалобно, чтобы их окрестили. Кто услышит плачевный их голос, тот должен произнести: «Крещаю тебя, Иван да Марья, во имя Отца и Сына и Св. Духа». После этих слов они возносятся на небо¹. Некоторые из суеверов утверждают, что им случалось видеть мавок в воде вместе с русалками.

Олицетворение водяных существ между славянами происходит оттого, что они поклонялись рекам, например Бугу, Днепру, Двине, Дунаю, Дону и т. п. У славян были даже особые названия женских водяных существ, как то: Девонии, Дзеваны и Даны, и должно думать, что это суть имена рек Дуная, Двины и Дона. Доселе в обрядных песнях звучат окончательные слова *дан, дунай, вздунай, дон, Дон Иванович* и другие.

Во всех языческих религиях вода была предметом обожания, и ее освящали таинственными молитвами. Последователи учения Зороастра признавали ее после света чистейшей жизненной силой и потому совершали омовения при торжественных обрядах. Индейцы и египтяне почитали воду за начало жизненное и оказывали ей божеские возлияния. Египтя-

¹ Есть предание, что один юноша, скитаясь долго на чужой стороне, влюбился в чернооую красавицу и потом женился на ней. Спустя несколько времени он узнал, что это была родная его сестра. Любя друг друга нежно и не желая никогда расстаться, они превратились в цветок «иван-да-марья», называемый еще *брат с сестрою*. В синий цвет превратился брат, а в желтый сестра. Иван-да-марья известен у травоведов под именем *viola tricolor*, фиалка трехцветная.

не разумели еще под именем воды саму Изиду, и у них сосуд с холодной водою выражал воскресение Озириса. Греки приписывали воде воскресающую силу и по воде отгадывали будущее. У них родилась из воды Афродита, всеобщая любовь, а сама вода была осуществляема ими женою солнца. Брачное сочетание воды с солнцем есть первообраз любви с всеоживляющей вселенной. Таким образом, вода, всегда живительная и целительная, была часто превращаема то в деву обворожительную, то в жену всеоживляющего солнца. В Богемии и Польше долго почитали воду под именем *девинии* и *дзеванны*, а у прибалтийских славян под именем *девы*, и ее храм находился в *Девин-граде*, который переименован немцами в Магдебург¹. В Лужицах сохранилось поверье, что в лунные ночи бегают *девона* с собаками по лесу и пугает зверей², а у нас бегают русалки по лесу, рощам и траве или плещутся в реках и озерах: тогда мавки часто разделяют удовольствия и забавы русалок. В некоторых местах доньше сохранился обычай, что в русальную неделю развешивают по деревьям полотно, которое будто бы мавки и русалки берут себе на рубашки. Иные суеверы раскладывают еще горячий хлеб по окнам, думая, что паром его бывают сыты русалки.

Сохранилось еще поверье, что в дни русальные не должно бросать скорлупу от выеденных яиц, а надобно раскрошить на мелкие части, потому что если скорлупа попадет в воду, то русалки состроят из нее кораблик и будут плавать назло людям. Если же кто выбросит на двор скорлупу, потом накопится в ней вода и напьется сорока, то на того нападет лихоманка. Смысл этого поверья, конечно, состоит в одной остратке: чтобы выбрасываемые скорлупы не приучали собак таскать яйца и не поваживали бы домашнюю птицу разбивать свои яйца и выпивать их.

Между малороссийскими поселенцами Саратовской губернии переиначены поверья о русалках. Там думают, что они безобразные: косматые, горбатые, с большим брюхом и

¹ Mägdensburg или Mädchenburg. (Cranz. «Histor. ecclesiast.», с. 4.)

² Grim. «Deutsch. Mytholog.», с. 706.

острыми когтями, длинной гривой и железным крючком, коим они ловят проходящих. Бегают по садам и лесам, ища себе добычи; ныряют в водах, и если кто станет купаться на Троицу, не прочитав молитвы, того русалка непременно утащит на дно. Если кто пойдет в сад или лес без пучка полыни, то он погибнет, потому что русалки вдруг спросят его: «Шо у тебе в руках: чи полынь, чи петрушка?» Он должен отвечать: «Полынь». Русалка побежит мимо и скажет: «Ховайся пид тын» (прячься под плетень). Если ответить: «Петрушка», то она скажет: «Ах! моя душка». С этим словом начнет щекотать его, пока не повалится пена из его рта.

По убеждению поселян Олонецкой губернии, в их озерах находятся подводные царства русалок, которые при закате солнца плещутся, играют в воде, выходят на берег и расчесывают свои длинные мокрые волосы. Русалки, по словам рассказчиков, походят на обыкновенных женщин с тою только отменой, что волосы у них на голове зеленые. Добродушные верят произносимым против них колдовствам и заговорам; верят в существование лесовиков, водяных и домовых, называя их *хозяин, он, другая половина, дедушка*. Иные думают, что ежели кто пожелает видеть домового, стоит только в светлый праздник между заутренею и обеднею отправиться с зажженною свечою в хлев; там, в каком-нибудь углу, будет непременно стоять он лицом к стене. Чтобы вызвать лесовика, надобно нарубить молоденьких березок и верхушками сложить в середину; потом снять с себя крест и, став посреди этих березок, крикнуть: «Дедушка!» Он тотчас явится. Другие рассказывают, что им случалось встречать в лесу нечистого, который весь мохнатый, с зелеными волосами на голове и с такой же бородой. Нечистым духам приписывают многие страсти людей: иные из них картежни-ки и проигрывают между собою всю рыбу, даже с озером и рекою, а другие большие пьяницы: взяв ведро, выпивают из него водку одним залпом¹.

¹ Дашков. «Опис. Олонецкой губернии», помещ. в «Журн. Мин. внут. дел» за 1841 г., № 12, с. 433–434.

ПРЕДОХРАНИТЕЛЬНЫЕ ТРАВЫ

В народе употребляются предохранительные травы от нападения и щекотания русалок: это – полынь и заря, которые так сильно на них действуют, что довольно им бросить эти травы в глаза – и они тотчас разбегутся.

ТЕЛОНИИ И ПРЕКРАСНЫЕ ЖЕНЩИНЫ, СХОДНЫЕ С МАВКАМИ

Греческие *телонии* и *прекрасные женщины* имеют сходство с *мавками*. *Телонии* суть дети, умершие без крещения; они выходят из преисподних жилищ и живут в утренних парах. Мать слышит голос своего дитяти в шуме южного ветра и для успокоения тени курит ладан перед иконою Божьей Матери, которую украшает белыми ризами. В продолжение сорока дней после Воскресения Христова души телонии носятся над лугами в виде радужных бабочек, пчел и других разноцветных и красивых насекомых; они питаются соком цветов¹. *Прекрасные женщины* живут в дремучих лесах, на душистых полянах и в селениях; иногда посещают шумные города, собираются при источниках и забавляются плясками; отдыхают в тени густых деревьев, похищают хорошеньких детей, юношей и девиц или наделяют их сокровищами². Греческие поверья, во многом сходные с русалками и мавками, имеют в своем основании те же ручьи, озера, источники, дремучие леса и рощи, различаются только местностью.

ОГНИ ДНЕПРОВСКИХ РУСАЛОК

В днепровской России утверждают поселяне, что огни, которые светятся ночью на могилах, насыпных курганах, в

¹ «Вест. Евр.», 1827 г., № 7 и 8.

² Снегирев «Русск. простонар. праздн. и суевер, обр.», вып. IV, с. 4.

рощах, лесах и на полях, разводятся днепровскими русалками для того, чтобы заманить к себе людей и потом, схватив их, бросить в Днепр¹. Они между народом изображаются страшными, и ими пугают детей, как киевскими ведьмами. Накануне Троицына дня русалки, по мнению малороссиян, бегают по полям, засеянному хлебом, и хлопают в ладоши, приговаривая: «Бух, бух! соломенный дух. Мене мати породила, некрещену положила».

МЕСТОПРЕБЫВАНИЕ РУСАЛОК

Русалки до Троицына дня живут в водах: на берега выходят только поиграть. С Троицына дня до Петрова поста шатаются по земле; живут тогда в лесах на деревьях. Любимое их дерево клен и дуб. Качаются на зеленых сучьях и разматывают пряжу, которую уносят от поселянок, заснувших без молитвы². С клещальной недели они аukaют в лесах и зазывают к себе с хохотом прохожих: «Ходите к нам на релі качаться». Уводят их в чащу рощи или леса и защекочивают до смерти. Знатоки в заклинаниях нечистой силы сохраняют как величайшую тайну один чародейный заговор, который разгоняет русалок; даже сами дьяволы разбегаются со страхом от этих заклинательных слов:

Ау, ау – шихарда кавда!
Шивда, вноза, митта, миногам.
Каланди, инди, якуташма биташь,
Окуто-ми нуффан, зидима,
Коноцам, коноца, таррарра,
Тидул, кадалан, авдал, майда.
Ябудал, мейда, викзиг, гизи.
Коно-то-цо, ио-ия, ио-ио, иоцох, мацах, я-ца
Ио-пи-ни-паццо. Заокотом, заоцам, пикам
Шолда, колда. Паф, паф, папф, пацц.
Кинцо, пинцо, тинцо, дыньоцон.
Цон-цан-цен! щонн,

¹ «Одесский. альм.», 1831 г.

² Макаров. «Русские предания», кн. I, 1838 г.

Щонд, дынзо!
Кудин-то Иоль, чиходам, шам
Боддо ро-ко, булдарам, ганем, кондырь!
Ау, ау – шихарда, кавда!
Руку – куру-ту! кир-дынь,
Тырь-шарь-кордоко-ау!
Коно-то-цо-ио, ия, ио, ио-цок-цок
Русалок, русалок, корто-то бух бух.
На ппуду, голтол, боято, когда.
Шаррах, кофундо, шаррах-слоцал цолк.
Щон, щон, щон-пинц,
Дон-дур-тор-щон,
Куцу-тонц, мяукор-пфи.

При последних словах бросают за плечи полынь или зарю и убегают, не оглядываясь¹.

В народных рассказах сохранились некоторые загадки русалок, которые загадывают первому попавшемуся парню или девушке.

Ой, бежит, бежит красная дивчинонька,
А за нею та русалочка.
Ты послушай мене, красна паночка.
Загадаю тобі три загадки:
Коли ты взгадаешь, я до батька пушу;
А як не взгадаешь, я до себе возьму.
Ой, що росте та без корня?
Ой, що бежит та без повода?
Ой, що росте без всякого цвиту?

Путник задумывается и не отгадывает, но русалка, как говорит поверье, не дает ему отгадывать, сама отвечает ему:

¹ Заговор списан со слов киевских ворожей. У них, кроме сих заклинаний, находятся и другие, но столько же бессмысленные, непонятные и бестолковые, как сами ворожей. Они часто сами составляют по произволу всякого рода заговоры и утверждают, что это одно спасение против русалок, которые на зеленую неделю становятся чрезвычайно сердитыми, даже до бешенства, и все, что ни попадется им, портят, особенно молодых супругов. Все заговоры звучат татарскими словами.

Камень росте без корня,
Вода бежит без повода,
Папорть росте без всякого цвиту.
Дивочка загадки не взгадала,
Русалочка ее залоскотала.

Русалки немедленно бросаются на девушку, обвиваются около ее шеи и щекочут под мышками: сначала тихо и с припевом, потом сильнее и сильнее с адским хохотом. Девушка смеется с ними, но после умирает от щекотания.

ВЕЛИК ДЕНЬ РУСАЛОК

На русальную неделю никто не осмеливается купаться в реке и хлопать в ладоши, потому что в это время веселье русалок и хлопанье страшное, так что оно раздается по всем окрестностям. На их удары стекаются прочие русалки; одни киевские ведьмы только могут купаться с ними. На зеленой неделе в четверг никто не должен работать, чтобы русалки не испортили домашний скот, птицу и все хозяйственное заведение. Этот день называется *велик день русалок*. Девушки тайно ходят в лес, имея при себе полынь и зарю, бросают завитые венки русалкам, чтобы они доставляли им богатых женихов. В этих венках бегают русалки по хлебным полям¹.

В Белоруссии поселяне верят, что русалки бегают нагие и кривляются, и если кому случится их увидеть, тот сам будет всегда кривляться.

ТЕМНЫЕ СВЕДЕНИЯ О РУСАЛКАХ В РОССИИ; ВОДЯНЫЕ И ЛЕШИЕ

В России сохранялись темные сведения о русалках под именем *водяных, лесных, домовых и чертей, водящихся в тихом омуте*, и все они находятся под властью *водяного дедушки*. Нет сомнения, что это суть остатки верований дунайских

¹ Максим. «Малор. песни», изд. 1827 г.

славян, которые поклонялись *морянам и водяным*. На Руси господствует мнение, что все эти духи при ниспровержении Вельзевула со всею нечистою его силою в ад частию попадали в воду, другие рассеялись по полям, а прочие скрылись то в лесах, то в домах. Водяные живут в омутах и под крутыми речными порогами. Они выходят на берег с растрепанными волосами и чешут голову костяным гребнем; хватают купающихся, уносят их с собою на дно водяное и там замучивают до смерти. Они разрушают плотины на мельницах и мосты и при разливе рек уносят строения. Если раздаются со стоном слова: «Рог есть, головы нет», – то услышавшему непременно приключится несчастье: он может утонуть в реке, вода зальет его поле, или другое какое-либо случится ему бедствие.

Лешие представляют собою среднее между дьяволом и косматым чудовищем. Они скитаются вокруг лесов и по лугам, в лесу ходят наравне с деревьями, по траве наравне с травою, принимая их вид.

Прохожие часто обманываются призраком и заходят в глушь леса, отчего говорят, когда кто запутается в лесу: «Эка куда завел его леший!» – или, когда кто рассердится: «Леший тебя побери!» Ночью кричат лешие по-звериному и по-птичьему, свищут и режут. Если лешему попадется человек, то он сначала шутит с ним, потом хватает его и защекочивает до смерти. От щекотания избавиться можно произнесением слова «чеснок». Если прохожий собьется с дороги, то думают, что леший обошел или запутал его, но и тут есть средство выйти из беды: должно немедленно выворотить верхнее платье и надеть наизнанку. Отсюда вошло в употребление говорить, когда увидят наряженного в вывороченное или какое-нибудь другое странное платье: «Эка леший!»

По разным местам рассеяны рассказы о русалках. В Тульской губернии сохранилось предание о лесной русалке: она молоденькая, прекрасная лицом и прелестная, как девица; она поет и живет в густом лесу. Русалка эта совершенно безопасна во все время года, кроме русальной недели; в это время она качается между двух деревьев, хохочет, аукается с

людьми, ходящими по лесу; обманывает их, принимая голос знакомых и привлекая к себе лестью, защекочивает до смерти. Некоторые из поселян, особливо дети, так напуганы этим преданием, что во время русальной недели ни за что не пойдут в лес и даже со страхом идут в соседние деревни. Многие с божбою утверждают, что им случалось много раз видеть русалок. На русальной неделе во вторник крестьяне поминают удушенных. Родня умершего приносит на могилу покойника блины, вино и красное яйцо, которое разбивает на могиле за упокой души удушенника; потом пьют вино и закусывают блинами, причем призывают русалку:

Русалка, царица,
Красная девица,
Не загуби душки,
Не дай удувиться,
А мы тебе кланяемся.

Русалке оставляют часть блинов и после уже отправляются по домам.

В Смоленской губернии кроме русалок лесовых существуют водяные, которых также боятся дети во время русальной недели. В этих местах верят еще, что русалки и лешие заводят людей в непроходимые места, сбивают с дороги и заставляют ходить по одному и тому же месту несколько дней сряду. Кажется, все знакомо, а выйти не могут. Когда лесовой идет по лесу, тогда он ровен с лесом; а когда идет по лугу, тогда ровен с травой. Лесовые и водяные имеют свои отдельные друг от друга владения; посещают даже ярмарки. Отличаются от людей тем, что у них завернута пола серяна (армяка) вместо правой на левую сторону; пояс завязан без узла, потому что на узле есть крест; оборы (веревочки или ремни у лаптей) закручены в одну сторону, а не крестообразно. Они всегда стоят к солнцу спиною, и человечки в глазах (зрачках) у них вверх ногами.

Лесовые и водяные пьют водку, играют в карты без крестов (трефей) и один другому проигрывают свое имущество,

оттого-то в ином месте бывает много рыбы, а в другом ничего; в ином месте бездна дичи и зверей, а в другом ровно как никогда ничего не бывало, между тем все знали, что здесь или там всего водилось много.

Лесовые и водяные также дерутся: оттого в самую тихую ночь слышен по лесу грохот и треск, а на воде, когда и рыба спит, бывают всплески.

В Сибири думают, что русалки во время русальной недели играют с парнями и девушками или, по тамошнему выражению, *декуются*. В прочих местах России бывает гулянье под именем русального.

Русалки и водяные представляются вообще тоскующими и враждебными. Они – то души младенцев, плод незаконной любви или умершие без крещения; то злые духи, преследующие человека и принимающие на себя разные виды по произволу.

РУСАЛЬН<АЯ> <НЕДЕЛЯ>

Неделя от седмицы св. Отцев называлась на Руси в древности русальною¹, а сами забавы *русальи* или *скоморошьи*. Праздновавшие русальи представляли беснование чертей. Одни в виде человека ходили по улицам, били в бубны, играли на волынках и на свирели; других надевали на себя, чтобы их не узнали, *скураты* или личины (маски) и смеялись над христианской набожностью. Из Стоглава (состав. 1550 г.) видно, что накануне Иванова дня, Рождества Христова и Богоявления мужчины, женщины и девицы сходились с хохотом и рукоплесканием на ночное веселье и шумную забаву, превращавшуюся в чувственное наслаждение; пели бесовские песни, плясали и скакали. По происшествии ночи шли с великим криком к реке, как беснующиеся, и умывались водою. Церковь наша строго воспрещала эти забавы, налагая разные духовные наказания.

¹ Кар. «И. Г. Р.», ч. I, пр. 210.

Западная Церковь преследовала русалии (*gysalia*), происходившие после Пасхи, когда расцветали розы; оттого св. Пятидесятница называлась розовою пасхою, а самое воскресенье – розовым.

Известно всем, что папы ввели в обычай освящать в этот день золотую розу. В бытность в Риме императора франков Карла В. папа поднес ему в подарок вместо красного яйца золотую розу, а потом многие папы посылали от себя знаменитым монархам или великим людям, в коих они нуждались, золотую розу, что считалось тогда за величайшую почесть. Древние римляне посыпали могилы своих друзей и родных розами, думая, что они услаждают души умерших.

ИЗГНАНИЕ И ПРОВОДЫ РУСАЛОК

Русалки были страшны для наших предков, потому они выдумали противу них *изгнания и проводы*. Девицы и женщины собирались с разных улиц деревни или города с пением веселых песен для того, чтобы ободрить друг друга. Они становились по углам с чучелом, которое было в виде женщины и представляло русалку, потом составляли хоровод, в середине коего женщина с чучелом производила смешные телодвижения и скакала. Пропев песнь, они разделялись на две половины: оборонительную и наступательную. Одни защищали свое чучело от нападений, другие бросали им в глаза песок и обливали водою. Наконец, все толпой отправлялись в поле; там разрывали чучело и разметывали его по воздуху. Это называлось *проводить русалочку*. Девицы, которые не могли защитить своих русалок, возвращались домой печально, веря, что последние не дадут им покоя в первую ночь супружества и что они будут преследовать их, пока не прибегнут к предохранительным средствам опытных знахарей.

Провожание русалок совершается и ныне почти с тем же самым обрядом в первый понедельник после Троицы, который называется *русальным провожением*, а воскресенье – *русальным заговением*.

V. СЕМИК

СТАРИННОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ ВЕСЕННИХ ЗАБАВ

Еще во времена идолопоклонства существовали в нашем отечестве весенние забавы, которые господствовали долгое время по распространении христианской веры и потом превратились в семик. В старину девушки и пожилые женщины сходились на окрестный близ Киева луг и пели разные сладострастные песни, или плящущая толпа выходила из города и деревень с зелеными ветвями в руках и плясала около поставленного в поле истукана, который украшался цветами полевыми, сучьями зеленых деревьев и разноцветными лоскутьями. Лет 20 тому назад мне случилось видеть в малороссийских и великороссийских городах и селениях возвращающиеся из лесу толпы людей, предводимые плясунами и плясуньями с зелеными ветвями в руках. Толпа пела, а перед нею скакали плясуны. Это происходило накануне Троицына дня. Из песен и обычаев видно, что в семик производились гадания при реке и колодезе; делали там вопросы; умывали глаза водою, чтобы они не болели, и бросали туда мелкую монету.

На зеленые Святки, которые именовались в древности семицкою и русальною неделею, совершаются поныне гадания в то время, когда весна в великолепном своем наряде: луга убраны цветами, лес в зеленой одежде и воздух благоухающий. И для кого наряжается юная природа в новую одежду, убирает себя цветами? Она встречает семик, словно невеста своего жениха. Но кто такой этот семик? Наши предания изображают его юношей веселым, ласковым, рассыпным на веселости и задумчивым приятелем Масленицы. Таковым можно видеть его на лубочных картинках, где он принимает в гости Масленицу и величает ее русскими прибаутками:

Душа моя, Масленица!
 Перепелиные твои косточки,
 Бумажное твоё тело,
 Сахарные твои уста,
 Сладкая твоё речё,
 Русая твоё коса,
 Тридцати братьям сестрица,
 Сорока бабушкам внучка,
 Трёх матерей дочка.
 А Масленица его за руки принимала
 И семика величала.

.....

Но кто он был у наших предков? Об этом нет никаких сведений. Ныне семик сделался предметом празднества, с коим смешалось суеверие. Простодушные допустило его, но оно не запятнало себя теми гнусными веселостями, какие раздавались некогда в Воронеже в честь Ярилы, коего праздновали в семицкий четверг. Это произошло оттого, что семик принадлежит одним девицам.

В Литве и у жмуди пастухи празднуют в Духов день *бандиникай*, в честь рогатого скота¹. Они в этот день берут с собою молоко, яйца, водку, сыр, муку, говядину, солонину, пиво, крупы, пироги и разный хлеб. Собравшись в лесу, они садятся в кружок, пируют и поют песни в честь божества Ганиклинис:

Ganiklinis dawajte,	Ганиклинис божок,
Ganik mana karwajte,	Паси мою корову,
Ganik mana patilka,	Паси мою телку,
Ne lejsk wagi wilka.—	Не пускай вора волка.
Ganau, ganau awute,	Пасу, пасу овцу,
Asz tau wilkie ne bijau.	Тебя, волк, не боюсь,

¹ В Литве зелеными Святками называется Духов день, а у жмуди секминес. Подобное переименование поныне существует в Малороссии: здесь Духов день празднуют в воскресенье, а Троицын в понедельник, между тем как в России наоборот.

Su saulinejs plaukajs,	Ибо солнцевласый
Tawī diewas ne lejs,	Бог тебя не пустит.
Lado, lado saule	Ладо, ладо солнце,
Duok jam samczin pargalwa.	Дай ему щелчок по голове.

После пирушки разводят огонь, пляшут, скачут через него шесть раз с венками на голове в сопровождении свирели и дудки¹.

В Малороссии доселе сохранились суеверные предания, что при известных крыницах (колодезях) сидят в зеленую неделю русалки, а в Новгород-Северском (Черниговской губ.) существует доныне родник, называемый Ярославов родник, и криницы *Заручейская*, *Сухомлинская*. Народ думает, что тут сидят в зеленую неделю чаровницы, называемые криниченьки (колодезные русалки), и загадывают проходящим: «Що росте без корня?» (Что растет без корня?) – и сами отвечают: «Камень растет без корня».

У поляков еще в XV веке² повторялось в Пятидесятницу языческое празднество *стадо*, сходное с сибирским, московским и тульским или с семиком.

ПРИНОШЕНИЕ ЖЕРТВ НА МОГИЛАХ

В германских и славянских землях, как то: в Саксонии, Лузации, Богемии, Силезии и Польше – сохранились следы праздников в честь умерших. Первого марта рано поутру выходили на кладбище с факелами и приносили жертвы над могилами родных. *На буюх* и *буйвицах* (так называются кладбища Псковской и Тверской губ.) доныне делают гадания, как в Святки.

¹ «Сын Отеч.» за 1839 г., с. 123–125. Секминес по-литовски значит седьмой; но как сошествие Св. Духа приходится на седьмой неделе после светлого праздника, то потому называется секминес, как Вознесение Господне – шештинес, празднуемое на шестой неделе. Нарбут ошибочно называет обряд бандиникая – секмине и думает, что секмине есть какое-нибудь мифологическое наименование.

² Dlugos. «Hist. Polon.», кн. XII, ed. Grodeck, Lips. 1711, in f.

Отправление семика приходилось в тот самый день, в который погребали и поминали убогих на могилах. Это есть остаток благочестивых учреждений. Первые проповедники св. веры, чтобы уничтожить суеверные празднества, ввели в обычай погребение и поминовение. Когда проповедники в римских областях не могли уничтожить идолопоклоннические обряды, тогда они должны были сообразоваться с их обычаями, с коими суеверный народ еще в царствование Константина В. (в IV в.) не мог расстаться, и установили крестные хождения в семи¹. Из Стоглава видно, что в Троицкую субботу сходились мужи и жены на жальники (кладбища) и плакали на могилах с великим криком, и когда играли скоморохи и гудошники, тогда рыдающие переставали плакать, начинали скакать, плясать и бить в ладоши. Подобный обычай соблюдается в Смоленской губернии, Белоруссии, Литве и Малороссии.

В Исландии при начале весны празднуют зеленый четверг, как наш семик. В Дании он также называется зеленым четвергом, и там во времена язычества праздновали его в честь бога Тора или Тура. У англичан и шведов он называется *святым четвергом*, у немцев *зеленым четвергом*. Простолюдины в Германии употребляли обыкновенно в зеленый четверг кушанье из зелени. У всех этих народов праздновалось первое мая точно так же, как у нас семик: поселяне увенчивали себя цветами, носили в руках зеленые древесные ветви и танцевали вокруг березки, называемой *майским деревом*. Адонисов праздник, когда греки бросали в море и реку плетеные венки, цветы и древесные листья, сходен во многом с нашим семиком.

СЕМИК

Семик есть девичий праздник ныне, и он так назван потому, что приходится на седьмой неделе по Пасхе, именно в четверг. В этот день ходят девушки в лес. Там они играют в горелки, пляшут, поют и угощают преимущественно яичницей. В иных местах вся седьмая неделя по Пасхе называ-

¹ Бар. Розенк. «Обозр. Кормчей кн. в историч. виде».

ется семицкою; в Малороссии она называется *кличальною, святою неделею и зелеными Святками*. *Кличальною* названа потому, что в это время обставляют храмы, дворы, дома и покои молодыми кленовыми деревьями, иногда липовыми и березовыми. Внутренность комнат посыпают травой и цветами. В Великороссии такой же обычай, но только там вместо кленового дерева употребляют преимущественно березу. Сие обыкновение было известно еще во время идолопоклонства, когда в празднество бога Тора украшали его капище и дома деревьями, травой и цветами.

В Белой и Чермной России семик называется «сѣмуха».

В Богемии и по введении христианской веры долго существовали священные дубравы, куда в день семика ходил народ совершать разные жертвоприношения. Герцог Брючислав уничтожил эти обряды в 1093 году. От суеверного обычая осталось семицкое празднество, в которое девушки ходят собирать по рощам и полям цветочки, из коих плетут венки. То же самое сохранилось в Малороссии и Великороссии. В наше время там носят при пении зеленые ветви деревьев, вяют венки, гадают на лужайках, в рощах и при водах.

Ношение деревьев сопровождалось у древних эллинов особыми празднествами. В Сицилии и других городах Греции праздновали (αὐδεσφορς'α) цветоносие (Δενδροφορς'α), древоношение в честь богини Прозерпины; носили зеленые деревья и масличные ветви и вили венки из колосьев в честь солнца. У римлян было торжество в честь месяца мая, матери Меркурия. Их майское дерево (arbor majalis) соответствует нашей семицкой березе.

Рощи и дубравы у всех восточных народов, равно у греков и римлян, служили заветными местами для совершения обрядов. Германцы и славяне под покровом дремучих лесов отправляли свои таинственные обряды. Не довольствуясь заветными рощами, они имели священные деревья на полях, дорогах, между селениями и рубежами. Кому не известны мрачные, таинственные дубравы суровых друидов. У них дуб более всего почитался, потом липа: отрезать от них ветку

или отломить сучок считалось святотатством. У германцев производились еще суды и жертвоприношения под липою¹. У поруссов или древних пруссов зажигались огни под липою в честь Лиго, бога веселия и весны. У литовцев липа посвящалась богине Лайлю. Западные славяне посвящали ясень верховному своему богу.

Веселые хороводы на семик, составляемые из молодых людей обоого пола, увеличивали общее веселье прелестью зелени, цветущими душистыми деревьями и свежестью балзамического воздуха. Остатки забав сохранились в играх и шутках не только северных народов, но и в Германии и Великобритании. Немецкий праздник венков перед Троицыным днем похож на семик. На нем действующим лицом бывал *царь садов* или *зеленый человек*. В одну из рощ собиралась веселая толпа, веселилась и пировала: за пиром употребляли преимущественно яйца, потом обвивали одного из охотников зеленью, листьями и деревьями и выводили его из рощи. Пляски и песни сопровождали *зеленого человека*.

ЗНАЧЕНИЕ ВЕНКОВ

Семицкие песни, в коих воспеваются липа и береза, напоминают остатки языческих обрядов. Украшение же венками есть также остаток обычаев Древнего мира. Греческие и римские жрецы надевали на голову венки при жертвоприношениях, сделанные из тех деревьев, которые посвящались богам. Отсюда вошло в обычай увенчивать дубовыми венками знаменитых людей, украшать их на Олимпийских играх за победы, гражданские добродетели и успехи в художествах и после смерти осыпать памятники, гробы и могилы цветами и плетеными венками. За великие дела равняли людей с богами, почему и неудивительно, что увенчанные таким образом заслуги пережили отдаленное потомство и украсили страницы бытописания незабвенными именами. Сон и смерть представлялись у греков в венках, потому что они означали

¹ Klein. «Handbuch der Germ. Alterthumskunde».

награду неувядаемой славы. Увенчанный лаврами муж почитался сверхъестественным существом.

Семик при всех местных разнообразиях у нас во всеобщем употреблении. Он только в Сибири называется *тюльною*, вероятно оттого, что на празднество собирались толпами. В Польше он называется *стадо*¹, которое производят от глагола *стадиться*, собираться в толпу.

Празднование семика производится с незапамятных времен, и для удовольствия на этот раз избирают преимущественно рощи, леса, речные и озерные места. В рощах и лесах завивают девушки венки и потом пускают их на воду с загадываниями, наблюдая, как они плывут и как двигаются по воде. Эти приметы ведут впоследствии к бесконечным толкованиям. Тут старухи или особые разгадчицы – ворожеи, пользующие особою доверенностью, объясняют девушкам значение венков.

ОБЫЧАЙ ПОГРЕБЕНИЯ И ПОМИНОВЕНИЯ В СЕМИК

Прежде в семик совершался обычай погребения и поминовения умерших в убогих домах. В Малороссии повторяется еще этот обычай на Фоминой неделе, в субботу, которая называется еще родительскою, или поминальною, субботою. Народ собирается на могилы своих родных в нарядном одеянии, с разными съестными припасами: пирогами, жарким, пасхою (кулич), крашеными яйцами и с водкою. Священники справляют службу за упокой, и по окончании панихид каждый идет к могиле своего родственника. Тут начинают охать и плакать, вспоминая об усопших; поплавав немножко, расстилают на могиле белое полотно и раскладывают съестное. Старший в семействе наливает рюмку водки и потчует всех званных; затем предлагает им чего-нибудь покушать; спустя несколько времени он опять потчует и советует кушать, чтобы ничего не оставалось, иначе покойники останутся недовольными. По прошествии нескольких минут он снова подает по чарке водки

¹ Длуг. «Hist. Polon.», кн. VII, ed. Lips., 1771 г.

и потом опять. Это делается для того, чтобы залить горе. Когда довольно подгуляют, начинают вой и плач. Тогда опять подносится вино, чтобы забыть горе. Когда же позабудется горе, начинается между поминающими суждение о любви или неприязненности некоторых из покойников, и в последнем случае часто доходит до ссоры. Тогда и покойники не рады сердобольным этим воспоминаниям о них. Однако этот обычай существует везде в России – на Фоминой неделе и в поминальную субботу все на кладбищах. Кто не видел разнообразных представлений в это время! В больших городах они выказываются более, а в столицах в обширнейшем размере. На Волковском и Смоленском кладбищах в Петербурге какие не происходят действия! Если бы поминания оканчивались одним плачем, а то доходит до того, что сами поминающие делаются полумертвыми от чрезмерного заливания горя по усопшим.

Поминование мертвых на могилах есть остаток древней тризны, или стравы.

В прежние времена отправлялись погребения и поминования по убитым или скоропостижно умершим в убогих домах; таковые покойники назывались убогими. Всякий приходил в убогий или скудельничий дом, чтобы отыскать без вести пропавшего, и если его находил, то брал и погребал торжественно на особых местах и обсаживал могилу деревьями, отчего сии места превращались в рощи. В скудельницу доставлялись все поднятые на улицах и дорогах мертвые трупы. Обряд погребения и поминования погибших без вести совершали еще перед Вселенскою Троицкою субботою¹.

ИЗМЕНЕНИЕ СЕМИКА

Время много изменило народные обыкновения. Семик сделался ныне веселым хороводным гуляньем, но деревенские

¹ Le Brun (*«Voyages par la Moscou en Perse et aux Indes orient.»*, т. I, с. 35) говорит, что в день семика отправлялись некоторые из духовных утром рано к одному рву, подле коего в трех или четырех ямах лежали найденные убитые на больших дорогах и казненные правосудием, и по совершении над ними поминования предавали земле.

обитатели удержали некоторые обряды древнего поверья. Семик почитается в России честным семиком, одним из лучших весенних праздников; за ним считается Троицын день и, наконец, купальниц¹. В Московской, Владимирской и Рязанской губерниях сгибают молодые плакучие березы, вяют из них венки и кумятся через венки (целуются), говоря:

Покумимся, кума,
Покумимся:
Чтобы нам с тобою не браниться,
Вечно дружитья.

Потом одаривают друг друга желтыми яйцами. Во Владимирской губ<ернии> ходят еще девушки поутру с пирогом на яйцах собирать у соседей деньги, вечером составляют хороводы, пляшут, поют, едят пирог и яичницу. У волжских жителей девицы пекут *козули* – лепешки на яйцах, в виде венка. С козулями отправляются в рощу, обматывают березки ленточками, разноцветными бумажками и пестрыми шнурами. Из сучьев сих березок свивают венок и во время завивания поют:

Береза моя, березонька!
Береза моя белая,
Береза моя кудрявая.
Стоишь ты, березонька,
Осередь долинушки.

¹ В Петербургской губернии празднуют семик сходно с описываемым в Московской, Владимирской и Костромской губерниях. Лет тридцать тому назад праздновался семик в самом Петербурге у церкви во имя Рождества Иоанна Предтечи, которая в 1742 г. называлась Оспенною Иоанно-Предтеченскою, потому что была построена на оспенном кладбище во время свирепствовавшей тогда оспы. Ямщики, населявшие тогда загородную эту часть, и простолюдины сходились сюда для игр и забав в семик и Иванов день. Бывало, экипажи тянулись в два ряда по Лиговскому каналу от Знаменского моста до церкви Иоанна Предтечи, около которой на обширном поле разбивались шатры с лакомствами и питьем. Бывало, эти гулянья посещались блестящим двором, знатными особами и всеми сословиями, разъезжавшими в пышных и изысканных одеждах, подобно гуляньям екатерингофскому, елагинскому, петергофскому и другим. Теперь уже не празднуют там семика – время искоренило древний обычай.

На тебе, березонька,
Трава шелковая.
Близ тебя, березонька,
Красны девушки
Семик поют.
Под тобою, березонька,
Красны девушки
Венок плетут.
Что не белая березонька
К земле клонится;
Не шелкова травонька
Под ней расстилается;
Не бумажны листочки
От ветру раздуваются.
Под этой березонькой
С красной девицей
Молодец разговаривает.

По завивании кумятся (целуются) через венок, говоря: «Здравствуй, кум и кума!» Потом садятся под березкой и едят козулю и яичницу. Мужчины и девушки открывают потом семик хороводом и, ходя вокруг избранной березки, увитой лентами, поют:

Не дождик березку обмывает,
Здесь в роще девок прибывает.
Скачите, пляшите, красны девки,
А вы, холостые, поглядите.
С гулянья вам девушек не взять!
А взять ли, не взять ли с доброй воли
По батюшкину повелению,
По матушкину благословению,
По невестину рукоделью.

По окончании песни ставят в середину хоровода девушку и мужчину, и все продолжают петь:

Ай, во поле липинька стояла,
Во поле кудрявая стояла;

Под липою бел шатер,
В том шатре стол стоит,
За тем столом девица,
За тем сидит красная,
Шьет ширинку золотом,
Нижет узду жемчугом.
Ехал мимо молодец:
«Бог на помощь, девица!
Бог на помощь, красная!
Ширинку шить золотом,
Низать узду жемчугом».

Молодцы поют:

Не мне ли ширинка?
Не моему ли коню уздечка?

Им отвечают девушки:

Не по молодце ширинка,
Не по твоём коне уздечка.

В некоторых уездах Костромской губернии (Галиче, Кинешме и Нерехте) меняются при кумовстве кольцами и серьгами – по завитии венков, потом садятся пировать кто что принес; или делают пир в складчину, называемую *ссыпчина*. После пира поют:

Как у нас в году три праздника.
Первой праздник семик честной,
Другой праздник Троицын день,
А третий праздник купальница.
Как у нас зелена трава,
Как милой мой друг
В кабаке напивается,
Как милой мой друг
По зеленой траве валяется.

Одна из девушек выходит из круга и представляет пьяного, после падает на землю и валяется. Другая подходит к ней, силится поднять ее на ноги, хоровод продолжает:

А Орина подходила,
Никиту своего будила:
«Встань, убудися, Никита!
Встань, убудися, волокита!
Соседи смеются,
Во бесчестие-то ставят».

Муж встает, а жена целует его.

Стал Никита, пробудился,
За руку с Ориной ухватился,
Домой Никита потащился.

Там поют еще очень любопытную песнь, сопровождаемую приятными движениями: в хороводный круг ставят царевну и поют:

Царь по городу гуляет,
Царь царевны своей ищет.

После этих слов начинает хоровод плясать, потом продолжают:

Уж как где моя царевна?
Где княгиня молодая?
Уж и вот моя царевна,
Вот княгиня молодая!
По загороду гуляет,
Шелковым платком махает,
Златым перстнем освещает:
Растворяйтесь, ворота,
Растворяйтесь, широки,
Вы еще пошире.

Последний стих относится к хороводу, который немедленно разделяется на две половины; по концам держат платки с поднятыми вверх руками в виде ворот. Царевна и хоровод проходят через них, продолжая петь, и сходятся между собою.

Вы сойдитесь поближе,
Вы еще того поближе;
Поцелуйтесь помилей.
Вы еще того милее.

Все целуются между собою и потом садятся за столы, накрытые скатертями, и угощают приготовленными пирогами, яичницею, лакомствами, пивом и вином. По угощении встают и поют:

Пошел молодец на гулянье,
На веселое, на веселое.
На нем синь кафтан нараспашку,
Шелковой кушак на рубашке;
Трость камышева с алой лентой,
Перчаточки в правой ручке;
Подошел к девушкам, поклонился.

Одна из девушек выходит из круга и кланяется.

Уж вы здравствуйте, на гуляньи,
На веселом на весельи.
Тут девушки приуныли,
Тут все красные приумолкли.

Засим девушки бросаются толпою к березкам, плетут венки, перевивают их лентою и несут березку домой с пением. По прибытии в свою деревню ставят березку в землю и поют:

Как за нашим за двором,
Как за нашим за двором;
По той траве панья шла,

По той траве панья шла;
А за паньей пан летел,
А за паньей пан летел;
Крича: «Панья ты моя!»
Крича: «Панья ты моя!»
«А я, сударь, не твоя,
А я, сударь, не твоя:
Родимого батюшки,
Родимого батюшки,
Сударыни матушки,
Сударыни матушки».

Девушки переплетаются руками, проходят поочередно под поднятые руки и поют:

Как за Волгою яр хмель
Под кусточком вьется;
Перевился яр хмель
На нашу сторонку.
Как ли на нашей сторонке
Житье пребогато.
Житье пребогато.

Серебряны листы, венки золотые.
Нащиплюся я хмелю, хмелю ярого;
Наварю я пива, пива молодого.
Позову я гостя, гостя дорогого,
Ай ли, гостя дорогого, батюшку родного;
Мой-то батюшка пьет, пьет.
Пьян не напьется, домой соберется.

Эту песнь поют и в другой раз, если хотят применить слова к матери. За песнею составляют другой круг, в котором помещают девушку в мужской шляпе.

Ах, по травке, по муравке,
Вокруг города большого
Гулял молодец удалой.

Девушка расхаживает и посматривает с надменностью на прочих девушек.

Ой, тур, молодец удалой!
Он из города большого
Вызывал красну девицу
С ним на травке побороться.

Немедленно выходит к ней другая девушка с платком в руке.

Ой, дид, ладо!
Побороться
Вышла красна девица!

Они борются. Вышедшая девушка поборол мнимого мужчину – сбивает шляпу и рвет на нем волосы:

И молодая поборол,
На муравку уронила,
Ой, дид, ладо, уронила!

Мнимый мужчина успел встать с земли, но от стыда он закрыл свое лицо.

Добрый молодец, вставая,
Закрыв лицо руками;
Утирал горючи слезы.
Он не смел своей кручины
Добрым объявить;
Ой, дид, ладо, объявить.

Этот хороводный семик выражает не одну девическую веселую жизнь. В нем резко отсвечиваются женские страсти и чувство любви. Женщина и живет в области сладостных чувствований: явился жених, и девическое сердце затрепетало. Она уже согласна отдать ему свое сердце, но чувство, как она расстанется с родными, заставляет ее отказываться от жениха под предлогом, что она не его, а родимого батюшки и сударыни

матушки. Не означает ли это борьбу чувств девушки? Девушка поборола себя, это значит, что она решилась оставить родительский свой дом и отдать сердце навсегда тому, кого уже не может не любить. В этом семике раскрывается целая повесть о любви сельских девиц. Любовь поселян в тысячу раз сильнее, нежели горожан, взлелеянных баловством и прихотями.

В Тульской губерн<ии> называют кумую семицкую березу. Там перед завитием венков поют:

Благослови, Троица,
Богородица!
Нам венки завить,
Венок сплести.
Ай, дид, ой, ладо!
Нам венки завивать
И цветы сорывать.
 Ай, дид, ой, ладо!
А мы в лес пойдем
И цветов нарвем;
Мы цветов нарвем
И венок сошьем.
 Ай, дид, ой, ладо!
Свекру-батюшке,
Свекрови-матушке;
Свекру-батюшке – малиновый;
Свекрови-матушке – калиновый.
 Ай, дид, ой, ладо!
Пойду ль я пешком,
Лужком, бережком;
Сломлю ль с сыра дуба веточку,
Брошу на быструю реченьку;
 Ай, дид, ой, ладо!
Не тонет, не плывет
С сыра дуба веточка.
Не тужит по мне
Свекор-батюшка,
Свекровь-матушка.
 Ай, дид, ой, ладо!

Во Владимирской губ<ернии> поют перед завитием венков:

Ты не радуйся,
Дуб с горькою осиною,
Ты радуйся, белая береза!
К тебе девки идут
С пирогами, с яичницей
Со дробочками.

Доныне не только в селениях, но и в столицах убирают дома в семик березками и усыпают пол травой. В некоторых местах России, особенно в Малороссии, ходят девушки по улицам в венках, плетенных из ландышей, незабудочек, васильков и проч.; ставят стол у березки с приготовленною яичницею, дробчею, пирогами и водкою.

ВЕНОЧНЫЙ ХОРОВОД

Девушки берегут свои венки до Троицына дня. Из завивания венков они составили веночный хоровод. В круг ставят девушку и молодого парня, а все прочие ходят около них и поют:

Ай, во поле, ай, во поле,
Ай, во поле липинька!
Под липою, под липою,
Под липою бел шатер,
Во том шатре, во том шатре,
Во том шатре стол стоит,
За тем столом, за тем столом,
За тем столом девица
Рвала цветы, рвала цветы,
Рвала цветы со травы.
Вила венков, вила венков,
Вила венков с огороды;
Со дорогим, со дорогим,
Со дорогим яхонтом.
Кому венков, кому венков,

Кому венок износить?
Носить венок, носить венок,
Носить венок старому.
Старому венок, старому венок,
Старому венок не сносить.
Мою молодость, мою молодость,
Мою молодость не сдержатъ.
 Ай, во поле, ай, во поле,
Ай, во поле липинька!
Под липою, под липою,
Под липою бел шатер.
Во том шатре, во том шатре,
Во том шатре стол стоит.
За тем столом, за тем столом,
За тем столом девица.
Рвала цветы, рвала цветы,
Рвала цветы со травы.
Вила венок, вила венок,
Вила венок с огороды.
Со дорогим, со дорогим,
Со дорогим яхонтом.
Кому венок, кому венок,
Кому венок износить?
Носить венок, носить венок,
Носить венок милому.
Милому венок, милому венок,
Милому венок износить.
Мою молодость, мою молодость,
Мою молодость содержать?

Поют не только при завивании, но и в Троицын день. В Пермской губ<ернии> большая часть жителей обоого пола собирается в деревню Даниловку. Там веселятся девушки, поют песни и играют кружками, а парни составляют свои забавы или, соединясь вместе, поют и пляшут.

В Саратовской губ<ернии> для празднования семика избирается девушками особый дом, куда приносят разные припасы для пира, не забывая солода и хмель. Вот обряд, проис-

ходивший в селе Березовке, стоящем на реке Узе Саратовского уезда. С наступлением семицкой недели девушки варят там брагу, которая приправляется пением веселых их песен, в той уверенности, что брага, затираемая, заквашиваемая и сливаемая под песни, придает больше веселья. У кадки хлопочут девушки: одни переливают брагу в ведра, другие катят бочку в погреб и там, переливая снова брагу, хохочут и поют:

Я пиво сливала:
Меня разнимало,
В ноженьки вступало.

После запирают погреб и ключ от него отдают одной из распорядительниц пиршества. В четверг, с самого утра, еще больше хлопот. Пекут пироги, курники и сдобные лепешки; готовят яичницу, варят лапшу, похлебку; готовят лапшевник, пшенник, сахарник и сальник¹. В полдень начинается самое торжество. Вся площадь двора чисто выметена. Посреди двора воткнуто срубленное с ветвями и листьями дерево, а под ним стоит горшок с водою. Девицы ходят по двору или сидят: иные на примостке, а другие у дверей погреба. Одни

¹ В Хвалынском уезде Саратовской губернии семик начинается топлением бани, в коей женщины готовят яичницу и несут потом в лес при пении:

Не радуйтесь, дубья, осинушки, ли, ли,
Радуйтесь, белые березоньки:
Идут к вам красны девушки,
Несут к вам яичницу.

Пришедши в лес, садятся под кудрявой березкой и поют:

Где девки шли, ли, ли,
Тут рожь густа, Колосиста,
Колосья в ведро, Зерно с пирог.

После этого поют:

Закумимся, кума, закумимся.

Целуют друг друга, меняются кольцами, платками, серьгами и потом едят яичницу. За этим уже завивают венки на березе и там оставляют до Троицына дня.

из мальчиков держат в руках заготовленные кушанья, другие ведра с пивом на палке. Одна из девиц, отличающаяся большею живостью перед своими подругами, отделившись от толпы, подходит к дереву и опрокидывает горшок с водою; потом выдергивает дерево из земли и запевает песню. С ее голосом соединяются голоса прочих:

Разыгрался Никитин конь,
Сломил тычину серебряную.
Бранской староста, отворяй ворота,
Пускай девушек гулять во луга.

Ворота открываются, и вся толпа, окружив девицу, несущую дерево, движется по улице, ведущей в лес, и поет:

Ио, ио, семик, Троица!
Туча с громом сговаривалась:
«Пойдем, гром, погуляем с тобою,
Во ту слободу, в *Радышевчину*,
Ио, ио, семик, Троица!»¹

Девушки выходят стройным рядом из села, направляя свой путь к лесу, при пении:

Не радуйтесь, дубы,
Не радуйтесь, зеленые!
Не к вам девушки идут,
Не к вам красные;
Не вам пироги несут,
Лепешки, яичницы.
Ио, ио, семик, да Троица!
Радуйтесь, березы,
Радуйтесь, зеленые!
К вам девушки идут,
К вам красные;
К вам пироги несут,

¹ Радышевчина есть имя части той самой деревни, в которой происходит веселье. Она получила название свое от имени помещика деревни.

Лепешки, яичницы.
Ию, ию, семик да Троица.

И вот девицы в тени деревьев, под зеленым их навесом, расстилают скатерть; ставят кушанья: пироги, лепешки, яичницы; с радушием простоты начинают есть и потчевать друг друга пивом. По окончании пира они рассыпаются по лесу и выбирают одну из берез, кудрявую, для завивания на ней венков. Если девиц очень много, то избирается несколько берез такой величины, чтобы можно было достать ветви, стоя под деревом. Разделившись попарно, каждая пара из ветвей березки вьет себе один венок, не отрывая ветвей от дерева. По свитии венка каждая пара кумится. Это состоит в том, что одна другой подает сквозь венок по яйцу; потом, обменявшись ими, целуются сквозь венок. За этим приступают к выбору: какой из них быть старшею кумою. Для этого, свив свои платки, бросают их вверх, и который поднимается выше, той дается имя старшей кумы. А <так> как всякой из них хочется быть старшею, то незаметно кладут они какую-нибудь тяжесть в платок, чтобы он мог выкинуться выше. Получившая первенство носит весь день название старшей кумы; остальные же с любопытством спрашивают друг у друга: кто у тебя старшая или младшая кума? По завитии венков толпа возвращается в село; остаток же дня проводится в хороводных играх. Но этим не кончился семик. В день Троицы девушки отправляются в тот лес, где завивали венки, чтобы опять развивать их. Каждая пара рассматривает свой венок: завял он или еще свеж? По нему судят о своем счастье или несчастье. Но грустное чувство исчезает скоро: хор певиц оглашает лес песнею:

Перепелка молодая,
Куда ты летала?
Я ходила, я гуляла
По чистому полю;
Я летала, я порхала
По зеленому лесу.
Ию, ию, семик да Троица.

После вяют венки из тонких березовых сучьев; убирают их цветами и, надев на голову, ходят, припевая:

Я в веночке,
Я в зеленочке
Хожу, гуляю
По городочку.

Потом каждая из них свивает еще венок для своих родных: батюшки, матушки, братцев и сестриц, оставшихся в доме по болезни или по другим каким-либо причинам. Нагулявшись, они выступают из леса с венками на голове и на руках и поют:

Ищу ль я, ищу
Ласкова ладу.
Я в веночке,
Я в зеленочке;
Хожу ль я, хожу
Вокруг городочка.
Добрый молодчик!
Будь моим ладой.
Под березкой ходили, ли, ли,
Березки шумели,
Веночки в речку бросали.
Ах вы, братцы молодцы, ли, ли!
Метите улицы,
Стройте горницы
С тремя окошечками:
Первое в улицу,
Второе в поле,
Третье к царю, на дорогу.

Навстречу идущим девицам выходит толпа парней, присоединяется к ним, и все вместе поют:

Ищу ль я, ищу
Ласкова тестя.

Я в веночке,
Я в зеленочке,
Хожу ль я, хожу
Вокруг городочка.
Ищу ль я, ищу
Ласкову тещу.
Я в веночке,
Я в зеленочке;
Хожу ль я, хожу
Вокруг городочка.
Ищу ль я, ищу
Ласкова шурина.
Я в веночке,
Я в зеленочке;
Хожу ль я, хожу
Вокруг городочка.
Ищу ль я, ищу
Ласкову своячину.
Я в веночке,
Я в зеленочке;
Хожу ль, гуляю
По городочку.

Может быть, сердце молодца давно уже избрало себе ладу, но он хранит желание в своей душе до поры.

Я в веночке,
Я в зеленочке.
Ласковый тестик,
Вари пива, меду!
Я в веночке,
Я в зеленочке.
Ласкова теща,
Пеки пироги!
Я в веночке,
Я в зеленочке.
Ласковый шурин,
Седлай коня врана!

Я в веночке,
Я в зеленочке.
Ласкова своячина,
Шей ты ширинку!

Свадебный пир еще далек; поющий хор дает этой песне тон простодушной насмешки.

Вы, добрые люди!
Жалуйте на свадьбу,
Хлеба, соли ести;
Пива, меду пити.
Расхвалили люди
Борисову свадьбу.
На свадьбе Бориса
Пива, меду нету,
Хлеба не бывало,
А соль оскудала.

Потом веселая толпа отправляется к реке, чтобы бросать венки свои и гадать по ним о будущем. Направляясь к берегу реки, хор поет:

Пойду на Дунай, на реку,
Стану на крутом берегу.
Брошу венок на воду;
Отойду подале, погляжу:
Тонет ли, не тонет ли
Венок мой на воде;
Мой веночик потонул,
Меня милый вспомянул:
Меня милый вспомянул:
«О, свет, моя ласковая!
О, свет, моя приветливая!»

Бросая венки с берега, девушки замечают, как вода уносит эти венки, и потом гадают и объясняют по ходу и по форме движения последних значение своего будущего.

Принеся невольную дань доверия неизвестному будущему, они возвращаются в свое село при пении; но в это время поют произвольно:

У нашего у соседушки
Весела была беседашка.
Во беседашке у соседушки
Сидят люди добрые;
Люди добрые, гости званные,
Старички почетные:
У батюшки старички;
У матушки старушки;
У братца товарищи;
У сестрицы подруженьки,
У мила дружка товарищи.
Торил Ванюшка дорожку
Ко Дуняшину подворью,
Ко ее красну окошку.
«Здравствуй, Дунюшка, Дуняша!
Ты за что любишь Ивана?» –
«Я за то люблю Ивана:
Его личико румяно,
Головушка кудревата.
На головке черна шляпа,
А во шляпе-то платочек,
Дуняшин дарочек».

Затем девушки занимаются хороводными играми или песнями, и только темная ночь прекращает их веселье.

VI. ТРОИЦЫН ДЕНЬ

Нельзя определить времени происхождения Троицыных игр. Большая часть поверий и обрядов теряется в глубокое древности; но суеверные понятия о них остались еще в обыкновениях, из коих многие служат предметом к зага-

дыванию, забавам и веселию, как, например, развивание и пускание на воду венков, украшение домов зеленью, цветами и плетеными венками.

ЗНАМЕНОВАНИЕ ЗЕЛЕННЫХ ВЕТВЕЙ И УКРАШЕНИЕ ЗЕЛЕНЬЮ

Употребление цветов и зеленых ветвей в язычестве заменяло чувствования сердца: масличная ветвь знаменовала общественный мир; лавровая – победу, а дубовая – славу. Посему в торжественные шествия они носились по городу и потом хранились в храмах. У иудеев украшение домов и городов цветами и деревьями утвердилось в воспоминание заповедей, полученных Моисеем от Бога на горе Синае. У них в мае месяце, в котором праздновались их зеленые Святки, украшали подсвечники, потолки, окна, здания и храмы зеленью, цветами, цветочными венками и многолиственными деревьями. Сей обычай, без сомнения, перешел от них к прочим народам.

УКРАШЕНИЕ ЗЕЛЕНЬЮ В РОССИИ И ДРУГИХ СТРАНАХ

В Литве и Польше в Троицын день украшались церкви, дома вельмож и убогие хижины зелеными деревьями, цветами и травами; даже лавки, двери, окна и постели. Это самое в обычае доныне в Малороссии и в большей части России. С некоторого времени в Литве и Польше значительно уменьшился обычай убирать дома зелеными деревьями по причине ощутительного недостатка в лесе. На Жмуде в Духов день (Секминес) пастухи ездят на лошадях с песнями для отвращения непогод и засухи на пастбищах. В Германии доселе в употреблении троицкие деревья, троицкие и майские пляски, и убирают церкви и колокольни цветами и березками. В Англии равно существовали незадолго перед сим Троицкие

игры. В Венеции совершали ежегодно в Троицын день торжественное обручение дожа с Адриатическим морем.

ТРОИЦЫН ДЕНЬ, В СТАРИНУ СРОЧНЫЙ ДЕНЬ. А СУББОТА ТРОИЦКАЯ – ПОМИНАЛЬНАЯ

В России Троицын день долго служил срочным временем (до XVII в.) ко внесению податей, решению спорных дел и совершению всякого рода закладов, выкупов, продаж и новых условий по хозяйственной части, а в глубокой древности в Троицкую субботу совершали языческие обряды. Мужчины и женщины сходились на жальниках (могилах) и плакали над гробами с великим криком. Когда заигрывали скоморохи и гудочки, тогда они переставали плакать и начинали скакать, плясать и бить в ладоши на могилах¹.

Почти по всей России Троицкая неделя называется зеленою, но около Стародуба (Чернигов. губ.) она называется *гренухой* и *гренушкою*.

ЗАВИВАНИЕ ВЕНКОВ ПО РАЗНЫМ МЕСТАМ

В Белоруссии Троицын день в числе последних весенних праздников; с ним прекращается и катание красных яиц. Здесь на другой день Сошествия Святого Духа выют в березовых рощах венки, которые вешают на деревья, и поют:

Русалочки, земляночки,
На дуб лезли, кору грызли,
Звалилися, забилися.
Троица!

Думают, что в Троицын день русалки падают с деревьев. Завив венки, девушки скачут вокруг дерева и, хлопая в ладоши, поют:

¹ Стогл., гл. 41–44.

Мы венки завивали,
Мы горелочки попили
И яичницу поели.

В знак дружбы меняются между собою кольцами. Потом старшая из них садится на землю; ее покрывают платком и привязывают к колу. Она задремывает. Прочие девушки, взявшись за руки, танцуют около нее и поют. Но вдруг выскакивает женщина, скачет среди них высоко, как может, и бьет по рукам девиц. Поднимается смех и потеха. После начинают угощать вином, но такое угощение, сопровождаемое музыкою, отправляется по большей части около гумна.

В следующее воскресенье гадают о долговечности родителей, сестер, братьев, мужа, детей и дорогого для сердца, потом все идут в стройном порядке развивать венки. Если чей венок не засох, тому долго жить, чей же засох, тому недолго жить. Однако еще остается надежда на испытание: снимают засохшие венки и бросают в воду. Когда плывет – верный знак долгой жизни; когда потонул – умереть непременно, в этот же самый год. При развивании венков поют:

На Троицу мы венки завили,
На разгары развивали,
Горелочку попили
И яичницу поели.

После этого девушки снова меняются кольцами и танцуют.

От зеленой недели до следующего воскресенья не занимаются никакой работой, боясь прогневить русалок¹ и думая, что скот родится с кривыми головами и ногами.

Некогда предавали русалок проклятию. Верили, что они с черными волосами и черными глазами; жили в лугах и качались на сучьях деревьев. Завидев кого-либо, манили к себе, приговаривая: «Га! га! хадзиц к нам на арели (на люльке) колыхаця». Беда тому, кто подходил к ним: его уродовали.

¹ Суеверы думают еще, что в субботу перед Троицей будет преставление света; а другие ожидают его в этот день.

По мнению народа, русалки суть дети затерянных, или умерших без крещения, или злых белороссиянок¹.

В Малороссии завивают венки с особой радостью. Девушки отправляются на луг и собирают там любимые ими душистые травы: ландыш, барвинок, васильки, незабудки и другие и плетут из них венки при пении:

Ой, завью венки, та на вси Святки,
Ой, на вси Святки, на вси праздники.
Да рано, рано – на вси праздники.
А в бору сосна колыхалася,
Дочка батиньки дожидалася.
«Ой, мий батиньку, мий голубчику,
Ты прибудь ко мни, хоть на одно лито,
У мене в тыни, перед воротами,
Сине море разливаеця».
Паны и гетманы позбигалися,
Вси сему диву дивовалися.

По завитии венков убирают ими сами себе голову и возвращаются домой с пением.

В Троицын день поют еще:

Прилитила зозулинька,
З темного лисочку;
Сила, пала, заковала
В зеленом садочку.
Ой, як вийшла Марусенька,
В ней запытала:
Скажи мени, зозулинько,
Чи довго буду в батька?
Будешь, мила Марусинько,
Сей день до вечора,
Бодай же ты, зозулинько,
Сим лит не ковала;

¹ «Север. арх.» 1822 г., «Dzien wileń.», 1817 г., т. 6; Gołęb. «Gr. i zab.», ч. 3, с. 277–279.

Що ты мени, молоденькой,
Правды не сказала...

Нельзя пропустить молчанием и того, как встречается и празднуется зеленая неделя в Малороссии. Там, куда ни посмотрите, все и повсюду зеленеет. У порога хат поставлены зеленые деревья; перед окнами тоже; сами плетни убраны ветвями. Войдете в белую, чистенькую хату – и там благоухающая зелень. В переднем углу, называемом покутом, стоит зеленое кленовое дерево, которое осеняет собою стол, накрытый белою скатертью; на столе лежит хлеб с солью¹, за образами воткнуты бузок (сирень) и гвоздики: на стенах и по потолку тоже бузок душистый и гвоздика; пол усыпан травой, на окошках раскидана свежая трава, чебрец благовонный и полынь противу чародействия; в поливнянных стаканах и в кувшинах, расставленных по окошкам и главному столу, красуются пивония, лилия, оксамит, фиалки, пижма, Божие дерево и другие. Под иконами теплится лампада или маленькая восковая свечка, коей тусклый свет, едва пробивающийся сквозь густоту бальзамических растений, навевает на сердце и радость, и чувство благоговения. Жители, истопив печи и приведя в избе все в порядок, одеваются в праздничный наряд; потом садятся по скамьям и, сложив руки, ожидают с чистосердечной набожностью благовеста. Раздался колокол, все привстали и перекрестились. Звон пробил три раза, народ зашумел, засуетился и повалил в церковь. Белеют юбки, пестреют разноцветные запаски, звездятся дукаты на загоревших шеях, блестят цветные мониста, развеваются по ветру узорчатые и гладкие ленты, вплетенные в косы девиц, коих головы, кроме лент, убраны еще барвинком и другими цветами. В руках каждой девушки веточка полыни и барвинка. Парни в черных и серых суконных свитках, подтянутые красными, зелеными и белыми поясами, в черных и сивых смушковых шапках, с суконными или плисовыми

¹ В Малороссии есть обыкновение класть на стол в большие праздники хлеб и соль. Его снимают со стола, когда возвратятся от обедни и садятся обедать.

вершками, идут чинно и веселой поступью. Все они, поравнявшись с пожилыми людьми, снимают перед ними шапку; последние приветствуют их: «Добры день, будьте здоровы, з святою недилею». Старики, одетые без щегольства, но чисто и опрятно, приближаются к церкви мерными шагами; набожность отсвечивается на их лицах. Женщины преклонных лет в белых длинных свитках и с намитками на голове идут скромно, подавая собою пример детям и внукам. После обедни поднимается радостный шум и говор. В стороне стоит высокий шест, который снизу доверху увит зелеными ветвями и цветами; около него насажены в кружок кленовые, липовые и березовые деревья. Сюда стекаются веселые толпы; раздаются песни, и начинаются пляски и хороводы; вдали и около бренчат неутомимые балалайки. Веселье продолжается до темной ночи.

На другой день недели, поутру рано, отправляются девушки купаться. У каждой из них на голове венки, а в руке полынь. С ними они входят в реку и ныряют: венки всплывают с их голов; после они выходят на берег и следят глазами за венками. Чей венок принесется водою первым к берегу, та думает, что она прежде всех своих подруг выйдет замуж; чей вторым, та после своей подруги, и так далее. Но если венок начнет качаться на одном месте и не плывет — не выйти замуж; чей потонет, той умереть скоро.

Если бы захотели спросить у старых малороссиян, зачем в день Святой недели все носят полынь, то они расскажут вам легенду с простодушной уверенностью в ее истине. Святая неделя есть великий день малок; в этот день они выходят из воды повеселиться, погулять и кроются в траве, жите и в огородах. Они нападают на человека и щекочут его. Бедный смеется до тех пор, пока не умирает от смеха. Если же человек имеет при себе полынь, то малки боятся его и не смеют даже приблизиться к нему. Оттого дети, взрослые и старики, идя купаться, на гулянье, в поле, в огород, даже гуляя по селу, всегда носят при себе полынь. Поэтому-то раскладывают полынь на окошках, посыпают ею пол в хатах, бросают в се-

нях, бросают на пороге и во дворе, чтобы малки не дерзали приближаться даже ко двору. Случалось не раз человеку, что малка, встретившись с ним, спрашивала его: «Що у тебе?» Если он отвечал: «Полынь» и показывал, то она, сказав: «Цур тобі з ним», – удалялась от него; но если встретившийся имел при себе мяту и скажет: «Мята», – то она, ответив ему: «Тут тобі хата», начинает щекотать и зашекотывает до смерти. Что же это за малки? Маленькие дети, которые умирали некрещенными. Души после их смерти переселяются жить в реки и озера, где они плавают золотыми рыбками. Иногда они превращаются в девушек и, показываясь на берегах, манят к себе проходящих; когда эти приближаются к ним, тогда они скрываются в воду; но бывало, что малки уносили с собою на дно реки парней, с коими они любят забавляться.

Не верите этой легенде? Такова всякая легенда, но позвольте, имейте терпение выслушать до конца рассказ одного старика, который божится и присягает за достоверность легенды.

В день Святой недели он шел вечером, когда был еще парубком, в свою деревню; не доходя за полверсты до деревни была могила; на той могиле стояло три креста. Он смотрит: под крестами сидят шесть барышень, одетых пышно, как царевны, лица их были румяны, словно калина. Таких красавиц он не видывал отроду. Он подумал сначала, что это какие-нибудь проезжие пани зашли посмотреть намалеванный крест (разрисованный), который недавно был поставлен над умершим приказчиком. Подходит ближе, барышни начали перекидываться и знай что-то приговаривают; он подошел еще ближе, прислушался, и волосы стали дыбом на его голове. Одна покатила с могилы, закричала: «Ух! у мене соломенный дух; мене мати уродила, нехрещену положила». За ней другая, третья и так все, и все приговаривают те же самые слова. «Счастье мое, – говорил он, – что я имел при себе полынь, был бы мне тут аминь». Когда малки разбежались, тогда он перекрестился, спрятал полынь в кишеню (карман), побежал в деревню, рассказал об этом случае всем встречным, крестился и божился, что это правда.

Цветы и травы, находимые в Троицын день, хранятся в домах как предохранительное средство от разных недугов. Перед захождением солнца, когда умолкают песни и прекращаются хороводы, поселяне пускают венки на воду, наблюдая, чей как поплывет: закружится ли, повернется или потонет? Правильное и спокойное плавание означает счастливый успех; кружение – неблагоприятное окончание дела, а потопление – несчастное событие. Гадания, производимые девицами о выходе замуж, о женихе, о будущем счастье и тому подобное, часто производят печальные впечатления на целое семейство. После пускания венков на воду, что не везде соблюдается одинаково, – иногда поутру, иногда в полдень, – отправляются девушки в березовые рощи при пении радостных песен и там играют в хороводы, вяют новые венки, угощают друг друга и веселятся играми и плясками. Суворов любил праздновать Троицын день и семик в березовой роще. Тут он обедал с своими гостями под кудрявыми березками, испещренными разноцветными лентами, при пении народных песен; после обеда играл в хороводы не только с девушками, но и с солдатами и забавлялся играми, из коих особенно любил: «Жив, жив, курилка».

В Петербургской губернии плетут венки накануне Троицына дня, в этот день пускают их на воду с разными гаданиями и верованиями. Девушки замечают всякое движение плывущего венка, и если он потонет, то непременно несчастье!

По этому случаю составила в народе памятная песнь:

Во садику девки гуляли,
Калина моя, малина моя!
Во саду красные гуляли,
Калина моя, малина моя!
Цветки сорывали, венки совивали,
Калина моя, малина моя!
Во Неву-реку бросали,
Калина моя, малина моя!
Кто венок поймает,
Калина моя, малина моя!

За того замуж пойду.
Калина моя, малина моя!
Где ни взялся молодчик,
Калина моя, малина моя!
Из суровского ряду,
Калина моя, малина моя!

Разувался, раздевался,
Калина моя, малина моя!
Во Неву-реку бросался.
Калина моя, малина моя!
Как веночек-то дале,
Калина моя, малина моя!
Молодец-то ведь тонет,
Калина моя, малина моя!
Как веночек повернулся,
Калина моя, малина моя!
Молодец захлебнулся,
Калина моя, малина моя!

Если веночек, не коснувшись берегов, уплывет и не потонет, то сбудутся желания девицы.

После пускания венков отправляются в рощи или в окрестные сады: там забавляются играми, хороводами, пляшут и поют между разнообразными песнями Троицкую песнь:

Благослови, Троица,
Богородица!
Нам в лес пойти,
Веночек соплести,
Ой, дид, ой, ладо!
Свекру-батюшке,
Свекрови-матушке;
Свекру-батюшке малиновый;
Свекрови-матушке калиновый.
Ой, дид, ой, ладо!
Пойду ль я пешком,
Лужком, бережком;

Сломлю ль с сыра дуба веточку,
Брошу на быструю реченьку;
Ой, дид, ой, ладо!
Не тонет, не плывет
С сыра дуба веточка.
Не тужит по мне
Ни свекор-батюшка,
Ни свекровь-матушка.
Ой, дид, ой, ладо!

В Московской губернии пускают на воду при загадывании пучки тех цветов, которые стояли в церкви.

В Калужской губернии существовало обыкновение, которое местами отправляется поныне, что парень, задумавший жениться, должен вытащить из воды венок для той, которую просит за себя. Вытащивши венок, он может свататься.

В Рязанской губернии девицы и молодые женщины ходят завивать венки в рощу. Набрав полевых цветов и душистых трав, они садятся под ветвистым деревом или где им понравится в хороводный кружок и поют песни с припевом *Лелю*; потом полудничают. По сплетении венков надевают их себе на голову и идут хороводом к р. Оке, в которую бросают с себя венки и гадают по их плаванью про будущую свою судьбу.

Завивание венков в Смоленской губернии совершается не в одно время, смотря по тому, в который день празднуют Сошествие Св. Духа и Св. Троицу. В Смоленском, Рославльском, Духовщинском, Краснинском, Елинском, Дорогобужском, Вельском и Поречском <уездах> Духов день празднуется в воскресенье, а Троица в понедельник: поэтому завивают венки в понедельник. Точно в таком порядке празднуют эти дни в Могилевской и Витебской губерниях; но в уездах Вяземском, Гжатском, Сычевском и Юхновском Смоленской же губернии Троицын день празднуют в воскресенье, а Духов в понедельник; посему завивают и венки в воскресенье. Так празднуют в губерниях С.-Петербургской, Новгородской, Псковской.

В завивании венков кроме девиц и молодых женщин принимают участие пожилые обоих полов; венки завивают с музыкою и пением, начиная от дома или селения, из которого выходят в рошу или в лес:

Мы пойдем, девочки,
Во луга гулять,
Ай, люли, люли, во луга гулять!
Во луга гулять,
Венки завивать,
Ай, люли, люли, венки завивать.
Мы завьем веночки
На все красны денечки.
Ай, люли, люли, на красны денечки.
Благослови, Троица,
Богородица,
Нам в лес пойти,
Венок сплести,
Ай, люли, люли, венок сплести.

При завивании поют:

Благослови, Троица,
Богородица,
Нам венок сплести;
Ай, люли, люли, нам венок сплести;
Свекру-батюшке,
Свекрови-матушке,
Ай, люли, люли, свекрови-матушке:
Свекру-батюшке малиновый,
Свекрови-матушке калиновый;
Ай, люли, люли, калиновый,
А мне, молодой,
С гибкого ветийка,
Ай, люли, люли, с гибкого ветийка!

В Троицын день пускают венки на воду и гадают девушки и парни о суженых, а замужние и пожилые о смерти или

о горе и радости в жизни; когда венок не коснется берега реки и, не потонув, уплывет, тогда сбудется желание; в противном случае – неудача или смерть. При пускании венков поют:

Да пойду ль я тишком,
Лужком, бережком,
Ай, люли, люли, лужком, бережком.
Сломлю со сыра дуба веточку,
Брошу на быстру реченьку,
Ай, люли, люли, на быстру реченьку,

При неудаче в гадании поют:

Да грозна, грозна
Громовая туча!
Ай, люли, люли, громовая туча!
Грозней того нет,
Ко мне свекор едет.
Ай, люли, люли, ко мне свекор едет.
Ко мне свекор едет
Со лютой свекровью.
Ай, да люли, люли, со лютой свекровью.
Вы мостите мосты,
Гнилые колоды.
Ай, да люли, люли, гнилые колоды.
Забивайте гвозди,
Еловые шишки.
Ай, да люли, люли, еловые шишки.
Чтобы мост обломился,
Лютый свекор залился.
Ай, да люли, люли, лютый свекор залился.

В некоторых местах Казанской губер<нии> выходят накануне Троицына дня со св. образами, чтобы служить молебны на поле, засеянном хлебом; поле и скот окропляют освященной водою. По окончании молебствия поселяне обоего пола пляшут и поют в честь Ярилы.

В Чебоксарском уезде (Казанской губернии) девушки из нескольких деревень, сходятся вместе на семике, едят яичницу и потом отправляются в лес завивать венки на березе. Возвратясь в деревню, выбирают лучшую избу, моют ее, даже соскабливают нечистоту со стен и выметаю двор. В этот день делается между ними ссыпчина (складчина), на которую каждая девушка приносит с собою часть муки, солоду, хмелю, и варят пиво. В Троицын день наряжаются девушки поутру рано в лучшие сарафаны и потом отправляются вместе в ту рощу, где завивали в семик венки; берут с собою березку, украшают ее лентами и приносят с пением в избранную ими для празднования избу. Здесь весь двор убирают березками и венками. Их праздник продолжается три дня, и сюда съезжается множество гостей из деревень и городов. Все веселятся, пляшут, поют, а девушки по большей части гадают о своих женихах или тут высматривают их. Без молодежи им праздник не праздник – то и раздолье, когда гуляет беспечная юность, то и наслаждение, когда радует весна жизни. Старухи и матушки, припоминая о своем давно минувшем веселии, говорят: мы гуляли лучше их! – но они говорят со вздохом и не без зависти к веселящимся.

В Пермской губернии не менее забавляются, как и в других местах. Гулянье происходит по большей части вне города. В Перми, за Кунгурской заставой, располагают круглые и веревочные качели; торгаши разбивают палатки или раскладывают на устроенных прилавочках пряники, орехи, сладкие плоды и разные напитки. Девушки и парни качаются на качелях; другие поют, а там пляшут. В Духов день предаются тем же самым забавам уже на горе, над речкою Егошкой. Считающие себя не простыми людьми прогуливаются по березовым аллеям, посаженным подле земляного вала.

В Пензенской и Симбирской губерниях Троицын и Духов дни сопровождаются странным обычаем. Девушки, одевшись в простые платья, сходятся на условленное место; там, избрав одну из своих подруг с названием *Костромы*,

кладут ее на доску, несут к реке и спускают в воду. Потом и сами туда бросаются за нею: купаются, поют, шалят и дурачатся. Порезвившись вдоволь, делают барабан из лубка, с ним идут домой при пении и глухом барабанном бое. Затем наряжаются в праздничные платья и играют в хороводы до вечера.

Еще есть другое обыкновение в Пензенской губернии: там за три дня до пятидесятницы все девушки отправляются хороводом в лес завивать венки. Пока идут к лесу, поют:

Ох ты, веснушка, весна,
Весна, барыня моя!
Что не в радости пришла,
Не в радости, не в чести,
Во великой сухоте.
Ох ты, сад ли мой, садик,
Сад, зеленый виноград:
Отчего, садик, повял?
В саду молодец гулял,
Тяжеленько вздыхал.
Тяжелее того девка плакала,
Не по батюшке, не по матушке,
По своем дружке, по Иванушке.
У Иванушки лицо белое,
Лицо белое, все румяное,
Все румяное, кудри русые,
На русых кудрях шляпа новая,
Шляпа новая со бархоткою.

Вошедши в лес, все рассыпаются в нем: там они ломают мелкие ветви деревьев, свивают из них венки, которые и оставляют на месте до самого праздника, но прежде всего, свив один венок, кумятся. Девиза подает сквозь венок другой девице яйцо и говорит:

Покумимся,
Кумушка,

Покумимся,
Голубушка!
Да ио, ио,
Семик да Троица!

После выходят из леса с песнею:

Ты не льсти меня словами,
Не обманывай в глаза!
Ты почувствуй, мой любезный,
Что я буду говорить,
Все досады перенесла
На своей белой груди.

Наскучив песнью голосовую, они затягивают скомо-
рошную:

Негодный сын таракан,
Купил девке сарафан.
Она его не носит,
Бумажненького просит.

В день праздника все девицы отправляются за венками
и поют которую-нибудь из прописанных песен. На обратном
пути, подходя к селу или деревне, поют:

Да ио, ио, семик да и Троица!
По этой по улице
Разлив разливается,
Да ио, ио, семик да и Троица!
Во этом разливчике
Утоп добрый молодец¹.
Да ио, ио, семик да и Троица!
С своим вороным конем,
С черкасским седельцем.
Да ио, ио, семик да и Троица!

¹ Здесь называют по имени и отчеству.

Подойдя к реке, девицы бросают свои венки в воду и смотрят: не тонет ли который из них? Чей потонет, той быть замужем. Прежде, нежели разойдутся по домам, опять поют:

Раскумимся, кумушка,
Раскумимся, голубушка,
Да ио, ио, семик да и Троица!

Тем и оканчивается завивание венков. В последний день весны прежде всего хлопочут, как бы проводить ее почестнее. Трое или четверо молодых ребят, накрывшись двумя или тремя пологам, образуют из себя подобие лошади, довольно уродливой. Одна из женщин наряжается в солдатский мундир и панталоны и командует тремя лошадьми. Все девицы провожают их за свое село или деревню и прощаются с ними в ознаменование последнего веселья, и это называется *проводами весны*. После всю ночь идет веселье и пляска. Так оканчивается последний день весны. С Петровского поста до глубокой осени все заняты тяжелыми работами: сенокосом, уборкой хлеба и т. п. и поэтому расстаются с весной не без грусти.

В Муроме в первое воскресенье после Троицына дня погребают *Кострому*, а во Владимире на Клязьме погребают в это самое время *Ладу*.

При завивании венков в Калужской губ<ернии> занимает главное место при угощении дробчена и пироги. Последний делается наподобие колпака; внутренность его почти вся видна по причине тестяной наверху его плетенки. Под спод привешивают два окрашенных пустых яйца. Пирог этот хранится до развития венков, и во время забав поется хороводная песнь:

А мы просо сеяли, сеяли...

По развитии венков отправляются с песнями к мосту или речке и, сняв с головы венки, бросают их в воду, замечая: если

чей венок не тонет, того мать или другой кто из родных умрет в тот самый год, хотя этого почти никогда не случается, однако загадывающие остаются в убеждении.

В Орловской губ<ернии> пекут на Троицын день два каравая: это печенье называется *молением каравая*. Один едят за столом, а с другим ходят девушки в рощу завивать венки.

В Псковской губ<ернии> *прочищают глаза у родителей*. Это значит, что дети обметают и опахивают тогда могилы своих родителей Троицкими цветами, связанными в большой пук, наподобие веника.

В Петербурге также ходят в Троицын день на могилы: посыпают их цветами и обставляют березками; поминают своих родителей и проводят целый день с покойниками, думая, что они беседуют, веселятся и горюют с ними. В этот день поминают еще не одних родных, но и знакомых.

В некоторых местах Енисейской губ<ернии> одевают березку в пестрое платье и ставят ее в клеть до Троицына дня. Это чучело из березки называется *гостейкою*. В Троицын день после обедни выносят девушки с парнями гостейку за селение; завивают в роще венки и пляшут около гостейки; потом пускают на воду плетеные венки и гадают.

Из местных обычаев на Троицын день не менее замечателен у волжских жителей. Завив березки в роще, отправляются с венками к реке Волге при радостном пении:

Глубока река, берега рвала,
Ох, люли, берега рвала!
Уж я молода по бережку шла,
Ох, люли, по бережку шла!
По бережку шла и цветы рвала,
Меня молодую туда сорвало,
Вниз понесло, к донским казакам,
Ох, люли, к донским казакам.

По развитию венков бросают их в воду: чей венок прямо поплывет, той выйти замуж в тот же год; чей потонет, той сидеть в девках.

По окончании загадывания возвращаются домой с пением:

Грушица, грушица, зеленый виноград,
Под грушицей светлица стоит,
Во светлице девушка сидит,
Забавные речи говорит:
Ах, нонече какие времена!
Сушат жен хорошие мужья,
А девушек дальние друзья.
Всяка девка себе дружка зажила:
Дальний друг – большая сухота,
Ближний друг – веселье завсегда.
Призвала дружка на часок побывать;
Уняла его и ночку ночевать;
Упросила неделюшку пожить,
Принуждает его силою любить.
Уже силою не буду я любить,
По неволе я не буду целовать¹.

В Воронежской губернии существовал обычай, что девушки завивали венки поутру Троицына дня, а развивали и пускали на воду в самый праздник уже вечером. Для праздника строили шалаш за городом, убирали его венками, цветами и душистою зеленью; внутри него ставили чучело, одетое в богатое платье, мужское или женское. Около шалаша толпились люди обоего пола, раскладывали на застланных скатертью столах или на земле нарочно приготовленное кушанье и ставили разного рода напитки: мед, пиво, варенуху и водку; садились и угощали друг друга; затем начинали петь и плясать около шатра. Девушки и молодые парни составляли хоровод с песнями и пели:

Луговая коростель,
Ладо, ладо, коростель!
Не кричи рано по зоре,
Не буди меня рано на зоре!
У меня матушка – мачеха.
Она меня поздно спать кладет,

¹ Снегир. «Русск. прост. пр. и суев. обр.», ч. III, с. 148–151.

Она меня рано взбуживает
К легкому делу, к жерновам.
Луговая коростель,
Ладо, ладо, коростель!
Закричи рано по зоре,
Разбуди меня рано на зоре!
У меня матушка родная,
Она меня рано спать кладет,
Она меня поздно взбуживает
К тяжелому делу, к пялицам.

В Семик и Троицын день при завивании венков разыгрывают в северной части России хороводную игру жениха и невесты. В середину хоровода помещают ловкого парня и печальную девушку. Хоровод ходит вокруг них и поет:

Ай, во поле, ай, во поле,
Ай, во широком раздолье!
Стоят шатры, стоят полотняны,
Во шатрах сидят князья, бояре,
За шатром гуляет гостинин сын.
Он во гусли играет,
Девушку утешает:
«Не плачь, не плачь, девушка,
Не плачь, не плачь, красная!
Сошью тебе, девушка,
Шубку, юбку, телогрейку;
Подарю моницы с камнями,
Серьги со жемчугами».
Ай, во поле, ай, во поле,
Ай, во широком раздолье!

Стоят шатры, стоят полотняные,
Во шатрах сидят князья, бояре,
За шатром красна девица гуляет.
Девица речи ведет
К гостинцу молодцу:
«Не надобно, молодец,

Ни шубки, юбки, телогрейки,
Ни монисты со камнями,
Ни серег с жемчугами.
Пусти меня, молодец,
С девицами гулять!»
«Тогда тебя отпущу,
Когда русу косу расплету».

Эта хороводная игра, выражающая грусть девушки по ее свободе, которая для нее дороже всех подарков, оканчивалась в старину расплетением косы. Девушка всегда восхищается волнистою своей косою, но как она плачет, когда расплетают ее! Наши песни о русской косе запечатлены душевною тоской. Так пели наши предки, так оно и было. А теперь не то время! Теперь каждая девушка расплетает с радостью свою косу, чтобы ей быть посвободнее. Замужем. Следующую песнь также поют во время Троицких хороводов.

Конопля, конопля, зеленая моя!
Что ж ты, конопля, не весела стоишь?
«Ах, как мне, конопле, весело стоять?
Снизу меня, коноплю, бурей сломало,
Сверху коноплю воробьи клюют».

Девка ты, девушка красная!
Что ж ты, девушка, невесело сидишь?
«Ах, как мне, девушке, веселой быть!
Мой батюшка хочет замуж отдавать,
А мачеха хочет в черницы постричь,
Мой батюшка пошел бояр собирать,
А мачеха пошла за игуменью».

Скрипнули ворота растворчатые,
Брехнула собака борзая на цепи,
Мне чало (мне думалось), батюшка с боярами,
Ажю моя матушка с игуменью.
Садись, мое дитяtko, на золотое стульце,
Расплетай, мое милое, русую косу.
Пусти меня, матушка, на Дон погулять,
Белильцы, румянцы с лица постирать.

Смоем, мое дитятко, горячей слезой,
Сотрем, мое милое, пельчатый рукавом¹.

ОКАМЕНЕЛЫЙ ХОРОВОД

Между суеверными предметами народ сохранил на берегу реки Мечи в селе Козьем (около Тулы) кучу камней, расположенных хороводным кругом. Там думают, что этот круг состоял из хороводных девушек, которые за неистовые пляски их на Троицын день превращены небесным громом в камни. Это похоже на Ниоба, превращенного громом с детьми в камни.

В древности ходили в священные рощи снимать кору с деревьев, березы, липы и дуба и прикладывали ее к ранам. Добывая огонь из священных деревьев <с> помощью трения, хранили его дома. Другие брали кусочек затлевающегося дерева или щепочку золы и берегли у себя, думая предохраниться от заразы. Спинную боль излечивали топтанием ногами по хребту спины, в священной роще².

ВЫБОР НЕВЕСТ В ЛЕТНЕМ САДУ В ПЕТЕРБУРГЕ

Странное сохранилось доньше обыкновение в Петербурге. Спустя неделю после первого воскресенья от Троицы молодые люди выбирают себе невест в Летнем саду. Туда стекается из столицы в четыре или пять часов пополудни все, что может ходить и двигаться, чтобы посмотреть, полюбоваться и самих себя выказать. Музыка гремит безумолчно, по всем углам сада, в коем гуляют в богатых и изысканных нарядах, гуляют и замечают друг друга. Хотя это гулянье собственно купеческое, однако под их вывескою расхаживают и другие, кто ищет себе жениха или невесты. Девушки и молодые вдовушки из купеческого и мещанского сословия одеваются с расточительной роскошью, в дорожие платья, голову и шею унижают жемчугом

¹ «Украинский журн.», 1824 г., № 11.

² «De Russ. relig. et ritib.», ed. 1581 г.

и бриллиантами; в уши вдевают драгоценные серьги; пальцы испещряют перстнями и кольцами. Разряженные невесты ходят по главной аллее, со своими матерями и родственницами; женихи, которые стоят по обеим сторонам аллеи, высматривают невест и потом объявляют о своем выборе стоящей возле них свахе. Эти передают условия и желания жениха, и дело по большей части в шляпе. Часто женятся весьма забавно. Многие из женихов, думая, что драгоценное украшение девушки, которое видели на ней, есть ее собственное, между тем как все это берется от бриллианщиков напрокат, опрометью ищут руки в той надежде, что обогатятся наверно. Но как они обманываются жестоко! В удел достается нередко одно подвенечное платье, и в том, увы, все богатство!

VII. ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ

ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ

Это не есть народный праздник, а один веселый обычай: обманывать в первый день апреля. На Востоке и в древней Европе он составлял часть языческого празднества. У нас на Руси он никогда не был в числе празднеств; ныне же он служит к неистощимым забавам и шуткам¹.

Первое апреля обязано своим происхождением Востоку. В глубокой древности праздновали индейцы, и ныне празднуют в это время рождение бога Шивы, и его праздник называется *Гули* или *Голака*. В честь его представляют разные игры, сопровождаемые обманами.

У римлян первое апреля посвящалось божеству *смеха* и составляло народное празднество. Смеялись, шутили, выдумывали обманы, переодевались и наряжались для обмана.

Евреи, предвидя Воскресение Иисуса Христа, распустили в народе ложную молву, что Спаситель не воскреснет, разве тело Его похитят ученики. Когда божественное Воскресение

¹ Gołęb. «Gr. i zab. różn. stan.», War. 1831.

совершилось, тогда ученики везде провозглашали с торжеством: «Христос воскрес». Неверовавшие в Воскресение отвечали: «Неправда». Но как Воскресение случилось первого апреля, то первое число этого месяца сделалось предметом посмеяния над евреями, разглашавшими повсюду неправду о невоскресении Христовом. Иудеи думали, что, обманывая себя, обманут весь свет. Со временем этот обман обратился в шуточный и доселе господствует по всей Европе. У нас, особенно в Петербурге, непостоянная апрельская погода применена к непостоянству самих женщин. Прекрасный пол привык к этому сравнению. Любовные проказы, супружеские измены, обыкновенные во всей подлунной, оправдываются в столице непостоянством апрельским, а если уж большие грехи, то годичным непостоянством климата.

Так, должно быть, говорят обманываемые в свое утешение. Нигде первое апреля так не кстати, как в Петербурге.

АПРЕЛЬСКИЙ ДУРАК И АПРЕЛЬСКАЯ РЫБА

Обманутый первого апреля называется *дураком*. У англичан, шотландцев, датчан, шведов, норвежцев и немцев этот день называется днем всех дураков.

Во Франции апрельская шутка называется *апрельской рыбою*, означая этим, что людей так легко обманывать, как немых рыб. В это время там и в некоторых местах Германии говорят еще: посылать от Пилата к Ироду, то есть когда дело во всем чистое, посылать вновь на суд. Выражение это вошло, конечно, в употребление с тех пор, когда водили Спасителя от Пилата к Ироду.

Чехи и словаки употребляют выражение «*послати кого с апрелем*».

ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ В РОССИИ

Обычай обманывать первого апреля занесен в Россию иностранцами, нет сомнения, до времен Петра I. В 1700 году

явившаяся в Москве на площади труппа немецких комедиантов объявила всенародно, что первого апреля, в день представления *разных забавных и невиданных штук*, содержатель их, немец, покажет на себе чудо из чудес: он влезет в обыкновенную бутылку. Когда народ собрался и долго ожидал с нетерпением, тогда открылся занавес и на освещенном огнями театре явилась бутылка с белой надписью на стене: «Апреля, первое число». Государь, присутствовавший при этом представлении, остался недовольным шуткою, но, не обнаруживая гнева, он сказал с усмешкой: «Вот вольность актеров»¹. Впоследствии первоапрельские забавы распространились у нас повсюду.

VIII. ПЕРВОЕ МАЯ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПЕРВОГО МАЯ

Гулянье и празднество в первое мая есть иностранное и введено Петром I. Рассматривая исторически происхождение празднества первого мая, мы тотчас узнаем по самому <названию>, что оно, собственно, есть римское и не древнее 740 лет до Р. Х. Месяц май (*maius*) назван Ромулом в память разделения народа на части, из коих одна именовалась *маиорес*, предками. По мнению некоторых, май назван от имени *Майи*, дочери Атланта, матери Меркурия. Сабинцы приносили жертвы в первый день мая домашним богам ларам, а знатные римлянки *доброй* богине в доме первосвященника. Мужчины не могли присутствовать при этом жертвоприношении. Сами картины и статуи, изображавшие мужчин, были в то время завешаны. Римский народ поставлял за грех вступать в брак в продолжение этого месяца по причине совершавшихся тогда набожных поминовений *лемуриям* – теням умерших. У нас май месяц тоже считается несчастливым для браков.

¹ Голик. «Деян. Петра В.», ч. 2, с. 11.

Май сначала был третий, а потом пятый месяц в году. Нума Помпилий, второй царь по Ромуле, восстановив празднества на разные народные случаи, ввел в обыкновение праздновать первое мая; но о значении празднования мнения писателей различны. Одни утверждают, что празднество у римлян, называвшееся *маиоме*, совершалось в честь богини *Майи*; другие думают, что оно перешло с Востока, из города *Маиомы*, и отправлялось не в мае, но в августе. С большею вероятностью доказывают многие, что майское празднество произошло от празднеств Флоры, которые были известны в языческом Риме под именем *цветных или зеленых забав* (*floralia sev ludi florales*); начинались с 28 апреля и оканчивались первого мая. В это время обливали друг друга водою и открывали общее купание.

Майские или цветные забавы совершались в европейских государствах с давнего времени. В Риме и почти во всей Италии жители обоего пола выходили из города в поле первого числа с утреннею зорей большими толпами; музыка и пляска сопровождали их шествие и увеличивали общую радость. Наломав зеленых ветвей, они входили с шумной веселостью в город, украшали ими ворота и дома своих родственников, друзей и почтенных заслугами людей. Все ожидали их на улицах перед своими домами и угощали разными кушаньями. Весь день и часто всю ночь проводили в веселии и никакими не занимались делами. Правители, дворянство и граждане всех сословий сливались в одно ликующее семейство. Многие увенчивали себя молодыми ветвями, и считалось некоторым образом за бесчестие не иметь этого убора. Простодушные пляски, начинавшиеся чистосердечной радостью о возвращении весны, переходили в сладострастные и увлекали к чувственному наслаждению. Сначала то было невинное удовольствие, потом рождалось постепенно приятное ощущение от объятий девушки с мужчиною, и, наконец, это обращалось в упоительный источник страстей. Такой переход от невоображаемого к существенному поощрял соблазн, который заставлял трепетать умных правителей. Рим и вся Италия погружалась тогда в отвратительное веселье; даже распутный

Тиверий гнушался им! Он строго воспрещал эти празднества, но запрещения уже не действовали¹: обыкновение обратилось в страсть, и празднование майских забав соделалось народною необходимостью. По распространении христианства в Европе первое мая праздновалось радостной встречей расцветшей весны: народ украшал себя и свои дома зеленью и цветами: пили, гуляли и веселились благодатным маем.

СЕЧЕНИЕ МУЖЕЙ ПЕРВОГО МАЯ

У французов существовал довольно умный обычай; первого мая секли тех мужей, которые давали волю своим женам².

И ныне существует в Европе много схожего с этим обычаем, но с тою только разницею, что жены секут своих мужей за то, что последние дают им волю.

ОБЩЕЕ ОБЫКНОВЕНИЕ МАЙСКИХ ЗАБАВ

У всех европейских народов майские гулянья ведутся с древних времен и сопровождаются танцами и хороводами вокруг майского дерева. Церкви, дома и дворы убирают, как у нас в Троицын день, зелеными деревьями, цветами и травою. Старинный немецкий радостный месяц (*Wonnemonat*) луговой и розовый май (*Wiese- und Rosen-monat*) и англосаксонский троемолочный – оттого, что в мае три раза доили коров – получили наименования от прекраснейшего времени в году, и первое мая повсюду встречалось и провожалось танцами, пением и музыкою; угощали друг друга и веселились.

ИЗГНАНИЕ ЧЕРТЕЙ И ВЕДЬМ И ДОБЫВАНИЕ ОГНЯ

В *валкуровую ночь*, которая известна в Германии и Швеции, накануне первого мая бегают мужчины с зажженными

¹ Успенский. «Опыт повеств. о древ. русск.», с. 644–645.

² Вестн. Евр. 1811 г. № 20.

пуками соломы, привязанной к длинным шестам, и стреляют в соседние горы. Это делают для того, чтобы разогнать чертей и ведьм, кои собираются на ту пору во множестве и замышляют истребить все растущее и засеянное¹. В других местах Германии первого мая добывают огонь трением дерева и раскладывают из него огонь в печи. Там думают еще, что в валкурову ночь колдуны, чародеи и ведьмы собираются на гору Броккен или Блокс-берг, как в Киеве на Лысую гору, совещаются с нечистой силою об истреблении садов, полей, рогатого скота, лошадей и других животных. Ведьмы со всем своим причтом получают тогда способность принимать на себя виды разных животных: летают змеями, ездят верхом на лопатах и помеле².

МАЙСКИЕ СОБРАНИЯ

У франков и англичан существовали долгое время в начале средних веков майские собрания, называвшиеся *майскими полями*, на коих присутствовал народ. Тут рассуждали о делах общественных, писали законы, и короли предлагали свои постановления. По закрытии совещаний пировали и веселились.

Во Франции еще при св. Людовике IX³ ставили зеленые деревья перед его дворцом, домами городских мэров и знатных господ. В Португалии и Испании одевают хорошенькую девушку в белое платье, убирают ее голову венком из цветов, возводят на приготовленное возвышенное место и провозглашают ее *маем* или богинею *розового* месяца. Другие молодые девушки, одетые также в белое платье и украшенные цветами, но без венков, окружают ее и поют песни; прочие делают сбор для своей царицы.

Кто не знает, что на Скандинавском полуострове и в древней Англии избирались из обоего пола юные майские цари и царицы? Головы их украшали венками и водили вокруг высокого майского шеста.

¹ «Энциклоп. лексик.», т. III.

² Klein. «Handbuch der German. Alterthumskunde».

³ В полов. XIII в.

Архиепископ упсальский Иоанн Магнус был наименован майским царем (1596 г.) самым королем и был торжественно водим по улицам в венке.

НЕИЗВЕСТНОСТЬ МАЙСКОГО ГУЛЯНЬЯ МЕЖДУ СЛАВЯНАМИ

В месяце мае, называвшемся у нас в древности *травнем*¹, совершались жертвоприношения духам, покровительствовавшим растениям и водам. Богемцы отправляли празднество в честь *колодцев*, с многочисленными жертвоприношениями².

В некоторых местах Польши праздновали с языческими обрядами май в честь богини *мая* и ей приносили жертвы. Это празднество заимствовано от германцев и, должно думать, не ранее XIII века, потому что оно до сего времени не было им известно. При короле Сигизмунде Августе, последнем из Ягеллонова дома (в конце XVI в.), существовал еще обычай, заимствованный от германцев, что молодые наряженные женщины собирались на луг, составляли хоровод, плясали и пели песни в честь весны. В Литве первое мая было народным празднеством. На лугу ставили зеленое дерево, испещренное разноцветными лентами. Девушки, молодые женщины и молодые мужчины, избрав из своей среды ловкую красавицу, именовали ее богиней мая, надевали ей на голову свежий венок, обвивали весь ее стан березовыми ветвями и отправлялись к зеленому дереву: тут плясали и пели, повторяя: «О, маяя, маяя»³. Словаки, лузийцы, чехи и поляки встречали маем весну и прогоняли из селений марену (смерть природы). Девы из Липтова и Любе-

¹ Снегир. («Русск. прост. празд. и пр.», выпуск III, с. 88) говорит, что у славянских племен месяц май известен то под именем *травня*, то *цветня*. Это ошибочно. Он никогда не был известен под именем *цветня*, а всегда под именем *травня*. Месяц апрель назывался *цветень*, *квецень* и *березозель*. (Кар. «И. Г. Р.», ч. I, с. 71, примеч. 159, изд. СПб.)

² Gebhardt. «Fortsetz. der Allgem. Weltgesch. der neuen Zeit», ч. 33, с. 253, ed. 1789. «Cosm. Pragens. ap. Meneken», т. I, с. 207, под 1093 г.

³ Gołęb. «Gr. i zabaw. różn. stan.».

ли собираются на цветную или смертную неделю, выносят из села на высокое место мурену в женском изображении...

Мальчики несут за муреной дедушку (дедка) в мужеском образе, одетого весьма бедно...

Дедушку представляют сидящим всю зиму в хлебных амбарах и поедающим хлеб, потому с весной выносят его. Мурена превращена в Малороссии в мару. В кралодворской рукописи изображается *марена* смертью. Там сохранилось народное верование, что если пробежит по телу дрожь, то это значит *марена* (ваша смерть).

КОКУЙ В МОСКВЕ И ВВЕДЕНИЕ МАЙСКОГО ГУЛЯНЬЯ

Немецкие ремесленники, художники и находившиеся на службе в Москве совершали в Немецкой слободе *кокуй*, гулянье первого мая, которое в простонародии проиеновалось *немецкими станами*. Петру I так понравилось это гулянье, что он обратил его в народное. Во всей России празднуют ныне первое мая. В деревнях и селах веселятся поселяне на травке-муравке. Распевают песни и угощают друг друга. Парни и девушки составляют игры и хороводы. В губернских городах справляют первое мая в городском саду, в коем играет музыка и поют песенники. Сюда съезжается весь город. С наступлением вечера освещаются аллеи разноцветными огнями, и всё гуляющее спешит поздравить губернатора с первым маем. Потом сжигают вне сада фейерверк, а в вокзале начинают танцы, которые оканчиваются с рассветом дня. В Петербурге и Москве майское гулянье господствует в большей степени, потому что им встречаются все предстоящие весенние и летние удовольствия.

В Петербурге первое мая празднуется с изысканной роскошью. Гулянье бывает в Екатерингофе¹. Император и весь

¹ Екатерингофский дворец, построенный Петром I для его супруги Екатерины I, которая все лето проживала в нем. Дворец этот находился первоначально вне города, а теперь вошел в городскую черту.

Императорский дом удостаивают гулянье своим посещением. Дипломатический корпус, знатные государственные чины, вельможи и дворянство участвуют во всеобщем веселии. Тысячи богатейших экипажей устилают дорогу, ведущую к саду. Прелестный пол отличается дорогими и щегольскими одеждами. Все и повсюду блестит золотом и вкусом. Кажется, что каждый хочет затмить друг друга сиянием и роскошью одежд. Сотни тысяч народа стекаются сюда. Музыка, качели и горы увеселяют любителей забав. Сотни палаток с разными сладостями разбиты в саду. Тысячи разносчиков с яблоками, апельсинами, коврижками и т. п. снуют по всем направлениям.

Гулянье начинается около двух часов пополудни и продолжается, если стоит хорошая погода, до рассвета.

МАЙСКИЕ РЕКРЕАЦИИ

В старые годы воспитанники духовного звания отправлялись первого мая в поле со своими наставниками для забав, которые посему получили название майских рекреаций. Особенно отличались рекреациями Переяславская и Черниговская семинарии, Харьковский коллегиум и Киевская академия. К первому числу мая пекли заблаговременно пироги, готовили жареное и варили на поле молочную кашу или ее приносили приготовленную из риса с изюмом и другими сладостями. Обед и все угощение приготавливалось из собранных складчиною денег. Распоряжение общим угощением поручалось особливо ловким молодым людям, которые, прибыв на поле прежде всех с запасом дополнительным: медом, пивом, винами, настойками и наливками, готовили столы для своих товарищей и гостей. Некоторые из студентов и семинаристов отряжались от своего общества еще накануне праздника пригласить на рекреацию ректора, инспектора и прочих наставников, прося их почтить празднество высоким своим посещением и удостоить поесть и попить. Другие, отличные в знании *элоквенции* и *пиитики*, сочиняли похвальные слова, диалоги, гимны, кантаты и все, что льстило самолюбию наставников, не забывая

вознести их тропами и фигурами и уверить нелицемерно, как они высоко почитают и любят их. Если бы случилось, что для написания торжественных стихов не достало вдохновения, то собирали совет: как бы тут помочь? По долгом и жарком прении решалось просить учителя элоквенции прибавить вдохновения к их речи. Все одобрительным голосом произносили: *excellenter! fiat sic* (превосходно! да будет так). В самый день рекреаций собирались воспитанники поутру на сборное место, одетые в праздничное платье, и отправлялись веселой толпою торжествовать первое мая. Там до прихода своих наставников иные забавлялись уже в мяч. Прочие помогали ставить и накрывать столы с кушаньем и заботились, чтобы все было готово и сделано хорошо. Когда начинали сходиться званные гости, тогда встречали их приветствием, а главного, почтеннейшего и любимого, встречали музыкою и провожали с поклонами до первого места. Спустя несколько времени подносили закуску, а потом подавали обед. Товарищи садились за другими столами. Во время обеда играла музыка и пили за здоровье своих начальников и учителей. Когда у робких питомцев развязывались язычки, тогда собирались говорить похвальные слова. Каждый поочередно вынимал из-за пазухи согретую пламенным сердцем речь и говорил до того, что весь захлебывался от пота, который катился с него градом, вместо радостных слез. Пылкий вития еще не окончил: он только начал; он твердит во всеуслышание, что все его товарищи глубоко запечатлели в своих сердцах высокие и мудрые правила своих мудрейших наставников. От слов его сверкали молниеносной восторженностью глаза наставников, которые, <будучи> уже *наэлектризованы* изливанием сочувственной души, требовали бокалов за *преуспевание* в науках. Им подавали безмерные, но наполненные воспламенительным одушевлением. Наставники после этого не слышали, что им льстили, а панегиристы сами не знали, что несли, и до того заносились, что одно утро раскрывало им глаза – они вставали из-под кустов от преуспевания.

После пира тешились разными играми, кто мог тешиться; не принимавшие участия в забавах выливали в свои же-

лудки остатки пиитического упоения. Музыканты и певчие развлекали сонных гостей громкими песнями, особенно любимейшею «*Gaudeamus igitur!*». Веселье продолжалось далеко за полночь¹.

¹ Ученики, получавшие воспитание в духовном заведении, были весьма бедные, потому жили в общественном доме, называемом бурсою, от коей им дано прозвание бурсаков. Бурса была во многом похожа на сарай: она строилась из плетня, внутри и снаружи <ее> обмазывали желтой глиной, крыша была соломенная; огромные двери и небольшие окошки. Название бурсы происходит от латинского *bursa*, означающее кошель, мешок, потому что питомцы, будучи большею частию убогие, ходили выпрашивать подаяние под окнами с мешками. Живя в одном доме, они имели особое управление; сословие всех бурсаков образовало могущественный Рим, коим повелевал консул с избранными сенаторами, ликторами и целерами. Рим находился под верховным ведением ректора. В консулы избирали старшего из богословов, прочие богословы и философы составляли сенаторов, риторы составляли ликторов, кои по указанию консула наказывали розгами, пииты образовывали целеров (бегунов), употреблявшихся на рассылки; все остальное называлось плебеями (простым народом). Если консул провинялся в чем-нибудь, например, поймали его в воровстве, то сенаторы доносили о том ректору, который немедленно лишал его величественного сана и, наказав, по мере преступления, розгами, батогами или палками, обращал в звание сенатора. Зато консул сам определял наказание находившимся под его властью. Если преступление подчиненного было важное, то он собирал сенаторов и советовался с ними. Консул и сенаторы господствовали деспотически, и <от> них все трепетало; они лучше всех ели и пили; для них плебеяне готовили лучшее кушанье. По указанию консула отправлялись они под предводительством сенаторов с мешками на плечах опустошать огородные овощи, воровать из закромов и амбаров муку, хлеб, крупу, просо, говядину; ходили по рынку мимо торговых, хватали хлеб и разное съестное, с добычей возвращались к консулу, который, осмотрев ее, похвалял сподвижников и приказывал особым кашеварам готовить обед или ужин. Такими промыслами кормились бурсаки. Беда, если они попадались в руки врагов: их били и представляли на суд ректору, но горе, если сенатор попадался в плен: его избивали немилосердно и представляли ректору, который торжественно наказывал его безжалостно розгами, так что сенатор не мог вставать с постели несколько дней. Главный промысел бурсаков составляло пение церковных стихов под окнами обывателей, за что певцы получали в награду муку, свиное сало, масло, зелень и говядину. Плебеяне одевались в пестрядинные халаты, ходили летом без сапог; сенаторы, ликторы и целеры носили длинные из толстого сукна сюртуки и ходили в сапогах, а консул был в усах, носил сюртук из тонкого сукна и ваксированные сапоги. Плебеяне спали на соломе или на голой земле, сенаторы на лавках, а консул в особом углу на постели. Его особа была

Рекреации были известны в европейских учебных заведениях с давних времен; отсюда они перешли в Польшу и Литву, а отсюда в Малороссию. В польских и литовских училищах они известны под именем *маиовок* (майского увеселения) и *рекреация маиове* (майские отдохновения). Первого мая собирались учащиеся по колокольчику на школьный двор. Взяв учебные знамена, отправлялись стройными рядами к ближайшим помещикам, которых они веселили разными забавами, представлениями, играми и музыкою. Помещики угощали учеников, которые вечером отходили домой с пением и музыкою. Случалось, что они посещали помещиков несколько дней сряду.

Сохранилось суеверное замечание, что май есть несчастное время для супругов. Римляне говорили пословицу: «В мае месяце выходят замуж злонравные» и еще: «Май весьма несчастлив для супругов». По их понятию месяц май никому не благоприятствует: ни вдовам, ни девицам.

Nec viduae taedis cadem, nec virginis apta
Tempora; quae nupsit, non diuturna fuit.
Haec quoque de causa, si te proverbis tangunt:
Mense malas majo nubere vulgis ait¹.

неприкосновенна и священна: ему дозволялось драть за уши виновных и невинных, трепать по щекам, тузить кулаками и рвать чубы; ему дозволялось пить штофами и курить. Когда консул бывал в веселом духе, тогда он позволял тешиться могущественному Риму: начинались кулачные бои, и страшно было смотреть. Мирные духом плебеяне ревели песни, от коих окошки дрожали: бренчали на балалайке и скакали впрысядку. Веселье прекращалось мгновенно, если заблагорассудит консул. Такова была жизнь бурсаков. Не многие из них оканчивали учение в молодых летах; некоторые выходили из учения с бородами длинными, почти на 48-м году жизни. Не в одной Юго-Западной России вели подобную жизнь бурсаки. Достигавшие возмужалости, но не окончившие еще учения оставляли семинарию, приставали к шайкам разбойников, ввергались в разврат. Во всей Европе до полов. XVIII в. отличались подобной жизнью студенты университетов и духовных училищ, и они там волновали еще умы народов. Этот дух республиканской свободы перешел в Польшу, отсюда в Юго-Западную Россию и, наконец, в другие места; но заботливость нашего правительства истребила зловредный образ жизни.

¹ Овидий. «Jn Fastis», кн. V.

<Ни на вдове жениться, ни для девиц
Эта пора не подходит; брак будет недолог.
По этой причине, если веришь пословице,
В месяце мае выходят замуж дурные. >

В России говорят почти то же самое: «Кто женится в мае, тот будет во всю жизнь маяться». И довольно странно, что этому предубеждению следуют многие из образованных людей.

ЕРЕМЕЙ-ЗАПРЯГАЛЬНИК

У поселян осталось замечание, что хорошо запахивать поле с первой майскою росой: для этого многие выходят нарочно в поле с плутом в день первого мая или иначе в день *Еремея-запрягальника*, а другие после. Пророк Иеремия, по мнению простодушных, запрягает тогда на небе свою колесницу и засеивает хлеб, потому это время почитается самым благоприятнейшим для урожая. Отсюда вошло в поговорку: «Еремей-запрягальник, всемирный засеивальник».

Часть седьмая

СВЯТКИ. МАСЛЕНИЦА

І. СВЯТКИ

1. Святочные обряды

ВСТУПЛЕНИЕ

Никакой народ не представляет нам столько забав на Рождественские праздники, как наш русский, который, благодаря Богу! еще не очужеземился. Дотоле он будет своим, доколе будет одушевлен народным чувством.

Некоторые мнимые просветители наши постоянно трубят о распространении народности, а между тем вводят иностранное; умы юношей напитывают противным и нашему воспитанию, и нашим нравам. В высокопарных своих выражениях они даже не стыдятся присваивать незаслуженную им честь, тогда как она принадлежит развитию века и потребности государства.

Наш народ, верный своей земле, сберег еще обычаи своих предков; он вспоминает о них с простосердечно-неподдельной радостью; он один, среди многих превратностей своей судьбы, сохранил прежнюю свою веселость и наклонность к забавам.

Из разнообразных его увеселений, в коих он познается, это суть Святки, доставляющие всем сословиям истинное наслаждение. Не только дворянство, живущее в городах и деревнях, но даже столичные жители любят предаваться святочным удовольствиям. Разнообразные в своих действиях, они представляют пространное поле для всех родов забав и увеселений.

ПРАЗДНЕСТВО В ЧЕСТЬ ЗИМНЕГО ПОВОРОТА

Восточные народы соблюдали строго приношение жертв солнцу в честь зимнего его поворота, который совпадал с нашим декабрем. В Египте праздновали его в память Изиды (богини земли и луны), Озириса (бога солнца) и Ора (бога звезд). Там постились за три дня до торжественных обрядов и накануне праздника звали ночью громогласно в печальных песнях потерянного Озириса. На другой день молились и приносили жертвы, а потом начинали радостные забавы: пели, плясали и гадали о будущей своей судьбе.

ГОТСКИЕ ИГРЫ, ПЕРЕШЕДШИЕ В СВЯТОЧНЫЕ

При Константинопольском дворе употреблялись еще в V веке готские игры, имеющие связь со святочными забавами. На Рождество Христово являлись ко двору наряженные, которые бегали, плясали и пели под музыку песни. Вельможи и чиновники, пожелав многолетия императору, пели: «Дева днесь Пресущественнаго раждает».

СУЕВЕРНЫЕ ОТПРАВЛЕНИЯ

У скандинавских и германских племен отправлялись на Р. Х. готские игры под другими названиями. В Саксонии они известны под именем *Рупертовых слуг*. В продолжение 12 дней Рождества Христова они одевались в звериные шкуры, натирали лицо сажею, украшали голову рогами, во рту носили раскаленные уголья и бегали по улицам с криком, пением и плясали под музыку. В других местах проводили канун Р. Х. в чувственном пресыщении и пении стыдливых песен.

В Скандинавии Святки известны под именем *Юуль* или *Поль* (Juul et Jol), а в скандинавских сагах уже говорится о но-

левых днях. В Норвегии он праздновался зимою, в честь Тора, а в Дании в честь Одина. Празднество продолжалось три недели: первые три дня проводили в благотворениях; а последние в пиршествах и веселии. В празднество Юуль или Иоль убивали в присутствии короля в честь Фрейера (солнца) большого кабана, и все подданные, положив на него руки, клялись в ненарушимой верности. Потом предавались веселию: плясали, играли, пели и ели. Поныне закалывают там свиней и пекут пироги в виде этих животных.

В некоторых местах Северо-Восточной России быют также на Рождественские праздники свиней и пекут пироги; убитого кабана окропляют водой, окуривают и обрызгивают огонь кровью, на коем обжигали его. Это делают в том предубеждении, чтобы нечистая сила не ходила по скотным хлевам накануне Рождества Христова и не портила бы их домашний скот.

Во всей Европе канун Рождества Христова и первый день Рождества Христова сопровождался суеверными замечаниями. В Северной Германии долго праздновали Фаллии, как Юуль в Скандинавии, теперь же заменили их играми, пением и гаданием.

Там существует поверье, что накануне Рождества Христова говорит скот. Простой же народ любит наряжаться в Рождественские дни и посещать своих знакомых.

В Голландии был обычай, что сторож восемь дней до Р. Х. и восемь дней по Р. Х., возвещая поутру о пробитии часов, советовал жителям есть кашу с изюмом и медом.

В Англии играют и поют по улицам несколько ночей сряду. О Рождестве Христовом кланяются яблоням, чтобы родилось много яблок, или совершают обходы по садам и кланяются одному какому-нибудь дереву; потом орошают его яблочным соком. Приготавливают еще особые толстые свечи, которые горят всю ночь, и если погаснут при горении, то предзнаменуют великое несчастье.

В Северной Шотландии лавочники дарят покупателям *Юлевые свечи*, которые зажигаются на всю ночь с теми же приметами, как в Англии, только оставшиеся огарки берегут

для предохранения своего от разных недугов. В других же местах замечают, кто первый отворит дверь в праздник *Июля* или *Ююля*, тот будет счастлив весь год. Существует еще поверье, что если войти во время полночи в хлев, то найдешь весь скот на коленях. Многие уверены, что в это время пчелы поют в ульях. То же самое думают в Малороссии.

Женщины не оставляют вечером кудели на прялках, чтобы дьявол не стал прясть вместо их. Такое поверье господствует во всей Западной России, где еще думают, что если не допрядут кудели, то она будет ходить за ними. Девушки так напуганы этим, что от души верят, что кудель пойдет за ними в церковь во время их венчания, дабы показать мужьям, какие они лентяйки и лежни. Останутся ли нитки на мотовиле, то не снимают их, а перерезают.

В Англии кто-нибудь из домашних должен встать ранее прочих и заняться печением пирогов на яйцах, для каждого в семействе по пирогу. Чей пирог разлезется во время печения или развалится, тому не дожить до будущего праздника. Приготовленные пироги едят в постели. В старину первое блюдо у каждого англичанина состояло из кабаньей головы на уксусе; в пасти кабана торчал лимон. У нас на Руси было непременно кушаньем в Рождество Христово начиненный кашею поросенок или кабанья голова с хреном. Датские мужики доселе делают из теста кабанов, ставят их на стол с прочими кушаньями и не трогают весь Рождественский праздник, полагая, что от этого зависит благополучие целого дома.

Нет в Европе места, где бы не было перед Рождественским днем своих примет, и если они ныне не так резко бросаются в глаза, то это зависит от образованности народа.

КАЛЕНДЫ

Многие жертвоприношения у римлян образовали гражданские праздники; в числе их появились календы, которые так сильно вкоренились в народе, что Константин Великий не мог истребить их. Церковь христианская, стараясь заме-

нить суеверный обычай празднования Мифры, или Митры (декабря 24 и 25 дня), которой поклонялись под именем Вру-Малий (солнца), и этот обычай совпадал с декабрьским Рождественским праздником. Церковь учредила празднование 24 декабря, в воспоминание предшествовавшего торжества Рождению Спасителя мира.

Кроме декабрьских календ были январские, совершавшиеся почти так же, как и декабрьские: во время этих дней производили забавы и гадания. В эти дни никто не подавал постороннему огня и никому из домашних не дозволялось выносить его из дома в том мнении, что невидимые духи ищут повсюду огня для сожжения домов.

Из календских празднований образовались под разными названиями народные забавы, в коих участвовало самое духовенство.

ПРАЗДНИК ВОЛЬНОСТИ, ДУРАКОВ И ОСЛОВ

В римско-католической Церкви существовало празднество под именем декабрьской *вольности* (*libertas decembrica*): она позволяла епископам и всему духовенству пировать, плясать и бегать в личинах (масках). Во Франции долгое время совершался праздник дураков, который приходился в иных местах в день Обрезания Господня, в других в день Богоявления, а в иных в день избиения младенцев. Он состоял в том, что духовенство, избрав среди себя папу, архиепископа и епископа, провожало их с великолепием в церковь. Избранного папу называли папою дураков. Во время священнодействия они плясали в женских шутовских одеждах; надевали на себя личины страшные, облекались в шкуры зверей; пели постыдные песни, ели на алтаре жирную пищу (*offa pinguis*), скакали и бегали в исступлении по храмам, играли на алтаре в шашки, жгли вместо ладана кожу из старых своих башмаков, совершали непристойные телодвижения и кривлянья. Неуважение к папе было поводом к учреждению этого праздника. Парижский собор два

раза запрещал такое бесчинство (1212 и 1444 гг.), но никак не мог, пока просвещение не смягчило нравы, что продолжалось до XVI века. Петр I, выставляя всенародно злоупотребления духовенства в наряживании и потехах, хотел вдруг истребить слепую к нему преданность. Великий монарх любил истину.

Не менее гнусный праздник – это праздник ослов, учрежденный в воспоминание бегства Божией Матери в Египет. Избирали прекрасную молодую девушку, сажали ее на богато убранного осла, дав в руки младенца: девушка представляла Богородицу, а младенец Христа. Окруженная епископом и всем духовенством, она ездила от одной церкви к другой, въезжала в храм на осле и останавливалась у алтаря – тогда начиналась служба. Пели: «Jntroit» <Песнь входа>, «Kyrie» <Господи [помилуй]>, «Gloria» <Слава [Отцу и Сыну и Св. Духу]> и «Credo» <Верую>; после оканчивали ослиным ржанием и читали похвалу ослиным достоинствам, оканчивая каждую строку этими стихами: «Et sire ane! ça chantez belle bouche, rechignez. Vous aurez du foin assez et de l'avoine à plantez». <Ваше Величество Осел! Как ни пойте, как ни хмурьтесь – будет Вам вдоволь и сена, и овса! [ст.-фр.]>. Потом преклоняли колена с произнесением: «Аминь, аминь!» Вместо слов «ita missa est» священник ржал по-ослиному три раза, а за ним все повторяли: «Иго-го! иго-го! иго-го!»¹.

В Рождественские праздники ставили столы с кушаньями, которые не снимали целую ночь, думая, что этим способом могут умиловать злых духов и что целый год будет изобилие в их доме; бегали в личинах и плясали, представляли, по словам Блаженного Августина, оленей с рогами и тем самым осмеивали неверность супружеской любви, ибо рога означают прелюбодеяние.

ЗНАЧЕНИЕ РОГОВ

Известно, что греки и римляне изображали супружескую неверность рогами; их имели не только смертные, но

¹ Болтин. «Примеч. на Леклерка», ч I, с. 169–171.

<и> сами боги. Юпитер называется *рогатым любовником*, потому что он похитил Европу в виде быка и предавался чувственному удовольствию под разными образами. Венера приставила рога Вулкану, потому еще в древности вошло в пословицу «*Ставить рога, делать рога*» и всегда относилось к женам, ставившим рога своим мужьям. То же самое разумеется и ныне. Не мужской пол сделался первым нарушителем верности, а прекрасный пол, <об> этом свидетельствует вся история человеческого рода и все деяния богинь. Известную часть тела преступивших верность наказывали греки и римляне не розгами, а редькою¹.

СТРЕМЛЕНИЕ УНИЧТОЖИТЬ КАЛЕНДСКИЕ ПОТЕХИ

Языческо-римский мир считал календы первыми числами каждого месяца, и если христианские проповедники старались уничтожить календские праздники, то это оттого, что суеверный народ, смешав их с церковными праздниками, отправлял их заодно. Доныне видим повсюду остатки языческих обыкновений, совершаемых накануне Рождества Христова и на Святках. Восточные императоры Константин Великий и Валентин IV (конец IV в.) строго повелевали наблюдать праздничные дни, не смешивая их с календами. Каждому христианину было вменено в священную обязанность знать Рождество Христово, Богоявление Господне и Пасху. Константину Великому стоило великих усилий и трудов, чтобы заставить гордый Рим ниспровергать своих кумиров. Перенесение столицы в Византию победило упорный дух язычников; но протекали с того времени столетия, а Европа еще блуждала в хаосе поверий.

¹ Cattul: «Podici moechorum injici solebat raphanus vel mugil» <Был обычай вставлять редьку или кефаль в зад[ницы] прелюбодеев>. В Дельфийском храме так уважали редьку, что говорили: «Raphanus ex auro, beta ex argento, garum ex plumba» <Редька – из золота, свекла – из серебра, репа – из свинца>.

КОЛЯДА

Наша коляда, которую несправедливо производят от сходства с римским празднеством *календе* (Kalendae), совершалась и ныне совершается накануне Р. Х. и в Рождественские праздники. Отчего происходит *коляда* и что она значит?

Некоторые из наших писателей думают, что русские язычники славили *Коляду*, бога торжеств и мира, и что в Киеве стоял ему кумир¹. Ни бога мира и торжеств, ни идола в Киеве никогда не было, и все наши святочные забавы ничего не имеют общего с праздником римского Януса, бога мира.

Ближе всего можно думать, что коляда произошла от польского «коленда», значащего поздравление.

Допустить можно, что латинское слово «*календе*» усвоено славянскими племенами, как это бывает со всяким языком, но отнюдь нельзя смешивать календские празднества с нашими колядскими обрядами².

¹ Кар. «И. Г. Р.», т. 1, с. 91; Чулков. «Абев. русск. суев.»; Гизель. «Синписис». Попов «Крат. опис. религии славян»; Кайсаров. «Славянская и российская мифология»; она же перевод. на немец. яз.

² На всех славянских наречиях коляда означает поздравление (см. словари: Юнгманна, Бернолака и Бука Стефановича), у словаков она означает еще славление, а колядовать – славить. Кроаты, босняки употребляют в том же самом смысле. Коллар («Narodn. Zpiewanku», ч. I, с. 420, изд. Буд., 1834 г.) производит *коляду* от кроатского слова *колдуш* – нищий; *колдунство* – бедность, *коледуем* – нищенствуем. Он еще более наделал ошибок, когда последовал слепо неосновательному сочинению Кайсарова и ему подобным. Линде (см. его словарь), несправедливо производит *коленду* от колено-давания. Вероятно, хотел сказать от коленопреклонения. Его увлек стих, который поется в западной церкви: «Collaudemus, collaudemus, Christem regem», и греческое слово *коллаудо* – воспеваю, хвалю. Он нашел еще у кроатов *koelda*, подарок, подносимый в Новый год. У боснийцев он нашел *календу*, означающую песнь в честь идола или на новый год; у краинцев *коленду*, богиню цветов. Потом он начал выводить от греческого *такаландина*, латинского *календалия*, *календы* первые три числа каждого месяца. Таким словопроизводством он ничего не доказал, а только затемнил и заставил нас думать, что он производил по произволу, что было созвучно с колядою. По известию Валласора *коленда* значит у далматов то же самое, что Иванов день. Некоторые производили коляду от индийского слова *кали* – часть, зачаток; другие от *колена* и *преклонения колена* перед изображением Креста. Г. Гнедич (см. его введение к новогреческим пениям)

Колядование вошло в обычай прежде на юге России, а потом распространилось по всей России с значительными изменениями. Ничего нет похожего у наших колядований с празднеством восточных народов: египтян, индейцев, греков и римлян¹. В которое время появились колядования на юге и когда перешли отсюда на север России – вовсе ничего неизвестно. Никаких не осталось памятников, ни исторических воспоминаний. Если бы коляда праздновалась во время летописца Нестора, то нет сомнения, что он упомянул бы о ней в своей летописи. Даже ни в продолжителях его летописи, ни в других летописях до половины XVI века не встречаем названия коляды. Это доказывает, что Коляда отнюдь не была божество, но составляла одни народные увеселения. Если польский летописец Стрыйковский говорит о божестве Коляде, то он сам его выдумал, потому что до него (жившего в конце XVI в.) мы нигде не встречаем даже названия. Архимандрит Киево-Печерской лавры Иннокентий Гизель поверил ему, а другие, как то: Глинка, Кайсаров, Попов, Чулков – не только решились произвесть коляду от *коладис* (*χολαδης*) – кишки, потому что из кишок делаются колбасы и раздаются в Малороссии и России тем, которые ходят поздравлять на Рождество Христово. Многие стали утверждать еще, что правильнее произвести от *коло*, по сходству с греческим *кикло* – колесо, и от *килио*, *калиндио* – катаю, основываясь на том, что год обращался в это время колесом.

Когда многим понравилось слово *коло*, тогда начали доказывать, что окончание его *ада*, *еда* произвело *коляду*, *коледу*. Окончание же *ада* и *еда* объяснили обходом, торжественным вокруг хождением, сопровождаемым пением и поздравлением, а напоследок заключили, что все это означает *собрание!!* Не довольствуясь этим, вывели следствие: что все слова, как, например, *грома-ада*, *мокри-ада*, *бесе-да*, *сере-да*, имеют окончания и значения латинские, а начала славянские!!! Этим бы следовало кончить толкование, но словопроизводители, противореча самим себе, сознались наконец, что они сами не знают, отчего происходит *коляда*, а думают, что она сначала была народным обычаем, потом обратилась в божество, и в честь его составили молитвы. (Коллар. «Narodn. Zpiew.», с. 409–411.)

После многих словопроизводств увидели еще, что *коледы*, *коледуем* и *коледование* близко с колдованием. (Снегир. «Русск. прост. праздн. и проч.», вып. II, с. 28) Словопроизводителям недоставало вывести коляду от американского танца *календы*. (Roberts. «Hist. of America», кн. IV, с. 128, изд. 1828 г.)

¹ Успенск. «Опыт о древн. русск.», с. 417.

ко списывали с него слово в слово, но выдумали такое число новых богов и богинь, что ввели в заблуждение знаменитого историографа русской истории.

Многие стали искать значения коляды у языческих праздников, и оказалось, что она не соответствует нашему празднеству. Писали большие по сему предмету рассуждения и внесли новые погрешности.

КОЛЯДА У СЛОВАКОВ

Пробежим предрождественские обычаи славян, совершаемые под разными названиями.

Коляда у словаков, обратившаяся в церковный обряд, составляет поздравление на Рождество Христово и Новый год. Священник с своим причетом и мальчики ходят по городам и деревням поздравлять на Новый год хозяев домов и поют: «Рок новы за се к нам пришел». Один из поющих носит на плечах мешок для собирания подарков. Мужчины дарят их деньгами, хлебным зерном, овощами, калачами; женщины — полотном и нитками. Песни, обыкновенно духовного содержания, поются под открытым небом:

Добре е князови,
Кед прииде рок новы:
Иде на коледу,
А нетпы беду.
Але у рехтора,
Празна е комора.
Цо рехтор выбласы,
Рехторка вывласы.

У тех же самых словаков мальчики, девицы, женщины, молодые мужчины, а иногда пожилые, собираются вместе и, как смеркнет, идут петь щедрый вечер (*štrďdzy wěser*), который иными празднуется довольно роскошно. Иногда ходят по улицам по несколько вместе, а иногда толпою и

поют громким голосом песни в честь святого вечера или Нового года. По окончании песен получают в награду калачи, деньги и тому подобное. Если поющим не дают долго, то они говорят:

Отбавте ма, озяба ма
(Отпустите, я озяб),
Прииде ветер ухитима ма
(Налетит ветер, обхватит меня);
Ак ми немати цо дати
(Если не имеете что дать),
Нех вас Пан Бог обогати
(Пусть обогатит вас Бог).

У венгерских словаков ходят с деревянным ужом, который сжимается и раздвигается по произволу; пасть его красная, на лбу корона из позолоченной бумаги. Нынешние греки ходят и теперь, как во времена Гомера, с ласточкою и поют песни, совершенно подобные нашим колядским. Вот еще некоторые словацкие колядки:

Боже мой, Боже мой,
Высокого неба!
Не дай же мне ести,
Жобраного хлеба!

Семь, семь кралей.
Семь цезарей.
С достоверностью поспехайте,
Вымецы ся му понижуите,
Господину маленькому,
Люда Спасителю.

Я бувь со химе раз,
Не пойде другий раз:
Ле бо ме тягали
За власы с повали.

Боже мой, Боже мой!
Против меня опустил:
Волк ме жену забыл.
Лесо му вон пустил.

Пасли овцы веселы
При Бетлемском саласе.
Аньел ся им оказав,
До Бетлема рассказав:
Станьте горе и подьте,
Пана Христа найдете.
Найдете его в есличках,
Повинута в пленочках,
Мария го колебе:
«Нини, нини, нинички,
Спи, мой сыну малечкий!»¹

КОЛЯДА У БОГЕМЦЕВ И МОРАВОВ

Чехи и моравы также ходят толпою на святой вечер от дома к дому и поют коляду, за что получают разные подарки. У чехов известны немногие колядские песни; представляемые здесь суть более причитания.

Коледницы о пул ночи,
Цо хцете у двора?
Щедраго вечера!
Пани стара поскочила,
Коляды нам дала.

Еще поют:

- а) По златым кулатым.
- б) По гроши широким².

¹ «Словацкие песни». Харьк. 1832 г.

² Эти песни помещены у Челяковского «Zbirce slow. pisny» (К колядским песням духовного содержания принадлежит: 1) «Моц божи давна», 2) «Кристус сын Божий», 3) «Народил се Кристус Пан», 4) «Иезу Кристе, Пане милы»,

У славян задунайских кроатов и далматов празднуют накануне Р. Х. *бедаи*, у карпато-россов *крачун*, а у герцеговинских славян *полажайник*.

БЕДАЙ В КРОАЦИИ И ДАЛМАЦИИ

В горах Кроации и Далмации празднуют накануне Р. Х. *бедаи*. У некоторых задунайских славян канун Р. Х. называется *бедным* или *бадным днем*, потому что в тот вечер сжигают истукана *бедаи*. Поселяне отправляются в лес рубить дубовые чурбаны, называемые *бадняком*, привозят домой и кладут несколько их в печь в тот же день. Вносящие *бадняк* в избу приветствуют: «Дебар вечер и честит вам бадний день». Их осыпают зерновым хлебом и отвечают: «Дао ты Бог сретний и честитый». (Дай Бог тебе счастья и благословенья.)

КРАЧУН У КАРПАТО-РОССОВ

Карпато-россы совершают накануне Р. Х. *крачун*, который у них есть покровитель домашних животных и птиц. *Крачун* происходит от *крачу* – «выдергиваю шерсть из животных».

Домашние животные у карпато-россов начинают линять с Р. Х. как в России, с поворота солнца на лето, и это линяние известно под именем *искраканья*. Если Великим постом в *искраканых* животных появляется новая шерсть, то это признак, что скоту занемочь, хозяину обеднеть, и думают, что всему виной *Крачун*, который, истребляя животных, карает вольнодумных и негостеприимных хозяев. Летом насылает он на стада медведей и волков. Для защиты от бедствий хозяева дают пир Крачуну. До вечерней звезды ничего не едят; целый день готовят постные и даже безрыбные куша-

5) «Третьего две». Kollar. «Narodn. Zpiew» с. 7 и 409—411; Paul. «Piesn. lud. polsk. w. Galicie».) Жаль, что мы не можем сообщить вполне сих песен, потому что только это известно о них.

ня, до двадцати блюд, и разливают по кружкам разные напитки для вечернего стола.

Из хлебных яств занимает главное место огромной величины белый хлеб с коркою, называемый *крачунный* или *крачун*. Его сажают в печь около третьего часу и обставляют вокруг калачами, подкалачами, калачиками и подкалачиками. Когда начинает смеркаться, тогда приступают к принятию *крачуна*. От порога сеней до главного стола, покрытого полотном, устилают дорогу чистой соломой. На стол ставят большую миску, наполненную домашними овощами и хлебным зерном; после выносят приготовленные кушанья, убирают ими стол, а в середине их ставится большой крачун, окруженный мелкими крачунами. С появления звезды возвещают шествие *крачуна*. Если же за непогодой не видно звезды, то объявляют шествие *крачуна*, когда довольно смеркнется. Двое почтительно выносят большой овсяный или ячменный сноп и ставят его в угол избы; прочие встречают его осыпкою зерновым хлебом из миски. Все присутствующие садятся во время шествия Крачуна за один стол, не исключая работников, хотя бы это происходило в доме господ; едят без чинов и оканчивают пир шумной попойкою, которая заключается pistolетными выстрелами в окошко, но честь стрелять предоставляется преимущественно домохозяину. Женский пол начинает потом гадать, а мальчики поют.

Около дядища
Было лозище.
Рочкенде,
Рочкенде, кенде,
Рочке – куренде.
Рочкекуренде,
Пременде.
На ту лозище
Взлезла козище.
Рочкенде,
Рочкенде, кенде,
Рочке – куренде.

Рочкекуренде,
Пременде.
Под ту лозище
Приншов волчище.
Рочкенде,
Рочкенде, кенде,
Рочке – куренде.
Рочкекуренде,
Пременде.
Его ушища,
Як руковища.
Рочкенде,
Рочкенде, кенде,
Рочке – куренде.
Рочкекуренде,
Пременде.
Его хвостище,
Як помелище.
Рочкенде,
Рочкенде, кенде,
Рочке – куренде.
Рочкекуренде,
Пременде.
Его зубища,
Як граблища.
Рочкенде,
Рочкенде, кенде,
Рочке – куренде.
Рочкекуренде,
Пременде.

Песнь оканчивается изгнанием волка в горы, а коза спасается.

ПОЛАЖАЙНИК В ГЕРЦЕГОВИНЕ

Накануне Р. Х. привозят в Герцеговине *бадняк* (чурбан) шестью быками; везут его в дом через особо устроенные во-

рота. Для избежания неприятных предзнаменований приглашают в дом гостя за несколько дней до праздника, а иные имеют постоянного своего гостя, который называется *полажайником*. Он посещает на Р. Х. домохозяев, которые по его действиям толкуют о счастье и несчастье на целый год. *Полажайник*, поздравляя с Р. Х., посыпает избу зерновым хлебом и говорит: «Христос се роди». Ему отвечают: «Ва истину се роди» – и осыпают его взаимно зерновым хлебом. Потом он берет кочергу, разбивает головни догорающего бадняка, чтобы летели от них искры. При всяком ударе приговаривает: «Оволико говеда, оволико коня, оволико коза, оволико овца, оволико кармака, оволико кошница, оволико сретья и напредки» (столько рогатого скота, столько лошадей, столько коз, столько овец, столько кабанов, столько ульев, столько счастья и успеха). Наконец разгребает золу и бросает туда несколько денег; из присутствующих бросают также кто сколько может. Иные вешают на своих воротах *повесмо* (связку льна). *Полажайника* сажают, накидывают ему на плечи покрывало, чтобы у коров были густые сливки и молоко, и потчуют его водкою и завтраком. Позавтракав, он уходит домой, но после обеда опять возвращается сюда. Тогда угощают его до глубокой ночи. Когда уходит домой, тогда одаривают его платком, чулками или исподним платьем и калачом¹.

БАДНИЙ ДАНЬ У ЧЕРНОГОРЦЕВ

Канун Рождества Христова у черногорцев называется *бадний дань* и совершается почти так же, как полажайник. После солнечного захождения привозят из леса в каждый дом чурбан, называемый *бадняк*, украшенный венками. Его кладут на очаг, льют на огонь масло и вино, бросают потом горсть соли и муки. Когда загорится бадняк, зажигают от него свечи и лампаду перед иконами, а главарь читает молитву о благосостоянии семейства и всех христиан. После он берет

¹ Венел. «Древн. и нынешние болгары и проч.», т. II, с. 137–145; и собственные замечания, собранные мною в путешествии около карпато-росских гор.

кубок, отвеживает вино и передает старшему; тот другому и так далее, пока кубок не обойдет всех. Затем мужчины выходят на ближние горы и при восклицаниях «Христос се роди!» стреляют из орудий.

Потом идут домой, садятся за стол, застланный соломою, на коем лежат три хлеба, один на другом, а вверху воткнута лавровая ветвь с апельсином или яблоком; перед каждым из мужчин лежит из хлеба лук со стрелою.

Первый посетитель в первый день Рождества Христова служит предметом особых толкований: если приходит прежде всех любимый человек, то он приносит в дом счастье и благословение; если недобрый, то за ним неминуемое горе. Такие посетители называются *полазники* и *полажайники*. Полажайник сеет по избе зерновым хлебом и говорит: «Христос се роди». Хозяин осыпает его самого зернами и говорит: «Воистину роди». Затем следуют взаимные поздравления и желания. После полажайник подходит к очагу, в коем горит бадняк, ударяет по нему кочергою. За каждым ударом, когда сыплются искры, приговаривает: «Оволико говеда, оволико коза, оволико овца, оволико кармака, оволико кошница, оволико сретья и напредки». Далее разгребаёт жар и бросает туда несколько мелких денег, а кто тароватее, тот червонец. В некоторых местах полажайники вешают *повесмо*. Как он сядет за стол, ему вешают на плечи ковер, чтобы у коров были густые сливки. После завтрака полажайник уходит, но пополудни опять приходит и получает в подарок платки, чулки, рубашки и непременно калач. Но если к бедному приходит богатый с поздравлением, то он приносит ему пищу и подарки. Перед кушаньем все молятся, держа в руках зажженные свечи. По совершении молитвы все целуются, не исключая женщин, приговаривая: «Мир Божий! Христос се роди, воистину роди. Покланяймо се Христу и Христову рожанству». Целование у них при сем обряде означает примирение и забвение всех обид. В продолжение восьми дней не убирают со стола и не метут комнат...¹

¹ Боричевский. «Пов. и пред. нар. славянск. плем.», ч. 2, с. 123–125, изд. 1841 г.; и собственные замечания, записанные мною в бытность у карпато-россов.

КОЛЯДА В ЧЕРНОЙ И ЧЕРВОННОЙ РОССИИ

На другой день Рождества Христова ходят вечером в Черной и Червонной России под окнами домов и колядуют; домашняя прислуга колядует перед дверьми своих господ. Иногда крестьяне являются на господском дворе с кукольной комедией и вертепом. Некоторые поют колядские вирши польски; другие на своем природном, чернорусском языке. Червонорусы поступают почти так же и колядуют на своем языке. Вот дошедшие до нас их песни:

Из-за горы, из-за каменной, святы́й вечер!
Да вотто́ль выступа велике вийско,
А по переду пан иде,
Пан иде, коника веде,
Хвалится конем перед королем:
Да нема у короля такого коня,
Як у нашего пана.
Хвалится стрилою
Перед дружиною:
Да нема у дружины
Такой стрилы,
Як у нашего пана.
Хвалится луком
Перед гайдуком:
Да нема у гайдука
Такого лука,
Як у нашего пана.
Да бувай же здоров, пане!
Да не сам собою,
С отцем, с матерью,
Со всим родом —
Живите с Богом.

Эй, заказано и зарадано, святы́й вечер!
Всем козаченькам у войско ийти,

Пану коригив нести.
А у его ненька,
Вельми старенька,
Выпроважала
И научала:
«Ой, сыне мой, сыну!
Не попережай у перед вийска,
И не оставайся позади вийска.
Держися вийска все середняго,
И козаченька все статечного».
Молодый не послухав нени своей:
У перед вийска конем играе,
А позад вийска мечем махае.
Угляне! се сам царь на кресли.
«Ой, коли б я знав,
Чий то сын гуляв,
То я б за него свою дочку отдав,
Половину царства ему бы отдав».

Ой, рано, рано куры запили, святыи вечер!
А еще раньше пан встав,
Лучком забрящав,
Братьев побужав:
Да вставайте, братья, кони сидлайте,
Кони сидлайте, хорты скликайте.
Да пойдём в чисте поле
На прогулянье,
На разгледанье.
Да найдемо, братье, куку в деревне,
Девку в терем.
От-се вам, братья, кука в деревне.
А мини, братья, девка в тереме.

Ой, ясна, красна калина у лузи
А еще краснейша у доме,
По двору ходит.
Як заря сходит,
В синопки вошла:
Як заря зышла,

В светлоньку войшла, – паны встают,
Шапки иснимают и пытаются:
«Чи ты царевна, чи королевна?» –
«Я дочка ротмистрова»¹.

Колядчики вставляют имя или звание той девушки, в честь которой поют, а потому последний стих: «Я дочка ротмистрова» – прибавлен здесь для полноты.

КОЛЯДА В РОССИИ

В России коляда также известна с давних времен. Она появилась прежде на юге, а потом перешла на север. В некоторых местах северной и восточной полосы России коляда называется *авсенем* и *таусеном*, а в Малороссии, Белоруссии и Литве удержано древнее название; однако в некоторой части Литвы иногда она называется *вечером колодок* или *вечер блокков*, и везде готовится кутья из пшеничного зерна и каша из гречневых круп; по уварке гадают о будущем урожае и неурожае хлебов.

КАТОЛИЧЕСКИЕ ЛЕПЕШКИ И ПЕЧЕННЫЕ ИЗ ТЕСТА ИЗОБРАЖЕНИЯ

Католическое духовенство заготавливает лепешки из теста с изображением Рождества Христова и накануне этого праздника рассылает по домам. В день праздника разламывают в семействе лепешку по числу домашних; каждый съедает свою часть и поздравляет друг друга с праздником Рождества Христова. Преломление лепешки напоминает им преломление хлеба Иисусом Христом за тайной вечерею.

В некоторых уездах Вологодской и Архангельской губернии доньше приготавливают из пшеничного теста различные изображения животных, как то: овец, коров, бы-

¹ «Малорос. и червонорус. народн. думы», СПб, 1836 г.

ков, разных птиц и пастухов. Их посылают в подарок родным, друзьям и знакомым; столы и окна изукрашены этими изображениями.

В Малороссии также остался в употреблении, хотя не повсюду, подобный обычай. Делают из ржаного или пшеничного теста коников, ягненков, коров, быков и проч. и дарят ими детей. Ныне это обыкновение выводится.

ОСТАТОК ЯЗЫЧЕСТВА И ПРИМЕТЫ

Из Стоглава известно, что накануне Р. Х. и Св. Крещения мужчины и женщины сходились *на ночное плещованье, игры, глумленье и бесовские песни*.

Простолюдины замечают, что если в ночи на Р. Х. и Богоявление не бывает небо ясное, то не будет урожая в этом году; но канун Богоявления есть общая примета на весь год. В Архангельской и Вологодской губерниях замечают: если звезды горят ярко, а месяц, освещая поля, образует на них сияние, подобное окружающему сам месяц, то они поздравляют друг друга с урожайным годом. Напротив того, небо темное заставляет их призадумываться. «Тяжелый год, – говорят они, – ни звездочки на небе! Не жди теперь ни хлеба, ни ягод. Как-то прожить пособит Бог!»

Иные по выходе с Крещенской заутрени запрягают сани; в них насаживают ребятишек и с ними скачут во весь дух по деревне. Причина этому та, чтобы уродился хороший и долгий лен. Этому обычаю следуют переселенцы – малороссияне, живущие в Балашовском уезде Саратовской губернии.

На Р. Х. не должно выпускать домашнего скота из хлевов для безопасности от нечистой силы и знахарей. Мордва приносит в этот день в жертву птиц, пироги и напитки нашим святым, о коих никакого не имеют понятия, для умиловления. Другие замечают (в Саратовской губернии Хвалынского уезда), что если на небе много звезд, то родится в этот год много ягнят и гречихи.

ВАСИЛЬЕВСКАЯ И КРЕЩЕНСКАЯ КОЛЯДА

Коляды в России две: одна – перед Новым годом, *Васильевская*; другая – перед Богоявлением, *Крещенская* или *водокрещей*. Первая еще известна под именем богатой, а вторая под именем *постной*.

В Малороссии, напротив, вместо богатой коляды бывает *богатая кутья*, тоже перед Рождеством Христовым, а вместо постной коляды, *голодная кутья*, перед Крещением.

ЗНАЧЕНИЕ БОГОЯВЛЕНСКОЙ ВОДЫ

Почти во всей России накануне Богоявления после освящения воды пишут мелом кресты: на дверях, внутри дома, по скотным хлевам и всем хозяйственным заведениям. Весь день, до вечерней зари, ничего не едят и не пьют. В день Богоявления тоже постятся до освящения Богоявленской воды. В больших городах строят при реках крещальню, называемую иорданом, в воспоминание Крещения Спасителя в реке Иордан. В столице тот же обряд и, сверх того, воздвигают богатый балдахин над прорубью <в> реке Неве, против Зимнего дворца. По окончании обедни во дворце духовенство выходит на реку для освящения воды. Митрополит обыкновенно священнодействует; очередные митрополиты, архиепископы и епископы окружают его. Драгоценные их одежды, пышность и торжественное совершение поражают каждого. Императорский Дом, окруженный первейшими государственными сановниками, гражданскими и военными, многочисленная посольская свита, придворные, гражданские чины, генерал штаб и обер-офицеры – все в блестящих золотых мундирах – представляют глазам ослепительную картину величия. Тысячи людей стоят по обеим сторонам реки; даже улицы набиты ими. Глубочайшая тишина господствует повсюду: одно духовное пение только нарушает бла-

гоговейное молчание. Но коль скоро погрузится крест в воду, мгновенно раздаются громовые перекаты пушек Петропавловской крепости. С шумом и радостным волнением бросается народ черпать иорданскую воду, и все возвращаются домой с восторженным чувством небесной радости.

Древнее обыкновение бросаться в прорубь давно здесь неизвестно, и тут живет оно в одном воспоминании. Если верить сказанию иностранца Маржерета (нач. XVII в.), то царь и вельможи погружались в нее. «Я сам видел, – говорит он, – как царь окунался в воду»¹. До него еще императорский посол барон Герберштейн, бывший в Москве в нач. XVI века, говорит, что в иорданской проруби купались не одни здоровые, но отчаянно больные, не имевшие никакой надежды на выздоровление. Это самое повторяли все иностранцы, описывавшие нравы России, до конца XVIII века. Еще поныне во многих местах России существует это обыкновение. Я был однажды сам свидетелем в Малороссии, что по освящении воды казак, сбросив с себя верхнее платье, погрузился спокойно в воду. Но больных уже не купают; дают им только пить Божоявленную воду, которая излечивает от многих недугов. Домашний скот во время его падежа или других болезней, окропляют этой водою или дают пить понемногу. Иные хранят воду дотоле, пока она не испортится.

Погружение больных в воду произошло от верования, что дух свыше исцелит их. В Крещенский сочельник многие не едят до появления вечерней звезды, и это строго соблюдается между простолюдинами. Некоторые верят, что накануне Божоявления волнуется в самую полночь вода в ознаменование того, что в это время крестился Иисус Христос. Многие ходят черпать тогда эту воду и уверяют, что видели, как колыхалась она; но те, которые не могли видеть этого явления, оправдываются тем, что они не дождались полночи или проспали ее. Почерпнувшие эту воду хранят ее до следующего года, думая, что она, по особой своей силе,

¹ Marger. «État de l'Empire de Russie et Gr. duché de Moscovie».

помогает от многих недугов и сама по себе не портится: та же свежая, чистая и здоровая.

В некоторых местах Литвы дворянство и простой народ в сочельник перед Крещением пишут на всех дверях латинские буквы: G. M. B. (Гаспар, Мельхиор и Балтазар), означающие имена царей волхвов, приходивших с дарами в Вифлеем поклониться младенцу Христу. Кто не умеет написать этих букв, тот пишет три креста. В церкви висит тогда на ленте около престола люлька, в коей лежит в пеленах вылитый из воска младенец. Вокруг люльки стоят восковые изображения Богородицы, Иосифа и трех волхвов; у изголовья младенца стоят осел и вол. Подходящие к люльке качают ее три раза и потом молятся. На Крещение ходят со свечами по улицам и поют перед домом хозяина:

Trins karalej ectjoje,
Diewuj pasiklonioje.
Dabor pas jus atejna
Tus namelus aplankity,
Jums linksmibe padarity,
Gieray praszom priimity.

Приехали три короля,
Богу поклонились.
Теперь к вам приходят
Дом сей посетить,
Весельем одарить,
Просят доброго приема.

Хозяин должен принять колядовщиков и их щедро угостить. Если прием нравится волхвам, то они гостят долго, в противном случае идут далее колядовать¹.

В сам же сочельник Рождественский девушки, парни и мальчики ходят колядовать под окна домохозяев, которые дарят их пирогами или деньгами.

¹ Романович, см. его статью: «Обычаи и игры литовские» в «Сыне Отеч.» 1839 г., окт., № X, с. 116–117.

СЛАВЛЕНИЕ ХРИСТА

В половине XVII в. было в обыкновении, что знатные люди славили царя, который в свою очередь ездил славить их, и это обыкновение продолжалось до времен Петра I, но великий монарх сам любил славить.

Славление, означающее хваление, начиналось в то время пополудни. Если царь ездил славить, то поезд его совершался следующим образом: двое из чиновников шли впереди с барабанами в руках и обернутыми в сукно палочками; за ними ехал царь на санях, окруженный придворными, боярами и князьями. При входе в дом кого-либо из вельмож пели: «Тебе Бога хвалим»; потом поздравляли хозяина. Хозяин подносил царю денежный подарок и угощал его с прибывшими. После они отправлялись к другому, пока не обойдут знатных особ. Английский путешественник Брюн рассказывает, что наши государи перед праздником Богоявления ездили славить заслуженнейших из своих бояр и чужестранцев, которые угощали их со всем поездом. Петр I, сопровождаемый толпою царедворцев, начал первое свое славленье с иностранца Брама в 9 часов утра (1702 г., 3 января). С царем приехало на санях и верхом около 500 человек; столы были покрыты разными лакомствами, сначала подавали холодные, а потом другие кушанья. Веселость была непринужденная, а напитки лились рекою. Около трех часов государь поехал со всем своим поездом к другому иностранцу, где такое же было угощение; потом в другие дома, и наконец весь поезд отправился отдыхать в нарочно построенные дома.

Уклонявшиеся от славления подвергались наказанию кнутом и батогами. Некто Григорий Камынин был высечен плетью за то, что <будучи> внесенный в список славления, не ходил славить¹.

В царствование императрицы Елисаветы давалась певчим об Рождестве Христовом дача под именем *славленной дачи*.

¹ Bruyn. «Travels into Moscovy, Persia and Eastindiens», Lond. inf; Голик. «Деян. Петра Вел.», Снегир. «Русск. прост. пр.», вып. II, с. 56–58.

Долго господствовал обычай между воспитанниками духовных заведений, что они ходили по домам по несколько вместе славить Рождество Христово. При этом отличались они своими высокопарно-бессмысленными диалогами, рацеями и виршами, которые произносили иногда на греческом и латинском языках, не понимая их сами.

Славление Христа совершают ныне мальчики в первый день Р. Х. Ходя поутру со звездой или вертепом, они восхваляют Рождение Спасителя пением из священных песней или нарочно сочиненными для этого праздника стихами.

В иных местах ходят еще целую неделю с первого дня праздника Рождества Христова со звездой, которая делается из разноцветной бумаги различной величины и освещена свечами. Обращая кругом звезду, поют: «Христос рождается» – и проч.

Общее обыкновение во всей России, что в день Р. Х. ходят священники после обедни поздравлять с праздником или, как говорится в простонародии, *славить Христа*, и это продолжается иногда в течение всех Святков. Рассказывают, что в старые годы, по прославлении Христа, священники по просьбе женщин сажались на порог или на разостланную шубу перед порогом для того, чтобы водились куры.

МЕСТНОЕ СЛАВЛЕНИЕ И КОЛЯДКИ

По разным местам неодинаково отправляют славление. В Петербургской губернии и в самой столице ходят мальчики со звездой только накануне Р. Х. и в первые три дня Р. Х. Звезду делают из *бичайки*, оклеенной желтой и пропитанной маслом бумагой: на одной стороне ее изображено лицо, а на другой поклонение пастырей; весь круг окаймлен бахромою из желтой бумаги и обведен шестью рогами наподобие лучей, вырезанных из бумаги и украшенных бумажной цветной бахромою. Между изображениями посредством устроенного

в бичайке отверстия ставят зажженную свечу, от коей рисунок и лучи делаются прозрачными. Звезду вносят в комнату или останавливаются с нею под окном и поют:

Нова радость стала,
Як небу хвала.
Над вертепом звезда ясна
Светом воссияла.
Пастушки с ягнятком
Пред малым дитятком
На колена выпадали,
Христа прославляли.
И мы просим, Христе, Царю,
Небесный Государю:
Даруй лето счастливое
Сего дома господину,
Сего дома господину.

После этого говорят иногда стишки:

Маленькие детки
Щипали ветки.
В саду стояли,
Христа прославляли;
Христос родился.
И рай растворился.

Потом поздравляют с праздником, за что получают несколько копеек денег.

Крестьяне Смоленской губ<ернии> ожидают с радостью торжественного дня Р. Х.; жены их с удовольствием смотрят на убывающие горшки. Многие из них, не умея читать, ведут особый свой счет по горшкам. Чем меньше остается их в доме, тем ближе время праздника, перед коим обыкновенно закупают новые горшки. Вот уже счет приходит к концу, и праздник валится на двор. Беготня и заботы в доме. Хозяин осматривает праздничные кафтаны, молодые люди приготавливают новую упряжь. В первый день праздника крестьяне

ездят к обедне на невыезженных молодых лошадях и надевают на них новую сбрую: мальчики, забравшись в угол, спеваются славить коляду. Хозяйка и девушки начинают колбасы при пении песен:

Дедка свинушку убил,
Дедка беленькую
Свинку пегенькую.
Ай, да Божья коляда,
Прилетай к нам свысока,
Раз в желанный год
– Полюбуйся часок.
Мы колбаски чиним,
Веретенцем сверлим.
Рыльце лычком напред,
А туда мяском набьем.
Ай-й-ох! Коляда,
Лети швыдче свысока.
Да морозом не трясись,
Басловья (благословенья) к нам неси.

Эта песнь называется *чукать* (звать) коляду, и ее поют несколько раз в вечер. Сначала зовут к себе коляду этой песнею; потом разговаривают или поют посторонние песни и начинают *чукать*, пока не начинят колбас. По окончании работы готовят *вечерю*, ужин. В этот день занимает первое место между кушаньями кутья – разваренные пшеничные зерна, подслащенные сытою. Когда окончат приготовление к ужину и помолятся св. иконам, тогда хозяин берет чашку с кутьею, влезает на печь, отодвигает волоковое *оконко*, выбрасывает за окно три ложки кутьи и говорит: «Мороз! Мороз! поди к нам кутью есть; кутью ешь, а пшеницу не трогай!» Женщины выходят в то время на двор посмотреть на небо: звездно небо или нет? Если оно звездно, то это означает *грибородное лето*; если нет, то не будет грибов. Выполнив каждый свое, садятся за стол и едят сначала кутью, потом следующие кушанья. Этим оканчивается пред-

шествующий сочельнику день, сам же сочельник отличается от обыкновенных дней тем только, что вечером в сочельник ходят мальчики в соседние дома славить коляду:

Пришла коляда накануне Рождества,
Виноградье, красно-зеленое мое!
Блин да лепешка, кладись на окошко,
Виноградье, красно-зеленое мое!
Коли нет блина, то конец пирога,
Виноградье, красно-зеленое мое!
Коли ж нет пирога, то корову за рога,
Виноградье, красно-зеленое мое!
А сладкая кутя, сама сыпья из окна,
Виноградье, красно-зеленое мое!
Мы кутю посберем да и мороз помянем,
Виноградье, красно-зеленое мое!

Эту песнь заключают приветствием:

Христос родился,
Рай растворился;
Иуда удавился.
С праздником поздравляем
И вам того же желаем.

В Саратовской губернии накануне Р. Х. молодые люди ходят толпою под окнами и величают *каляду*. Подошедши к окну, говорят: «Чанные ворота, посконная борода, не кричат ли каляда?» Если позволит хозяин, то поют.

На горке ленок,
Каляда!
Зеленехонек растет,
Каляда!
Степанидушка¹ ленок,
Каляда!

¹ Всегда величают из девушек младшую в доме.

Тонко прядет,
Каляда!
Звонко точет,
Каляда!
Ей чарочку винца,
Каляда!
Братыничку пивца
Каляда!
Сына клок,
Каляда!
Вилы в бок,
Каляда!

Каляда! где ты была?
Каляда!
Коней пасла,
Каляда!
Что выпасла?
Каляда!
Жеребеночка в уезде,
Каляда!
Где жеребеночек?
Каляда!
За воротами стоит,
Каляда!
Где ворота?
Каляда!
Водой снесло,
Каляда!
Где вода?
Каляда!
Быки выпили,
Каляда!
Где быки?
Каляда!
За горы ушли,
Каляда!
Где горы?
Каляда!

Черви выточили,
Каляда!
Где черви?
Каляда!
Гуси выклевали,
Каляда!
Где гуси?
Каляда!
В тростник ушли,
Каляда!
Где тростник?
Каляда!
Девки выломали,
Каляда!
Где девки?
Каляда!
За мужья ушли,
Каляда!
Где мужья?
Каляда!
Среди неба на земле,
Каляда!
В ашметочке (изношенный старый лапоть)
Каляда!
В уголке,
Каляда!

По окончании каляды толпа кричит: «Кокурка! кокурка!
В печи сидела, на нас глядела, в кошель захотела». Хозяин по-
дает кокурку, нарочно для того приготовленную.

Выходила каляда за новые ворота
Накануне Рождества,
Ой, каляда!
Свинные ножки в печи сидели,
На нас глядели.
Старый черт! Подай пирога,
Не подашь пирога, изрублю ворота.
Ой, каляда!

Из колядских песен, употребляемых в Северной России, суть:

Виноградье красно, почему спознать,
Что Устинов дом Малофеевича?
Что у его двора вся шелкова трава,
Что у его двора все серебряный тын.
Ворота у него досчатые,
Подвороточки рыбы зубья,
На дворе его три терема:
Во первом тереме да светел месяц,
Во втором тереме красно солнышко,
Во третьем тереме часты звезды.
Что светел месяц, то Устинов дом;
Что красно солнце, то Улита его;
Что часты звезды – малы детушки.
Да дай, Боже, Устину Малофеевичу
С борзых коней сыновей женить;
Да дай, Боже, Улите Хавроньевне
С высока терема дочерей выдавать.
Подари, государь, колядовщиков.
Наша коляда ни рубль, ни полтина,
А всего пол-алтына¹.

¹ Разведение виноградных лоз сделалось известным в России не ранее 1613 г., и первые лозы посажены около Астрахани монахом.

Рыбы зубы, <а также> моржовые, имели высокую ценность; из них выделывали для разных вещей украшения. Здесь рыбы зубы должно разуметь <как> дорогие, моржовые. Щучьи зубы собирались суеверами с особым рачением для предохранения себя от укусов змей. Один из наших писателей («Сказ. русск. народ.») удивляется: почему наш народ предпочитает большие зубы малым и в числе их считает лучшими моржовые? Это очень ясно: большие всегда имеют большую ценность перед малыми, а моржовые были так дороги, что равнялись ценностью слоновой кости, и из них выделывали дорогие вещи. В. к. Ростислав подарил (в 1159 г.) Черниговскому князю Святославу несколько соболей, горностаев, черных куниц, песцов, волков белых и *рыбьих зубьев*, а Святослав подарил великому князю леопарда и двух коней с окованными седлами (Киев. лет.). Рыбы зубы могли быть принимаемы в денежном счете, подобно куне и векше. В старинных наших сказках часто говорится о дорогих рыбьих зубах, напр. в «Собр. древн. русск. стихотворений», с. 2:

В чердаке была беседа,
Дорог рыбий зуб.

Прикажи, сударь хозяин, ко двору прийти,
Виноградье, красно-зеленое!
Прикажит-ко ты, хозяин, коляду просказать!
Виноградье, красно-зеленое!
Ах! мы ходим, мы ходим по кремлю городу,
Виноградье, красно-зеленое!
Уже ищем мы, ищем господинова двора,
Виноградье, красно-зеленое!
Господинов двор на седьми верстах,
Виноградье, красно-зеленое!
На седьми верстах, на осьмидесяти столбах,
Виноградье, красно-зеленое!
Что же около двора, да железный тын?
Виноградье, красно-зеленое!
Что на всякой на тычинке по маковке?
Виноградье, красно-зеленое!
Что на всякий же по крестик?
Виноградье, красно-зеленое!
Что на всяком же крестик по жемчужине?
Виноградье, красно-зеленое!
А среди того двора, что три терема стоят,
Виноградье, красно-зеленое!
Что три терема стоят златоверховаты,
Виноградье, красно-зеленое!
Что в первом терему красно солнце,
Виноградье, красно-зеленое!
Красно солнце, то хозяин в дому,
Виноградье, красно-зеленое!
В другом тереме светел месяц,
Виноградье, красно-зеленое!
Светел месяц, то хозяйка в дому,
Виноградье, красно-зеленое!
Что в третьем терему часты звезды,
Виноградье, красно-зеленое!

Герберштейн говорит, что у нас назывались рыбьими зубами моржовые клыки («*De reg. Moskov.*, с. 85). Патриарх Иосиф прислал в Соловецкий монастырь в 1641 г. пять рыбьих зубов весом в 11 ф., а ценою в 11 тогдашних серебряных рублей, стоящих более 200 руб. на ассигн.

Часты звезды, то малы детушки,
Виноградье, красно-зеленое!
Хозяин в дому, как Адам в раю,
Виноградье, красно-зеленое!
Хозяйка в дому, как оладья на меду,
Виноградье, красно-зеленое!
Малы детушки, как оладушки,
Виноградье, красно-зеленое!

По окончании коляды поздравляют хозяина и хозяйку праздником:

Коляда, коляда! Пришла коляда
Накануне Рождества.
Мы ходили, мы искали Коляду Святую.
По всем дворам, по всем проулочкам.
Нашли коляду
У Петрова-то двора.
Петров-то двор, железный тын,
Среди двора три терема стоят:
В первом терему светел месяц,
В другом терему красно солнце,
А в третьем терему частые звезды.
Светел месяц, Петр сударь, Свет Иванович;
Красно солнце, Анна Кириловна;
Частые звезды, то дети их.
Здравствуй, хозяин с хозяйкой,
На многие лета, на многие лета!

В окрестностях Москвы возят в санях накануне Рождества Христова в белой рубашке девушку, которая называется колядою, и поют:

Уродилась коляда
Накануне Рождества.
За рекою за быстрою
Ой, колиодка, ой, колиодка!

В тех местах огни горят,
Огни горят великие,
Вокруг огней скамьи стоят,
Скамьи стоят дубовые.
На тех скамьях добры молодцы,
Добры молодцы, красны девицы,
Поют песни колиодушки.
В середине их старик сидит,
Он точит свой булатный нож.
Котел кипит горючий,
Возле котла козел стоит.
Хотят козла зарезати.
Ты, братец Иванушка,
Ты выди, ты выпрыгни!
Я рад бы выпрыгнуть –
Горюч камень
К котлу тянет.
Желты пески,
Сердце высосали.
Ой, колиодка, ой, колиодка!

По Дунаю по реке,
По бережку по крутому,
Лежат гусли неналаженные.
Коляда!
Кому гусли налаживати?
Коляда!
Наладить гусли
Зензевею Андреяновичу.
Коляда!
Зензевея дома нет,
Он уехал в Царь-город
Суды судить, ряды рядить.
Коляда!
Он жене-то шлет кунью шубу.
Коляда!
Сыновьям-то шлет

По добру коню.
Коляда!
Дочерям-то шлет
По черну соболу.
Коляда!

Эта песня перешла, без сомнения, от южных славян, потому что в ней упоминаются река Дунай и имя Зензевей, которое только в тех местах употребительно. Все прочее приделано к русским обычаям.

Уж как шли ребята колядовщики,
Виноград, красно-зеленая моя!
Колядовщики фабришки,
Виноград, красно-зеленая моя!
Мы искали двора господина своего,
Господинов двор на семи верстах,
На семи верстах на осьми столбах.
Посреди двора, посреди широка
Стоят три терема,
Три терема златоверхие.
В первом тереме красно солнышко,
Во втором тереме светел месяц,
В третьем тереме часты звездочки.
Сам хозяин в доме, господин в тереме;
Хозяйка в доме, госпожа в высоком;
Молодые детушки, как орешки в меду.
Виноград, красно-зеленая моя!
Благодарствуй, хозяин! на хлебе, на соли и на жалованьи.
Виноград, красно-зеленая моя!
Накормил, напоил, со двора спустил.
Виноград, красно-зеленая моя¹.

В юго-западных странах России: Малороссии, Белоруссии и Литве доныне в обычае колядование.

¹ Чулков. «Абев. русск. суевер.», см.: коляда; Фриз. «Руководст. к физическ. опис. областного города Устюга Великого», изд. 1793 г.; Снег. «Русск. простонар. празд. и проч.», вып. II, с. 65–70; Мясников. «Сведения о народн. праздн. в Шенкурском и Вельском округах», рукопись.

У литовцев отправлялось в древности особое празднество в честь бога *Оккапирмоса*, что приходилось в половине марта, а с переменою месяцеслова бывает оно теперь 25 декаб<ря> и известно уже под именем *вечера колодок*. *Оккапирмос* сопровождался ворожбою, загадыванием и примирением, но с тем, чтобы не ссориться впредь. Угощения и поздравления украшали это празднество. Ныне накануне коляды таскают из селения в селение колодки, перескакивают через них и потом сжигают при пении и обрядах. У латышей сохранилось предание о *блоковом вечере* или *вечере колодок*, который бывал на Р. Х.¹

Между жмудью в Литве празднуют канун Р. Х. кутьею, но кроме нее готовят еще изобильный стол, состоящий рыбы, студней и сладких кушаний. За стол садятся прежде появления первой зари; под скатерть настилают сено в память того, как Спаситель родился в яслях на сене; на другой день оно раздается всему домашнему скоту. Там думают, что ночью в тот самый час, когда Иисус Христос родился, вода превращается в одно мгновение, но невозможно уловить минуты этого чудесного превращения. На другой день Р. Х. предаются увеселению, называемому *важявимс ий каралучю*, то есть прогулка в Королевец (Кенигсберг). Для этого пекут большой крендель, который засушивают посреди избы на нитке. Один, принимающий на себя название купца, садится со жгутом подле кренделя; прочие подъезжают к нему на скамеечке и спрашивают: «Как поживаете, господин купец?» – «Здоров, благодаря Бога! А вы откуда, господа?» – «Из Самогитии». – «За чем сюда приехали?» – «За товаром». – «Какого вам надобно?» – «Пригожей девушки, как калина, а сладкой, как малина». – «Пожалуй, у меня есть пригожая и сладкая». – «Хорошо, нельзя ли отведать?» – «С удовольствием – в цене сойдемся». Каждый старается отведать крендель, <до> которого никто не должен дотрагиваться руками; если же кто коснется, то купец гонит и бьет жгутом. Успевший отведать получает от купца в награду поцелуй.

¹ Golębowski. «Lud. polsk. i jego zwycz.», War., 1830 г.

Прогулка в Королевец называется в иных местах *кушанье сыра* (surmatkis), а в других местах skajsti mergieli и почти так же совершается, как прогулка в Королевец.

Малороссияне за несколько дней до Р. Х. готовят к великому празднику с шумной радостью. Чистят и убирают хаты, перебивают дочиста всю домашнюю посуду, покупают новые наряды и запасаются на целую неделю всеми съестными припасами, лакомствами, настойками и наливками, которые своим отличным вкусом превосходят многие иностранные вина. Кто их не пивал на месте, тому трудно поверить. В богатый вечер пекут паляницы, пироги из мака, гороха, груш, капусты и пр.; в тот же день варят *кутью* из сарочинского пшена или из пшеничных круп; готовят медовую сыту и варят *узвар*. Он делается из сушеных плодов: яблок, груш, слив, вишен и изюма; жарят и варят разную рыбу, но все готовят постное. Образа украшают херувимчиками и ангелами, вырезанными из разноцветной бумаги, и обставляют высокими цветными свечами, которые зажигаются потом вечером. Иные ставят на стол церковные свечи и освещают ими ужин.

По приготовлении куты и узвара ставят их на сене под *покутом* (место под образом), где они стоят до вечерней зари. В богатый вечер или богатую кутью не обедают, но позволяется есть; напротив, в голодную кутью, которая перед Крещением, ничего не позволяется есть в течение всего дня, до вечерней зари. Стол застилают чистым полотном, кладут ложки по числу обедающих. Иные кладут подле ложек по головке чеснока для предохранения себя от нечистой силы. Девушки и женщины стараются нарядиться прежде вечера; если не успеют, то это дурное для них предзнаменование: в первом случае не выйдут за богатых женихов, а во втором не будут любимы своими мужьями.

По наступлении вечера освещают избу и ставят на стол приготовленное для ужина. Хозяин садится на *покуте*, с правой руки его жена, а дети кругом. Прежде, нежели сядут

за стол, молятся Богу и благодарят Его, что дождались Святого вечера. Ужин начинают водкою, который продолжается довольно долго; взваром и кутьею пресыщаются до крайней возможности, так, что от них болят долгое время животы.

По окончании ужина мужчины выносят на двор опороженные горшки и разбивают их о землю или, поставив на землю, бьют издали палками, чтобы изгнать из дому всякий недостаток. Другие стреляют из пистолетов в знак провожания богатой кутьи или богатого Святого вечера. Такою потехою занимались прежде помещики.

Иные после ужина ходят к родственникам с поздравлением. Поднося старшему в семействе хлеб-соль, с поклоном в пояс говорят: «Прислав батько и маты хлеб с силой; на тоби вечерю (ужин)». Приняв от них, ставят на стол и благодарят: «Спасибо батькови и матери за хлеб, за силу и за вечерю». Принесших сажают за стол и потчуют пивом, медом и водкою. Мальчиков же одаривают пряниками и деньгами.

В первый день Р. Х. ходят мальчики со звездою — поздравлять с праздником. Пришедши в чужой дом, они становятся у дверей, кланяются хозяину или пану в пояс и спрашивают позволения на славление Христа, говоря: «Благословите Христа славить». Если отвечают им: «Добре», то они начинают. Это славление сопровождается часто произнесением виршей, сочиненных искусными грамотами, или вместо виршей произносят церковные стихи: «Рождество Твое, Христе Боже наш» и т. д. Вот некоторые вирши:

Я, маленький хлопчик,
Злиз на стовпчик:
В дудучку играю, Христа забавляю.

А я, маленький Пахомик,
Родився ви вторник;
В среду рано
Мене в школу отдали:
Книги читать, Христа величать,

А вас з праздником поздравляти.
Будьте здоровы, з праздником,
С Рождеством Христовым.

Горобчик летит,
Хвостиком вертит;
А я его не пиймаю,
Вас з праздником поздравляю.
Будьте здоровы, з праздником,
С Рождеством Христовым.

Ой на речци
На Иордани
Там Пречиста
Рызы прала,
Свого сынка
Сповывала,
На яныни
Колыхала.
Прилетаю
Два Аниолы,
Взяли Христа,
На небеса.
Вси небеса
Растворилися,
Уси святыи
Поклонилися.

Христос родывся –
Тварь, веселися!
Спасение открылось нам.
Бог з чоловиком помырывся,
Прощен наш праотец
Адам. Торжествуйте, лыковствуйте!

Чого вы задумались?
Хиба вы не знаете,
Що Христос родывся?
Дармо що я малый,

Ай в Церкви бував
И обо всим чував.
Оце й вам звищаю
И з праздником Христовым поздравлю.

Як Христос народився,
Ирод смутився,
Став дуже бояця,
Що не будут його поважаты.
И маленьких диток
Жыдивским бабам
Велив убываты.
От лютого Ирода
Начали уतिकаты.
Я вам желаю
Спасения в раю –
И з праздником
Поздравляю.

А пана у Ивана, да на его двори,
Стояло дерево, тонке, высоке,
Тонке, высоке, листом широке.
Из того дерева церковка рублена,
А в той церковцы стоит три престола.
На первом престоли Святее Рыздво;
На другим престоли Святаго Василя;
На третьим престоли Иван Креститель.
Святее Рыздво нам радость принесло;
Святой Василь новый год принись;
Иван Креститель воду перекрестив.

Нова радость стала,
Кая не бувала:
Над вертепом звизда ясна
Сонцю возсияла.
Шли трие Цари
Ко Христу со дары.
Ирод их пригласи.

«Куда идете?» – изпросы.
Отвещаху ему:
«Идем к Рожденному». –
«К Рожденному идите,
И мыни возвистите».
Звизда ж иде чудно,
З востока на полудень.
Над вертепом сияе,
Царя-Христа являе;
Ангел им вищае,
На путь наставляе.
Иным путем грядите,
Ко Ироду нейдите.

Нова радость стала,
И на небе слава!
Над вертепом звизда ясна
Весь свит осияла.
 Де Христос родився,
 От Дивы воплотився.
 Пришли туда от вистока
 Цари поклоньтця.
И пастушки з ягнятком
Перед тым дытятком
На колинцях упадали,
Бога восхваляли.

Христос народився,
Весь мир возвеселывся,
Писля Адамова греха.
Родився ж в Вифлиеми,
В стоили, а не в доми,
От дыковына яка!
 Ы ангелы святини
Крылата, чудынини,
Так же то лепьско спивалы,
Що мы родылысь и похрестылысь,
А далоби що так не чувалы!
 Пастухи з степу

Прийшли аж до вертепу
Ы по ягняты принесли;
На дудки грали Якои знали –
Тай знову до стада пошлы.
А триє Цари
Прынесли дары
Хрысту, аж вид вистока.
Тут их поклалы и поздоровляли
По письменьски – з висока.
Будь ласков, Царю,
Благословы нас так:
Щоб жыто родыло,
Ы вийны не було,
Ы щоб мы пожылы в смаке.
Исько старенький¹
Був им раденький;
Гостынцы по приймав.
Сидайте же у нас,
Мы почаствуем вас,
Чым Бог нам дав.
Та як пиднис им
По каганьцо сывухи
Ы по кухлю варенухы;
Як хлестнулы,
Так и послулы –
Ы Исько свитло погасыв.
Янгол Божий,
Ясный, гожий,
Царям во сні шепнув:
«Мерший вставайте,
До дому чухрайте,
Щоб Ырод сього не чув».
Цари схватылысь,
Перехрыстылысь,
Тай до дому почухралы.
У ливо повернулы,
Як вид Янголя чулы.

¹ Исько – сокращенное слово от Иосип, по-русски – Иосиф. Здесь Исько разумеется Иосиф, обручник Божией Матери.

Од-так Їрода ошпували.
Ирод дождався,
В викно приглядався:
Що ось, ось, ось,
Прийдуть до його Цари;
А дали схаменувся,
Мов вид сна прочнувся,
Що вони кебзують з його.

В течение Рождественских праздников ходят еще мальчики со звездой и вертепом. Звезда также делается как в России, а вертеп – это деревянный о двух верхах ящик, освещенный небольшими восковыми свечами. Помещенные в них деревянные изображения на проволоке представляют знамения Рождества Христова: появление звезды на востоке, Рождение Спасителя в яслях, явление ангелов, поклонение мудрецов, бегство Иосифа с Божией Матерью в Египет¹.

Появляется пир и музыка во дворце Ирода, царя иудейского. Бал открывают деревяшки, как водится; они скачут, вертятся, кружатся и падают в обморок. Ирод, очарованный красотой танцевавшей с ним Иродиадой, приказывает отсечь голову Иоанну Крестителю и принести ее на блюде; затем высказывает смерть. Выпрыгнув из-за угла, тонкая и высокая, на одних костях, с предлинной косою, она рубит голову Ироду, который, упав на землю, дрыгает ногами и кричит: «Оце ж, лихо мыни! Як бы я знав, що всему причиной дивчата, то бы не танцовав и не жартовов б ни з однею. Карае за них Царь небесный!» Часто вертеп не оканчивается этой забавою, которая сопровождается музыкою и пением духовного содержания: иногда представляют разные действия из частной жизни.

¹ Иисус Христос родился в полночь субботы на воскресенье, потому шестой Вселенский собор постановил праздновать день Рождения Спасителя 25 декабря, в Воскресенье. В этот самый день Бог по сотворении мира озарил его светом и сам почил от трудов; сошла с небес манна на бедствовавших израильтян в пустыне; Икупитель мира принял крещение в Иордане от Иоанна; воскрес из мертвых и ниспослал Св. Духа на Апостолов и Учеников. (См.: «Четы-минеи» о Рожд. Ииуса Христа, 25 дек., л. 167, изд. Москов., 1815 г.)

КОЛЯДОВАНИЕ МАЛОРОССИЙСКОЕ

В первый вечер Рождества Христова мужчины, женщины, девушки и дети ходят колядовать под окна, а накануне нового года *щедровать* (щедровать – значит желать во всем изобилия и богатства). Домохозяев и господ восхваляют или поздравляют со Святым и щедрым вечером. Есть колядки, которые при пении бьют в бубны, звонят в колокольчики и именуют в своих песнях хозяев, их детей или величают их особыми прозваниями. Колядуют до полночи. Девушки, ходя под окна, стараются подойти тихо и прислушиваются, что говорят, и из этих слов выводят разные для себя предзнаменования. Колядские песни поют протяжно, и за каждым стихом произносят: «Святой вечер и добрый вечер», а иногда отдельно. По кончании песни поздравляют с праздником и Святым вечером или Рождеством Христовым.

Иные из колядчиков, подходя под окно, говорят: «Чи колядовать?» – или: «Благословите вечер славить». Им отвечают: «Добре». Иногда один из колядчиков произносит громко и скоро:

Колядую, колядую,
Ковбасу чую.

Сидит дядько на стильцы,
Вбуваетця в постильцы:
Здоров дьядку износы,
А мыни вынеси ковбасы.
Добрый вечер
Добрым людям.

Ой, наш Царю, Царю!
Небесный Сапарю.
Пошли, Боже, многа лита
Сему господарю.
Добрый вечер!

А в нашего пана
Собака пьяна
Лежит на санях
В червонных штанах;
А на пичи сидыт
Та в рожок гудыть.

Колядовало четыри бабы,
А пятый дид;
Выколядовали по паляницы,
Ище и хлиб.
А в дядька, дядька,
Дядына гладка,
Не хоче встаты,
Ковбасы даты.

Бигла тельчка из березнячка,
Та в дядин двир;
Я тобі, дядю, заколядую,
Дай пириг.
А ты, дядынку, хоть палянычку,
Ой дай те худко,
Побижу прудко,
Бо змерз я.
Коротка свытка,
Измерзла лытка.
Брешу я –
Колы неймете виры.
Не хай вам поробляця
На голови диры.
Колядуй, баране,
Не вмию, пане!

Пане, господарю!
Бог тебе кличе.
Дае тобі дви лани жита,
А третью пшеницы на паляницы,

Четвертую гречки на варенички,
А пятую овса, и колядка вся!
Вечир добрый!
Дайте пирог довгий, здобный.
А як не даєте,
То самы съесте.

Девушки поют:

Ой, як бє, так бє,
На шатры на город:
Соколе, соколе ясный!
Молодче красный,
Пане Стефане вельможный.
Вывели ему коня в наряди.
Соколе, соколе ясный!
Молодче красный,
Пане Стефане вельможный.
Вин коня взяв,
Шапочки не сняв,
Не поклонивея.
Соколе, соколе ясный!
Молодче красный,
Пане Стефане вельможный.
Вывели ему дивку в наряди
Соколе, соколе ясный!
Молодче красный,
Пане Стефане вельможный.
Вин дивку взяв,
Шапочку сняв
И поклонивея.
Соколе, соколе ясный!
Молодце красный,
Пане Стефане вельможный.
Боже! дай вечир добрый.
Дайте пирог довгий,
А як не даєте,
То самы съесте.

Богородиця Сына породила,
Усих святых до себе созвала.
Сталы думать и гадать:
Яке Ему имя дать?
Дали Ему имя Святаго Илии.
Богородиця нивзлюбила,
Всих святых посмутила.

Богородиця Сына породила,
Усих святых до себе созвала.
Стали думать и гадать,
Яке Ему имя дать?
Дали Ему имя Святого Петра.
Богородиця нивзлюбила,
Всих Святых посмутила.

Богородиця Сына породила,
Усих святых до себе созвала
Стали думать и гадать,
Яке Ему имя дать?
Далы Ему имя Иисуса Христа.
Богородиця излюбила,
Всих святых восхвалила.

Колядка взрослых:

Чи дома пан господарь?
А я знаю, що вин дома,
Сидит же вин в конци стола,
А на ему шуба люба,
А на шуби поясочек,
А на поясочку калиточка,
А в калитоци сим шиялечкив.
Сиому тому по шеляжечку,
А нам, братцы, по пирожечку;
Ще того мало,
Дайте кусок сала;
Ще того трышки,
Дай, Боже, вечер добрый
Дайте пириг довгий.
Поздравляем вас з праздником.

Эту коляду произносят еще так:

Чи дома, дома, пан господарь?
А я знаю, що вин дома,
Сидит же вин в кинци стола,
А на нем шуба нова,
А на шуби калиточка,
А в калиточки сим шиялечкив.
Сиому тому по шеляжечку,
А нам, братцы, по пирижечку.
Боже, дай вечир добрый,
А нам дайте пириг добрый.
А як не даете,
То возьму кобылу за чуприну,
Поведу в кабак,
Да пропью за пятак.

В Подлесьи поют песни:

Эй, коляду, коляду!
Дайте мачку и кутю.
Як не даете, откажите,
Моих ножек не зябите.
Я детинка маленькая,
Моя ножка босенкая —
Мык, мык! Вынесите колядник¹.

Иные из колядчиков поют на два голоса, но перед началом бросают из-за угла камень или палку для соответствия предстоящей колядки.

1. Хтось мене, дядьку,
Кизяком учкварив.
Святый вечир!
2. Да може не влучив?
1. Да деж тобі не влучив,

¹ Golębow. «Lud. pols. jog. zwycz. zabobony», ч. 2.

- Що-й гудзь налучив.
Святый вечир!
2. Да може ненароком?
1. Да деж тоби ненароком,
Щой гудзь пид оком.
Святый вечир!
2. Да може на смих?
1. Да деж тоби на смих,
Щой гудзь набиг.
Святый вечир!
2. Да може не дуже?
1. Да деж тоби не дуже,
Що аж у мозгу струже.
Святый вечир!

Когда им выносят что-нибудь, тогда благодарят:

Спасибо тоби, дядьку, —
И шелягив кипа.
Щоб же у тебе у поли,
Всего було вдоволи.

В заключение говорят: добрый вечер и всем на здоровье.

Ишов, перийшов мисяц по небу,
Святый вечир!
Да стрився мисяц с ясною зорею,
Святый вечир!
Ой, заря, заря, де у Бога була,
Святый вечир!

Де у Бога була, да маеш стати?
Святый вечир!
Де маю стати? — у пана Ивана,
Святый вечир!
У пана Ивана, да на его двори.
Святый вечир!
Да на его двори, да у его хати,
Святый вечир!

А у его хати да дви радости,
Святой вечер!
Первая радость — сына жениты;
Святой вечер!
Другая радость — дочку выдаваты,
Святой вечер!
Сына жениты, молодця Евфимка,
Святой вечер!
Дочку отдаваты, молодцу Настусю.
Святой вечер!
Бувай же здоров, молодче Евфимку,
Святой вечер!
Да не сам з собою: з отцем, з матерью,
Святой вечер!
И з милым Богом и з всим родом,
Святой вечер!
З Иисусом Христом, Святым Рождеством.
Святой вечер!

По окончании песни говорят: «Поздравляем вас, пане добродию, и пани матко, и всих ваших з Святым вечером. Дай Боже вам довго житы да веселиця». Колядовщикам высылают денег или одаривают чем другим. Если долго им не дают, то продолжают петь, пока не вышлют. Случается, что им ничего не дают, тогда говорят, что хозяин и хозяйка скупиндяги (скупые).

Следующие песни поются во время праздничных забав:

Ой, в Києви да на рыночку,
Та на жовтым песочку.
Там дивочка сад сажала,
Сад сажала, поливала,
Поливаючи, примовляла:
Рости, саду! высче мене,
Высче мене, красче мене!

Ой, гула, гула крутая гора,
Що не вродилась шовкова трава,

Тылько вродила зелене вино.
Красная паня вино стерегла,
Вино стерегла, крипко заснула.
Як налили райский пташечки,
Одзябали зелене вино.
Да пробудили красну панну –
Ой, скоро ж вона тоби учула,
Своим рукавцем на их махнула.
Ой, шуги, в луги! райский пташки,
А мини вина самой надобно.
Брата жениты, сестру отдаваты,
Сама молода зарученая!

Да чому ты, дивчино, гуляты не идешь?
Ой, як же мини гуляти пииты,
Що мои братики з вийска приихали.
Привезли мини три подарочка,
Перший подарок – золотый перстень;
Другий подарок – зеленая сукня;
Третий подарок – перловая нитка.
Золотый перстень як огонь сияе,
Зеленая сукня слид заметае;
Перлова нитка головку обвязуе.

А в сего пана скамья заслана,
Та на сей скамьи три кубки стоят;
В першем кубци – медок солодок;
У другим кубци – крипкие вино;
У третьем кубци – зелене вино.
Зелене вино для пана сего,
Крипкие вино для жинки его;
Медок солодок для диток его.

В тому саду три корыстоньки;
Перша корысть – то оришиньки;
Другая корысть – то вышеньки,
Третья корысть – то яблучки.
Оришками чечоватися,

Яблучками подкидаться.
Да бувай здорова з батьком, матерью.
И з милым Богом и зо всим родом,
Иисусом Христом, Святым Рождеством.

ЩЕДРИВКИ

Колядование и щедрование не есть одно и то же. Многие из наших писателей соединили их вместе. Колядование бывает в первый день Р. Х., а в иных местах продолжается и несколько дней сряду; между тем как щедрование, или *щедривки*, всегда однажды, перед Новым годом. Это есть собственно праздник мальчиков и девушек, которые щедруют вечером под окнами. Случается, что участвуют в щедровании молодые женщины и парубки, но в таком случае они подвергаются посмеянию, и им ничего не дают. Чтобы получить что-нибудь от домохозяев, они притворяются под голос детей. Однако их голос узнают. Это они делают из одной шалости.

Мальчики щедруют и поют везде единообразно: или очень протяжно, или скоро:

Щедрик ведрик,
Дайте вареник,
Грудучку каши,
Кильце кивбаски.
Ще того мало –
Дайте сала;
Ще того тришки,
Дайте лемишки.
Або дайте ковбасу,
Я до дому понесу;
А як даєте кышку,
То зым у затышку.
Дай, Боже, вечир добрый,
Дайте пириг довгий,
Поздравляем вас с праздником.
Васильева маты

Пишла щедроваты.
У стола стояла,
Золотый крест держала
И золоту кадилницю.
Христитесь, люды,
От вам Христос буде¹.
Богу свичу ставте,
А нам пириг дайте.

После пения приговаривают:

Вечир добрый!
Давайте пириг довгий,
А хоть коротенький,
Дабы смашненький.

Маланка ходыла,
Васыля просыла:
Васыльку, мий батьку,
Пусты мене в хатку.
Я жита не жала,
Честный крест держала,
Золотую кадыльничку,
Срыбну хрыстынничку.
Радуйтєся, люды,
К вам Христос буде,
Богу свичу ставьте,
А нам пириг дайте,
А на тарылочку и денежку.

Ой, на рычци, на Иордани,
Там Пречыста ризу прала;
Прала, прала, тай вымывала.
Щедрый вечир, добрый вечир!
Добрым людам на здоровье!

¹ В простонародии господствует мнение, что родившийся Христос невидимо ходит на Святой вечер и в Новый год к добрым людям и ниспосылает на них благословение, поэтому здесь и сказано: «От вам Христос буде».

Повисыла та на ялыни,
Щедрый вечир, добрый вечир!
Добрым людям на здоровье!
Прылители янголята,
Взяли рызу на крылята.
Щедрый вечир, добрый вечир!
Добрым людям на здоровье!
Поныслы ризу по пид небесами,
Щедрый вечир, добрый вечир!
Добрым людям на здоровье!
Вси небеса растворилися,
Щедрый вечер, добрый вечир!
Добрым людям на здоровье!
Вси святии поклонилися.
Щедрый вечир, добрый вечир!
Добрым людям на здоровье!
Несет се птах,
А се есть Пречистой сын.
Щедрый вечир, добрый вечир!
Добрым людям на здоровье!
Дай, Боже, вечир добрый,
А нам пириг довгий¹.

Да сив Христос да вечеряти.
Щедрый вечир,

¹ В издании «Малорос. песн.» г. Максимовича (1827 г., с. 178) причислена к щедривкам следующая песнь:

Улетив сокол из улицы в двор.
Ой, сив же вин на оконеньку,
Квартирочку одчинея,
У свитличку заглядае:
Ще свитличка не метена,
Ще Марусинька не чесана;
Не чесалась, не вмылась,
На батинька розгнивалась:
Сукню пошили, покоротили,
Черевики зшили да помалили.

По содержанию она вовсе не соответствует щедривкам, имеющим в виду поздравление перед Новым годом.

Добрый вечер,
Добрым людям
На здоровье!

Да пришла ж к нему да Божая-маты.
Щедрый вечер,
Добрый вечер,
Добрым людям
На здоровье!¹

В Черной России также в обыкновении щедровать. Парни и девушки ходят под окна домохозяев и поют песни, за что богатые дают им деньги, а недостаточные *книши* (долгой хлеб) и пироги:

Щодрый вечер!
Добрый вечер!
Добрым людям
На весь вечер.
Щодрый вечер!
Добрый вечер!
Чи есть в дому
Пан господарь?
Ой, есть в дома,
Вин в конец стола;
На ним шуба соболева.
А в той шуби
Дзенкатора;
В дзенкатори²
Сто червонцив.
Сему, тому,
По червонному,
А нам, детям,
По шеляжечку,
По пирожечку.
Добрый вечер!

¹ Эту песнь щедруют девушки, но она здесь неполная.

² Дзенкатор, по значению песни, должно быть, карман в шубе.

ЕЛКА

Колядские забавы хотя совершаются во всей России, однако в местах, где живут иностранцы, особенно в столице, вошла в обыкновение елка. В Европе существовал с давних времен обычай одаривать детей какими-нибудь подарками перед Рождеством Христовым и на Новый год.

Для празднования елки избирают преимущественно дерево елку, от коей детское празднество получило наименование; ее обвешивают детскими игрушками, которые раздают им после забав. Богатые празднуют с изысканной прихотью. Один из петербургских богачей заказал искусственную елку вышиною в 3 $\frac{1}{2}$ арш<ина>, которая была обвита дорогой материей и лентами; верхушка елки была испещрена ленточками разных цветов; верхние ветви ее были увешаны дорогими игрушками и украшениями: серьгами, перстнями и кольцами; нижние ветви – цветами, конфетами и разнообразными плодами. В десять часов вечера стали съезжаться дети; их привозили маменьки и взрослые сестрицы. Комната, где находилась елка, была освещена большими огнями; повсюду блистала пышность и роскошь. После угощения детей заиграла музыка. Танцы начались детьми, а кончились сестричками. По окончании вечера пустили детей срывать с елки все то, что висело на ней.

Детям позволяется влезать на дерево; кто проворнее и ловчее, тот пользуется правом брать себе все, что достанет; но <так> как эта елка была высокая и не многие отваживались влезать, то им помогали их миленькие сестрицы: они подставляли стулья и указывали на вещи, преимущественно заманчивые.

Елка эта стоила около 50 000 рублей. Одни русские сорят деньгами. Недаром иностранцы думают, что у каждого русского золотые горы. Кто живет на чужой земле скромно, о том думают, что он притворяется бедняком.

Нет семейного дома в Петербурге, где бы не праздновали елки. Есть еще обычай, что дети в этот день и Новый год гово-

рят поздравительные стихи своим родителям, в коих выражают непритворную к ним свою любовь, желают им наслаждаться здоровьем, долго жить и заключают тем, чтобы их одарили.

В Германии ставят дерево, обвешанное плодами, конфетами и игрушками, которые представляют историю Рождения Спасителя.

Елка доставляет детям веселое препровождение времени. Она первоначально сделалась известною в Москве с половины XVII века; отсюда перешла в Петербург в царствование Петра I.

Канун Нового года известен во всей России под именем *Васильева вечера*, в который проводят старый год с возможным веселием, чтобы новый был счастливый. В Орловской губернии жарят в этот вечер годовалого поросенка и съедают целым семейством.

ВООБЩЕ О НОВОМ ГОДЕ

Со святками тесно соединено празднование Нового года, а потому, не отделяя его, скажем: Новый год не составляет церковного праздника; он есть гражданский.

Начало года надобно искать в глубокой древности. Все языческие народы ознаменовывали его разными богослужебными обрядами – торжественными приношениями и забавами. Египтяне праздновали воскресение Озириса, или Новый год. Греки и римляне ознаменовывали радостными и всенародными играми. Не было народа, который не встречал бы Новый год особенным празднеством. Пляска и пиршества следовали за таинственными обрядами. Не только народ, но жрецы надевали на себя маски с изображением разных божеств; ходили по городу, пели и танцевали под музыку. Греки, любившие веселость и удовольствия, переряживались и бегали толпами по домам, где их угощали, и все веселились. Женский пол, более изобретательный в удовольствиях, наряжался в мужские платья, или, собравшись на вечера званые, занимался гаданием и пением подблюдных песен. Римляне

встречали Новый год с торжественною важностию: консулы и патриции приходили в пышных одеждах в храм для принесения жертв. Первосвященник молил богов о ниспослании на народ новых милостей и об отвращении от него всяких бедствий. По принесении жертв все предавалось забавам: пировали, танцевали и бегали переряженные в масках по улицам полночь. В *дни солнца*, так называлось перенесение этого праздника на первое января, считалось бесстыдным вести между собою раздоры: все должны были примириться и сами тяжбы прекратить. В этот день ходили поздравлять друг друга, как обетный день для мира, и одаривали взаимно. Патриции и богатые отпускали на волю своих рабов, а дети освобождались из-под отцовской власти.

Обычай поздравлять в Новый год перешел отсюда в Европу, и ныне он в числе праздничных дней.

СТАРИННЫЙ ГРАЖДАНСКИЙ ГОД С 1 СЕНТЯБРЯ

Новый год начинался у нас прежде с марта месяца, и это продолжалось до 1348 года; потом стали вести с 1 сентября 1348 года, и таковое летосчисление употреблялось до 1700 года.

В ветхозаветной церкви месяц сентябрь праздновался ежегодно в ознаменование покоя от всех житейских забот. «Рече Господь к Мойсею, рцы сыном Израилевым: месяца седьмого (сентября, по европейскому исчислению), в первый день месяца, да будет вам покой, всякого дела, работая, не сотворите во всех селениях ваших, и принесете всесожжение Господу»¹. «Шесть дней делай, в день же седьмый суббота Господу Богу Твоему: да не сотвориши всякого дела в осьмой. Тако и месяц седьмый благослови, и освяти его, и повеле людем своим почити в нем от дел своих». «Месяца седьмого сего, егда окончаеете жита земли, да празднуете Господу»².

¹ Левит, гл. XXIII, ст. 24 и 25 из кн. Моисея.

² «Исход.», гл. XX, ст. 9 и 10; «Левит.», гл. XXIII, ст. 10.

С сентябрем оканчивалась повсюду жатва, и потому все народы приносили благодарение Богу. Кроме празднования за успешное окончание сельских работ месяц сентябрь был достопамятным по важным событиям для всего мира, сделался предметом набожного воспоминания. В этом месяце остановился Ноев ковчег на Араратской горе; пророк Моисей вторично сходил с горы Синайской, неся новые скрижали с начертанными на них законами; воздвигнута скиния Господня, и Архиерей великий приносил во Святая Святых однажды в год бескровную жертву; калялись люди в грехах, изнуряя себя постом и смиренным всесожжением пред Богом; освящен чудесный великолепием и роскошью храм сионский, построенный царем Соломоном, и внесен сюда киот завета; собирались в Иерусалим все колена Израилевы и праздновали по повелению Господа: «Субботы суббот да будет вам седьмый месяц, и смирите души ваши пред Господом»¹. Когда израильтяне отправились в обетованную землю, тогда по повелению Божию они обязаны были праздновать в этом месяце каждый пятидесятый год и не убивать никаких животных; ни орать, ни засеивать полей; ни собирать винограда, ни плодов от садов, чтобы все оставшееся было в пищу убогим людям, птицам и зверям. «Возвестите трубным гласом во всей земли вашей, и освятите лето, пятьдесятое лето, и разгласите оставление на земли, всем живущим на ней: ни сеяти, ниже жати будете, еже само произникнет на ней, и да не объемлеше освященных ее, но да ясти будут убозии языка твоего; останки же да снесут зверии дикий, тако да сотвориши винограду твоему, и масличию твоему»². В это пятидесятое лето отпускали рабов на волю, прощали долги и совершали очищение от грехов. Пятьдесят лет разделяли на семь седмиц, седьмой год именовался *суббота* и *покой*, и всегда он приходил в сентябре месяце. «Да возвестите лето покоя в седьмый месяц, сие есть в сей сентемврий, то бо есть

¹ «Исход.», гл. XXXIV, ст. 29 и гл. XXXV. «Лев.», гл. XVI, ст. 34; «К Евреям.», гл. IX, ст. 3 и 7. «Лев.», гл. XXIII; «II кн. цар.», гл. VIII; «Лев.», гл. XXIII, ст. 32.

² «Лев.», кн. XXV, ст. 9–11. «Исх.», кн. XXIII, ст. 11.

седьмой от марта, иже первым есть от бытия мира»¹. Самые язычники праздновали сентябрь месяц, ибо с первого числа его вели индиктион (пятнадцатилетнее счисление).

В сентябре месяце оканчивалось лето и начиналась осень, тогда и сама природа повсюду изменялась. В сентябре месяце собирали хлеб с полей и плоды с садов, люди оканчивали все работы сельские и веселились после тягостных трудов, и в том месяце праздновали ветхозаветные и гражданские события – вот почему впоследствии стали весть новый год с первого сентября, которого начальный день есть праздник *Симеона первого столпника*, совершаемый донныне нашей Церковью,² и известного в простонародии под именем *Семена-летопроводца*, потому что с сим днем оканчивалось лето и начинался новый год. Он был у нас торжественным днем празднования и предметом разборов срочных условий, собраний оброков, податей и личных судов. В. к. Иоанн III велел всем имеющим жалобу являться *на судный срок* в Мо-

¹ «Лев.», кн. XXV, ст. 3, 4 и 9.

² Симеон родился в Сисане, кикийской стране, от христианских родителей Сусотиона и Марфы. В тринадцатилетнем возрасте он внимал пению и чтению блаженного Феодорита и потом удалился в монастырь, где в короткое время выучил наизусть весь Псалтырь. В 18-летнем возрасте он был уже многотерпеливый инок и однажды в неделю принимал пищу. Умерщвляя тело свое от волнения страстей, он обвязал себя колючей финиковой веревкой от бедр до шеи, и после десяти дней появились на теле раны, а в костях черви, которые, во время хождения, падали с него и наполняли воздух смрадом. Он оставил монастырь и, скитаясь по горам и пустыням, поселился в одном безводном колодезе вместе с гадами. Отсюда он перешел на гору близ селения Талонис и прожил в келии, выдолбленной из одного камня, три года. Там он постился. Отсюда он перешел на высший холм, и, чтобы никогда не сходить с него, он приковал цепью ногу свою к камню и очи свои возводил на небо, молясь мысленно. Когда распространилась о нем слава, тогда стали стекаться к нему даже из далеких стран и все недужные получали от него исцеление. Блаженный был тревожим посещением народа, и, желая успокоить себя от него, он поставил в 6 локтей в высоту столп, на нем келию в два локтя и стал первый проводить здесь время в посте и молитве, потому он называется *первый столпник*. В течение нескольких лет благочестивые люди выстроили ему столп, возвели в высоту на 36 локтей, наконец, окружили двумя каменными оградами. На столпе он стоял 80 лет и скончался на 103 году от своего рождения. Питался одним медовым сотом и водою. (См.: «Четы-минеи», 1 сентяб.)

скую — в день Симеона-летопроводца. Тогда же он казнил вятских изменников. Если воеводы, окольные, волостели и старосты не могли решить тяжёлых дел или осудить уличённых в преступлении, то решались в Верховной думе, часто самим царем, почему и говорили: «Решил Бог, да Государь». Уличённому в преступлении объявлялся приговор обыкновенным выражением: «Пойман ты есть Богом и Государем Великим», отчего вошло в пословицу: «Ведаёт Бог да Государь». Неявившиеся к ответу в срок признавались виновными, и давалось знать о том воеводам, наместникам и проч. правительственным лицам о приведении в исполнение наказания, что называлось: *чинить праведж*. Оправданному в преступлении давалась *правая грамота*. Для явления на суд определялось три срока в году: Рождество Христово, Троицын день и Семенов день. К Семенову дню вносились оброки крестьянские, пошлыны и срочные платежи. Царь Иоанн IV тоже определил срочный оброк в день Семена-летопроводца. Царь Борис Годунов постановил последний переход земледельцев к первому сентября, повелев, чтобы после этого срока записать их за теми владельцами, на земле коих они жили¹. Царь Василий Шуйский подтвердил его распоряжение во всей силе. Замечательно ещё, что в прежний новый год Годунов венчан на царство, а царевич Фёдор Алексеевич объявлен отцом его, царем Алексеем Михайловичем, наследником престола.

ВСТРЕЧА НОВОГО ГОДА В ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

Накануне Нового года благовестили повсюду в Москве и отправляли вечерню по уставу. Патриарх облачался и служил молебен; все стояли с зажженными свечами. В заутреню раздавался снова блавест, а после заутрени благовестили в *валовой* (главный) колокол. До полудня народ стекался на Ивановскую площадь — между Архангельским и Благовещенским соборами. Там ставили два налож с паволоками; на

¹ «Судебн.» Царя Иоанна Васильевича.

одном из них лежал образ Симеона-столпника. По правую сторону от Благовещенского собора устраивали для царя место с павлоками, а другое – для первосвященника, с коврами. Патриарх Филарет, отец венценосного Михаила Феодоровича, совершал торжественное моление. По отслужении утренней обедни в Успенском соборе выносили св. образа и хоругви через западные двери; патриарх шествовал в великолепной одежде со всем духовенством, останавливался перед церковными воротами на востоке и начинал молитвословие: «О, еже благословити Господу венец лета, благодтию своею». После молитвословия царь целовал св. Евангелие, а потом Патриарх благословлял его осенением Животворящего Креста и спрашивал о его здоровье. Затем оба отправлялись на Красную площадь в сопровождении священного пения и бесчисленной толпы народа. Тут начиналось молебствие с водоосвящением; по окончании его патриарх приветствовал монарха: «Государь, Богом венчанный! Царь и Великий князь, обладатель многих Государств и Самодержец вся России! В настоящий день нового лета мы молились Собором о вселенском устроении и благосостоянии Святых Божиих церквей, о Вашем многолетии, Государь, бояр, Христоробивом воинстве и о всем Православном Христианстве, и чтобы Господь Бог даровал Вам, Великому Государю, и Христоробивому нашему воинству: крепость, храбрость, победу и одоление видимых и невидимых врагов; возвысил бы Вас Господь Бог над всеми иноплеменными народами, покорил бы к стопам Вашим всякого супостата и царство устроил бы во благоденствии. Дай Господи, чтобы Вы, Государь, наслаждались здоровьем с Государынею Царицею и со всем Вашим домом, со всем освященным собором, боярами, Христоробивым воинством и со всеми православными христианами. Здравствуй, Государь, в нынешний год и на многие лета!» Поздравив царя с Новым годом, Патриарх окроплял его святой водою и возвращался в Успенский собор для совершения обедни. Государь же поздравлял всех окружающих его и народ, который отвечал громогласно: «Здравствуй на многие лета, надёжа Государь!»

После сыпали в толпу народа мелкие деньги; богатые люди рассылали по странноприимным домам милостыню; другие посылали от себя кушанье, всякого рода хлебы: калачи, коржи, пироги, пряники и проч.; снабжали с изобилием жизненными припасами, наделяли бедных одеждою и приютом, и Новый год ознаменовывался благочестивыми делами. Колокольный звон Ивана Великого возвещал о наступлении Нового года в продолжение целого дня. Встреча Нового года совершалась с таковым же обрядом до времен Петра I, который в последний раз торжествовал в 1699 году, по древнему обычаю, на большой Ивановской площади. Он сидел на престоле в царском одеянии и принимал поздравление от патриарха Адриана, придворных, гражданских, военных чинов и всего народа. Один немецкий путешественник, бывший в Москве в царствование двух государей: Иоанна и Петра, описывает встречу Нового года следующим образом: «На Кремлевской площади сидели оба царя на своих престолах, в драгоценных одеждах; их окружали бояре и народ. Патриарх взшел на возвышенное место, окропил их и все собрание св. водою, дал государям целовать крест и пожелал им долголетия и счастливого царствования. Потом обратился к народу, поздравил его с Новым годом и просил Божиего благословения во всех добрых делах. Народ отвечал: «Аминь! аминь! (воистину, воистину)». Бояре, сановники и присутствовавшие иностранцы спешили поздравить царей с Новым годом. По принятии поздравлений цари возвратились в Кремлевский дворец¹.

¹ «Anfang von der Knusischen oder Moskowitischen Religione», Leipzig, 1698 г.: «Древ. вивл.», ч. VI, с. 163; «Чин летопровождения», изд. 1788 г.; «Требник мирский» 1639 года; Wichhart «Moskowitischen Beschreibung in dem Jahr 1675», с. 76–82, говорит, между прочим, что на Кремлевской площади при пожелании патриархом долгоденствия царственному дому в присутствии многочисленного духовенства, государственных чинов, иностранных посланников и народа играла музыка; что царь Алексей и патриарх целовали взаимно друг у друга руку; что Евангелие, которое держали два митрополита перед патриархом, было ценою в 170 000 червонцев; что после поздравления патриархом ближний боярин Никита Иванович Одоевский приносил поздравление царю с первостепенными боярами и князьями; за ними поздравляли государя митрополиты и, наконец, все духовенство.

С истечением XVII столетия прекратилось празднование царями Нового года среди своего народа; но Церковь доньше празднует новолетие в первое сентября, которое между народом превратилось в *бабье лето*, сопровождаемое особыми своими забавами и увеселениями.

Обычай поздравления друг друга с Новым годом появился у нас не ранее XVII в. До сего времени он составлял церковный и торжественный обряд для царей, коих наши святители поздравляли всенародно на Красной площади. Князь Курбский, любимец Иоанна IV и бежавший потом от его гнева в Польшу в середине XVI века, осуждает обычай поздравления с Новым годом, считая оный противным христианину, и думает, что это поругание, а не оказывание чести. «Неистов тот, – говорит Курбский, – кто поздравляет человека, наилучшее создание Божие, с бездушным новым годом... Годы и времена, назначенные на служение человеку, суть бездушные. Как можно желать здоровья человеку бесчувственными предметами? Перекрестись, обраться, прокляни дьявола и впредь не поздравляй»¹.

Нигде не господствует в такой степени поздравление с Новым годом, как в России. Люди всех возрастов и сословий спешат наперебой принести взаимное поздравление с наступившим Новым годом и с желанием новых благ.

Поселяне равно встречают Новый год поздравлениями, и канун его провожают пирушками. В Орловской губернии под Новый год режут годовалого поросенка и жарят. Вечером садятся за стол и всего непременно съедают. Этот поросенок называется *касарецким*, по имени праздника в честь Василия Кесарийского. Вменяют всем в обязанность пить во время ужина водку, чтобы прогнать старый год.

НОВЫЙ ГОД С 1700 ГОДА ЯНВАРЯ ПЕРВОГО

С 1700 года введен у нас нынешний Новый год. Введение Нового года повелевалось начать повсюду торжественным

¹ «Сказания Кн. Курбского», ч. II, изд. 1833, с. 210–211. Записки Курбского, изданные под именем «Сказаний», есть полезный и добросовестный труд профессора Устрялова.

молебствием с колокольным звоном, пушечною и ружейною пальбою, и чтобы все с наступлением праздника поздравляли друг друга; в Москве же готовились встретить его с особыми обрядами. Накануне Нового года улицы посыпали ельником, а дома украшали зелеными ветвями. В полночь начались во всех церквях всенощные, а поутру обедни, после которых отправлялось молебное пение при колокольном звоне с испрашиванием благословения Божиего на новоначинавшийся год. В то время бывшее в Москве войско выступало строем из разных частей города и шло с распущенными знаменами, барабанным боем и воинскою музыкою в Кремль. Государь, расставив войско на Ивановской площади, отправился со всем двором и вельможами, одетыми в великолепные одежды, в Успенский собор для слушания Божественной литургии, которую отправлял рязанский митрополит Стефан со всем духовенством; по окончании службы он говорил проповедь, доказывая ею необходимость таковой перемены. После проповеди святитель Стефан со всеми архиереями и многочисленным духовенством совершал благодарственный молебен с коленопреклонением. При возглашении монарху и всему царскому дому многолетия начался колокольный звон во всей Москве, пушечная пальба и троекратный беглый огонь от расставленных полков. Государь поздравлял всех с Новым годом и сам от народа принимал поздравление. Потом он угостил пышным столом первенствующее духовенство и всех знатных русских и иностранных особ. Последние находились за столом со своими женами и дочерьми; во время обеда играла музыка, сопровождаемая хором придворных и патриарших певчих. Для народа были выставлены перед дворцом и триумфальными воротами разные кушанья и чаны с пивом и вином. Вечеру все улицы и дома были освещены разными огнями и прозрачными картинами, а немного позже перед дворцом и в разных частях города сожжены фейерверки и потешные огни в сопровождении многочисленных пушечных выстрелов. Потом во дворце был великолепный бал и ужин, и сим заключилось торжественное введение Но-

вого года. Народ сначала смотрел с удовольствием на забавы потешные, но после он и многие знатные стали роптать, не понимая, как государь мог переменить течение солнца! В предположении, что Бог сотворил весь мир в сентябре месяце, недовольные нововведением долго оставались при своем мнении, считая новый год по древнему обычаю¹.

Значение года не определено на славянском языке. У русских, богемских и вендских славян он называется единообразно годом. У венедов год собственно значит праздник, у поляков *рок* значит год и время неизбежное, судьбу или участь. У них глагол *rokowac* доселе значит догадываться, гадать по выводам или заключениям, потому что на Новый год производились гадания. Есть еще польское слово *godu*, <что> значит пир. Некоторые из наших писателей думают, что *godu* был народный увеселительный праздник, как Святки. Но ни по каким народным событиям не видно, чтобы *godu* когда-нибудь праздновался или образовал какой-нибудь праздник и даже урочное увеселение, как Святки, которые у всех славян доселе составляют празднество. Другие стали производить год от *godzić* – примирять, договариваться о цене. Но и это несправедливо.

Год делится ныне на четыре части времени: зиму, весну, лето и осень; но прежде наши предки разделяли его на зиму и лето, или на зимнее и летнее время. У древних германцев год разделялся на зиму, весну и лето; первая часть времени почиталась у них *священной*, потому что тогда отправляли важнейшие праздники в честь кумиров. С развитием гражданской образованности это разделение изменилось.

У нас существовало долгое время *пролетие*, то есть первые три весенних месяца, и с марта начинался пролетный месяц. В честь его праздновали *авсень*, *овсень* или *таусень*, который впоследствии перешел на новый год. Само же лето в древности заключалось в нынешних трех весенних и трех летних месяцах, последние шесть месяцев заключали зимнее время. Потом наши предки, усвоив слово «год» от своих со-

¹ Голик. «Деян. Петра Великого», ч. 2, с. 2–6.

братий славян, приняли его не в смысле праздника, но в значении всего годичного времени, а лето как его часть.

ОБРЯДНЫЕ ДЕЙСТВИЯ В НОВЫЙ ГОД МЕЖДУ СЛАВЯНАМИ

Временные изменения в природе подали повод к означению их разными пиршествами и обрядными действиями. Новый год или новое лето принадлежит к числу гражданских праздников. Кто не провожает старого и не встречает Нового года с особою радостью! Иному прошлый год был несчастлив, но и тот его провожает в надежде найти в новом счастье для себя. Другой радовался и наслаждался всеми земными благами и встречает Новый год с трепетным волнением: таков ли он будет для него и теперь? Перебирая в своем уме все счастливые и несчастливые выполнения, всякий ждет и желает лучшего в новом. Чувства всех заняты тревожными гаданиями. Человек постоянно стремится к осуществлению своих надежд, и каждый новый год ласкает его желания и воображение наступлением счастливой будущности.

У многих вошло в обыкновение провожать старый год пирушками. Накануне Нового и в самый Новый год одаривают детей незначительными подарками. Слуг и бедных людей одаривают в то же самое время. Чиновные осыпаются монаршими милостями, повсюду радость и надежда на новое, лучшее.

Эпоха этого времени совершается точно так же у всех европейских народов.

Все славянские племена праздновали с незапамятных времен Новый год. У чехов, сербов и болгар *ходити по коляде* значило поздравлять с Новым годом, за что получали подарки; у словаков *колядовать* значило благословлять в Новый год; у кроатов, босняков и других задунайских славян *колядою* именуется подарок в Новый год; у вендов *колядовати* значит хождение детей по домам с песнями и плясками. У поляков все сословия принимают участие во взаимном поздрав-

лении и одаривании, и это называется *коленда*. Дети ходят по домам и читают поздравительные стихи на Новый год или поют песни священного содержания...

ПОСЫПАНИЕ НА НОВЫЙ ГОД

В России и Малороссии ходят мальчики по домам еще до обедни поздравлять хозяев с Новым годом. В это время обсевают их ячменем, пшеницею и овсом. Малороссийские мальчики с рассветом отправляются посыпать. Для этого наполняют торбу (небольшой мешок) зерновым хлебом и, повесив на плечи, ходят от избы к избе. Войдя в хату, мальчик кланяется хозяину и потом сыпает, приговаривая: «На счастье, на здоровье, на новое лито; роды, Боже, житу, пшеницу и всяку пашницю». Их одаривают деньгами или пирогами. Посыпальное зерно собирают с особыми замечаниями и хранят до весеннего посева. Некоторые хватают бросаемые зерна, и кто сколько заберет в руку какого зерна, то выводит по ним заключение об урожае на своей ниве. Молодые парни также ходят посыпать, <но> только в такие дома, где находятся невесты. Этим посыпальщиков угощают с особенным радушием, потому что, по замечаниям стариков, они приносят с собою богатство дому и счастье семейству.

В других местах кормят посыпальным зерном птиц и по их клеванию замечают о будущем урожае. При посыпании произносят еще причитание:

Ходит Илья
На Василья,
Носит пугу
Дротяную;
А другую
Жестяную.
Сюды махне,
Туды махне —
Жито росте.
Божая маты

Жито жала:
Роды, Боже,
Жито, пшеницю,
И всяку пашницю.
Поздравляем вас
З праздником,
Новым годом
И з Васильем.
Гиля, гиля – на Василя;
А у Василя житня пуга.
Куда махне,
Жито пахне.

В Червонной России также ходят мальчишки от самого утра с разным зерном в мешках. Засевая избу или господские комнаты, они приговаривают: «На счастья, на здоровья, на новой рок! Роды, Боже! жито, пшеницю, всяку пашницю, в запичку дитей копицю». Иные бросают рожь под ноги проходящим, которые за то дают им несколько денег, ибо встреча с посыпальщиком в то время, особенно с бросающим рожь под ноги, предвещает добрый знак.

ОВСЕН, СТАРИННЫЙ РУССКИЙ ПОСЫПАЛЬНЫЙ ОБРЯД И РАЗНЫЕ НАЗВАНИЯ ЕГО

Подобный обряд обсеваания сохранился в некоторых местах Восточной России, так, например, в губерниях: Рязанской, Владимирской, Симбирской, Нижегородской, Пензенской и Саратовской – там он именуется *авсеном*, *овсеном*, *усеном*, *говсеном*, *бауценом*, *баусеном* и *таусеном*. Все эти слова суть испорченные от местного употребления. Нет сомнения, что они означают *овес*, коим обыкновенно посыпают в то время, и само поздравление поэтому называется *овсеном*. Там, ходя по домам, обсыпают овсом из лукошка или рукавицы; зерно это собирают для весеннего посева.

Овсен в тех же губерниях употребляется часто вместо коляды. В этих местах по деревням начинают кишки и желудки и варят свиные ноги, кои раздают посыпальщикам вместо подарков. Молодые женщины и девицы (в Рязанской губ.) ходят под окна петь овсен ввечеру Нового года. Одна из них носит за собою кошель, называемый махоноска, для поклажи подарков. Под окном или у дверей избы спрашивают: прокликать ли овсен? Получив согласие, поют:

Среди Москвы
Ворота пестры,
Ворота пестры,
Вереи красны.
Светел месяц,
То сам хозяин – сударь;
Красное солнце,
То подруга его;
Что часты звезды,
То детки их.
Прикажите, не держите,
Собаками не травите,
Подайте подачку!

Если не подают подачки, то продолжают:

Наша подачка
В дверь не лезет,
В окошки не идет,
Сам сударь не шлет.
Подайте подачку!
Кишки, желудки,
Свиные шутки
В печи сидели,
На их глядели.
Подайте подачку!

С получением подачки отвечают целым хором: хозяина и хозяйку поздравляем с праздником, с Новым годом.

Овсен, овсен!
Ты ходил, ты гулял
По крутым горам,
По святым вечерам.
Овсен, овсен!
Ты летал, ты порхал
К Филимону на двор,
Ко Прокофьевичу.
Овсен, овсен!
Ты сыскал, угадал
На широком дворе
Полны ведры вином.
Овсен, овсен!
У хозяина двор
Осушен, омощен,
Чисто выметен.
Овсен, овсен!
Посредине Москвы
У хозяина двор
Воротами красен.
Овсен, овсен!
Воротами красен,
Вереи их пестры,
Все обточенные.
Овсен, овсен!
У Прокофья двор
Весь тыном затынен,
Серебром обнесен.

Хозяин открывает окно, смотрит и радушно подает подачку. Если она щедрая, то начинают притопывать с радостным свистом, прищелкивать и плясать под песнь:

На дворе у Филимона
Три теремчика стоят.
Высокие теремочки
О двенадцати венцах.
Филимон сударь хорош,
Свет Прокофьевич пригож.

Овсен, овсен!
Свет Прокофьевич пригож.

Хозяин открывает в другой раз окно и говорит ласково: «Милости просим в избу. Мы рады овсеню, гостюжданому. Не погневайтесь только, чем Бог пошлет». – Они входят в избу с похвальными припевами:

Первый терем – светел месяц,
Другой терем – красно солнце,
Третий терем – часты звезды,
Светел месяц – хозяин сам,
Красно солнце – хозяйюшка,
Часты звезды – их детушки.

В Муроме Владимирской губернии и его окрестностях толпы колядчиков стоят перед домом и спрашивают позволения петь таусен. «Дома ли хозяева?» – спрашивают колядчики. «Дома нет», – отвечают им. «Где же хозяин?» – «Уехал на торг, соли купить». – «Для чего соли?» – «Мясо солить». – «На что мясо?» – «Сына женить». – «На что сына женить?» – «Чтобы пашеньку пахати, хлеба промышляти».

Колядчики тогда начинают:

Ой, тавсен, тавсен!
Мы ходим, не гуляем,
С святым вечером
Поздравляем.
Хозяин дома, ой, дома,
Хозяин, давай пирог.

Если не высылают подачки, то шумят под окнами, кричат и грозят разломить двери и вынуть из печи пироги.

На Васильев вечер и в Святки старухи говорят причитания детям и девицам:

Каляда, каляда,
Где была?

Коней пасла.
Что выпасла?
Коня в седле
С золотым чепраком,
Шелковой уздой.
Где кони?
За ворота ушли.
Где ворота?
Водой снесло.
Где вода?
Быки выпили.
Где быки?
В рощи ушли.
Где рощи?
Черви выточили.
Где черви?
Гуси выклевали.
Где гуси?
В тростник ушли.
Где тростник?
За лугом зеленым.
Где луга?
Девки вытоптали.
Где девки?
Замуж пошли.
Где мужья?
По каляду ушли.
Где каляда?
На печи в углу.
Каляда, каляда!
В печи была.

Колядные причитания часто сочиняются по произволу и приноравливаются к случаю.

В некоторых уездах Саратовской губернии мальчики ходят под окна и поют эту коляду уже с некоторыми изменениями.

Коляда в упомянутых местах России так искажена народом, что она иногда поется на Васильев вечер как обыкновенная коляда, а иногда заменяет посыпальный обычай. Такое ощутительное изменение приписать должно местным обычновениям.

В Пензенской губернии в вечер перед Новым годом ходят мальчики и девушки и кричат под окошками:

Таусен! таусен!
Кишки да лепешки, свиные ножки,
Кто подаст, тот золотой глаз,
А кто не подаст, собачий глаз.

Из окошка подают жареную кишку или сдобную лепешку. Накануне Нового года женщины Саратовской губернии Хвалынского и Петровского уездов сносят огромный *омет* (кучу) соломы и зажигают его посреди улицы. Горящий омет называется тогда *Костромою*, которая окружается девушками и ими величается:

О, свет, моя Кострома!
У костромушки головушка болит,
У костромушки бело лицо горит.

Ходят еще под окнами с кошельем и поют таусен. Подошедши к окну, спрашивают: «Старый русин! не кричать ли таусен?» Если хозяин согласен, то поют:

Таусен, таусен,
Дома ли хозяин?
Таусен!
На базар уехал,
Таусен!
Топорик купить,
Таусен!
На что топорик?
Таусен!

Дровцы рубить,
Таусен!
На что дровцы?
Таусен!
Пивцо варить,
Таусен!
Сына женить,
Таусен!

Летела пава,
Таусен!
Через наши поля,
Таусен!
Роняла перья,
Таусен!
Кому перья, брати?
Таусен!
На что перья?
Таусен!
Шапочку шить,
Таусен!
Перьями пушить,
Таусен!
На что шапочку?
Таусен!
На базар ехати,
Таусен!
Топорик купить,
Таусен!
Дрова рубить,
Таусен!
Пиво варить,
Таусен!
Мосты мостить,
Таусен!
Кому мостами ездити?
Таусен!
Царю-государю,
Таусен!

Если вместо слов «царю-государю» говорят «молодцу-удальцу», тогда прибавляют:

На чем ему ездити?
Таусен!
На сивенькой свинке.
Таусен!
Чем погоняти?
Таусен!
Живым поросенком,
Таусен!

По окончании таусен приговаривают:

Кишки да лепешки,
Свиные ножки,
В печи сидели,
На нас глядели,
В кошель захотели.

Хозяин подает кишку, лепешку и свиную ножку, нарочно для них заготовленные.

В Балашовском уезде поют таусен в вечер Нового года. Толпа мальчиков и девушек сговаривается, к кому идти прежде. Пойдем к Онуфричу: он ведь барана резал нынче, а потом зайдем к Сидорычу и т. д.; они знают, где что стряпалось. По очереди подходят к воротам и спрашивают:

Чанны ворота!
Посконна борода!
Кричать ли таусен!

Получив позволение хозяина, поют:

Кишки да желудки,
Таусен!
В печи-то сидели,
Таусен!

На нас-то глядели,
Таусен!
В кошель захотели.
Таусен!
Стояла тут сосна,
Таусен!
На сосне-то пава,
Таусен!
Пава-то упала,
Таусен!
Перья разроняла,
Таусен!
Кому эти перья брать?
Таусен!
Кому подбирать?
Таусен!
Хозяину дома, Онуфричу,
Таусен!
На что ему перья?
Таусен!
Шурьев-то дарити,
Таусен!
Шурья-то спесивы,
Таусен!
С коней не слезают,
Таусен!
Сапог не ломают,
Таусен!

Во время таусена некоторые из поющих пляшут; потом кричат хозяину дома:

Чанны ворота!
Посконна борода!
Честь была тебе предложена,
Теперь подавай кишки да ножки
В задние окошки,
В честь любимой сношки, –

если есть у хозяина сноха; в противном же случае приговаривают: в честь любимой дочери или самой хозяйки. Подавшего хозяина благодарят, а на неподавшего закричат:

На следующий Новый год
Осиновый тебе гроб!

В Кузнецком уезде поют:

Таусен! подай брусин.
На что брусин?
Косу точить.
На что косу?
Траву косить.
На что траву?
Кормить коров.
На что коров?
Молоко доить.
На что молоко?
Робят кормить.
На что робят?
За жолудками ходить.
На что жолудки?
Свиней кормить.
На что свиней?
Свинные ножки в печи сидели,
На нас глядели.
Таусен!
Старой черт, подай пирога,
Не подашь пирога,
Изрублю ворота.
Таусен!

Вот еще несколько овсенов:

Ой, овсен, ой, овсен!
Походи, погуляй
По святым вечерам,

По веселым теремам!

Ой, овсен, ой, овсен!

Посмотри, погляди,

Ты взойди, посети

К Филимону на двор.

Ой, овсен, ой, овсен!

Посмотрел, поглядел,

Ты нашел, ты вошел

К Филимону на двор!

Ой, овсен, ой, овсен!

Как в середине Москвы

Здесь ворота красны,

Вереи все пестры.

Ой, овсен, ой, овсен!

Филимонов весь двор

Обведен, затынен

Кипарисным тыном.

Ой, овсен, ой, овсен!

Филимонов-то тын

Серебром обложен,

Позолотой увит.

На дворе у Филимонова

Три терема стоят,

И светленьки, и красненьки

Золотые терема.

Первый терем

Светел месяц,

Другой терем

Красно солнце;

Третий терем

Часты звезды.

Светел месяц

Хозяин наш;

Красно солнце

Жена его;

Часты звезды

Их детушки.

Ой, овсен, ой, овсен!

Говсен, говсен! Я тетерю гоню,
Говсен, говсен! полевую гоню.
Она под куст,
А я за хвост;
Мне начла хвост,
Ан денег горсть.

Колядчики стучат потом в окошко, просят пирогов и, вошедши в избу, поют:

Петр в Орду собирается.
Коляда таусен!
Александр у ног увивается.
Коляда таусен!
Ты не ездил в Орду, не служи королю.
Коляда таусен!
Служи белому царю.
Коляда таусен!
Уж как мне ли без тебя
Хлеба-соли не есть.
Коляда таусен!
На постели не спать.
Коляда таусен!
Уж как спать в тосках
На голых досках.
Коляда таусен!
На горячей пече,
На девятом кирпиче.
Коляда таусен!

Встречаемые здесь слова: Орда, король и белый царь — показывают нам, что эта песнь известна была во время татарского порабощения России.

Ай, во боре, боре,
Стояла там сосна,
Зелена, кудрява,
Ой, овсен, ой, овсен!

Ехали бояре,
Сосну срубили,
Дощечки пилили,
Ой, овсен, ой, овсен!
Мосточик мостили,
Сукном устилали,
Гвоздями убивали.
Ой, овсен, ой, овсен!
Кому ж, кому ехать
По тому мосточку?
Ехать там овсеню
Да новому году.
Ой, овсен, ой, овсен!

ВЫХОЖДЕНИЕ ИЗ ОБЫЧАЯ ПОСЫПАТЬ

В Белоруссии и Литве тоже в обычае посыпать зерном на Новый год. В Червонной России сам припев и обряд обсеивания во многом сходствует с малороссийским, но ныне посыпание повсюду выходит из обыкновения. В небольших городах и по деревням встречается еще, но и то редко. Пройдет пятьдесят лет, и, быть может, этот обычай совсем уничтожится, и посыпальный обряд останется в одном воспоминании. Его вытеснили из своего круга подарки. В старинные годы одаривали без различия состояния значительными подарками, которые вознаграждали нетерпение ожидавших Новый год, а ныне и это прекращается: оно досталось в удел детям, коих одаривают книжечками или конфетками. Эта ощутительная перемена показывает бедность повсеместную, защищающуюся светским приличием по формуле: что было хорошо в прошлые века, то не идет к нашему.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ О НОВОМ ГОДЕ

В честь Нового года столько написано приветственных стихов и сочинений на всех возможных языках, какими толь-

ко говорил смертный и говорит ныне, что нет возможности исчислить их. А сколько еще писать будут! Но сколько ни писали, всегда имели в виду подарочек: посему Новый год справедливо назвать можно подарочным. Если бы кому вздумалось сосчитать, сколько уже сделано подарков в Новый год с того времени, как мир стоит, то верно бы он сказал: «Считайте сами, если хотите сойти с ума».

Ныне каждый Новый год завален горами визитных карточек, коими, поздравляя, желают каждому счастья, почестей и богатства.

Мы желаем, чтобы каждый встречал Новый год с золотыми подарками, возвышался в почестях и наслаждался земным счастьем; мы желаем этого всем, как желают в поздравительных стихах; но более всего желаем и просим Бога, чтобы Он посылал нам, русским, покровителей наук, если не каждый новый год, то по крайней мере через каждое столетие.

2. Святочные увеселения

Русское житье-бытье нигде не просвечивается так ясно, как на Святках. Там все радуется, и все забывают свое горе. Не одни девушки, но и пожилые женщины предаются тогда безотчетному разгулу веселости. Здесь народность высказывается в сердце каждого, и сами враги наших забав подслушивают игры, песни и загадки сельских девушек. О, как много красавиц, возлелеянных в блестящих палатах, спешат украдкой полюбоваться неподдельными играми деревенской жизни!

ЗНАЧЕНИЕ СВЯТОК У НЕКОТОРЫХ СЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕН

У многих славянских племен Святки не имеют того значения, какое у нас. Некоторые из наших писателей без всякой причины производят Святки от балтийского идола Святовита. В славянских песнях и поговорках донныне в упо-

треблении имя бога *Вита* или *Вида*, в честь коего приносили жертвы и совершали празднества. Рюгенские славяне долго праздновали *Святовита* заодно со св. Витом; в честь его жгли благоухающие деревья. Некоторые обратили *Святовита* в *витай*, означающее приветствие и поздравление. Все прибалтийские славяне приносили ему в жертву медовый калач или пирог величиною в рост человека. Арконский жрец выметал накануне праздника чистилище, недоступное для всех, кроме него одного. В день праздника он брал из рук истукана Святовита рог и смотрел: есть ли в нем вино? И по нему угадывал о будущем урожае. Оставшееся вино выпивал, наполнял новым и вручал рог божеству. Потом подносил ему пирог и, спрятавшись за него, спрашивал у народа: видит ли он его? Когда отвечали ему нет, тогда он объявлял благословение божества.

Чехи имели *Вита* или *Вит*. Венгерские славяне сохранили песнь в честь святого *Вита* и святого *Дюнда*.

Придже, шугай, придет к нам,
Сама коморку мам.
Никто ты не збада,
А я та мам рада.
Придем, диовча, придем,
Веру исте, придем.
На Святого Вида
Чо не буде никда.

Эта песнь доказывает, что святой Вит, который известен под именем славянского апостола, не есть Святовит. Название Святок могло ли произойти от Святовита?

Другая песнь в честь *Динда* или *Дюнда* между теми же славянами может служить любопытным сведением об остатке язычества, вошедшего в хороводную забаву.

Девушки становятся в два ряда и поют попеременно:

1. Гоя, Дюнда, гоя! Послала нас Краловна.
Гоя, Дюнда, гоя!

2. Гоя, Дюнда, гоя! На что же вас послала?
Гоя, Дюнда, гоя!
1. Гоя, Дюнда, гоя! Пре три вozy каменя.
Гоя, Дюнда, гоя!
2. Гоя, Дюнда, гоя! На что вам каменя?
Гоя, Дюнда, гоя!
1. Гоя, Дюнда, гоя! Злате мосты ставити.
Гоя, Дюнда, гоя!
2. Гоя, Дюнда, гоя! Чи нас цес не пустате?
Гоя, Дюнда, гоя!
1. Гоя, Дюнда, гоя! Чо нам за дар несете?
Гоя, Дюнда, гоя!
2. Гоя, Дюнда, гоя! Чернооке девчатко.
Гоя, Дюнда, гоя!
1. Гоя, Дюнда, гоя! Но бежте а поспеште.
Гоя, Дюнда, гоя!

Иллирийские славяне празднуют св. *Вита* июля 15 дня и совершают языческие обычаи, употреблявшиеся при поклонении идолу Святovidу.

Из церковной истории известно, что возвестители Евангельского слова, изменяя постепенно языческие обычаи, соединили празднование Святovidа в одно время с христианскими Святками, а простой народ принял это за одно и то же.

Новообращенные славяне воссылали долго такие же молитвы Святovidу, какие самому Богу¹.

ЗНАЧЕНИЕ СВЯТОК У РУССКИХ

Древние христиане освящали все торжественные праздники благочестивыми делами. С Р. Х. государи освобождали народ от разных недоимок, уменьшали подати, выпускали преступников из темниц и проч. Пастыри наставляли людей святить праздники Господни богоугодными приношениями.

¹ Kollar. «Národ. zpiew», ч. I, с. 3 и 401; Möchsen. «Gesch. der Wissenschaft und der Mark-Brandenb.», с. 59; «Ant Über die. Starh.», ч. I, с. 44; Gebh. «Gesch. der Wenden», ч. I, с. 25; Stredowsky. «Morava sacra»; Kap. «И. Г. Р.», т. I, с. 99 и 100; Rakowieck. «Prawda Ruska», ч. I, гл. II, с. 25.

Христиане ревностно выполняли благие внушения наставников, делая в пользу страждущего человечества посильные подаяния, которые церковь освящала Божескими благословениями. Эти дни, ознаменованные душеспасительными делами, прослыли святками или Святыми; народ же обратил их в свои забавы.

Святки, происходя от глагола святить, находятся в тесной связи с воспоминанием о Рождении Спасителя мира.

В какое время появились Святки в России? Откуда они перешли к нам? Об этом нет никаких исторических сведений. Изустные рассказы не превышают древности ста лет. Святки, конечно, сделались известными по введении христианской веры в России, но о них ни Нестор, ни продолжатели его летописи не упомянули. Перерывая многие русские летописи, я не встречал названия Святков ранее XVII века; история же насчет сего предмета совершенно молчит. Летописцы наши, описывая события гражданские и церковные, не заботились о житье-бытье наших предков, а старые обычаи исчезли вместе с преданиями. Ныне собирают предания, и как это тяжело! Нельзя не допустить, что Святки праздновались еще в отдаленные времена. Хотя новый год считался первоначально с марта месяца, со дня Благовещения, после, с сентября месяца, в великокняжение Симеона Гордого и, наконец (когда Петр В. ввел общее европейское летосчисление), с января месяца 1700 года, однако это летосчисление не изменяло святочных дней; празднование их приходилось в одно и то же время, как ныне. Но при всем усилии решение вопроса о положительном появлении Святков остается невозможным по причине недостатка свидетельств.

Наши праотцы, без сомнения, праздновали Святки иначе, нежели жившие после них и нежели празднуем мы сами. Время изменяет много в жизни. Сами забавы и игры предков уже не те, какие нынче. Весьма было бы полезно, если бы можно было представить картину житья-бытья давно минувших веков: в ней мы увидели бы историю нашей народности. Теперь одни старого времени люди утешают нас рассказали о былом,

а нянюшки забавляют своими простодушными повестями о том, как припеваючи веселились наши деды, и поют песни о прошлом по одному искаженному слуху.

ВРЕМЯ ПРАЗДНОВАНИЯ СВЯТОК

Святки начинаются в России с Р. Х. и продолжаются до Крещенского сочельника. С присоединением Малороссии к России в половине XVII века малороссияне начали мало-помалу заимствовать некоторые святочные обряды от русских.

Святки составляют собственно время забав. Мы нигде не видим, чтобы Святки праздновались с такой безотчетной веселостью, как между русскими. Многие славянские писатели, оставившие нам прекрасные отрывки по части древности, ничего не сообщили о святках.

ПРЕДМЕТ СВЯТОЧНЫХ ЗАБАВ

Предмет святочных забав весьма разнообразен; он выражает народное веселье и семейную жизнь в гаданиях и переряживании, которые совершаются ночью, а ночи в это время бывают, как нарочно, темные, наводящие ужас на самих участников святочных игр. В некоторых местах России доселе думают, что в святочные ночи бегают черти. В Орловской губернии особенно опасаются чертей, и их называют здесь *святошными* и *святошами*. Никто не ходит ночью поздно в гости и никто ни за что не согласится ходить в полночь из опасения попасться в руки чертей.

По мере ознакомления России с Европою перешли к нам многие иностранные обряды и поверья, но есть обычаи и увеселения, перешедшие также от греков и римлян. По разрушении Западной империи готты ввели в Европу свои игры.

Некоторые из святочных игр суть: фанты, жмурки, жарты, наряжанье козою, журавлем, медведем. Хари, личины или маски, употреблявшиеся у нас издревле, были преследуемы духовенством. В «Кормчей» рук<описи> XVIII века

они назывались «обличьями *игрец*, *ликоственник* и *наличных*»; в Стоглаве *скаредными образованиями, лицами косматыми, козлыми, сатирскими, окрутами, скуратами*. Переряживание именовалось *москолюдством* (надеванием маек) и *окручаньем*. Архиепископ Лука в поучении своем XII века запрещает *москолюдствовать*, то есть принимать нечеловеческие образы.

ДРЕВНОСТЬ СЛАВЯНСКИХ ГАДАНИЙ И ЧАРОДЕЙСТВО

Из всех древнейших славянских обрядов известнейшие суть гадания. Ими прославились преимущественно ретрские и рюгенские женщины, за ними киевские, кои через свою склонность к чудесным предсказаниям прослыли в народе *киевскими ведьмами*. Чудь и финны также славилась волшебством, как в Италии древние этруски. Нестор рассказывает, что новгородцы в XI веке ходили в Эстляндию узнавать будущее от тамошних мудрецов, которые водились с *черными крылатыми духами*. Жены производили *бесовские волхования, искони бо бес жену прельсти, а жена мужа*. Жены *волхвуют чародейством и отравою*. Один из финнов торжественно осуждал в Новгороде христианскую веру и хотел идти пешком через реку Волхов. Народ верил ему, *что бози живут в бездне, образом черны и крилаты, хвосты имуще*. Епископ Феодор стоял на площади с крестом в руках и убеждал христиан не верить финну. Но все было напрасно! Тогда князь Глеб подошел к чародею и спросил: «Знаешь ли, что случится с тобою в этот день?» – волшебник отвечал: «Я сделаю великие чудеса». – «Неправда!» – возразил князь и рассек ему голову топором¹.

Гадания сопровождаются иногда пением, а иногда таинственным молчанием. Существенный предмет гаданий суть суженые. Девушки приступают к сему с душевным волнением, и только в святочные дни они имеют право сидеть подле суже-

¹ Кар. «И. Г. Р.», т. II, с. 90; Ростовская и Никонов. летописи.

ных и гадать при них. Матушки весело тарабарят про старину, грустят о девичьем житье, припоминают прежние счастливые годы и шепотом просят красных девиц загадать их судьбу.

ПРИГЛАШЕНИЕ НА СВЯТКИ

Исстари ведется обычай, что молодые женщины ходят друг к дружке с работою на весь день, а ввечеру приходят к ним старушки потолковать о том о сем.

В дружеском кругу все были откровенны; матушки ту-жили, что их дочери уже взрослые, а женихов нет; молодые женщины вызывались помочь их горю. Наставали Святки, и они принимались за дело.

Молодые женщины добровольно вступали в обязанность свах; об остальном предоставляли хлопотать родителям.

Богатый дом, назначаемый сборным местом для девиц, посылал *нарядных с делом*, просить старых и молодых посидеть вечером; но здесь разумелось просить девушек на святочные игры и посиделки. Посылаемые с нарядным делом были старые женщины и нянюшки, которые ходили по домам сзывать на Святки. При приглашении они приговаривали: «Если милости вашей не оскорбительно, просят пожаловать с братцем», который всегда был в числе суженых.

Нарядных с делом принимали с поклонами и почестию и старались наперерыв угощать. Чарка вина встречала и провожала их. Матушки хлопотали узнать наперед у нарядных с делом, кто будет из молодых. Но они хранили глубокое молчание. Сметливая хозяйка дарила их белым платочком с красной обрубкою, или куском полотна, или чем-нибудь другим. Тогда нарядные с делом открывали все и обещали хвалить их дочерей перед прочими. Ввечеру появлялись *бабки-позыватки*; их угощали еще усерднее, нежели первых, потому что они ходили высматривать невест. Им поручали бывать у соседей, родных и знакомых, выслушивать и замечать о житье-бытье их и потом избирать по своему усмотрению тех из девиц, которые согласовались с видами вечернего общества.

Бабки-позыватки получали от девиц подарки, узелки с орехами, пряниками и винными ягодами. Отдавая им, одна из девиц улыбалась и говаривала: «Вот те, бабушка, возьми, не прогневайся, внушкам твоим зубки позабавить, а тебе на потешенье». – «Вестимо, мать моя, – отвечала бабка-позыватка, – благодарствуем». И уходила от нее с поклоном. Одаренная трубила по всем домам о любезности и красоте девушки, которая в доме родителей сущий ангельчик, а маленькие детки у нее, что цветочки твои!

В иных местах приглашения на вечер происходили за несколько дней, а в других в тот же самый вечер, смотря по дому или местному расстоянию.

Приглашенные гости суетились о нарядах: девушки примеряли старые платья свои и матушек: тогда наряды всех шли ко всем. То-то было блаженное время! Смотрели друг на друга, любовались, хвалились и ожидали с нетерпением поезда.

В старые годы съезжались девушки длинным поездом; матушки неотлучно находились при своих дочерях. Если же девица не имела матушки, то ее заменяла няня или бабушка-воркунья, которая всю дорогу толковала ей, как вести себя и не крепко засматриваться на суженых: «Да они ведь плуты, мать моя!» В первых санях сидела матушка с дочкою, в ногах поверенная тайн барышни, горничная; в других санях няня с нарядными узлами. В третьих домашняя челядь, умножавшая тщеславие ехавших. К ним присоединялись иногда сестрицы и братцы. Чем длиннее поезд, тем более чести для званого дома. Рассказывают старые люди, что на Святки съезжалось званых гостей до 100 человек, и гуляли несколько дней сряду. Девичьи посиделки превращались в пирование: веселились, как можно веселиться на свободе. Хозяин обязан был кормить и поить не только гостей и их прислугу, которая числом превосходила обыкновенно втрое против своих господ, но их лошадей и иметь надзор за всем, чтобы все были сыты и довольны. Дом такового хозяина представлял табор скитальцев. Не только из окружных деревень, но из уездов дальних съезжались туда.

ПРИЕЗД ДЕВУШЕК

Когда поезд приближался к дому, тогда выходил из саней человек и стучал в ворота; все прочие сидели в санях. Хозяин немедленно выходил с хозяйкою, чтобы встретить гостей и просить в теплые комнаты. Гости чинно входили; молились сначала иконам, а потом сыпали взаимные приветствия. Гости просили присесть, они отказывались; просьбы повторялись, но они все отказывались, пока не устанут стоя, и сами сядут. Девушки входили в покои молча, с особенной робостью, и только отвечали на приветствие дочери хозяйской, которая из уважения к богатому поезду выходила в большие сени навстречу со своими сенными девушками и нянями. Пока матушки усаживались, девушки заводили между собою разговоры, менялись частыми поцелуями, садились по местам и молчали. Прислуга между тем выбирала из саней господские узелки, сносила их в отдельную комнату и заваливала углы всякой всячиною.

Если матушки приезжали сюда за тем, чтобы посмотреть, какие собирались девушки, и потом оставить гостить свою дочь одну, то они поручали иметь над нею попечение ухаживалке, которую не оставляли без подарков.

Матушки оставляли своих дочерей с крепким наказом, как вести себя, и прощались с ними со слезами. Хозяйка старалась утешить мать, говоря: «Э, матушка, не все с доченькой жить; не все глядеть на душку, красавицу ненаглядную. Угостим и потешим, мать моя. Потешим девиц разными затеями, авось не благословит ли Бог и погулять нам на свадьбе». Последние слова произносились шепотом. Но девушки догадывались, о чем шла речь, и лица их покрывались румянцем стыдливости.

Девушки, не будучи никогда знакомы между собою, успевали в несколько минут сдружиться; называли одна другую милою подруженькою; сенные девушки величали их красными девушками.

УГОЩЕНИЕ

Званных красавиц угощали сушеными плодами, пряниками и взваром; кормили вареньями и печеным и укладывали их спать на пуховых подушках, покутом в одной комнате. Нянюшки и сенные девушки рассказывали им поочередно сказки: про жар-птицу, семь женихов-молодцев, похождения Иеруслана Лазаревича и проч. Когда замечали, что красавицы начинают засыпать, тогда советовали им помнить, что приснится, а чтобы не забыть сна, не подкладывать правой руки под голову.

Едва начинало рассветать, как всё в доме поднималось и суенилось: хозяйка отдавала приказания на кухне, что готовить к завтраку для барышень. Завтрак по обыкновению состоял из взвару, пирожков с сухими плодами, из молочных калачей, яиц всмятку, молока, творога, сметаны и т. п.; чая и кофе тогда не знали. Всяк старался поставить на стол яств сколько можно более, не разбирая, что идет и что нет, лишь были бы они сытыми и здоровыми. Это было главным условием и заботой хозяйки, потому что хорошо поесть и попить составляло необходимую гастрономическую принадлежность наших предков.

ВСТАВАНИЕ ДЕВУШЕК

Сенные девушки приготавливали для своих барышень платья. Подходили по несколько раз к дверям на цыпочках, чтобы проведать, не проснулись ли они. Им строго запрещалось будить, пока сами не встанут. Солнце давно взошло. Хозяйка, которая долго ожидала их пробуждения, потому что завтрак уже был готов, подходила к дверям, отворяла понемногу и слушала, как они шепотом пересказывали друг дружке свои сновидения; до слуха ее доходили полувнятные слова: «Ах, моя подруженька! Тяжелый мой сон, не к добру он». – «И мой тяжелый», – говорила другая. «Мой суженый не будет сюда», – говорила третья. «И мой тоже, я не уви-

жу его более!» Но все ли то правда, что во сне пригрезится? Разговор девиц прекращался с появлением хозяйки: они поскорее укутывались одеялами. «Пора вам, красные девушки, вставать», – говорила хозяйка, окруженная нянюшками и санными девушками.

«Пора, мои голубушки, ягодки малиновые, – продолжала няня, – пора! Уж ваши суженые давным-давно встали, а вы еще в постели. Чай, недобрый сон? Расскажи». Настойчивая няня не отходила от красавиц, пока они не расскажут ей про сон, и она толковала его по большей части в добрую сторону.

Девушки-красавицы набрасывали на себя слегка спальнее платье и потом умывались ключевой холодной водою; румянец играл по всему лицу, куда ваши розы! Волосы подбирались под ленту, рукава рубашки заворачивались. В пленительном уборе простоты они обращались к образу Спаса и горячо молились. После молитвы садились за уборный столик перед зеркалом и расчесывали свою богатую волнисто-русую косу. У кого коса была не длинная и не русая, та в глазах своих подруг теряла очаровательную прелесть. Сенная девушка расплетала и заплетала косу; алая лента привязывалась к ее концу. Серьги составляли необходимую часть украшений. Шейные наряды: жемчужные нитки, повязки из жемчуга в виде широкой тесьмы, золотые парчовые или бархатные малиновые нарукавники составляли предмет роскоши. Белая козынька, малиновый сарафан, белые кисейные накрахмаленные со сборами рукава длиною в два аршина, а шириною в аршин и более, кастровые или тонкие нитяные чулки, сафьянные башмаки на высоких деревянных каблуках, кисейная фата на кокошнике, душегрейка шелковая или бархатная – вот простой, но милый убор наших прабабушек.

ГОСТИНЦЫ

Одевшись, красавицы собирались в одну общую комнату, где подавали им завтрак. Сюда никто не мог входить из мужчин, кроме горничных, нянюшек и свах-похожалок,

кои обыкновенно приходили с поручениями от матушек: не был ли кто из суженых? что снилось? не скучно ли им без них? и т. п. А нянюшки держали узлы с гостинцами, кои состояли из орехов, изюма, винных ягод, варенья, сушеных сладких плодов, моченых яблок, груш, слив и пряников. Углы комнат были ими завалены, но хозяйка сердилась, что присылали гостинцы: у нас, дескать, будто нечего есть! Нянюшки успокаивали ее, приговаривая: «Красные девушки любят полакомиться; не сердитесь, матушка сударыня. Вестимо, у вас всего вдоволь, но уж так водится: детей как ни корми, они все не прочь от игрушек. А красные девушки, пока еще не любят, тоже дети». Нянюшки отдавали девицам гостинцы, которые наперехват вырывались ими из рук и с таким усердием, что забывали даже спросить про здоровье родных. Хитрые посланницы наблюдали за каждым поступком, за каждым словом барышень и не упускали им пересказывать, как грустят по ним родные. Слезы навертывались на глазах девушки, и когда, бывало, расплачутся подруженьки, тогда стоило великого труда утешить их. Если посланница замечала, что подруженька скучает или что ей не нравится званое общество, то об этом немедленно узнавала матушка дочери ненаглядной; она приезжала за нею и отвозила тот же час под предлогом, что по ней соскучилась или что ей при见得лся недобрый сон.

ПРЕПРОВОЖДЕНИЕ ВРЕМЕНИ

До съезда гостей подруженьки предавались приятному препровождению времени. На большом дворе стояли ледяные горы и саночки-самокаточки, окрашенные разными цветами. Ворота большого двора запирались накрепко запорами, чтобы никто не смел входить сюда. Девушки без дальних чиннов свозили свои саночки на гору и с нее скатывались отлично. Случалось порой перевернуться – нянюшки и сенные сейчас на помощь: поднимают, голубят красным словом, обвязывают полотняным платком голову, и боль прошла. Сделалась ли

на руке опухоль или на другом месте, высасывают ее языком или делают припарки.

Наскучив катаньем, занимались бросанием друг в дружку снегом или делали снежные изображения, представлявшие дорогие для их сердца воспоминания. Если мороз загонял их в комнаты, то они приготавливались к вечерним гаданиям, а покамест препровождали время в кусании орехов, лущении семян, кушании сластей и разговаривали о предстоящих играх.

ГОСТИ

Вечером начинали съезжаться званные гости. Морозный скрип саней возвещал хозяину издали о прибытии гостей. Хозяин и хозяйка спешили встретить их у крыльца. Девушки выбегали сюда посмотреть: не приехали ли с ними суженые? Важных сажали на почетные места, прочие сами усаживались. Старики сидели на деревянной лавке, на первом месте, за простым деревянным столом, покрытым камчатной скатертью; в конце лавки помещался хозяин. В таком порядке усаживались и барыни. Румяная и дородная из них принималась хозяйкою с низкими поклонами; ее усаживали на почетном месте; с левой стороны располагались прочие гости. Только старики и пожилые женщины могли говорить; все прочие должны были слушать, не перебивать и не вмешиваться в разговор, пока их не спросят.

Молоденькие женщины и девушки, потупив глаза в землю, клали на колени руки, сводили пальцы с пальцами, вертели и хрустели ими; другие водили пальцем около руки и забавлялись перебиранием пальцев, что называлось переборочкою. Это было похвальным тогда делом, потому что оно относилось к скромности и стыдливости.

Матушки гордились дочерьми, а братцы хвалились повсюду. Суженые садились по углам и высматривали барышень украдкой. Считалось неблагопристойностью смотреть в глаза девушки и сидеть молодому мужчине наравне с нею. Это значило нанести позор семейству. Когда девушки соску-

чивались от переборочки, тогда они могли перешептываться между собою и выбегать для развлечения в другую комнату за гостинцами или чтобы пошептать с нянюшками. Домашняя прислуга стояла за дверями и порой высовывала головы из любопытства.

Усевшиеся чинно гости щеголяли друг перед другом своими одеждами. Мужчины держали в руках высокие бобровые или лисьи с соболевой опушкою шапки; наряжались в собольи или лисьи шубы, крытые персидской пестрой материею; рукава у них были широкие и длинные, воротник стоячий, с серебряною и золотою застежкой; любимый кафтан был синий и голубой, с золотыми остроконечными пуговицами почти во всю длину кафтана, который подпоясывался красивым малиновым шелковым поясом с висячими наперед концами. Выстроченные сафьяновые сапоги были на высоких железных или серебряных подковах, с рипами. Носили широкие рукавицы, обстроченные бисером. Рубашка была белая, выстроченная, с высоким стоячим или откладным воротником. Шею повязывали бумажными цветным платком. Носовой белый платок, вышитый красным шелком, клался за пазуху; строчные концы торчали из-за груди. Одежда была в то время одинаковая для всех и отличалась только богатством. То же самое можно сказать и о женском уборе. Шили широкое и длинное платье, и чем оно было шире и длиннее, тем почетнее. Головной убор состоял из кокошников, коими славились московские, калужские, тульские и орловские женщины. Донеде орловские кокошники в большой известности. Они делались из разноцветных материй: бархатные, малиновые с золотою окромкой, с бисерным и жемчужным узорочьем, но это было отличием знатных и богатых людей. Серьги и жемчужные нитки на шее носили боярские жены. Епанчи, сарафаны и собольи шубы такие же носили, как и девицы.

Усавив гостей, хозяин подносил чарку вина прежде всех *почтеннейшему*. Он просил его выпить за здоровье с особым почтением; хозяйка держала поднос и кланялась ему в пояс, величая полным именем. *Почтеннейший* гость вставал с

лавки и выпивал понемногу, с важной медленностью, желая здоровья всему дому хозяина. Особым считалось уважением, когда подносила хозяйка. Гость, вставая с места, кланялся ей и потом раскланивался по обе стороны. Тогда вставали все гости и не прежде садились, пока не усадится важный гость. За ним подносила хозяйка остальным гостям по порядку. Молодые мужчины и женщины не смели пить; им позволялось только прикасаться к чарке губами и пожелать здоровья. Зато они выходили в другую комнату, когда мучила их жажда. Тут их угощали из темного стакана крепким медом, а случалось, и крепкой наливкою. Потом хозяйка обносила гостей приготовленными на деревянных тарелках лакомствами, которые потом ставились на столе в беспорядке. Чего там не было? Орехи каленые и простые всех названий, пряники вяземские, крендели смоленские, коровайники, папушники, медовые пироги, яблошники, пастила, яблоки моченые и свежие, сухие сладкие плоды, варенья из вишни, смородины, малины, крыжовника, морошки, брусники, клюквы и проч. На другом столе находились в глиняных закупоренных кружках наливки: сливянка, вишневка, клубниковка, малиновка и превосходная рябиновка; душистые меды: красные, белые и мартовские; пиво красное, черное и бархатное. Тогда не знали ни заморских вин, портящих желудок и здоровье, ни зловредных конфетов, истребляющих зубы. Тогда жили по-своему, и все были здоровы. Если хозяин и хозяйка замечали, что гости не едят и не пьют, то они приступали к ним с поклонами и не прежде переставали кланяться, пока не станут есть и пить. Чинились ли гости? Хозяйка жаловалась, что они ничего не едят, и сама насыпала им в руки орехи, ягоды и т. п. Хозяин также не переставал потчевать сначала чаркой, а потом кубком или стопою¹.

Домашняя прислуга, стоявшая толпою у дверей, не прислуживала: вся забота лежала на хозяине. Прислуга успева-

¹ Вместимость кубка и стопы была неодинаковая. При бракосочетании В. к. Иоанна III кубок вмещал полтора ведра вина, а стопа более двух ведер. Угощальный кубок в два стакана, а стопа в три.

ла заранее напиваться зеленого вина (зеленчаку), а сенные девушки крепких медов. Все ходило мыслями. Гостям не давали отдыха: они должны были пить и есть, этим только доказывали особое уважение дому. Девушки угощали сами себя. Суженые смотрели на них исподлобья, перебирая пальцами пуговицы на кафтанах, или поправляли свои длинные курчавые волосы на голове.

ПЕНИЕ СЛАВЫ

Вино скоро расшевеливало сердечушки; самая строгая молчаливость забывалась. Неприступные и важные до того гости делались разговорчивее: шутили, смеялись и, наконец, принимались петь подблюдные песни.

Подблюдными они называются по той причине, что их пели и теперь поют за столом при кушании. Я назвал их пением славы, потому что каждый стих оканчивается припевом: «слава!»

Новых подблюдных песен мы не имеем, а потому помещаются здесь старые, какие пели наши предки. Они пели от избытка радости и удовольствия, а мы, очужеземленные заморскими вычурами, повторяем их песни. Наши бояре, князья и знаменитые сановники не чуждались народных увеселений, и народ соперничествовал в том с ними. Знатные люди собирались в старые годы, чтобы повеселиться; ныне собираются большею частью для того, чтобы провести ночь за картами. Что скажет о нас потомство? Оно скажет, что мы открыли в картах новый путь к истреблению просвещения. Больно, когда об этом подумаешь! Посмотрите, как забавлялись прежде на Святках. Знатные гости первые зачинали петь славу всему тому, что было достойно славы, что было славно. Наш белый царь, всегда драгоценный для русского сердца, приветствовался прежде всех:

Слава Богу на небе,
Слава!

Государю нашему на сей земле,
Слава!
Чтобы нашему Государю не стариться,
Слава!
Его цветному платью не изнашиваться,
Слава!
Его добрым коням не изъезживаться,
Слава!
Его верным слугам не изменяться,
Слава!
Чтобы правда была на Руси,
Слава!
Красно солнце светило,
Слава!
Чтобы Царева золота казна,
Слава!
Была век полным-полна,
Слава!
Чтобы большим рекам,
Слава!
Слава неслась до моря,
Слава!
Малым рекам до мельницы,
Слава!
А эту песнь мы хлебу поем,
Слава!
Хлебу поем, хлебу честь воздаем,
Слава!
Старым людям на потешенье,
Слава!
Добрым людям на усмеханье
Слава!

Славу поют все без различия, применяя ее к предмету и обстоятельствам. Девушки краснели, когда гости просили их пропеть, молодые женщины понимали, к чему клонилось прошение, начинали петь и своими намеками о суженых забавляли все общество.

ЗАМУЖЕСТВО С РОВНЫМ

Катилось зерно по бархагу,
Слава!
Еще ли то зерно бурмитское,
Слава!
Прикатилось зерно к яхонту,
Слава!
Крупен жемчуг с яхонтом,
Слава!
Хорош жених с невестою,
Слава!
Кому мы спели, тому добро,
Слава!
Кому вынется, скоро сбудется,
Слава!
Скоро сбудется, не минется,
Слава!

Три последних стиха присоединяются не только к подблюдным песням, но большею частию по произволу к игорным и гадательным.

ДЕВИЧЬЕ ПРОШЕНИЕ

Пение славы в честь девицы невесты:

Идет кузнец из кузницы,
Слава!
Несет кузнец три молота!
Слава!
Кузнец! кузнец! ты скуй венец,
Слава!
Ты скуй венец и золот, и нов,
Слава!
Из остаточков золот перстень,
Слава!

Из обрезчиков булавочку,
Слава!
Мне в том венец венчаться,
Слава!
Мне тем перстнем обручаться,
Слава!
Мне тою булавкою убрus притыкати,
Слава!

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЯ МОЛОДЫХ

Родители любят дочерей своих, а еще более любят видеть их счастливыми. С какою радостью поют они согласие и любовь молодых!

Летит сокол из улицы,
Слава!
Голубушка из другой,
Слава!
Сизыми крыльями обнимались,
Слава!
Уж и им добрые люди дивовались,
Слава!
Как сокол с голубкой уживались,
Слава!
Кому мы спели, тому добро,
Кому вынется, тому сбудется,
Тому сбудется, не минуется.

Во время пения держащая блюдо девушка дает кому-нибудь из загадавших положить под платок руку и потом велит вынуть вещь наудачу. Чья вещь вынется, тому спетая песнь служит предвещанием.

Другие поют эту песнь иначе:

Летит сокол из улицы,
Слава!

Голубушка из другой,
Слава!
Слетались, целовались,
Слава!
Сизыми крыльями обнимались,
Слава!
Кому мы спели, тому добро,
Слава!
Кому вынется, тому сбудется,
Слава!
Тому сбудется, не минуется.
Слава!

ЗАМУЖЕСТВО

Девушкам не суждено вечно жить в родительском доме.
Грустно! но грустнее быть одинокой.

Ласточка, ласточка!
Слава!
Не вей гнезда в высоком терему,
Слава!
Ведь не жить тебе здесь и не летывати.
Слава!

Сердце девушки вещун — оно не обманулось, ожидая
суженого.

Ты, мати, мати, порода моя!
Слава!
И ты выгляни, мати, в окошечко,
Слава!
И ты выкини, мати, опутинку,
Слава!
Чтобы было чем опутать ясна сокола,
Слава!

Что ясна сокола, то мово жениха..
Слава!

ЗАМУЖЕСТВО ЗА МИЛЫМ

Ах ты, гнутое деревцо, черемушка,
Слава!
Куда клонишься, туда склонишься,
Слава!

СУЖЕНЫЙ

Сердце девушки грустит: оно ищет суженого, мысленно
готовит ему полотенце и постель:

По огороду хожу, полотенца стелю,
Слава!
Я еще похожу, я еще постелю.
Слава!

Снимает колечко, катает его и идет за ним:

Покачу я колечко кругом города,
Слава!
А за тем колечком я сама пойду,
Слава!
Я сама пойду, мила друга найду,
Слава!
Мила друга, суженого.
Слава!

Под первой песнью разумеют замужество с милым, а под
другою отъезд.

Красные девушки сидели как на иголках, когда им пели
про будущую их долю; они переставали играть в перебороч-
ки и не смели поднять своих глаз. Не одни они терпели, но и
сами суженые:

ИСКАНИЕ БОЯРЫШНИ

Скачет груздочек по ельничку,
Слава!
Ищет груздочек бяляночку,
Слава!
Не груздочек то скачет, дворянский сын,
Слава!
Не бяляночку ищет, боярышню,
Слава!

Суженные посматривали на своих красавиц, не смея говорить; но разгулье поющих вызывало новые песни:

ОТРОК С ОТРОЧИЦЕЮ

Я брошу подушечку через ворота,
Слава!
Ты поди, моя подушечка, через ворота,
Слава!
Что через ворота во высок терем,
Слава!
Из высокого терема на тесовую кровать,
Слава!
Да кому на той подушечке спать, почивать,
Слава!
Спать отроку с отрочицею,
Слава!
Еще молодцу с девицею.
Слава!

ПОТЧЕВАНИЕ

Хозяин радовался, что его гости веселились, и снова подносил по чарке вина. Если он не догадывался, то пели:

Чарочка-поплывушечка,
Слава!

До чего тебе доплывати?
Слава!
Князьям и боярам вино подносить.
Слава!

Подобным образом поются, со словом «слава!», все низеледующие песни:

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЯ

Соят санки снаряженные,
И полостью они подернуты.
Только сесть в сани, да поехати.

ОТЪЕЗД

Саночки, самокаточки!
И сами катят, сами ехать хотят.

По огороду хожу, полотенца стелю,
Я еще похожу, я еще постелю.

БУДУЩАЯ ПРИБЫЛЬ

Растворю я квашонку на донышке,
Я поставлю квашонку на столбушке,
Я покрою квашонку черным соболем,
Опяшу квашонку красным золотом.
Ты выйди, моя квашонка, полным-полна,
Полным-полна, со краями ровна.

БОГАТСТВО

Щука шла из Новгорода,
Она хвост волокла из Бела озера.
Как на щуке чешуйка серебряная.

Что серебряная, позолоченная,
А головка у щучки унизанная.

ЗАМУЖ ИЗ-ЗА ДЕНЕГ

Я на корыте сижу, я корысти гляжу;
Я еще посижу и еще погляжу.
И я глядь-поглядь, корысть на двор,
Корысть на двор, сто рублей на стол.

ЗАМУЖЕСТВО С ДВОРЯНИНОМ

Ах, сей, мати, мучицу, пеки пироги!
Как к тебе будут гости нечаянные,
Как нечаянные и неведанные,
К тебе будут гости, ко мне женихи;
К тебе будут в лаптях, ко мне в сапогах.

ЗАМУЖЕСТВО С ЧИНОВНИКОМ

Вился, вился ярый хмель,
Около тычинки серебряныя!
Так вились князя и бояре
Около девицы, красной души.

СВАДЬБА

Уж как на небе две радуги,
У богатого мужика две радости:
И он сына-то женит,
Дочь замуж отдает.

ДЕВУШКАМ ЗАМУЖЕСТВО, А ХОЛОСТЫМ ЖЕНИТЬБА

Уж как кличет кот кошурку в печурку спать:
Ты поди, моя кошурка, в печурку спать.

У меня, у кота, есть скляница вина,
Есть скляница вина и конец пирога;
У меня, у кота, и постеля мягка.

ЗАМУЖЕСТВО С БОГАТЫМ

У Спаса в Чигасах за Яузою
Живут мужики все богатые,
Гребут золото лопатами,
Чисто серебро лукошками.

Иные разумеют под сею песнью смерть пожилым, а не замужним брак, но это неправильно: само содержание выражает богатство, а не смерть. Значение же золота и серебра употребляется в гадании вместо богатых женихов.

НЕСЧАСТЬЕ

Жемчужина окатная!
До чего тебе докатится?
Пора тебе выкатится
Князьям и боярам на шапочку.

ВЕЛИКОЕ БОГАТСТВО И СЧАСТЬЕ

Идет кузнец из кузницы,
Шубенка на нем худенькая
Одна-то пола во сто рублей,
А другая пола в тысячу,
А всей шубенки цены нету:
Цена-то ей у царя в казне,
У царя в казне, в золотом дворце.

ЗАБАВЫ И РАССТАВАНИЯ

Подблюдные песни пели по произволу: иногда прежде девичьих игр и гаданий, а иногда после потех, которые состо-

яли в плясках, рассказах, прибаутках, сказочках и наряжанье. Не было правила для веселья: все зависело от расположения духа гостей; но хозяин, чтобы более развеселить их, вводил в комнату наряженных шутов. Скоморохи выдумывали забавные наряды, чтобы порассмешить. Узкие брюки, треугольная бумажная шляпа с гусиным пером, длиннополый, с широкими фалдами до пядей фрак, долгий нос, сухощавое лицо, ноги тонкие и высокие и брюхо, вдавшееся во внутрь тела, были изображением немцев. «Моя *твоя* ходили с низкими поклонами и ели траву». Другие шуты представляли в смешном виде и боярскую спесь, не в бровь, а прямо в глаз. В числе наряженных находились часто сами суженые, которые принимали на себя разнообразные виды. Слепые лазари, одетые в оборванное платье и с кием в руке, были суженые; они подходили к девушкам просить милостыню, стараясь рассмотреть их поближе; с намерением вступали с ними в сердечный разговор; жаловались на тягостную судьбу, бездомную жизнь. «Лазарь, бедный Лазарь, чего ты ищешь?» – спрашивала суженая. «Судьбы своей», – отвечал он. Сердце девушки сильно билось, когда она узнавала знакомый голос; гости старались открыть его, но приличие не допускало. Суженому позволялось тешить гостей, а невестам отгадывать. Иногда неожиданно вбегала в комнату толпа переряженных мужчин и женщин: лица их окрашивались кирпичом и охрою, а иногда вымазывались сажею; на голове торчал предлинный бумажный колпак, разрисованный произвольными изображениями. Толпа начинала плясать и скакать. К ней принадлежали и неприглашенные гости.

Судя по разнообразию переряживаний, нельзя утвердительно сказать, какие из них были употребительнейшие. Говорят, что бука, коза, медведь, яга-баба, плясуны и дорожные люди употреблялись всего чаще. Бука наряжался всех забавнее: лицо его было обмазано сажею, голова обставлена рогами, уши обернуты лохмотьями, руки из соломы, ноги толстые и кривые, тело обвивалось чем-нибудь косматым, с привешенными бубенчиками; во рту он держал раскаленные уголья, и

из одного выпускал он дым. Коза шла за букою, одетая в вывороченный тулуп, и кричала «бя»; за нею неповоротливый, в лаптях медведь с палкою и ревел. Его вел литвин в своем народном платье; по его требованию медведь плясал и делал разные кривлянья. Яга-баба ехала в ступе, с костяными ногами, помелом заметала свой след и правила костылем. Зубы имела она черные и открытые, лицо старое, морщинистое; делала загадки и сама отгадывала. «Загадаю я загадку, красная девушка, отгадаешь – сбудется. Двое идут и двое несут, а сам треть поет». Или: «Два кольца водит один отец; кому на руку, тому всему конец. Не отгадала, красная девица! Венчание, красавица-душа, венчание!» Загадаю еще загадку: «Под лесом, лесом пестрые колеса висят; девиц украшают, молодцов дразнят. Не отгадала? Серьги. Еще загадаю загадку:

Бежит, летит,
На весь свет кричит:
Раздайтесь, расступитесь,
Меня спроситесь. *(Сватовство)*.

Дарья с Марьей видятся, да не сходятся. *(Потолок с полом)*
Стоит баба на грядках, вся в заплатках; кто нейдет, всяк
заплачет. *(Лук)*

Две Матрены, пять Филилеев, да десять Андреев. *(Дровни)*¹
Красный кочеток по нашестке бежит. *(Огонь)*
Бык железный, хвост кудельный. *(Огонь)*

Стоит поп низок, на нем семьдесят ризок. *(Реза)*
Стоит мост на семь верст, на мосту яблоня, на яблоне
цвет во весь свет. *(Пасха)*

Летит орел, несет во рту огонь, и позади его смерть идет.
(Ружье)

Без окошек, без дверей полна церковь людей. *(Огурец)*.
Шерстка с шерсткой сходится, по-вечерошнему хочется. *(Сон)*
Гни меня, ломи меня: у меня на макушке есть махнушка,
в махнушке закрылось, то красным девушкам
полюбилось. *(Орехи)*

¹ Матрена в простонародье означает «полоз», Фалилей – «вязки», Андрей – «копылы». От чего произошли эти названия, мне неизвестно.

Стоит рогатка, на рогатке мохнатка, в мохнатке сладко. *(Орехи)*
Кто таков, как Иван Ермаков: сел на кол, да поехал в огонь.

(Горшок)

Бык ревет, хвост до небу дерет. *(Колодезь)*.

Сутуленький, горбатенький все поле пробежал. *(Серп)*.

Сивый конь через ворота смотрит. *(Луна)*

Выгляну в окошко, стоит репы лукошко. *(Звезды)*

И у нас, и у вас поросенок увяз. *(Мох)*

Четыре сестрицы под одной фатой стоят. *(Стол)*

Четыре сестрицы в одну лунку глядят. *(Доение)*

Загадаю загадку, закину за грядку, в год пушу, в другой
выпущу. *(Посев)*

Выгляну в окошко, стоит долгий Антошка. *(Угол)*

Черная корова всех поборола. *(Ночь)*

Лезу, лезу по железу; лезу на мясную гору, сяду на деревянну
беседку. *(Верховая езда)*

Стоит гора, в горе нора, в норе жук, а в жуке море. *(Чугун,*
стоящий в печи с водою)

Мать толста, дочь красна, а сын под облака ушел. *(Печь,*
огонь и дым)

Старый барин кусочками валит. *(Овин)*

Блоха быка родила. *(Редька)*

Два борова грызутся, промеж них пена валится. *(Жернова)*

Режу, режу, крови нету; еду, еду, следу нету. *(Корабль)*

Утка крикнет, берега звякнут, собираются детки к одной матке.
(Церковь)»¹

Загадки применялись к месту и обстоятельствам. Яга-баба², высказывая двусмысленно свои загадки, обращала их

¹ Это самая малая часть загадок, а их очень много. Должно жалеть, что они доселе не собраны у нас и не объяснены.

² Венгерские славяне произносят Ензи-баба.

Ензи-баба,
Стара-баба,
Ту мам зуб костяны,
Дай ми зань железны.

У них сохранилась про нее легенда. Один охотник, который давно желал найти дорогу к аду, ходил, искал и долго блуждал напрасно. Перезябший

преимущественно на семейные дома. Если она замечала в них какие-либо недостатки или пороки, то никого не щадила. Яга-баба всегда ловко отделялась от вопросов. Молодые люди подступали к ней и спрашивали: «Яга-баба, костяная нога! отчего болит голова?» – «Оттого, что болит сердце», – отвечала она. Ее дергали за косу и смеялись над нею.

Наряженные важничали и корчили знатных. К их толпе приставали плясуны. Сколько сладостных чувств в русской пляске! Это разговор сердца с сердцем, выражение мысли и

и голодный, он пришел в лес случайно, разложил около реки огонь, вынул из мешка кусок солонины, продел на деревянный вертел и пек так сильно, что потекло из него масло, которое капало на подставленный им кусок хлеба. Вдруг он слышит, в стороне от реки кто-то скрежещет зубами и кричит: «Ой, как мне холодно! Ой, как мне холодно!» Он посмотрел на реку и видит стоящую там женщину. «Эй! – закричал он ей, – поди сюда и согрейся». Она пришла и начала греться. Запах солонины возбудил в ней приятный аппетит. Взяв сучок дерева, она пошла к ближнему озеру, вторкнула на сук жабу, возвратилась к огню и начала жарить ее, приговаривая:

Кому се печи печена,
Того буде жаба;
Кому се печи жаба,
Того буде печена.

В других местах утверждают, что она говорила так:

Мне се печи печена,
А тебе се жаба;
Ты хцеш итти до пекла;
Я сом Ензи-баба.

Яга-баба рассказала ему потом про ад и указала дорогу, посоветовав, чтобы он прежде всего запасся мясом, потому что змей, который сидит у входа, донесет его на себе до ада, а потом он будет ехать на лошади в то время, когда змей раскроет свою пасть, бросал бы ему по куску мяса в пасть, иначе сожрет он его самого. Охотник набрал, сколько мог, всякого мяса, отыскал дорогу к змею, сел на него и ездил на нем по адской пропасти, бросая всякой раз в раскрываемую пасть змея по куску мяса. Охотник, осмотрев весь ад, опять сел на змея и полетел из преисподней, но, к своему ужасу, он увидел, что у него остается мяса немного. Он летел и уже был недалеко от земли. Боясь, чтобы не быть съедену змеем, он отрезал свою ногу и готовился бросить ее в разинутую пасть змея, но последний проглотил охотника со всем телом. (Kollar. «Norodn. Zpiew.», ч. I, с. 12.)

желаний. Почтенные гости усаживались на скамьях и смотрели с невыразимым удовольствием на пляску, которая перерывалась на время переряженными. Входили дорожные люди, из всех опаснейшие для суженых. Это были нарядные с делом от матушек, чтобы высматривать и выведывать разговоры суженых. Они одевались попросту: ходили с палкою в руке, в лаптях и дорожном кафтане. Лица имели подкрашенные; иные из них разыгрывали калек с поддельными горбами, привязав к спине решето или короб; иные были с отвислыми животами, поделанными из подушек, и с кривыми, уродливыми ногами. Дорожных людей расспрашивали про новости: где что слышно и издалека ли идут они? Угощали их и вновь спрашивали: куда теперь идут, как Бог привел их сюда? Дорожные отвечали: «Слыхали мы, матушка Ивановна, что сего дня вечер красных девушек у боярина Ильи Артамоновича, и мы, незваные, пришли погреться; да не прогневается хозяин», – говорили они и кланялись последнему в пояс. «Без вас веселье не веселье», – отвечал хозяин. «Не нами оно начиналось, не нами кончится, – дорожные отвечали ему с поклоном. – Испокон века так ведется на Руси: где веселье, там девичье потешенье». – «Вестимо, добрые люди», – отвечал им хозяин. Сажал их на лавку, угощал вином. Между тем шли обиняком разговоры о суженых.

Вино текло рекою. Хозяин для поддержания важности своего дома не переставал угощать званых и незваных, наряженных и ненаряженных. Те, которые ничего не пили, считались важными и *непитущими* (непьющими). Если же кто из почтенных гостей, напившись, начинал засыпать, того принимались качать на руках дворовые люди и пели ему: «Слава!»

При наступлении разъезда гостей сговаривались, у кого попить, и новые снаряжались поезда. Не всех приглашали одинаково ласково. Если приезжали наряженные, то тщательно старались узнавать про них; когда же не было возможности успеть в этом, то принимались качать их. Подхватывая гостя на руки, раскачивали и бросали его вверх; потом опять

раскачивали и бросали при пении «Слава!», пока гость не назовется. Тогда принимались пить за его здоровье, если гость по сердцу; в противном случае притворялись, что рады его приезду. За здоровье боярыни или красной девушки пили из башмака, сняв оный почтительно с ее ноги. Это обыкновение перешло к нам из Польши. Считалось великою обидой, если женщина отказывалась от этой чести.

Нагулявшись и навеселившись, гости разъезжались чинно. Хозяин и хозяйка упрашивали их посидеть еще немножко; они отказывались; хозяин и хозяйка кланялись в пояс, но они наотрез говорили: «Матушка свет! не все пить, надо и спать. Чай, петухи пели, только черти веселятся в полночь. Мы же никакие нехристи и никакие окайнные». — «И знае-мо, Анна Степановна, — отвечал хозяин, перекрестя лоб и говоря, — не при нас будь сказано, нечистая сила давно гуляет в поле!»

Прощание продолжалось несколько часов: гости приседали и вставали, отказывались пить на дорогу и пили; целовались, обнимались, и всякое объятие скреплялось новою чаркою вина. Но уже нет возможности удерживать гостей. Давно рассвело, и все кричат: «Отпусти нас, хозяин!» Начиналось провожанье и наступало новое чмокание, что частые звезды; все должны были перецеловаться, расцеловать хозяина, хозяйку и его детей. Двинулись санные поезда, а гости все кричали издали хозяину, стоявшему еще у ворот: «Пожалуй, не забудь, батюшка, побеседовать на нашем вечере».

У стариков поныне льются слезы, когда вспомнят про былое.

3. Святочные гадания и переряживания

ПОДБЛЮДНОЕ ГАДАНИЕ

Святочные вечера провожались в старые годы угощениями, многообразными забавами и гаданиями, которые на-

зывались *девичьим весельем*. Гости, особенно суженые, ожидали гаданий с нетерпением. К общему желанию выдвигался стол, накрытый белой скатертью, и ставился свахою посреди комнаты. Старые люди просили молодых попытать свою судьбу. Сердце девушек сильно билось, особенно в то время, когда няня или кто-либо из гостей ставили блюдо с водою на стол. Все усаживались около стола, молодые поглядывали. Сваха собирала перстни и кольца у красных девушек и клала их на стол; придвигались тогда поближе к столу. Красавицы стояли у блюда или поодаль и пристально смотрели на действия свахи, которая принимала на себя важный вид. Она клала на стол несколько угольев, кусок ржаного хлеба, несколько кусочков крупной соли. В иных местах клались по числу загадывающих угольки, соль и хлеб. Сваха прошептывала над ними таинственные слова и потом, приступив к столу, говорила: «Суженого, ряженого конем не объедешь» и просила прочих гостей также спросить судьбу о будущности своей. Гости, наперед задумав, отдавали ей свои вещи, которые складывались вместе.

И ныне почти также совершаются подблюдные гадания, только без свях, а одними девушками, которые, взяв блюдо, кладут в него сначала хлеб и соль, потом вынутую из печи глину и уголь, напоследок каждая, положив в блюдо какую-нибудь из своих вещей, например кольцо, перстень или что-нибудь другое, и заметя свою вещь, загадывает о судьбе, начиная обыкновенно песнею хлебу, с припевом к каждому стиху: «Слава!»

В прежние годы гадания начинали свахи песнею хлебу и соли, за нею пели девушки:

Хлебу да соли долог век,
Слава!
Боярышне нашей боле того,
Слава!
Кому мы спели, тому добро.
Слава!

После этих слов сваха опускала в блюдо хлеб, соль, угольки, перстни, кольца и другие вещи и пела:

Кому вынется, скоро сбудется,
Слава!
Скоро сбудется, не минуется,
Слава!

Потом трясла блюдо и вынимала вещи. Если вынимала вдруг два кольца, то певали:

Как на небе две радуги,
Слава!
А у богатого мужика две радости,
Слава!
Первая-то радость – сына женит,
Слава!
Другая радость – дочь замуж отдает,
Слава!
Кому спели, тому добро.
Слава!

Из самых важных святочных вечеров есть Васильев вечер. Для него делались богатые семейные собрания; тут ничего не щадили для угощений и производили всевозможные способы гаданий. Наши старые люди думали, что все гадания, произведенные в этот вечер, непременно сбывались. Случалось, что сваха или другая какая-либо женщина вынимала с намерением вещи суженого и суженой:

Расцветали на небе две радуги,
Слава!
У красной девицы две радости,
Слава!
С милым другом совет,
Слава!
И растворен подклет,
Слава!

Вынутые таким образом вещи означали неминуемый брак. Сваха продолжала искать два колечка и пела:

Пойду, млада, к вереюшке,
Слава!
Брякну, млада, во колечушко,
Слава!

Отыскав два кольца, она брякала ими в блюде и, обращаясь к гостям, пела:

Как колечко скажется,
Слава!
Так суженый откликнется,
Слава!

Вынув два кольца и показав их присутствующим, она толковала: «Чему быть, того не миновать». Если же случилось, что вынимала два девичьих, то одно откладывала и искала суженого.

Не одна сваха могла гадать, но и девицы. Для этого избирали красавицу и ловкую; избранная подступала к столу с трепетом и, сев, пела:

За столом сижу,
Слава!
Я на чашу гляжу,
Слава!
Я пятернею вожу,
Слава!
Золото кольцо ищу,
Слава!

Если не находила кольца или боялась взять не то, которое бы желала, то продолжала:

Я еще посижу,
Слава!

Я еще повожу,
Слава!
И суженого найду,
Слава!

В этот раз она должна была показать, что вынула. Хорошо, если вынула вещь по сердцу особы загадывающей. Матушки обращали тогда особое внимание на жениха.

В иных местах девушки ставят на стол красное деревянное блюдо, покрывают его большим белым платком и кладут на платок кусок хлеба и несколько угольев; потом каждая из девиц загадывает кольцом, перстнем, запонкою, серьгами и проч. Перекрещивают блюдо загаданной вещью и кладут каждую отдельно под платок. Пропев песнь хлебу, ломают его и уголь на кусочки, делят между собой и потом завертывают в рукав рубашки, с коими должны лечь спать; и что приснится, то должно случиться. После достают каждую вещь при пении «Слава!» и толкуют будущую жизнь по вынутому предмету. Если с девичьими вещами вынимаются и мужские, то поют:

Пошли гусли вдоль по лавке,
Слава!
Вперед по скамейке,
Слава!

Девушка ходит между рядами суженых и отбирает у них вещи:

Мы дойдем до умника,
Слава!
До разумника Ивана Михайловича,
Слава!
Ты пожалуй нам, умник,
Слава!
С правой руки золот перстень,
Слава!

С буйной головы золот венец,
Слава!

Когда пели для девушки или для мужчины, тогда остав-
ляли их имена.

Пошли гусли вдоль по горнице,
Слава!
Ай, вдоль да по скамеечке,
Слава!
Дошли гусли до столешника,
Слава!
Что до дубового,
Слава!
Ты возьми, возьми, умница,
Слава!
С правой руки золот перстень,
Слава!
С своей ли головы золот венец,
Слава!

Девушка перемешивает вещи и берет одну наудачу:

Кому вынется, скоро сбудется,
Слава!
Скоро сбудется, не минется.
Слава!

Если из собранных вещей доставался кому-нибудь пла-
ток, то это означало дорогу с суженым.

Или:

Золотая парча развивается,
Слава!
Кому в дорогу собирать,
Слава!
Стоят сани снаряженные,
Слава!

И полостью подернуты,
Слава!
Только сесть, да поехать,
Слава!

ЗОЛОТО ХОРОНИТЬ

За подблюдными песнями следовали игры, из коих самая старинная и поныне употребляемая между всеми условиями, с небольшими местными изменениями, это есть *золото хоронить*. Девушки садятся в кружок, положив руки на колена. Одна из них, подходя к сидящим в кружок, отдает тайно которой-нибудь свое кольцо, а другая должна отгадывать, кому оно отдано. Отдавшая кольцо поет:

И я золото хороню, хороню;
Чисто серебро хороню, хороню;
Я у батюшки во терему, во терему;
Я у матушки во высоком, во высоком.
Гадай, гадай, девица,
Отгадывай, красная!
В коей руке былица,
Змеиные крылица?

В это время девушка ходит в кругу, другие передают незаметно кольцо, которое быстро обходит целый круг или остается в руках хоронящей, иногда весьма долго, с тем намерением, чтобы сбить ищущую, обманывающуюся мнимой передачей кольца: она часто ищет последнее у той, у другой, третьей девицы и не находит. Когда кольцо ходит по рукам, тогда поют:

Пал, пал перстень
В калину, в малину,
В черную смородину.
Гадай, гадай, девица,
Отгадывай, красная,

В коей руке былица.
Змеиные крылица.

Стоявшая в кругу ищет золото по рукам девушек, коих особая ловкость состоит, показав кольцо, успеть вдруг передать другим или скрыть его так, чтобы ищущая не знала, где искать. Если она отыщет, то схоронившая золото занимает ее место, хотя бы не кончилась песнь. В противном случае должно искать и, ходя в кругу, петь:

И я рада бы гадала,
И я рада бы отгадывала,
Как бы знала, как бы ведала,
Чрез поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелком перевиваючи,
Златом приплетаючи –
Ох вы, девушки!
Подруженьки¹;
Вы скажите, не утайте,
Мое золото отдайте.
Меня мати хочет бити,
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертым жемчужным.

Ей отвечают:

Гадай, гадай, девица,
Отгадывай, красная.

Если золото не отыскивалось, то снова:

Пал, пал перстень
В калину, в малину,

¹ В иных местах поют:

Ах вы, кумушки,
Вы, голубушки.

В черную смородину.
Очутился перстень
Да у боярина, да у молодого,
На правой ручке,
На малом мизинце.
 Девушка гадала,
 Да не отгадала;
 Красная гадала,
 Да не отгадала,
 Его съела рыба!
 Проглотила рыба
 Еще соли солонку.
Наше золото пропало,
Да и порохом запало,
Да и мохом заросло.
Призаиндевелю, призаплесневелю.
Вечер, вечер молоденька
С дворянином поиграла,
С руки перстень потеряла.
Молодайка, отгадайка!

Искавшая золото нашла, и тем прекращается игра. Тогда занимает место та, у коей было найдено, и продолжают играть прежним порядком.

Все сословия праздновали святочные вечера, и сколько они доставляли потех, столько приносили с собою тягостей, потому что в семейные дома появлялись неожиданно хожалые сваты, коих должны были угостить. Они приходили с поручениями высмотреть невест и пригласить на вечер семейного соседа посидеть, поговорить. Хожалый сват одевался в праздничный кафтан, голову приглаживал квасом, а волосы расчесывал в кружок; шапку надевал набекрень и, взяв палку, ходил по домам сзывать добрых людей. Пирушки, разъезды и приглашения были шумные, и в дом званый ездили семействами в огромных санях. Гостей встречали в избе; посадские и простые люди потчевали стариков и старух зеленым вином; молодые угощались орехами, пряниками и брагою. Пели и

плясали. Появлялись наряженные и шуты; в числе их скрывались суженые. Они тешили гостей и вступали в разговор с теми, кого любили. Девушки и молодцы пели хороводные и игорные песни. Обыкновенно начинали подблюдной песню и оканчивали гаданиями. Подблюдные песни девушек здесь были живые, потому что в них принимали участие все веселившиеся, старики и молодежь. Какие пелись песни в боярском кругу, такие и между ними. То же самое было с игорными песнями, загадками и гаданиями, с той разницею, что в высшем сословии господствовали приличие и вкус, а в обыкновенном было более простоты и радушия.

МЕСТНОЕ ОТПРАВЛЕНИЕ СВЯТОЧНЫХ ВЕЧЕРОВ

Дух веселости русского проявляется на Святках во всех его действиях: в радостном разговоре, радушном приеме, красивой одежде и в избе, оглашаемой песнями. Еще до наступления Святков в мыслях каждого сооружается целый мир предстоящих забав: там наряды, там дружеские пирушки, игры и молодецкие песни. Там – да всего не перечесть!.. Чувство девушек занято еще более. Каждая из них думает тогда проникнуть в свою судьбу; узнает наперед своего суженого, узнает, каков он будет и будет ли она счастлива с ним, другая даже уверена, что она будет счастлива! Но вот приходят Святки, и мечтания красавиц разыгрываются сильнее. Тут все: уборы, игры, гадания, вечерушки и посиделки. Сами разговоры пожилых людей идут тогда важно, начинаются свысока, толкуют уже не о том, о чем в простые вечера, потому что каждый в своей новой и щегольской одежде представляет из себя старосту, бурмистра, приказного или кого-либо повыше.

С Рождества до Крещенского сочельника – период собственно Святков; тогда все наслаждаются удовольствиями, особенно девушки и парни; все делается живым, игривым. Нет уголка в России, который бы не встречал Святков с

бьющимся от восторга сердцем и не расставался бы с ними грустно. Также нигде нет столько заманчивых удовольствий, как в нашей столице, но, увы! Они не русские. Даже многого недостает в самой матушке-Москве. Напрасно она хвалится и кичится, что у нее дух чисто русский: нет, в ней смесь чего хотите – старины, чванства и подражания. Где же старая Русь? В ее Кремле, монастырях, церквях, старинных зданиях, кривых и темных улицах и раскиданных домах, выстроенных словно для дач. В уездах Московской губернии можно еще отдохнуть русской жизнью. Там Святки, там и свои забавы! Но чем далее отодвигаетесь от Москвы, тем более видите, что она, как старушка, только ворчит про свое былое; рассказывает тысячу раз одно и то же, как она ходила в цветных и парчовых одеждах, гуляла разряженная, пиновала во всем разгаре чувств народных, тешилась играми, песнями и праздничным разгулем. Не то ныне! В отдаленности от нее сохранилось еще много своего неподдельного: там забавы и праздники, гадания и Святки совершаются без всяких чуд, просто, по желанию каждого. Встречается видеть, что обыкновения старины изменились довольно, однако они не изменили общего духа веселостей.

В Орловской губернии молодые люди собираются на Святках в один какой-либо дом и там поют песни, гадают, играют, пляшут, наряжаются, кто чем вздумал: козою, собакою, медведем, петухом и т. п. и ходят пугать по домам. Главные забавы составляют гадания и катание на санях при пении песен. Старики проводят время в разговорах о былом. Боятся веселиться за полночь, думая, что черти разгуливают по перекресткам и улицам. Даже по захождении солнца страшатся ходить на гумно. Простой народ, особенно малолетние, боятся в то время попа. Когда священник славит Христа на Святках, тогда старухи, указывая детям на него, грозят, что их отдадут попу, коль скоро не перестанут шуметь или плакать.

Первые дни Р. Х. в Смоленской губернии считаются *неприкосновенными*. Первый день проводят дома или у родных. Второй, называемый *молодионы* (день младенцев), все женщи-

ны, имеющие детей менее годичного возраста, носят их в церковь причащать, несмотря ни на какую погоду. Это обыкновение, самое старинное в этом крае, соблюдается свято. Может быть, оно совершается в воспоминание избияния младенцев или избавления нашего Спасителя от смерти, коему поручают судьбу своих детей. В третий день начинаются посещения и угощения, а там уж наступают святые вечера, в которые никто не работает: хозяйка не шьет, не вяжет, не прядет и не сучит ниток; хозяин даже не вьет веревок; ни один мужчина не станет плести лаптей, и если б имел в них надобность, то скорее купит; замужняя женщина даже не заплетает косы, но, расчесав волосы, кладет пластом вокруг головы и потом завязывает платок или наметку. Зажиточные крестьяне вовсе не занимаются работой в святочные вечера. Если бы кто заметил о сем кому-нибудь из них, то получил бы в ответ: «Помилуй! я живу двором, у меня есть скотинка: к чему же мне гневить Бога! Вон Прокопыч прошлогодними Святками вил веревки: у него отелилась корова, а у теленка завитые ноги. Силыч лапти плел, ан жеребенок родился сплетенный, будто лапоть». Обратитесь ли с вопросом к хозяйке, она тоже скажет: «И ах, сударь, что вы это? Ведь я замужняя. Вон у Петровичевой окотился ягненок: ноги согнуты, как петли, а ведь за то, что чулки вязала о Святках. Соседка наша стала чинить рубахи, так и родила нынче ребенка с заплатою на щеке; а другая соседка нитки сучила — что ж? Родила девочку, а у девочки нога ссучилась с рукою. А сколько мучилась, бедняжка!»

Вечеринки, занимая здесь важное действие в сословии крестьян и однодворцев, разделяются на *безденежные* и *со взносом денег*. На безденежные собираются гости по приглашению хозяев, которые потчуют их орехами, клюквою с медом и маком с медом и нанимают музыкантов для плясок. Вечеринка со взносом денег составляется молодыми людьми из одной какой-либо деревни. Выбрав по общему согласию горницу¹, просят у хозяина позволение сделать в его доме

¹ Чистая комната, в коей не живут сами хозяева, а только принимают в ней гостей.

вечеринку и потом отправляют в соседние деревни с *ведомом*, что в таком-то доме будет вечеринка. Молодежь обоего пола, запасшись кормом для лошадей и мелкими деньгами для музыкантов, съезжается на зов, пирует до рассвета; в конце вечеринки музыканты подходят к каждому из пирующих с тарелкою, куда кладут деньги. Веселье на этой вечеринке сопровождается танцами и хороводными играми, но часто выходят ряженые на сцену: журавль, одетый в шубу, с длинной шеею из шубного рукава и деревянным носом. Он важно расхаживает между гуляющими и поклевывает тех, которые мешают его длинноногой походке. Тут гуляет жид с бородой и пейсами (локонами) из льна и с коробкою под мышкой. Он навязывает свой товар или правит старый долг: «А кились отдашь grosи, паныцю?» Там целая гурьба цыган и цыганок, которые меняют вещи, продают, вороват и пляшут со свойственными им ухватками, и часто весьма забавно. Здесь тащится Антон с козою. Его появление есть вызов к пляске. Музыканты дернут смычками, и пойдет присядка с припевом:

Антон козу ведет,
Антонова коза нейдет;
А он ее подгоняет,
А она хвостик подымает,
Он ее вожками,
Она его рожками.

Сначала коза пляшет, потом упрямится. Антон бьет ее веревкою, а она бодает его рогами и дрыгает ногами. Приводят еще медведя в вывороченной черной шубе. Он представляет, как парни ходят к девкам, как девки крадут на поле горох, как богатый барин величается на куте. Иногда в веселый круг является смерть, одетая в саван; голова ее повязана наметкою, глаза и нос красные из свеклы; огромные клыки из редьки. В левой руке она держит свечу со свитком бумаги или чашу с зажженной водкою, а в правой — деревянную косу.

Когда ряженные перебивают, все напляшутся до упаду и музыканты устанут играть, тогда начинают порываться домой; однако тут еще затевают игры, окончанием коих бывает женитьба *бахоря*. Он обыкновенно выбирается из пожилых и избирает себе в жены одну из пожилых женщин. Они представляют из себя родителей всей играющей молодежи. Жена бахоря свивает из полотенца жгут и подает мужу. Став в кружок, молодежь поет под музыку песнь:

Поехала бахорька по дрова, по дрова¹,
А его секира тупа, тупа,
А его кобыла ленива, ленива.

Не стали дрова рубиться, рубиться.
Так задумав ион жениться, жениться,
Чтоб за детками лениться, лениться.

В продолжение песни подают накрест друг другу руки и потом кружатся. Во время этого действия бахорь берет за руку какого-нибудь сына, а мать — дочь, выводят их на сцену и заставляют целоваться. Тогда они уже женатые и садятся попарно. Никто из посторонних не смеет разлучить их. Таким образом женятся все. Если сын или дочь упрямятся, то бахорь хлещет их жгутом. После женитьбы музыканты играют какую-нибудь плясовую, а бахорь с маткою пляшут, как здесь говорят, на *долгий лен* и потом целуются, показывая через то добрый пример своим детям. За ними пляшет каждая пара отдельно и также целуется; потом все пары пускаются в пляску наподобие экосеза. Эта игра, позволяя некоторые вольности — свободно держать руку на плече и даже, обняв, поцеловать — скрывает в своем начале ухищрения молодых людей: здесь они перешептываются с бахорем и предварительно назначают себе пару; бахорь передает тайну своей жене, и таким образом сводятся пары, любящие друг друга.

¹ Последние слова каждой строчки поются протяжно.

При повсеместном употреблении *золото хоронить* встречаются в большей или меньшей степени изменения, например в Смоленской губернии. Тут часто после танцев или других забав начинают золото хоронить, и обыкновенно этот долг лежит на хозяйке или на близкой к ней. Усевшись в кружок, кто-либо из молодых принимает на себя обязанность отыскивать золото.

Уж я золото хороню, хороню,
 Чисто серебро хороню, хороню;
 Я у батюшки в терему, в терему;
 Я у матушки в высоком, в высоком.
 Думай, гадай, девица,
 Отгадывай, красная!
 В коей руке былица,
 Змеиное крылице?
 Уж я рада бы гадала,
 И я рада бы отгадала,
 Через поле идучи,
 Русу косу плетучи,
 Шелком увиваючи,
 Златом приплетаячи.
 Ах, вы, кумушки, голубушки,
 Вы скажите, не утайте,
 Мое золото отдайте.
 Меня мати хочет бити
 По три утра, по четыре,
 По три прута золотые;
 Четвертый жемчужный. (2)
 С дворянином проиграла,
 Вечер перстень потеряла.
 Пал, пал перстень
 В калину, малину,
 В черную смородину.
 Очутился перстень,
 Да у дворянина,
 Да у молодого.

На правой на ручке,
На мизинном пальце.
Девушки гадали, да не отгадали,
Красны гадали, да не отгадали.
Наше золото пропало,
Чисто золото запало
И снежком занесло.
И заинело.

В продолжение песни дама или девица ходит в круг и показывает, будто бы она каждому отдает перстень, но между тем тайно оставляет у кого-либо. После этого отыскивает перстень молодой человек, и когда он не найдет у той особы, у кого думал найти, то уже не смеет искать у нее другой раз. Он повторяет поиск до трех раз, но если не найдет в третий раз, то дама, хоронившая золото, женит молодого человека, а если отыскивала золото девушка, то она выдает ее замуж. При этом поют:

На улице, матушка, хоровод девок,
хоровод девок!
А я у тебя, матушка,
Не женат, холост!
Не женат, холост!
Жени меня, матушка,
Жени, государыня. (2)

Если поют про девушку, то прибавляют:

А я у тебя, матушка,
Незамужняя,
Незамужняя!
Выдай меня, матушка, замуж,
Выдай, государыня!

Хоронившая золото берет молодого человека или девицу за руку и потихоньку спрашивает: «Кого хотите выбрать?»

Потом, подводя их к играющим, говорит: «Мне удалось женить или выдать замуж. Теперь отгадайте, кому он или она нравится?» Играющие отгадывают по очереди, пока не дойдут до особы, на которую пал выбор отыскать золото, а прежде хоронившая садится на место отыскивающей. Таким образом повторяется игра по желанию.

Если перстень отыщется в первый или второй раз, то особа, у которой он нашелся, должна искать его; которая искала, должна хоронить его; а хоронившая садится на место той особы, у которой он нашелся.

В Пензенской губернии первые два дня Р. Х. посвящены посещению родных, а с третьего дня начинаются наряживания, игры и гадания и продолжаются до Крещенского сочельника. В наряживании бывает произвол: иногда являются генералы с бумажными звездами и офицеры разных полков. Толпы наряженных отправляются на званные вечера, где встречаются девушки, переодетые в татарок, турчанок, жидовок и т. п. Начальная игра состоит в хоронении золота, причем поют:

Уж я золото
Хороню, хороню,
Чисто серебро
Хороню, хороню.
Я у батюшки
В терему, в терему;
Я у матушки
В высоком, в высоком.
Ищи, гадай, девица,
В коей руке былица,
Змеиное крылице?
Рада б, сударь, гадати,
Через поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелком перевиваючи,
Златом пересыпаючи.
Ой вы, девушки,

Вы мои, вы мои!
Вы скажите, не утайте,
Вы, пожалуста, отдайте,
Мое золото пропало.
Меня мати хочет бить
По три утра, по четыре,
По три прута золотых,
Четвертый жемчужный.
Вечерок проиграла,
С руки перстень потеряла.
Пал, пал перстень
В калину, малину,
В черну смородину.
Очутился перстень
Да у дворянина,
Да у молодого,
На правой на ручке,
На левом мизинце.

У кого найдется перстень по окончании песни, тот должен искать его, а хоронить тот, кто угадывал прежде. После этого играют в соседи, набор и фанты, при коих постоянно раздаются поцелуи. Играют еще с большим удовольствием в «подушечку». Одна из девушек берет картуз и, надев его на голову, поет вместе со всеми:

Подушечка, подушечка,
Ах ты, пуховая!
Я барышня, я барышня
Очень молодая.
Кому вечер, кому вечер,
А мне вечеринка.
Кому дети, кому дети,
А мне красны девки.
Кого люблю, кого люблю,
Того поцелую;
Пуховую подушечкой
Того подарю.

Тут девушка надевает картуз, на кого захочет, и целуется. Если эта игра наскучит, то заводят другую. Девушка берет палку и поет вместе с другими:

Да не то-то я катиться могу,
 Да не то-то я молиться могу.
 Я могу, могу по келейке пройти,
 Я могу, могу пивца, винца испить,
 Из винного ковша,
 Из чарочки позолоченной;
 До кого-то я, младешенька, дойду.
 Я приставлю свой костыль¹,
 Я ко золоту, ко серебру,
 Ко девичьему ко терему.
 А сама я поскачу, попляшу,
 Взвеселю своих милых гостей.
 Уж я батюшку с матушкою,
 Родного братца со невестушкою,
 А сестрицу со подруженьками.

Забавы оканчиваются по большей части игрою «*мостить мост*»; но веселости продолжаются до Крещенского сочельника. В сам день Крещения простолюдины считают за долг омыться от святочной нечистоты в проруби после погружения в оной креста. Но в губернском городе это не удастся им, потому что приставляют особую стражу. Ускользнувшие от бдительности будочников бросаются в прорубь, за что иногда получают от них палочные воздаяния по спине. Вообще по совершении водоосвящения святочники кидаются наперебой в воду, а из нее устремляются опрометью в орловскую (питейный дом) для согревания тела.

Но еще более разнообразия представляют святочные забавы Вологодской губернии, где сами Святки называются *кудесами*. На другой, но более на третий день праздника собирается молодежь на вечера или, как здесь выражаются, на посиделки. Каждый зажиточный, включая сюда все купеческое

¹ Здесь она приставляет костыль к кому захочет.

сословие и чиновничество, поставляет себе за долг сделать в своем доме несколько посиделок, особенно у кого побольше дочерей. Последние приглашают к назначенному дню своих подруг и знакомых. Обыкновенное время съезда бывает шестой и седьмой час вечера, иногда ранее. Угощение составляют чай и конфеты. Кто побогаче, у того весь стол установлен конфетами, вареньями, орехами и яблоками. После чая начинают вместо танцев петь песни, которые ни более ни менее как музыка, потому и танцуют под пение. Мужчина подходит к девушке и берет ее, чтобы с ней играть и петь¹. В конце всякой песни каждая девица одаривает поцелуем своего мужчину, потому все святочные песни здешнего края направлены к этой цели! Должно думать, что в холодных странах наперекор природе кипят страсти.

Вечер открывается этой песнею, которую поют вдвоем:

Летал голубь,
Летал сизый
С голубушкою;
Удалой молодец
С красной девицею.
Если б эта-то голубушка
Со голубем жила;
Если б эта красна девица
Со молодцем росла:
Я бы золотом усыпал,
Жемчугом унизал;
Я бы летнею порою
Во карете бы возил;
Я бы зимнею порою
В Петербург-город свозил:
На ямских лошадях,
На казанских санях;
Что на кучере кафтан,
Самолучшего сукна,

¹ Брать девушку при играх и песнях означает здесь играть и петь с нею, потому встречаемое выражение в песне «бери девушку» принимается только в этом смысле.

На девице сарафан
Хорошо очень убран.
Кладу голубя на ручку,
Не тряхнется;
На другую переложу,
Не ворохнется;
Скажу: шиш, голубь мой!
Полетай, сизый, домой,
Полетай, сизый, домой,
Мы простимся с тобой.

Эта песнь играется очень просто. Мужчины берут девушек и парами ходят по комнате; только в конце, когда поют:

Кладу голубя на ручку, –

каждая пара вальсирует в одну сторону, а когда запоют:

На другую переложу,
Не ворохнется
и т. д., –

тогда вертятся в другую сторону. В заключение каждая пара целуется или каждый мужчина целует девушку, с которою он играл.

Еду, поеду
В Новгород гуляти,
Ах, калина, ах, малина!
В Новгород гуляти,
Товар закупати,
Ах, калина, ах, малина!
Товары новые.
Купцы молодые,
Ах, калина, ах, малина!
Куплю жене фатку,
Куплю коноватку,
Ах, калина, ах, малина!

Прими, жена, фатку,
Прими коноватку¹,
 Ах, калина, ах, малина!
Прими же, не чванься,
Много не ломайся;
 Ах, калина, ах, малина!
Люди вы, люди,
Вы на нас взгляните.
 Ах, калина, ах, малина!
Вы на нас взгляните,
С женой рассудите.
 Ах, калина, ах, малина!
Женушка не любит,
Душа ненавидит,
 Ах, калина, ах, малина!
К людям ходит личиком,
Ко мне ходит плечиком.
 Ах, калина, ах, малина!

После этого снова начинают ту же самую песнь, только в середине вместо:

Куплю жене фатку,
Куплю коноватку...—

поют:

Куплю жене юбку,
Куплю парчовую.

Песнь эта играется следующим образом: мужчины ходят по комнате, одни без девиц, но когда запоют: «Прими, жена, фатку...» — тогда каждый из них становится перед избранною девушкою на одно колено и одаривает ее фатою. Она в первые два раза отказывается от его подарка и даже не хочет смотреть на него. Когда же повторяют в третий раз песнь и запоют:

¹ *Коноватка* — шелковый платок, вышитый золотом.

Куплю жене плетку,
Куплю шелковую.
Ах, калина, ах, малина! –

тогда она делается ласковою, ходит уже не плечиком, а личиком, и в то время поют:

Женушка и любит,
Душа все целует.
Ах, калина, ах, малина!
К людям ходит плечиком;
Ко мне ходит личиком.
Ах, калина, ах, малина!

В заключение же все целуются.

Через реку, реку
Лежала дощечка,
Доска дубовая,
Тоненька, гибкая;
По этой дощечке
Никто не прохаживал,
Никого не важивал.
Молодец тут перешел,
Красну девку перевел,
Переведши, целовал,
Тремя лентами даровал:
Перва лента алая,
Девушка-то бравая,
Другая зеленая,
Девушка хваленая;
Третья лента масака,
Роста девушка высока,
До самого потолка.

Эту песню поют и играют, как первую. В заключение делают то же самое (целуются).

Я круг келейки хожу,
Круг я новенькой,
Круг сосновенькой,
Младу старицу бужу:
Уж ты, старица, встань!
Спасенная душа, встань!
Встань, к заутрени звонят,
На расход говорят:
Люди сходятся,
Богу молятся.
Отойди прочь, пономарь,
Отойди прочь, пустозвон,
Не могу я встать,
Головы поднять,
Голова моя болит,
Худо можется,
Да нездоровится.

Потом начинают петь ту же самую песнь с некоторыми переменами, а именно вместо куплета:

Встань, к заутрени звонят –

поют:

К тебе молодец идет,
Чаю, кофею несет,
Напиться велит,
Позабавиться.
Уж как встать было мне,
Походить было мне,
Поломать костей
Для милых гостей.

За этим садится на стул тот мужчина, который ходил около ее кельи. Тут подходит другая девица и ходит около кельи, прочие поют:

Я круг келейки хожу,
Круг я новенькой,
Круг сосновенькой,
Млада старца бужу,
Уж ты, старец, встань!..

Повторяется то же самое, что пели в первый раз. При пении же во второй раз вместо стиха:

Встань, к заутрени звонят –

поют:

К тебе девица идет,
Штоф рому несет,
Напиться велит,
Позабавиться.
Уж как встать было мне...

Как в первый раз. С этими словами он встает, кружится и целует девицу, которая садится на место прежнего мужчины, и потом другой мужчина начинает ходить около кельи старицы. Таким образом продолжают играть до тех пор, пока не переберут всех по очереди и пока игра не наскучит.

Эту песнь играют так: посредине комнаты ставят стул, на который садится одна из девушек. Кто-нибудь из мужчин зачинает песнь; в продолжение пения он ходит вокруг стула. Со словами же:

Уж как встать было мне –

девушка встает со стула, оборачивается несколько раз с мужчиною, который ходил около ее кельи, и <они> заключают песнь обоюдным поцелуем.

Как на горе калина, (2)
Под горою малина, (2)

Тут девушка гуляла, (2)
Калинушку ломала, (2)
Во пучочки вязала, (2)
В молодчика бросала: (2)
Ты, молодчик молодой, (2)
Возьми меня за себя! (2)
А я тебе угожу, (2)
Пару коней подарю; (2)
Еще боле угожу, (2)
С руки перстень подарю; (2)
Еще боле угожу, (2)
Поцелую, обойму. (2)

Когда начнут петь эту песнь, тогда девицы, взявшись под руки, ходят по комнате; когда же запоют:

Во пучочки вязала, –

они свертывают свои платки, а когда запоют:

В молодчика бросала, –

бросают платки в того из молодых, который более им нравится. Заключение общее с другими песнями. Поют еще эту песнь и так:

Как на горе, душа-радость, калина, (2)
Под горою, душа-радость, малина, (2)
Тут девушка, душа-радость, гуляла. (2)

Бывает припев еще такой:

Ну что ж? кому дело? бросала,
Ну кому какое дело? бросала.

Иногда и тот и другой припев поют вместе или попеременно, напр<имер> так:

Еще боль, душа-радость, угожу. (2)
Ну что ж, кому дело? подарю,
Ну кому какое дело? Угожу, –
и пр.

Как во улице во швецкой
В слободе было немецкой,
Молодой молодчик гуляет,
За собой он девушку водит,
Девушку, девушку-иноземку.
Девушка речь говорила,
Говорила, не стыдилась:
Как поедешь, друг, жениться,
Приворачивай проститься,
Привяжи коня ко кусту,
Что к тому кусту калины.
Каково кушать калину,
Таково житье за старым.
Что у старого у мужа
Ни грозы нет и ни воли,
От людей нет обороны,
Его люди мало знают,
Господа не почитают.

Потом начинают эту песню снова и оканчивают уже:

Привяжи коня ко кусту,
Что к тому кусту малины.
Каково кушать малину,
Таково житье за ровней.
Что у ровнюшки, у мужа,
И гроза есть, и свобода,
От людей есть оборона:
Его люди много знают,
Господа все почитают.

Как по первой по пороше (2)
Шел мальчик хороший, (2)

Не путем шел, не дорогой, (2)
Чужою тропой,
Он чужою шел тропой,
Чужим огородом.
Набирает, нажимает
Ком белого снега,
Он бросает и кидает
Девушке на колени.
Не шути, белый, кудрявый,
Мне теперь не время.
У батюшки гости, гости,
У матушки гости,
У мила братца компанья,
У меня подружки.
Я с тобою застоялась,
Подруг растеряла;
Я подружек растеряла,
Тебя целовала.

Сначала ходят по комнате одни мужчины и поют. Когда
дойдет дело до стиха:

Набирает, нажимает
Ком белого снега, —

они свертывают свои платки и при следующем стихе бросают
к девицам на колени, кому которая нравится. Каждая из девиц
становится против того из мужчин, от которого получила пла-
ток; потом все рядом подходят к ним и поют:

Не шути, белый, кудрявый,
Мне теперь не время:
У батюшки гости, гости,
У матушки гости;
У мила братца компанья,
У меня подружки.
Я с тобою застоялась,
Подруг растеряла.

Потом, приблизившись каждая к своему мужчине, целует его.

Уж мне надобно сходить до зелена луга;
Мне там надобно увидеть сердечного друга.
Что вечер ко мне, младеньк, прилетал голубчик;
Что садился голубчик на мой теремочек.
Со моего теремочка на красно крылечко,
Он со красного крылечка на мое окошко,
В первом часе полуночи меня милый будит:
Встань! красавица драгая, встань! ты пробудися.
Я пришел к тебе, во-первых: отвори мне двери;
Не отворишь, радость, двери, хоть открой окошко.
Я из спальни выходила, двери отворила,
Новы двери отворила, друга пропустила,
За белые ручки брала, в уста целовала;
За убраной стол садила, чаем напоила;
Чаем, кофеем я поила, дружку говорила:
«Как поедешь, моя радость, в дальнюю сторонку,
Там, во дальней во сторонке, ты много не хвастай».
На что мальчик рассердился, с девушкой разбранился,
Он ударил ручкой во столик, полно, мила, вздорить.
Пошел стук, пошел бряк по моей по спальне.
Что про это про несчастье все люди узнали,
Все дворовые узнали, маменьке сказали.
Присылает ко мне мать верную служанку.
«Сударыня, барышня! что с вами случилось?»
Сера кошечка скочила, зеркальце разбила,
Шельма зеркальце разбила, меня разбудила,
Меня, младу, разбудила, с милым разлучила.

Эту и следующую песнь играют одинаково: по одну сторону становятся мужчины, а напротив них избранные ими девицы. Мужчины в продолжение всей песни переходят на то место, где стояли девицы; девицы – туда, где стояли мужчины, и таким образом продолжают переходить до конца песни. В заключение целуются.

Возле речки, возле мостика
Трава росла;
Трава росла шелковая,
Шелковая, муравая, зеленая.
И я в три косы косила
Ради гостя,
Ради гостя, ради друга,
Ради гостя, ради друга дорогого.
Что задумал, моя радость,
Друг жениться.
Он не хочет со мной, бедной,
Он не хочет со мной, бедненькой, проститься.
Заезжай ко мне, девице,
Друг проститься,
Неравно, моя надежда,
Что случится:
Через реченьку поедешь,
Друг, утонешь;
Через быстру понесешься,
Захлебнешься.
Про меня, красну девицу,
Друг, помянешь:
Какова-то я, младенька,
Какова я молодешенька бывала;
Поутру раным-раненько,
Поутру раным-ранешенько вставала,
На босу ножку башмачки
Надевала,
И на плечики салопчик накидала,
На головушку платочек
Навязала;
Встретить друга дорогого
Поспешала.
Веселая голова,
Не ходи мимо двора; (2)
Не прокладывай следа,
Дороженьки не тори,
Худой славы не клади.
Худа славушка пройдет,

Никто замуж не возьмет:
Ни боярин, ни купец,
Ни удалый молодец.
Отцу, матери бесчестье,
Роду-племени укор,
Мне нельзя прийти домой,
Сказать маменьке родной.
Скажу так, скажу сяк,
Скажу эдак и вот так:
Скажу, в садике была,
Во зеленом гуляла,
Сладки яблочки щипала,
Все наливчатые,
Мила дружку отсылала
Во высокий во терем.
Милый яблочки не принял,
Ничего не говорит;
Не отказывает, не приказывает.
Уж я топнула ногой!
Ворочусь, млада, домой.
Дружку выговорю,
В глаза выпеняю:
«Ты послушай-ка, неверный,
Погадай, негодяй!
Я за что тебя люблю?
За что жаловать хочу?
Я за то тебя люблю,
Что на ноженьку легок,
На босу ногу сапог,
Во полночь гулять готов».

Не спасибо игумну тому,
Не благодарствуй бессовестному.
Рано молодца
В чернички стригут,
Молодешенька посхимнивают.
Не мое дело к обедне ходить,
Не мое дело молебны служить;
Только мое дело

Скакать, да плясать,
Игрища собирать.
Посашеньце под лавку брошу,
Черну мантию на стол положу.
Подарю я, подарю,
Сестрицу свою
Любезненькую.

Эта песнь начинается тем, что один из мужчин, надев на голову платок, прохаживается вдоль комнаты и поет с друзьями: «Не спасибо игумну тому...» – и когда дойдет до слов: «Только мое дело скакать, да плясать...» – весело выплясывает и в конце песни целует избранную им девицу. Последняя встает со стула и разыгрывает ту же самую песнь, с той разницею, что девица ходит скромнее и начинает уже:

Не спасибо игуменье той –

и оканчивает:

Подарю я, подарю братца своего любезненького.

В заключение она целует избранного ею мужчину. Эта песнь играется дотоле, пока не переберут всех.

Здравствуй, милая, хорошая моя,
Чернобровая, нарядочная!
Вот, лёли, лёли, лёли,
Чернобровая, нарядочная!
Уж как некому голубушки моей
Приголубить, приласкать без меня!
Без тебя, мой друг, постеля холодна,
Одеяличко заиндевело.
Сголовьецо потонуло во слезах,
Подушечки раскидала во тосках:
Все тебя, мой друг, ожидаючи,
Свою участь проклинаячи.
Ах ты, участь, участь горькая моя!

Пожалей хоть на минуточку меня.
Вдоль по улице метелица метет,
За метелицей мой миленький идет,
Во правой руке гитарочку несет,
За собою ворона коня ведет,
За конем его любезная идет;
Кричит: «Молодец! постой, постой, постой,
Саша, миленький, гитарочку настрой,
Свою песенку любезную пропой:
Как у девицы русые волосы
И гребеночкой приколота коса,
Я за то ее целую три раза».

У девицы, у девицы русский локон до плеча,
Он завит был со вкусом;
Но, к несчастью, развился.
Тут молодчик подбежал,
Русый локон завивал,
Русый локон завивал,
За то три раза целовал.

Эти две песни играютя, как:

Летал голубь,
Летал сизый...

Девушка, голубка,
Аленькая юбка;
Девушка баска, баска,
Поцелуй-ка три разка.

Сколько белых, черных, желтых, красных... и т. д. юбок,
столько раз поют эту крошечную песенку, которая в игре очень
забавная и веселая.

Около Дону, Дону, Дону,
Около тихого Дону
Ходят девицы, гуляют,
Пару коней выбирают.

Пара коней – вороные;
Узды – узды тесмяные.
Пряжки – пряжки золотые.
Вздогадайся, вздогадайся
Красна девица-душа;
Принимайся, принимайся
За доброго молодца:
Кой взлюбится,
Приголубится,
Поцелуется.

Песнь эту начинают снова и вместо:

Ходят девицы гуляют –

поют:

Ходят молодцы, гуляют.

Вместо:

Вздогадайся, вздогадайся,
Красна девица-душа
и т. д. –

поют:

Вздогадайся, вздогадайся,
Удалый молодец;
Принимайся, принимайся
За душу красну девицу:
Коя взлюбится,
Приголубится,
Поцелуется.

Мужчина избирает для себя девушку, которая нравится ему, и становится с нею посредине комнаты; то же самое делают все играющие. Потом начинается песнь, которая поется, словно танец. В продолжение пения каждая пара меняется

местами, сходится и расходится. Потом две пары берутся за руки, кружатся и, сделав какую-нибудь фигуру, дают место другим. В заключение каждая девица одаривает своего мужчину поцелуем.

Не летай, соловей,
Не летай, молодой,
При долине!
Ты не вей гнезда
При осине!
Ты совей гнездо
При тереме!
Что в котором теремочке
Сидела девочка.
Девушка шила ковер,
Вышивала;
Шивучи, красна девица
Речь говорила:
«Кому этот ковер
Достанется?»
Доставался ковер
Старому мужу,
Стару мужу негодяю,
Негодяю!
Я могу этот ковер
Приубавить!
Со всех со сторон,
Со четырех;
Я по шитому узору,
Золотому.

После этого начинается песнь снова, только вместо:

Старому мужу негодяю –

поется:

Младому мужу негодяю –

и оканчивается так же, как и в первый раз. Когда же третий раз ковер достается *ровне мужу*, тогда слово «негодяй» выпускается и вместо прежнего окончания поют:

Я могу этот ковер
Принаставить!
Со всех сторон,
Со четырех;
Я по шитому узору,
Золотому.

Эта песнь играется так же, как и первая.

У меня ручки белые,
У него ноги грязные.
Я пойду, млада, в торг торговати,
Я куплю, млада, сер камешек:
Я за камешек три денежки дам,
За цепочку два грошичка.
Я возьму камень на руки,
Наложу стару на ворот
И спущу его на море;
А сама взойду на гору,
Посмотрю, млада, на воду:
Каково старый плавает?
Глубоко ль воду меряет?
Где рука, где нога, где седа борода.
Как взмолится мне старый муж:
«Уж ты, душка, женушка моя!
Перейми ты меня, старика!
Уж я рад на тебя работать,
По три утра не евши молоть,
По четыре не завтракавши,
По три вечера постелю стлать,
Во четвертый на место звать».

Достойна замечания любимая поселянками песнь:

Походите вы, девушки,
 Погуляйте, голубушки,
 Во своей воле у батюшки
 И во неге у матушки!
 Неровно замуж выйдется,
 Неровен черт навернется,
 Либо старое, удушливое,
 Либо малое, капризливое,
 Либо младое, недружливое.
 У меня, млады, старый муж,
 Он вечер поздно из гостей пришел;
 Он велит разувать, раздевать, распоясывать,
 Частые пуговики расстегивать.
 Не того поля ягода брана,
 Не того отца дочь отдана.

После того как она сказала своим подругам, что мужья часто бывают не по сердцу: или удушливые старики, или и молодые, но гордые и недружелюбные, – она представляет в доказательство собственную свою жизнь. Эта песнь замечательна еще потому, что в ней изображено обращение с женами наших предков, которые буквально понимали слова: «Жена да боится своего мужа», поэтому заставляли жен весьма часто исправлять должность служанки.

Любимые еще песни, употребляемые на посиделках и вечерах святочных, известны под именем *заинька*. Так они названы потому, что ими начинается: *заинька серенький*. Играются же следующим образом. Один из мужчин берет девушку и, бегая с нею по комнате, поет первую песнь – потом целуется при конце. Затем поют вторую, но уже девушка по окончании этой песни берет другого из мужчин, который ей нравится, и <они> вместе поют третью песнь. По окончании ее тот мужчина, который действовал в первой песни, приглашает иную девушку, которая, когда запоют следующую песнь, выбирает для себя другого мужчину; этот приглашает снова другую девушку; она избирает опять нового мужчину. Такой перебор продолжа-

ется до тех пор, пока никого не останется на местах и все уже на сцене. Тогда становятся все в один круг и поют:

Как на нашей на сторонке и пр.

Наборных песен великое множество; но вот более употребительные:

Заинька,
Серенький.
Ушки долгонькие,
Ножки коротенькие.
Зайка в сторону скочил,
Много солоду купил,
Он в другую скочил,
Тут река глубока,
Река тиновата,
Река рябиновата,
Что рябинушка часта,
Целуй молодца в уста.

Уж я улком шла,
Переулком шла,
Клубок ниток нашла.
Клубок катится,
Нитка тянется;
Клубок дале, дале, дале;
Нитка доле, доле, доле.
Я за ниточку взялась,
Моя нитка сорвалась.

Сам толку, сам мелю,
Сам по воду хожу,
Сам щи, кашу варю;
Кашеварничаю, пивоварничаю;
Сажу барыню-жену
На перину пухову.
Сиди, моя жена,
Всегда весела,

Всегда радостна.
Уж ты шей, вышивай
Широкие рукава,
Широкие и длинные:
В три полотнища,
Чтобы было, во что класть
Небылые словеса;
Небылые, нестальные,
Неотчетливые.
Ты душа, красна девица,
Поди выйди за меня.

Ах, тиги, таги, тиги,
Гуси, лебеди мои!
Со ржавчинки;
Со болотянки;
Со Дуная со реки,
Со ключевья воды.
Наезжали гостеньки:
«Это наш, это наш,
Это наш гостенек,
Этот к нам в гости идет».

Я усаживала, угораживала
От лютого зверя,
От волчища...
Вот ушел, вот ушел,
Вот и негде взять!
Не Маланьин зять.

Что первый день понедельничек,
Что второй-то день во вторничек,
Сива, сива середя, середя,
Полевой наш четверток, четверток,
Веселая наша пятница,
Что в субботу во ковер, во ковер
В воскресенье выводить, выводить,
В понедельник целовать, целовать.
Сковородник на печи,

Ты не много хлопочи,
Десяточка два блинков испеки.
Двое ходят, двое бродят,
Двое сойдутся,
Приобоймутся,
Поцелуются.

Девушка, сердце!
Вари ушку с перцем.
Вари, вари поскорее,
Вари посмелее.
Кланяйся пониже,
Говори потише:
Мне повеселее.

Девушка, голубка,
Аленькая юбка,
Девушка баска, баска,
Поцелуй-ка три разка.
Сделалось чудо
 во Фрязинове;
Съели корову
 Зимою пауты (большая муха).

Заинька по сеничкам гуляй, гуляй, гуляй,
Серенький по новеньким погуливай-гуляй.
Некуда заиньке выскочити,
Все ворота призатворены стоят,
У всех у ворот по три сторожа стоят,
У всех у ворот по три девицы сидят:
Первая в камке, другая в тафте,
Третья в золоте.
Не хочу в камке,
Не хочу в тафте,
Хочу в ситчике,
В полосатеньком.
Люблю девушку,
Тороватенькую;

Я которую люблю,
Ту и поцелую.

У попа за двором
Пироги с творогом.
Если б было с кем,
Разломил бы да съел.
Милому середка,
Постылому конец.
Что за то ему конец,
Что удалый молодец.

Много есть других подобных песен, но большею частью поют эти.

Теперь становятся в круг и, переходя с места на место, поют:

Как на нашей на сторонке (2)
Хороша угода, (2)
Что хорошая угода, (2)
Хорош хмель родился, (2)
Что хорош хмель родился, (2)
Крут колышка вился, (2)
Вился, вился, извился, (2)
В венцы золотые. (2)
Золотые венцы вьются, (2)
Серебряны листья, (2)
Что серебряные листья, (2)
Жемчужные шишки. (2)
Нащиплю я, млада, хмелю, (2)
Хмелю зеленого, (2)
Наварю я, млада, пива, (2)
Пивушка пьянова, (2)
Созову я, млада, в гости гостя, (2)
Гостя дорогого, (2)
Гостя, гостя дорогого, (2)
Батюшку родного. (2)
Мой батюшка пьет, пьет пиво, (2)
Допьяна не напьется, (2)

Он допьяна не напьется, (2)
Домой соберется. (2)
Мой батюшка сбирался, (2)
Меня оставляет; (2)
Меня, младу, оставляет (2)
На чужой сторонке. (2)
На чужой дальней сторонке (2)
Горе горевати; (2)
Горе, горе горевати, (2)
Тоску тосковати.
А я, млада, не умею, а я, млада, не горазда
Горе горевати, тоски тосковати.

Когда наскучит играть и петь, тогда выдумывают игры, например: хоронить золото, фанты, набор и многие другие.

Когда собираются гадать, тогда ставят закрытый белым полотном стол; на него кладут кусок ржаного хлеба, уголья, соль и золу. Все это завязывают девушки в платки и кладут в сухое блюдо. Прочие гости также дают от себя свои вещи: их складывают в одно место; потом все становятся вокруг блюда и поют «Слава!». При пении поднимают руки вверх и по окончании каждого стиха притопывают ногою. Потом сажают одного из гостей на высоком месте и, когда пропоют песнь, снимают его с места и качают на руках. После все немедленно бросаются к блюду, разбирают вещи наугад и по ним выводят свои замечания. Досталось ли мужчине кольцо девушки, а ей кольцо или перстень мужчины, то непременно выйти ей замуж.

Играющие должны завязать глаза свои и, взявшись за руки, ходить вокруг стола.

В Новгородской губернии Святки называются в просто-народии *кудесами*. В это время ездят окрутники, которые в Тихвинском уезде той же губернии именуются *кудесниками*, *куликами* и *щеголями* (наряженные). Они ездят по городам и деревням искать *свечей*, поставленной в чьем-нибудь доме. Свеча означает, что здесь посиделки и сюда всяк может прибыть без приглашения. Девушки заранее ожидают своих гостей, поэтому делают особое освещение в избе и готовят угоще-

ние. Тут поют разнообразные песни, танцуют под музыку и в заключение веселья гадают о своей судьбе.

В некоторых уездах Псковской губернии святочные вечера носят название *субботок*. Ими распоряжается известная беспорочною жизнью вдова. Она вывешивает посредине комнаты цветной бумажный фонарь, украшенный сборными от девушек лентами. Внутри него теплятся восковые свечи, которые приносят к ней девушки со своими значками. Чья свеча горит ясно и плавно, той будет жизнь тихая, безмятежная; чья горит с треском и меркнет или неясно, той будет жизнь беспокойная и печальная; чья догорит, той умереть прежде; чья догорит после всех, той жить долго.

Вечеру собираются девушки в нарядных одеждах; все усаживаются полукругом на скамейках и поют святочные песни. Гостей встречают величальным пением, за что каждый гость дарит их деньгами. На эти посиделки допускаются мужчины, женщины и молодцы. Последние имеют случай высмотреть себе невест. Вечер проводят в пении и гадании. Бывают потешные гости, наряженные, которые забавляют собравшихся. Угощения происходят со стороны женихов; невесты и женский пол соблюдают строгое благонравие. Мужчины прежде не имели права участвовать в субботках, но время изменило обряд. По наступлении глубокой ночи все расходятся по домам; остаются только для гаданий девушки: они загадывают что-нибудь на сон, по коему толкуют о будущем счастье и несчастье. Ворожат на угольях и бобах: по ним объясняют будущее.

Субботки продолжаются несколько дней сряду. Собранные деньги за величанье отдают вдове за ее труды.

СМОТРЕТЬ В ЗЕРКАЛО

Не все гадания девушек произвольные: некоторые из этих гаданий ведутся исстари, по преданиям, а другие приурочены к случаям. Девушка наперед желает видеть своего суженого. Для этого она смотрит в зеркало в полночь. Ужас обнима-

ет ее: она одна должна сидеть в пустой, замкнутой комнате. Прежде всего она приносит с собою два прибора, зеркало и две свечи; стол застилает скатертью и ставит один прибор для себя, а другой для суженого, который должен прийти к ней на ужин. Иные девушки ставят два зеркала: одно большое, а другое меньшее против большего, и все сидят за одним столом в глубоком молчании, говоря тихо про себя: «Покажись мне в зеркале, мой милый; покажись!» Когда зеркало начинает тускнеть от тепла, тогда думают, что суженые не явятся более. Если гадают одна девушка, то она, расставив на столе в должном порядке принесенные ею вещи, садится против зеркала, смотрит в него, не сворачивая ни в какую сторону глаз, и говорит: «Суженый, ряженный, приходи ко мне ужинать». За несколько минут до его прихода зеркало начинает тускнеть; она протирает его нарочно для этого случая приготовленным полотенцем; она робеет и пугается: кто-то идет и смотрит в зеркало через ее плечо. Она рассматривает пристально, не смея оглянуться; дрожит и кричит: «Чур сего места!» Если бы случилось, что самое чуранье не поможет, то надобно взять с собою петуха и давнуть его хорошенько: он запоеет, и привидение или нечистый дух, принявший на себя вид суженого, исчезает мгновенно. Девушке остается одно только – воспоминание. Хорошо, если оно сходно с ее мечтою! Это был он – и сколько тут приятных грез. Он белокурый или почти черноволос; румяный или похож на румяного; руки, губы, глаза, ну, глаза совершенно голубые. Знаешь ли, моя милая, он тот самый, которого я часто вижу. Девушки чаще всего видят в зеркале тех, кого любят; воображение их всегда устремлено на любимый предмет, и потому немудрено, что он постоянно вертится в их голове. Есть нетерпеливые девушки, которые желают видеть своего суженого в лицо, поговорить с ним; но это страшно, потому что все должно происходить ночью. Они если увидят своих суженых, то не чураются. Примета: когда является суженый в комнате, тогда раздастся около окон свист ветра и хлопанье ставен; потом суженый стучится в дверь и входит незаметно. Явившийся жених не долго глядится в

зеркало: он садится подле своей невесты за стол, снимает со своей руки перстень или кольцо и дарит ей; тогда она чурает: «Чур этого кольца!» На другой день девушка хвалится своим подругам, что она разговаривала с суженым, который являлся ей привидением, и вот от него даже кольцо! Хитрые девушки понимают дело иначе, но они не перестают уверять горничных, а горничные распускают молву.

Другие девицы выходят на перекресток с зеркалом в лунную светлую ночь; становятся так, чтобы месяц был за плечами, смотрят в зеркало, говоря: «Суженый, ряженный! покажись мне в зеркале». Он так же приходит сюда, как и в комнату.

Другие выходят на перекресток, наводят зеркало на месяц и говорят: «Суженый, ряженный, покажись мне в зеркале». Суженый непременно показывается в зеркале, и тогда девица ищи его.

О происхождении зеркала суеверы рассказывают следующее. Один монах, спасаясь в пустыне, усомнился в истинных словах Св. Писания: просите и дастся. Желая удостовериться, все ли можно получить, чего просишь, он пошел к одному царю просить руки его дочери. Удивленный царь объявил об этом своей дочери, которая отвечала: «Это дело чрезвычайное, но надобно, чтобы монах наперед сделал для меня также что-нибудь чрезвычайное: доставил бы мне такую вещь, в которой бы я могла видеть саму себя». Монах пошел искать такую вещь. Скитаясь долго по лесам, он зашел в одну пустыню, где услышал тяжелый стон, а потом печальный голос: «Почтенный монах! я сижу в этом рукомойнике давным-давно; сюда заключил меня такой же монах, как ты. Избавь меня! я могу тебе служить всем, чего ни пожелаешь!» Монах был рад этому случаю. Он предложил доставить ему желанную вещь, которую ищет столько времени напрасно. Дьявол согласился; монах снял с рукомойника крест и нечистого выпустил оттуда. Спустя несколько времени дьявол принес ему зеркало. Монах удивился. Он отнес его к царю, но от брака отказался. Возвратясь в свою пустыню, он молился о своем согрешении, каялся в том, что усомнился в истине слов

Св. Писания. <Так> как эта вещь доставлена монаху нечистой силою, то раскольники никогда не глядятся в зеркало и не держат его в своих домах: по их мнению, в нынешние зеркала смотрятся дьяволы в глубокую полночь.

Гадание в зеркало перешло к грекам с Востока; от них оно распространилось по Европе и усвоилось у нас с прочими игорными обыкновениями. Евреи, греки и римляне употребляли стальные зеркала. Греческий художник Пракситель за 70 лет до Р. Х. ввел серебряные. Венецианцы первые начали делать зеркальные стекла около 1380 года. От них они распространились по Европе. Большие стальные введены во Франции Тавортом.

СПРАШИВАНИЕ ЧУЖОГО ИМЕНИ

Выходят за ворота в сумерки, с первым куском хлеба во рту или просто без куска хлеба и спрашивают у проходящего его имя, думая, что тем именем будет называться их муж. На улице спрашивают имя встречного только до трех раз: «Как вас зовут?» Если кто ответит: «Александр», то это будущий ее <муж>. Равно мужчины спрашивают встречных девушек: «Как вас зовут?» – «Оленька». Это Оленька будущая его <жена>.

В иных местах вывешивают ключи за окошко, и если они пошевелиятся, то девушка спрашивает имя, которое должно быть у будущего ее мужа. Если пошевелиятся от ветра, то думают, что это шалит нечистый дух.

СЛУШАНИЕ ПОД ЧУЖИМ ОКНОМ И НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

Загадав наперед про свою судьбу, идут подслушивать под окнами разговор, и какое было первое слово, по нему объясняют его значение и свою судьбу. В некоторых местах Пензенской губернии ходят слушать под окно с первым огарком лучины. О чем говорили в доме, то сбудется со слушающим, например, говорили о свадьбе, то, значит, быть замужем в тот

год, а если была речь о покойниках, то это значит смерть и т. п. Если приметят подслушивающую под окном, то говорят ей: «Гроб да могила, да ободранная кобыла»; такие слова предрекают верное несчастье. В других местах мужчины и женщины ходят слушать на перекресток, кто как едет. Если тянутся сани по дороге наподобие обозов и слышится: «Но, но», – то это означает, что следующий год будет урожайный; если же представляется скачка, то неурожайный.

СЛУШАНИЕ ПОД СВОИМ ОКНОМ

Когда все лягут спать, тогда садится одна девушка под окно и говорит: «Суженый, ряженный! поезжай мимо окна» – и со страхом ожидает проезда. Услышит ли едущего? Она замечает, как он едет: скоро ли, с шумом, с свистом или с криком, или медленно и тихо. Когда проехал скоро, тогда означает скорого жениха; с шумом – богатого; со свистом – веселого; с криком – беспокойного или пьяницу; медленно – бедную жизнь, а тихо – покойную и счастливую. Каждое движение проезжего имеет свое значение и толкуется девушками.

БЕЛОЕ ПОЛОТЕНЦЕ ПЕРЕД ОКНОМ

Ночью вывешивают белое полотенце перед окном, говоря: «Суженый, ряженный! приди и утрися». Если вывешенное полотенце скоро засыреет, то означает, что в том же году быть девице замужем; если не намокнет оно к утру, то долго ей ждать жениха; если снимется сухим, то не быть ей никогда замужем.

СМОТРЕНИЕ В ОКНО ВО ВРЕМЯ УЖИНА

Смотреть в окно во время ужина есть древнее обыкновение. Не только на Святках, но и в обыкновенные дни ходят смотреть и подслушивают, о чем разговаривают. Когда сидят за столом тихо, тогда заключают, что родня будет хорошая. Если разговаривают громко и смеются, то это обещает буду-

щее счастливое семейство. Когда видны головы ужинающих, то это значит, что будущие родные долго проживут; если не было видно голов, то они скоро перемрут. Богатый ужин предвещает богатую жизнь; бедный – убожество. Смотрение под конец ужина – близкая смерть для суженой. Если мужчина солит хлеб, то суженый будет хлебосол, когда ж пьет воду – пьяница.

ЦЕРКОВНОЕ ПЕНИЕ

Ходят ночью к церковным дверям и слушают. Если представится, что поют печальное или погребальное, умереть в том году девице; а когда пение благодарственное и хвалебное – радостная жизнь. Причудится ли, что поют брачное пение, – непременно замуж, и в скором еще времени.

ВЫДЕРНУТОЕ ДЕРЕВО ИЗ ПОЛЕННИЦЫ

В глубокую темную ночь выдергивают из поленницы дерево. Когда оно гладкое, тогда муж будет тихий и добрый; суковатое – сердитый; расколотое – дурной и волокита. Эти значения не везде принимаются одинаково. У иных суковатое и расчелистое означает богатство; ровное и гладкое – бедность.

В других местах идут к поленнице дров, пятясь спиною, и, вывернув полено, несут домой, рассматривают и объясняют его значение. Сколько окажется на нем сучков, столько будет детей; полено без сучьев означает одиночество.

ПОЛОТЬ СНЕГ

В светлую ночь собираются несколько девиц – полоть снег. Надобно, чтоб было тихо и все спало. Они потихоньку выходят за ворота, обращаются в ту сторону, с которой дует ветер, и бросают против него снег. Если падение было скорое и громкое, то быть за мужем молодым; если упало глухо и криво, то быть за глухим или за стариком. Иные полют снег, замечая

лай собак: если она лаяла толстым голосом, то быть замужем за старым, залаяла тонким – за молодым. Не довольствуясь этим, берут скатерть,сыпают на нее снег, в чем помогают им старушки или горничные; скатерть раскачивают по воздуху, приговаривая: «Полю, полю бел снег среди поля. Залай, залай, собачонка, дознай суженого». Девушки прислушиваются, где и каким голосом лают собаки. Храпливый лай – суженый старик; скавучит ли – больной; крепкий лай – молодой. Выносят еще на снег воду и льют под столбом, говоря: «Полю снег и умоюсь белым». Берут горсть снега и им натирают свое лицо. Потом каждая, взяв горсть снега, несет в комнату и там гадают по его цвету о суженом. Если снег не <имеет> никакого цвета и скоро тает, то будет муж тихий; если снег белый и издает искры при огне, то обещает счастливое супружество. Наконец умываются водою из подблюдных песен. Эту же самую воду льют также при полке снега. Иные, выйдя на перекресток дороги, кладут снег в подол и, стряхнув, говорят: «Взлай, взлай, собака, на моей стороне». С которой стороны раздастся лай собаки, с той появится жених. Другие выходят на двор и говорят: «Залай, залай, собачонка; залай, серенький волчок». В которой стороне будет услышан лай, в ту сторону она будет отдана замуж. Если залает близко от дома, то, значит, быть замужем недалеко; если тихо и едва слышно, то быть замужем в дальней стороне. Выходят еще девушки на перекресток и, насыпав снега в полу, приговаривают:

Полю, полю беленький снежок,
Где собачка вякнет, там мой женишок.

ГАДАНИЕ КУРИЦАМИ И ПЕТУХАМИ

Берут ночью куриц с насеста, приносят в комнату и дают им клевать пшеницу, ячмень или просо. Если они клюют шибко и в одну сторону, то быть скоро замужем; если клюют не скоро и беспрестанно поворачиваются, то суженые их обманывают; если курицы мешают клевать друг дру-

гу и начинают драться, то суженые будут за них ссориться и драться. Иные гадают одними петухами, наблюдая те же приметы, за исключением того, что если они поют при клевании, то это означает скорое исполнение желаний. Другие, сняв куриц с насеста, приносят их закрытыми в комнату, где заранее приготовлены вещи в трех разных сосудах: вода в одной чашке, хлеб зерновой в другой, кольца в третьей. Каждая девушка гадает своею курицею: чья прежде начнет клевать зерно, верный знак, что у нее будет бедный муж; чья начнет пить воду, будет пьяница; если схватит золотое кольцо – богатый муж; серебряное – посредственного состояния, а медное – бедный муж. Когда запоем курица – неминуемая смерть кому-либо из родных.

В некоторых местах Костромской губернии не только девицы, но и холостые ходят в курятники и, зажмурив глаза, снимают курицу с насеста. Если она закричит громко, то по голосу судят о нраве суженой. Другие судят о суженых по цвету курицы. Рыжая – значит, коварный муж, черная – вспыльчивый, каштановая – обманчивый и пр.

Чтобы узнать нрав жениха, приносят кур с насеста. Если внесенная курица, будучи брошена на пол, сядет спокойно, то суженый ее будет кроткий; если же она будет кудахтать и начнет пить воду, нарочно на этот случай поставленную, то муж будет сердитый и пьяница.

Делают еще иначе: бегут девушки в курятник, и каждая из них ловит по курице. Которой попадется пестрая, у той будет муж рябой, которой черная – чернобровый. Потом наливают воды в корыто, и каждая девушка выпускает из рук курицу. Если она, напившись, станет кудахтать, то суженый будет пьяница и озорник; а если не пьет и сидит смирно, то суженый не будет пить и будет смирный.

В Белоруссии берут сонного черного петуха, заворачивают ему голову под крыло, крутят при свечах до обморока и потом кладут его на пол. Вокруг петуха каждая девушка насыпает по кучке зернового хлеба, который обставляется свечами. Когда петух придет в себя, тогда он встает и ходит около кучек,

ничего не видя¹, и потом, по внутреннему влечению к зернам, начинает клевать первую попавшуюся ему кучку. Чьи он клевал зерна, той выйти замуж. Такой обычай в употреблении по некоторым местам Малороссии.

КУРИЦА И ПЕТУХ

Связав хвосты курицы и петуха, сажают их под решето, и кто кого потащит за собою вперед, по этому судят о будущем. Если курица потащит вперед, то будет первенствовать в доме жена, в противном случае муж. В Малороссии и Сибири выпускают на середину комнаты курицу с петухом и замечают, как они расхаживают. Когда петух щиплет курицу, тогда будет сердитый муж; если курица не даст себя щипать или бить, то жена возьмет верх над мужем.

БРОСАНИЕ БАШМАКОВ

Девушки бросают ночью башмаки через ворота и замечают падение. Если башмак упадет в противоположную воротам сторону, то в той стороне быть ей замужем, когда к воротам, тогда ей не выйти замуж в тот год. В других местах, именно в Белоруссии, перед Новым годом девушки, сняв с ноги по одному башмаку, кладут в корыто. Одна из подруг или горничная стряхивает их вместе и, подойдя к порогу, встряхивает вновь, пока один из башмаков не упадет через порог. Если он упал носком, то девушке скоро выйти замуж, если наоборот, то не быть замужем.

БАННАЯ ПРИМЕТА

Несколько девиц идут ночью в баню и потихоньку отворяют двери; потом оборачиваются к ним спиною и, наклонившись заднею голой стороною, говорят: «Бань, бань, кунным хвостом, по голой стороне». В простонародье говорят: «Шени

¹ Птицы не могут смотреть хорошо при огне.

меня, шени меня, кунным хвостом по голой части». Когда почувствуют прикосновение чего-либо мохнатого, тогда означает богатую жизнь; прикосновение холодного – бедную жизнь.

ХРЮКАНЬЕ

Нарочно ходят в сарай, где стоят свиньи, и слушают, как они сопят и хрюкают, и по ним делают определение о будущей своей жизни.

ЛОШАДЬ

Выводят ночью из конюшни белую лошадь, за неимением же белой другую какую-либо и завязывают ей глаза. Одна из девушек садится на лошадь, дает ей волю идти, куда она хочет. В которую сторону она пойдет, с той стороны придет суженый; но лошадь всегда идет в конюшню. Белая лошадь избирается потому, что на ней видны следы дьявола, если он успел поездить на ней.

Самое древнее славянское гадание лошадью состоит еще в том, что ее переводят через оглоблю или шест. Если она зацепится ногами, то будет муж злой и жизнь несчастливая; если перейдет, не зацепив, будет муж тихий, добрый и житье счастливое. Это доселе в употреблении в Малороссии и северо-восточной части России, Польши, Литвы и Белоруссии. На остров Рюгель жрецы переводили через шест, с замечаниями, белого коня, на коем ездил бог Святовид. В Штеттине переводили вороного коня через копье. Если он не касался копыа ногами, то успех в предприятии; а если дотрагивался, то неудача или несчастье.

ПРИМЕТЫ: У МЕЛЬНИЦЫ, ГУМНА И АМБАРА

Несколько девиц идут к мельнице, гумну или амбару, чтобы делать свои замечания. На мельнице они слышат таинственное пересыпание хлеба и стук от жерновов; на гумне –

удары цепов, говор людей, укладку снопов и пр<очее> – и по ним узнают, кому какая жизнь: богатая или бедная. Если пересыпание и умолот хлеба большой, то богатый жених; если стук крепкий и укладка снопов редкая, то бедная жизнь. Когда люди разговаривают более, нежели работают, тогда на обещание надеяться не надобно, а выходить за первого замуж. Если при слушании под амбаром причудится, что пересыпают хлеб, означает долгую жизнь; когда слышится набивание мешков, тогда дорога; когда выносят мешки, тогда предстоит перемена в жизни.

СНОПЫ

Старые люди ставят всех родов снопы на гумных столбах или токах, чтобы узнать, как велик будет урожай. На какой сноп упадет более иная, такого родится в избытке хлеба.

ХЛЕБНЫЕ СУСЕКИ (ЗАСЕКИ)

Несколько девушек бросаются опрометью в амбар. Кто попадет в засеку с хлебом, та будет и богатая, и счастливая.

АУКАНЬЕ

Тихо выходят ночью из комнаты, чтобы дверь не скрипнула, и ауют: в которой стороне отзовется *ау*, в той стороне выдадут девицу замуж. Раздавшееся скоро *ау* означает, что скоро совершится; протяжно или медленно – встретится препятствие. Когда на *ау* ничего не отзовется, тогда ничего не исполнится.

СНЕЖНЫЕ ЗНАКИ

В хорошее зимнее время, когда снег мягок или только что выпал, девушки ложатся на снег так, чтобы никто не видел, и поутру выходят рано, чтобы смотреть, какая вышла фигура:

ровная или неровная? В первом случае муж будет смиренный и умный, а во втором недобрый и спорливый. Ходят еще ночью по ровному снегу и по следам ног судят о будущем муже. Если след не заметется к утру или останется незатоптанным, то будет раздолье и изобилие в доме и много детей. Если след поврежден или кто другой перешел его, то недобрый знак: вся жизнь пройдет в несогласии с мужем.

ПРИМЕТЫ ШАПОЧНЫЕ

Ставят к ночи на стол три шапки, при <этом> загадывают имя суженого. Если шапка окажется через ночь снятою или не на своем месте, то это означает, что суженый приходил за нею и девушка выйдет замуж в скором времени, а имя мужа будет то, которое она загадала. Нетронутая шапка – значит, долго сидеть в девушках.

ПРИМЕТЫ ПО ЛОЖКАМ

После ужина берут большое блюдо, раскладывают в нем кружком столовые ложки с отметками и потом ставят в скрытном месте на ночь. Поутру смотрят, как они лежат: перевернутая ложка означает смерть; набок поворотившаяся – болезнь; в обыкновенном положении – долгую жизнь. По этому самому способу гадают в семействе: кому долго жить, а кому скоро умереть. Сколько слез, если перевернулась ложка! Я знаю, что, когда одной девушке пришлось увидеть перевернувшуюся свою ложку, тогда она задумалась крепко. Подруги шутили над нею, но задумчивость овладела ею до такой степени, что она впала в чахотку и истаяла, как воск. Так сильно действует воображение!

ПРИМЕТЫ ПО ХЛЕБНЫМ ФИГУРАМ

Девушки особенно любят гадать фигурами. Перед Новым годом после ужина каждая девушка лепит из оставшегося

своего куска хлеба изображение или фигуру, какую хочет, и, собрав куски вместе, раскладывают их рядом за порогом комнаты. Потом кличут какую-нибудь собаку и допускают ее к фигурам. Чью прежде она схватит, той выйти замуж. Случается, что собака, обнюхав фигуры, ни до чьей не дотрагивается и идет прочь. Тогда дурная примета: всем оставаться в девушках. И горе той собаке! Ее гонят со двора.

ПЕЧЕННЫЕ ХЛЕБЦЫ

Некоторые девушки пекут небольшие хлебцы из пшеничной муки, которые должны быть довольно поджаренными. Они сами вынимают их из печи и прячут у себя. По наступлении вечера сходятся в одну комнату и там кладут хлебцы на порог в один ряд. Потом зовут собаку, и чей хлебец она схватит прежде, той прежде выйти замуж. Чей же она обнюхает, у той будет много женихов, но все разборчивые. В других местах девушки и парни выходят из дома с хлебом. Если где залает собака, так девушке сыщется жених, а парню невеста.

СУЧЕНАЯ НИТКА

Пуускают сученые нитки в воду и по извиванию их гадают о доброй и злой судьбе. Свернувшиеся в кружок нитки – печальная примета: кручина в замужней жизни; плавающие в воде свободно – спокойствие и довольство; опустившиеся прямо на дно – смерть; выплывшие наверх – свадьба близкая; плавающие поверх воды в разных направлениях – сидеть в девушках; перевившиеся между собою – заплетать косу под венец; образующая из себя круги – верный знак обручения; скомкавшиеся и слипнувшиеся – измена и злословие на невесту.

ПРИМЕТА ПО СКРИПУ ДЕРЕВА И СТОЛБА

Выбирают старый дуб или столб, становятся вокруг него и слушают, как он скрипит. По скрипу и шатанию толкуют,

какого звания будущий муж. Скрипит ли наподобие пишущего пера – муж будет гражданский или какой-нибудь ремесленник; засвистит – музыкант. Все действия дерева имеют свое значение и определение.

ПРИМЕТА ПО СКРИПУ ВЕРЕИ

Становятся под вереею и замечают, как она скрипит. По скрипу заключают, из какого звания будет муж. Если слышится скрип пера, то быть замужем за приказным; если хлопает наподобие плети, то за кучером; если звучит шпорами или саблею, то за военным: в первом случае – за адъютантом молоденьким с едва пробивающимися усиками, а во втором – за пожилым, только с густыми эполетами. Если скрип ровный и тихий, то быть замужем за гражданским чиновником. Если скрип раздается глухой, то быть за разночинцем.

ГАДАНИЕ НА КОЖЕ И ШКУРЕ

Около проруби расстилается коровья или лошадиная кожа, на которой садится девушка. Но наперед она очерчивает около себя круг нарочно для того приготовленным огарком свечи. Из проруби невидимо выходят водяные духи. Они, подняв девушку на коже, переносят в жилище жениха или в дом суженого и потом относят опять на прежнее место. За девушкой гонятся в это время черти. Желая завладеть ею, они погружают ее с чрезвычайною скоростью в прорубь. Девушка, чтобы спасти себя от неминуемой беды, должна произнести при самом погружении: «Чур сего места». Нечистая сила разлетается во все стороны. Посещавшая дом своего суженого узнает наперед про его жизнь и нрав, но никто не может ей сказать: будет ли она счастлива с ним? Немногие девушки решаются летать на коже, потому что редко избегают дьявольских нежностей. Нам ничего не известно, как женщины увертываются от них; но предание говорит, что женские хитрости проводят самих чертей.

В других местах выходят в лунную ночь слушать к проруби. Расстилают около проруби воловью шкуру, садятся на ней в кружок, смотрят со вниманием в воду и замечают ее течение и шум. В этой воде девушка может видеть своего суженого и в таком наряде, в каком он будет венчаться с нею, или по крайней мере увидит своего суженого. В тихой воде нельзя видеть, потому что черти притаиваются, сторожа гадающих. Недаром пословица: «В тихом омуте черти водятся». Счастливая девушка моется после гадания этой самой водою, чтобы быть здоровою и румяною и всегда любимую мужем. Которой из загадывающих причудится что-нибудь страшное, той обречено сидеть в девушках.

В иных местах собираются несколько девиц на перекресток, расстилают там кожу, кладут на нее хлеб и ножик, потом очерчивают вокруг себя ножом, чтобы не прикасалась до них нечистая сила; покрывают лицо скатертью или полотном и, взяв друг друга за мизинец, вопрошают судьбу: что случится с ними в этом году? Девушки сидят в трепетном молчании и прислушиваются к свисту ветра, его дуновению и всякому шороху и стуку. Иной чудится дальний звон колокола – это погребение; другой представляется заунывное пение – покойник в доме; иной слышится разговор людей – свадьба; одним словом, каждой из девиц представляется особое чудное и по нему судят и объясняют свою участь.

Еще делают проще. В полночь выходят несколько девушек на перекресток, расстилают там кожу и садятся на ней. Но прежде дают уговор не творить молитвы и не робеть. Усевшись в кружок, одна из бойких говорит: «Сужена-ряжена! вези меня с подругами к жениху». Тут они помчатся невидимо куда – и сами не знают; но после очутятся у ворот тех самых, где живет жених.

При этом гадании девушка должна выходить из комнаты с большою осторожностью: не прищемить подол платья, – иначе она не будет иметь ни в чем успеха; не плюнуть на платье, в противном случае потерпит злословие. Если при надевании юбки заворотится подол, то это знак, что в том году непременно родит дитя.

ЧЕСАНИЕ ВОЛОС

Под головы кладут гребень, загадывая: «Суженый, ряженный! причеши мне голову». Во сне приходит суженый и причесывает девушке волосы. Когда волосы остались непричесанными, тогда горничная зачесывает и уверяет, что она сама видела, как шел к ее барышне суженый-ряженный: вошел тихо в спальню, зачесал волосы и ушел, не мешая ей спать.

На ночь смачивают волосы настоянною на чародейской траве водою, чтобы дьявол не приходил вместо суженого. Все горничные уверяют, что нечистая сила, если начинает чесать, то расчесывает до крови и девушка навек несчастная.

ЧЕТ И НЕЧЕТ

Чет и нечет занимает важное место в гадании. Раскладывают по столу орехи или накатанные из чего-нибудь шарики и говорят: «Чет и нечет». Упадет загаданное на чет – исполнение желания, на нечет – неудача. По ним задают себе всевозможные вопросы: «Скоро ли замуж? За кого? За того ли, кого люблю?» и пр. Чет и нечет гадается еще на бобах, угольях и соли: в таком случае гадают девушкам старухи, которые превращают этот способ в ворожбу.

БУМАЖНЫЕ ШАРИКИ

Между многими пустыми бумажными шариками кладется один с именем суженого в особую чашу, и все они перемешиваются. Потом каждая девица вынимает свое счастье до трех раз. Вынутые три раза пустые билеты – неисполнение желания; вынутый с первого раза с именем – исполнение желания. Вынутый однажды пустой не лишает гадающую надежды. Если попадется второй раз пустой, то не должно верить обещаниям: кто два раза обманул, тому в третий раз не верят. На этом положении основано, кому сбудется, а кому нет.

МОЛОДОЙ ВДОВЕЦ

Доселе в обычае гадать о суженом по балясам лестницы: выйдет ли девушка за молодого или за вдовца? Девушка начинает от первой балясы, говоря: «Молодой, вдовец», – или: «Вдовец, молодой», – и доходит до последней. На какую упало последнее слово, такой будет муж. Гадают еще не по одним балясам, но по пальцам, камушкам и проч., наблюдая одно правило, что, на чем упадет последнее слово, тому должно сбыться.

СЧЕТ КОЛЬЕВ ИЛИ: ЗАМУЖ, НЕТ

Ночью или в сумерки робко подходят девушки к плетню и начинают считать колья. Если оказывается четное число, то исполнение желания. Другие пересчитывают от досады по нескольку раз и никак им не приходится выйти замуж. Иные при счете кольев произносят: «Замуж, нет». Девушки всегда начинают словом «*замуж*» и оканчивают «*нет*»: последним словом они никогда не начинают гаданий.

ВОЛ И БАРАН

После неудачи отправляются девушки в хлев, где стоит рогатый скот или овцы. Если которая-нибудь из них наткнется на вола или барана, то непременно выйдет замуж, но с тою разницею, что наткнувшаяся на вола будет иметь неверного мужа, а на барана – сама поставит рога мужу. Многие девушки этому не верят, смеются над нелепостью предзнаменований, но как скоро выйдут замуж, то припоминают рога.

ОВЦЫ

Несколько девушек бегут в овчарню, затворяют за собою двери, и впотьмах каждая из них быстро выдергивает клочок

шерсти. Если шерсть черная, то суженый будет чернобровый, а если белая – то белокурый.

ПУГАНИЕ ВОРОБЬЕВ

Девушки, наткнувшись на животных с рогами, не перестают гадать. Они отправляются толпою в гумно или житницу с фонарем и пугают воробьев: кричат, бросают палками под кровлю, а другие, наиболее отважные, влезают сами под крышу и гонят воробьев оттуда. «Киш, киш, воробьи! Летите и мне мужа принесите», – произносят они втихомолку. Сонные воробьи летят прямо на огонь, и та, которая прежде поймает воробья, выйдет прежде всех замуж. Некоторые девушки довольно долго хранят у себя пойманных воробьев; тешатся их щебетанием или по щебетанию их стараются узнать свое будущее: если оно громкое – то муж будет сердитый, если пискливое – то муж будет кроткий.

ОБ УЗНАВАНИИ НАПЕРЕД СВОЕЙ УЧАСТИ

Девушки всегда желают знать наперед свою участь. Для этого они во время гаданий берут сборник (головной женский убор), кусок ржаного хлеба и кусок дерева и покрывают их горшком, с приговором: «Чему быть, того не миновать»; или: «Что сбудется, то сбудется; а сбудется то, что сбудется»; или: «Задумаю, загадаю, судьбу вопрошаю». О том, что красавица вопрошает, никому не должна говорить: единственный свидетель ее тайных дум – ее сердце. Закрыв глаза, подходит к горшку и вынимает наудачу первую вещь: вынутый кусок дерева – печальная судьба, гроб; кусок хлеба – не выйти замуж в том году; сборник – скорый выход в замужество. Позволяется вынимать вещь только один раз.

БЕРЕЗОВАЯ ЛУЧИНА

Кому не хочется знать вперед: долго жить или нет? Берут березовую лучину, обмакивают в воде и зажигают. Горящая с

искрами лучина означает болезнь, потухающая при горении – близкую смерть; горящая ясно – долгую жизнь. Еще обвертывают березовую лучину льном, втыкают в щель и зажигают. Догорит ли лучина скоро – смерть кому-либо из родных; оборотится ли она в какую-нибудь сторону – быть девушке замужем.

УЗНАВАНИЕ ИМЕНИ ЖЕНИХА

Сворачивают в ком клочок соломы и кладут на стол. На свернутой соломе ставят сковороду с камнем и поливают ее водою. Желаящие знать имя жениха выдергивают потихоньку соломинку, которая производит при этом глухой звук, и в этом звуке отгадывают имена суженых. Иным слышится «дзинь», и из него выводят имя суженого. Тут всегда рождаются споры между словообъясняющими: каждая из девиц старается уверить свою подругу, если соломинка выдернута неудачно, что звук предвещает не то, какое дают ему значение. Споры всегда оканчиваются надеждами увидеть в скором времени суженого.

Кладут еще иглу без ушка под жернов. Одна вертит жернов, другая прислушивается к звуку. В последнем девушки слышат имя жениха.

ЯИЧНЫЙ БЕЛОК

Берут свежее яйцо, выпускают из него в стакан белок и ставят в вольный дух печи на столько времени, во сколько он может свернуться. Потом вынимают стакан и замечают, в каком положении белок? свернулся ли он и в каком виде? Церковь – означает венчание, кольцо или перстень – обручение, четырехугольная фигура – гроб. Корабль с парусами значит выход девушки замуж в чужой стороне. Мужчине такой корабль предсказывает дальнюю дорогу, а женщине скорое возвращение ее мужа домой. Прочие фигуры, которые трудно разобрать, объясняются с особой таинственностью. Нередко прибегают к женщинам, искусным в толковании гаданий. Если белок все

не поднялся, то не состояться браку. Когда он вдруг опустится на дно, тогда предвещает смерть, а в доме пожар.

КЛОКОТАНИЕ ВОДЫ

На влитую на сковороду воду кладут охлопки льна, зажигают оный и покрывают горшком. Если вода заклокочет, то у невестки будет сварливая свекровь; когда огонь погаснет, тогда свекровь будет добрая.

КОЛЬЦО, КУСОК ХЛЕБА И ПУК СОЛОМЫ

Накрывают платком кольцо, кусок хлеба и пук соломы. Девушка, желающая знать счастливую свою жизнь, должна сама вынуть какую-нибудь вещь, и что вынет, то непременно сбудется. Вынутое кольцо означает, что жених ее будет щеголь; хлеб – зажиточный муж; солома – бедность. Другие кладут вместо соломы какой-нибудь крючок, и если он вынется, то говорят: «Бедный крючок». Это значит бедный человек. Иногда толкуют крючок в прямом смысле – взяточник.

ПЕРСТЕНЬ, ХЛЕБ, ЩЕТКА И ТАБАК

Каждую из этих вещей порознь кладут под отдельную посуду. Угадывающие о качестве жениха не должны видеть, куда какая положится вещь; но должны подходить к вещи, закрытой посудой, и брать ее наугад: кому попадется перстень – значит, жених будет щеголь, кому хлеб – богатый; кому щетка – у той будет муж бородобрей, а кому табак, той муж будет табачником. Над последними двумя вещами девушки смеются, называя своих подруг одну бородобрейшею, а другую табачницею.

КУСОЧКИ ХЛЕБА В ОКНЕ

Накануне Нового года кладут в дымовое окно черной избы столько кусочков хлеба, сколько гадает девушек. Эти

кусочки оставляют лежать всю ночь. Поутру каждая из девушек смотрит: цел ли замеченный ею кусочек? Если цел, то значит, что она проживет этот год, а если закусен или съеден совсем, то умереть ей в этот же год. Помехою гаданий девушек всегда бывает кошка. Добравшись до кусочков, она съедает их или закусывает, сколько ей угодно, а девицы между тем толкуют. И как нарочно случается, что те девушки, коих кусочки были съедены, живут долее, нежели те, коих остались невредимыми.

ЛОМАНIE КОСТОЧКИ, НАЗЫВАЕМОЙ «ДУГА»

При подавании на стол жареной курицы или другой какой-нибудь птицы девушки берут заднюю часть кости, имеющей вид дуги, и ею гадают между собою: кому умереть прежде? Гадающие берутся мизинцем за дугу косточки, и кто переломит скорее, той прежде умереть.

СОЛОМИНКА

Закрыв глаза, выдергивают ртом из скирды по соломинке и по ней судят о своем счастье. Выдернутая с колосом – явная примета богатой жизни; без колоса – убогая жизнь; две выдернутые вместе – рождение близнецов, а если более – то ничего не значит. Гадание не позволяет девицам иметь более двух близнецов. Можно гадать только до трех раз.

Еще ходят на гумно и дергают колосья из одонья. Выдернутая солома с колосом означает богатство, а пустая – бедность.

Иные выдергивают колос из одонья зубами. Если выдернулся толстый, то девушка будет жить в полном удовольствии.

ИГЛЫ

Девушки не могут гадать иглами. Они должны просить о том или своих нянь, или старух. Намазывают две иглы све-

жим салом или воском, опускают их острием, а иногда без всякого разбора, в стакан с водою и замечают, как они тонут. Если пошли скоро на дно и прямо – то исполнение желания; сошлись ли вместе – выход замуж; остановилась ли одна против другой – встретится препятствие; совсем разошлись – великое для невесты горе: оставаться незамужней. Последнее обстоятельство касается девиц, но для женщин это означает разговор или семейное горе, а для мужчин неуспех в делах.

Гадают еще иначе. Раскладывают хлеб, соль, уголь и печину (отвалившийся внутри печи кусок кирпича): хлеб против соли, уголь против печины. Потом берут продетую на длинной нитке иголку, втыкают ее в другой кусочек хлеба и, взявшись за конец нитки, держат ее против лба; после раскачивают тихонько с приговором: «Хлеб да соль, уголь да печина, скажите правду, истину». Тут замечают, куда станет качаться иголка с кусочком хлеба: если от хлеба к соли – то предвестие доброе; а если от угля к печине – то дурное.

БОБЫ

Гадание на бобах известно было у нас еще в XVI веке и строго воспрещалось *имать веру в бобы*. Сохранившаяся пословица «Чужую беду бобами разведу, а к своей беде ума не приложу» объясняет, что человек в своем горе не находит ума, а о чужом думает легко. Многие, веря в гадание на бобах, утешаются словами ворожеи, которые искусно определяют свойство и значение каждого боба. Для этого берут 41 боб и разделяют их на три половины: отсчитывают по четыре и откладывают их в сторону, в один ряд, пока в руке останется лишек, который кладется в особую кучку. Потом из одного ряда делают несколько кучек и дают им названия: первой – *голова*, второй – *сердце*, третьей – *руки*, четвертой – *ноги на походе*; название остальных рядов зависит от искусства ворожеи. Когда бобы разложатся в должном порядке, тогда ворожея водит по ним рукою, шепчет про себя известные ей выражения и потом объясняет каждой девушке: «Это

упало на голову, твой суженый думает о тебе, и давно думает! А это лежит на сердце печаль у него и у тебя. Он будет твой, только встретишь слезы. Руки? Оно-то хорошо, да ведь другие девушки уже любят его; они вяжут ему руки, а он все к тебе. Ноги? Не бывать ему в том доме; он едет в дальнюю сторонущку, а там ему слюбится другая. Не кручинься, красная душа-девица: сердце молодых людей то на ту, то на другую сторону – куда повеет ветер». Лишек объясняется в заключение получением письма, известия, посылки, наступлением близкой дороги и т. п. Когда удачно оканчивается гадание, тогда говорят: «Голова весела, сердце радостно, рука полна, ноги на походе».

Другие описывают гадание на бобах следующим образом: берут 41 боб и разделяют их без счета на три части. Первую часть берут в одну руку, а другую отсчитывают по 4 боба и откладывают в сторону, пока останется в руке три, два и один боб. Этот остаток кладут в первую линию, подле первой части; потом берут третью часть, отсчитывают так же и кладут остаток в первую линию подле третьей части. Потом составляют впереди линию в три порядка, а третью без счета в три порядка. По оставшимся бобам от первой и второй линий по устройению трех линий приступают к разгадыванию. Второй порядок первой линии называют *головой*; третий в той же линии – *рукою*; второй во второй линии – *сердцем*; третий в третьей линии – *ногою на походе*. Голова предвещает мысль, веселость, быстроту, ученое состояние; рука – богатство; сердце – печаль и радость; ноги на походе – приезд и путешествие, получение посылки и исполнение желания.

РЕШЕТО

Одни замужние только могут гадать на решете. Ворожеи веют решетом снег, а потом вытряхивают его в лунную ночь. Главное в том, чтобы уметь сдерживать решето на указательном пальце в равновесии, протянув правую руку. На решете гадают более поселяне по деревням, когда случится пропажа или во-

ровство. При держании решета произносят имена людей, подозреваемых в воровстве. При чьем имени оно повернулось, тот избличается. Точно так поступают при святочном гадании, с тою только разницею, что при чьем имени решето повернулось, тот не суженый. Если оно повернулось от дрожания руки или дуновения ветра, то это приписывается действию нечистой силы, и снова начинают гадать.

КОФЕЙНАЯ ГУЩА

Кофейницы-ворожеи гадают во всякое время. На Святках гадают только по желанию или по просьбе. Сливают кофейную гущу в чашку, накрывают ее блюдечком и опрокидывают вверх дном. Потом, сняв чашку с блюдечка, наливают на него воду и погружают ту же чашку на блюдечко при троекратном произнесении слов: «Верность, дружба и согласие» – или: «Что загадано, то сбудется» – и рассматривают, какие вышли на чашке знаки. Изображение человека означает свидание влюбленных; цветы – любовные связи; дерево – разрыв любовников, в семействе раздор, несогласие и в делах неудача. Виды домов, церквей и башен – выполнение желаний; если ж при этом соединилось несколько изображений вместе, наподобие людей, то означает свадьбу; четырехугольные виды предвещают гроб или несчастье. Изображения каких-нибудь животных толкуются различно: собака означает верность и друга; кошка – коварство; лисица – лукавство; волк и медведь – неудачу или препятствие в делах и любви; змея – наговоры от злых людей. Трудно исчислить значение кофейных знаков: объяснение их зависит от кофейниц. Девицы гадают на кофейной гуще только перед сном.

ГАДАНИЕ НА КАРТАХ

Ни один род занятий не распространился у нас в такой степени, как карты. Везде, куда ни обратитесь, играют

в карты и гадают на них. Даже высшего сословия особы не изъяты от этой слабости. Есть люди, которые посвятили всю свою жизнь одному гаданию на картах. Разгадывают другим несчастье, а своего не знают; предрекают другим счастье, а сами несчастливы! Нет уголка в деревне, где бы не было прославленных гадальщиц. Их с почестию приглашают на дом или нарочно приезжают к ним из дальних мест знатные люди. Что этому причиной? Недостаток просвещения. Гадальщицы живут на счет невежд и слабоумных. Они ведут непосредственную связь с плутами и обманщиками и знают, где что пропало; имеют сношение с дворовыми людьми, торговками и сплетницами. Окружая себя людьми, шатающимися от дома к дому, они получают от них все нужные сведения; знают, что происходило в доме и когда кого обворуют. Прибегающие к ним за советами всегда суть влюбленные, суеверы, потерявшие собственность, легковверные, люди с предрассудками, лишенные всякого здравого смысла и без теплоты Веры. Вместо того, чтобы прибегнуть в горести к Богу и Ему молиться, очень многие обращаются к обманщикам, не думая, что они совершают великий грех. Верить ворожеям – это значит отметить попечение о нас Промысла. Ворожеям охотно верят на слово, а рассудку нисколько. Гадальщицы часто отгадывают по лицам печальным о случившемся несчастье. И кто не может отгадать! Отрывистые слова, резкая горесть и уныние, слезы на глазах или красные глаза от слез, впалое и бледное лицо, дрожащие руки, медленная и задумчивая поступь – все это помогает гадальщицам. На вопросы легковверных они отвечают скоро и всегда двусмысленно. Удачное разгадывание распространяется повсюду, и всегда с преувеличиванием; неудачное приписывается не картам, а судьбе. Так было написано на роду его! Если ворожея разгадывает слишком неудачно, то переходят от нее к другой и ни в чем ее не обвиняют; вместо нее новая ворожея приобретает толпу поклонников. Страсти везде господствуют, но в картах они явственнее. Одно нравственное направление умов может уменьшить безотчетную доверенность

к гаданию. Все усилия останутся слабыми, пока образование не предпочтут картам.

Должно думать, что гадание на картах увеличилось в царствование императрицы Елисаветы по той причине, что карты были тогда в большом употреблении. О нашем времени нечего говорить. Способ гаданий на картах многообразен. Каждая гадальщица имеет свои особые приметы и дает им свой смысл. Раскладка карт и объяснение их суть условные предметы, которые изменяются по произволу и разнообразятся до бесконечности. Иные гадают 36 картами, а другие целой колодой. Самое невинное препровождение времени, гран-пасьянс, есть также гадание.

На Святках прибегают к карточному гаданию по случаю гадательных вечеров. Девушки смотрят с особою верой на падающих королей и замечают их с жадностью; старые обманщицы толкуют девицам эти гадания по своему усмотрению. Гадать на одно лицо допускается до трех раз; более же в один вечер считается недействительным; можно загадывать снова в другой вечер.

ЧЕТЫРЕ КАРТОЧНЫХ КОРОЛЯ

Перед сном кладут под подушки четырех королей и гадают: «Кто мой суженый, кто мой ряженный, тот приснись мне!» Суженый-ряженный должен присниться; если же нет, то это приписывают душевному расстройству девушки или другому постороннему обстоятельству, но во всяком случае вину слагают на память и на то, что после сна не должно было браться за голову. Суженый, явившийся под пиковым королем, означает старика и ревнивого; под трефовым – вдовца; под червонным – молодого и богача, а под бубновым – желанного. Мужчины кладут себе под подушку четырех дам, коих цвет означает то же самое, что королей, с тою разницею, что если приснится пиковая или трефовая, то зажигают ее трубку. Гадание по королям и дамам перешло к нам от немцев в половине XVIII века.

ТРИ ПРУТИКА ИЗ ВЕНИКА

Когда все заснут, тогда гадающая должна встать потихоньку с постели и, никому не говоря, что она намерена загадывать, вынуть из веника три прутика и этими прутиками отмести сор от порога вовнутрь комнаты три раза. Потом эти три прутика положить под подушку, лечь и загадать о суженом. Он явится, разбудит милую, обнимет и проведет с нею ночь в сладостном упоении любви. Гадавшая не должна тогда трогать прутиков, иначе суженый скроется, и ей оставаться тогда вечно в девушках.

СНИМАНИЕ САПОГА

Мужчина, ложась в постель с одним сапогом на правой ноге, загадывает о суженой: «Суженая моя, ряженая, приди ко мне и сними с меня сапог». Когда он заснет, тогда его суженая явится и снимает с него сапог.

Обычай разувания есть самый древний. Еще предки наши, будучи язычниками, употребляли его. Невеста должна была разувать в первую ночь жениха, который держал в то время плетку в руках. Если она снимала с левой ноги сапог, то жених бил ее три раза по спине в ознаменование власти над женою, которая делалась с того времени рабыней его; если невеста снимала с правой ноги сапог, то положенные в нем деньги она брала себе, жених целовал ее и потом бил слегка плетью¹.

ЛУКОВИЦА С СОЛЬЮ

Загадывающие выбирают свежую луковичу, очищают ее от шелухи и разрезают пополам; потом снимают первый слой луковичы, посыпают ее солью и в то время, когда ложатся

¹ О разувании см. в статье «Свадьба» в описании древних свадебных обрядов.

спать, съедают, загадывая о суженом или суженой. «Суженая, ряженая» или «Суженый мой, ряженный, подай мне напиток воды». Жажда, производимая от лука с солью, не дает хорошо уснуть, и пока суженый или суженая явятся, сами встанут с постели и сами себе добывают воду.

ТРИ АНГЕЛА

Ложась спать, надобно закусить который-нибудь угол подушки и потом, укрывшись одеялом, загадать о суженом или суженой, говоря: «Один ангел скажет, другой укажет, а третий суженого покажет». Все ангелы слетятся и выполнят желание загадывающих.

БРОСАНИЕ МОНЕТЫ В ВОДУ

Чашу или таз наполняют водою и потом берут мелкую монету, которая была бы самая тоненькая: обыкновенно брали для этого шелег, который ныне вышел из употребления, и, подняв монету довольно высоко, опускают ребром в воду. Брошенная таким образом монета, встретив сопротивление в сосуде, выскакивает из него и падает на землю, и тогда она означает, что о чем было загадано, то сбудется непременно. При бросании монеты только должно загадывать о том, что сбудется или не сбудется. Если брошенная ребром монета перевернется и ударится плашмя, то она потонет, и тогда означает, что загаданное не сбудется. Многие так верят этому, что во всякое время прибегают к сему способу загадывания; но такое загадывание преимущественно имеет силу накануне Нового года.

КОЛЬЦО В ВОДЕ

За несколько часов до сна наливают в стакан воду, опускают туда кольцо и выставляют на мороз. Ложась спать, приносят стакан и смотрят: какие вышли в нем предметы?

Замерзшая вода без бугорков означает бездетную жизнь, а сколько покажется бугорков, столько будет сыновей, сколько ямок, столько дочерей. Потом надевают кольцо на руку, загадывают и, сняв его, передают друг другу: что было загадано, то приснится и сбудется верно. У иных воображение так сильно действует, что им видится во сне то, что происходило наяву, и представляется то, что задумали, а у других от сильного напряжения мыслей происходит бессонница и вследствие этого головная боль; но это приписывают беспокойному посещению суженого-ряженого. Появившиеся сны утром и перед вставанием не считаются действительными.

БАШМАКИ С ЗОЛОЙ

Посыпают золой башмаки и ставят их на ночь под кроватью. Поутру смотрят: на чьих башмаках больше золы, той девушке предстоит счастливая жизнь.

Еще так: девушка с завязанными глазами обсыпает свои башмаки золой и поручает потом особо кому-либо смотреть за ними, чтобы не думали, что переменяла их. Перемена башмаков показывает перемену в семействе: смерть или болезнь. При надевании башмаков, бывших с золою, замечают: надевала ли девушка вперед на правую ногу или на левую? Если на правую, то исполнение желания, а на левую – неудача. В этот день стараются ничего не предпринимать и ничем не заниматься. Другие девушки кладут свои башмаки без золы, в корыто и потом бросают их все вместе, разом: чей башмак прежде упадет, той непременно выйти замуж.

КУДЕЛЬ С ПРЯЖЕЮ

Расчесывают ночью кудель пряжи на гребне и выставляют ее за окно. Перед сном смотрят, в какую сторону развеивается расчесанная кудель, с той стороны явится суженый. Некоторые утверждают: какие волокна на гребне, такие будут волосы у суженого.

СУЖЕНЫЙ С ВОДОЮ

На ночь едят что-нибудь соленое и загадывают: «Кто мой суженый, кто мой ряженный, тот подаст пить мне». Девушки думают, что, когда во сне захочется им пить, тогда будет стоять у постели суженый с водою и подаст пить им. Девушка не должна пугаться, если суженый и сядет подле нее, и обнимет.

МОСТИК ИЗ ПРУТИКОВ

Делают из прутьев мостик, кладут его на сон под подушку и загадывают: «Кто мой суженый, кто мой ряженный, тот переведет меня через мост». Когда все это приснится, тогда сон в руку; но то беда, что девушки скоро забывают сны. Никогда не надобно класть рук под головы.

КВАШНЯ

Выносят из избы квашню и ставят ее посреди двора. Если с завязанными глазами девушка прямо найдет квашню, то выйти ей замуж в тот же год; если найдет боком, то под сомнением, чтобы она вышла замуж в тот же год. Беда, когда пройдет мимо – не выходить ей замуж.

В иных местах ставят квашню посреди дороги. К квашне бегут спиною, и кто попадет в нее, та будет выдана замуж в тот же год.

ЗАГАДЫВАНИЕ ПЕРЕД ВОСКРЕСЕНЬЕМ

«Понедельник со вторником, среда с четвергом, пятница с субботою, а ты, воскресенье одно, скажи мне правду: какой суженый явится мне во сне?» Это загадывают, ложась спать и преимущественно перед воскресным днем; но как Р. Х. не всегда приходится в воскресенье, то поэтому гадают во все святочные вечера.

ЛИТЬЕ ИЗ РАЗНЫХ ВЕЩЕСТВ

Обыкновенное литье есть на воске. Оно было в большом употреблении у греков и известно у них под именем *керомантии*, предзнаменовывавшей доброе и худое. То же самое ныне оно значит и употребляется во всей Европе.

Наши предки любили предаваться этому роду удовольствий, которое называлось «восколеем»; но церковными постановлениями оно строго воспрещалось как богопротивное дело.

Лили еще не из одного воска, но из олова, свинца, серебра и золота. Говорят, что прежде лили из золота, будто бы в том предубеждении, что выльется счастье золотое, и в заключение пили воду с золотого блюда. Сохранилась доселе поговорка: «С твоего слова, с золотого блюда».

К литью приступают с особым чувством боязни. Его совершают на сон, и в это время считается гадание только действительным. Растапливают белый воск и выливают его на блюдо, чашу или другой какой-нибудь сосуд с водою и замечают, какие отлились изображения. Представляющие вид дома означают хозяйство; прочие здания: сарай, гумно, т. п. — сельскую жизнь; церковь — обручение; яма и пещеры — гроб; деревья и растения имеют особое свое знамение: склонившиеся деревья — грусть, а прямые — радость; растения и цветы, похожие сколько-нибудь на Божие дерево, тюльпан, розу, незабудку и пр., объясняются по их свойству; развалины какого-нибудь города или дома толкуются всегда в дурную сторону: для невесты — обман в суженом, для женщины — несчастье в доме. Истолкованием таких видов занимаются прославленные ворожеи, которые часто упрашиваются невестами, <что> говорит в их пользу. Ворожея предсказывает суженой брачный венец, указывая с намерением на кольцо, вылитое из воска. Девушка притворно не верит, ссорится с ворожеею, но на другой день является жених, и дело идет к концу. Предусмотрительный жених подкупает заблаговременно ворожею, и все слаживается в его пользу.

Между девушками начинаются неудовольствия, и дело объясняется само собой. Соперницы подговаривают ворожею говорить назло суженой. Случается весьма часто, что подкупленные женихами ворожеи говорят о них с великой похвалою, выставляя их честными, бескорыстными, благородными, нравственными и точно любящими свою суженую, хотя все знают, что они низкой души, безнравственные и имеют в виду получить от суженой денежки. Но нет ничего смешнее и глупее, когда сама суженая знает о своем женихе, что он действительно человек подлый; что она не могла терпеть его прежде: решалась лучше лишиться себя жизни, нежели выйти за него замуж; один взгляд его пугал ее прежде, и она в глаза издевалась над ним, но ворожея сказала, что он суженый ее, а суженого конем не объедешь, мать подтвердила это, и дело в шляпе. Такое совершают зло ворожеи, но и подобные невесты, вопрошающие их о своей судьбе, не заслуживают ни доброго имени, ни сожаления.

Девушки, коим наворожили в пользу, торжествуют, а те, коим наговорили и несчастья, и горя, ломают от испуга свои руки и ложатся спать с оханьем. Во сне бредят и рассказывают свои страдания. Но наперекор гаданиям бывает, что охавшая девушка скорее находит себе жениха, нежели та, которой было наворожено в пользу.

Другие нетерпеливые девушки, желая видеть суженого с глазу на глаз, гадают восколеем в бане, в полночь. Когда суженая начинает гадать, в то время предстает пред нею суженый по милости ворожеи, дарит ей кольцо и скрывается. От испуга девица падает в обморок; ее отводят в спальню и укладывают спать. На другой день она рассказывает страшные вещи: кто-то ее целовал, обнимал и нежился с нею; потом кто-то надел ей на руку кольцо. В доме все в ужасе, но спустя несколько дней появляются сваты. Любовь хитра на выдумки.

Девичы, получившие неблагоприятные предзнаменования, прибегают к выливанию стада лебедей. Вечером выливают лебедей и лебедек по числу гадающих; лебедек окрашивают, а лебедей оставляют белыми. Каждая избирает для себя

лебедя и лебедку; пускают плавать в чаше и закрывают полотном. Перед сном идут смотреть, как плавают лебедь и лебедка. Плавают ли они вместе, то означает супружеское согласие; присоединились ли к одной паре другие, будет много детей.

Гадание на олове и свинце также производится, как на воске, но только скрытно от родных и знакомых. Растопленный свинец сливают в холодную воду и смотрят: на какую сторону отделяются пары, с той стороны явится суженый. Отлитые изображения так же объясняются, как восковые.

Литье из золота и серебра ныне не употребляется; но предание говорит, что встарь расточительные бояре ливали фигуры для гаданий из золота. Князь В. В. Голицын, наперсник дел царевны Софии; Цезарь Ромодановский; бояре Борис Шереметьев, Шеин и др. тешили гостей на Святках *золотолеем*. Иностранцы с изумлением говорят о их роскоши, особенно о Голицыне, который своею блестящею жизнью затмевал многих владетельных князей.

СЖИГАНИЕ БУМАГИ

Лист белой бумаги жгут на свече; потом подносят сожженную бумагу к стене, а свечу держат несколько поодаль, чтобы отбрасывалась тень. По изображениям, которые рисуются на стене, рассуждают о их значении. Действительно, бывают иногда заманчивые явления: то представляют вдали лес, дорогу, горы; то башни, храм, поля, людей, то разных животных. Само собою разумеется, что объяснение этих явлений сопровождается приблизительными истолкованиями. Мне часто случалось видеть сжигание бумаги, и всякий раз я удивлялся фантастическим при сих случаях изображениям. Некоторые части предметов выходили прекрасно. Одной девушке они предсказали дальнюю дорогу; ей нарисовались на стене лес и дорога, а вдали человеческая фигура в печальном положении. Через несколько времени один молодой человек, издавна посещавший дом ее родных, предложил девушке руку, но с условием быть постоянною. Дело разладилось.

Покамест девушка молода, она может иметь своих поклонников. К ней присватался офицер с усами. (Уж эти усы! сбивают они девушек с толку.) Он ей не нравился, понравились ей усы – и она вышла за него замуж и уехала с ним на бивачную жизнь. Вот совершилась дальняя дорога.

ЦВЕТОК ИЗ ПОДВЕНЕЧНОГО УБОРА

После всех неудачных гаданий некоторые девушки не теряют надежды выйти замуж. В таком случае помогает им дружка во время какой-нибудь свадьбы. Когда обрученную невесту раздевают, тогда приближенная дружка отламывает цветок из головного убора молодой и передает той девушке, которой желает жениха. По уверению многих эта примета сбывалась. Одна моя знакомая рассказывала, что ее подруга просила позволить ей отломить цветок из подвенечного головного убора. Дружка, отломив веточку, передала безнадежной девушке, которая в скором времени вышла замуж. Это однако ж не есть собственно гадание, но средство к утешению безнадежной. В случае, если гадание было зловещее и несчастное, – чего Боже сохрани! – то прибегали к снотолкованию.

СНОТОЛКОВАНИЕ

Не было человека в мире, который до известного времени не обращался бы к снотолкованию. Женский пол постоянно отличается верованием в сновидения. Бывало прежде, что ни снилось, все сбывалось, а теперь – грешные мы люди – ничто нам не сбывается. В старину существовал особый разряд женщин, коих беспрестанно требовали на дом для изъяснения снов, как египетские цари своих волхвов-мудрецов! Попадают у нас, по городам и деревням, записные снотолковательницы, снискивающие себе пропитание этим занятием. Беззубые старухи, бабушки, кумушки, старые няньки, расхаживающие с узелками трав от разных недугов, сами заводят речь о снах и охотно берутся изъяснять их. Всем известно, что многие при-

бегают для узнавания снов к сочинениям под именем сонников, оракулов, предсказателей и т. п. и верят им безусловно; читают нелепости с большим вниманием, нежели нравственное и полезное сочинение; руководствуются бестолковыми объяснениями даже при начинании своих дел и книгу о снах хранят и берегут как душеспасительную. Такое слепое расположение происходит от недостатка образования и делает людей безотчетно легковверными: они на все соглашаются охотно, и все пустое для них есть таинственное, непостижимое.

Страсть находить в природе все чудесное, сверхъестественное произвела верование в сны, которые снотолкователями разделены на вечерние, полночные и утренние, все имеющие свою силу и свое значение: одни из них сбываются скоро, другие медленно. Сновидения происходят ежедневно, но те, которые бывают на Святках, считаются важными и имеющими влияние на судьбу человека. Девушки загадывают на ночь и рассказывают поутру сны свои с трепетным чувством, боясь, чтобы не объяснили их в дурную сторону. Вечерние или первые засыпальные сны не всегда сбываются, и потому не считают их так важными, как полночные, которые решают или предрекают многие случаи в жизни. Только снотолкователи и снотолковательницы занимаются изъяснением их. Утренний сон сбывается, но не так скоро. Думают, что если он снится молодой чете на первом году их брака, то он всегда имеет для них свое значение.

Изъясняют сны, смотря по людям, отношениям и приемам. Бывают строгие снотолкователи, которые представляют себя истинными вещателями, и к таковым обращаются и верят их толкованиям.

Когда девушки поутру вставали, то приходили к ним бабушки и старые женщины и спрашивали, что им снилось. Хороший сон повторялся на святочных вечерах от слова до слова не только между своими, но и знакомыми. Вот разговор девушки с няней:

«Няня, няня! поди сюда». — «А что, дитя мое, дитячко ненаглядное? Не сон ли перепорхнул нерадостный? Не весточ-

ка ли горькая?» – «Не знаю, голубушка моя няня, а сон привиделся», – и рассказчица, обняв няню руками, висела на ее шее. Тяжелые были вздохи в ее груди и слезы на глазах навертывались. Но няня, не дав ей плакать, говорила: «Ну расскажи ж, моя звездочка ясная». – «Вот видишь, – продолжала встревоженная девушка, – вечером-то мне малым-мало спалось; что малым-мало спалось, но чудно виделось. Привиделась мне крута гора, а на той крутой горе бел горяч-камень лежит, и не движется, и не пылает; а на камне вырастал част ракитов куст, а на том на кусте млад сиз орел сидит, и голову склонил, и крыльица опустил; пёрушками перебирает и ясными очами на меня поглядает; пред ним вьется в воздухе голубка, а над голубкой носится серый ястреб. Ястреб-то, ох, няня, страшно!» – «Что, мое дитятко? не бойся, возговори». – «Ястреб-то... не скажу, боюсь!» – «Знаемо, дитятко, ты напугано; покончи ж свой сон». – «Ястреб точит кровь на сыру землю, и я в крови... От ужасты я проснулась». – «Ну что ж, сон в руку», – сказала няня и призадумалась. «Ну скажи, скажи, няня». – «Я расскажу тебе: крута гора – то дом твой; ракитов куст – то детушки твои». – «Как, няня? У меня детей нет». – «Ну, будут», – отвечала она. «А как же это?» – «Эх, дитятко неразумное! Бог пошлет». – «С неба?» – «Вестимо. Сизый орел – то твой суженый». – «Как же это, няня, Бог и ему пошлет детей? Чьи же будут лучше: мои аль его?» – «Все ровные. Ну дай же покончить. Голубка – ты сама; а кровь-то – радость ваша на свадьбе; а ястреб – злодей твой».

Подбегала к няне другая девушка с предложением рассказать свой сон: «А мой сон? Ну рассказать ли? Сижу я во тереме, во светлый день; невзначай день нахмурился, почернел и море синее восшумело. В бедовый день не густой туман по синю морю опускался, а опускалась люта печаль на высокий терем, на батюшкин дом. Уж перед тем днем светел месяц светил не по-старому; как выглянет, так опять за черные тучи закроется. Уж привиделось, что упала звезда поднебесная, что твоя свеча местная соборная! Что одевали меня черным покровом на тесовой кровати; на грудь сыпали крупны зерна

бурмитские и скатным жемчугом повивали голову; что всю ночь держали меня в светлице из трех досок, без верхней перекладки; что всю ночь до бела света каркали вороны черные, а дятлы долбили железными носами стену брусчатую». – «У, как страшно!» – кричали девицы, отскакивали от рассказчицы, бледнели и прижимались друг к другу. «Бог с вами! Христос с вами!» – вопияла бледная няня и начинала девушек крестить; но сама дрожала, трепетала всем телом и, едва стоя на ногах, произносила: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его... аминь! аминь! аминь!» Плюнув на землю три раза, заставляла всех плевать по три раза и креститься. «Нечистая сила, изыди! антихрист! дьявол! демон! леший! изыди, изыди! да проклят ты будешь во веки веков! аминь». Девушки в продолжение ее проклятий трепетали: они видели уже перед собою дьявола с длинным косматым хвостом, то с поднятым вверх, то с подогнутым под себя, как у бешеной собаки; с большими рогами, с козьими ногами: сам играет и сам пляшет, и языком девушек дразнит; то кивает пальцем, моргает глазом чертовским, то перевернется и станет ходить на рогах или завернется, завернется и перевернется в черную кошку, и прямо им под ноги. «Ух, ух!» – вс кричали и от ужаса падали на землю. Няня чуть жива. На крик сбегаются старые женщины и бабушки и окропляли девушек крещенской водою. Когда девушки приходили в себя, их уверяли, что они здесь спали, и пристыдят еще, что барышням не годится спать на земле, а следует на лебяжей постелюшке. По успокоении девушек приступает уже няня: «Ты моя розонька розовая! скажи-ка свой сон». – «Хорошо, няня, слушай. По великому, по большому озеру не сер селезень плыл, то плыл кораблик. Той кораблик изукрашен, у того кораблика на носу лев-зверь вырезан; вместо очей вставлено по дорожному камешку, по бриллиантику; вместо бровей повито черным соболем; вместо уса торчали два ножа каленые булатные; вместо ушей развевались два горноста; вместо гривы две лисицы бурластые, вместо хвоста две куницы волнистые. А на кораблике тридцать богатырей, один одного краше, а один из них отметный, как ясный сокол между соколами; как светел

месяц между звездами. Он протянул ко мне руку, заговорил: «Красная девица-красавица!» Я хотела подойти к нему и тут проснулась». – «Славный сон! – закричала от радости няня. – Ты скоро замуж выйдешь. По тебя уж едут поезжанные, и в тереме у батюшки твоего, ай, будет снова ликование. Не успел батюшка сына женить, а уж дочь просватал. Свадьба! Свадьба! Право, звездочка моя утренняя». – «Няня, голубушка моя няня, – одна из девиц говорит, – сказать тебе про мой сон?» – «Говори, сердце мое, ласточка моя, касаточка моя, канареечка моя; я так тебя люблю, говори про свое счастье, лебедушка моя, пташечка моя». – «Слушай, няня: на малиновом кусте сизокрылая горлица; во темном лесу каркают вороны; за лесом на крутой горе высокий терем; в том тереме девица плачет, рыдает и крупны слезы полотенчиком утирает. Кто-то ей возговорит: «Не жги свечи воску ярого, не жди дорогого; другу сердечному вовек к тебе не бывать; твое солнце перекатное, а доля твоя бесталанная». А она восплачет: «Куда мне от злой беды, от лютой тоски? Пойду во темны леса, во круты овраги, созову зверей, накликаю: ох вы, лютые звери, соберитесь ко мне! вот вам мое тело: вы растерзайте его на мелкие части; мое тело белое – вам пища сладкая; растерзайте его, но оставьте сердце: друг найдет сердце, найдет мил и дознает, как любила я его; как любила его, и вздохнет обо мне – вздохнет и поплачет». На те речи прилетела горлица и ласковое слово проворковала: «Не роняй на белу грудь горячих слез; не губи красу: мил твой сердечный воротится; он узнает, как тосковала, и полюбит больше прежнего». На те речи налетели вороны и закаркали: «Не греть солнцу жарче летнего, не любить твоему другу крепче прежнего». Тут буйные ветры завывли и с теремом девицу уносили. Прилетел молодец, девицу высвободил, во светлую церковку с нею пошел. Смотрю, на головке моей венец. «Я хотела поправить его, подняла ручку и проснулась». Все девушки провозглашали: «Свадьба!» – «Вестимо свадьба», – отвечала няня. «Нет, не свадьба, – отвечала одна из девушек, – церковь и на голове венец – это похороны, это смерть». Некоторые верили, другие спорили, а рассказывавшая девушка уже плакала.

Ее сон зловещий, а няня сказала неправду. И начиналась тогда тревога, и стоило великих трудов уверить в противном не только ее, но и всех тех, кому сны толковались к несчастью или к смерти. Последней более всего страшились¹.

«Послушай, Ивановна, мой сон». – «Ну, ну, говори, моя ягодка малиновая. Аграфена Федосеевна».

«Вот видишь, Ивановна. Только что я вздремнула и уже вижу: взошел месяц, да где же? У батюшки в терему. Золоты рога глядят в зелен сад, а в зеленом саду цветут цветы иные, растут яблоки наливные, поют птички малиновочки. Как увидела все это, да так испугалась, что укрылась под подушку».

«Эх ты, подруженька! Ты бы зачурала», – говорили девушки. «Страшно было, девушки! Хочу сказать, язык не воротится; хочу привстать, ноги подкатываются. Слышу, кто-то душит меня подушкою. Встаю, и что же вижу? По саду гуляет жар-птица! Я в сад иду, она навстречу мне; я от нее бегу, она за мной летит; я к батюшке во терем, она за мной. Вхожу в покои, а жар-птица взлетела на месяц, села на золотом роге и манит меня к себе. Не помню, как я поднялась к месяцу, как села рядом с жар-птицею».

«Что же дальше?» – спрашивала бабушка.

«Ничего больше не помню, Ивановна». – «Ты не хватала ли рукой за голову?» – «Не знаю».

«Мы все видели, Ивановна, как Аграфена Федосеевна положила руку под голову и заснула крепко».

«То-то и есть, красные девицы: сами виноваты, что сны забываются».

«Скажи нам, Ивановна, что значит сон Аграфены Федосеевны?»

«Да какой же хороший сон, красные девицы! Слушайте только: светел месяц-то батюшка родимый, Федосей Иванович; что золоты-то роги у месяца, то детки у Федосея Ива-

¹ Пересказывать все сновидения нет возможности потому, что они бесконечны. В заключение представляется здесь один сон, очень мило и просто-душно рассказанный г. Сахаровым. (См. его сочинение «Сказания русского народа», компактное издание.)

новича – Аграфена Федосеевна да Иван Федосеевич; что зеленый-то сад – чужой двор; что в зеленом-то саду цветут цветки иные, то молодые молодухи, почтенные невестушки; что яблочки-то наливные – то молодые деверьюшки; что поют-то птички малиновки – то красные девушки; что жар-птица во зеленом саду – то суженый у себя во дворе; что жар-птица у Федосея Ивановича во терему – то у него зять во пиру; что жар-птица сидит на золотом рогу, а Аграфена Федосеевна на другом, то быть замужем».

«А как скоро, Ивановна, сбудется сон?»

«Ах, родимые, мои голубушки! Ведь сон-то не доснился. Вестимо скоро, так скоро, что не увидим, как Святки пройдут; не заметим, как свахи приедут; не подметим, как расписки укрепят; не учуем, как рукобитье пробьют, за дубовый стол посадят; не взвидим, как под венец поставят, а только опонимся, как в княжьем пиру возвеличат. Вот как скоро!»

«Уж ты всегда так, Ивановна, говоришь. Мой сон совсем не то значит; я тебе не верю».

«Ох ты, Аграфена Федосеевна, ведь ты у нас с весны заневестилась; ведь суженые-то давно уже заглядывали росписи».

«Что ты, что ты, Ивановна! – говорила бабушка. – Не пускай в огласку дело Федосея Ивановича. Может быть, что и разладится».

«Уж что знаю, так знаю, а приталанного никому не открою. У нас свадьба».

Сободем Аграфенушка все леса прошла, крыла леса, крыла леса черным бархатом; в путь катила, в путь катила золотым кольцом».

Девушки думали о своих суженых, и потому каждая из них оставалась довольною, если сон объясняли в хорошую сторону. Когда случалось, что они плакали от снотолкований, тогда утешали их будущим счастьем – такова жизнь человеческая! «Хорош твой сон, душка малина, – говорила старая няня рыдавшей барышне, – не плачь, на роду твоём написано счастье. Смотри, золотая моя голубушка! Как солнце взошло красно, так все будет тебе на утеху, на радость. Много пред-

стоит радости, а еще больше будет наяву и во сне. Сладкое тебе житье. Богачества твоего не сосчитать. А все то сон, согласие да любовь, калина-ягодка моя! Ни одной девушки не будет тебя счастливее: красная семья твоя – то утеха твоя; розовые ягодочки – то девушки твои; к добру, к радости твой сон».

Святочные сновидения большею частью составляют забаву, увеселение: им верят и не верят. Но те сновидения, которые изъясняются ежедневно, еще более обманывают легковерных, ведут к новым заблуждениям и делают их суеверными, смешными и жалкими в глазах здравомыслящих.

Так в старые годы проводила девушки святочные вечера! Ссорились и мирились в тот же час; нянюшки подслушивали и разносили вести со своими дополнениями; хвалили девиц перед сужеными, а суженых перед девицами.

Когда девицы нагостились, тогда приезжали за ними матушки и уезжали с ними домой или на новые вечера. Все время Рождественских праздников незаметно протекало в невинных удовольствиях. Если мать узнавала, что ее дочь нехорошо принята подругами или обижена в предпочтении, то она немедленно приезжала за нею, отвозила домой под предлогом, что по ней взгорюнился батюшка, встосковались братцы и она сама видела недобрые сны. Ее приезд понимали, но притворялись расстающимися с горестью, отпускали нехотя, но отъезду были рады и потом судили о гостях по-своему, как водится в подобных случаях.

ПЕРЕХОД ОТ ВЕРОВАНИЙ К ГАДАНИЯМ

Предания нашего народа о тайных действиях природы пережили многие исторические события. Были особые сословия, которые посвящали себя познанию непостижимых вещей, обыкновенных в самом деле. Предки наши боялись таковых людей, думая и веря, что они имеют сношения с невидимыми духами, что они живут с ними в дружбе и после своей смерти отдают душу чертям, за подписанием условия своею кровью, чтобы получить от них черную книгу (магию), в коей дьяволь-

скими буквами были написаны тайны, заговоры, чары и предрекания о будущем. Народ ненавидел и страшился чернокнижников, но в нужде прибегал к ним.

Чародеи, волшебники, колдуны, гадалышки, ведьмы, вещуны, волхвы, астрологи, чаровники, обаятели и морочители знали чернокнижие. Но все это есть ли произведение воображения русского народа или перенесено к нам из других стран? Отвечать не трудно. Индия, колыбель чудовищных вымыслов, облекала их в таинственные предзнаменования, которые производили чудеса между грубым народом; пылкие и хитрые жрецы направляли мысли к слепому верованию, управляли людьми и царствами! Явились толпы поклонников всего таинственного, и потом образовались общества чернокнижников или магов, к коим благоговели сами властители народов. Все вопрошало магов, и их толкования принимали за глас богов.

Египтяне, малоазийские греки, вавилоняне, древние мидяне, ведя торговые сношения с Индией, перенесли в свое отечество сокровенные знания, которые нашли между ними не только верователей, но еще ревностных распространителей. Отсюда быстро разлились поверья и чудеса по Персии, европейской Греции и римским владениям. В Персии утверждались восточные верования магами, а в Греции и Риме жрецами. Европа ознакомилась с вымыслами Древнего мира еще до падения Греции и Рима; но она пересоздала их по своему времени, оставив потомству разгадывать темные и глубокомысленные мифы Индии, коих основная идея была: творение мира и жизнь. Образованная Греция заставила своих мудрецов и философов доискиваться начала мироздания. Многие из них, будучи проникнуты чистым светом наук, понимали таинственную природу как создание невидимого духа, везде и повсюду парящего и творящего; но те, разумению коих тайны натуры были недоступны, остались при одних догадках и предположениях. Отсюда проистекло верование в то, чего народ не понимал, и мир увидел создание новых понятий о самом себе, его жизни, назначении, и, наконец, гадания

и предсказания слились с хаосом заблуждений и суеверий. Так Европа приняла в свои недра весь запас тысячелетних догадок и мифов. Наши предки славяне, скитаясь по Европе в века необразованные и суеверные, позаимствовали многое от германских народов; потом, когда получили оседлую жизнь, привили их понятия к своим обычаям. Ворования и знания, которые существовали в Греции и Риме под названием: *авгуров* – птицегадатели, *агромантии* – гадание по состоянию воздуха, *астрологов* – по течению планет и созвездий, *антрологомантии* – по внутренним частям тела, *гороскопы* – по жертвам животных, *гидромантии* – по движению и цвету воды, *гонтии* – признание духов и вызывание теней умерших из гробов, *дактиломантии* – узнавание врагов, *кабалистики* – значение таинственных слов, *капномантии* – по жертвенному дыму, *катоптромантии* – по зеркалу, *керомантии* – по воску, *клеромантии* – по шарикам, *икномантии* – водою, *ливаномантии* – по курению душистых веществ, *метеоромантии* – по воздушным явлениям, грому и молнии; *мистагонии* – по изъяснению признаков, *миомантии* – по крику и прожорству мышей и крыс, *некромантии* – вызывание духов из заколдованных тел, *онихомантии* – по ногтям, *роскопии* – гадание беременных женщин на яйце (кого она родит), *прогностикомантии* – изъяснение по приметам, *психомантии* – вызывание умерших, *тератормантии* – по рождению уродливых животных, *тефраномантии* – по золе, *энонтромантии* – по зеркалу – все эти гадания и суеверия перешли к нам и перемешались с предрассудками. Простой народ, и даже посвященные в таинства чернокнижные, не имея сведений о греческих и римских жертвенных обрядах, действовали по своим правилам, применяли их к своим гаданиям и обманам и с особенным рачением изучали чернокнижие, которое было верхом человеческих познаний и чудес. Русский народ, веселый и страстный к забавам, присоединил к своим празднествам предрассудки и гадания, и мало-помалу они вошли в крут святочных вечеров, где образовался отдельный мир толков, предзнаменований и верований.

В язычестве всякое гадание тесно соединялось с бого-служебными и гражданскими делами. Там ничего не начинали, не посоветовавшись с предсказателями. С распространением христианства гадание упало; ныне же оно употребляется благоразумными людьми только для препровождения времени и разнообразия увеселений. Для суеверных оно и теперь составляет вопрошение судьбы.

Наши святочные гадания со всеми своими забавами олицетворяют прошедшую жизнь, гражданский и семейный быт, который передан нам в некоторых песнях и преданиях.

В старину все сословия участвовали в рождественских гаданиях – от великокняжеского дворца до убогой хижины земледельца. Царевны встречали святочные вечера в своих теремах с верховыми и сенными девушками. Не одно было их желание повеселиться непринужденно, но и страсть погадать о будущей судьбе. Это чувство, врожденное каждому человеку, еще сильнее привязывало пламенных воздыхателей к гаданиям.

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА «ГАДАНИЕ»

Некоторые думают, что гадание произошло от еврейского слова *гад* – счастье, имеющего одинаковый смысл с *Демонион* – богинею счастья и гадания у греков.

Доныне в простонародном разговоре *гадать* означает думать; на польском *гадаць* (*gadać*) – говорить наобум, неосновательно; по-богемски *гадам* (*hádám*) – предсказывать, догадываться; *гадаць* (*hadac*) – вещатель; все эти слова соответствуют русскому гадательному глаголу – «гадать» и его смыслу. И гадание отнюдь не произошло от *гад*.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПЕРЕРЯЖИВАНИЯ

Святочные игры развивались в нашем отечестве по мере сближения его с Европою, которая сама много заим-

ствовала их от азийских народов. Восточные народы, особенно малоазийские греки, любили проводить многие дни в борьбе, танцах, скачке и переодевании. Европейские греки, а за ними римляне, усваивая иноземные обычаи согласно с потребностью века, учредили праздничные дни для самих забав. Олимпийские игры и римские забавы в цирках составили со временем необходимую принадлежность жизни народной. Вакханалии, перенесенные из Индии, распространились по всей Греции, а в Риме превратились они в бесчинство и продолжались по несколько дней сряду. Переряживания, беганье, песни и пляски под музыку на улицах и в домах днем и ночью производили беспорядки и несчастные следствия для жителей: родилась чрезмерная страсть к шумным удовольствиям, расточительность и повсеместная порча нравственности. Изнеженные грек и римлянин сохли от скуки, когда запрещали им наслаждаться или, так сказать, жить среди обрядных забав. В Риме все умы были настроены к умножению и изобретению постоянно новых удовольствий. Воины ратовали с врагами и гремели славными подвигами, а народ смотрел на гладиаторские битвы, рукоплескал не великим людям, но бойцам; увеселялся зрелищами и становился бесчувственным к гениальным произведениям творчества. Словом, народ дышал одними забавами.

Народы, разгромившие Западную империю во второй половине V века по Р. Х., не могли не заразиться сами утонченной роскошью: стали носить блестящие одежды, пировать и проводить ночи в наслаждениях. Побежденные совратили с прямого пути своих победителей. Готы охотнее всех предавались наслаждениям: они, по вторжении их в Восточную империю, внесли туда свои забавы, которые прослыли *готскими играми*. Мы знаем уже, что они увеселяли константинопольский двор в рождественские дни: наряженные и шуты (*scurra*) одевались в вывороченные наизнанку платья и покрывали свои лица разрисованными масками; плясали и пели под музыку; скакали, вертелись, представляли смешные явления и, сколько можно, уродливые.

Восточные греки весьма полюбили эти готские забавы и усвоили их со своею жизнью. Наши славяне, которые долгое время имели непосредственное сношение с Царь-градом, могли перенести оттуда потешные увеселения в свое отечество и совершать их на Святках и на Масленице.

Летописи наши называют переряживания *скуратами* (от латинского слова *scutta*, что значит шут), *лудами* (от латинского слова *ludex* – одетые в дурацкое платье), *окрутниками* (крутящиеся), *скоморохами* (то же, что *scutta*) и *личиниками* (замаскированными); в Малороссии они именовались *машкарями* (замаскированные шуты).

Название маски встречается у нас давно. Еще в XII веке архиепископ Лука, преследуя многие языческие обыкновения, воспрещает *москолюдство имети* (носить маски). Во Франции простой народ верил, что маски суть покрывало дьяволов. Так и у нас некоторые из простолюдинов думают.

В прежние времена маскированные корчили из себя демонов и страшилищ, наряжались волками, лисицами, быками и т. п. Женщины переряживались в мужские, а мужчины в женские платья; бегали по городу с зажженными факелами, били в бубны, кричали и ревели голосами разных животных. В средние века думали, что в продолжение 8 дней после Рождества Христова черти скитаются на земле переряженными, хватают проходящих, бегают и скачут с ними по улицам и потом уносят их с собою в ад. Наш простой народ доныне думает, что со дня Р. Х. до Богоявления посещают их дома дьяволы под образом *оборотней*, *вулкулак*, *бук* и хватают маленьких детей. От этого вошло в обыкновение пугать ребят, когда они заплачут: «Бука тебя съест, не плачь!» Есть еще мнение: кто во время Святков наряжался чертом, особенно если кто надевал на себя рожу (маску), тот страшный грешник, и грех не иначе может быть смыт, как только решимостью окунуться три раза в крещенской проруби.

Утонченное искусство переряживания и маскирования принадлежит итальянцам. Гранацци, воспитанник Микельанджело, первый улучшил это (в XVI в.).

Все наши святочные увеселения и забавы не подвергаются ныне ни гонению, ни отлучению от церкви. Языческий мир, вполне наслаждавшийся удовольствиями жизни, ничего не видел в них противного ни своему веку, ни просвещению; но ложные понятия об этих удовольствиях были причиною, что в жизнь народов вкоренилось множество суеверных обрядов. Гадания, предсказания, исцеление недугов травами, игры, пляски и маскирования представлялись в глазах простолюдинов действием чародейства и потому вводили их в заблуждение. Просвещенное правительство прибегало к запрещению и строго наказывало обманщиков. Христианская церковь, чуждаясь языческих нововведений, стремилась искоренить их духовными постановлениями: она желала, чтобы истинная Вера пребывала чистою, без примеси суеверий. Церковь издавала по сему предмету назидательные поучения и правила и увещевала христиан, чтобы они не следовали богопротивным забавам, хотя в самой сущности они ничего не заключали в себе богопротивного; на непокорных налагала эпитимью или не допускала к св. причастию в течение нескольких лет¹.

¹ Вот выписка из Номоканона (см. «Требник», Киевск. изд., 1817 г.), который имел силу не только в церковных, но и гражданских делах, воспрещающая даже невинные забавы и увеселения. «О литии воском. Восколей и оловелей не допускались к причастию 20 л.

О гадании. Гадавшие с цыганками над больными не допускались к причастию 5 лет; гадавшие ячменем или на бобах 6 лет.

О забавах. Предававшиеся танцам на свадьбах или надевавшие на себя в каких-нибудь собраниях *наличники* (маску) или мужчины, наряжавшиеся в женскую одежду, а женщины в мужскую, подвергались: миряне — отлучению от церкви, а духовные — лишению священнического сана. Запрещалось еще строго всем православным присутствовать при конских ристаниях во время Пасхи. Кто пировал на празднике *варварском* (иноземном), тот лишался причастия 2 года; духовные же лишались сана.

Об украшении. Всему духовенству возбранялось украшать себя разноцветными одеждами, а светским ходить в нарядном платье, стричь бороду, напрыскиваться духами или помадиться (ушаряти); женскому полу не дозволялось заплетать волосы. Не повиновавшихся отлучали от церкви.

О посте в среду и пятницу. Не постившиеся в среду и пятницу лишались причастия до раскаяния.

О врачах из евреев. Если кто в болезни призывал на помощь врача из евреев, то духовный лишался сана, а мирянин отлучался от церкви».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТОГЛАВА ОБ ИСКОРЕНЕНИИ БОГОПРОТИВНЫХ И БЕЗНАВСТВЕННЫХ ОБЫКНОВЕНИЙ

Суеверные понятия еще долго потемняли здравое суждение. В XVI веке мы встречаем не только между простым народом, но <и> среди самого духовенства многие закоренелые предрассудки. Просвещенные правители ревностно уничтожали языческие и невежественные обряды, возлагая на священство обязанность смягчать грубые нравы. Но как слабо было умственное развитие даже между духовенством, видно из соборного определения Стоглава (бывшего в 1551 г. 23 февраля), коего первым делом было: заведение училищ в Москве и других городах, учреждение тем важное, что многие священники тогда не умели читать и вытверживали церковную службу наизусть. Архиепископ Новгородский Геннадий, жалуюсь митрополиту Симону на состояние духовных (в 1500 г.) в своей пастве, так пишет: «Приведут ко мне мужика, и яз велю дати чести Апостол, и он не умеет ступити. И яз велю азбуку учити, и он поучится мало, да просится прочь. А моей силы нет, что их неучив, мне ставити». Для обуздания суеверия и пустосвятства запрещалось строить церкви без всякой нужды, а бродягам келий в лесах и пустынях; запрещалось монастырям покупать вотчины без ведома и согласия царского, чтобы монашество не жило ко вреду общества и своей нравственности¹. Эти благие меры не производили желаемого действия. Что же следовало предпринять для обуздания суеверия и безнравственных обыкновений? Не будем так строги к нашим предкам. Политические обстоятельства, отделив их от Европы на многие столетия, были главнейшею причиною их невежества. Если переряживания преследовались гражданскими и церковными постановлениями, то это происходило единственно от того, что первосвятители и образованные сановники хорошо знали господствующие поня-

¹ Кар. «И. Г. Р.», т. VIII, с. 110, примеч. 203.

тия в народе; им известно было, что в самых невинных забавах люди непросвещенные видели колдовство и чародейство: от них-то и возникали заблуждения и суеверные обряды, которые совершались в торжественные праздники. Накануне Р. Х., Василия Великого, Богоявления и св. Иоанна мужчины и женщины сходились ночью, пели, играли и плясали. В Троицкую субботу плакали, вопили и глумили на кладбищах, прыгали, били в ладоши и пели *сатанинские* песни. В утро Великого четверга жгли солому и кликали мертвых, а священники клали у престола соль и лечили ею недужных; лживые пророки бегали из села в село нагие, босые, с распущенными волосами, тряслись, падали на землю и баснословили о небесных видениях; скоморохи шатались по деревням; мужчины и женщины мылись по какому-то обряду в одних банях и, что всего мерзостнее, впадали в содомский грех¹. Сами Святители часто волновали умы и совесть простодушных людей. Между многими примерами: епископ Ростовский Леон утверждал (в 1164 г.), что ни в какие Господские праздники, если они приходятся в среду или пятницу, не должно есть мяса², между тем как Р. Х. и другие подвижные праздники приходились в эти дни.

ОКРУТНИКИ И ОПРИЧНИКИ

Из наряжавшихся по наибольшему бесчинству известны новгородские окрутники. На святочных вечерах и на Масленице нарушали они всякое благочиние и приличие: буйство и чувственное наслаждение увлекали их так далеко, что они образовали даже еретические секты. Жид Схария, умом хитрый и языком обольстительный, выехавший из Киева (в 1470 г.) в Новгород, произвел там ересь: он пленил простодушных кабалою, в коей самые ученые люди XV века искали разрешения важнейших задач для ума. Каббалисты хвалились книгою, полученною будто бы Адамом от Бога, Соломоновой мудростью,

¹ Кар. «И. Г. Р.», т. IX, с. 463.

² Там же, т. III, с. 31.

изъяснением сновидений, угадыванием будущего, силою повелевать духами и знанием всех тайн природы. Новгородские еретики, отвергая святыню христианства, соблюдали строгое постничество и казались ревностными исполнителями благочестия. Архиепископ Новгородский Геннадий открыл этот раскол, в который вовлечено было много людей из духовного звания и княгиня Елена, невестка Иоанна Великого, с большим числом придворных. Геннадий, прислав государю и митрополиту на суд дело вместе с виновными, доносил (1490 г.), что эти отступники злословят Христа и Божию Матерь, плюют на кресты, называют иконы болванами, грызут их зубами, бросают в нечистые места, не веруют ни царству небесному, ни воскресению мертвых. Судя по тогдашней суровости века и важности разврата, поступили с отступниками весьма человеколюбиво, что делает честь уму Иоанна Великого. Некоторых осудили на заточение, а других отправили в Новгород: здесь посадили их на коней лицом к хвосту, в вывороченной одежде, подражая окрутническим играм, с высокими берестовыми шлемами, с мочальными кистями, соломенным венцом и с надписью на нем: «Се есть сатанино воинство!» – и в этом окрутническом наряде возили их из улицы в улицу. Народ плевал им в глаза, восклицая: «Се враги Христовы!» В заключение сожгли у них на голове шлемы и предали проклятию¹.

Надевание личин и переряживания составляли собственный предмет святочных увеселений, которые царем Иоанном IV часто превращались в страшные зрелища. Законодатель великого дела – Стоглава – ездил по Москве со своими опричниками в скоморошных, шутовских и чудовищных нарядах. Собачьи головы и метлы были привязаны к седлам в ознаменование того, что грызут царских лиходеев и метут Россию. Боярин кн. Михаил Репнин, видя царя, упоенного во дворце крепким медом и пляшущего со своими любимцами в личинах, заплакал от горести. Иоанн хотел надеть на него маску, но Репнин вырвал ее, растоптал ногами и сказал: «Государю ли быть скоморохом?» Царь велел умертвить его, когда

¹ Кар. «И. Г. Р.», т. VI, с. 184–189.

он молился в церкви! Современники передали нам с жестокой укоризною о многих бесславных поступках Иоанна Грозного. Однажды в воскресенье (1568 г.) в час Божественной службы Иоанн, сопровождаемый опричниками, вошел в соборную церковь Успения; он и вся его дружина были в черных ризах с высокими шлыками. Митрополит Филипп стоял в храме на своем месте. Государь подошел к нему и ждал благословения; но Святитель обратил свои взоры на образ Спасителя и молился мысленно. Наконец один из опричников сказал: «Святый Владыко! се Государь, благослови его». Филипп отвечал: «Я не узнаю царя православного в сем странном виде; не узнаю его и в делах царства. Грабежи и убийства совершаются царским именем. Есть закон и правда, есть милосердие к людям, а в России нет их». Государь затрепетал от гнева и вышел с угрозою. Иоанн тешился со своими палачами и скоморохами, коих присылали к нему из Новгорода и других областей вместе с медведями. В одно время опричники вломились в дома многих знатных людей, выбрали известных красотою жен, увезли из города и представили царю: он избрал некоторых для себя, прочих уступил своим любимцам и ездил с ними вокруг Москвы в безобразных переряживаниях: жег усадьбы опальных бояр, даже истреблял скот, и при обыкновенных восклицаниях своей дружины: «Гойда! гойда!» возвращался в Москву, повелев ночью развести жен по домам: некоторые из них умерли от стыда.

Отдадим справедливость Иоанну: во внешней политике он неуклонно следовал великим предначертаниям своего деда, Иоанна III, любил правду в судах, карал сановников-утилитаристов телесно и стыдом. Нарядив их в великолепную одежду, сажал на колесницу и приказывал живодерам возить из улицы в улицу. Не терпел пьянства; дозволялось народу веселиться в кабаках только в Рождество Христово и на Святой неделе – во всякое другое время отсылали пьяных в тюрьму¹.

В Новгороде переряженные донны называются *окрутниками*. Со второго дня Р. Х. до Крещения они ходят в те дома,

¹ Кар. «И. Г. Р.», т. IX, ст. 22, 87, 103, 105, 165, 167 и 441.

где увидят на окнах свечи; тешат хозяев плясками и шутовскими представлениями. В Тихвине окрутники называются *кудесниками, куликами и щеголями*. Там украшают разноцветными знаменами лодку, кладут ее на несколько саней и возят множеством запряженных лошадей по улицам; на лошадях и в лодке в разнообразных одеждах и личинах сидят окрутники: они поют и играют; народ провожает их; богатые угощают окрутников вином и кушаньем.

ПЕРЕРЯЖИВАНИЕ

Многие Святители смотрели на простодушные святочные увеселения как на скверные и бесовские воплощения и потому строго запрещали их. Патриарх Иоаким, воспрещая переряживание и личины, так описывает их (в 1684 г.): «В навечерии Р. Х. совершаются *скверные и бесовские действия*. Мужчины и девушки ходят толпами по улицам и поют бесовские песни (вероятно, колядские), произносят сквернословие, пляшут для возбуждения *блудных нечистот* и прочих грехопадений». Далее говорит он: «Переобразовываются в *неподобные от Бога создания* и изменяют человеческий образ. Надевают личины кумирские, бесовские, косматые и, одетые в бесовские одежды, скачут и пляшут. Те же *самые бесовские игрища и позорища* происходят с Р. Х. до Крещения Господа нашего 12 дней». Патриарх Адриан еще далее простер свой гнев. Он, следуя «Кормчей», чтобы христианам не вдаваться в игры и не ходить на позорища, запретил (1697 г.) хоронить на кладбищах тех, которые во время игры утонут или убьются с качели. В мое еще время жители уездных городов имели великое отвращение ко всем тем, которые представляли на площадях свое искусство или играли на театре. Их считали погибшими на том свете, думали, что черт давно взял их душу, как равно и тех, кои проводили всю ночь в танцах, в том предубеждении, что по полуночи веселятся одни черти. В недавнее только время духовенство перестало считать актеров недостойными наследования Царствия Небесного. Кто

не знает, что были случаи, когда священники отказывались давать актерам причастие и хоронить их?

Петр Великий смело искоренял суеверные запрещения. Насмехаясь над некоторыми закоренелыми обыкновениями, он сам наряжался на Святках, славил Христа или представлял в переряживании своих любимцев, недостатки и пороки вельмож и святителей. В царствование императрицы Анны народные забавы преследовались Бироном, который вводил все немецкое, и самый трон хотел окружить своими клевретами. Народ и даже высшее сословие до такой степени были им унижены, что тот, кто думал по-русски, считался почти преступником. Примером тому – ревностный защитник народности, казненный Волынский. По воле Бирона Сибирь наполнялась постоянно несчастными русскими, и никто не мог бороться с сильным временщиком. Современники проклинали его, и в потомстве он наследовал одно проклятие. Время господствования злодея обратилось в укоризненное прозвание *биринощины*. Заточение его в Березов спасло отечество наше от унижения перед нами самими.

Императрица Елизавета возобновила святочные забавы, и народ увидел себя в своих увеселениях: родились потешные праздники, появились наряженные, и все прошедшее забыто! Народ русский незлопамятен. Екатерина Великая любила переодеваться в русские одежды и веселиться на Святках по-русски: при дворе в ее присутствии лили воск, играли «*золото хороню*» и т. п. Придворные дамы и кавалеры принимали в них живое участие.

Переряживания и наряжания, как прежде, совершались, так и ныне совершаются вечером. Одежды наших наряженных произвольные, изысканные, роскошные. Некоторые надевают платья, разумеется в Петербурге, с расточительной пышностью. Случилось однажды видеть богача-щеголя в бархатном длинном доломане (в виде плаща), который был унизан жемчугом и бриллиантами; голова его была обвита белой кашемирской шалью с разноцветными камнями; туфли испещрены золотыми блестками; пояс ослеплял сиянием

от множества драгоценных камней: щеголь представлял персидского шаха. Нигде нет такой изысканной пышности в переряживании, как в здешней столице. Двор, дипломатический корпус и множество богачей соревнуются друг пред другом в изобретении изящного и фантастического. Но во всем прекрасном и обворожительном надобно отдать преимущество нежному полу. Нельзя смотреть без очарования на них и на их одежды, полувоздушные и увлекательно-поэтические, особенно же когда красавицы являются в русском наряде.

Небогатые или недостаточные наряжаются каждый по своему состоянию, не стесняя себя выбором нарядов. Безобразных, уродливых нарядов не видно; окрутнические одежды давно исчезли. В прочих городах России одеваются и поныне в шутовские и уродливые платья. Там по недостатку в святочных уборах, личинах (масках) шьют уборы сами для себя, по своим выдумкам; лицо окрашивают охрою, или другою краскою, или сажею, а усы и бороду <рисуют> углем и т. п.

Беганье, пляска и пение под музыку ночью вышло из обыкновения. Если нынешние наряженные ходят по улицам ночью, то скромно, тихо, без шума и без нарушения благопристойности. Кромешное буйство опричников и беснование окрутников давно забыты и остались в одних летописаниях, как воспоминания о страстях прошлого времени.

II. МАСЛЕНИЦА

РАЗГУЛЬНЫЕ ДНИ, ОБЩИЕ ВСЕМ НАРОДАМ

У всех жителей на Востоке были однажды в году разгульные дни, в которые угощали друг друга кушаньем, ходили замаскированными по улицам и домам, пели и танцевали под звук литавр и бубен. У римлян и греков эти забавы обращены были в сатурналии и вакханалии; но последние нарушали благопристойность и распространяли повсеместный разврат.

Многие консульские и императорские постановления не могли прекратить укоренившегося зла; одно время, и это время было падение Западной империи, которое изгладило безнравственные удовольствия народа. Готы, позаимствовав многое от римлян, переобразовали вакханальские потехи в переряживания. С происхождением новых государств образовались другие понятия и правительства, новый образ жизни и забав. Католическое духовенство, истребляя все, что было противно его духу, не щадя даже невинные языческие празднества, остававшиеся еще в народе, учредило, так сказать, прощальное увеселение за несколько дней до Великого поста, которое известно под именем *карнавала*. Он начинается от праздника трех королей и продолжается до пепельной среды¹.

КАРНАВАЛ

У немцев карнавал называется *Fastnacht, Fassangen u Fasenacht*. У них первый понедельник Масленицы назывался еще *голубой понедельник* (blauer Montag). Он сопровождался разными жирными кушаньями; пекли *крендели* (tringele) на масле и яйцах, заменявшие наши блины; пили и забавлялись маскированием и переряживанием; качались на качелях. Ныне русские немцы употребляют наши блины во время нашей Масленицы, а на свою, во вторник нашего поста, готовят вафли, катаются на санях и целый день предаются забавам и напиткам. Их примеру следуют почти все иностранцы, живущие в России. Однако все они в одно время с нами празднуют Рождество Христово, Светлое Воскресенье и другие праздники и веселятся на Масленице вдвойне – в нашу и свою.

НАЗВАНИЕ МАСЛЕНИЦЫ

Между славянскими племенами Масленица называется различно: у словаков *fasanek*, у богемцев *masopüst*,

¹ Пепельную среду установил папа Григорий В. около 600 г.; с нее начинается пост, канун же этого дня у католиков есть заговины.

masopüsty, у поляков zapust и mięsopust, у сербов била неделя; у русских называется мясопустом, мясопустною неделею, сырною неделею и Масленицею. Все эти названия означают одно и то же. По причине воздержания от мяса произошло название – мясопуста; от употребления сыра – сырной недели; от повсеместного употребления масла – Масленицы, которая продолжается целую неделю перед Великим постом¹. В наших святцах и церковных книгах употребляется название сырной недели. В это время ничего не едят из мясного; рыба, молоко, яйца и сыр есть общее для всех. Употребительнейшее и обыкновенное название этой недели по всей России известно под именем Масленицы.

В течение Масленицы все состояния увлекаются разгульной жизнью и забавами; почему она в Северо-Восточной России называется в простонародии *честною Масленицею*, а на западе широкою *Масленицею*. Она начинается *встречей* в понедельник; с середины недели идет разгул Масленицы; в *широкий четверг* все спешат угощать друг друга; наконец, следуют прощальные дни: суббота и воскресенье.

ОТПРАВЛЕНИЕ МАСЛЕНИЦЫ

Начало введения Масленицы современно у нас принятию христианской веры. В Несторовой летописи при описании моровой язвы в Киеве, под 1090 годом, в первый раз упоминается мясопуст. Названия же сырной недели и Масленицы мы не встречаем в наших летописях ранее XVI века, а об образе их отправления ровно ничего не знаем. Иностранные писатели суть первые, сообщившие нам сведения о забавах и значении Масленицы, которые остались донныне почти в прежнем виде. Как в старину, так и ныне главное угощение на Масленице состоит в блинах. Во всю неделю

¹ В неделю мясопустную воспоминается, по утверждению св. отцов, время Страшного Суда; в субботу совершается поминовение о просиявших в пощении святых; в воскресенье воспоминается, по завещанию церковных учителей, падение праотца нашего Адама.

пекут из гречневой или пшеничной муки блины на масле, молоке и яйцах, круглые, во весь объем сковороды; блины же, не более как с чайное блюдечко, тонкие, легкие и большею частью на молоке и яйцах, из одной пшеничной муки, называются оладьями. В богатых домах подают к блинам жидкую икру. В Малороссии и смежных с нею местах пекут такие же блины и, сверх того, готовят вареники. Это небольшие пирожки, похожие на сибирские пельмени, с тою разницею, что их начиняют свежим творогом и потом на несколько минут опускают в кипяток; вынув из воды, немедленно подают к столу горячими; их едят с маслом и сметаной. Блины подаются повсюду горячими; простывшие теряют свое достоинство. Есть блиноманы, которые едят такие горячие, что обжигают язык и рот, но масло смягчает их обжог. Повсюдное потчевание блинами на масле и водкою родило поговорку: «Не житье, а Масленица».

В высшем кругу людей Масленица известна по одному названию, и если блины подаются там, то из приличия к народному обычаю и чтобы, так сказать, не прослыть немцами.

Русский с чистосердечной простотою предается всяким потехам: скачет и пляшет, шутит и смеется над скряжническою жизнью, гуляет в городе и вне города, поет и выводит на рожке радостную песню; сорит деньгами, опоражнивает бокалы с вином — тогда ему море по колено и хоть трава не расти.

В иных местах Масленица начинается с понедельника, а с четверга уже празднуют все. Простолюдины, закусив порядочно блинами, принимаются распевать веселые песенки; потом катаются в санях и разъезжают по знакомым. После катанья посещают приятельский дом, в коем ждут их новые блины, готовый обед, и там пируют до полночи.

Всякое сословие пирует по-своему: потому иные проводят время в маскировании, плясках и шумных пирушках; другие, с меньшими требованиями к роскоши и светскому приличию, катаются с ледяных гор на саночках-самокаточках или на лубках; качаются на разноразмерных качелях и веселятся по-русски, припеваючи.

Нет картины заманчивее, разнообразнее и восхитительнее, как народная Масленица в Петербурге. Тут все состояния спешат насладиться удовольствием. Вечеру балы, маскарады и два раза в день театры. По домам, как и в рождественские праздники, расхаживают замаскированные, но везде шумное и неутомимое гостеприимство.

Последние два дня на сырной неделе (субботу и воскресенье) одни из приличия, другие по набожности посвящают на испрашивание друг у друга прощения. Встретясь, даже на улице, они целуются, говоря: «Прости меня, в чем я тебя обидел, умышленно и неумышленно, делом или словом». – «Бог тебя простит и Божья Матерь», – отвечает ему другой. И в знак примирения целуются. Люди высшего сословия не стыдятся ездить тогда к своим врагам и мирятся с ними. Иностранец Альберт Кампензе, описывая религию русских в начале XVI века, замечает, что *они гораздо лучше* следуют учению Евангелия, нежели католики¹. Эта похвальная черта не истребилась донине у нас.

В воскресенье вечером совершаются проводы Масленицы, и после ужина заключают ее в некоторых местах катаньем на санях почти до полуночи.

В небольших городах России или вообще в тех местах, где удовольствие на Масленице сопровождается катаньем на санях и редко вечерними собраниями, простой народ тешится пляскою, играми и песнями. Нельзя, однако ж, скрыть слабости нашего доброго народа. Всю Масленицу от чрезмерно-радушного угощения вином упиваются до того, что бывают драки и убийства. Не только иностранцы, описывавшие нравы наших предков, говорят об этом, но мы, современники, сами этому свидетели.

По деревням парни с девками катаются на дровнях, санях и больших салазках с природных гор. Катаются на скамьях, подмороженных коровьим навозом и политых водою. Скамьи делаются из двух больших досок, соединенных ножками. На

¹ Lettera d'Alb. «Campense intorno le cose di Moscovia, al. beat. padr. Clemente VII».

них садятся только девки, одна подле другой, правят ногами и поют песни. Мальчики катаются на скамеечках, садясь на них верхом, а девочки на ледянках: это есть подмороженное решето. Катаются еще на корытах подмороженных, бычках и кружках¹; взрослые парни спускаются с гор на ногах, сцепившись по несколько вместе. Но самое лучшее и разгульное катанье – в запряженных лошадей сани. Бабы и девки, мужики и парни, усевшись около 15 человек в сани, разъезжают с колокольчиком при пении разнообразных песней. Лошадь едва везет и останавливается весьма часто, как бы расслушивая песни разгульных своих седоков; но ей не дают расслушать: дергают вожжами то в ту, то в другую сторону; она вытягивается лениво, поднимает ноги, тащит шаг за шагом; пот на ней кружится паром, она задыхается, лезет из кожи, но везет. Перед сумерками увеличивается число парней, молодых, женатых, девушек и молодых – в избах остаются одни старухи. Вывозят дровни, и все теснятся на них. Удальцы сидят на краешках и облучках и управляют бег ногами: такое гулянье продолжается до полуночи.

МАСКАРАД И САННОЕ КАТАНЬЕ, ДАННОЕ ПЕТРОМ I

Петр I, насмехаясь над многими своенравными и застарелыми обыкновениями, изображал их часто в потешных забавах. К числу таковых принадлежит представленная им Масленица в Москве (1722 г.). В четвертый день Масленицы начался большой поезд из Всесвятского села. Там было приготовлено множество разного вида и величины морских судов, и все они поставлены были на сани, которые были запряжены зверями. По знаку, данному ракетой, флот двинулся

¹ Бычки имеют вид скамейки, коей низ составляет старое рассошье, а передняя сторона отделяется полозьем. Рассошье намазывают коровьим навозом, потом поливают водою, пока не обмерзнет хорошо. Место, на коем садятся, устраивают из небольшой гладкой доски, прикрепленной снизу четырьмя попарно столбиками: двумя спереди, а двумя сзади. Кружки делают из старых решет, низ переплетают лыками и потом обмазывают, как бычки.

и потянулся к тверским воротам пестрыми рядами. Шествие началось штукарем, ехавшим на больших санях, в шесть лошадей гуськом. Лошади брянцали бубенчиками и побрякушками. На других санях сидел Зотов, князь-папа. Он был одет в длинную из красного бархата епанчу, подбитую горностаем; в ногах его сидел на бочке пьяный Бахус; за ним ехал шут в санях, запряженных четырьмя свиньями. После двинулся флот с Нептуном на колеснице и трезубцем в руках; колесницу его везли две сирены. За ним ехал князь-кесарь Ромодановский на большой лодке, запряженной двумя живыми медведями. Кесарь был в порфире и с княжескою короной на голове. Потом шел 88-пушечный корабль с тремя мачтами и полным вооружением: его везли 16 лошадей. Сам государь сидел в нем, в одежде флотского капитана, окруженный генералами и офицерами. За кораблем ехала гондола; в ней сидела государыня в одежде ост-фрисландской крестьянки; ее окружали знатные и придворные дамы и кавалеры в аравийских одеждах. За гондолою тянулась *неугомонная обитель*: так назывались маскарадные шуты: они сидели в разных смешных положениях, в длинных и широких санях, которые нарочно были сделаны наподобие драконовой пасти. Шуты были наряжены журавлями, лебедями, лисицами, волками, медведями и огненными змеями. Пестрое и разнообразное шествие, изумлявшее и забавлявшее жителей, шло в Кремль, и сюда уже прибыло вечером, при пушечных выстрелах. Следующие три дня были проведены в угощениях и веселостях. Участвовавшие в этом маскараде переменяли на себе платья по нескольку раз в день. Последний день заключился сожжением богатого фейерверка¹.

РАЗНОЕ ОТПРАВЛЕНИЕ МАСЛЕНИЦЫ

Между жителями петербургскими сохранилось предание, что Масленица приезжает сначала на Охту, потом в Ямскую, а после в город. По этой причине Охта именуется

¹ Голик. «Деян. Петра Великого», «Северн. Пчела», 1833 г., № 125.

первоначальницею Масленицы, потому что в старые годы строились там ледяные горы, и кто охтенским горам не сделал чести своим посещением, тот считался отъявленным врагом Масленицы. В прежние годы нигде столько не пекли и не ели блинов, как на Охте; в прежние годы под именем первоначальницы Масленицы разумели охтянку, которую представляли нагруженною блинами, оладьями и пирогами. Вот описание охтянки, первоначальницы Масленицы, которая, обращаясь к своим подругам, говорит:

Сестрицы!
Встречайте Масленицу, нам любезную
И к весельям нашим быть полезную.
Вот здесь уже раствор
Блины и оладьи подпекать;
А вы готовьте
Более масла подливать.
Не жалейте притом
Яиц, сметаны и творогов
Для напечения
Масленичных пирогов.
А особливо для породных молодцов,
Напечем мы поболее пряженцов!

Подруги ее, яичницы и городские жительницы, отвечали с распростертыми объятиями:

Масляницу с радостью нашею встречаем,
С весельем и кочерги в руки принимаем:
В готовности уже пред вами строим стать,
Ухватами и кочергами честь отдать.
Все уже у наших баб, все будет исправно,
И с сковородниками пойдем регулярно.
Блины, оладьи печь давно уже чтимся.
И о маслянице весьма веселимся,
Как возможно хворост нам выше возгромоздится,
Тут всякий на то зрит, пусть всякий тому дивится.
По утрам мы рано, скоро будем вставать,

Растворы и тесто спешно готовить.
Мы устроим башни, пирамиды и вышки,
Окружать коих будут масленные пышки.
Наполнятся столы с рыбой, пирогами,
Украсим их лаврами и деревьями.
Напекутся оладьи, блины и пряженцы,
Пускай собираются к нам хорошие молодцы,
Приятельски с нами обще забавляться,
Потом с гор на санках вместе покататься –
О! какое будет тут веселье и радость,
Когда волеется в нас толь великая сладость!
Что будем мы винцо и пивцо попивать,
А блинами и оладьями заедать.

Вдруг появились на Охте горы, украшенные флагами и ельником. Отворились кабаки, в коих сидели мужички в пристойном их званию засаленном платье, с искривленными лицами. Повсюду раздавались песни и крики. В домах били окна и тарелки, на столах лежали горы хвороста, пирогов, блинов и оладьев; полуштофики не сходили со столов.

Всякая домоводчица старалась, встав поутру рано, приготовить растворы, напечь блинов, оладьев и всякой всячины. Каждый хозяин старался поутру рано зазывать к себе приятелей и угощать их, приговаривая от всего усердия:

Пожалуй, меня послушай,
Сию рюмку водки кушай.
Принимай, небось, смело,
Ведь ныне то и дело.
Нечего, кажется, трусить,
Есть, видишь, чем и закусить:
Блины и оладьи стоят,
Которых ныне едят.
А если жажду утолить,
Извольте пивом промочить.
Не шутя я вас прошу
И с любовью подношу.

Гости отвечали, что они довольны хлебосольством хозяина, и просили его посетить их Масленицу:

Довольны и так довольны,
Что утробы стали полны,
А сердца так развеселились,
Что иные со стульев повалились.
Неужели ж до того дожить,
Что и чувство нам позабыть?
Мы в кураже, довольно того,
А приятство дороже всего.
Так за ваше угощенье
Сделайте и нам посещение.

Женщины, разгоряченные масленичным восторгом, пели, плясали, плакали, скакали, обнимали друг дружку за шею, приговаривая: «Матушка, кумушка, сватушка, кабы ты-то у меня, что бы там было! Насилу дождались такого праздничка, а его дожидали целой годик! Да что делать, хоть на час, да вскачь». Масленица сидела наверху своего торжества: повсюду было катанье, гулянье, пиршество. Наконец настало прощанье в тот самый день, когда Масленица достигла крайней точки разгула, и все расставалось с нею грустно и со слезами¹.

Императрица Анна иногда позволяла себе для развлечения припоминать русские забавы на Масленице. Она нарочно собирала в своем дворце унтер-офицеров с их женами, которые, будучи одеты в простонародные одежды, веселили песнями, плясками и играми. Гонитель всего русского, Бирон, желая потешиться на Масленице маскарадом, велел для свадьбы одного шута соорудить ледяной дом, в котором и заморозил того шута. Императрицы Елисавета и Екатерина II очень любили народные забавы. Они в сопровождении пышного двора разъезжали на санях, и ледяные горы если не более, то не менее доставляли им удовольствия. И ныне в Петербурге знатные дамы катаются с ледяных гор, нарочно для них состроенных, как во

¹ «Магазин всех увеселений»; Москва, 1831 г., в статье: «Маловременные владетели, или Блестящая масленица».

время Масленицы, так и в некоторые дни поста. Это на модном языке называется *journée folle* или *dejeuner dansant*, а на обыкновенном – пикник. Сюда съезжаются, чтобы порезвиться на свободе; там танцуют и катаются с гор на самолетных саночках: в то время избранная дама сидит на коленях своего кавалера. Цвет высшего круга, утомленный скучными концертами Великого поста, бесконечными представлениями живых картин и фантастических теней, задумывает рассеять себя: он назначает пикник. И едва эта мысль вырвалась из *l'élite du beau monde* <избранного общества>, как она облетает мигом дамские туалеты и петербургские салоны. Все собираются дружно в условленный час, и все не на шутку съезжаются в указанный дом. Говорливая молодежь, и молчаливый дипломат, и важный муж летят в пошевнях, в плетеных прозрачных саночках и на иноходце: все торопится, все спешит, боясь опоздать или заставить ждать себя. Когда все соберутся, тогда каждая дама сопровождается избранным своим кавалером. Длинный ряд баловней роскоши несется пестрой вереницею по дороге. Разноцветные попоны удалой тройки и узорчатые ковры саней, бархатные кафтаны кучеров с бобровой опушкой, малиновые и голубые шапки набекрень выдвигаются на первом месте картины; богатые с развевающимися перьями шляпки и полуводушные вуали, выющиеся белым пухом, обхватывают очаровательные головки красавиц; серебристые бобы и черный лисий мех окутывают нежный стан счастливых сибариток; сверкающие беспечной радостью глаза, шутки и остроты красавиц занимают середину прекрасной картины. Избранные кавалеры, стоящие на запятках, дорисовывают картину неумолкаемой болтовнею – все мчится с восторженной веселостью. Ухабы, метель, даже грязь и лужи нипочем... Поезд вдруг останавливается перед назначенным домом. Дамы, едва вошли в пышно убранные комнаты, немедленно садятся за туалет: иные вновь наряжаются, а другие поправляют свои уборы. После нескольких минут все сходятся в блестящих уборах: говор, шум и хохот разносятся повсюду. Подают завтрак, и каждый кавалер старается угостить свою даму; потом раздается музыка и на-

чинаются танцы. В вихре вальса забывают и время страстных дней: все кружится до упаду. Беспрерывные танцы, сменяемые утонченной изобретательностью, никому не дают покоя. Отчаянное веселье в полном разгаре, и только приостанавливается в то время, когда позовут к обеду, который начинается не ранее шести часов вечера. За обедом тот же кавалер угощает свою даму, и тот же кавалер после обеда танцует первый танец со своею дамою. Танцы продолжаются до поздней ночи, потом все расстаются, как сошлись, без сожаления, и весьма равнодушно приглашают, одни: «Завтра ко мне на вечер!», другие: «Ко мне послезавтра на бал!»

Пикник, полный странностей и противоположностей, выходит из круга обыкновенного веселия. Оттого-то он и нравится: и что же он? Бал не бал, а верное изображение пресыщенных пирами и роскошью.

В Ярославле Масленица имеет свои особенности. По понедельникам там бывает рынок; на Масленице тоже, но многлюднее. Всякий спешит тогда праздновать *честную Масленицу*, – так она называется здесь. В обыкновенные торговые дни съезжаются только по надобности, а в это время (то есть в Масленицу), по старинному и причудливому желанию *показать себя и людей посмотреть*. Так поступают все, обвенчанные в прошлый год. Молодые одеваются чисто и, судя по-деревенскому, даже щегольски. Женщины в длинных китайчатых заячьих шубах; шеи их красиво перевязаны шелковыми платочками. Наверху шубы накинута большая длинная и пестрая платки. Мужья их не уступают им в щегольской одежде. Молодые, взявшись рука за руку, образуют в толпе народа тихо движущиеся живые картины. Около молодых или недалеко от них стоят их отцы и матери и простодушно любуются милыми детушками. Мимо них беспрестанно ходят любопытные. Кроме молодых собираются в этот день девицы-невесты и парни-женихи. Они составляют совсем особое отделение. Несколько девиц одного села, взявшись дружески за руки, стоят неподвижно на одном месте. Парни, охорашиваясь, похаживают мимо девиц и посматривают на них. Нагулявшись вдоволь, мо-

лодые с родными и знакомыми расходятся по трактирам и ресторациям. Тут за чашкой чая встречают Масленицу, а потом начинается пир горой. Поклонники Бахуса также не отказывают себе в удовольствии. Поразвеселившись, начинают петь и плясать, а потом оставляют город на целую неделю. Все вместе они едут к тестю-батюшке и к теще-матушке и там веселятся до первой недели поста. Жители Ярославля и уездных городов угощают друг друга блинами, катаются на горах и по улицам, поют *коляду*. С четверга сырной недели толпы мастеровых ходят по домам с погремушками, бубнами, рожками, балалайками и другими простонародными инструментами, поздравляют хозяина с праздником и говорят: «*Прикажи, сударь-хозяин, коляду пропеть*». Получив позволение, они поют:

Уж как шли ребята колядовщики,
 Виноград, красно-зеленая моя!
Коледовщики, все фабрики,
 Виноград, красно-зеленая моя!
Мы искали двора господина своего,
 Виноград, красно-зеленая моя!
Господинов двор на семи верстах,
 Виноград, красно-зеленая моя!
На семи верстах, на осьми столбах,
 Виноград, красно-зеленая моя!
Посреди двора, посреди широка,
 Виноград, красно-зеленая моя!
Стоят три терема,
 Виноград, красно-зеленая моя!
Три терема златоверхие,
 Виноград, красно-зеленая моя!
В первом терему красно солнышко,
 Виноград, красно-зеленая моя!
Во втором терему часты звезды,
 Виноград, красно-зеленая моя!
Сам хозяин в дому, господин в терему,
 Виноград, красно-зеленая моя!
Хозяйка в дому, госпожа в высоком,
 Виноград, красно-зеленая моя!

Молодые девушки в доме, как орешки в меду,
Виноград, красно-зеленая моя!

Выслушав песню, хозяин потчует их вином, одаривает мелкими деньгами, а колядовщики благодарят:

Благодарствуй, хозяин, на хлебе, на соли и на жалованье,
Виноград, красно-зеленая моя!
Накормил, напоил, со двора пустил,
Виноград, красно-зеленая моя!

По древнему обычаю наш народ поминает усопших блинами, потому в Тамбовской губернии и смежных с нею местах первый испеченный блин кладется на слуховое окошко в том предположении, что души родственников, знакомых, особенно родителей, невидимо съедают его. Если он остается нетронутым, то думают, что злые духи до сего не допускают: в таком случае прогоняют их заклинаниями. Набожные женщины, садясь за стол, едят первый блин за упокой усопших, а следующими блинами встречают Масленицу, которая потом вся проходит во взаимном угощении и катанье на санях.

Увеселения на Масленице в Костромской губернии не везде начинаются одинаково: в некоторых селениях со вторника, в других со среды, а в помещичьих с четверга. Богатые катаются из одной деревни в другую или съезжаются друг к другу на блины и потом отправляются снова кататься и пировать. Новобрачные ездят в гости к сродникам, которые одаривают их мылом, а те отдариваются блинами. По некоторым уездам из деревень съезжаются девушки к своим родственникам или знакомым в лучших праздничных одеждах; лицо красят румянами и белилами, а зажиточные сверх того украшают свои шеи коралловыми монистами, пальцы кольцами, а уши блестящими серьгами. Крашеный сарафан и пестрый большой платок, искусно обвивающийся около стана красавицы, обращают общее внимание. Новобрачные, одетые в лучшие наряды, также появляются на гулянье. Девушки и новобрачные катаются с гор от-

дельно от мужчин. Парни в нарядных одеждах стоят рядами и высматривают пригожих невест. В субботу съезжается на горы еще более народа; катанье усиливается: парни катаются с девицами, даже с незнакомыми, и угощают их пряниками и орехами. Другие же сами покупают для себя лакомства на деньги, вырученные за проданную ими в ту неделю пряжу и, <гуляя> около гор, хрустят орехами. В последний день Масленицы, именно в воскресенье, составляется из наряженных мужчин с соломенными на голове колпаками верховая поездка, называемая *обоз*. Вечером за городом колпаки сжигаются – это значит *сожигать Масленицу*, и потом проводят ее вином. По деревням поют песни, а вечером мужчины и женщины, взяв со своего двора по пучку соломы, складывают ее вместе и зажигают, что называется *сожечь соломенного мужика*.

Подобное обыкновение давно было известно многим славянским племенам, которые совершали его при встрече весны первого марта. Они выносили из селения соломенное чучело, представлявшее смерть, сжигали его и пепел бросали в воду. Нет сомнения, что сожжение соломенного мужика есть остаток языческого обряда, который изменен впоследствии и в настоящем виде уже вошел в потешные проводы Масленицы.

Хотя разгульная Масленица начинается вообще с Честного четверга, однако по некоторым местам Саратовской губернии (Хвалынского уезда) между поселениями она начинается с пятницы. Там старые и молодые обоого пола отправляются поутру рано на рынок, за исключением хозяев дома, и гуляют на рынке до вечера. Потом все, отправляясь домой, везут с собою Масленицу (деревянный истукан), которую сажают верхом на передовой лошади и поют веселые песни. Оставшиеся в домах выходят на улицу, встречают Масленицу и кланяются ей. Привезенный истукан ставится посреди улицы, народ окружает его и провозглашает: «Приехала Масленица!» – Мужчины и женщины обходят вокруг и кричат: «Масленица! Масленица!» Тогда уже начинается общее угощение: пекут блины, потчуют друг друга, поздравляя с наступившей Масленицею; поют песни, играют в гармонику и балалайку

и пляшут. Так продолжается до вечера воскресенья, в который погребают истукана. Наряжают старика в черное рубище и, навязав на веревочку осколки битой посуды, подают ему в руки; за ним несут Масленицу на носилках через всю деревню. Толпы людей провожают истукана до другого конца деревни. Там бросают его и оставляют до будущего года для того, чтобы Масленица не возвратилась к ним. Исполнив этот обряд, приходят домой, прощаются друг с другом, и те, которые жили между собою во вражде, примираются.

Масленица в Пензенской губернии начинается собственно с четверга. Там посещают сначала родных, после знакомых, наконец без разбора. Новобрачные обязаны ходить к своим родителям на горячий блин в Честной четверг. Тут еще обыкновение, что молодой со своею молодою должен прогостить у тещи два или три дня. В последний день ходят, по заведенному обыкновению, прощаться к священнику: ему приносят гостинец, состоящий из меры ржи или другого какого-либо хлеба. С такими гостинцами обходят весь причт; но при этих прощаниях нередко выпивают гораздо более, нежели стоят приношения.

На парнях, однако ж, лежит обязанность проводить честную Масленицу с почестию. Для этого они собирают несколько десятков борон, громоздят одну на другую наподобие горы и запрягают молодыми телятами и жеребейками, а где нет их, то волами: сколько впряжено скота, столько должно быть поводилициков. Наверху взгроможденных борон сидит смельчак с кочергою или помелом и кричит на всех поводилициков: «Бравее!» В этом виде проезжает Масленица все село из конца в конец с разными прибаутками празднующих, какие только придут им в голову. Почти все поселяне провожают Масленицу с крайним сожалением, что она прошла так быстро, недолго гостила между ними. По окончании шествия, которое прекращается в конце селения, все прощаются между собою, желают друг другу благополучного перехода от блинов *на хрен да на редьку, да на кислую капусту.*

В Симбирской и Пензенской губерниях существует обыкновение строить на реке городок из снега, с башнями,

двумя воротами и прорубью в реке. Мальчики разделяются на две стороны: на конницу – осаждающих и пехоту – защищающих свою позицию. Конные, предводимые своим начальником, устремляются на приступ. Пешие отражают их помелами и метлами; но осаждающие после долгой борьбы прорываются через пехоту и въезжают в крепостные ворота – город взят. Взявшие город купают в проруби своего предводителя, а отличившихся на приступе и в защите угощают вином. Потом все вместе разрушают городок и возвращаются домой с песнями.

Изменения в отправлении Масленицы заметны своею особенностью во Владимирской и частью в Вятской губерниях. Там возят на санях, запряженных 12 лошадьми, наряженного мужика. Он сидит на колесе, утвержденном посреди саней; в руках держит полуштоф с вином и калачи. С ним сидят наряженные музыканты, которые поют и играют. Почти такое же действие происходит в Симбирской, Саратовской, Пензенской и Нижегородской губерниях. Сколотив вместе несколько дровень, застилают их досками; посередине ставят толстое высокое дерево с воткнутым наверху его колесом; на этом колесе усаживается наряженный, который веселит народ своими забавами и проделками. Потом возят по всем улицам сани с деревом и лошадьми, наряженными в разных других животных: все нарочно на них испещрено странными уборами. Многие вместо масок расчерчивают лицо угольями и сажею; надевают на себя платье навыворот или шкуры животных с рогами и скелетом головы; при шествии скачут и поют. Вместо музыки ударяют в бубны и тазы. Шествие это называется *проводами честной Масленицы* и обыкновенно случается в Прощеное воскресенье. В Рязанской губ<ернии> тоже возят на санях большое дерево, увешанное пестрыми лоскутьями и погремушками. Вокруг него идут наряженные толпы и останавливаются на улицах перед богатым домом на несколько минут. Тут прыгают, скачут и потом двигаются вперед. Вечером сходятся на общую пирушку и гуляют до рассвета. Блины не сходят со стола в продолжение даже ночи.

В Пермской губернии проводят Масленицу, как и везде, с радушием и блинами. Там всю неделю катаются на санях по городу и за городом; катаются на коньках и на замороженных из снега катушках с речки Слюдки на Каму.

Казалось бы, что угощение блинами в России есть повсеместное: однако ж находятся места, где заменяют их особыми яствами, и это – в Сибири. Там вместо блинов подают жареное из теста на масле, похожее на пирожное и называемое хворостом. Несмотря на старинный обычай употребления хвороста, блины мало-помалу вытесняют его из своего круга. Было там обыкновение возить по улицам огромной величины корабль с парусами и снастями, поставленный на нескольких вместе сколоченных санях, запряженных 20 лошадьми. В нем сидели наряженные скоморохи, медведь и госпожа Масленица. Весь этот снаряд назывался честной Масленицею. Он возился по улицам в сопровождении толпы мальчиков и любопытного народа¹. Возка корабля с парусами и снастями заимствована от маскарада, данного Петром Великим в Москве на Масленице, и введена в Сибири поселенцами и должностными людьми, которые поныне вводят в этот край многое новое и распространяют вкус и охоту ко всему хорошему и изящному. Там имеются уже свои собрания, вечера и балы, на коих, если верить рассказам, гремят отличные хоры музыки. Обитатели Сибири умеют веселиться: там, среди снежных гор и морозных выюг, они забывают, что живут в такой стране, которая одним именем своим наводит трепет на каждого человека. Избалованному роскошью столицы и в голову не придет, чтобы там могли радоваться и наслаждаться даже прихотями утонченной неги!

В Енисейской губ<ернии> на Масленице переодетые в масках ходят из дома в дом или ездят на санях из деревни в деревню. Веселятся у хозяина: поют и пляшут и потом отправляются к другому, третьему и т. д. Парни строят ледяную крепость с воротами, сажают туда охранительную стражу и потом пешие и конные идут в атаку: пешие лезут на стены, а конные врываются в ворота. Осажденные обороняются метлами и на-

¹ Записки и замечания о Сибири. СПб., 1817 г., с. 8.

гайками. По взятии крепости победители идут с торжеством: поют песни и кричат радостно. Отличившихся из них ведут вперед, а за ними пленников. Потом все отправляются пировать и всю ночь проводят в шумных забавах.

На северном конце России, именно в Архангельской губернии, сохранялся обычай отправления Масленицы, несколько сходствующий с римскими вакханалиями. В Италии поныне водят быка, обвешенного лентами, игрушками и обвитого цветами. На нем сидит мясник, представляющий Бахуса. В Архангельске совершалось почти то же. В пятницу мясники возили по городу быка на больших санях, в которые сами впрягались по несколько десятков. Здесь Масленица начинается с четверга. В этот день ездят по городу на больших санях с кораблем, который обвешивается флагами разноцветными и испещряется изображениями рыб, птиц, волков, медведей, тигров, лисиц, львов и пр., с разинутою пастью. На мачтах висят шкуры этих животных и чучела птиц и рыб. Замаскированные идут позади; музыка сопровождает общее веселье. Почетные жители, купцы, мещане и другие горожане одеваются в нарядное платье; некоторые из них являются в уродливых масках; за этой веселой толпою тянутся рядами экипажи, и все отправляются с поздравлением к начальнику города и другим почетным особам. После поздравления возвращаются домой пировать. В пятницу и субботу продолжается поезд, но с меньшей пышностью, и уже ездит каждый ремесленный цех со своими значками, наприм<ер>, рыболовы с изображениями рыб и других предметов, принадлежащих к их ремеслу; мастеровые со своими вывесками, а купцы с вывескою своих товаров, кто чем торгует. В воскресенье повторяется первый поезд. Все это действие называется *Масленица едет*. В эти дни также на санях катаются с гор, качаются на качелях и едят блины с икрою¹.

¹ В бытность мою в Париже я видел карнавал, который происходил очень шумно. Там он начинается в воскресенье и оканчивается во вторник. Для учебных заведений позволяется гулять целую неделю; почти то же самое право присвоили себе городские жители: балы, вечера, танцы и маскарады занимают их до излишества. В воскресенье мясники водят по улицам откормленного быка, который обвешивается погремушками, украшается раз-

По деревням не менее веселятся на Масленице. Наевшись блинов, ходят друг к другу с поздравлениями: женщины к женщинам, девушки к девушкам, старики к старикам, а молодые парни к тем и другим. Все они одеваются в нарядные одежды, особенно взрослые невесты. Старики, сидя в избе с гостями, разговаривают о своих домохозяйственных занятиях и запивают беседу чарой водки. На улице под окнами изб собираются девушки, взрослые и не взрослые в праздничных сарафанах и белых суконных шушунах (род полукафтання за колена); головы повязаны красными шерстяными платками, а шушунны подпоясаны шерстяными домашней работы поясами; ноги обуты в лапти, обвязанные цветными шнурками; зажиточные обуваются в сапоги и башмаки; косы переплетены лентами, более красными. Точно в таком уборе показываются тогда и молодухи, но с тою разницею, что они убирают голову повойниками, кичками и даже венцом. В губерниях Московской, Рязанской, Тамбовской и Пензенской мне случалось видеть, что в эти дни сами девушки надевают на голову повойники и кички, крытые позументом и вышитые шелками. На пение девушек собирается толпа парней, которые, подступая к ним, приветствуют их снятием шапки и потом становятся в кружок подле них. Тогда и песни раздаются веселее и дружнее, и пение часто

ноцветными лентами и кусками материй. На нем сидит мальчик, похожий более на Амура, нежели на Бахуса. Мясники в мифологических одеждах ведут за рога быка, за ними идет музыка и едет огромная колесница, которая битком набита здоровыми мясниками в разных положениях: иной держит дубину, представляя из себя Геркулеса; другой шатающегося Вакха, третий Силена, четвертый Сатира с козьими ногами и рогами и проч. На колеснице развеваются флаги; ее тащат весьма медленно несколько пар лошадей. Ряды экипажей с замаскированными лицами сопровождают это шествие, а тысячи народа замыкают его. На пространстве полуверсты тянутся еще новые экипажи с людьми в уродливых масках. Во вторник (*mardi gras*) водят быка ко двору короля, потом по домам знатных особ, министров, послов и богачей, но преимущественно к таким людям, коих уважают. В среду убивают быка и, разрезав на известное число кусков, рассылают их по тем домам, куда водили его. Прежде всего отсылают самый лучший кусок королю, который дарит за то несколько сот франков. Прочие особы также одаривают их. В последний день веселья Париж кипит толпами замаскированных, и это веселье продолжается далеко за полночь. На масленой и в течение всего поста продают в Париже окрашенные красным цветом яйца.

продолжается безумолчно несколько часов сряду. В то время с одного конца деревни в другой разъезжают на санях нарядные молодухи, которые на этот раз не забывают пригласить к себе девушек. Парни ездят за ними на особых санях, а иногда и девушки и парни вместе; после едут пожилые и старые, мужья и старики на отдельных санях, и все поют. Сани у зажиточных окрашены в разноцветные краски, со звоном на дуге и бубенчиками около лошади. Поезд продолжается до позднего вечера, который оканчивают у кого-либо из знакомых пиршеств. Поезда начинаются иногда с дальних деревень. Случалось видеть, что барыни и барышни катаются из деревни в деревню и потом отправляются вечером к соседу. В последний день Масленицы все ездят прощаться; песен не поют, за исключением девушек, которым позволено петь. Набожность в этот день доходит у многих до того, что они, встречая на улице знакомого и незнакомого, останавливаются и троекратными поклонами и слезными словами просят взаимного прощения. Один, напри^{ер}, говорит: «Прости меня, в чем я виноват или согрешил пред тобою». Другой отвечает: «Да простит тя Бог, и я прощаю» – потом целуются и расходятся. В прощальный день грех ссориться, и если кто напьется, нагрубит или нанесет кому-либо увечье, то на это не взыскивают, думая, что все должно прощать, не гневаться и *не серчать*: для того-то и настал прощальный день, и что в это время сам Бог прощает все прегрешения человеческие с тем, чтобы с наступлением поста покаяться и не грешили более. Многие из набожных становятся на проезжих дорогах на колени и молят проезжающих, чтобы они простили их.

По некоторым местам Малороссии было прежде в обыкновении с пением носить по улицам чучело; толпа детей сопровождала его криком и бросала в него снежные комки. Вечеру сходились на вареники. В других местах возили на санях Масленицу – деревянное изображение женщины с распущенными волосами и в пестрой одежде и потом бросали в воду или сжигали за городом в воскресенье. Ныне отправляется Масленица без всяких лицедейств. На улицах появляются тол-

пы людей в праздничных одеждах и забавляются катаньем по льду и с гор. Здесь не делают искусственных ледяных гор, а наливают на небольшие возвышения воду, которая замерзает и образует ледяные горы. Все зависит от местности. Дети строят себе снежные холмики и осаждают их: кто отличится из них на приступе, того одаривают орехами и пряниками. Катанье на санях и здесь в употреблении. Всю неделю столы бывают покрыты блинами и варениками, с утра до полуночи посещают друг друга и угощают взаимно. Почти никакого не готовят другого кушанья, кроме вареников. В субботу и воскресенье ходят прощаться без подарков. В России кумовья носят друг другу большие пряники и куски мыла.

СУЕВЕРНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В Малороссии считается за великий грех оставлять недоеденными блины и вареники, почему остатки этих яств отдают нищим и бедным. Есть дома, которые целую неделю кормят их. Если что остается к первому дню поста, то все выбрасывают собакам, а саму посуду вымывают начисто кипятком, чтобы нечистые духи не мучили их душу на том свете. Когда остается на зубах сыр, то думают, что черти будут выдергивать остатки его каждую ночь понемногу, пока весь не выдернут вместе с зубами: потому стараются выполаскивать рот как можно чище; другие встают ночью по несколько раз для совершения полосканья и этим самым мешают чертям выдергивать сыр. Господствует между суеверными еще предубеждение, что кто хочет приобрести дешевою ценою талисман, с коим можно являться повсюду и приобретать все, что пожелает душа, в таком случае надобно в последнее воскресенье на Масленице положить в рот кусок сыра во время полуночи и держать его три дня сряду, не вынимая изо рта и не позволяя чертям дотрагиваться до него. Кто совершит этот подвиг, тот счастливец в мире! Стоит ему пожелать, и все явится к его услугам. Золото ли, красавицы, и все, что вздумает, все будет в его власти. По народным преданиям известно, что самые удалые казаки про-

бовали достигнуть этого сверхъестественного счастья, но и им это не удавалось. Многие уверяют, что для успеха в том вперед надобно продать душу черту, но казак, правдивая душа, не ползет в ад прежде других.

Есть в России местами обыкновение, что в последний день, прощаясь друг с другом, ходят просить отпущения грехов у своих священников и потом отправляются к могилам родных и знакомых. В семействах не прежде ложатся спать, как примирившись друг с другом: дети испрашивают прощение у родителей, а слуги у господ. Сами господа не только не считают за стыд испросить прощение у своих слуг, но даже вменияют это в священный долг. Такой обычай повсеместен в России. В последний вечер сырной недели не должно ни разводить огня, ни зажигать свеч.

Пословица «Не все коту Масленица» произошла оттого, что после Масленицы наступает пост, а с ним вместе строго воздержанная жизнь. С первого дня поста многие не пьют даже воды, пока не отслушают утрени, не пьют чаю и не едят, не отслушав часов. Первые три дня ничего не варят: едят одно сухое, соленые огурцы, грибы, квашеную капусту, хрен да редьку и пр., и пр. С четверга варят из овощей кушанье без постного масла. В резкую противоположность примерному пощению вообще, к сожалению, можно представить людей, которые в течение всей первой недели не перестают ходить друг к другу, прощаться. Ничего не жаль для дружка! И как не порадоваться ему? Ну, похмелимся, брат, авось не пройдет ли головная боль. После первых рюмок друзья говорят: «Довольно. Надобно же выполоскать всякую дрянь!» Друзья, подумав, не ломая головы, признают это весьма здоровым и дают себе слово только полоскать рот, не более. Они полощут рот и удивляются: что бы это такое? Рот моется усердно, а дрянь не выплевывается! Когда порядочно наполоскаются, тогда, взявшись дружески рука за руку и поддерживая один другого, идут к своим знакомым тоже полоскать рот. Там полосканье превращается в круговую попойку и продолжается почти всю первую неделю поста. Не одни мужчины, но и женщины соревнуются с ними.

Такое постыдное обыкновение не прежде может быть истреблено, как с запрещением продажи водки по питейным домам, хотя на время великопостных дней.

БАННЫЕ ПРОВОДЫ

По окончании Масленицы народ стекается толпами в бани как бы для смыва с себя всех нечистот. Тогда парятся более обыкновенного; бани натапливаются жарче прежнего, и во время парки кричат: «Поддай пару после Масленицы!» Выпарившись хорошенько, требуют водки и пьют за здоровье Масленицы. Это делается для того, чтобы выпроводить честную Масленицу из бани.

Первый понедельник Великого поста в некоторых местах называется чистым понедельником. Тогда во многих городах поутру собираются кучами ребяташки, идут толпою к дому каждого хозяина с ухватами, кочергами, помелами, сковородами и кричат: «Мы Масленицу прокатали, святы вечера проиграли; мы рождествен пост пропряли. Свет, наша Масленица, дорогая! где ты ночь ночевала? Под кустом на дорожке. Ехали скоморошки, вырезали по прутичку, сделали по гудочку, и вы, гудушки, не гудите, и вы Масленицу не будити».

В Литве во время Масленицы запрягают необъезженных лошадей в сани и думают, что объезженные в это время бывают крепкими, здоровыми и не подвергаются никакому дурному глазу.

СЛОВАРЬ РЕДКИХ И СТАРИННЫХ СЛОВ

Аksamитный – бархатный.

Бату – хан Батый.

Баять (баить) – говорить, беседовать, рассказывать.

Бердо – род гребня для ткацкого станка.

Беседа – здесь: собеседник.

Бочи – бока.

Брашино – яство, пища, кушанье, еда.

Бука – мнимое пугало, которым пугали детей.

Бурмитское зерно – крупная жемчужина.

Векиша – лесной зверек; в Олонецкой губернии – сорока.

Вервица – ременные четки, по которым молились; ими же стегали ослушных.

Вертеп – здесь: ящик, с которым ходят на Святках, представляя события и обстоятельства рождения Иисуса Христа.

Взвар – отвар.

Воззвание – здесь: восклицания.

Волостель – лицо, возглавлявшее волость и осуществлявшее административные, судебные и финансовые функции в Русском государстве до середины XVI века.

Гарнец – мера сыпучих тел, особенно хлеба, $\frac{1}{64}$ четверти; деревянная или железная посуда в эту меру.

Глазет – парча с шелковой основой и гладкой серебристой или золотистой лицевой стороной.

Гривна – *Шейная гривна* – украшение; обруч, цепь или ожерелье, носимое на шее или на груди. Древнерусская гривна – крупный серебряный слиток или брусок, служивший денежной и весовой единицей в Древней Руси и на соседних с ней территориях.

Грядый – идущий, приближающийся, приходящий.

Гудка – струнный музыкальный инструмент.

Гуж – петля, кольцо, глухая привязь.

Дача – здесь: выдача, отдача, раздача.

Донце – нижняя часть какого-либо сосуда.

Дрочена – род яичницы, сбитой с молоком и мукой.

Ендова – широкий сосуд с носиком.

Епанча (от *тюрк.* *jaruga, jarunga* – плащ, бурка) – старинная русская одежда, длинный широкий мужской плащ без рукавов, часто из дорогой материи с украшениями. В петровской армии Е. являлась составной частью обмундирования (до появления шинелей). Е. делалась из сукна и нередко украшалась галуном, кружевами, шелковой строчкой или хрустальными пуговицами. Женская короткая шубка-безрукавка в XVIII–XIX вв. называлась «епанечкой».

Епитрахиль – одно из облачений священника, надеваемое под ризю.

Задворица – задний, скотный двор, хлева под общим навесом; место за двором.

Зазнобушка – тот или та, в кого влюблен.

Залавица – глухая лавка с подъемной крышкой. Залавочье – место под лавками в избе.

Запaska – крестьянская одежда из грубого сукна.

Зобанец – похлебка.

Исполать – хвала, слава.

Калита – подвесной карман.

Калья – блюдо русской кухни, похлебка на огуречном рассоле с огурцами. Существовали также рецепты кальи из мяса птицы (калья утиная, куриная, из тетеревов), вместо огуречного иногда использовался капустный рассол или смесь рассола с квасом. В пост готовили калью с рыбой и икрой.

Камка – шелковая китайская ткань с разводами.

Кика, кичка – женский головной убор, род повойника.

Китайчатый – сделанный из китайки, простой бумажной ткани.

Клечальная неделя – здесь: хмельная неделя.

Коло – хоровод у южных славян, круг.

Копыли – дровни; вставленная в санные полозья деревяшка.

Косник – лента, шнур или иное украшение, вплетаемое в косу.

Косяцетый – сделанный из деревянных косяков.

Коты – род обуви, полусапожки.

Кросно – крестьянский холст, новина, целый кусок.

Кружчаный – узорчатый.

Крупичатый – мелкозернистый.

Кулиш (кулеш) – каша-размазня.

Кунь, куня – плата за невесту, выходившую замуж в чужую вотчину.

Кут – угол, закуток, тупик.

Ластка (ласка) – небольшое хищное животное из семейства куньих.

Лихоманка – лихорадка.

Лития – молитвенное священнодействие, совершаемое вне храма или в его притворе; краткая молитва об упокоении душ усопших.

Мазуля – размазня.

Масака – темно-красный цвет, иссиня-малиновый.

Мед – здесь: старинный хмельной напиток.

Мехоноша – тот, кто носит мешок с подаяниями (обычно в обрядах).

Мыкольник – лукошко для початков, веретен.

Мусия – мозаика.

Насовка – рабочий сарафан, холщовый или крашеный; холщовая куртка для стряпни с рукавами; род фартука.

Наметка – здесь: женский головной убор; род головного покрывала, фаты.

Намисто (монисто) – монеты на шнурке, бусы, ожерелье.

Обара – опара, тесто.

Обарный – обварной.

Обьярь – старинная волнистая шелковая ткань.

Одонье – снопы, круглая кладь сена.

Онуча – часть обуви, обвертка на ногу вместо чулок, портянки.

Ораль – общее название орудий для вспашки.

Охлопок – пучок какого-либо волокнистого вещества.

Орать – пахать.

Паволока – дорогая привозная ткань, бумажная или шелковая.

Паля(е)ница – белый хлеб, булка, калач, пирог без начинки.

Панегирист – сочинитель похвального слова.

Папорок – малое крылышко, второй сустав крыла птицы.

Папошник (папушник) – печенье.

Панацей – лекарство у алхимиков, якобы помогающее от всех болезней.

Пиитика – поэтика, теория поэтического искусства.

Писаные лапти – расписные, цветные, пестрые, разукрашенные.

Плис – хлопчатобумажная ткань из грубой пряжи, с ворсом, похожим на бархатный.

Повсюдный – повсеместный.

Позорный – зрелищный.

Позумент – золотая, серебряная или иная тесьма из металла, золототканая лента.

Покут – кладбище, приют, укромное место.

Понева – юбка; плат, полотнище, покрывало.

Посконь – конопля.

Постничество – воздержание от скоромной пищи и суетных наслаждений.

Пошевни – широкие сани, розвальни.

Праца – сложенный петлею ремень, куда кладется камень, который мечут с большой силой, закружив пращу.

Приноровить – приладить, приверстать, пригнать впору.

Причет (причт) – клир, священно- и церковнослужители одного прихода.

Протазаничик – воин, вооруженный протазаном – рогатиной, широким копьем пешего войска, алебардой, бердышем.

Прядеюшка – пряха.

Рассошина – дерево с раздваивающимся стволом.

Рацея – проповедь, назидательная речь, длинное наставление, поучение.

Ризы – здесь: элемент украшения одежды.

Ристания – гимнастические упражнения, соревнования в беге, борьбе, конные и т. п.

Рудо-желтый – оранжевый.

Рыдван – колымага, большая карета.

Рябь окрошиван – название блюда: рябчик мелко порубленный.

Скудельница – кладбище, общее место погребения.

Скляница – бутылка, полуштоф.

Сопель – дудка, свирель.

Сорочинское (сарацинское) пиено – рис.

Спальник – придворный чин в Русском государстве в конце XV–XVII вв. *Спальники находились в подчинении постельничего.* Дежурили в комнате государя, раздевали и одевали его, сопровождали во время поездок. Придворный сан.

Спод – куча, круг.

Стогна – площадь, улица в городе.

Страва – пища, яство; жидкая похлебка.

Стразы – это кристаллы из стекла, обработанные по специальной технологии и имитирующие драгоценные камни.

Странноприимный дом – гостеприимный для странников.

Суженый(ая) – роковой, предназначенный судьбой; жених, невеста, будущие супруги.

Сухотка – болезненная худоба, истощение.

Сыта – распущенная медом вода, медовый взвар, разварной мед на воде.

Талан – счастье, удача.

Тенета – волоконце, тонкая нить, жилка.

Топаная капуста – особым образом квашенная.

Тризна – поминовение усопших.

Торока – оторочка, бахрома; ремешки позади седла для пристяжки.

Точить – здесь: трепать.

Тропы – слово или оборот речи, употребленные в переносном значении.

Тузлук (тюрк., от туз – соль) – раствор поваренной соли для посола пищевых продуктов (рыбы, икры, мяса), козевенного сырья и т. д.

Тупей (фр. toupet – пучок волос) – взбитый пучок волос на темени, принадлежность модной прически XVIII в.

Тюфяк – первый образец огнестрельного оружия в России. Первое упоминание о нем встречается в Никоновской летописи и относится к осаде Москвы Тохтамышем в 1382 г.

Тычина – прут, хворостина, колышек, лучина, воткнутая в землю.

Убрус, убрусец – плат, платок; фата; почетная ширинка, подносимая новобрачной на поклон.

Убрус – платок, полотнище, браное полотенце.

Фертик – франт, щеголек.

Фигуры – здесь: стилистические приемы, придающие речи особую выразительность.

Фряжский – чужеземный, иностранный.

Харатейный – старинный рукописный.

Хартии (лат. charta, от греч. χάρτης – бумага, грамота) – в Средние века и Новое время – название некоторых документов публично-правового характера. В Древней Руси этот термин служил названием некоторых документов, летописей (харатейные списки), а также дипломатических соглашений с другими государствами.

Чело – лоб.

Червец – насекомое кошинеель, дающее ярко-малиновую краску.

Чермный – багровый, темно-красный.

Четь – четверть.

«Четьи-минеи» («Чтения ежемесячные») – сборники житий святых, составленные по месяцам в соответствии с днями чествования церковью памяти каждого святого.

Чёботы – мужская и женская обувь, высокий башмак.

Чуплюк – женский головной убор, кокошник.

Швец – крестьянский портной.

Шелег – неходящая монетка, бляшка, используемая в играх или в украшениях.

Ширинка – здесь: короткое полотнище ткани во всю ширину, а также платок, полотенце, скатерть (обычно шитые).

Ширять – копать, рыться, ворошить, раскидывать, переворачивать.

Шлык – шапка, чепец, колпак; женский головной убор, повойник.

Штукарь – искусник, мастер, хитрый выдумщик.

Элоквенция – ораторское искусство, красноречие.

Эпитимья – духовная кара, церковное наказание.

Яхонт – рубин.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть четвертая

ЗАБАВЫ. ИГРЫ. ХОРОВОДЫ

ВСТУПЛЕНИЕ	5
I. ИГРЫ ДЕТСКИЕ.....	6
Сорока	7
Лошадка	9
Перегонка	9
Клёцки.....	10
Пень	10
Теребить нос	11
Ярка	11
Хлопание и хлопушка	12
Куклы	12
Голубь.....	13
Горобец	13
Волк и гуси	15
Серый волк	16
Мышка	18
Крыночка	18
Сучка.....	19
Клиок.....	20
Шнур	21
Веревочка.....	21
Бумажный змей	21
Рыбка.....	22
Тюзик	22
Орешек	23

Терять	24
Ласы	24
Снежные изображения	25
Волчок	25
II. ИГРЫ ДЕВИЧЕСКИЕ	26
Мак	26
Горелки	26
Лычки	28
Сижу-посижу	28
Без соли соль	29
Жмурки	29
Котики	30
Первенчики	31
Корабль с мельницей	31
Колечко	37
Камешки	38
Колышки	39
Кумки	40
Коза	41
Огарушек	43
Скачка на доске	43
Запуски	44
Чет и нечет	44
Обруч	45
Бирюльки	45
III. ИГРЫ МУЖЕСКИЕ	46
Мяч	46
Мяч об землю и об стену	48
Летучий мяч или волан	48
Воробьи	48
Пытка	49
Свайка	49
Ножик	51
Мушка	51
Чушки	52
Чиж или чирик	52

Кандалы	53
Шар или касло	54
Ветчинка	54
Бабки	55
Чеканчики или жожки	57
Альчик	57
Пыж	58
Скрагли	59
Скляп	59
Кегли	60
Скопердин	60
Цурка	60
Рай	61
Тычка	62
Чекарда	62
Городки	63
Крегли	64
Буй	65
Пристенок	68
Орлянка	68
Кости или зерна	69
Перетягивание веревкой	69
Гусек	70
Шахматы	70
Шашки	71
Ломка пряников	72
Борьба	72
Кулачный бой	73
IV. ИГРЫ ОБОЕГО ПОЛА	75
Ужище	75
Колючки	76
Жгут	76
Король (литовский)	77
Бружас	78
Медведь	78
Драгун	78

Венчик.....	79
Дергач.....	80
Король (малороссийский).....	81
Взвешивание соли	83
Кружок	83
Кончики	84
Ланта	84
Столбики.....	84
Коршун.....	85
Ворон.....	86
Редька	87
Веревочка.....	88
Яша	88
Рекрутский набор	89
Курилка	91
Игра именами.....	92
Игра в птиц.....	92
Воробей.....	93
Почта	93
Синоним.....	94
Кухня.....	94
Весь туалет	95
Кошки-мышки.....	96
Пошел рубль	96
Ох, болит!	96
Мост мостить	98
Азбука	99
Молчание	100
К чему бы употребили меня?	100
Чему уподобить.....	101
Прошколить.....	101
Вот моя корзина	101
Немой концерт	102
Осужденный.....	102
Птичий охотник	102
Перчаткой играть.....	103

Дорожные	103
Сочинитель.....	104
Нос	104
Заседание	105
Хорош, пригож, жениться хочу; или хороша, пригожа, замуж хочу	105
Соседи	106
Продажа места.....	107
Костыль.....	108
Цвет	109
Качели	109
Катание с гор и на санях	111
Карты.....	111
V. ВЕСЕННИЕ ХОРОВОДЫ	116
Значение хоровода	116
Созывание девушек в хоровод	121
Приглашение парней в хоровод	122
Садить хрен	123
Страсть девушек к забавам.....	124
Алая заря.....	125
Веночки, или Жених, ищущий невесту	126
Выбор невест	128
При долине соловей.....	130
Пташка на кусту.....	132
Казачок удалой.....	134
При дуброве во краях.....	135
Со пути, со города	137
Шляпа-мурманка	139
Яртынь-трава	140
Луг-лужочек	141
Около городу ходила я	143
Ясное золото	143
Оленьюшка	144
Дубовая лава.....	145
Пряха	147
Утеня	149

Царев, сын королев	150
Светлый князь	151
Храбрый князь	152
Сиротинушка	153
Сватовство	154
Жених по сердцу	155
Высматривающий невесту	158
Бориса женить	160
Тоска девушки	163
Подушечка	165
Тоска молодой женщины по своей родине	165
Красная девица	166
Дороговизна на девиц	167
Игры	169
Довольный своей женой муж	172
Сходбище	174
Посев льна	175
Никольщина	180
Бранье ягод	183
Байдан	186
VI. ЛЕТНИЕ ХОРОВОДЫ	188
Русая коса	188
Невеста	191
Сравнение новых родственников	193
Замуж	195
Любить не люблю, отказать не хочу	198
Подарок	201
Покорище девицы	202
Жених	205
Ковер	207
Замужняя жизнь	208
Женина любовь	211
Ревнивая жена	217
Ревнивый муж	219
Женин разлад	220

Старый муж и молодой муж.....	222
Вдова	228
Гуляй, гуляй	231
Разгульная жена	233
Молодецкий сын	235
Дон Иванович	236
Бурлаки	243
Заинька	245
Гуси	249
Синичка	250
Воробушек	251
Воробушки	256
Воложанин	258
Яшер	259
Селезень	261
Пиво варить	265
Мак растить	267
Просо сеять	271
Бранье льна	275
Плетень	277
Галка	281
Щитка	282
Горошек	283
Барское угощение	285
Вьюн и круг	286

Часть пятая

ПРОСТОНАРОДНЫЕ ОБРЯДЫ

I. ПЕРВОЕ МАРТА.....	299
II. ВСТРЕЧА ВЕСНЫ.....	300
Встреча весны	300
Веснянки	301
Марена или мара	303
Кличка весны	303

Встреча первого дождя	305
Первый гром	307
III. КРАСНАЯ ГОРКА	307
Красная горка	307
Обрядное приветствие Красной горки	308
Забавы и поминовение родных	309
Разное действие обрядов во время Красной горки	310
Вьюнишник	315
IV. РАДУНИЦА	318
Значение Радуницы	318
Отправление радуницких поминовений	319
V. ЗАПАШКА	322
Набожное содействие земледельца	322
Запашка	323
Помочи	323
Опашка	323
Посев	324
VI. КУКУШКА	325
Древнее верование в голоса животных	325
Мандрики и завивание венков	328
Крещение кукушек и кумованье	329
VII. КУПАЛО	334
Почитание огня и воды	334
Общее употребление огня	335
Очистительный огонь	339
Обряд празднования Купалы, общий между славянами	340
Поклонники небесных светил и огня	348
Купание и хороводные круги	349
Аграфена-купальница	350
Местное совершение купальских огней	352
Ивановская ночь	363
Свойство купальских и чародейных трав	363
Заключение	370

VIII. ЯРИЛО	371
Темные сведения о Яриле	371
Чествование Ярилы	372
IX. ОБЖИНКИ.....	375
Приношение первых плодов в храм	375
Зажинки в Белоруссии	376
Жатвенное угощение в русских и литовских зажинках	378
Причитания словаков на посев, созревание и снятие хлеба с полей	380
Жатвенные песни у сербов	387
Зажинки и обжинки в Малороссии	388
Обжинки в Черной и Червонной России.....	397
Пожинки и именинник.....	398
Госпожин день, осенины, овсяница, дежень и Спасов день	399
Дожинки и обжинки в России.....	401
Страда, или страдная пора	402
Помочь и другие ее названия	402
Уборка	406
Овин и овинные именины	406
X. БАБЬЕ ЛЕТО.....	407
Бабье лето	407
Семенов день	408
Пиво варить.....	409
Похороны мух и изгнание тараканов	410
XI. БРАТЧИНЫ.....	411
Значение братчин.....	411
Михайловская и Никольская братчины.....	412
Конон.....	413
Ссыпчины, Юровый <Юрьев> день, Никольщина и холки	414
Посиделки.....	416
Супретки и дожинки	429
Досвитки и вечерницы.....	430

*Часть шестая***ОБРЯДНЫЕ ПРАЗДНИКИ. НЕДЕЛЯ ВАИЙ. ПАСХА.
РУСАЛЬНАЯ НЕДЕЛЯ. СЕМИК. ТРОИЦЫН
ДЕНЬ. ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ. ПЕРВОЕ МАЯ**

I. ОБРЯДНЫЕ ПРАЗДНИКИ	441
Верование людей в верховное существо	441
Смещение праздников с языческими отправлениями ..	444
Царь-горох или царь-боб	451
Татьяна крещенская. 12 января	452
Ксения-полужимница или полухлебница. 24 января.....	452
Евдокия свистит. 1 марта	452
Герасим-грачевник. 4 марта	453
Сороки. 9 марта.....	453
Алексей Божий человек. 17 марта	454
Благовещение. 25 марта	455
Св. Антипий, целитель зубов. 11 апреля	456
Иоанн-воин, каратель воров. 18 апреля	457
Жены-мироносицы	458
Значение Георгия и его подвиг	459
Древние названия Георгия и обрядные отправления ..	460
Изменение Юрьевских обычаев.....	462
Юрьевы сроки и некоторые поверья	464
Св. Власий	466
Волос, божество	466
Св. Власий – земледельческий праздник.....	467
Опахивание	469
Иеремий-запрягальник. 1 мая	471
Мавра-рассадница. 3 мая	472
Св. Николай, хранитель от бед. 9 мая и 6 декабря	472
Никита, страж гусей. 28 мая	474
Феодосия-колосяница. 29 мая	475
Акилина-гречишница. 13 июня	475
Борис и Глеб, грозные. 24 июня	475
Петр-рыболов. 29 июня.....	476
Великомучен. Прокопий-жатвенник. 8 июля.....	477
Илья громоносный. 20 июля	477

Пантелеймон заживный. 27 июля	480
Архидиакон Стефан. 2 августа	480
Фекла-заревница. 24 сентября.....	481
Сергий, хранитель кур. 25 сентября.....	481
Божья Мать и Покров. 1 октября	481
Св. Пятница 28 октября	482
Симеон и Иуда. 28 октября.....	486
Анастасия, хранительница овец. 29 октября.....	486
Кузьма – Демьян, бессребреники. 1 ноября.....	487
Кузьминки.....	487
Екатерина-женодавец. 21 ноября	490
Василий Великий	491
Пророк Наум. 1 декабря.....	491
Спиридон, солнцеповорот. 12 декабря.....	491
Савватий и Зосима, хранители пчел	491
Царь Давид, укротитель гнева	492
Заключение.....	493
II. НЕДЕЛЯ ВАИЙ	495
Въезд Спасителя в Иерусалим	495
Древний обряд на Вербной неделе	496
Нынешняя Вербная неделя.....	501
Суеверные замечания.....	502
III. ПАСХА	503
Пасха в ветхозаветной церкви	503
Пасха в новозаветной церкви.....	504
Употребление крашенных яиц в древнее время и значение яйца между язычеством	505
Происхождение окрашенного яйца и его значение между христианами.....	506
Колокольный звон	507
Пасха и кулич.....	511
Приготовление к Светлому Воскресенью и суеверные замечания.....	511
Местное совершение Пасхи	516
Горы, качели	528

IV. РУСАЛЬНАЯ НЕДЕЛЯ	528
Верховное существо языческих народов	528
Водяные существа	529
Название русалок	532
Мнение в Малороссии о русалках	532
Малки, мавки и гречухи	533
Предохранительные травы	536
Телонии и прекрасные женщины, сходные с мавками	536
Огни днепровских русалок	536
Местопребывание русалок	537
Велик день русалок	539
Темные сведения о русалках в России; водяные и лешие	539
Русальн<ая> <неделя>	542
Изгнание и проводы русалок	543
V. СЕМИК	544
Старинное существование весенних забав	544
Приношение жертв на могилах	546
Семик	547
Значение венков	549
Обычай погребения и поминовения в семик	550
Изменение семика	551
Веночный хоровод	560
VI. ТРОИЦЫН ДЕНЬ	568
Знаменование зеленых ветвей и украшение зеленью	569
Украшение зеленью в России и других странах	569
Троицын день, в старину срочный день. А суббота Троицкая – поминальная	570
Завивание венков по разным местам	570
Окаменелый хоровод	589
Выбор невест в Летнем саду в Петербурге	589
VII. ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ	590
Первое апреля	590
Апрельский дурак и апрельская рыба	591
Первое апреля в России	591

VIII. ПЕРВОЕ МАЯ.....	592
Происхождение первого мая	592
Сечение мужей первого мая.....	594
Общее обыкновение майских забав	594
Изгнание чертей и ведьм и добывание огня.....	594
Майские собрания	595
Неизвестность майского гулянья между славянами.....	596
Кокуй в Москве и введение майского гулянья.....	597
Майские рекреации	598
Еремей-запрягальник	602

Часть седьмая
СВЯТКИ. МАСЛЕНИЦА

I. СВЯТКИ.....	603
1. Святочные обряды	603
Вступление	603
Празднество в честь зимнего поворота.....	604
Готские игры, перешедшие в святочные	604
Суеверные отправления.....	604
Календы	606
Праздник вольности, дураков и ослов	607
Значение рогов	608
Стремление уничтожить календские потехи.....	609
Коляда	610
Коляда у словаков.....	612
Коляда у богемцев и моравов.....	614
Бедай в Кроации и Далмации.....	615
Крачун у карпато-россов	615
Полажайник в Герцеговине	617
Бадний дань у черногорцев	618
Коляда в Черной и Червонной России.....	620
Коляда в России	622
Католические лепешки и печенные из теста изображения	622
Остаток язычества и приметы.....	623

Васильевская и Крещенская коляда	624
Значение Богоявленской воды	624
Славление Христа	627
Местное славление и колядки	628
Колядование малороссийское	647
Щедрики	655
Елка	659
Вообще о Новом годе	660
Старинный гражданский год с 1 сентября	661
Встреча Нового года в первое сентября	664
Новый год с 1700 года января первого	667
Обрядные действия в Новый год между славянами	670
Посыпание на Новый год	671
Овсен, старинный русский посыпальный обряд и разные названия его	672
Выхождение из обычая посыпать	684
Заключение о Новом годе	684
2. Святочные увеселения	685
Значение Святков у некоторых славянских племен	685
Значение Святков у русских	687
Время празднования Святков	689
Предмет святочных забав	689
Древность славянских гаданий и чародейство	690
Приглашение на Святки	691
Приезд девушек	693
Угощение	694
Вставание девушек	694
Гостинцы	695
Препровождение времени	696
Гости	697
Пение славы	700
Замужество с ровным	702
Девичье прошение	702
Исполнение желания молодых	703
Замужество	704
Замужество за милым	705

Суженый	705
Искание боярышни	706
Отрок с отрочицею	706
Потчевание	706
Исполнение желания	707
Отъезд	707
Будущая прибыль	707
Богатство	707
Замуж из-за денег	708
Замужество с дворянином	708
Замужество с чиновником	708
Свадьба	708
Девушкам замужество, а холостым женитьба	708
Замужество с богатым	709
Несчастье	709
Великое богатство и счастье	709
Забавы и расставания	709
3. Святочные гадания и переряживания	715
Подблюдное гадание	715
Золото хоронить	721
Местное отправление святочных вечеров	724
Смотреть в зеркало	757
Спрашивание чужого имени	760
Слушание под чужим окном и на перекрестке	760
Слушание под своим окном	761
Белое полотенце перед окном	761
Смотрение в окно во время ужина	761
Церковное пение	762
Выдернутое дерево из поленницы	762
Полоть снег	762
Гадание курицами и петухами	763
Курица и петух	765
Бросание башмаков	765
Банная примета	765
Хрюканье	766
Лошадь	766

Приметы: у мельницы, гумна и амбара	766
Снопы	767
Хлебные сусеки (засеки)	767
Ауканье	767
Снежные знаки	767
Приметы шапочные	768
Приметы по ложкам	768
Приметы по хлебным фигурам	768
Печеные хлебцы	769
Сученая нитка	769
Примета по скрипу дерева и столба	769
Примета по скрипу вереи	770
Гадание на коже и шкуре	770
Чесание волос	772
Чет и нечет	772
Бумажные шарики	772
Молодой вдовец	773
Счет кольев или: замуж, нет	773
Вол и баран	773
Овцы	773
Пугание воробьев	774
Об узнавании наперед своей участи	774
Березовая лучина	774
Узнавание имени жениха	775
Яичный белок	775
Клокотание воды	776
Кольцо, кусок хлеба и пук соломы	776
Перстень, хлеб, щетка и табак	776
Кусочки хлеба в окне	776
Ломание косточки, называемой «дуга»	777
Соломинка	777
Иглы	777
Бобы	778
Решето	779
Кофейная гуща	780
Гадание на картах	780
Четыре карточных короля	782

Три прутика из веника	783
Снятие сапога	783
Луковица с солью	783
Три ангела	784
Бросание монеты в воду	784
Кольцо в воде	784
Башмаки с золой	785
Кудель с пряжею	785
Суженый с водою	786
Мостик из прутиков	786
Квашня	786
Загадывание перед воскресеньем	786
Литье из разных веществ	787
Сжигание бумаги	789
Цветок из подвенечного убора	790
Снотолкование	790
Переход от верований к гаданиям	797
Значение слова «гадание»	800
Происхождение переряживания	800
Определение Стоглава об искоренении богопротивных и безнравственных обыкновений	804
Окрутники и опричники	805
Переряживание	808
II. МАСЛЕНИЦА	810
Разгульные дни, общие всем народам	810
Карнавал	811
Название Масленицы	811
Отправление Масленицы	812
Маскарад и санное катанье, данное Петром I	815
Разное отправление Масленицы	816
Суеверные замечания	831
Баннeе проводы	833
<i>Словарь редких и старинных слов</i>	<i>834</i>

Институт русской цивилизации создан для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 14 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей и ученых, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, руссофобии и расизма (вышло более 160 томов).

Редактор Л. К. Молотилова
Корректор Е. К. Гришина
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 29.05.2014 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 31,3 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЫПУСКАЕТ БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация (<i>вышел</i>)	Русская икона и религиозная живопись в двух томах (<i>вышли</i>)
Русское Православие в трех томах (<i>вышли</i>)	Русская архитектура и скульптура
Русское государство (<i>вышел</i>)	Русская живопись
Русский патриотизм (<i>вышел</i>)	Русский театр
Русское мировоззрение (<i>вышел</i>)	Русская музыка
Русский образ жизни (<i>вышел</i>)	Русская наука
Русская география	Русская школа
Русское хозяйство (<i>вышел</i>)	Русское воинство
Международные отношения	Памятники Отечества
Национальные отношения	Русские за рубежом
Русская литература (<i>вышел</i>)	Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
- Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
- Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
- Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
- Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
- Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
- Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
- Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
- Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
- Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
- Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
- Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
- Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
- Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
- Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
- Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
- Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
- Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
- Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
- Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
- Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
- Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
- Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
- Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
- Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
- Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
- Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
- Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
- Иван Грозный. Государь, 400 с.
- Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
- Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
- Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
- Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
- Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
- Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
- Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
- Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
- Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
- Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.

Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
Феофан Затворник. Добротолюбие, 752 с.
Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.
Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России, 640 с.
Пушкин А. С. Россия! встань и возвышайся!, 976 с.
Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление, 960 с.
Святитель Игнатий (Брянчанинов). Особенная судьба народа русского, 752 с.
Нилус С. А. Близ есть, при дверех, 576 с.
Кавелин К. Д. Государство и община, 1296 с.
Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики, 512 с.
Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости, 736 с.
Аскоченский В. И. За Русь Святую! 784 с.
Будилович А. С. Славянское единство, 784 с.
Повесть Временных Лет, 544 с.
Преп. Серафим Саровский. Стяжание Духа Святого, 480 с.
Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце, 704 с.
Магницкий М. Л. Православное просвещение, 528 с.
Домострой, 448 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

- Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. А. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.
Сенин А. А. Служить правде, 416 с.
Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.
Куняев С. Ю. Русский дом, 912 с.
Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России, 720 с.
Проханов А. А. Слово к народу, 896 с.
Хатюшин В. В. Вехи окаянных лет, 608 с.
Ганичев В. Н. О русском, 832 с.

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

- Максимов С. В. По Русской земле, 960 с.
Зеленин Д. К. Русская этнография, 672 с.
Коринфский А. А. Народная Русь, 944 с.
Сахаров И. П. Сказания русского народа в 2-х томах, т. 1 – 800 с.; т. 2 – 928 с.
Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах, 880 с.
Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси, 384 с.
Риттих А. Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование, 576 с.

Пассек В. В. Очерки России, 448 с.

Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, 1056 с.

Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях, 704 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.

Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.

Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.

Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.

Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.

Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.

Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.

Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.

Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.

Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.

Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.

Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.

Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.

Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.

Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.

Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.

Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.

Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.

Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.

Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.

Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.

Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.

Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.

Очерки истории русской иконы, 592 с.

Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.

Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.

Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.

Синодикъ, или Куликовская битва в лицах, 736 с.

Русский государственный календарь, 728 с.

Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.

Русская артель, 672 с.

Русская община, 1376 с.

Платонов О. А. Русский народ. История. Душа. Победы, 816 с.

Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.

Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века, 528 с.
Кикешев Н. И. Славянская идеология, 704 с.
Катасонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия, 656 с.
Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое, 416 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог царевубийства, 496 с.
Платонов О. История царевубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор царевубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.
Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.
Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.
Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Звенигородское шоссе, д. 4 (пав. «Детский мир на Пресне»), тел. 8(495)-788-41-48, podina@gw.ru), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)